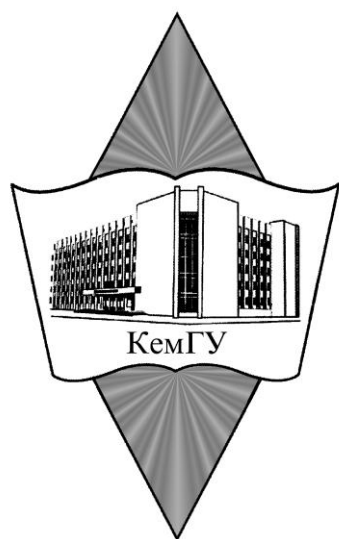

**КЕМЕРОВСКОГО
ГОСУДАРСТВЕННОГО
УНИВЕРСИТЕТА**

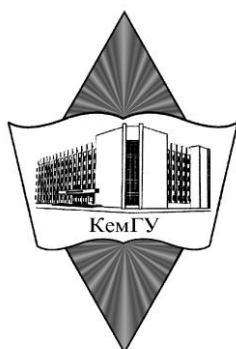

Выпуск 2 (34)

**OF KEMEROVO
STATE UNIVERSITY**

Issue 2 (34)

**КЕМЕРОВО
2008**

СОДЕРЖАНИЕ

Редакционная коллегия:

Невзоров Б. П., д-р пед. наук, профессор,
академик МАН ВШ (главный редактор);
Рябова М. И., канд. хим. наук, ст. науч. сотр.
(ответственный секретарь).

Члены редколлегии:

А. А. Араева, д-р филол. наук, профессор;
К. Е. Афанасьев, д-р физ.-мат. наук, профессор;
В. В. Бобров, д-р ист. наук, профессор;
В. А. Волчек, канд. ист. наук, доцент;
Н. Н. Данилов, д-р физ.-мат. наук, профессор;
В. В. Желтов, д-р филос. наук, профессор;
Э. М. Казин, д-р биол. наук, профессор;
Н. Э. Касаткина, д-р пед. наук, профессор;
Б. П. Невзоров, д-р пед. наук, профессор;
Е. А. Пименов, д-р филол. наук, профессор;
И. П. Поварич, д-р экон. наук, профессор;
А. С. Поплавной, д-р физ.-мат. наук, профессор;
М. И. Рябова, канд. хим. наук, доцент;
Б. А. Сечкарёв, д-р хим. наук, профессор;
В. П. Щенников, д-р филос. наук, профессор;
Н. А. Юркевич, канд. юрид. наук, доцент;
М. С. Яницкий, д-р. психол. наук, профессор.

Ответственные за выпуск:

Б. П. Невзоров, д-р пед. наук, профессор,
первый проректор КемГУ;
М. И. Рябова, канд. хим. наук, зав. отделом
аспирантуры и докторантуры КемГУ.

Редактор выпуска – З. А. Кунашева.
Компьютерная верстка – В. А. Шерина.

ИСТОРИЯ

- Агафонова Е. Е., Костромина Н. Г. Деятельность НДПГ как причина ее популярности 7
- Арапина С. В., Пфетцер С. А. Мораторий на ДОВСЕ как продолжение «мюнхенской речи» В. В. Путина 12
- Батурин А. П., Кузьмин В. В. Отражение семейно-брачных отношений в «Декамероне» Джованни Боккаччо 15
- Батурин А. П., Полищук Н. Д. Рыцарский идеал женщины и любви в куртуазной культуре западно-европейского средневековья 16
- Блинов А. В., Голикова О. А. Деятельность томской дирекции народных училищ в конце XIX – начале XX вв. 21
- Бурганова В. Н., Дрюпина Е. К. Устройство и функции замка в средневековой литературе X–XIV вв. 24
- Бурганова В. Н., Кос В. В. Образ пира в рыцарской литературе средневековья 26
- Васютин С. А., Бервинова Р. Ю. Сакрализация королевской власти у кельтов 29
- Васютин С. А., Кабурнеев И. А. Меч в североевропейской культуре VIII – XI вв. 32
- Васютин С. А., Мкртчян А. М. Повседневная жизнь городской семьи в эпоху Сегуната Токугава по литературным источникам XVII–XVIII вв. 35
- Кустова Н. Ф., Рябоконь Е. С. Основные тенденции развития социальной сферы села в 1965-1984 гг. (на материалах Промышленновского района Кемеровской области) 39
- Кустова Н. Ф., Фишева А. А. Развитие системы вечернего образования в Кузбассе в 1940-1950-е годы (на примере ШРМ и Кемеровской областной заочной средней школы) 45
- Михайлов Ю. И., Тимофеева М. А. Теоретические аспекты изучения бытовой культуры 50

МАТЕМАТИКА

- Захаров Ю. Н., Полторацкая Е. В. Дифракция волн в закрытых бухтах 57
- Смоленцев Н. К., Коровин Е. Н. Левоинвариантные псевдокелеровы структуры на нильпотентной группе Ли типа M3 61

ПОЛИТИЧЕСКИЕ НАУКИ И СОЦИОЛОГИЯ

- Илев С. В., Мельникова И. С. Основные подходы к определению понятия «легитимность власти» 66
- Садовая П. А., Садовой А. Н. Немецко-русские связи в социологии 70

**Журнал теоретических
и прикладных исследований**

Печатается по решению научно-методического и редакционно-издательского советов ГОУ ВПО «Кемеровский государственный университет». Выходит 1 раз в квартал.

Ни одна из частей журнала либо издание в целом не могут быть перепечатаны без письменного разрешения авторов или издателя.

Адрес редакции: 650043, ул. Красная 6, к. 213, редакция журнала «Вестник Кемеровского государственного университета».
Телефон: (3842)58-13-01,
факс (3842)58-38-85,
E-mail: nevzorov@kemsu.ru

Журнал зарегистрирован в Сибирском окружном межрегиональном территориальном управлении Министерства РФ по делам печати, телерадиовещания и средств массовых коммуникаций.

Регистрационный номер ПИ 12-2098

Со второго полугодия 2004 г. на «Вестник КемГУ» открыта подписка. Подписной индекс 51944.

ISBN 978-5-8353-0882-8

© ГОУ ВПО «Кемеровский государственный университет», 2008.

Подписано к печати _____

Формат А 4.

Печать офсетная.

Бумага Sveto Copy.

Усл. печ. л. – 31, 1.

Уч.- изд. л. – 27, 7.

Тираж 500 экз.

Заказ № _____

Отпечатано в ООО «ИНТ».

650003, Кемерово,

пр. Химиков, 43^а.

ФИЗИКА

- Басалаев Ю. М., Маринова С. А.* Электронное строение кристаллов $A^{IV}X^{VI}_2$ со структурой халькопирита 73
- Звиденцова Н. С., Подлегаева Л. Н., Гончарова К. А., Демьянова Е. О.* Получение ультрадисперсных частиц серебра и золота методом химического осаждения 77
- Силинин А. В., Филиппов Р. И.* Алгоритм выделения подрешеток в кристаллах произвольной сингонии 79

ФИЗКУЛЬТУРА И СПОРТ

- Жуков Р. С., Дмитриев Д. М., Волков А. Н.* Биомеханический анализ стартового прыжка в плавании вольным стилем с использованием эффекта кавитации 82
- Сапего А. В., Лаврентьев Н. А.* Прогнозирование оценки состояния организма спортсмена при адаптации к мышечной деятельности в условиях среднегорья 87

ФИЛОЛОГИЯ

- Андреева Р. Ф., Агеева А. М.* Гендерные характеристики зоометафор в газетно-публицистическом дискурсе 90
- Андреева Р. Ф., Омеличкина Е. О.* Концепт «пространство» в художественном дискурсе романа М. Бютора «Изменение» 93
- Антипов А. Г., Штифель Е. А.* О так называемых подонках 98
- Айцеулова И. В., Землянухина В. А.* Художественная картина мира и образ семьи в современной русской беллетристике (на примере малой прозы Л. Улицкой и повести Ю. Лаврышиной) 101
- Айцеулова И. В., Иванова О. Н.* Поэтика повести М. С. Харитоновой «Прохор Меньшутин» 106
- Бякова С. В., Баширева А. Л.* Особенности передачи рекламных образов в процессе перевода 110
- Бугаец А. А., Обелюнас Н. В.* Проблема интерпретации факта и обоснования мнения в журналистском произведении (на примере материалов газеты «Известия», журнала «Русский репортёр» и Интернет-сайта «Кеминфо») 112
- Голев Н. Д., Отрубейникова И. С.* Суггестивные свойства псевдонаучных текстов, рекламирующих лекарственные препараты и БАДы 117
- Денисова Э. С., Немцева Е. В.* Стратегии идентификации нового слова (на материале свободного ассоциативного эксперимента) 120
- Еременко Л. И., Алтухова Т. В.* Миф о любви в повести Алексея Ремизова «Петр и Феврония Муромские» 126
- Борискина С. Д., Желудкова Е. Г.* Средства речевого воздействия в текстах рэпа (на материале французского языка) 130
- Ким Л. Г., Кузнецова А. С.* Амфиболический потенциал высказывания и факторы, определяющие его реализацию (на материале газеты «Аргументы и факты») 132
- Кишина Е. В., Спицына В. А.* Ассоциативно-семантическое поле как основа реконструкции концептов «Жизнь», «Смерть» в рок-текстах 137
- Колегаева А. В., Бедь М.* Функционирование речевого жанра «поздравление» в политическом дискурсе 140
- Колегаева А. В., О. Берендеева.* Особенности реализации языковых средств в кинематографическом дискурсе 144
- Лебедева Н. Б., Казанцева И. В.* Жанр «заметки на полях»: сопоставительный анализ 146
- Маринова Е. Д., Евдокимова А. А.* Эмоциональный концепт joy (радость): структура и способы объективации 150

<i>Омеличкина С. В., Шелеметева Д. А.</i> Специфика использования прецедентных феноменов в заголовках материалов прессы	153
<i>Палачева В. В., Флегентова Т. Н.</i> «Испытание крестом»: крест как «визуальный знак» в романах Ф. М. Достоевского («Преступление и наказание», «Идиот», «Подросток»)	159
<i>Палачева В. В., Шмакова М. Н.</i> Родильный обряд в лирике С. А. Есенина	164
<i>Прохорова Л. П., Аникеева Е. С.</i> Визуальная поэзия как особый жанр	169
<i>Рабенко Т. Г., Черепанова Е. А.</i> Жанры приветствия и прощания в речи студентов	174
<i>Ростова А. Н., Кузнецова Т. Ю.</i> Диалектика «общего» и «индивидуального» в обыденных толкованиях лексического значения	180
<i>Рябова М. Ю., Головаш Л. Б.</i> Тактика повторов и переспросов как прием стратегии уклонения от прямого ответа	183
<i>Стеванович С. В., Раевская Е. А.</i> Нормативные представления о социальной роли женщины в русской культуре	188
<i>Стеванович С. В., Чуева Е. Н.</i> Особенности репрезентации концепта «свобода» (на материале текстов русских рок-групп)	193
<i>Тиунова С. П., Рабкина Н. В.</i> Аудиовизуальная картина войны (на материале англоязычной военной поэзии)	196
<i>Ходанен Л. А., Озерова А. В.</i> Мотив дороги в лирике А. С. Пушкина 1820-1830-х годов	202
<i>Шапилова Н. И., Нуреева К. А.</i> Эмоционально-экспрессивная глагольная лексика в художественном дискурсе В. П. Астафьева	206

ХИМИЯ

<i>Алукер Н. Л., Комарова Я. М.</i> Методика датирования археологической керамики с использованием термолюминесцентного анализа	211
<i>Алукер Н. Л., Винникова Е. А.</i> Изучение оптических характеристик анионодефектного корунда	214
<i>Алукер Э. Д., Кречетов А. Г., Митрофанов А. Ю., Пашнекин А. С., Артамонов Г. В.</i> Предвзрывная эмиссия электронов в азиде серебра	219
<i>Кагакин Е. И., Лапсина П. В., Додонов В. Г.</i> Формирование структуры металлического серебра в процессе электрохимического восстановления микрокристаллов AgHal	224
<i>Ткаченко Т. Б., Степанова Е. Ю.</i> Исследование взаимодействия солей 1-антрахинонилдiazония с фенилацетиленом и стиролом	227
<i>Шрайбман Г. Н., Солдатова А. С., Дягилева Е. П.</i> Фотоллиз кристаллогидрата нитрата магния	231

ЭКОНОМИКА

<i>Апарина Н. Ф., Черепанова В. А.</i> Трудоустройство молодежи: социологический аспект	235
<i>Курбатова М. В., Кислицын Д. В.</i> Интегрированная бизнес-группа как основная форма существования российского крупного бизнеса	238
<i>Авторы выпуска</i>	245
<i>Правила оформления статей в «Вестник КемГУ»</i>	249

Специальный выпуск Вестника КемГУ**«Образование, наука, инновации – вклад молодых исследователей»**

В апреле 2008 года в стенах университета прошли традиционные Дни науки, в рамках этих дней состоялась научно-практическая конференция студентов, аспирантов и молодых ученых. III (XXXV) Международная научная конференция студентов, аспирантов и молодых ученых «Образование, наука, инновации – вклад молодых исследователей» прошла по 95 секциям и подсекциям, в ее работе приняли участие свыше 2000 студентов, было заслушано более 900 докладов, из которых 285 были отмечены дипломами, грамотами и ценными подарками.

В течение последних трех лет оргкомитет конференции проводил работу по организационно-методическому совершенствованию ее проведения. Начиная с 2006 года, конференция поменяла свой формат и приобрела статус Международной с предоставлением заочного участия – давая возможность принять участие в работе конференции иностранным студентам, приезжающим по программам обмена и обучающимся в КемГУ. В 2007 году заработал режим электронной регистрации на сайте конференций университета, что позволило расширить географию участников и параллельно предоставило возможность студентам освоить на практике работу с электронными формами регистрации в Интернете. В 2008 году, с целью совершенствования навыков молодых исследователей по представлению результатов их изысканий, решением оргкомитета конференции студентам, представившим лучшие доклады, было рекомендовано подготовить в соавторстве с научным руководителем статьи для публикации в Вестнике КемГУ.

В данном специальном выпуске представлены труды студентов, аспирантов, молодых ученых по результатам научно-исследовательских работ, посвященных актуальным вопросам в области исторических, психолого-педагогических, социально-политических, филологических, экономических, математических, физико-химических наук.

И С Т О Р И Я

УДК 329(430)НДПГ(091)

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ НДПГ КАК ПРИЧИНА ЕЕ ПОПУЛЯРНОСТИ

Е. Е. Агафонова, Н. Г. Костромина

События на последних выборах в Германии показывают, что проблема нового фашизма снова становится актуальной.

Если в современной России правозэкстремистские группировки чаще всего полуподпольные и не имеют реальной власти, то в Германии новый фашизм пропагандируется легально действующей Национал-демократической партией Германии (Die Nationaldemokratische Partei Deutschlands (NPD)). Проблема в Германии стоит тем более остро, так как, несмотря на успешное развитие экономики и социальной сферы, а также мощной правовой системы, фашистские идеи приобретают все большую популярность. Правозэкстремистская НДПГ получила неожиданно высокие проценты на выборах в ландтаги и с ее требованиями согласен все больший процент населения.

Новый фашизм вышел из периода стагнации и занял нишу активных оппозиционных партий. Их неприкрытое противостояние власти и эпатажные высказывания привлекают тех, кого не устраивает политика германского правительства.

Авторы данной статьи делают попытку разобраться в причинах взлета популярности НДПГ и ее успеха.

Данная тема пока слабо освещена в русскоязычной исследовательской литературе. Среди имеющихся исследований на эту тему можно особо выделить книги: Н. С. Черкасов «Германия: фашизм, неофашизм и молодежь» [16], Р. Опитц «Фашизм и неофашизм» [14], В. Випперман «Европейский фашизм в сравнении 1922-1982» [13], однако их работы были изданы в начале 90-х годов XX века и поэтому не содержат анализа современной ситуации в Германии. Также стоит отметить статью П. Ю. Рахшмира «Фашизм: вчера, сегодня, завтра» [15]. С начала 90-х годов XX века деятельность НДПГ изменилась, стала более разноплановой, появились новые средства привлечения сторонников.

В наше время деятельность НДПГ широко представлена в Интернете и материалах СМИ. Особый интерес вызывает официальный сайт партии. Большая часть информации была получена из этого источника.

Национал-демократическая партия Германии была основана 28 ноября 1964 г. в Ганновере. Партия собрала в своих рядах разрозненные, в том числе запрещенные, националистические группы крайне правого толка. В нее перешли члены Немецкой партии, Немецкой имперской партии, Общегерманской партии, Блока изгнанников родины и лишенных прав [12].

Политический вестником НДПГ с 1965 по 1973 гг. была еженедельная газета «Немецкие новости»

(«Deutsche Nachrichten»). Наряду с этим существовала уже как нерегулярно появляющаяся рекламная листовка «Немецкий курьер» («Deutschen Kurier»), которая в 1974 – 1975 гг. была ежемесячным печатным органом НДП. Собственной ежемесячной газетой «Немецкий голос» НДП владеет только с 1976 г. [12].

Таким образом, НДПГ явилась прямым продолжателем дела НСДАП. Несмотря на откровенно правый курс, партия сразу получила большое количество сторонников.

Уже в 1966-1969 годах партия добилась заметных успехов в ряде западных земель – Баварии, Баден-Вюртемберге, Нижней Саксонии, Гессене, получив на выборах в ландтаги до 10 % голосов избирателей и проводя своих депутатов в 7 земельных парламентах. В 1969 году в НДПГ насчитывалось до 30 тысяч членов [12].

В 1970-е и 1980-е годы партия переживала упадок. Ее бывший лидер Гюнтер Деккерт был осужден за политическое подстрекательство к массовым противоправным действиям, и НДПГ оказалась на грани распада [8].

С 1996 года партию возглавляет председатель ее баварской организации Удо Фойгт [12], взявший курс на еще большее сближение с явными неонацистами. Благодаря своим лидерским качествам Фойгт сумел вдохнуть в партию новую жизнь. Партия и сегодня успешно ведет свою деятельность и в 2002 году набрала определенный процент голосов на выборах, что позволило ей пройти в ландтаги.

Сейчас происходит процесс консолидации сил и новый рост популярности НДПГ. Так, на земельных выборах 2002 года в Саксонии НДПГ получила 9,2 % голосов (по сравнению с 0,9 % на выборах 1999 года) и 12 мест в ландтаге [6]. 18 сентября 2006 года на выборах в земле Мекленбург-Передняя Померания НДПГ набрала 7,3 % голосов и, преодолев пятипроцентный порог, также прошла в ландтаг [4]. По оценке немецких СМИ, до 15 % молодых людей в возрасте от 18 до 24 лет поддерживают НДПГ. Среди лиц в возрасте от 25 до 34 лет сторонников неонацистов также немало – 12 % [10].

Как следствие, возникает вопрос – чем привлекает правозэкстремистская партия? Секрет популярности НДПГ связан с несколькими факторами, один из которых – политическая программа НДПГ. Она охватывает многие сферы жизнедеятельности общества и в своих тезисах выглядит довольно привлекательно для определенной части населения.

Программой основой до 1967 г. был «Манифест НДПГ» («Manifest der NPD»), который на третьем Федеральном съезде партии в 1967 г. в

Ганновере стал программой НДПГ. Эта программа была дописана на седьмом съезде партии в 1973 г. в Дюссельдорфе. Она была модифицирована на 10 съезде в 1976 г. во Франкфурте и действует до настоящего времени [12].

В 1975 г. национальные демократы подали на Федеральное министерство внутренних дел жалобу в Федеральный конституционный суд против ежегодно появляющегося сообщения Федерального ведомства для мероприятия по охране конституции о НДПГ, как о партии, противоречащей конституции. Решением суда было установлено, что программа партии не противоречит конституции.

Программа НДПГ состоит из 15 пунктов. Начинается программа патетическим вступлением, в котором говорится: «Мы ... выступаем против господства иностранцев и законов, направленных на мигрантов, против усиления иностранного влияния, эксплуатации и угнетения, за немецкую свободу, за свободу народов, за социальные преобразования в Германии» [12].

Политическая программа НДПГ отвечает требованиям современности и охватывает широкие области общественной жизни. Но стоит отметить, что во многом эта программа перекликается с 25 пунктами Гитлера, хотя и в завуалированной форме.

Первый пункт программы содержит требования сохранения и обеспечения национальной идентичности. «Народы являются носителями культуры... единое общество не развивает никакую культуру, но в лучшем случае это цивилизация, которая признает высшей ценностью материальные блага. «Мультикультурные» общества являются в действительности культурно слабыми обществами. Разнообразие народов должно остаться... Политической формой организации народа должно быть национальное государство. Германия является страной немцев и Родиной нашего народа. Сохранение нашего народа и его защита являются высшими целями немецкой политики».

Как и классический немецкий фашизм, неофашизм признает большую роль семьи и культ матери. Согласно пункту 2 политической программы: «Семья является носителем биологической наследственности. Детское пособие как часть социальной политики государства должно выплачиваться только немецким семьям». Этот пункт можно соотнести с пунктом 4 программы НСДАП: «Только тот, кто принадлежит к немецкой расе, может быть гражданином; только тот принадлежит к немецкой расе, в чьих венах течет немецкая кровь». По мнению неофашистов, матери не должны работать, но должны получать зарплату за воспитание детей. То есть материнство фактически приравнено к профессии.

«Услуги женщин в восстановлении нашей страны после 1945 нужно ценить» – говорится в программе.

В пункте 5 обозначено, что «каждый немец имеет право на работу. Сначала рабочие места должны предоставляться немцам». Этот пункт особенно важен при привлечении безработных и националистически настроенных граждан Германии. Пункт 5 –

явная отсылка к идеологии классического фашизма и в своей основе имеет пункт 7 программы НСДАП: «Мы требуем, чтобы государство взяло на себя обязательство в первую очередь заботиться о заработке и пропитании граждан. Если невозможно прокормить все население государства, необходимо выслать из империи представителей других наций».

НДПГ призывает отказаться от глобализации, так как «это приводит к безработице среди немцев». Также она выступает за сохранение немецкой марки как национальной валюты (п. 6). Одно из основных требований – восстановление Германии в ее исторических границах. Неонацисты открыто требуют ревизии послевоенного передела границ, а также выхода Германии из НАТО (п. 10, 15) – это соответствует пункту 3 НСДАП: «Мы требуем земли и территории для существования нашего народа и для колонизации их нашим избыточным населением». НДПГ – единственная партия, так открыто пропагандирующая реваншизм.

Из интервью Фойгта «Время новостей»: «Мы стремимся воссоздать Германию в ее исторических границах. По международному праву мы решим вопрос возврата занятой в результате войны территории с помощью всенародного голосования. Но не того народа, который там живет сейчас, а того народа, который там жил до отчуждения территорий. Я много ездил по бывшим немецким территориям в Польше. Много говорил с поляками. Поляки говорили, что если завтра у немцев будет референдум и будет решено вернуть эти земли, то поляки, живущие на этих отнятых у немцев землях, с удовольствием войдут в состав Германии, так как экономические условия будут лучше».

На вооружении НДПГ стоит и модный нынче в Европе лозунг о защите окружающей среды (п. 12).

Явный национализм присутствует в пункте 7, где говорится о том, что иностранцы должны быть выведены из сферы социальной политики и социального страхования.

Особо стоит выделить пункт 8, целиком посвященный проблеме иностранцев: «Германия должна снова быть немецкой. В новое время в Германию устремились миллионы иностранцев. В многочисленных городах образуются гетто, в которых немецкое население является меньшинством в собственной стране. Жизнь в этих жилых кварталах... невыносима. По отношению к немецким служащим там всегда настроены враждебно. Это причиняет все больший вред внутреннему миру страны».

По мнению неонацистов, нужно «заканчивать с политической интеграции». Фактически, здесь слышится лозунг: «Германия – для немцев!».

«Мы, национал-демократы, требуем отмены так называемых «Параграфов убежища» (§ 16а Конституции)». Миграционное законодательство Германии вело не только к злоупотреблениям в невообразимых размерах, но и к миллиардным расходам государства». По мнению сторонников НДПГ, миграционное законодательство следует ужесточить.

Этот пункт следует признать самым «действенным» и остросоциальным пунктом программы.

Германия действительно имеет огромные проблемы с мигрантами мягким законодательством в их отношении и засильем дешевой рабочей силы. Правительство признает, что в Германии слишком много иностранцев и на них тратятся колоссальные суммы денег. НДПГ выгодно использует эти факты в играх на чувствах простых немцев.

По этому поводу в интервью Удо Фойгт отметил, что НДПГ представляет интересы всех немцев и в первую очередь – социально слабых. По мнению лидера НДПГ, социал-демократы и профсоюзы выражают интересы иностранцев, а не интересы немецкого рабочего. «Предприниматели, – говорит Фойгт, – должны нести социальную ответственность только перед своим народом, а не перед акционерами. Каждый предприниматель, который нанимает иностранных работников, должен платить государству повышенные взносы – сбор за возвращение иностранцев на родину. Иностранные работники в Германии должны стоить дороже немецких. Далее: социальные выплаты положены только немцам. Если иностранцы перестанут получать поддержку государства, им ничего другого не останется, как поискать другие страны или вернуться к себе домой. Из-за иностранных рабочих немцы не могут найти работу». Такие высказывания влияют на безработных и помогают направить их агрессию в «нужное» русло.

В своей предвыборной агитации НДПГ делала акцент на антигерманскую политику как бывшего правящего блока ХДС/ХСС с Гельмутом Колем во главе, за время правления которого число проживающих в Германии иностранцев удвоилось, так и ныне правящей партии социал-демократов. НДПГ – единственная партия, которая открыто призывает не только ограничить приток иностранцев в страну, но и начать немедленное выселение новых граждан на их историческую родину. Для реализации этого плана ими был выработан ещё в сентябре 2001 года план, состоящий из 5 пунктов:

- принятие национального закона о защите рабочих мест (биржи труда должны предоставлять ограниченное число рабочих мест иностранцам лишь в том случае, если нет немецких специалистов той же квалификации);
- немедленное исключение проживающих в Германии иностранцев из немецкой системы государственного социального и пенсионного страхования;
- неукоснительное исполнение закона об иностранных гражданах, в котором предусматривается депортация безработных иностранцев после трех месяцев проживания в стране;
- запрет на приобретение иностранцами земельной собственности в Германии: уже приобретённую недвижимость и землю предлагалось вернуть в собственность государства;
- отмена параграфа о предоставлении политического убежища так называемым беженцам и немедленное выселение уже проживающих в стране политических эмигрантов [5].

Многие немцы, особенно молодые и безработные, считают, что НДПГ могла бы решить проблему мигрантов и именно поэтому являются ее сторонниками. Также под «прицел» НДПГ попадают антиглобалисты и те, кто хочет отомстить правительству за слабость и бездействие.

Сохранив и тщательно заретушировав юдофобию, неонацисты пополнили идейный багаж ксенофобией более общего характера: в группу риска входят теперь не только турки, с обширной диаспорой которых немцы мирились, памятуя о многочисленных и кровавых жертвах широкомасштабного геноцида, организованного национал-социалистами, но и китайцы, русские, сербы, не говоря уже о выходцах с «черного континента».

Активисты партии и «сочувствующие» периодически совершают на них нападения.

«Нам нечего скрывать. Наше оружие в освободительной борьбе — это правдивое слово. Наша сила — любовь к немецкому народу. Наша цель — восстановление германского рейха для защиты и отпора врагам немецкого народа» — такие заявления типичны для национал-демократов [5].

В целом следует отметить общие черты программ НДПГ и НСДАП:

1. Упор на национальную политику, отказ от интеграции.
2. Использование популистских лозунгов, высказываний.
3. Агрессия по отношению к иностранцам и ксенофобия.
4. Направленность в первую очередь на молодое поколение.
5. Реваншизм.

Программа короткая, емкая, написана очень патетическим языком. Неофашисты представляются спасителями и единственными, кто заботится о родном народе. Образные высказывания, игра на патриотических чувствах и чувстве национальной гордости — это приемы, которыми неофашисты владеют в совершенстве. По прочтении складывается чувство, что те, кто входит в НДПГ, не такие плохие, как их представляют в СМИ. Они — «нормальные ребята», которые просто очень любят свою родину. Возможно, мнимая безобидность — самая страшная опасность этой программы.

Но программа партии — это одно, а ее реальные дела — совсем другое. НДПГ известна скандальными и эпатажными заявлениями, силовыми акциями, угрозами. Они не скрывают своих симпатий к НСДАП и Гитлеру, жестким методам борьбы, отказу от всего ненемецкого.

Стоит отметить и другие факторы, влияющие на популярность НДПГ. Существенны изменения в пропагандистской тактике. Сам образ нынешнего фашиста разительно изменился. Теперь это не полупьяный бритоголовый хулиган в армейских ботинках и военной форме, — это респектабельный молодой человек в дорогом костюме, с высшим образованием, с грамотной речью, которая ничем не противоречит Конституции. Суть происходящих процессов точно выразил потсдамский политолог

Йо хен Францке, сказав, что «правые изменили стратегию – от идеи завоевать улицу они перешли к идее завоевать парламент» [3].

Прежде всего, германские неонацисты в подавляющем большинстве отказались от принятия национал-социалистической идеологии в ее первоизданном виде и слепого подражания НСДАП: нацистская символика и атрибутика не используется, шествия и демонстрации проводятся после получения официальных разрешений со стороны властей.

За откровенно фашистские высказывания в Германии можно попасть под суд, поэтому лозунги типа «Рабочие места для немцев!», «Возродить чистоту Рейха!», «Индейцы не противостояли притоку иностранцев и теперь живут в резервациях!» используются в основном на «пивных сборищах» [3].

А для «широкого потребления» неонацисты выдают совсем другой «продукт». Делая ставку на молодой электорат (18 – 35 лет), современные поборники расовой чистоты практикуют пропаганду своих идей посредством организации рок-концертов и использования широчайших возможностей глобальной компьютерной сети. Направления идеологического экспорта выбраны чрезвычайно удачно, ибо время факельных шествий, многотысячных митингов, сжигания «вредоносной» литературы, изнурительной военной муштры безвозвратно ушло.

Молодое поколение нуждается в так называемом универсальном синтетическом продукте, то есть одновременном получении сразу нескольких требуемых вещей (эмоций) – музыки, ощущения общности, концентрации и выплеска агрессии, образа национальных врагов и т. д. Идеологи новых фашистов отлично это понимают, поэтому стараются использовать самые низменные чувства населения, а в особенности – его маргинальных слоев.

Большинство неофашистских организаций имеют сайты, выполненные на высоком техническом уровне. К ним легко можно получить доступ с любого компьютера, подключенного к Всемирной сети. На сайтах расположена информация об организациях и партиях, их деятельности, их музыка, даже игры.

«Мы хорошие ... придёт день, и мы перебьём всех грязных негров и евреев» – это слова персонажа компьютерной игры. Она явно рассчитана на малышей. Естественно, она запрещена, но в наше время можно купить, что угодно. Например, другую игру, в которой участники должны ловить и убивать евреев, бежавших с поезда, транспортировавшего их в концлагерь. Кстати, эта «игра» явно противоречит коронному аргументу неонацистов, который заключается в том, что массового уничтожения евреев в «третьем рейхе» никогда не было – это всё выдумки самих же евреев [1].

Идеологи, привлекающие молодежь, очень умело используют юношеский максимализм, стремление к бунтарству, агрессию, социальную неустroенность – все то, что сопутствует переходному возрасту. Неонацисты привлекательны, потому что они запретны, а запретный плод, как известно, сладок.

Не только подростки, но и дети являются целевой группой неонацистов: привлечение начинается с самого юного возраста. НДПГ является единственной партией, у которой есть свой культурный центр для подростков – пример великолепной заботы о будущем электорате со стороны правых [1].

Они также публикуют на своих страничках Интернета иллюстрированные детские книги гитлеровских времён. Любой желающий сможет прочитать в Интернете и запрещённую в Германии книгу «Майн Кампф».

«Эта книга прежде всего создавалась для подростков и она якобы должна была рассказывать им правду, обучать их жизни. Однако даже иллюстрации в этой книге однозначно говорят о её содержании – она должна была вызвать злость, ненависть агрессию. Эта книга, пропитанная ненавистью и антисемитизмом, являлась частью учебной программы нацистов» – это слова представителя Регионального ведомства по защите конституции в Баден-Вюртемберге, который опасается: роста влияния на аполитичных подростков. Однако контролировать правозэкстремистскую агитацию через Интернет практически невозможно.

Нынешний фюрер НДПГ Удо Фойгт в интервью телеканалу ARD отметил, что сайт партии регистрирует 180 тыс. посещений ежедневно, а это – «великолепная возможность представить позицию НДПГ без цензуры» [1].

Национал-демократическая партия Германии одновременно является провайдером – она предоставляет свои услуги другим праворадикальным организациям и таким образом зарабатывает немалые деньги.

Музыка также предоставляет широкие возможности для идеологического воздействия. В Германии (и не только) существует ряд музыкальных групп, которые играют так называемый «Rechtsrock» – «Правый рок» [11]. Названия дисков этих групп говорят сами за себя «Eine ordentliche Portion Hass» – «Порядочная порция ненависти», «Brutallastige Scheibe» – «Брутальный диск», «Hass und Wut» – «Ненависть и ярость». Сами же группы носят не менее агрессивные названия: «Kroizfeuer» – «Перекрестный огонь», «Schlachthaus» – «Бойня». Это явление в культуре сначала отрицалось критиками, но в итоге все же было признано. Сейчас правый рок составляет значительную часть масскультуры. Музыка правого рока можно легко найти и купить через Интернет [11].

Музыканты этого направления не создали какой-то принципиально новый музыкальный стиль – это чаще всего обыкновенный рок или панк-рок. Суть правого рока – это прежде всего содержание. Яркий пример такой песни – сингл Иана Стьюара Дональдсона «Белая власть» – «Weiße Macht» 1983 года [11]. Тексты данного музыкального направления наполнены неприкрытой агрессией и национализмом, они призывают к «очищению высшей белой расы» и пропагандируют насилие.

Музыка правого рока несет те же разрушительные идеи, что и неофашисты, однако делает это бо-

лее открыто в силу своей меньшей зависимости от закона. Иначе говоря, неофашистам от музыки не приходится прятать свои истинные идеи и незачем создавать имидж законопослушных граждан в отличие от партийцев. Члены НДПГ могут осуждать это музыкальное явление, но сложно отрицать то, что данное направление формирует в молодежной среде базу для будущего влияния неофашистов.

Национал-демократы используют и более привычные методы агитации, например листовки, плакаты и газеты. Они утверждают, что на каждую тысячу распространённых листовок приходит 115 ответов. А раздают они свои листовки каждую неделю. Существует даже особая схема, которая позволяет определить, где и какие листовки уже были распространены. Основная задача – просто прочно внедрить в умы само название – НДПГ [1].

Одним из направлений их деятельности являются демонстрации и шествия.

Крупнейшая неонацистская демонстрация случилась 1 декабря 2001 года в Берлине [7]. Под прикрытием 3,5 тыс. полицейских около 5 тыс. неонацистов пытались провести марш протеста, приуроченный к открывшейся в германской столице выставке о преступлениях вермахта в 1941-1944 гг. У. Фойгт заклеил выставку как якобы порочащую Германию: «Эта выставка – злостная клевета на вермахт. Ведь о зверствах союзников никто не говорит» [6].

Хотя этот марш неонацистов и был приурочен к открытию выставки, посвященной преступлениям нацизма, на самом деле это только мнимый повод. Настоящей целью была демонстрация «присутствия» и силы неонацизма в Германии. В шеренгах с немецкими неофашистами отмечены их единомышленники из Скандинавии, Бельгии, Испании и Франции.

Исходя из этого, можно сказать, что неофашисты сейчас используют все возможности, чтобы как можно громче заявить о себе. К сожалению, эти попытки дают значительные результаты.

Однако нельзя сказать, что Германия снова становится фашистской. Скорее всего, можно говорить о моде на фашизм, а это – показатель нестабильности общества, его болезни. Фашизм появляется там, где существует острая несправедливость, нетерпимость, социальная неустroенность. Недаром наибольшую популярность неофашизм имеет в бедных и слабо развитых землях. Например, Мекленбург-Передняя Померания, которая ранее относилась к ГДР. Сейчас там самый высокий уровень безработицы во всей бывшей ГДР и вообще Германии – около 15 – 17 %. Это при среднем уровне безработицы в стране меньше 10 %. Как результат – популярность праворадикальных идей.

Немецкое правительство должно бороться не со следствием, а с причиной. А причина, по нашему мнению, кроется в социальной политике государства, экономической слабости земель бывшей ГДР, безработице, неустroенности молодежи и ее неуверенности в завтрашнем дне, мягком миграционном законодательстве и проблеме гастарбайтеров. НДПГ

занимает ту нишу, откуда ушло государство. НДПГ паразитирует на слабостях внутренней политики и собирает в свои ряды недовольных. При этом многие голосуют за НДПГ «назло» государству – для того, чтобы их «услышали». Многие простые немцы считают, что появление оппозиционной НДПГ во власти обратит внимание государства на острые стоящие проблемы.

В Германии сейчас имеют место две тенденции.

Первая – сочувствие и повышенный интерес к идеям неофашизма.

Вторая – яростное их отрицание.

Задача германского правительства сейчас не стремиться к запрету радикальных партий, иначе они могут уйти в подполье и окончательно выйти из-под наблюдения закона. Пока НДПГ и подобные ей организации легальны, они вынуждены подчиняться закону и на них можно влиять. Если же они перейдут на нелегальное положение, то их действия могут приобрести неуправляемый характер.

Литература

1. Агаев, В. Неонацисты в борьбе за молодёжь / В. Агаев // Эл. источник. - Режим доступности // <http://www.dwworld.de/dw/article/0,2144,1551989,00.htm> ml.
2. Гузман, В. Неонацисты прошли по Берлину / В. Гузман // Эл. источник. - Режим доступности http://news.bbc.co.uk/hi/russian/news/newsid_1686000/1686851.stm.
3. Дашкевич, А. Точка зрения: дорога в прошлое / А. Дашкевич // Эл. источник. - Режим доступности // <http://russkayagazeta.com/rg/gazeta/fullstory/doroga/>.
4. Зайцев, А. В ГДР победил национал-социализм / А. Зайцев // Эл. источник. - Режим доступности // http://www.gazeta.ru/2006/09/18/oa_216453.shtml.
5. Кляйн, А. Правые партии и выборы в Германии / А. Кляйн // Эл. источник. - Режим доступности // <http://www.moslit.ru/nn/16/11.htm>.
6. Неонацизм. Чума XXI века // <http://www.ont.by/projects/projects/breath/arhiv/0021474/>.
7. http://www.dw-world.de/popups/popup_print/content/0,3245303,00.html.
8. <http://www.kommersant.ru/doc.aspx?DocsID=705900>.
9. <http://news.ntv.ru/94202/>.
10. [http://ru.wikipedia.org/wiki/Политическая жизнь Германии \(2004\)](http://ru.wikipedia.org/wiki/Политическая_жизнь_Германии_(2004)).

Источники на немецком языке

11. Geschichte und Entwicklungen des Rechtsrock // <http://www.politische-bildung-brandenburg.de/extrem/rechtsrock.htm>.
12. http://www.npd.de/index.php?sek=0&pfad_id=3&cmsint_id=1&detail=18.
13. Випперман, В. Европейский фашизм в сравнении 1922-1982: [пер. с нем.] / В. Випперман. – Новосибирск, 2000. – 229 с.
14. Опитц, Р. Фашизм и неофашизм / Р. Опитц. – М., 1988. – 280 с.

15. Рахшмир, П. Ю. Фашизм: вчера, сегодня, завтра / П. Ю. Рахшмир // Мировая экономика и международные отношения. – 1996. – № 10. – С. 153 – 157.

16. Черкасов, Н. С. Германия: фашизм, неофашизм и молодёжь / Н. С. Черкасов. – Томск, 1993. – 177 с.

УДК 341.242: (470:061.1 НАТО)

МОРАТОРИЙ НА ДОВСЕ КАК ПРОДОЛЖЕНИЕ «МЮНХЕНСКОЙ РЕЧИ» В. В. ПУТИНА

С. В. Арапина, С. А. Пфетцер

Выступление российского президента в феврале 2007 года на конференции по безопасности в Мюнхене вызвало достаточно широкий резонанс на Западе и отклик в российских СМИ. Эту речь комментировали политики и средства массовой информации как США, так и Европы. Решение приостановить участие России в Договоре об ограничении обычных вооруженных сил в Европе (ДОВСЕ) является вполне закономерным актом, всецело соответствующим национальным интересам Российской Федерации. ДОВСЕ, подписанный М. С. Горбачевым и Э. А. Шеварднадзе 19 ноября 1990 года, в настоящее время представляет собой определенное «политическое недоразумение». Падение Берлинской стены и крах коммунистических режимов в Восточной Европе сделали ДОВСЕ, с его тщательным прописыванием номинального равенства военных балансов Организации Североатлантического договора (НАТО) и Организации Варшавского договора (ОВД), достаточно призрачным актом. Варшавский договор был распущен уже через четыре месяца после подписания ДОВСЕ, причем его бывшие участники вскоре переориентировались на НАТО, а в декабре 1991 года не стало СССР, что де-факто лишало Договор всякого смысла.

В этой связи необходимо учитывать тот факт, что его формальное наличие отвечало главным военно-политическим задачам Запада – удаление советских войск из стран Европы, максимальное сокращение военного потенциала и установление над ним западного контроля. После вывода войск из Европы и общего ослабления Вооруженных сил РФ Запад в значительной мере утратил интерес к ДОВСЕ. Проведенная в 1996 – 1999 годах адаптация Договора, заменившая его изначально блоковый характер на безблоковую структуру, имела главной целью зафиксировать сложившееся в 1990-е годы подавляющее превосходство НАТО в Европе и укрепить это превосходство, лишив Россию возможности настаивать на паритете. В этой логической связи странами Западной Европы была отвергнута идея установления юридически закрепленных потолков для НАТО в целом, независимо от количества членов блока. Пойдя же на подписание адаптированного ДОВСЕ на Стамбульском саммите в ноябре 1999 года, российское руководство тем самым смирилось со сложившимся положением вещей в Европе.

Впрочем, и здесь процесс ратификации данного документа, не вполне отвечающего интересам России, был фактически превращен в политическое вымогательство от российского руководства уступок по всяким малозначительным вопросам, вроде

вывода русских войск из Приднестровья и Грузии. В результате адаптированный ДОВСЕ так и не вступил окончательно в силу, поскольку его ратифицировали всего четыре участника Договора – Украина, Белоруссия, Казахстан и Россия. Ни одна из стран, входящих в блок НАТО, не ратифицировала его [7].

В этой связи встает вопрос, чем же особенно плох ДОВСЕ для России? Уже при подписании Договора в 1990 году советское руководство согласилось не учитывать в Договоре военно-морские силы, в которых США и НАТО имели неоспоримое превосходство, что уже делало ДОВСЕ заведомо ущербным и не позволяло говорить о балансе обычных вооружений в принципе. Адаптация Договора окончательно закрепила дисбалансы между НАТО и Россией в количестве наземной и авиационной техники. Однако это имело относительно малое значение, поскольку в силу чисто экономических причин Россия до середины 2000-х гг. не могла до конца заполнить даже выделенные ей в ДОВСЕ квоты на вооружение в европейской зоне.

Тем не менее накладываемые Договором ограничения на количество боевых бронированных машин (всего 11280 боевых машин пехоты и бронетранспортеров) в европейской зоне России были весьма существенны, поскольку вносили серьезные диспропорции в структуру частей и соединений Российской армии в европейской части страны [1]. Особенно этот вопрос обострился сейчас, когда значение и объемы применения легкой бронетехники в противобандитских и контртеррористических операциях резко возрастают, а необходимость защиты пехоты от мин, фугасов, ручных противотанковых средств и т. п. актуальна как никогда.

Наиболее существенными являются введенные ДОВСЕ так называемые «фланговые ограничения». Стремясь максимально ограничить военный потенциал России, Запад добился того, что территории Ленинградской (ЛВО) и Северокавказского (СКВО) военных округов были выделены в так называемые фланговые зоны, уровень вооружения в которых подлежит особым ограничениям. Задача была вполне прозаичной – не допустить создания серьезных войсковых группировок, способных к обширным наступательным действиям. В рамках этих фланговых ограничений были установлены предельно низкие квоты на количество боевой техники (в итоге 700 танков, 580 бронированных машин и 1280 артиллерийских систем на два округа) [1]. В результате ведение сколько-нибудь существенных операций силами этих округов стало невоз-

можным, а в ходе обеих чеченских кампаний Россия была вынуждена собирать на Северный Кавказ войска со всей страны, пойдя на прямое нарушение ДОВСЕ.

С точки зрения интересов национальной безопасности России, абсолютно неприемлемым представляется уже сам факт того, что кто-то решает, где и сколько войск необходимо держать суверенному государству. Совершенно очевидно, что РФ должна иметь возможность самостоятельно формировать необходимые в количественном отношении группировки войск на своей территории, а также производить их перегруппировки без запроса какого-либо одобрения на это со стороны западных «партнеров». Серьезной проблемой стало превращение стран Прибалтики в «серую зону», фактически не подпадающую под какие-либо ограничения ДОВСЕ, что позволяло им активно и без оглядки вести военное строительство, а НАТО, в случае необходимости, – использовать их территории для наращивания военного потенциала и переброски сил, что уже благополучно и делается.

Еще одним аспектом ДОВСЕ, не вполне удовлетворяющим российскую сторону, является практика регулярного обмена подробными данными о численности, группировке и дислокации войск, а также проведения взаимных инспекций. Безусловно, обмен данными небесполезен, поскольку увеличивает открытость в военной сфере. Однако при традиционно большей открытости военного строительства в западных странах такой обмен более всего выгоден именно им, поскольку российская сторона немалую часть подобной информации получает и так, из открытых источников, в то время как западные страны получили уникальную возможность получать информацию напрямую из российского Министерства обороны.

В июне 2007 года в Вене прошла конференция, которая была созвана по инициативе России и своей целью носила обсуждение ситуации вокруг ДОВСЕ. Позиция НАТО была такова, что Россия не имеет права в одностороннем порядке вводить мораторий на исполнение ДОВСЕ. В сообщении информбюро НАТО в Москве отмечалось, что в договоре нет положения, которое позволило бы ввести в одностороннем порядке мораторий на выполнение договора. Указывалось, что приостановление выполнения договорных обязательств станет прямым нарушением договора. В конечном итоге участники конференции не пришли ни к чему конкретному, дальнейшим же итогом со стороны России было введение моратория на выполнение положений ДОВСЕ с 12 декабря 2007 года – до тех пор, пока западные «партнеры» не ратифицируют адаптированный Договор, подписанный в Стамбуле в 1999 году, а также не согласятся обсуждать выдвинутые Москвой минувшим летом изменения к Договору [2]. Можно предположить, что Запад не будет этого делать, так что «приостановление», скорее всего, приведет рано или поздно к полной денонсации Россией ДОВСЕ. В то же время совершенно ясно, что возобновление прямой количественной гонки обычных вооружений

не только невозможно, но и совершенно не нужно ни сейчас, ни в обозримом будущем. Слишком очевидна разница экономических потенциалов сторон – достаточно сказать, что суммарный ВВП всех нынешних стран НАТО в долларовом исчислении намного больше российского. Ранее президент РФ Путин В. В. заявлял, что «...действий России не нужно бояться, они не носят агрессивного характера. Они только ответ на достаточно жесткие и не имеющие никаких обоснований односторонние действия наших партнеров» [6].

Тем не менее никак нельзя назвать прекращение участия в ДОВСЕ «формальностью». Практические шаги российского руководства, вытекающие из фактической ликвидации Договора, будут осторожными, но они все равно последуют. К этому толкает военно-политическая ситуация в Европе и на российских границах. Впрочем, некоторые эксперты считают, что мораторий на ДОВСЕ в целом не изменил ситуацию, поскольку введение данного моратория является техническим шагом, так как политическое решение было принято уже в июле 2007 года, когда президент В.В. Путин подписал указ о введении моратория [9].

Если придерживаться точки зрения, что договор ДОВСЕ нужен, то для восстановления его жизнеспособности нужно не так уж и много:

- договориться о том, как компенсировать дополнительный потенциал, приобретенный НАТО в результате расширения;
- уловиться о параметрах сдержанности в размещении сил на иностранных территориях;
- принять решение об отмене фланговых ограничений для территории России (они мешают общей борьбе с терроризмом);
- обеспечить участие в Договоре новых членов НАТО – Латвии, Литвы, Эстонии и Словении;
- как можно скорее и без искусственных условий ввести в действие адаптированный вариант ДОВСЕ и приступить к его дальнейшей модернизации.

Ликвидация ограничений ДОВСЕ позволит как увеличивать количество кадрированных дивизий и бригад в европейской части России, так и оптимизировать состав и структуру этих соединений, а не комплектовать их техникой по «остаточному принципу».

В целом выход из ДОВСЕ имеет для России важнейшее значение. Отказываясь от нормативов ДОВСЕ, Россия подчеркивает свою независимость в решении вопросов военного строительства. Страна получит возможность иметь столько войск, сколько сочтет необходимым, и таких, какие сочтет необходимыми. Россия не стремится бросить вызов Западу и явно не собирается вновь вступать с ним в соперничество по количеству танков и самолетов. Наоборот, мораторий на ДОВСЕ позволит полностью уйти от устаревшей логики постоянного соотношения потенциалов России и Запада и перейти к полной свободе в развитии Вооруженных сил РФ, опираясь при этом на сугубо национальные потребности и отвечая на конкретные угрозы време-

ни. В стратегических интересах России – создание такой военной машины, которая давала бы полную свободу действий в отношении неспокойных и вызывающе ведущих себя соседей. Одновременно это лишало бы Запад всяких надежд на возможность военного вмешательства извне в действия РФ.

Реакция партнеров по НАТО пока еще окончательно не прояснена, но можно предположить, что члены Альянса в принципе могут со своей стороны приостановить действие ДОВСЕ уже в мае-июне 2008 года. Впрочем, возможен и другой вариант развития событий. Натовские министры не смогут прийти к единому мнению по вопросу о том, как им сообща реагировать на намерение России о моратории на исполнение ДОВСЕ. С одной стороны, в НАТО, в первую очередь психологически, явно не готовы идти на какие-либо уступки Москве. Запад признает, что заинтересован в сохранении ДОВСЕ. Однако ратификация адаптированного варианта договора без привязки его к Стамбульским обязательствам, на чем настаивает российская сторона, будет слишком явно выглядеть уступкой Кремлю. Натовские министры иностранных дел должны первым делом ответить сами себе на главный вопрос – что для них более приемлемо: ратификация адаптированного ДОВСЕ, что в принципе западные страны и так обязались сделать еще в 1999 году, или возвращение к политике «усиления напряженности» в самом центре Европы. Прошедший в апреле 2008 года саммит Россия-НАТО в Бухаресте не дал ответа на вопрос о возможности ратификации странами-членами Альянса адаптированного Договора об обычных вооруженных силах в Европе (ДОВСЕ) [3].

В мае 2008 года начальник Генштаба РФ Юрий Балувевский сделал неофициальное предложение западным партнерам относительно дальнейшей судьбы ДОВСЕ, заявив, что, в случае невозможности нахождения компромисса, единственный путь, который останется России, – это выход из ДОВСЕ [4]. Впрочем, начальник Генштаба не настаивал на том, что подобное предложение окончательно. Насколько в НАТО готовы воспринимать эту идею всерьез, пока не ясно. Договоренности, заключенные на саммите Россия – НАТО в Стамбуле в 1999 году, предполагают окончательный вывод российских баз и контингентов из Грузии и Молдавии, и в Москве принято считать, что эти обязательства РФ взяла на себя исключительно добровольно и выполняет их, к тому же, в ускоренные сроки. Впрочем, официальный Брюссель заявил, что будет приветствовать любые предложения со стороны России, не забыв упомянуть, что официального плана российская сторона пока еще не предоставила [5].

Дальнейшее развитие событий зависит от общих принципов отношений между Россией и странами НАТО, включая США. В середине 2000-х годов у Москвы и Вашингтона сложились три группы противоречий, которые непосредственно влияют на вопросы военной безопасности [8].

1. Статусный конфликт. Мировой порядок 1990-х годов формировался под «слабую» и «ведомую» Россию, которая принимает американское ли-

дерство как ключевое правило игры. В 2000-е годы ситуация изменилась в связи с возросшей зависимостью стран Запада от российских энергоресурсов. Возник неизбежный психологический конфликт, связанный со стремлением Москвы повысить свою роль в системе международных отношений, с одной стороны, и психологической неготовностью США согласиться с таким пересмотром международного порядка – с другой.

2. Идеино-политический конфликт. Дипломатическая служба США не любит обменивать принцип на сделку и очень гордилась тем, что их внешнеполитическая стратегия основана на отрицании идей макиавеллизма. Россия же понимает внешнюю политику как искусство равноправного дипломатического компромисса. Соответственно у Москвы и Вашингтона возникает непонимание мотивов действий противоположной стороны.

3. Нарастание силовой диспропорции в российско-американских отношениях. Еще в конце 1980-х годов СССР утерял стратегический паритет с США в области высокоточного оружия. В 1990-е годы США и НАТО в целом начали превосходить Россию по количеству обычных вооружений. С развертыванием ПРО постепенно меняется ситуация в области ядерных вооружений. Это привело к активизации со стороны Москвы в области военных программ, что вызвало непонимание в Вашингтоне и Брюсселе. Стороны начали упрекать друг друга в «подрыве стратегической стабильности».

В этом смысле нынешние проблемы вокруг ДОВСЕ и американских систем ПРО в Восточной Европе только часть общей тенденции. Согласятся ли США и страны НАТО признать объективно изменившиеся реалии и согласиться на партнерство с более сильной и «менее ведомой» Россией? От ответа на этот вопрос во многом зависит будущее российско-американских отношений. В любом случае, прекращение действия ДОВСЕ будет означать освобождение России от нежелательного контроля и возможность перехода к решению насущных национальных задач без оглядки на мнение зарубежных партнеров.

Литература

1. Барабанов, М. Уйти по-русски. Чтобы вернуться [Текст] / М. Балабанов // Профиль. – 2007, 3 декабря (№ 45). – С. 25 – 28.
2. В Вене обсуждают претензии к ДОВСЕ: электронный ресурс // BBC.russian.com. – 2007, 12 июня. - <http://news.bbc.co.uk/hi/russian/international>.
3. Владимир Путин: Россия и дальше намерена развивать свою ядерную триаду: электронный ресурс. – 2008, 4 апреля. – www.regnum.ru/news/982123.html.
4. Генштаб предложил НАТО компромисс по ДОВСЕ: электронный ресурс // Известия. Ru. – 2008, 15 мая. – www.izvestia.ru/news/news174394.
5. ДОВСЕ на всю Россию: электронный ресурс // Газета. Ru. – 2008, 16 мая. – www.gazeta.ru/politics/2008/05/16.
6. НАТО: Выход из ДОВСЕ повлечет серьезные последствия: электронный ресурс // РосБизнес

Колсалтинг. – 2007, 5 июня: электронный ресурс // <http://top.rbc.ru/politics/05/06/2007/105591.shtml>.

7. Прошу на меня не сердиться: электронный ресурс // Российская газета. – 2007, 12 февраля. – <http://www.rg.ru/2007/02/12/putin-vistuplenie.html>

8. Россию вынуждают выйти из договора об обычных вооружениях в Европе: электронный ресурс // Ольвия-Пресс. – 2007, февраль. – www.olvia.idknet.com/ol64-02-04.htm.

9. Фененко, А. Параграфы ПРО ДОВСЕ: электронный ресурс // А. Фененко // Русский журнал. – 2007, 17 июля. – www.russ.ru/reakcii/paragrafy_pro_dovse.

10. Эксперт: мораторий на ДОВСЕ не изменит ситуацию: электронный ресурс // Информационное агентство РОСБАЛТ. – 2007, 8 ноября. – www.rosbalt.ru/2007/11/08/429482.html.

УДК94(450).05

ОТРАЖЕНИЕ СЕМЕЙНО-БРАЧНЫХ ОТНОШЕНИЙ В «ДЕКАМЕРОНЕ» ДЖОВАННИ БОККАЧЧО

А. П. Батулин, В. В. Кузьмин

«Декамерон» Джованни Боккаччо, жившего и творившего во второй половине XIV в., – книга реалистических новелл, проникнутых гуманистическими идеями, духом свободомыслия и антиклерикализма, неприятием аскетической морали, жизнерадостным юмором. Это многоцветная панорама нравов итальянского общества, классическое произведение итальянской литературы интересует нас, прежде всего, как исторический источник. Автор не ставил перед собой задачу достоверно и в точных деталях описать реалии своего времени, поскольку он создавал своё произведение, руководствуясь иными целями и задачами. Однако «Декамерон» рисует перед нами довольно широкую картину итальянской жизни. В фацециях (новеллах) широко представлены представители всех сословий, их материал отражает, в частности, семейно-брачные отношения в итальянском обществе данной эпохи.

Как известно, XIV в. стал переломным в жизни западно-европейского общества, он привнес определенные изменения и в представления о семье, браке, на место и роль женщины. Постараемся проследить эти изменения в «Декамероне». Сначала посмотрим, что собой представляли традиционные христианские взгляды на брак, семью и женщину до эпохи гуманизма.

В раннее Средневековье пользовались наибольшим распространением взгляды на брак сквозь призму религиозных догм (воззрения на брак как воплощение «первородного греха»). Характерными здесь являются рассуждения Августина Блаженного, который, хотя и оправдывал брак, но при этом делал акцент на необходимости воздержания [1]. Большинство авторов раннего Средневековья в рассуждениях о взаимоотношениях между супругами часто ссылаются на известный библейский догмат: «Глава жене – муж». Неравноправие женщины по сравнению с мужчиной – характерная черта христианской модели семьи на всем протяжении Средневековья. В данную эпоху не существовало даже привычных для нас понятий «брак» и «семья». Церковь практически не участвовала в процедуре бракосочетания (за исключением королевских семей).

Христианская концепция брака, как моногамного, нерасторжимого союза, утвердилась в западно-европейских странах лишь в XII – XIII вв. В это

время он начинает причисляться к основным христианским таинствам. X – XII вв. – время, когда женщина полностью принадлежала мужу. Во многих произведениях того времени прослеживается отношение к женщине как к добыче. Достаточно вспомнить, например, хорошо известный «Роман о Тристане и Изольде» [2].

Наиболее близким к официальному был не освященный церковью, порой очень длительный, на протяжении всей жизни, союз мужчины и женщины – конкубинат (сожительство). При этом наибольшее распространение конкубинат имел в среде клириков. Измена мужа в общественном сознании не считалась серьезным проступком, а жены не слишком ревновали к зависимой служанке. В государственном праве вопрос о наказании мужа за измену вообще не ставился.

Наряду со сказанным выше, было бы неверно абсолютизировать неполноправие и приниженное положение женщин в средневековой Европе. Она ценилась прежде всего как мать, продолжатель рода, воспитатель, жена, хозяйка; ее жизнь проходила под знаком вменяемых ей Богом, природой и общественной моралью обязанностей.

Зародившееся в XIV веке гуманистическое мировоззрение в значительной степени изменило взгляды на брак, семью, на место и роль женщины. Посмотрим, насколько эти изменения нашли своё отражение в «Декамероне» Джованни Боккаччо.

Автор акцентирует внимание на том, что в большинстве случаев в основе семейных отношений лежали соображения экономического характера, а не свободные человеческие чувства. Отсюда, как следствие, – слабость супружеского союза. Во многих новеллах Боккаччо изображает жён, которые заводят любовников, не осуждая их за это, а лишь посмеиваясь над положением незадачливых мужей-рогоносцев... Заключение брака часто являлось сделкой, которую устраивали родители, не принимавшие воли тех, кто вступал в него. «Декамерон» направлен против брака, который является экономической сделкой, против авторитарных прав мужчины. У гуманиста Боккаччо мы видим провозглашение брака по любви правом человека, причем не только правом мужчины, но и правом женщины. Так, в X новелле третьего дня женщине предостав-

ляется свобода выбора, и она покидает ненавистного мужа. Женщина у Боккаччо имеет право выбора, здесь можно говорить о том, что Боккаччо «эмансипирует» женщину и её чувства.

В «Декамероне» отчетливо проводится мысль о том, что все люди имеют право на счастье. Аргументирует это право Боккаччо словами одной из своих героинь – аристократки Гисмонды: «...у всех нас плоть от одного и того же плотского вещества, и все души созданы одним творцом с одинаковыми качествами» [3]. В данном случае эта женщина защищает свою любовь к человеку более низкого происхождения. Очень показательна в этом плане третья новелла второго дня, где девушка для защиты своего счастья отправляется к Папе – беспрецедентный случай для того времени.

Боккаччо, в отличие от куртуазных поэтов, которые не давали детального описания любовного чувства, наполняет любовь разнообразными конкретными оттенками, индивидуализирует его. «Моя любовь – горячая паче других» – говорит он во введении [3]. Или, например, описание чувств пожилого Альберто к вдове в десятой новелле первого дня, где заявляется о праве каждого на чувство: «Что я люблю <...> не должно удивлять человека мудрого...» – говорит Альберто.

На основании новелл Боккаччо мы можем сделать заключение о достаточно широком распространении конкубината. Так, во второй новелле второго дня упоминается вдова, которую маркиз Аццо

«любил пуще жизни и держал для своей надобности». В «Декамероне» мы можем наблюдать частые внебрачные связи, конкубинат, супружеские отношения вне церковного брака. В данном случае есть основание говорить о том, что представления о браке предшествующих эпох еще полностью себя не изжили. Об официальной позиции церкви по отношению к такому положению дел не трудно судить. Вместе с тем в «Декамероне» мы часто встречаем и самих клириков в качестве героев различных походов сексуального характера. Например, вот что говорится об аббате в четвертой новелле первого дня: «...обняв и поцеловав её много раз, он взобрался на постель...».

Таким образом, в «Декамероне» довольно четко нашли свое отражение перемены во взглядах на женщину и на семейно-брачные отношения в Италии, происшедшие к XIV в., а само произведение Джованни Боккаччо представляется интересным и важным источником для изучения данной темы.

Литература

1. Августин. О граде Божьем /Августин // Творения Блаженного Августина. – Киев, 1905.
2. Роман о Тристане и Изольде: [пер. Ю. Стефанова]: средневековый роман и повесть. – М.: Художественная литература, 1974. – С. 153 – 226.
3. Боккаччо Дж. Декамерон / Дж. Боккаччо. – М.: Эксмо, 2006. – 528 с.

УДК 94(4)"1050/1300"

РЫЦАРСКИЙ ИДЕАЛ ЖЕНЩИНЫ И ЛЮБВИ В КУРТУАЗНОЙ КУЛЬТУРЕ ЗАПАДНО-ЕВРОПЕЙСКОГО СРЕДНЕВЕКОВЬЯ

А. П. Батулин, Н. Д. Полищук

Актуальность настоящей темы очевидна на фоне растущего интереса к человеку эпохи, к выявлению особенностей его отношения к окружающему миру, к себе и к другим людям. В конечном счете это поможет лучше понять саму эпоху, конкретней и ярче представить картину давно ушедшего прошлого. В данном случае делается попытка рассмотреть одну из сторон ментальности средневекового рыцарства, в частности, – его идеал женщины, красоты и любви. Как рыцарь понимал такое чувство, как любовь, чем она для него была – данью моде, игрой, или же чем-то большим.

Опорой в реализации данной задачи будут являться рыцарские романы эпохи, в большей степени, на наш взгляд, отражающие мировоззрение средневекового рыцарства.

Существует устойчивое мнение, что слово «роман» первоначально указывал на язык произведения. Вместе с тем до «романа» уже существовала богатая традиция народно-героического эпоса (так называемых «жест»), создававшегося на новых языках, была литература житийная, естественнонаучная («бестиарии», «лапидарии» и т. п.), литература нравоучительная – и все это также на молодых языках средневековой Европы. Новый жанр – «роман» –

был ближе всего к «жестам», ибо также повествовал о воинских подвигах, примерах небывалого героизма и благочестия и т. д. В основе отличия лежали сюжетика рыцарского романа и воплотившиеся в нем мирозерцание и система этических норм. Заметное влияние на рыцарский роман оказала более ранняя литературная традиция, прежде всего опыт эпических произведений, так называемых «жест».

Так, в романе не теряют своей моральной значимости ратная доблесть, неподкупная честность, верность идее, слову, обету и т. д. В романе на первый план выдвинут «личный интерес» рыцаря – его стремление к подвигу и славе. Подвиги совершаются уже не из сознания вассальной верности, а во имя дамы и собственно морального совершенствования. В романе торжествует красочная экзотика вымысла, почерпнутая из фольклора изначальных обитателей континента – кельтов и родственных им племен. В человеческих характерах выискивается борение страстей, непоследовательность, противоречивость. Куртуазный роман порвал и с безразличием по отношению к женским характерам. В «жестах» безмолвные фигуры героинь появлялись лишь изредка, да и то на заднем плане. А в романах их

характеры не только более индивидуализированы, не только занимают очень большое место, но часто определяют и основное направление интриги.

Первые романы появились около середины XII века во Франции, точнее, в англо-нормандской культурной среде, где старые традиции «жест» соприкоснулись и с возрождающимся интересом к античной литературе (к Гомеру, но в позднеантичных и средневековых латинских пересказах, к Вергилию, Овидию, Стацию), и с приносимыми крестоносцами увлекательными рассказами о неведомых странах, о людях иной расы и иной веры, загадочных приключениях, пугающих и манящих. Старые литературные традиции (а вслед за этим и поведенческая практика рыцарского сословия) соприкоснулись с идущими из Прованса культом дамы, идеалами «куртуазности», с требованиями, которым должен отвечать истинный рыцарь. В этот набор требований входили не только смелость и верность, не только благочестие и справедливость, но и щедрость, добродушие, веселость, умение не только держаться в седле, но и танцевать, не только владеть копьем и мечом, но и лютней или ротой. Здесь впервые в истории культуры Средневековья был поставлен вопрос об эстетическом воспитании, которое, служа целям воспитания этического, уже эмансипировалось от последнего.

Первые романы были либо стихотворными переложениями на французском языке книги Монмута (первые Плантагенеты и по языку, и по культуре, и по пристрастиям были французами), либо парафразами поэм Вергилия, Стация или латинских переложителей Гомера. Следующий этап эволюции куртуазного романа порывает с этим историзмом и строит именно на этом свою поэтику. Этот этап развития романа связан с именем Кретьена де Труа. Кретьен дал первые «романные» обработки сказаний об основных героях «бретонского цикла» – о короле Артуре, сеньшале Кее, королеве Геневре, рыцарях Извэйне, Гавэйне, Ланселоте и многих других.

Само слово «куртуазный» означает, собственно, «придворный» (от фр. court – «двор»). К концу XI в. при дворах знатных сеньоров Европы, в первую очередь, Франции, Англии, Германии, становится модным устраивать своеобразные «поэтические салоны», где исполнялись и обсуждались произведения трубадуров, труверов, миннезингеров. Многие сеньоры покровительствовали поэтам и выступали заказчиками рыцарских романов. Например, по заказу графа Филиппа Фландрского Кретьен де Труа написал роман «Персеваль», по заказу Марии Шампанской – «Ланселот, или Рыцарь Телеги». При дворе той же Марии Шампанской и, возможно, по ее заказу был написан трактат Андрея Капеллана «О любви». Постепенно слово «куртуазный» стало обозначать те явления культуры, что были связаны с определенной традицией рыцарской литературы, а после и то, что связано собственно с понятием «истинной любви». «Куртуазия» стала понятием, обозначающим свод тех правил, которым должен следовать «истинный влюбленный». Впервые понятие «куртуазная любовь» встречается в конце XI века в

поэзии трубадуров при дворе владетельных сеньоров Аквитании и Прованса. Однако к началу раннего Нового времени, к моменту появления «профессиональных» придворных понятие «куртуазность» стало включать в себя «вежливость», «учтивость» и правила их выражения по отношению как к женщинам, так и к мужчинам. Сюда входили правила приветствия, обращения к даме или кавалеру, ведения разговора, приглашения на танец, поведения в танце, прощания. Владение собой, своими поступками, словами – один из признаков куртуазности.

Важнейшее воздействие на сложение идеала куртуазной любви оказал римский поэт Овидий (I век), поэтический «трактат» которого – «Искусство любви» – стал своеобразной энциклопедией поведения рыцаря, влюбленного в Прекрасную Даму: он дрожит от любви, не спит, он бледен, может умереть от неразделённости своего чувства [1]. Представления о подобной модели поведения усложнились за счёт христианских представлений о культе Девы Марии – в этом случае Прекрасная Дамы, которой служил рыцарь, становилась образом его духовной любви. Как убедительно доказал Векслер («Das Kulturproblem des Minnesanges»), позиция трубадура по отношению к его даме до мельчайших деталей копирует позицию верующего католика по отношению к Деве Марии и другим святым. Подобно верующему, влюбленный переживает в созерцании своей дамы все стадии мистического лицезрения божества; и богословские формулы «почитания», «преклонения», «заступничества», «милосердия», обращенные до того времени к святым и Богородице, заполняются новым эротическим содержанием, становясь обязательными тематическими элементами куртуазной лирики. То же использование топики церковной поэзии в арелигиозном, более того, в антирелигиозном значении находим мы и у классиков куртуазного эпоса. В «Ланселоте» Кретьена де Труа герой предпочитает несколько золотистых волосков, выпавших из гребня королевы Джиневры, самым почитаемым мощам св. Мартина и св. Иакова Компостельского; после любовной встречи он преклоняет колена перед ложем дамы, «как перед алтарем», «ибо он не верует так ни в одну святую плоть». Религиозная фразеология и топики становятся, таким образом, орудием борьбы с церковной идеологией. Недаром защитники последней выступают против куртуазной лирики как против «любопастия» и «языкоблудия» и пишут грозные инвективы против куртуазных романов (так, например, в XIII в. Жан де Жерсон, канцлер Парижского университета, – против «Романа Розы», Людовик Вивес – против «Тристана» и «Ланселота»).

Значительным было также воздействие арабской мистической философии, разрабатывавшей концепцию платонического чувства. Куртуазная любовь не была явлением исключительно литературным, а представляла собой комплекс многих факторов – социальных, религиозных, эротических, философских. Нередко высказывается мысль о революционном влиянии куртуазии, повлекшем за

собой смягчение нравов и сложение кодекса рыцарской чести, на Европу.

Кодификация понятий «истинная любовь» и «куртуазия» происходит во второй половине XII в. В это время пишутся соответствующие трактаты, среди которых был и упомянутый трактат Андрея Капеллана. Тогда же начинается и расширение понятий «истинная любовь» и «куртуазия».

Основу концепции «истинной любви» составляет идея рыцарского служения влюбленного своей возлюбленной-даме. Слово «Дама» («Донна») обозначает «госпожа» (от лат. *domina*). Дама часто стоит выше влюбленного по социальному положению. Любовь к ней запретна, она замужем. Рыцарь должен скрывать свое чувство, он может признаваться лишь в песнях. Чем сильнее и «правильнее» любовь, тем лучше песни, а плохое качество песен свидетельствует о неумении любить. Плохие поэты и недостойные любовники часто обозначаются одними и теми же определениями - болтуны, «жонглеры» (они, в отличие от трубадуров и других куртуазных поэтов, не сочиняют сами, а лишь поют чужое), клеветники. Французский исследователь Ж. Дюби полагает, что культ Дамы возник в сообществах юношей, а то и подростков, которые обучались и воспитывались в замке могущественного сеньора. Естественным, как считает Дюби, было возникновение особого почитания хозяйки дома, жены сеньора. Кроме того, по мнению исследователя, культ Дамы связан и с возникновением принципа майората [2]. Остававшиеся фактически без наследства младшие дети сеньора не могли рассчитывать на брак прежде, чем сумеют приобрести состояние. Восхищенно-возвышенное отношение к недоступной Даме поощрялось и было своего рода заменой какого-либо иного отношения к женщине.

Примечательно, что служение Даме осмыслилось в тех же терминах, что и служение сеньору. Одним из важнейших качеств здесь является верность, а предательство рассматривается как то, что принадлежит «лже-любви». «Ложные любовники» иногда называются «ганелонами» – по имени знаменитого предателя, героя «Песни о Роланде». «Вознаграждение», которое влюбленный надеется получить от Дамы, у трубадуров и труверов обозначается тем же термином, что вознаграждение от сеньора (*guedon* – от *guede*, «война» – и *don* – «дар»). Этим вознаграждением может стать ласковый взгляд, шнурок или рукав от платья, но также и разрешение «целовать ее и обнимать». В классической каноне трубадуров воспевается любовь «чистая», возвышенная, побуждающая влюбленного к внутреннему совершенствованию: только так он может добиться ответной любви Дамы. Но ответная любовь не исключена из мира куртуазных ценностей, просто акцент делается не на ней, а на дороге к ней.

Роль Дамы в системе куртуазной литературы не так и пассивна, как это может показаться при поверхностном взгляде. Она должна уметь ценить «истинную любовь», и если она слишком долго испытывает влюбленного, рискует оказаться среди приверженцев «лже-любви». В жизнеописаниях

трубадуров Джауфре Рюделя и Гильема де Кабестана необходимость оценивать по заслугам любовь и верность вынуждает Даму после смерти возлюбленного уйти в монастырь или покончить с собой. Нравственное самосовершенствование как основа куртуазной литературы и проявляется особенно сильно в рыцарских романах, возникших уже после того, как в лирике сформировались основные представления о куртуазной любви. Любовь в романах чаще всего разделенная, плотская, что не мешает ей быть «куртуазной», т. е. подвигать и рыцаря, и его даму на постижение высшей нравственной сути рыцарства. Кретьен де Труа утверждает даже, что и жена может быть Дамой. Идеал женщины, каким видит его рыцарь?

Дама в куртуазной литературе непременно прекрасна. Автор в своих романах яркими красками рисует образ Дамы сердца рыцаря. К примеру, описание Эниды в романе Кретьена де Труа:

Был ярче блеск ее волос
Изольды светлокудрой кос.
И лилий чище и белей
Чело, склоненное у ней.
По коже этой белоснежной
Румянец разливался нежный,
И было словно волшебство
Сиянье теплое его.
Светло, как две звезды большие,
Мерцали очи голубые... [3].

Или вот как говорит автор романа о красоте Фениссы:

Известно всем, что Феникс-птица
Прекрасней всех на свете птиц.
Так затмевала всех девиц
Фенисса красотой своею.
Описывать ее не смею,
Поскольку для таких чудес
В природе нашей нет словес... [3].

В столь же возвышенных выражениях описывается дама сердца Ивэйна:

Бог сотворил своей рукою
Мою владычицу такую,
Чтобы Натуру поразить
И сердце мне навек пронзить.
Не мог бы сам Господь вторично
Такое чудо сотворить.
Нельзя шедевра повторить... [4].

Таким образом, дама сердца в глазах рыцаря совершенна душой и телом и способна внушить возвышенную всепоглощающую страсть. Нередко рыцарь поединком доказывал, что именно его Дама сердца прекрасней других:

Принцессы, царственные девы,
И у любой поклонник есть,
Кто и во славу ей и в честь
С другими вступит в смертный бой,
Крича, что нет прекрасней той,
Кого с влюбленностью
Упрямой навек своей избрал он дамой.

Судя по романам, женщина при дворе должна была до известной степени владеть гуманистической культурой, целым рядом умений и талантов:

живописью, уметь танцевать и играть, застенчиво отговариваясь, если ей предлагают блеснуть своими умениями. Она должна тактично поддерживать беседу и даже уметь выслушивать замечания, пусть даже подчас флировальные. Незамужняя женщина может одарить своей благосклонностью лишь того, с кем она могла бы вступить в брак. К примеру, вот как держится Лодина, когда видит Ивэйна:

Красавица на первый взгляд,
Когда приличия велят.
Не говорит она ни слова,
величественна и сурова... [4].

Мужчины начали понимать, что необходимо сначала завоевать сердце Дамы, заручиться ее согласием. Что следует признать за женщиной наличие особых достоинств, среди которых можно выделить перечень внутренних качеств, которыми, например, обладала Энида: «И ласковой была она, мила в беседе и умна, добра душой и в обхождении, при всех стараниях и умении никто бы не обнаружил в ней ни мыслей злых, ни злых затей, и так воспитана была, что ни одна бы не могла из дам похвастаться такой и щедростью и прямоотой» [3].

Немаловажное значение в глазах рыцаря имело то, как одета обожаемая им дама. Не случайно дамы в рыцарских романах всегда предстают в изысканных, роскошных нарядах: «Одета дама, как царица. Нарядов не сыскать пышней. Сегодня мантия на ней, мех драгоценный горноста. Венец, рубинами блистая, красуется на белом лбу» [4]. Энида, изначально одетая в бедное изношенное платье, впоследствии удостаивается великолепного платья самой королевы Геньевиры.

Особыми качествами, по мнению рыцаря, должны обладать замужние женщины. После того как героини Кретьена сочетаются браком с рыцарями, автор пишет о таких качествах Дамы, как послушание своему мужу, кротость, верность, покорность. Жена – это возлюбленная, подруга и дама. Высокий гуманистический смысл этой триады в пору почти повсеместного женского бесправия не подлежит сомнению. Это особенно очевидно в «Клижесе» Кретьена де Труа, возникшем, несомненно, в творческой полемике с ранними обработками сюжета о несчастной любви Тристана и Изольды. Как и там, у Кретьена герой страстно любил жену своего дяди, и она полюбила его. Но эта любовь лишена «смягчающего обстоятельства» – их соединило могучее взаимное чувство, а не случайно выпитый волшебный напиток. Но Фениса не хочет повторять ошибки Изольды, она сама решает, что будет принадлежать только любимому, и произносит замечательные слова, достаточно смелые для своего века: «Чье сердце, того и тело». Кретьен ставит Фенису в центр повествования, она оказывается исключительно активной и по сути дела направляет развитие действия. Роман оканчивается торжеством гуманистической триады Кретьена: Фениса становится для Клижеса и женой, и подругой, и дамой.

Таким образом, анализ средневековых романов позволяет, на наш взгляд, отметить большое влияние куртуазной любви на изменение положения

женщин. Андре Капеллан – один из первых авторов, приводящих высказывания женщин, которые звучат порой более значительно, чем речи мужчин. Кроме того, автор указывает на ту пользу, которую женщины могли извлечь из куртуазных обычаев: выражение сексуальных устремлений мужчин становилось менее агрессивным и опасным и, как следствие, опека со стороны мужей и отцов – менее строгой. Может быть, именно благодаря этой свободе влияние женщин стало проникать за рамки женской половины дома. Безусловно, здесь следует оговориться, что сказанное относится преимущественно к положению женщины высшего общества. Сомнительно, что куртуазная культура в какой-то степени могла коснуться простонародья.

Заповеди любовного кодекса соответствовали тому, что проповедовала церковь, стремясь доказать, что женщины должны иметь равные права с мужчинами не только на супружеском ложе, но и в вопросе согласия на вступление в брак. Случайно ли, что куртуазные обычаи вошли в моду как раз в то время (около 1200 г.), когда проповедники, почувствовав настроения женщин, стали прилагать усилия для развития форм чисто женской духовности?

То, что вначале было только игрой, предназначенной для мужчин, помогло женщинам феодальной Европы выйти из своего принижённого состояния. В течение веков, последовавших за утверждением новой модели отношений, вошедшие в ритуал слова и поступки, а через них соответствующие взгляды распространялись на все более широкие круги общества, как всегда бывает с культурными моделями, которые складываются в аристократических кругах, а затем постепенно проникают до самых нижних слоев социальной структуры. Так сформировался тип отношений между полами, характерный для западного общества [2].

Что можно сказать о понимании любви и отношении к ней в рыцарской среде? Здесь примечательны слова из романа Кретьена де Труа «Ивейн или рыцарь со львом»:

Но как он сладок, новый мед,
Еще неведомые соты,
Неизреченные красоты
Любви, ко торая царит
В сердцах, где чудеса творит.
Весь мир любовь завоевала,
Повсюду восторжествовала
Она без боя и в бою... [4]

Быть влюбленным относилось к числу обязанностей рыцаря. Заботливость и обожание могли относиться лишь к даме из своего сословия, нередко занимавшей более высокое положение внутри этого сословия. Любовь должна быть взаимно верной, преодолевать нешуточные трудности и длительную разлуку. Эта линия и акцентируется прежде всего во всех рыцарских романах. Любовь к даме сердца должна облагораживать рыцаря. Она служила как бы полем для совершенствования его качеств как воина и как человека. «Должен славы искать ради своей госпожи тот, кто стал ей мужем или возлюбленным. Иначе она будет вправе разлюбить лишен-

ного славы и доблести» [3]. Яркий пример, когда упоенный любовью своей очаровательной супруги Эрек забыл о своем рыцарском долге, о друзьях, о придворном обществе. Не случайно все начинают осуждать «лентяя», а Энида проливает слезы из-за позора мужа. Перестав быть рыцарем, т. е. не принимая более участия в турнирах и опасных авантюрах, Эрек перестал им быть и в ином смысле – он перестал служить своей даме, перестал обращаться с ней «куртуазно» [5].

Кроме того, куртуазная любовь имела воспитательное значение для юношей при дворе. Двор был школой, в которой мальчики проходили обучение при сеньоре их отца или дяди по материнской линии. Естественно, что женщина, жена патрона, дама, принимала участие в воспитании будущих рыцарей. Признанная покровительница живущих при дворе юнцов, она в их глазах заменяла им мать, от которой они были оторваны почти детьми. Она была их доверенным лицом, наставляла и имела на них неоспоримое влияние. Это влияние подкреплялось тем, что дама делила с их господином не только ложе, но и его помыслы. Не говоря уже о ее прелестях, для преодоления соблазна, которых приходилось иногда окунаться по ночам в бочки с ледяной водой. Вместе с супругом дама присутствовала на бесконечных турнирах, на которых мальчики стремились отличиться и завоевать внимание господина. Любовь юношей устремлялась сначала к женщине, которая становилась тем самым посредницей между ними и сеньором. Любовь к даме, таким образом, включалась в механизм функционирования феодального общества.

Куртуазная любовь способствовала утверждению существующего порядка, проповедуя мораль, основанную на двух добродетелях: выдержке и дружбе. Рыцарь должен был уметь владеть собой, укрощать свои порывы. Правила игры, запрещающие грубо овладевать женщинами из хорошего общества, предполагали благородные пути для их завоевания. В то же время в языке трубадуров слову «любовь» постоянно сопутствует слово «дружба». Чтобы завоевать благосклонность той, кого рыцарь называл своим «другом», он демонстрировал самоотречение «Люблю вас так, что мне других не нужно благ. Меня доверием почтите! Хотите буду жить, хотите, умру, как жил, умру, любя. Люблю вас больше, чем себя!», преданность, самоотверженность в служении «На ненависть я отвечаю одной любовью и не чаю иной награды, лишь бы мне служить пленительной жене» [4]. А это как раз те качества, которых сеньор требовал от вассала.

Практика *fine amour* прежде всего повышала престиж «мужских» качеств: мужчине надлежало быть смелым и развивать присущие ему добродетели. От женщин тоже требовались смелость и осмотрительность. По правилам игры, падение женщин должно было происходить «благородным образом»: им следовало учиться держать себя в руках, владеть своими чувствами, бороться со своими недостатками – легкомыслием, лицемерием, чрезмерным вождением. Так в высших слоях общества любовная

игра служила воспитанию женщин. Она, по всей видимости, ни в малейшей степени не имела целью изменить существующий порядок подчинения женщины мужчине: как только игра кончалась, женщина возвращалась на отведенное ей Богом место, в непосредственную зависимость от мужчины. Однако, способствуя душевному совершенствованию женщины, куртуазная любовь подготавливала тем самым условие для ее возвышения хотя бы в этом смысле.

Влияние куртуазной любви на общество оказалось весьма плодотворным, что повлекло за собой быстрое распространение ее традиций. Чтение куртуазной литературы и проецирование ее сюжетов на обыденное поведение людей постепенно вовлекли в сферу игры незамужних девиц – с конца XII в. во Франции куртуазные обычаи становятся частью ритуала, предшествовавшего вступлению в брак. В игру включались и женатые мужчины. Они теперь также могли выбирать себе среди женщин «друга», которому служили, как молодые рыцари. Все рыцарское общество целиком стало куртуазным. Куртуазные обычаи превратились в норму, и то, что поэты некогда воспевали как опасный и почти недостижимый подвиг, стало теперь обычным требованием хорошего тона.

В то же время, взгляд женщины на любовь остается все еще неясным и скрытым; это гораздо более глубокая тайна. Женская любовь не нуждается в возвышении до уровня романтического героизма, ибо по своему характеру, связанному с тем, что женщина отдается мужчине и неотделима от материнства, любовь ее возвышенна сама по себе, и здесь нет необходимости прибегать к мечтам об отваге и жертвенности – вопреки себялюбию. В литературе взгляд женщины на любовь большей частью отсутствует не только потому, что создателями этой литературы были мужчины, но также и потому, что для женщины восприятие любви через литературу гораздо менее необходимо, чем для мужчины.

Образ благородного рыцаря, страдающего ради своей возлюбленной, прежде всего чисто мужское представление, то, каким мужчина хочет сам себя видеть. Мечту о себе как об освободителе он переживает еще более напряженно, если выступает инкогнито и оказывается узнаанным лишь после свершения подвига. В этой таинственности, бесспорно, скрывается также романтический мотив, обусловленный женскими представлениями о любви. В апофеозе силы и мужественности, запечатленных в облике летящего на коне всадника, потребность женщины в почитании силы сливается с гордостью и физическими достоинствами мужчины.

Литература

1. Смолицкая, О. В. Куртуазная любовь / О. В. Смолицкая // Словарь словесной культуры. – М., 2003. – С. 65 – 67.
2. Дюби, Ж. Куртуазная любовь и перемены в положении женщин во Франции XII в. / Ж. Дюби // Одиссей. Человек в истории. – М.: Наука, 1990. – С. 90 – 96.

3. Кретьен де Труа. Эрек и Энида. Клижес / Кретьен де Труа; пер. со старофр. В. Б. Микушевича. – М.: Наука, 1980. – 511 с. (Серия «Литературные памятники»).

4. Кретьен де Труа. Ивэйн, или Рыцарь со львом: роман / Кретьен де Труа; пер. со старофр. В. Б. Микушевича // Средневековый роман и по-

ведь. – М.: Художественная литература, 1974. – С. 29 – 152. (Серия «Библиотека всемирной литературы», т. 22).

5. Оссовская, М. Рыцарь и буржуа: исследование по истории морали / М. Оссовская. – М.: Прогресс, 1987. – 528 с.

УДК 37.075+93(571.1)

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ТОМСКОЙ ДИРЕКЦИИ НАРОДНЫХ УЧИЛИЩ В КОНЦЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВВ.

А. В. Блинов, О. А. Голикова

Вопрос об учреждении Дирекций народных училищ, концентрирующих в своих руках заведование всем школьным делом начальных народных училищ, неоднократно поднимался на протяжении второй половины XIX в., однако только в мае 1874 г. был принят закон «О начальных народных училищах». Учреждение Томской дирекции народных училищ относится к концу 1899 г., когда в соответствии с указом от 6 декабря на территории Томской губернии была введена должность директора народных училищ.

Томская дирекция, как и все прочие, была создана, прежде всего, для унификации управления всем школьным делом начальных учебных заведений под контролем Министерства народного просвещения. В соответствии с данной задачей, одним из направлений практической деятельности Дирекции становится концентрация под ее ведомством начальных учебных заведений.

Так, например, в ведение Дирекции были переданы горнозаводские школы Алтайского горного округа и казачьи школы ведомства министерства внутренних дел. Дело о передаче горнозаводских школ было начато 31 августа 1901 г., когда на имя министра народного просвещения было подано ходатайство, в котором сообщалось, что, с переходом контроля над начальными учебными заведениями в ведение специально созданного органа, прежнее управление утратило свое значение. Вследствие этого Кабинетом Его Императорского Величества был принят ряд мер к постепенному освобождению Главного управления Алтайского горного округа от заведования школьным делом. К данному моменту на попечении Кабинета находилось 9 школ, из которых 8 были расположены в горнозаводских селениях: Белоусовском, Гурьевском, Змеиногорском, Колыванском, Николаевском, Павловском, Риддерском и одна школа в поселке Ново-Николаевском (бывший рудник). Передача школ была осуществлена на следующих условиях: школьный инвентарь передавался бесплатно; округ давал субсидию на каждую школу по 600 руб. в год (до ее закрытия); учащиеся, чьи родители служат или служили в Алтайском округе, должны были обучаться бесплатно [2, с. 2].

Аналогичным образом решается вопрос и с передачей казачьих школ. Дело в том, что школы казачьих войск были подчинены надзору Дирекции с момента ее учреждения, но оставались независимы

от Министерства народного просвещения в финансовом отношении. Решение вопроса последовало только в 1916 г., когда появился одобренный Государственной думой и Государственным советом закон о передаче начальных училищ Астраханского, Оренбургского, Уральского, Сибирского, Амурского и Уссурийского казачьих войск в ведение Министерства народного просвещения.

Таким образом, был сделан шаг по достижению унификации в управлении начальными учебными заведениями, однако вне ведения Министерства народного просвещения по-прежнему оставались церковно-приходские школы и школы грамоты [10, с. 29].

Важным направлением в деятельности Дирекции становится преобразование существующих школ и пересмотр правил, на основании которых они действовали. Для преобразования требовалось ходатайство директора народных училищ и соответствующее разрешение попечителя учебного округа.

Так, 3 октября 1900 г. попечитель учебного округа дал согласие на преобразование с 1 июля 1902 г. Томского и Каинского городских уездных училищ, действующих по Положению от 31 мая 1872 г., соответственно в четырехклассное и трехклассное [3, с. 65]. С 23 марта 1902 г. второе Томское уездное училище было преобразовано в городское четырехклассное училище [3, с. 37]. С 4 августа 1907 г. Кузнецкое уездное училище было преобразовано в трехклассное городское, а Барнаульское двухклассное училище преобразовывалось в четырехклассное [3, с. 14, 120].

С преобразованием училищ в четырехклассные постепенно закрывались действующие при них первое и вторые младшие отделения, которые приравнивались по курсу к начальной школе. Вместо них должно было открываться соответствующее количество городских приходских училищ по уставу 1828 г.

Что касается открытия новых сельских учебных заведений, то 11 сентября 1906 г. Департаментом народного просвещения было сделано распоряжение, в соответствии с которым:

– разрешалось учреждать двухклассные начальные народные училища по программе и продолжительности курса двухклассных училищ Министерства народного просвещения, открываемых по инструкции 4 июня 1875 г.;

– создаваемые одноклассные и двухклассные училища Министерства народного просвещения, утвержденные на основании указанной инструкции, находились в ведении училищных советов.

Учитывая Постановление, Министерство внутренних дел признало необходимым внести определенные изменения в § 8 и § 15 Инструкции для двух- и одноклассных сельских училищ Министерства народного просвещения, утвержденной министром 4 июня 1875 г.

Так, в § 8 была внесена поправка о том, что двух- и одноклассные училища могли быть открыты исключительно на местные средства без всякого или с единовременным пособием из средств министерства. Создаваемые училища имели равные права и преимущества с прочими училищами Министерства народного просвещения.

К § 15 была внесена поправка о том, что двух- и одноклассные училища должны были состоять под непосредственным контролем директоров и инспекторов народных училищ и подчиняться училищным советам на общих основаниях с начальными народными училищами, созданными по Положению 25 мая 1874 г.

Обо всех изменениях попечитель учебного округа обязан был уведомлять министра народного просвещения для соответствующего распоряжения.

Что касается открытия городских училищ, то 24 февраля 1907 г. вышел циркуляр, согласно которому планировалось преобразование всех существующих городских училищ в четырехклассные [3, с. 103]. Для открытия нового училища необходимо было собрать информацию о состоянии местных средств, на которые это планировалось сделать. Если же их было недостаточно, министерство обещало, по возможности, оказывать поддержку как по устройству, так и по содержанию этих училищ.

Деятельность Томской дирекции приходится на то время, когда в стране на первый план выходит проблема всеобщего образования. II и III Государственной думой эта проблема была представлена на всеобщее обсуждение [11, с. 145]. Правительством и общественными организациями было разработано множество проектов, касающихся введения всеобщего обучения к 1914 г. [9, с. 13].

Для решения поставленной задачи необходимо было провести колоссальную работу: выявить потенциал действующих школ, составить планы школьных сетей и т. д.

В Томской губернии разработка планов по введению всеобщего обучения была возложена на дирекцию народных училищ. По плану, предложенному директором народных училищ, за основу для введения всеобщего образования необходимо было взять уже существующие учебные заведения. Финансовую сторону вопроса он предлагал решить преимущественно за счет казны и частично духовенства. Местные сельские и городские общества должны были взять на себя расходы по постройке школьных помещений [4, с. 220].

20 декабря 1909 г. состоялось заседание комиссии по разработке вопроса о составлении плана все-

общего обучения и школьного строительства на территории Томской губернии. На нем был заслушан подготовленный А. Мисюревым доклад, содержащий информацию о количестве детей школьного возраста и школах различного типа. Было отмечено, что в Томском, Барнаульском, Бийском, Змеиногорском, Каинском, Кузнецком и Мариинском уездах насчитывалось 330 волостей и 5374 селения с 3610763 жителей обоего пола. Детей школьного возраста насчитывалось 323675 человек, из которых в образовательный процесс было вовлечено 91218. В светских 780 школах обучалось 44664 ученика, в церковных 992 школах обучалось 46554 ученика. Таким образом, из 323675 детей школьного возраста получали начальное образование только 91218 человек, что составляло меньше, чем 1/3 [8, с. 8 – 9].

Было очевидно, что эти школы не могли обеспечить общедоступность начального образования, не говоря уже о возможности вместить новый ученический контингент. При введении всеобщего обучения 780 существующих светских школ должны были принять 71334 ученика, а 992 церковные школы 84622 ученика.

Оставшихся вне существующих школ детей (16700) должны были принять школы, проектируемые к открытию.

В конечном счете проект был утвержден. Согласно одобренному плану, в Томской губернии ежегодно должно было открываться по две школы и к 1920 г. осуществление всеобщего образования должно быть достигнуто [5, с. 82].

К сентябрю 1911 г. относится начало осуществления плана введения всеобщего образования. Над разработкой школьной сети всеобщего обучения в губернии работали инспектора и директор народных училищ. Работа осуществлялась под контролем и одобрялась в уездах (работа инспекций) Уездными училищными советами и в губернии (проводилась директором народных училищ) и одобрялась Губернским училищным советом.

В задачу инспекции и дирекции входило определение населенных пунктов, в которых должны были открываться школы, и их количество, чтобы предоставить всем детям школьного возраста (8 – 11 лет) возможность бесплатно получить начальное образование. При этом ставилось условие, чтобы школы находились на расстоянии не менее пяти верст друг от друга.

Реализация плана началась в 1909 г. с Барнаульского уезда и закончилась в 1915 г. [8, с. 6].

Еще одним из направлений в деятельности Томской дирекции становится распространение грамотности в переселенческих поселках Томской губернии. В ноябре 1909 г. под председательством губернатора была образована комиссия по открытию училищ в переселенческих поселках. Для открытия новых школ был разработан ряд правил, которым необходимо было следовать:

– школы могли открываться только в тех поселках, которые по своему состоянию не имели возможности открывать школы за свой счет и в ко-

торых еще не были открыты школы других ведомств;

- школы следовало открывать одноклассные, с тремя отделениями при одном учащем лице. Однако, в случае желаний общества, можно было открывать школу с четырьмя отделениями при двух учителях, но с условием, что общество брало на себя обязанность доплачивать на содержание второго учителя ежегодно не менее 240 руб. в год;

- Министерство народного образования должно было отпускать ежегодно по 500 руб. на училище с тремя отделениями, по 360 руб. учителю, по 60 руб. законоучителю и по 80 руб. на учебные пособия. На школы с четырьмя отделениями ежегодный отпуск мог увеличиваться до 700 руб.;

- на постройку школы (при комплекте учащихся в 50 человек) Министерство народного образования должно было выдавать безвозвратный кредит, составляющий не более половины стоимости постройки и не превышающий 2000 руб.;

- если у общества не было собственных средств, ему выдавалась безвозвратная ссуда из средств переселенческого управления;

- вся хозяйственная сторона вопроса возлагалась на местное общество [1, с. 146].

Так как ежегодно отпускаемых средств было не достаточно, были определены приоритеты по открытию школ. Преимуществом пользовались те переселенческие поселки, общества которых обязывались открыть школу с четырьмя отделениями, оказать открытию школы полное содействие, приняв на себя расходы при постройке и оборудовании школы мебелью.

Но, как показало время, вопрос о сельских начальных училищах министерства народного просвещения в переселенческих поселках на практике вызвал массу сложностей и ставил в большие затруднения местные Уездные училищные советы и районных переселенческих чиновников [7, с. 14].

Также следует отметить, что для улучшения условий благоустройства учебного заведения и положения учащихся 26 марта 1907 г. было принято Положение «О попечительстве при начальных училищах».

Согласно Положению, при начальных училищах всех наименований разрешалось учреждать попечительства. Открытие его разрешалось по ходатайству содержателей училища, – местным Уездным училищным советом или Городским училищным советом. В состав попечительства входили: попечитель и попечительница, законоучитель, учитель или учительница, представитель от земства и от города, выборные от местного населения [1, с. 150].

Насколько полезен для практической жизни был данный орган, мы можем судить исходя из постановлений съезда инспекторов народных училищ 1913 г., на котором был поставлен вопрос о попечительствах при начальных училищах. Было высказано мнение, что учреждение такого рода попечительств крайне желательно для начальных училищ. Они должны были заботиться о благоустройстве школьных помещений, о топении, освещении, найме под-

ходящего сторожа и т. д. При этом существовала необходимость серьезного подхода к вопросу, касающегося выбора попечителей и попечительниц. В реальности случалось так, что большинство из них избирались случайно, что приносило больше вреда, чем пользы [7, с. 12].

Таким образом, необходимо отметить, что деятельность Томской дирекции народных училищ была связана с наиболее злободневными проблемами, стоявшими перед народным образованием: открытие и преобразование учебных заведений, распространение грамотности среди населения. Однако, отвечая на вопрос о доступности населению Томской губернии начального образования, трудно не согласиться с мнением Д. И. Попова о том, что ни государство, в лице Министерства народного просвещения и святого Синода, ни органы местного самоуправления не могли в полной мере удовлетворить потребность народа в образовании [6, с. 319]. Ускоренная модернизация страны способствовала столь же ускоренному формированию ее культурных и образовательных потребностей. Дирекция училищ была призвана решать возникшие проблемы, но так и не смогла, за время своего существования справиться с этим в полном объеме.

Литература

1. Виноградов, П. Начальное образование в Томской губернии в 1908 г. / П. Виноградов. – Томск, 1910. – 34 с.
2. Государственный архив Томской области (ГАТО). Ф. 100. Оп. 1. Д. 74.
3. ГАТО. Ф. 100. Оп. 1. Д. 117.
4. Гизей, Ю. Ю. К вопросу о введении всеобщего начального образования в Томской губернии в начале XX века / Ю. Ю. Гизей // Ученые записки факультета истории и международных отношений. – Вып. 1. – Кемерово, 2001. – С. 219 – 225.
5. Мисюрев, А. Краткие сведения по истории Дирекции народных училищ Томской губернии / А. Мисюрев. – Томск, 1913. – 86 с.
6. Попов, Д. И. Культурно-просветительские общества в Сибири в конце XIX – начале XX вв. / Д. И. Попов. – Омск: Изд-во ОмГУ, 2006. – 360 с.
7. Рамзевич, Н. К. Краткий очерк о занятиях съезда инспекторов народных училищ Томской губернии, проходивший 17-19 марта 1913 г. в городе Томск / Н. К. Рамзевич. – Томск, 1913. – 54 с.
8. Успенский, А. П. Школьные сети всеобщего обучения по уездам Томской губернии / А. П. Успенский. – Томск, 1917. – 73 с.
9. Фальборк, Г. Всеобщее образование в России / Г. Фальборк, В. Чарнолуцкий. – М., 1908. – 169 с.
10. Шамахов, Ф. Ф. Школа Западной Сибири между двумя буржуазно-демократическими революциями (1907-1917 гг.) / Ф. Ф. Шамахов. – Томск, 1966. – 191 с.
11. Юрцовский, Н. С. Очерки по истории просвещения в Сибири. – Вып. 1. Общий ход развития школьного дела в Сибири. 1703-1917 гг. / Н. С. Юрцовский. – Новониколаевск, 1923. – 304 с.

94(4)"950/1400"

УСТРОЙСТВО И ФУНКЦИИ ЗАМКА В СРЕДНЕВЕКОВОЙ ЛИТЕРАТУРЕ X–XIV вв.*В. Н. Бурганова, Е. К. Дрюпина*

Прошлое всегда интересовало современного человека, который пытается найти ответы на вопросы, чем занимались его предки, как они жили, какие проблемы их волновали. Отчасти эти ответы он находит, изучая искусство, в котором отражаются чувства, страхи, переживания, надежды. Я. Я. Рогинский отмечал, что «своим искусством мы стремимся передать другим наши ощущения, восприятия и эмоции... Искусство освобождает нас от тоски, от одиночества, высказывает свою неповторимость» [1, с. 12]. Одним из таких искусств, отражающем разные стороны жизни средневекового человека, является архитектура, а одним из характерных для Средневековья архитектурных типов построек являются замки, начало строительства которых приходится на XI–XII вв. В специальной литературе этот процесс получил название «*incastellamento*», что буквально значит «озамкование». Начиная с XII в., с утверждением в Европе готического стиля, происходит оформление классического замка. Период формирования рыцарского замка было также временем, когда его образ замка находит отражение в литературе, изучение которой помогает воссоздать его устройство, функции и некоторые стороны жизни его обитателей.

В средневековой литературе часто встречается описание замка, изначально выполняющего несколько функций, первой и главной из которых была защитная. Это отразилось на его местоположении, при выборе которого учитывался главный принцип, состоящий в том, чтобы создать систему последовательных неприступных препятствий. В литературных произведениях упоминаются различные места возведения замков. Это мог быть лес:

В Броселианский лес дремучий,
В густую погрузившись тень,
Блуждал я лесом целый день...
Приметив замок небольшой [2, с. 35],

или:

Пускался рыцарь в лес густой,
Разросшийся в округе той...
В лесной зеленой гуще
До замка пробирался он [3, с. 85].

Замок мог находиться и на открытой местности, но всегда на возвышенности, например на горе:

Пошел к горе соседней,
Поднялся на нее
И в замок там стоявший,
Стучаться громко стал [4, с. 414].

Часто замки возводили на холме, высота которого, по данным Э. Окшотта, могла составлять от 30 до 40 футов (9 – 12 метров) [5, с. 57]: «покуда не рухнет стропила и кровля, пока стоят на холме хоромы» [6, с. 42].

Большое место в произведениях литературы отводится описанию устройства замка, его системе укреплений, что всегда сопряжено с подчеркиванием его защитной функции:

Вовнутрь ворваться невозможно,
Защита больше, чем возможна [7, с. 369],

или:

Замок перед ними
Прекрасный, с башнями большими [8, с. 16],

или:

Не просто замок: чудо-крепость!
Попытка взять её - нелепость.
Штурмуй хотя бы тридцать лет,
Обрушья на нее весь свет,
Вовнутрь ворваться невозможно:
Защита больше чем надежна... [7, с. 369].

Как правило, при описании в литературе воссоздается образ классического замка, окруженного земляным валом с частоколом, перед которым мог быть ров с водой, с перекинутым подъемным мостом, в результате чего замок казался неприступным:

Передо мной глубокий ров
И мост, как водится, подъемный [2, с. 35],

или:

Чтоб в замок вас могли впустить,
Вы попросите опустить
Сначала мост подъемный
Над пропастью огромной [7, с. 369],

или:

И только ветер или птица
Способны очутиться,
Перемахнувши через ров [7, с. 256].

Вход в замок преграждали высокие крепкие ворота, чаще с полуциркульным завершением, открывающиеся далеко не для всех гостей: «Ждал нидерландец долго у запертых ворот» [4, с. 414]. Для большей безопасности замок охранялся и «сторож замковый на башне стоял» [7, с. 279]. Упоминаются различные подземные и тайные ходы для хозяев и ловушки для непрошенных гостей, что также свидетельствовало о желании хозяев быть более защищенными перед неожиданно возникшей угрозой:

Одно лезвие стальное,
Там наготове по тайное...
Такой же смертоносный вход
Вел в замок неприступный тот.
Того, их, не желает мира,
Дверь потайная – Дверь-секира [2, с. 50].

В стенах замка часто двойных, а иногда и тройных делались бойницы и машикули (обходные дорожки в выступах или деревянные галереи на вершине стен), высота которых «от основания до зубчатого верха равнялась в среднем 70 – 80 футов (20 – 25 метров) [5, с. 79].

Известно, что донжон - «сердцевина» замка - представлял собой двух- или трехэтажную башню, форма которой могла быть разнообразной (круглая, четырехлепестковая, восьмиугольная, цилиндрическая и др.), которая внутри делилась деревянными перекрытиями на этажи. Донжон, расположенный в труднодоступном месте, выполнял несколько

функций: это было и главное оборонительное сооружение, и жилище, и резиденция. Нижние этажи обычно были нежилыми, на верхних располагались покои сеньора. Этажи соединялись винтовыми лестницами. Как и сам замок, донжон сначала строился из дерева, позже – камня. В «Беовульфе» упоминается об использовании железных скоб в конструкции донжона:

На редкость крепок,
На диво прочен,
Был зал для трапез,
Скобами железными
Намертво схвачен [6, с. 66].

В донжоне «вся жизнь сосредоточивалась в парадном зале – это самое большое помещение, используемое для различных целей» [10, с. 187]. Здесь устраивались прием гостей, собрания:

Его увидеть можно вон в том просторном зале.

В кругу своей дружины он восседает там

Внимая многоопытным и доблестным мужам [3, с. 368].

Этот же зал был залом «для трапез» [6, с. 63], где обычно собирались конунг со своей дружиной, сеньор со своими вассалами. Зал был местом развлечений и проведения празднеств:

Окончен пир, идут из зала [9, с. 67],

или:

Пир разгорелся...

Смехи песни

В хоромах грянули [6, с. 77].

Защищенный со всех сторон замок был отдельным миром. На территории его внутреннего двора располагалось все необходимое: дом сеньора, хозяйственные постройки, конюшня, кузница, капелла, жилища слуг:

Гостеприимный чистый двор,

Среди двора, предмет полезный...

В гонг безо всяких проволочек

Ударил трижды дворянин.

Все челядины, как один,

Из горниц выбежали сразу [2, с. 35].

С X в. в странах Западной Европы утверждается система крупных феодальных хозяйств, владельцы которых вели постоянные междоусобные войны. Цель – захват земли соседа, а следовательно, увеличение богатства и прежде всего собственных владений и власти. Как отмечал Ж. Дюби, в «Европе в XI в. господствует система ценностей, целиком основанная на стремлении отбирать и раздавать, насилии и соперничестве» [11, с. 22]. В этой борьбе замок служил главным средством защиты при возможном нападении врагов, в нем оборонялись и укрывались. Этот момент в литературе X – XI вв. встречается намного чаще, чем в произведениях более позднего периода.

Так как замок романского периода (X – XI вв.) выполнял в связи с частыми войнами прежде всего защитную функцию, а сами феодалы большую часть своей жизни проводили в походах и разъездах, что залы замков украшали ковры, которыми также утепляли помещения, «златовышитые на стенах ткани и дивные вещи», «пестроцветный настил дворцо-

вый» [6, с. 76]. Одной из особенностей в устройстве замков было наличие маленьких, высоко расположенных окон/бойниц, что также было продиктовано соображениями защиты.

С началом процесса централизации, с объединением ранее обособленных территорий и усилением власти монарха, происходят изменения и в образе жизни людей. Защитная функция замка будет сохраняться, но вместе с этим замок, где «можно разместить всех рыцарей и всех придворных в покоях светлых и просторных» [2, с. 80] все больше начнет превращаться в место проведения широких празднеств:

Чтоб в замке поддержать веселье,

Искуснейшие менестрели,

Пленяя пеньем и игрой,

Собрались пестрою толпой,

Гостям готовить развлечение [8, с. 66].

В литературных памятниках XIII–XIV вв. часто встречаются описания бытовых сцен, происходящих в стенах замка. При этом описание замка и жизни внутри него постепенно как бы отходит на второй план, уступая место описаниям собора, городской площади и событий, происходящих там, что может свидетельствовать о переменах, происходящих в повседневной жизни. Изменения были характерны и для менталитета средневекового человека, что нашло отражение в том числе в архитектуре. Это был период расцвета готики, когда замки из фортификационных сооружений начинают трансформироваться в укрепленные резиденции, со временем ставшие парадными загородными дворцами, отделка элементов которых приобретает все более декоративный характер. В литературе часто можно встретить описание главного зала, который с увеличением роли торжественных мероприятий становится более вместительным, пышным и характеризуется как «огромный», «просторный», «большой»:

Лишь рыцарей в огромном зале

Не меньше тысяч десяти

Могло легко места найти,

Притом никто был не забыт

Из дам, девиц и из их свит

Из компаньонов их и слуг...

И тысяча пятсот жонглеров [12, с. 20].

Большое внимание начинает уделяться оформлению интерьера. Активно используется декорирование стен, которые штукатурили, белили, расписывали красками, украшали рельефом, скульптурой. Темы росписей выбирались как из библейских, так и из светских сюжетов: военные сражения, охота, турниры, сцены из придворной жизни, литературных циклов. Приметой времени становятся появляющиеся витражи. В литературе встречаются упоминания об украшении стен даже драгоценными камнями:

Хрусталь, рубин, смарагд, топаз

Чудесно стены украшали [7, с. 509].

Стены зала освещали и украшали «свечами в больших светильниках златых», «сиянье свеч слепило взор» [7, 353]. Окна делаются высокими, «с

большими рамами» и, не редкость, низкими, что так же свидетельствует об изменениях, произошедших в жизни средневекового человека. С XIII в. начинают декорироваться потолки, которые до этого практически не обрабатывались: они украшаются кессонами, фигурно оформленными балками, росписями, геометрическими узорами:

Просторный, светлый этот зал,
Прекрасной росписью блистал.
Рисунки, краски, позолота,
Художественная работа [2, с. 51].

В описании устройства замков часто упоминаются роскошные аллеи и сады, в которых отдыхали гости или сами хозяева.

Таким образом, анализ литературных памятников классического Средневековья не только расширяет и конкретизирует наши знания о замках этого периода, рассказывая о событиях, связанных с ним, но и позволяет увидеть перемены, которые были характерны как для периода в целом, так и в отношении замковой культуры.

Литература

1. Рогинский, Я. Я. Об истоках возникновения искусства / Я. Я. Рогинский. – М.: МГУ, 1982. – 32 с.
2. Кретьен де Труа. Ивейн, или Рыцарь со львом // Средневековый роман и повесть / Кретьен де Труа. – М.: Художественная литература, 1974. –

С. 29 – 152 (Серия «Библиотека всемирной литературы», т. 22).

3. Фаблю. Старофранцузские новеллы / Фаблю. – М.: Художественная литература, 1971. – 346 с.

4. Песнь о Нибелунгах // Беовульф. Старшая Эдда. Песнь о Нибелунгах. – М.: Художественная литература, 1975. – С. 358 – 628.

5. Окшотт, Э. Рыцарь и его замок. Средневековая крепость и осадные сооружения / Э. Окшотт – М.: Центрополиграф, 2007. – 206 с.

6. Беовульф // Беовульф. Старшая Эдда. Песнь о Нибелунгах. – М.: Художественная литература, 1975. – С. 27 – 180.

7. Вольфрам фон Эшенбах. Парцифаль / Вольфрам фон Эшенбах // Средневековый роман и повесть. – М.: Художественная литература, 1974. – С. 259 – 578 (Серия «Библиотека всемирной литературы», т. 22).

8. Кретьен де Труа. Эрек и Энида // Кретьен де Труа. Эрек и Энида. Клижес. – М.: Наука, 1980. – 510 с.

9. Козьякова, М. И. История. Культура. Повседневность. Западная Европа: от античности до XX века / М. Козьякова – М.: Весь мир, 2002. – 357 с.

10. Дюби, Ж. Европа в Средние века / Ж. Дюби. – Смоленск: Полиграмм, 1994. – 322 с.

11. Фламенка. – М.: Наука, 1983. – 320 с.

94(4) "1000/1400"

ОБРАЗ ПИРА В РЫЦАРСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ СРЕДНЕВЕКОВЬЯ

В. Н. Бурганова, В. В. Кос

Такие понятия, как «пир», «пиршество», «трапеза», «застолье» фигурируют в литературе разных народов. Пир как историческое явление и его фиксация в произведениях разных эпох даёт возможность определить в нём ведущие составляющие, т. е. то, что на том, или ином этапе выходило на первый план.

Средневековье, будучи эпохой многогранной, вместившее в себя, казалось бы, несочетаемое (святость и греховность, культ Прекрасной Дамы и грубость нравов и др.), «породило» пир, который ассоциируется прежде всего с рыцарством и описаниями которого изобилует литература этого периода. Это относится как к произведениям рыцарской эпической литературы, так и рыцарского куртуазного романа, становление которого начинается к XII веку.

В раннее Средневековье, как и до этого, когда система личных связей была во многом определяющей, необходимость поддержания собственного статуса и авторитета посредством публичной демонстрации богатства и щедрости (раздача подарков приближённым, награды отличившимся) вызвала практику застолий и пиров, имеющих огромную социальную значимость. В этом смысле пир был не частным развлечением, а особой формой межличностного общения, актом социальной коммуникации и составляющим элементом системы управления [1, с. 119]. Пиршества устраивались по разным значи-

мым поводам как то посвящение в рыцари, свадьба, религиозные праздники, охота и др.

На Троицу блистала знать.

Сначала в зале пировали [2, с. 162].

Рыцарский пир – не столько трапеза и приятное времяпрепровождение, сколько социально-политический институт, посредством которого регулировались многие сферы общественных отношений: на пиру часто решались государственные вопросы, многочисленные подтверждения чего встречаются в литературных памятниках. Так, например, из «Песни о Нибелунгах» можно узнать, что король Гунтер, одержав победу над саксами и датчанами, устраивает по этому поводу грандиозный пир, после которого он заключает мир со своими бывшими противниками:

Ему в ответ датчане: спасибо вам за пир,

Но мы хотим, чтоб с нами вы заключили мир [3, с. 394].

Другой пример можно привести из «Песни о Сиде», когда после двух дней пиршества король созвал совет, на котором было принято решение выдать дочерей Сиды за инфантов Каррьона [4, с. 317].

Общее хмельное настроение способствовало укреплению дружеских связей, разрешению конфликтов и делало принятие управленческих решений менее тягостным занятием. К тому же, во время совместной трапезы давались обеты и клятвы, а

в свидетели призывались присутствующие на пиру. Тем самым воины поднимали свой престиж в глазах окружающих [5, с. 144]. Один из таких примеров можно найти в «Беовульфе», когда главный герой обещает за пиршественным столом, что он либо избавит замок Хродгара от бедствий, чинимых чудовищем Гренделем, или погибнет в битве с ним [6, с. 59]. И несмотря на то, что все произносилось под влиянием хмеля, любой дававший клятву нес ответственность за каждое слово.

Коллективная трапеза играла важную роль не только в укреплении существующих связей, но и в создании новых, например в процессе интеграции индивида в группу. Участие новичка в застолье составляло важную часть ритуала интеграции и означало, что он принял правила поведения и основополагающие ценности группы [5, с. 302]. Хозяин празднеств, будь то король или крупный сеньор, старался показать свое могущество и богатство, удивляя обилием пищи и одаривая всех присутствующих не только своей заботой и вниманием, но и ценными подарками [3, с. 389]. Пир был одной из возможностей продемонстрировать и прославить свою власть, создать такой ее образ, который обеспечивал бы покорность подданных, а также уважение друзей и врагов. И в этом смысле пир выполнял репрезентативную функцию.

Пир и отражение его образа в средневековой литературе, с одной стороны, трансформировались вместе с изменением института рыцарства, а с другой – это было следствием изменения уровня развития экономики, торговли и в целом условий жизни.

Так, пиршества периода формирования рыцарства являлись прямым продолжением тех трапез германцев, устраиваемых дружинными вождями для своей дружины, о которых писали еще античные авторы. Рыцарские пиры практически не отличались от предшествующей эпохи ни нравами, ни функциями, главная из которых была социально-политическая, ни значением. Готовили те же самые блюда, что и для повседневной трапезы, но в больших количествах. Может быть, поэтому в описании пира упоминание о еде сводятся главным образом к подчеркиванию обилия снеди и богатству стола:

Как говорят сказанья, ломились от еды

Столов, накрытых пышно, бессчетные ряды [3, с. 427].

При этом перечень напитков представлен достаточно полно, а именно – пивом, вином и, конечно, медовыми напитками [6, с. 52].

Здесь пир, в том числе возможность наесться досыта (своего рода обжорство), причем самого грубого свойства, о чем может свидетельствовать то, что доблестные воины ели руками, бросая объедки собакам, свободно бродившим среди лавок; руки вытирали об одежду или волосы [8, с. 327]. Женщин на пиру не было, за исключением королевских особ [6, с. 59], которые собственноручно, «по древнему чину» [6, с. 58], в знак почести, «ухаживали» за именитыми гостями.

Золотая и серебряная посуда была дорогой и ее было немного, а есть из глиняной или деревянной

было недостойно знатного человека. Поэтому было принято пускать кубки по кругу: «Обходили стол чаши с брагою» [6, с. 122]. Персональным мог быть кубок, но, согласно традиции и правилам приличия, требовалось протянуть сотрапезнику бокал не тем краем, с которого только что отпил сам.

Как правило, положение гостей в трапезной строго регламентировалось. Наиболее знатные, храбрые и сильные вассалы или гости располагались ближе к хозяину пиршества. Кроме того, родственники старались посадить поближе друг с другом: «И воссели там родич с родичем, вождь с героем» [6, с. 122] «Всем приглашенным Гунтер, готовясь к тожеству, отвел места по сану, рождению, старшинству» [3, с. 389]. К тому же, регламентировалось и распределение пищи в соответствии с социальной и профессиональной принадлежностью [9, с. 102]. Занимаемое участником пира место и потребляемая пища становятся средством социальной идентификации [7, с. 306]. Хозяин пиршества восседал на самом видном месте, обычно его стол и кресло находились в центре зала на помосте и возвышались над остальными (так называемый высокий стол):

Красавица Крим хильда направилась за ним

На середину зала, где за столом большим

Сидел король с Брюнхильдой, супругой своей,

Среди толпы наехавших из разных стран гостей [3, с. 428].

Но, несмотря на регламентацию мест и пищи, рыцарский пир – это не столько иерархизированный «институт», сколько корпоративный. Большая часть собравшихся были равны по своему положению, да и сама атмосфера таких трапез, способствующая сближению пирующих, подчеркивала, прежде всего, что все они относятся к одному словию. К тому же, долгое время только рыцарская корпорация могла позволить устраивать пиры, что являлось ее гордостью и привилегией.

Во время празднеств, которые могли длиться неделями, проводились турниры, «в искусстве состязались бродячие певцы» и музыканты и т. д. [3, с. 363]. Причем потешные бои устраивались несколько раз за день, обычно утром и вечером, т. е. в то время, когда солнце не было таким беспощадным [3, с. 450]. Остается еще сюда добавить соревнования в роскоши, транжирстве и моде, которые были не менее зрелищны, чем все остальные:

Повсюду так сверкали и восхищали взгляд

То щит с отделкой пышной, то дорогой наряд,

То золотою нитью расшитое седло [3, с. 389].

Если в героическом рыцарском эпосе основные сюжетные линии относятся к раннему Средневековью и тема героики – главная, то в куртуазном романе пропагандируются высокие рыцарские идеалы, один из которых был связан в культуре с культом Прекрасной Дамы, т. е. возвышенной любви смиренного рыцаря к высокородной замужней женщине, госпоже. Суть ее состояла в бескорыстном обете служения, который рыцарь приносил своей возлюбленной. Все это придавало исключительное значение любви как чувству, возвышаю-

щему человека, пробуждающему в нем все лучшее, вдохновляющему на подвиги. Куртуазная культура привнесла изменения и в картину пира, сделав присутствие на нем дам обязательным. Считается, что это положительно сказалось на застольных нравах (мытьё рук, более изысканные манеры и т. п.):

Чтоб вымыть руки, подают

И ценный золотой сосуд,

И полотенце в зал приносят [10, с. 196].

Пир, не утратив своей социально-политической значимости, со временем начинает приобретать все более развлекательный и зрелищный характер, в том числе за счет присутствия дам, что еще больше привнесло разнообразия в повседневность и монотонность жизни. Изменения проявились и в том, что на пир стали готовить не только традиционные кушанья, главными из которых были блюда из мяса, сколько подавались изысканные блюда, такие, как дичь (например, тушки орешниковых сонь, аистов, орлов, медведей, бобровые хвосты):

За праздничным столом сполна

Дичины, хлеба и вина,

И чтобы кто не пожелал –

Тотчас же щедро получал [12, с. 66].

Наряду с мясом подавались деликатесы, пряности, привезённые с Востока, лучшего качества и более дорогие вина, диковинные кушанья, приготовленные поварями:

Любим горячим иль холодным блюдом,

Заморским или местным,

Известным исстари и неизвестным,

Любою птицей или дичью –

Предела нет его величью [10, с. 196].

Количество, разнообразие и изысканность блюд имели решающее значение, т. к. многочисленные перемены блюд предназначались прежде всего не для удовлетворения голода, а для демонстрации богатства. Как заметил немецкий исследователь Рональд Ветер: «Кого мог оставить равнодушным вид такого блюда, как павлин, «извергающий» пламя? И жареные медвежьи лапы красовались на столе определенно не для того, чтобы восславить охотничьи способности хозяина дома, принадлежащего к высшим кругам общества. Все это предназначалось в основном для зрительного восприятия». Созвучны с этим приводимые Мишелем Пастуро слова средневекового автора: «Слуги устроили стол и приготовили его для трапезы. Вымыв руки, трое сотрапезников, не медля, сели. Вам было бы скучно, если бы я стал перечислять мясные блюда, которые им подавались, Лучше, если я умолчу об этом. Мои слушатели будут освобождены от лишнего груза, а я – от бесполезного труда. Однако я не солгу, если скажу вам, что они ели мясо превосходного качества и пили прекрасные вина, сколько хотели» [11, с. 95 – 96]. С определенностью можно говорить, что разнообразные блюда из мяса были одним из признаков демонстрируемой роскоши. Именно роскошь стола была одним из важнейших элементов роскоши как таковой, признаками которой также служили дорогие вина, фрукты, подаваемые дамам на десерт, столовое серебро, дорогие графины, вилки, золотая по-

суда, и стеклянная, которая была редким явлением, кувшины для воды, салфетки и свисающие до пола скатерти:

Возникли чаши, кубки, блюда,

Драгоценная посуда,

И радовали взоры

Из серебра приборы [12, с. 194].

или:

Добавим, что в руках у них –

Сто белых скатертей льняных [12, с. 196].

Пиршество на протяжении всего Средневековья обычно сопровождалось музыкой и героическими песнями, имеющими познавательный и назидательный оттенок:

Сливались музыка

И голос в песне...

Тронул струны

Сказитель Хродгаров [6, с. 79].

В рыцарском романе можно встретить и упоминания о музыкальных инструментах. Так, у Кретьена де Труа встречается практически перечень всех инструментов того времени:

Те принесли с собою ноты,

Те – арфы, дудочки и роты,

Тут звуки скрипки и виолы,

Там флейты голосок весёлый...

Волынки, барабаны, бубны,

Порой могучий голос трубный,

А то свирель поёт опять [12, с. 66].

Еще больше пиры «облагораживаются» в XIV в., когда законодателем моды не только в одежде, но и в манерах, образе жизни становится бургундский двор, слава о роскоши которого распространилась по всей Европе. Этот стиль с очевидностью являл собой показную изысканность и утонченность, а также то, что одним из главных мотивов поведения человека было не столько его богатство как таковое, сколько возможность его демонстрировать, т. е. «жить напоказ». В отношении пиров это проявилось в том, что они часто сопутствуют турнирам, которые к этому времени в значительной степени аристократизируются, на них устраиваются литературные и музыкальные состязания, демонстрируют роскошь застолья, что выражается в изобилии, недоступном простым людям. В этом смысле пир представлял собой театрализованное действие, значимое событие не только для приглашенных, но и для простого люда, который приходил посмотреть на увеселенья, ну и, конечно, питал надежду, что рыцарская щедрость не обойдет его стороной.

В средневековом обществе, при неизменности социальной значимости пира, эволюция его очевидна, что достаточно хорошо просматривается в литературных памятниках, даже с учетом к гиперболизации средневековых авторов. Эта эволюция идёт в сторону современного его значения в том смысле, что под пиром принято понимать богатую и торжественную еду с приглашением многих гостей [13, с. 194]. Пир все более давал возможность демонстрировать социальную состоятельность его устроителей, поскольку в нем соединялось то, что, по словам Ле Гоффа, было проявлением социаль-

ной дифференциации [13, с. 335], а именно: дом (*замок, дворец*), пища (количества и качество) и костюм (*доспех, оружие*).

Пиршества Средневековья, которые обычно ассоциируются с дружинниками, рыцарством и придворной жизнью, к концу периода, во многом утратив узкосословный характер, становятся «достоянием» более широких кругов, поскольку совместные трапезы в рамках различных корпораций, приуроченные к значимым праздникам и событиям, стали типичным явлением. В изменившихся условиях застольная роскошь, наряду с одеждой, выражала этику власти и репрезентации, объединяя тем самым аристократию и горожан.

Литература

1. Харитонович, Д. Е. Ремесло, цехи и миф / Д. Е. Харитонович // Город в средневековой цивилизации Западной Европы. – М.: Наука, 1999. – Т. 2. Жизнь города и деятельность горожан. – С. 118 – 124.
2. Кретьен де Труа. Ивейн, или Рыцарь со львом / Кретьен де Труа // Хрестоматия по литературе Средневековья. Т. – 2. – СПб.: Азбука-классика, 2003. – С. 162 – 185.
3. Песнь о Нибелунгах // Беовульф. Старшая Эдда. Песнь о Нибелунгах. – М.: Художественная литература, 1975. – С. 358 – 628.
4. Песнь о Роланде. Коронование Людовика. Нимская телега. Песнь о Сиде. Романсеро. – М.: Художественная литература, 1975. – 656 с.
5. Кардини, Ф. Истоки средневекового рыцарства / Ф. Кардини. – М.: Прогресс, 1987. – 380 с.
6. Беовульф // Беовульф. Старшая Эдда. Песнь о Нибелунгах. – М.: Художественная литература, 1975. – С. 27 – 180.
7. Тушина, Е. А. Общение за столом: сотрапезничество и застолье в течение веков. Руан, 1992 г. / Е. А. Тушина // Одиссей. Человек в истории. 1999. Трапеза. – М.: Наука, 1999. – С. 301 – 310.
8. Порьяз, А. Мировая художественная культура. Средневековье / А. Порьяз. – М.: Олма-пресс, 2001. – 479 с.
9. Попенсков, А. С. К образу пира в средневековой ирландской литературе / А. С. Попенсков // Одиссей. Человек в истории. 1999. Трапеза. – М.: Наука, 1999. – С. 100 – 108.
10. Эшенбах В. фон. Парцифаль // Хрестоматия по литературе Средневековья. Т. 2. – СПб.: Азбука-классика, 2003. – С. 186 – 203.
11. Пастуро, М. Повседневная жизнь Франции и Англии во времена рыцарей Круглого стола / М. Пастуро. – М.: Молодая гвардия, 2001. – 239 с.
12. Кретьен де Труа. Эрек и Энида. Клижес / Кретьен де Труа. – М.: Наука, 1980. – 511 с.
13. Ожегов, С. И. Толковый словарь русского языка / С. И. Ожегов, Н. Ю. Шведов. – М.: АЗЪ, 1993. – 960 с.
14. Ле Гофф, Ж. Цивилизация средневекового Запада / Ж. Ле Гофф. – М.: Прогресс, 1992. – 376 с.

УДК 94(364)

САКРАЛИЗАЦИЯ КОРОЛЕВСКОЙ ВЛАСТИ У КЕЛЬТОВ

С. А. Васютин, Р. Ю. Бerviнова

Один из самых распространенных сюжетов в исследованиях медиевистов последних десятилетий связан с темой сакрализации верховной власти. Ментальные представления о сакральности древних и средневековых правителей прежде всего находят отражение в эпических произведениях, являвшихся плодом устной народной традиции и культуры. Эпос, таким образом, дает один из самых точных ментальных срезов. Благодаря «Песне о Нибелунгах», «Старшей Эдде», «Беовульфу», сагам проблема сакрализации власти весьма подробно исследуется на примере германских и скандинавских конунгов. Однако по отношению к кельтскому миру эта тема остаётся в целом малоизученной. Особенно эта тенденция характерна для отечественной историографии. В связи с этим в данной статье мы попытаемся на основе доступных для нас источников выявить особенности сакрализации королевской власти в Ирландии I тысячелетия н. э.

Необходимо отметить, что ирландская литературная традиция рассматриваемого периода включает несколько исторических «пластов», которые мы весьма условно можем обозначить как «мифологический», «архаичный», «дохристианский истори-

ческий», «христианский». Понятно, что в такой ситуации образ правителя нередко предстает как состоящий из разновременных напластований, то есть мы сталкиваемся со своеобразным ментальным полимессом. Учитывая это, мы преимущественно будем обращаться к сакрализации власти у ирландцев в свете дохристианской традиции.

Носитель верховной светской власти в Ирландии традиционно обозначался термином «ри». Исследователи нередко переводят это понятие буквально как «король». Мы также вынуждены пользоваться данной трактовкой, осознавая при этом, что все последующие примеры наглядно показывают власть ри в несколько ином свете. Она имела существенные отличия от общепринятого восприятия королевских полномочий и функций. Например, первоначально власть ри не была наследственной и считалась достоянием рода.

В отличие от германцев, избравших конунга из наиболее видных членов рода, кельты полагали, что «танайше риг» («второй после короля», то есть преемник правителя) был предопределён заранее, и признавали таковым одного из родичей ри ещё при его жизни. Зачастую он принадлежал к другой вет-

ви рода, нежели его предшественник. У ирландцев и шотландцев, например, постепенно сложилась традиция чередования на престоле представителей разных ветвей одного и того же рода, находившихся во всё более дальнем родстве. В связи с этим весьма интересно то, как древние ирландцы определяли человека, который, по их мнению, должен был стать законным королём. В контексте поставленных нами задач важно также выяснить, какие сакральные процедуры применялись в момент возведения в королевское достоинство.

Для выяснения законности наследника престола в Ирландии существовал следующий обряд, который весьма красочно описывается в саге «Разрушение дома Да Дерга»: «Собрались тогда ирландцы на праздник быка. По обычаю, на нем убивали быка, и один из мудрейших мужей (вероятно, здесь имеется в виду друид) наедался досыта его мясом и пил отвар из его костей, потом мудрец шел ко сну, а над его ложем произносили слова правды. Тот, кого случалось видеть ему во сне, должен был стать королем. Помертвели бы губы его, лишь осмелился сказать он неправду» [1]. После того как друид просыпался, он называл будущего правителя и тут же озвучивал ему обязательные запреты и правила, которые должен соблюдать новый правитель. Вот, например, те из них, которые содержатся в саге «Разрушение дома Да Дерга», здесь друид говорит Конайре, что он, когда станет королём, должен будет соблюдать некоторые запреты.

...Благородна власть птиц. Вот каковы эти запреты.

Нельзя обходить тебе Бергу (ограждение королевской усадьбы) слева направо, а

Тару (королевскую усадьбу) справа налево.

Нельзя тебе убивать диких зверей Керны.

Каждую девятую ночь ты не можешь покидать пределы Тары.

Нельзя тебе проводить ночь в таком доме,

Откуда наружу виднелся б огонь

Или свет был замечен оттуда.

Не должен случиться прабёж при правлении твоём.

Да не войдут в твоё жилище после захода солнца Одиноким мужчиной или женщиной.

Не должно тебе решать спор двух рабов... [1].

Для того чтобы окончательно стать при одном или нескольких кельтских племён, будущий король должен был «вступить в брак» с «Властью». Этот обряд, очевидно, был связан с плодородием и известен как *banais rigi* – «королевский брак». Кроме того, многие исследователи ассоциируют *banais rigi* с образом пира. В литературе повествуется о множестве таких пиров (*feis*), которые устраивались королями различных провинций Ирландии или же предполагаемым верховным королём острова: пир в Эмайн, столице Улада, пир в Таре, столице центральной провинции Ирландии, и пир в Круахане, столице Коннахта. Джеймс Карни, например, убедительно доказал, что сам термин «пир» следует рассматривать как отглагольное существительное от *foaid* – «спать», «проводить ночь». Отсюда выражение «*feis la mnaí*» – жениться на женщине. В ир-

ландской традиции королевская власть осмыслялась в терминах сакрального брачного союза короля с богиней территории, составляющей его королевство. Этот священный брак был призван обеспечить удачное правление королю и жизненное благополучие его подданным. В сагах богиня могла приобретать персонифицированный вид, вначале страшной старухи, превращающейся при встрече с истинным правителем в прекрасную деву, как это и происходит в истории о Ниалле Ноигиалахе, родоначальнике доминирующей в раннем средневековье королевской династии О Нейлов.

Среди персонажей саги «Похищение Быка из Куальнгё» её черты угадываются в королеве Медб. На церемониях, посвященных *banais rigi*, совершался обряд, связанный с употреблением священного одурманивающего напитка, вероятно, приготовление, которого связано с мёдом. Так, даже имя королевы Медб обозначает сильную степень опьянения. Подобная форма священного бракосочетания является устойчивой парадигмой среди всех кельтских народов.

Кроме вышеописанного обряда принятия власти в кельтском обществе, существовал ещё один не менее интересный обряд. Наиболее ярко он описан Гиральдом Камбрийским, который позиционирует его как «варварский и отвратительный обычай», не пытаясь понять ритуальной сути этого обряда: «Тот, кто должен быть помазан на царство, – пишет Гиральд Камбрийский, – не как князь, но как зверь, не как король, но как преступник, – выходит перед народом на четвереньках, признавая себя тем самым зверем с наименьшим бесстыдством, нежели безрассудством. Перед ним немедленно выводят белую лошадь для ритуального соития, а затем её убивают, разрезают на куски и варят, и для него приготавливается ванна из бульона. Сидя там, он поедает мясо, которое приносят ему его подданные. Люди же, следуя примеру своего новоиспечённого правителя, также едят мясо из котла. Он также должен пить тот бульон, в котором только что мылся, при этом, не помогая себе руками. Исполнив должным образом все эти нечестивые дела, он подтверждает своё королевское достоинство и владение» [Цитата по: 2]. Племя, описанное Гиральдом Камбрийским, обитало в Ульстере, а этот ритуал инаугурации королей практиковался вплоть до 1185 года. Помимо него, в Ирландии существовал обряд ритуального брака с тотемом, который также зафиксирован Гиральдом Камбрийским среди удалённых северных племён, где существовала тотем-богиня, представленная в виде лошади или ассоциировавшаяся с ней. В историографию она вошла под галльским именем Эпона. А среди галльских королевских имён присутствует *Epo-meduos*, где первый фрагмент обозначает коня, а второй – медовый напиток. И в качестве переходного момента можно привести в пример сагу «Недуг Уладов», в которой Маха, богиня плодородия, на ристалище колесниц бежит быстрее лошадей.

Ещё один обычай ассоциировал сакральную процедуру восшествия короля на кельтский престол

с инцестом. Отголосок этой древней традиции слышен в истории о рождении Лугайда Реодерга (с красными полосами). В результате инцеста трёх близнецов, сыновей верховного правителя Ирландии, с сестрой, которая, по одной из версий, была воплощением власти в Коннахте, устранённой затем более известной сестрой Медб, рождается Лугайд Реодерг, тело которого поделено на три части по средствам двух красных полос на уровне горла и пояса. Исследователи видят в этом делении воплощение моральной, физической и фертильной энергии короля.

Но образами богини плодородия, богини-то тема и инцестом данная тема далеко не исчерпывается. Ирландская литература говорит о браке с богиней Власти (flaithius), олицетворявшей подвластную территорию (ср. вал. Gwlad – «земля»), как тотем воплощал всех людей племени, над которыми король приобретал власть. Таким образом представления о сакральном характере власти ри были неразрывно связаны с персонажем, олицетворявшем политическую власть в руках правителя, в образе женщины.

Однако, кроме столь неординарного восхождения на кельтский престол, существовала и обычная форма инаугурации короля, выраженная во вручении ему белого жезла как знака королевской власти. Верховному королю его давал наиболее выдающийся король из числа его вассалов.

Как уже было отмечено выше, «правильность» выполнения ритуала инаугурации кельтских королей отражалась на плодородии, а сама инаугурация может рассматриваться как один из ритуалов, направленных на улучшение плодородия. Если сам король оказывался бесплодным, то такими становились и его народ, его стада и его земля. Например, в саге «Приключения Арта, сына Конна» мы читаем: «Конн Ста Битв, сын Федимида Рехтмара... однажды был в Таре Королей, в благородном, величественном жилище, в течение трёх лет, и не было ничего, чего не хватало бы людям Ирландии во время правления этого короля, ибо воистину, они собирали урожай три раза в году» [3]. Однако, когда королева не смогла родить наследника и умерла, Конн взял в жёны Бекуму – представительницу Иного Мира, принадлежавшую к племенам богини Дану (эти племена считались мифологическими основателями Ирландии), всё пошло по-другому: «Конн и Бекума провели год вместе в Таре, и в это время в Ирландии не было ни зерна, ни молока» [3].

Считалось также, что праведность и даже само физическое совершенство ри обеспечивают благоденствие его народа, тогда как отступление от истинного пути (или физическое увечье, как одно из последствий такого отступления) влечёт за собой природные катаклизмы, неурожаи, болезни, распри и военные неудачи. Так, например, в саге о второй битве при Маг Туиред упоминается король Племен Богини Дану – Нуада. В битве ему отрубили руку, и бог медицины Диан Кехт сделал ему искусственную руку из серебра: она была подвижна во всех суставах, но даже при этом король был уже не совершен-

нен и должен был отречься от престола. «И тогда начался раздор между Племенами Богини Дану из-за того, кому править Ирландией, ибо не мог королём быть Нуада с тех пор как лишился руки» [4]. Таким образом, если королю не доставало хотя бы одного из тех качеств, которыми он должен был обладать, он вынужден был отречься от власти – в независимости от того, сколь хорошим правителем он был и как любил его народ. Кроме того, ослабевшего, стареющего короля, возможно, ритуальным образом убивали до того, как потеря сил могла оказать своё пагубное влияние на плодородие его царства [5].

В кельтском обществе король считался полубожественным существом; его предком в конечном счёте был эпонимный бог племени. Например, очень часто кельтских «ри» считали сыновьями бога иллюзий Мананана Мак Лира. Самая распространённая история об отцовстве Мананана – рождение исторического короля Монгана (ум. в 615 г.), правившего в Мойлинни на озере Лох-Ней на севере Ирландии, в королевстве Круитни. В повести рассказывается, что король Фиакна Лурган, отправился в Альбу (Шотландию), чтобы оказать помощь своему союзнику в борьбе против саксов. Он оставил свою жену в королевских покоях в Мойлинни. И там перед ней появляется человек благородного вида и говорит ей, что её муж будет убит в битве на следующий день, если она не согласится зачать от него (Мананана) сына, который будет знаменитым Монганом. Чтобы спасти жизнь своему супругу, она соглашается. В результате незадолго появляется в Альбе и побеждает противника Фиакны. А у его жены рождается сын. Этот ребёнок был необычен тем, что унаследовал способности Мананана. Это произошло на третью ночь после рождения Монгана, когда Мананан забрал его в Землю обетованную, где и воспитывал до двенадцати лет [6]. Здесь мы можем видеть, кроме всего прочего, некий синтез дохристианской и христианской традиций, так как представления о дохристианской сакрализации мирно сосуществовали с церковными обычаями, зачастую случалось так, что король являлся также и католическим епископом.

Символические и магические камни также были тесно связаны с церемониями королевской инаугурации. Согласно представлениям ирландцев, хорошо известный Лиа (камень) Фаль, например, кричал, когда на него вступал законный король Ирландии. Когда на него вступил Верховный король – Конн Ста Битв, – камень прокричал много раз.

Таким образом, можно говорить о том, что у кельтов, как и во многих других обществах, король (или вождь) считался, несомненно, священной субстанцией, любимцем верховных божеств, таких как Мананан и Луг Мак Лир. Король являлся своеобразным проводником воли богов и наделялся населением теми же функциями и качествами, что и боги. Если король был правильным образом избран, то есть во время вышеописанных обрядов инаугурации он сделал все в соответствии с древними традициями кельтского народа, то его правление

было благополучным и долговременным. Но если же обряд инаугурации был нарушен или же правитель имел физические недостатки, его правление было обречено на неудачу, так как он был неугоден богам. Согласно представлениям ирландского населения «правильность» и «неправильность» ри оказывала соответственно положительное или отрицательное воздействие на всю страну, плодородие почв и благополучие народа в целом. Существовала даже практика насильственной смерти короля, если тот старел и тем самым подвергал опасности благополучие страны, так как кельты считали, что жизнь и физическое состояние правителя является отражением жизни и процветания общества.

Литература

1. Разрушение дома Да Дерга // Предания и мифы средневековой Ирландии / пер., вступит. статья

и коммент. С. В. Шкунаева. – М.: Изд-во МГУ, 1991. – С. 102 – 127.

2. Филипп, Я. Кельтская цивилизация и её наследие / Я. Филипп. – Прага: Изд-во Чехословацкой Академии наук, 1961. – 421 с.

3. Приключения Арта, сына Кона / пер. С. В. Шкунаева // Сайт «Castlevania» / <http://castle.kulichki.net/myth/irish/art.shtml>: электронный ресурс 23.04.2008.

4. Битва при Маг Туиред // Предания и мифы средневековой Ирландии / пер., вст. статья и коммент. С. В. Шкунаева. – М.: МГУ, 1991. – С. 33 – 48.

5. Росс, Э. Кельты – язычники: быт, религия, культура / Э. Росс. – М.: Центрполиграф, 2005. – 254 с.

6. Диллон, М. История кельтских королевств / М. Диллон, Н. К. Чедвик. – М.; СПб.: Евразия, 2002. – 512 с.

94(368) + 94(363.2)

МЕЧ В СЕВЕРОЕВРОПЕЙСКОЙ КУЛЬТУРЕ VIII – XI ВВ.

С. А. Васютин, И. А. Кабурнеев

Мечи получают сравнительно широкое распространение у древнегерманского населения Северной Европы в эпоху Великого переселения народов (поздний римский век). Судя по археологическим находкам, наиболее часто встречались три вида мечей. Первый – длинный обоюдоострый римский меч, который правильнее называть «кельтским», потому что такие мечи для конных воинов создавались по кельтским образцам (кельтский оригинал в литературе называют «спата» / *spatha*) и нередко кельтскими же кузнецами. Образцовые находки таких «кельтских» мечей были обнаружены в погребении № 2 в Кюндбю и Билдсе на о. Зеландия, в болотах в Торсбьерге (Южная Ютландия), Вимозе, Нидаме (Нюдам) и многих других местах. Гораздо реже среди скандинавских находок встречались короткие мечи, своими размерами напоминавшие римские «гладиусы» [1; 2; 3]. Третьим видом меча был сакс (лангсакс, скрамсакс) – боевой однолезвийный нож длиной обычно около 50 см. Его популярность объяснялась тем, что он был значительно дешевле и легче в изготовлении, чем кельтские мечи [3; 5]. В целом археологические исследования свидетельствуют, что среди мечей, обнаруженных на территории Скандинавии и Ютландии преобладало импортное оружие, разными путями попавшее на север.

Стоит обратить внимание на то, что уже в первой половине I тыс. н. э. меч воспринимался германцами не просто как оружие, а как сакрализованный объект, который входил в состав жертвенных кладов. В некоторых случаях, как, например, клад в болоте Нидам, число мечей достигало сотни и более. Причем большинство мечей было найдено согнутыми и с глубокими зарубками на клинках. Мечи также представлены в элитных захоронениях древних германцев. Как и в случае с кладами, в болотах в ряде захоронений такие мечи были предварительно согнуты и уже не годились к употреблению. В то

же время находки парадных мечей в некрополях германских вождей предположительно говорят о том, что погребенные вожди-воины должны были появиться в потустороннем мире с оружием и другими предметами сопроводительного инвентаря. Отсутствие мечей в рядовых захоронениях может гипотетически объясняться традицией передавать оружие сыновьям, родственникам или знатым воинам за определенные заслуги перед семьей покойного. Во всяком случае подобные факты не редкость для раннесредневекового периода. По всей видимости, в эпоху Великого переселения народов скольконибудь единой традиции употребления оружия в погребальных ритуалах еще не возникло [3].

Мечи, сходные по форме с меровингскими мечами (вероятно, привозные или являющиеся подражанием), известны по погребальным памятникам вендельского периода (VI – VIII вв.). Название периода дали курганы знаменитого некрополя Вендель в Средней Швеции. Вендельское оружие, в том числе и мечи, были отделаны с исключительной пышностью и великолепием. Торжественное и парадное такое оружие вряд ли предназначалось для боя. Скорее, они служили для церемониальных выездов и ритуалов, связанных с регулярными сборами народного ополчения, которые совпадали как с религиозными праздниками, так и с собраниями тингов [4]. Г. С. Лебедев образно охарактеризовал эту эпоху словами из «Старшей Эдды». По его мнению, только современник Инглингов (в вендельский период династия в Упсале – главным административном и религиозном центре Средней Швеции) мог воскликнуть:

У нас семь палат,
полных мечами,
их рукояти
в резбе золотой... [7].

Ведущее место в наступательном комплексе меч занимает в «эпоху викингов», принятая западноевропейская хронология которой охватывает период с 793 по 1066 гг. Восточноевропейское направление экспансии викингов можно ограничить серединой VIII – первой половиной XI вв. В этот период во всей Европе получает распространение так называемый ранний каролингский меч, продолжавший традиции меровингского меча. Специалистами он характеризуется как «одно из основных и, безусловно, наиболее эффективное оружие Европы в VIII–XIII вв. [5]. Типичный каролингский меч при средней длине 75 – 110 см отличался выдающимися рубящими характеристиками, прочностью, надежностью и легкостью конструкции. Прототипные и основная масса собственно каролингских мечей создавались в рейнских мастерских, активно импортировалась и воспроизводилась в Скандинавии, на Руси и во многих других регионах Европы.

Мечи эпохи викингов состояли из пяти частей: кованого стального лезвия; гарды, расположенной возле лезвия; затем шла плоская рукоять меча, сужающаяся от лезвия вверх; вторая крестовина или эфес и, наконец, треугольный, полукруглый или многогранный набалдашник (навершие), с помощью которого сбалансировался меч. По середине плоскости клинка с двух сторон проходил жёлоб (дол). Он создавал ребра жесткости, что делало меч прочным, и одновременно более легким.

Меч почти всегда использовался для рубящих, а не колющих ударов. Он весил от 2 до 3 фунтов, и обычно его держали только в одной руке, хотя смелый боец мог отбросить щит или перевесить его на спину и использовать обе руки, чтобы нанести более сильный удар. Как говорил датский историк Саксон Грамматик: «В старину в сражениях люди не стремились быстро и непрерывно обмениваться ударами; бывали перерывы и определенная очередь в ударах; весь поединок заканчивался несколькими ударами, но удары эти были ужасны. Почиталась скорее мощь, нежели число ударов».

Мечи викингов часто имели своеобразную заточку. Оттачивалась только верхняя треть клинка, нижние две трети слабо или вообще не затачивались. Воины, парируя удары, подставляли нижнюю, слабо заточенную часть клинка, а наносили удары верхней частью. Таким образом, острое лезвие меча предохранялось от поломки и зазубрин.

Для меча в первую очередь было необходимо негнущееся лезвие, так как во время боя лезвием меча наносились тяжелые удары; как колющее оружие меч в раннее средневековье практически не использовали. Для того чтобы добиться необходимой прочности, нужно было увеличить содержание углерода в доступной кузнецу железной руде (поскольку оно было слишком низким). Этого добивались с помощью сложной и красивой техники, известной как «узорчатаяковка» или «узорная сварка» (дамаскирование), известной задолго до эпохи викингов. Такая технология изготовления мечей применялась еще в I тыс. н. э. Лезвие меча состояло из множества тоненьких брусков (полос) железа, «упа-

кованного» в угли, которое раскаляли добела, пока его поверхность не впитает достаточно углерода и не превратится в сталь (хотя основа при этом оставалась железной). Сердцевина брусков была темной, а стальная поверхность – более светлой. Затем, для более равномерного распределения стали, железные полосы складывали вдвое, охлаждали различными способами, а затем проковывали; потом снова складывали вдвое и снова проковывали. Наконец, такой пучок перекрученных брусочков сваривали. Получалась центральная часть клинка. К ней приваривали две полосы из наилучшей стали, которые образовывали режущие края. Затем весь клинок полировали и придавали ему форму. В ходе этого процесса в центральной части клинка образовывался узор: переплетающиеся полосы стали и простого железа выглядели как клубящиеся светлые и темные волны, как извивающиеся змеи или ветви [3]. Конечно, цель сварки была чисто практической, однако полученные змеиные узоры придавали оружию не только эстетический вид, но и превращали его в символ доблести героя, придавала мечу мифологический смысл, связь со змеиным жалом. Поэтому так популярен сюжет о змеиных мечах в североевропейской эпической традиции:

Также герою стало подспорьем

То, что вручил ему вития Хродгаров:

Меч с рукоятью, старинный Хрунтинг,

Лучший из славных клинков наследных;

(были на лезвии, на крови закаленном,

зельем вытравлены узорные змеи)... [8].

Сюжет о мечах со змеиными узорами часто фигурирует в эпической литературе Скандинавии и Англии, а также в скальдических произведениях. Лезвие меча «пестрое, как змеиная кожа» упоминается и в «Беовульфе». Вполне уместное сравнение меча со смертельно ядовитой змеей продолжало использоваться еще долго после того, как «узорчатаяковка» ушла в прошлое.

Если содержание углерода в клинке было достаточно высоким, то его можно было сделать еще тверже посредством закалки. Для этого меч снова раскаляли и затем охлаждали – так быстро и резко, как только было возможно, погружая его в какую-нибудь жидкость. Неизвестно, какая именно жидкость использовалась. Вполне вероятно, что это была не просто вода, поскольку в таком случае вокруг раскаленного клинка слишком быстро образовался бы «барьер» из пара, который мог помешать ему охладиться мгновенно. Высказывались предположения, что это могло быть масло, мед или влажная глина. Процесс закалки был строго охранявшейся профессиональной тайной кузнецов.

На поясе Нидуда

Меч мой сверкает, его наточил я

Как можно острее

И закалил

Как можно крепче;

Мой меч навсегда

От меня унесли,

Не быть ему больше

в кузнице Вёлунда... [7].

В Северной Европе широко была распространена вера в то, что мечи закаляли в крови, и такие мечи были гораздо опаснее обычных. В «Беовульфе» говорится, что один необыкновенно благородный клинок был «закален в крови» [8]. Наконец, лезвие меча затачивали и всю его поверхность делали гладкой и блестящей с помощью какой-нибудь некрепкой кислоты (уксуса, мочи или дубильной кислоты), в результате чего «узоры» на поверхности выступали еще ярче. Возможно, именно из-за этой обработки кислотой поэты иногда упоминают о «яде» в связи с оружием, поскольку нельзя считать, что оно в буквальном смысле было отравлено. В одной поэме из «Старшей Эдды» описывается меч Сигурда Вёльсунга, причем, судя по всему, имеется в виду именно процесс изготовления: «Был клинок в огне закален, капли яда таил он в себе...» [7].

К концу IX столетия в континентальной части Западной Европы, а затем и не ее севере, на смену ранним каролингским мечам пришли мечи нового типа (поздние каролингские мечи), с гораздо более высоким содержанием углерода (до 75 %). Углерод равномерно распределялся по всему клинку, так что в «узорчатой ковке» нужды больше не было (хотя мечи в такой технике изготавливались еще достаточно долго). Возможно, это улучшение произошло в результате того, что стали доступны более высококачественные руды. Видимо, усовершенствовалась и конструкция плавильных печей. Новые лезвия были не только прочнее, но и легче. У этих мечей были более длинные клинки, которые резко сужались к концу лезвия. В связи с этим центр тяжести у них ближе к рукояти, поэтому ими было легче не только наносить резкие рубящие удары, но и колоть. Также такие мечи можно было гораздо быстрее поднимать после удара и превращать передний удар в боковой, применяя гораздо меньше сил, чем с мечом старой конструкции [3].

Появление таких мечей совпало с возникновением нового способа клеймить лезвия, на которых часто встречается имя ULFBERHT. Мечи с именем этого мастера встречаются по всей Европе. Впервые такие мечи появляются незадолго до 900 года. Их продолжали изготавливать на протяжении более 200 лет, видимо, потомки и ученики первого Ульфберхта, чье имя продолжали использовать в качестве фирменного знака. По распространению мечей «Ульфберхта» кажется вероятным, что изготавливались они где-то в Рейнской области (которая и в последующие века славилась своими мечниками) и что они импортировались в Скандинавию через Хеддебу. Вторая группа мечей – с метками INGERLI – начала появляться в Скандинавии в X веке; считается, что они франкского происхождения. Однако встречались и мечи-подделки с искаженными именами мастеров. То, что подделывали две различные марки, доказывает, что эти клинки считались лучшими из всех, иначе в воспроизведении клейма не было бы никакого смысла [3]. Неизвестно, существовали ли в Северной Европе какие-либо центры, где в достаточном количестве изготавливалось высококачественное оружие. Археологические данные свиде-

тельствуют о том, что квалифицированные мастера работали в Англии, но в Скандинавии точные аналоги рейнским и франкским мечам не изготавливались. Здесь преобладали мечи худшего качества, сделанные из местного озерного железа.

Самые лучшие мечи завозились в Скандинавию из Рейнланда. Карлу Великому пришлось наложить запрет на экспорт мечей и лезвий из своих владений из-за тех разрушений, которые совершали викинги на севере. Следует отметить, что ему пришлось особо запретить церкви экспортировать великолепное оружие, производимое ее общинами, ибо поначалу они считали, что данный запрет на них не распространяется!

Судя по западноевропейским и восточным источникам, меч был обязательным атрибутом скандинавского воина и купца. Так, арабский путешественник Ибн Фадлан описывает свою встречу с русами (викингами) в Булгаре и указывает, что «у каждого из них имеется секира, меч и нож, и он никогда не расстаётся с тем, о чем мы упомянули. Мечи их плоские, с бороздками, франкские» [6].

Меч являлся символическим предметом. В руках конунга он олицетворял власть. Полученный в награду за подвиги меч, как и изделия из драгоценных металлов, были символами удачи и доблести [9]. В Скандинавии на свадьбе жених и невеста обменивались мечами, меч мужа потом хранили для его сына.

Меч был неразрывно связан с воином, причем избранным героям соответствовало избранное оружие. В эпосе они словно бы изначально предназначались друг другу, словно ждали «встречи» друг с другом. Так, Беовульф, вступивший в бой с матерью Гренделя в болотных глубинах, когда понял, что меч Хрунтинг не может причинить чудовищу вреда, находит другой меч, который ждал его в доме Гренделя со времен существования великанов [8]. В то же время из других примеров видно, что рано или поздно меч героя начинает жить своей собственной жизнью, не зависящей от него. Нынешний владелец меча обладает им временно, он – всего лишь один из длинной цепочки людей, владевших этим предметом, который станет достоянием его потомков. Таким образом, меч осуществляет преемственность поколений и связь между героями, но он же может послужить и причиной трагедии. Но не только меч мог влиять на человека, которому он принадлежал, герой также передавал часть собственных качеств мечу. Вот почему из всех даров, которыми удачливый конунг мог одарить своих соратников, делясь с ними собственной силой, отвагой, везением, самым лучшим являлся меч. Закономерно, что он вызывал наибольший страх, ведь любой человек с мечом в руке олицетворял собой силу и власть.

С другой же стороны, чужой меч воспринимался как нечто опасное, к чему не стоит даже прикасаться, дабы не накликал беду. Интересно, что пришедшее в Северную Европу христианство даже не пыталось бороться с этим совершенно языческим обожествлением оружия. Напротив, оно ис-

пользовало его в своих целях: разрешив приносить на нем клятвы в судебных поединках, священники приравнивали его к Евангелию. Очень скоро второе смогло вытеснить первое. Как и положено легендарному наследству, мечи викингов имели имена, часто столь же резкие и выразительные, сколь вычурны были их эфесы. Например, Gramr (Неистовый), Grásiða (Серые бока), Gunnlogi (Пламя битвы), Fotbitr (Пожиратель ступней), Leggbir (Пожиратель ног), Kuembut (Разрушитель камней), Skrofnung (Укус), Nadr (Гадюка) и Naegling (Пронзающий).

Меч для викинга был больше, чем просто оружие, клинок берегли и передавали по наследству, на нем произносили клятвы и его именем проклинали врагов, жених и невеста обменивались мечами на свадьбе, мечом конунг одаривал удачливого и успешного воина, совершившего подвиг на поле брани, передавая ему частицу собственной силы, славы и везения. Потерять меч было величайшим позором, равным по значению трусости. Меч был вместилищем духа воина, его силы и его вторым я. После смерти владельца его меч, следовал за усопшим воином в могилу. Таким образом, мы можем говорить о сложившемся в эпоху викингов скандинавском культе меча.

Литература

1. Клиндт-Йенесен, О. Дания до викингов / О. Клиндт-Йенесен. – СПб.: Евразия, 2003. – 288 с.
2. Тодд, М. Варвары. Древние германцы. Быт, религия, культура / М. Тодд. – М.: Центрполиграф, 2005. – 223 с.
3. Окшотт, Э. Археология оружия. От бронзового века до эпохи Ренессанса / Э. Окшотт. – М.: Центрполиграф, 2004. – 398 с.
4. Лебедев, Г. С. Эпоха викингов в Северной Европе: историко-археологические очерки / Г. С. Лебедев. – Л.: Изд-во ЛГУ, 1985. – 287 с.
5. Хлезов, А. А. Предвестники викингов. Северная Европа в I–VIII вв. / А. А. Хлезов. – СПб.: Евразия, 2002. – 336 с.
6. Путешествие Ибн Фадлана на Волгу / пер. и коммент. А. П. Ковалевского. – М.; Л., 1939. – 114 с.
7. Старшая Эдда: эпос / пер. с древнеисл. А. Корсуна. – СПб.: Азбука-классика, 2005. – 464 с.
8. Беовульф: эпос / пер. с древнеангл. В. Тихомирова. – СПб.: Азбука-классика, 2005. – 288 с.
9. Гуревич, А. Я. «Эдда» и сага / А. Я. Гуревич. – М.: Наука, 1979. – 192 с.

94(520).02

ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ ГОРОДСКОЙ СЕМЬИ В ЭПОХУ СЕГУНАТА ТОКУГАВА ПО ЛИТЕРАТУРНЫМ ИСТОЧНИКАМ XVII–XVIII ВВ.

С. А. Васютин, А. М. Мкртчян

Исследование повседневной жизни горожан эпохи сегуната Токугава представляется весьма актуальным, так как данная проблема пока мало освещена в отечественной исторической науке. Длительное время интерес к повседневности японского общества ограничивался изучением быта аристократии и военного сословия самураев. Вопросы истории японского города до революции Мейдзи звучали преимущественно в социально-экономическом ракурсе. Поэтому повседневная жизнь горожан оставалась на заднем плане. К тому же, в историографии наблюдается диспропорция, когда современные исследования по изучению повседневности, ментальных структур, микроисторических казусов ведутся в основном на примере европейских стран, нежели стран Востока.

В качестве источников изучения темы повседневности японского города были использованы литературные памятники XVII–XVIII веков, связанные своим происхождением и сюжетами с городской жизнью. Среди них новеллы Ихара Сайкаку и пьесы театров Кабуки и Дзёрури, в частности, из цикла «мещанских» пьес Такимацу Мондзаэмона. Они дают довольно подробные сведения о домашнем быте горожан – ремесленников или торговцев, их трудовой деятельности, семейных обычаях.

Для начала несколько слов об особенностях японского общества в данный период. В эпоху Токугава всё население было разделено на сословия. Официальными считались четыре, что закрепились

в схеме «си-но-ко-сё». Два последних сословия – ремесленники и торговцы – составляли основу городского населения. Помимо них в городах проживали и представители самурайства, а также масса представителей тех социальных групп, которые не вошли в официальную систему и могут рассматриваться как маргинальные или пограничные сообщества – актёры, гейши, преступники и пр.

Конечно, нельзя сказать, что жизнь в доме купца и в доме ремесленника были одинаковыми. Однако японская цивилизация, как и другие цивилизации, основанные на строгом соблюдении традиций, стремилась к определённой унификации. Именно это позволяет говорить о таких дифференцированных сословиях, как ко и сё, как о представителях единой культурно-исторической группы горожан («тёнин»), поскольку для них определяющее значение имели не меры государства, а собственно жизнь в соответствии с порядками установленными в городе.

Необходимо также отметить, что в основу системы си-но-ко-сё легла чжусианская концепция, а точнее, её скорректированный для потребностей сёгуна вариант. Как одно из направлений конфуцианства, чжусианство видело главную цель человеческого существования в самосовершенствовании, стремлении к лучшему, в то время как цель первых сёгунов Токугава была в фиксации общества в строго определённых рамках. Упор делался на ту сторону чжусианства, которая говорила о

долге, о необходимости соблюдать правила, чтобы сохранить гармонию в обществе. Именно из этого проистекает тенденция к регламентации, а порой – к мелочной регламентации жизни членов общества. Но, на практике в повседневной жизни и самураи, и крестьяне, а тем более ремесленники и торговцы, отходили от установленных норм, либо игнорируя их, либо изменяя по своему усмотрению.

В то же время было бы неправильно думать, что кроме регламентирующих постановлений правительства не было внутрисловных ограничений городских ремесленников и торговцев. Существовал своеобразный «тёнин-до» – кодекс горожанина. Он не был зафиксирован в каком-то документе, как, например, «Бусидо». Это была совокупность моральных норм, норм поведения, традиций и советов, соблюдение которых позволяло купцу или ремесленнику успешно вести свои дела. На основе новелл Ихара Сайкаку можно отчасти восстановить этот негласный устав. В одном из произведений сборника «Вечная сокровищница Японии» он приводит пять компонентов «лекарства», которое поможет «излечиться от нищеты»: раннее вставание – 5 рё, постоянное ремесло – 20 рё, ночной труд – 8 рё, бережливость – 10 рё, здоровье – 7 рё. Всё это он устами одного из героев советовал тщательно перемешать и принимать утром и вечером. Вести же безбедную жизнь мешают «изысканные кушанья, разврат, шелка на повседневное платье..., ночные прогулки, азартные игры..., военные искусства..., участие в чужих спорах..., вино за каждой едой, пристрастие к табаку, поездки в столицу без надобности..., пристрастие ко всяким искусствам и занятиям помимо своего дела..., знакомство с актёрами» и ещё множество других вещей [1]. В этом «рецепте» мы наблюдаем сочетание наиболее ценных для японского горожанина рассматриваемой эпохи ментальных установок: трудолюбие, приверженность профессии, бережливость, простота в еде и одежде, здоровье. Одновременно с этим стоит отметить, что пороки, на которых заостряет свое внимание Ихара Сайкаку, свидетельствуют о существенных изменениях в быту японских горожан. Их можно воспринимать как своеобразный список развлечений и форм времяпрепровождения если не всех групп городского населения, то их довольно значительной части.

Характеристику повседневной жизни горожан в Японии XVII–XVIII вв. начнем с дома, который, несомненно, был не просто местом где горожанин жил, ел, спал. В доме осуществлялся широкий спектр производственных, социальных и ритуальных функций. Для ремесленника дом был одновременно и мастерской, для купца – торговой лавкой. Богатая семья могла позволить себе дом, состоящий из нескольких комнат, в таком случае дверьми из одного помещения в другое служили сёдзи – скользящие деревянные рамы, обтянутые бумагой. Но чаще всего комната была одна, и пространство в ней отгораживалось ширмами. Пол был деревянный и устилался плетёными циновками, как и в деревне ступать на него в уличной обуви считалось оскорб-

лением хозяина дома. Только в кухне, которая находилась несколько ниже остальных помещений в доме, пол был земляной.

Внутренняя обстановка в доме была скромной. Сидели либо прямо на полу, либо на специальных соломенных подушках. Спали тоже на полу, предварительно постелив на пол матрас-футон. Подушкой служило деревянное, иногда фарфоровое изголовье под шею – для того, чтобы не смять во время сна причёску. Днём все спальные принадлежности убирались в стенные шкафы [2]. Постоянных столов в японском доме тоже не было – еду приносили на невысоких столиках непосредственно перед трапезой. Ели два раза в день – утром и вечером. Жена не ела вместе с мужем, питаясь либо отдельно, либо урывками во время прислуживания, либо доедая остатки обеда. Сначала подавали сакэ и закуски из овощей и рыбы, затем – суп мисо (горячий суп из бобовой пасты, рисовой закваски и воды, с добавлением соли и овощей), а рис завершал трапезу. После этого пили чай [2].

Ванна была только в очень богатых домах. Умывались из обыкновенных тазов, для содержания же тела в чистоте использовались специальные бумажные платки. Существовали также и бани. Часто им отводился отдельный квартал. Бани были доступны простому населению – вход стоил семь-восемь дзэни (самая мелкая японская монета). В некоторых банях мужчины и женщины мылись вместе, но, как правило, в помещении, где находилась общая ванна, было очень темно и, кроме того, мужчинам и женщинам запрещалось раздеваться полностью. Мужчины оставались в набедренной повязке, а женщины – в нижней юбке или переодевались в специальную одежду. Позднее появились бани с отдельными мужскими и женскими ваннами. Мыло в Японии достать было довольно сложно: в страну его завезли европейцы, и после установления политики самоизоляции купить его у европейских торговцев было практически невозможно, а то мыло, которое варили японские ремесленники, стоило очень дорого. Вместо этого пользовались мешочками с рисовыми отрубями. Вытирались куском хлопчатобумажной ткани, называемой «тэ-нугуи», которую периодически отжимали [2]. Помимо всего прочего, бани были местом развлечения – богатые посетители могли позволить себе пригласить туда гейшу из квартала свиданий.

В семейно-брачной сфере в Японии эпохи сегуната Токугавы существовали две основных формы брака. Первая форма предполагала, что невеста входила в дом и семью своего мужа, вторая, наоборот, вела к тому, что семья невесты принимала жениха. Если семья была состоятельна и имела большое дело, то сыну или зятю могли поручить одну из лавок или мастерских, и он со своей женой переезжал в отдельный дом. Так или иначе жених или невеста выходили из своей семьи и полностью переходили в другую. Формально он не обязан был сохранять родственные связи со своими родителями, всё зависело от его желания и от того, насколько тесными были семейные связи.

Приготовлениями к свадьбе руководил сват. Он договаривался с семьями жениха и невесты, устраивал встречи семей и что самое главное – обсуждал с родителями невесты сумму приданого. На этом его обязанности не заканчивались. Сват мог руководить церемонией бракосочетания, а после – нести полную ответственность за то, понравится ли невеста своему жениху, ведь до свадьбы они часто не виделись. Если невеста оказывалась некрасива или выяснялось, что она чем-то больна, сват считался виновным в том, что скрыл это от жениха. Если муж желал развестись с женой, то следить за тем, чтобы жена была возвращена в родительский дом по всем правилам, тоже должен был сват.

От хорошего свата зависело многое. Умелый человек мог выдать замуж даже девушку, которая не обладала так называемыми «девятью достоинствами»: красивые руки, ноги, глаза, голова, хороший нрав, цвет лица, голос, фигура [3], обратив недостатки в лучшую сторону. Вот как делает один сват из новеллы Ихара Сайкаку: «Личико у неё хоть и скуластое, но приятной округлости... Волосы, нет спору, редкие, но и это имеет своё преимущество: не так жарко будет летом... И то, что пальцы у неё толстые, тоже не беда, крепче держаться будет за шею повитухи» [4]. Из некрасивой женщины, утверждает сват, получится прекрасная хозяйка, которая будет всегда благодарна своему мужу, а если уж ему «захочется взглянуть на хорошенькую женщину, так для этого существуют весёлые кварталы...» [4]. Когда же не помогали и уговоры свата, оставался только один выход – увеличить приданое.

Свадьбе предшествовал обмен подарками. После этого в каждой семье начинали готовиться к свадьбе. Ритуал бракосочетания сохранял свою простоту: сват (или синтоистский монах) руководил обрядом, который носил название «сан-сан-кудо»; он включал распитие трёх чашечек сакэ, начиная с самой маленькой и заканчивая самой большой [2]. После свадьбы женщина имела право вычернить зубы, как это делали аристократы эпохи Хэйан, а также ей позволялось выбрать брови.

Процедура развода была ещё более простой: муж должен был написать жене разводную бумагу, которую в народе называли «микударихан» – три с половиной строки, поскольку именно такой длины и было это письмо [2]. Иногда даже этого было не обязательно. Муж просто мог приказать жене собрать её вещи и отправить в родительский дом. Официальным поводом могло служить: непослушание свекру и свекрови, бесплодие, чувственность, проказа, болтливость, пересуживанье, склонность к воровству [5]. Женщина также могла стать инициатором развода. Для этого ей достаточно было уйти из дома и попросить убежища в храме. После этого служители храма начинали вести переговоры с мужем. Если им удавалось разрешить семейный спор, жена возвращалась в семью. Если же нет, женщина должна была оставаться в храме ещё три года, после чего считалась свободной [2; 6].

Мужчина считался главой семьи, однако и женщина играла в семье не последнюю роль. Жена

была не только хранительницей домашнего очага, но и главной помощницей мужа. Если муж, занимавшийся торговлей, вынужден был уехать, то всю торговлю в лавке, учет товара и пр. он оставлял на свою жену.

Жизнь японских горожан XVII–XVIII вв. была подчинена своеобразному городскому времени. Сутки делились не на часы, как в Европе, а на стражи, как в Китае. Всего страж было 12, а отсчёт начинался с полуночи. Каждая стража носила название по названию животных в китайском календаре. Первая стража называлась «крысой», последняя – «кабаном». Рабочий день начинался с четвертой или пятой стражи, т. е. лавочники начинали торговлю, а ремесленники принимались за работу в своих мастерских с 6 или 8 часов. Женщины оставались дома следить за детьми и хозяйством.

Не менее важными были и природные циклы. Сохранялась календарная система, заимствованная из Китая. Год делился на 12 лунных месяцев, или лун. С этим лунным календарем горожане согласовывали всю свою жизнь: цикл производства, торговлю по четырем сезонам, свадьбы и т. д. В этом отношении жизнь города еще мало отличалась от деревни. В частности, купцы рассчитывали, в какой месяц лучше покупается тот или иной товар, ремесленники – когда материалы будут стоить дешевле и т. д. С сезонами были же связаны и все расчётные операции, поскольку в Японии было не принято расплачиваться за покупку сразу. Более того, требовать уплату за крупный заказ сразу считалось даже неприличным. Для уплаты долгов существовали определённые дни в преддверии пяти сезонных праздников. Все сезонные праздники сохранились ещё с предшествующих веков. Это были: первый день первой луны (новый год), третий день третьей луны (праздник кукол или праздник девочек), пятый день пятой луны (праздник мальчиков), седьмой день седьмой луны (праздник влюблённых) и девятый день девятой луны (праздник хризантем). Считалось, что после этих дней старые долги вернуть (затребовать) практически невозможно. Именно поэтому несостоятельные должники в такие дни стремились скрыться из дому, чтобы не встретиться с кредиторами, или же шли на различные ухищрения, чтобы не платить по счетам.

Несмотря на то, что регламентация и показная простота охватывали и праздничную сферу, всё же люди предпочитали проводить праздничные дни в веселье. Дольше всего праздновали новогодние дни. К новогоднему празднику в домах устанавливали «горку счастья» – Хорай, украшая её ветками сосны и папоротника. Обязательным было положить на всю эту зелень красного лангуста [7]. Другим обязательным атрибутом новогодних праздников были рисовые лепёшки-моти. В каждой семье их готовили по-разному. В новогодние дни этими лепёшками одаривали своих родственников, друзей, обычных прохожих. Подарки по случаю наступления нового года принято было дарить скромные. Как пишет Ихара Сайкаку, «сущие мелочи: мужчи-

нам – дешёвые веера... женщинам – по шепотке чайного листа в бумажной обёртке... и никому в голову не придёт обвинить другого в скаредности» [8].

Третьего дня третьей луны отмечали Праздник кукол или Праздник девочек. В домах, где росли девочки, выставляли маленьких бумажных кукол. Прежде они исполняли роль охранников, отгоняющих злых духов. На этих кукол как бы переносили зло, все беды и несчастья, после чего кукол торжественно топили в ручье или реке. Но потом все эти ритуалы приобрели скорее развлекательное значение. Сложился даже фиксированный набор кукол, в числе которых были император, императрица, придворные, обязательно в окружении предметов быта [2]. Кроме того, третий день третьего месяца – день, когда простые обыватели выезжали за город любоваться цветами персика.

Пятый день пятой луны – праздник мальчиков – Танго.

В этот день
Повсюду радуют взор
Ирис и чернобыльник,
Развешанные по краю кровли,
И перед каждым домом,
Где хоть один подрастает мальчик,
Нарядные
Развешаются флаги... [9].

В этот день любовались цветущими ирисами и угощали друг друга рисовыми коlobками, завернутыми в листья бамбука.

В Праздник влюблённых (праздник Ткачихи и Волопаса, звёзд по обе стороны млечного пути) перед домом выставляли бамбуковый шест с оставшимися на нём листьями и прикрепленными к нему листочками со стихами. В этот день все писали стихи [2].

В девятый день девятого месяца также любовались цветами – хризантемами. В сакэ по случаю праздника добавляли лепестки хризантем, и сакэ поэтому называли «Хризантемовой водкой».

В непраздничные дни горожане тоже имели не мало развлечений. К их услугам были театральные представления – как в театре, так и на улице, уличные бои сумо и, конечно же, весёлые кварталы.

Таким образом, литературные памятники эпохи Токугава позволяют проследить наиболее важные аспекты повседневной жизни японских горожан. Но нельзя сказать, что всё это было характерно абсолютно для всех представителей городских сословий, поскольку традиции повседневности – крайне подвижны даже в таком строго контролируемом обществе, которое было создано при сёгунате. Тем не менее, несмотря на все ухищрения политики бакуфу по ограничению свободы поведения населения, городская жизнь раскрепощала людей благодаря всё тем же театрам, весёлым кварталам, праздникам, определенным гарантиям, которые давало занятие ремеслом и торговлей. В конечном итоге сам образ жизни в городе стал существенно отличаться от деревенского. Купцы и ремесленники для сохранения и развития своего дела ежедневно вынуждены были

принимать десятки самостоятельных решений, выбирать модель рациональной организации дела. В то же время крестьянин был завален разными регламентами, исключавшими практически любую инициативу. Используя европейскую средневековую формулу, можно сказать, что и в Японии «городской воздух делал людей свободными». Правда, стоит уточнить эту формулировку – «несколько более свободными». Сам факт появления феномена городской культуры говорит о многом. Она, конечно, не мало заимствовала из культуры аристократии и самурайства, поскольку ремесленники, а особенно купцы, считали, что подражание утончённой культуре высших слоёв общества поднимает их престиж. Но все же основу городской культуры составила художественная саморефлексия горожан по поводу собственной жизни. Показательно, что многие жанры городской литературы представляли собой трансформированные формы искусства других социальных слоёв. Так на основе классической литературы аристократии сформировалась собственно «мещанская», рассказывающая не о самурайских доблестях, а о бытовых проблемах горожан, – городская проза и новелла. Театр Но, который повествовал, как правило, о подвигах воинов древности и каких-то легендарных сюжетах, стал излюбленным развлечением представителей низших сословий. Более того, появился такой жанр, как Кёгэн, фарс, небольшие пьески, вставляемые между основными пьесами для развлечения зрителей; главными сюжетами таких сенок стали забавные жизненные случаи, в которых главный герой (нередко самурай или даймё) представал далеко не в лучшем свете. Появились и чисто народные виды театров – Кабуки и Дзёрури, поклонниками которых стали и самураи.

Эпоха Токугава, XVII и особенно XVIII века, стала для Японии больше, чем очередным этапом развития централизованного государства. Она дала самое главное – условия для развития свободного японского духа, который формировался именно в городах, а не в усадьбах самураев. Горожане – разнородные группы ремесленников и торговцев, стали ощущать себя единой социальной силой, способной на создание чего-то своего, своей культуры, основанной на собственных интересах, потребностях и даже традициях. Именно XVII–XVIII века стали временем, когда жители города (те, что входили в официальную систему) стали определять себя как определённую корпорацию, влияние которой в будущем будет только расти.

Литература

1. Ихара, Сайкаку. Необычайного изготовления лекарство / И. Сайкаку // Тысяча журавлей: антология японской классической литературы VIII–XIX вв. – СПб.: Азбука-классика, 2005. – С. 807 – 810.
2. Данн, Ч. Традиционная Япония: быт, религия, культура / Ч. Данн. – М.: Центрполиграф, 2006. – 222 с.
3. Ихара, Сайкаку. Золочёный шнур для причёски / И. Сайкаку // Луна в тумане. Японская классическая проза. – М.: Правда, 1988. – С. 327 – 331.

4. Ихара, Сайкаку. Разумные советы о том, как выгоднее вести хозяйство / И. Сайкаку // Ихара Сайкаку. Новеллы. – М.: Художественная литература, 1984. – С. 234 – 239.

5. Очерки Японии / составила В. И. Т-ская: бесплатное приложение к журналу «Живописное обозрение» // Сайт «Мир Katsurini» / http://katsurini.narod.ru/New_Diz/women_japan_jp.htm: электронный ресурс 12.03.2008.

6. Ихара, Сайкаку. Приписка, оставленная на изголовье / И. Сайкаку // Ихара Сайкаку. Новеллы. – М.: Художественная литература, 1984. – С. 15 – 21.

7. Ихара, Сайкаку. Легче увидеть красные листья клёна весной, нежели купить лангуста к новому году / И. Сайкаку // Ихара Сайкаку. Новеллы. – М.: Художественная литература, 1984. – С. 203 – 211.

8. Ихара, Сайкаку. Рисовые лепёшки в Нагасаки / И. Сайкаку // Ихара Сайкаку. Новеллы. – М.: Художественная литература, 1984. – С. 276 – 282.

9. Такимацу, Мондзаэмон. Масляный ад / Т. Мондзаэмон // Ночная песнь погонщика Ёсаку из Тамба. Японская классическая драма XIV – XV и XVIII веков / пер. и коммент. В. Н. Марковой. – М.: Художественная литература, 1989. – С. 319 – 442.

УДК 63(091) (571.17) «1965-1984»

ОСНОВНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ СОЦИАЛЬНОЙ СФЕРЫ СЕЛА В 1965-1984 ГГ.

(на материалах Промышленновского района Кемеровской области)

Н. Ф. Кустова, Е. С. Рябоконт

Промышленновский район расположен на западе Кемеровской области, в 60 км. от областного центра.

В экономике района ведущее место занимает сельское хозяйство, специализирующееся на производстве мясомолочного животноводства и зерновых культур. Две трети валовой и товарной продукции занимают продукты полей и ферм. Площадь сельскохозяйственных угодий – 227,7 тыс. га., пашни – 155,4 тыс. га. Угодья и пашни в районе полностью освоены. Поэтому единственный путь увеличения производства зерна и кормов – увеличение урожайности, максимальное использование каждого гектара сельскохозяйственных угодий и пашни.

С 1960 года Промышленновский район называют Сибирской Кубанью. Пять пятилеток подряд – 25 лет, он возглавлял областное социалистическое соревнование.

В связи с сельскохозяйственной специализацией района много внимания уделялось не только развитию животноводства и растениеводства, но и социальному развитию села, так как развитие отрасли невозможно без улучшения качества жизни села и повышения заработной платы. Данная проблема особенно остро встала перед руководством страны в начале 1960-х годов, после неудавшейся попытки Н. С. Хрущева реформировать сельское хозяйство. В связи с тяжелым трудом колхозников на фермах и низкой оплатой труда все больше сельских жителей стало уезжать на постоянное место жительства в города, а молодежь, после завершения учебы, не хотела возвращаться в родное село. В связи с этим в колхозах и совхозах Кемеровской области в целом и Промышленновского района в частности катастрофически не хватало квалифицированных кадров. И для решения этой проблемы правительство страны решает принять меры, которые бы помогли сделать жизнь и работу на селе более привлекательной не только для селян, но и для горожан.

Шагами руководства страны СССР в этом направлении стало принятие двух законодательных актов, которые в 1960-1980-х годах стали ключевыми

ми в развитии социальной сферы села, – Программа мартовского (1965 года) Пленума ЦК КПСС и Продовольственная программа 1982 года.

Важное место в деятельности партийных организаций занимали вопросы дальнейшего совершенствования и укрепления шефских связей между городом и деревней. Данная работа особенно усилилась после мартовского Пленума ЦК КПСС. Шефская помощь заключалась в закреплении за колхозами и совхозами одного или нескольких промышленных предприятий и в обмене между ними опытом и специалистами в оказании помощи друг к другу.

История возникновения новой формы связей города и деревни уходит в 1957 год. Именно в этом году в Промышленновский район приехали инженерно-технические работники Прокопьевского завода шахтной автоматики. Летом 1958 года они начали сооружать скотные дворы из бутового камня, воздвигали арочные помещения в колхозе «Путь к коммунизму». Но завод не мог выделить колхозу столько рабочих, сколько требовалось. По инициативе тогдашнего директора предприятия Олега Алексеевича Васильева в 1972 году состоялась встреча председателя колхоза Ивана Антоновича Шкапара с директором Прокопьевского горного техникума Борисом Викторовичем Грифом. Руководитель учебного заведения согласился ежегодно выделять студенческие строительные отряды. Так зародился еще один вид шефской помощи – студенческие стройотряды. Теоретическую основу строительного дела члены отряда «Молодой горняк» проходили в учебном заведении. А практические навыки, профессиональное мастерство они приобретали на колхозных строительных объектах. Главная заслуга бойцов студенческого строительного отряда заключалась в том, что они помогали колхозу в короткий срок перевести все молочно-варные фермы на индустриальную основу. Колхоз «Путь к коммунизму» первым в районе перевел всю отрасль почти сразу на новую технологию обслуживания дойного стада.

Реконструкция заключалась в том, что ранее существовавшие отдельные обособленные коровники, в которых не было ни помещения для обработки молока, ни пунктов искусственного осеменения, заменялись новыми механизированными постройками. При старой технологии доярка обслуживала 25 – 27 коров. Студенты соединили между собой два соседних коровника, произвели бетонные работы, монтаж молокопровода, поилок, транспортеров по удалению навоза. Реконструкция позволила внедрить звеньевую систему обслуживания дойного стада. За каждой дояркой закрепили по 50 коров. На ферме была внедрена пятидневная неделя. В результате высвободилось 50 доярок.

В 1981 году студенты произвели реконструкцию свиноводника – откормочника на 1200 голов, ввели в эксплуатацию шесть хранилищ из бетона для силоса, смонтировали автомобильные весы грузоподъемностью 30 тонн на фуражном складе, построили баню-прачечную, несколько двухквартирных кирпичных домов.

Основную помощь Промышленновскому району оказывал Рудничный район города Прокопьевска. Коллективы шахт, заводов и других предприятий ежегодно оказывали сельским труженикам Промышленновского района шефскую помощь в строительстве производственных и культурно-бытовых помещений, а также на заготовке кормов и уборке урожая. В 1965 году шефы из Прокопьевска построили в хозяйствах района 31 жилой дом, 4 скотных двора и 2 зерносклада. Кроме того, шефы проложили около трех километров водопроводных труб, смонтировали 5 зерносушилок, выделяли колхозам шифер, лес, металл, цемент и другой строительный материал. В село выезжали лекторы, художники, сотрудники газет, фотографы, коллективы художественной самодеятельности, руководители партийных, профсоюзных, комсомольских организаций, чтобы помочь району в улучшении культурного обслуживания селян. Особенно добросовестно относились к выполнению шефских обязанностей коллективы заводов «Продмаш», ДОЗ треста «Прокопьевскуголь», трест «Кузбассшахтмонтаж», вагонное депо.

Все вышеперечисленные мероприятия успешно проводились в передовом хозяйстве Промышленновского района – совхозе «Заря». Школой управления и хозяйствования здесь стал профсоюз. Профком стремился через цеховые комитеты и профгруппы помогать партийной организации, руководителям-хозяйственникам оперативно решать все вопросы производства, воспитания людей. На заседаниях и собраниях часто шла речь об организации соревнования, его массовости, охране труда и технике безопасности, быте, отдыхе трудящихся, выполнении коллективного договора. Всего насчитывалось 9 цеховых организаций и 8 профгрупп. Были созданы комиссии: организационно-массовая, жилищно-бытовая, культурно-массовая, охраны труда и техники безопасности, социального страхования и по работе среди детей и молодежи.

Другим звеном правления был женсовет, которым руководила кассир совхоза Лидия Анатольевна Зимирева.

Следующее звено – товарищеский совет во главе с бухгалтером Николаем Тарасовичем Киселевым, который следил за нарушением трудовой дисциплины и общественного порядка.

За коммунистическое отношение к труду в «Заре» боролось 248 человек, а 368 это звание уже было присвоено. Было разработано положение о звании ударника, куда включались пункты о выполнении плана и обязательств, соблюдении морального кодекса строителя коммунизма, участии в общественной жизни, повышении образования и профессионального мастерства. За соблюдение этих требований торжественно вручались удостоверение и значок. Для победителей социалистического соревнования широко применялись материальное и моральное поощрения, в честь особо отличившихся поднимали на центральной усадьбе, у конторы совхоза, флаг трудовой славы. Портреты передовиков заносили на Доску почета и в Книгу почета. В традиции у совхоза «Заря» были «молнии», «боевые листки», ежедневная радиогазета. Если человек добивался успеха в животноводстве или растениеводстве, посылали его семье поздравительную телеграмму. На последний валок выезжали в поле с концертом художественной самодеятельности, преподносили героям жатвы хлеб-соль. Прямо у комбайнов повязывали ленты чемпионам, на комбайнах же рисовали звезды, которые показывали, кто, сколько убрал и намолотил. Лучших людей премировали путевками в санатории и туристические поездки, продавали вне очереди мотоциклы, автомобили, другие товары повышенного спроса.

Управление «Зари» постоянно заботилось о жилье. На 1981 год в совхозе было 195 благоустроенных квартир, строились особняки с приусадебными участками и двухквартирные дома с гаражами, надворными постройками. В 1982 году новоселье в двухэтажном доме справили 18 семей. Однако спрос на благоустроенное жилье оставался велик – около 80 заявлений. Но эта задача в последующем будет успешно решена в соответствии с Продовольственной программой 1982 года.

Кроме того, в соответствии с мероприятиями Кемеровского обкома ВЛКСМ по выполнению решений мартовского (1965) Пленума ЦК КПСС, в колхозы и совхозы области было направлено 20 комсомольско-молодежных агитпоездов. В их состав, кроме участников агитбригады, включались автолавка, автомашина с работниками сферы бытового обслуживания: парикмахером, часовым мастером, механиком по ремонту сложного бытового оборудования, радио- и телемастерами.

Значительные изменения произошли и в содержании труда специалистов колхозов, совхозов и их объединений. Здесь большое значение уделялось разделению труда. В связи с этим на селе появилось много новых профессий, таких как энергетик, экономист-организатор, инженер по автоматизации животноводства, птицеводства и так далее. Для привле-

чения специалистов на эти и другие должности выделялись материальные ресурсы для поощрения работников. Таким работникам устанавливались премии за совмещение нескольких должностей, перевыполнение плана, надбавки за квалификацию. Например, в 1971 году Промышленновский район получил очень высокий урожай зерна, за что ему было выделено 83 правительственные награды - ордена, медали. Сначала представили к наградам механизаторов, доярок, бригадиров. Но потом позвонили и сообщили, что выделили еще 30 наград. Появилась возможность награждать и председателей колхозов, директоров совхозов. Таким образом, Промышленновский район - единственный в области, в котором все руководители колхозов и совхозов имели ордена и медали.

16 мая 1966 года ЦК КПСС и Совет министров СССР, в соответствии с решением мартовского (1965) Пленума ЦК КПСС, приняли Постановление «О повышении материальной заинтересованности колхозников в развитии общественного производства». Этим постановлением рекомендовалось перейти на гарантированную оплату труда членов колхозов на уровне тарифных ставок работников совхозов. Указывалось на необходимость производить денежную оплату ежемесячно, а натуральную – по мере получения продукции. Для обеспечения гарантии в оплате труда Госбанку было разрешено предоставлять кредиты сроком на пять лет с началом погашения их через три года. Новая схема быстро внедрялась в практику. Уже в 1969 г. на гарантированную оплату перешло более 95 % колхозов страны.

Колхозы Промышленновского района были переведены на гарантированную оплату труда с 1966 г., увеличились тарифные ставки трактористов-машинистов, шоферов, а также возросла минимальная заработная плата младшего обслуживающего персонала.

Переход на гарантированную оплату способствовал быстрой денатурализации заработной платы колхозников. В Кемеровской области уже в 1966 г. удельный вес ее денежной части вырос до 80 %, в 1967 г. – до 91,5 %, в 1970 – до 99,6 %. Но денатурализация денежной заработной платы не может быть оценена однозначно положительно. В условиях необходимости сохранения достаточно высоких размеров личного подсобного хозяйства для решения продовольственной проблемы в стране выдача части заработной платы натурой позволяла развивать его без лишнего усилии по добычанию и заготовке кормов, сокращало число хищений.

Введение в колхозах единой с государственными сельскохозяйственными предприятиями тарификации работ не только гарантировало ежемесячную оплату труда, но и способствовало сближению оплаты труда в колхозах и совхозах. Если в 1965 г. в Западной Сибири среднемесячная заработная плата колхозников была меньше оплаты труда работников совхозов на 26 %, то в 1975 г. эта разница сократилась до 20,7 %, а в 1986 г. – до 9,6 %. В Кемеровской же области в 1986 г. средняя заработная плата колхозников была выше, чем рабочих совхозов, на 3,5 %.

Рост оплаты труда в колхозах был также связан с введением надбавки по районному коэффициенту, с периодическим повышением тарифных ставок, с возращением минимального уровня заработка сначала с 40 до 60 рублей, а затем до 70 и 80 рублей в месяц. Были установлены и надбавки за звание «мастер животноводства» 1-го и 2-го класса, за классность среди трактористов-машинистов. Широкое распространение в колхозах получила дополнительная оплата: за выполнение плана производства продукции, сверхплановое производство, достижение высоких показателей урожайности, продуктивности животных, перевыполнение сменных норм выработки, сохранение поголовья скота и его хорошую упитанность, высокое качество продукции и так далее.

Вводились и другие меры стимулирования труда, при этом использовался как фонд заработной платы, так и фонд материального поощрения. Увеличивались средние размеры премий. Система оплаты труда колхозников стала громоздкой. Снизился удельный вес тарифной ставки. Различного рода доплаты, надбавки, премии начислялись по 10 – 15 показателям. При этом зачастую они рассматривались не как система материального поощрения, а как форма основной оплаты. В итоге темпы роста оплаты труда опережали темпы роста его производительности. Это нередко приводило к тому, что фонд оплаты труда в колхозах был больше, чем размер валового дохода.

В связи с этим было решено внедрить новую форму организации труда – малые механизированные звенья, позволявшие лучше сочетать личную и коллективную ответственность за конечные результаты работы. Это повлекло за собой соответствующие изменения в форме оплаты труда. Во многих звеньях стали применять аккордно-премиальную оплату труда. Ее суть заключалась в том, что первичному трудовому коллективу с закрепленной за ним площадью устанавливались план производства продукции и фонд оплаты труда. На основе этих двух плановых показателей определялись денежные расценки за единицу веса или стоимости продукции. Оплата труда в течение года производилась в форме аванса, который начислялся либо за выполнение отдельного вида работ по сдельным расценкам, либо за отработанное время. В конце года коллективам выплачивалась разница между заработной платой, начисленной по расценкам за произведенную продукцию, и полученными суммами аванса.

Следующим шагом в повышении оплаты труда в Промышленновском районе стало провозглашение лозунга: «За высокопроизводительный труд, за лучшие результаты – более высокая зарплата». С 1 мая 1979 года в колхозах района был введен районный коэффициент 15 % на оплату труда. Фонд оплаты труда в колхозах ежегодно возрастал на 5 – 6 %. Если в 1975 году было израсходовано на оплату труда 9,4 млн. рублей, то в 1978 году – 11,1 млн. рублей. Но при разработке положений об оплате труда, в которых предусматривались конкретные

размеры и условия основной и дополнительной оплаты и премирования колхозников, не присутствовали многие специалисты-технологи. И как результат, некоторые специалисты слабо разбирались в оплате труда в своих отраслях, особенно в лимитах труда и заработной платы на единицу продукции. В связи с этим во все инстанции шел поток жалоб и просьб объяснить, как правильно должен оплачиваться тот или иной вид работы. Особенно много писали из колхозов «Заветы Ильича», «Мир», «Гигант», им. Жданова.

В колхозах фонд оплаты труда обслуживающего персонала в общем фонде оплаты труда составлял 13,8 – 20,4 %. Особенно высоким этот показатель был в колхозах «Кузбасс» – 20,4 %, «Красное знамя» – 18,8 %, им. Мичурина – 19 %, в то время как в совхозах – 12 – 14 %. В колхозах можно было встретить персональные надбавки к должностному окладу, не предусмотренные штатным расписанием, доплаты за совмещение нескольких должностей и так далее. Предоставлялось право правлениям колхозов увеличивать должностной оклад инженерно-техническим работникам до 10 %, как опытным, высококвалифицированным работникам. Но данная мера создавала благоприятные условия для злоупотребления на местах. Например, в колхозе им. Жданова освободили от должности главного инженера-механика и перевели инженером по трудовым процессам, однако сохранили ему прежний оклад главного инженера. Но в целом ситуация с заработной платой была налажена.

В Постановлении ЦК КПСС и Совета Министров СССР «О мерах по усилению материальной заинтересованности работников сельского хозяйства в увеличении производства продукции и повышении ее качества», принятом на майском (1982) Пленуме ЦК КПСС, предусматривалось повсеместное внедрение в сельскохозяйственное производство коллективных подрядов. Но они не дали ожидаемых результатов. Недостаточная эффективность коллективного подряда заключалась прежде всего в преобладании административно-командных методов управления и сохранении за экономическими рычагами вспомогательной роли. Слабым оружием в борьбе с администрированием оказались договоры подряда. Администрации колхозов и совхозов их постоянно нарушали. Кроме того, самостоятельность подрядов была изначально ограничена. Земля и другие средства производства за предприятием на долгое время не закреплялись, право их использования по собственному усмотрению не оговаривалось, не предоставлялась также достаточная самостоятельность в решении технологических и экономических вопросов. У коллектива практически отсутствовало право выбора средств производства.

Из-за сложности определения трудового вклада каждого работника в общие результаты возникали трудности в распределении коллективного заработка. В связи с этим был введен коэффициент трудового участия (КТУ). Для получения повременного аванса с учетом КТУ коллективу необходимо было по каждому работающему вести ежедневный учет

целого ряда частных показателей, где на первом месте находилась дневная выработка. Таким образом, вновь, но уже на ином, более усложненном уровне, возвращались к индивидуальной сдельной оплате.

В 1967 году в области была проделана значительная работа по подготовке, воспитанию кадров, учебе. Начиналась она с профориентации учащихся в школе, с воспитания у юношей и девушек любви к земле, к сельскому труду. Для этого составлялись совместные планы мероприятий предприятий и школ, в которых предусматривались вечера-встречи учащихся со знатными людьми совхозов и колхозов. Руководители и специалисты часто бывали в школах на родительских собраниях, пионерских сборах и линейках, выступали перед учащимися с рассказами о своих профессиях и перспективах развития хозяйства. Большую роль в закреплении в этих хозяйствах молодежи играла организация трудового воспитания школьников, одной из форм которой являлась ученическая производственная бригада. Опытные мастера обучали ребят эффективному использованию техники, правильному ее содержанию и эксплуатации, основам организации труда. В течение учебного года учащиеся 9 – 10 классов проходили производственное обучение и по окончании учебы получали удостоверение трактористов-машинистов, животноводов и так далее. Выпускники таких школ направлялись стипендиатами в сельскохозяйственные учебные заведения и по окончании учебы возвращались в хозяйства. В результате этой работы за 1982-1985 годы более 60 % учеников остались трудиться в совхозе «Заря» и свыше 73 % – в колхозе «Ударник полей».

Если три года назад (в 1964 году) высшее образование имели 32 % директоров совхозов и председателей колхозов, то в 1967 году 44 %. Из 920 главных специалистов почти половина имели высшее образование, остальные – незаконченное высшее или средне-специальное. Примечательным являлось и то, что более 3,5 тысяч работников продолжали учебу заочно.

Специалисты Промышленновского района проходили обучение в основном в высших учебных заведениях города Новосибирска и города Кемерово. Важной мерой в укреплении сельскохозяйственного производства высококвалифицированными кадрами надо считать и создание Кемеровского филиала Новосибирского сельскохозяйственного института. При филиале обучались 360 студентов – заочников и 150 человек – на очном отделении. Они получали профессии экономистов, агрономов, инженеров и зооинженеров. Ежегодно проходили переподготовку на факультетах вузов более 200 тружеников села. Серьезное место в подготовке и переподготовке кадров занимала Кемеровская школа повышения квалификации сельскохозяйственных кадров. За 1967 по 1982 годы в ней прошли переподготовку более 11 тыс. специалистов сельского хозяйства.

Расширение числа учебных заведений не могло не сказаться на увеличении численности работни-

ков, имеющих высшее и среднеспециальное образование, о чем свидетельствует следующая таблица.

Численность специалистов с высшим и средним специальным образованием (чел.)

	1975	1980	1983	1985
Всего в колхозах и совхозах	6232	8113	10576	11521
В колхозах	955	1235	1606	1676
В совхозах	5277	6878	8970	9845

Кроме того, с 1965 года в районе при колхозах и совхозах действовали кружки, где квалифицированные работники обучали молодых слушателей. Колхозы «Новый путь», «Ударник полей», сельхозартель им. Ленина активно снабжали слушателей наглядными пособиями.

В деле повышения научного уровня ведения сельскохозяйственного производства определенную роль играло улучшение экономического образования и профессиональной подготовки трудящихся. Это осуществлялось в разнообразных формах:

1. Курсы животноводов и полеводов.

Их особенность: общетеоретическая работа сочеталась с практическим изучением экономики отдельного хозяйства, с практическими делами рабочих. Была создана школа партийно-хозяйственного актива по проблеме «Повышение эффективности общественного производства и совершенствование управления». В Промышленновском районе, наряду с курсами и кружками, с пропагандой сельского хозяйства выступали члены общества «Знание». Они не только выступали с лекциями и беседами, но и добивались внедрения в производство достижений науки и техники, организовывали труд людей.

2. Научно-теоретические конференции.

Их достоинство: они не сводились только к заслушиванию докладов, а принимали характер живого обмена мнениями. Этот обмен осуществлялся на основе данных науки и практического опыта. Как правило, на каждой конференции принимались обращения-рекомендации, указывавшие направления в решении того или иного вопроса сельскохозяйственного производства. Темы конференций были разнообразными: «Об актуальных проблемах развития сельского хозяйства СССР»; «О методике анализа основных показателей хозяйственной деятельности»; «О программировании урожая» и так далее. В Промышленновском районе конференции проводились при управлении сельским хозяйством и касались в основном экономических проблем.

3. *Освещение партийной печатью* Кемеровской области различных вопросов экономики сельскохозяйственного производства. Газеты пропагандировали разнообразные формы учебы: экономические семинары, курсы комбайнеров и животноводов, школы коммунистического труда и так далее. По окончании занятий в системе экономического образования рабочим присваивались квалификации

мастера машинного доения, тракториста-машиниста I и II класса.

Таким образом, внедряя комплексную механизацию и повышая научный уровень производства, сельские труженики Кузбасса добились определенных успехов. К 1980 году на фермах Кузбасса была почти полностью механизирована подача воды, на 95 % – доение коров, на 70 % – раздача кормов и на 54 % – удаление навоза в свинарниках. Кроме того, увеличилось количество квалифицированных рабочих, была поставлена научная работа, повысился образовательный уровень трудящихся.

В школах экономического образования «Развитие социалистического соревнования, воспитание коммунистического отношения к труду», «Экономная экономика», школах коммунистического труда «Бережливость – черта коммунистическая» слушатели, трудовые коллективы учились эффективно, рачительно хозяйствовать.

Такие пропагандисты, как Н. Б. Поляков – главный ветеринарный врач колхоза имени Ленина, В. Т. Мышко – главный экономист совхоза «Краснинский», Т. Э. Лоран, Г. М. Шмальц – зоотехники совхоза «Заря» и другие старались усилить работу по воспитанию навыков бережливости.

Следующим витком в социальном развитии села и разрешении проблемы кадров явилась Продовольственная программа 1982 года. Программа социально-экономического развития кузбасских сел и деревень охватывала целый комплекс вопросов, касающихся всех сфер жизни сельского населения.

Особое внимание уделялось жилищному и культурно-бытовому развитию. К строительству жилья были привлечены все городские домостроительные комбинаты. Определено было также, что каждый колхоз, совхоз ежегодно должен вводить в эксплуатацию не менее 20 квартир. Многие хозяйства успешно справлялись с этой программой, и на этой основе осуществлялся процесс закрепления кадров. Например, 1982 год был для Промышленновского района годом самого большого жилищного строительства. За год в эксплуатацию было сдано около 24 тыс. квадратных метров жилья.

Наряду с профориентационной работой одним из основных направлений в решении проблемы закрепления кадров являлось совершенствование условий труда и быта. Руководители совхоза «Заря», колхозов «Колос», «Путь к коммунизму» осуществляли социальное переустройство деревни. Только колхоз «Путь к коммунизму» израсходовал на строительство жилья за 1982 – 1984 годы более миллиона рублей. В год справляли новоселье до 30 семей. Кроме того, там был построен клуб на 250 мест с библиотекой, организована закупка телевизоров.

С ростом экономики совхоза «Заря» Промышленновского района выросло и похорошело самое крупное в районе село Плотниково, где располагалась центральная усадьба совхоза, насчитывающая 3350 жителей и 1168 дворов. Центральная усадьба за 80-е годы неузнаваемо изменилась. Она застраивалась двухэтажными многоквартирными домами с центральным отоплением, канализацией, с холо д-

ной и горячей водой, с газовыми плитами. Главная улица была покрыта асфальтом. На центральной площади расположились красивые современные здания совхозной конторы с торговым центром, Дома культуры, исполкома сельсовета, кафе-столовой, средней школы и детской музыкальной школы.

В 1960-е – первой половине 1980-х гг. в качестве одного из основных стимулов трудовой активности рассматривалось социалистическое соревнование. Основными его видами на селе были Всесоюзное соревнование за увеличение производства мяса и молока на 100 га пашни и других сельскохозяйственных угодий и Всесоюзное соревнование за увеличение производства зерна. Большое внимание уделялось массовости соревнования. Если в 1969 г. в нем участвовало до 75 % работающих в сельском хозяйстве Сибири, то к 1965 г. – уже около 86 %. Особое внимание уделялось бригадной форме, так как предполагалось, что переход от социалистического труда к коммунистическому может произойти на основе совместной производственной деятельности. Обязательным условием участия была взаимопомощь, заключение между производственными ячейками договоров о коммунистическом содружестве. Коллективы и ударники коммунистического труда включались в шефство над отстающими хозяйствами.

Несмотря на кажущуюся активность социалистического соревнования, его эффективность, как стимула трудовой активности в 60-х гг., была низкой. Сравнительно высоких производственных показателей достигали лишь отдельные трудовые коллективы. Это усугублялось еще и рядом засушливых лет. В постановлениях Президиума ВЦСПС от 23 сентября 1966 г. и ЦК КПСС от 31 августа 1971 г. наряду с общей высокой оценкой уровня развития социалистического соревнования был дан и критический анализ накопленного за последние годы опыта. Указывалось, что усилия соревнующихся слабо нацелены на решение задач ускорения темпов роста производительности труда, улучшения качества продукции, укрепления трудовой и общественной дисциплины; отмечались нарушения демократических норм соревнования, формализм, недостаточное изучение и распространение передового опыта. Главной задачей соревнования определялось повышение производительности труда и эффективности общественного производства, рациональное использование трудовых и материальных ресурсов. Выдвигались требования неуклонно соблюдать ленинские принципы его организации – гласность, сравнимость результатов, обеспечивать возможность практического повторения опыта.

Новой формой социалистического соревнования стало Всесоюзное соревнование за выполнение и перевыполнение пятилетних и годовых планов производства продуктов растениеводства и животноводства. Кроме того, в масштабах всей страны организовывались соревнования, посвященные встрече знаменательных юбилеев (50-летия Великого Октября, 100-летия со дня рождения Ленина и т.п.) и партийных съездов. Существовало несколько уров-

ней: всесоюзный, всероссийский, областной или краевой, районный, внутрихозяйственный, внутрибригадный. Итоги индивидуального соревнования, проводившегося на основе конкурса «Лучший по профессии», также подводились на всех вышеперечисленных уровнях.

В 1966 – 1967 гг. была проведена работа по пересмотру и подтверждению званий «Ударник коммунистического труда» и «Коллектив коммунистического труда». Если ранее эти звания присуждались на неопределенный срок, то теперь их нужно было подтверждать ежегодно. Изменилось и наименование движения: речь шла уже не о движении за коммунистический труд, а о движении за коммунистическое отношение к труду.

В итоге проведенных преобразований в области социального развития села значительно улучшилось культурно-бытовое обслуживание населения: увеличилось число дошкольных детских учреждений, школ, домов культуры, больниц. Изменился и социальный облик села. Построено новое жилье, 24 школы, 28 детских садов, 3 больницы, фельдшерско-акушерские пункты, клубы и Дома культуры. Центральные усадьбы практически всех хозяйств были связаны с районным центром дорогами с твердым покрытием.

Среднемесячная заработная плата выросла с 82 до 170 рублей. Был повышен образовательный уровень тружеников села, что стимулировалось повышением заработной платы. Кроме того, постоянно действовали кружки и курсы по подготовке кадров для сельского хозяйства. Большое значение имела работа по профориентации учащихся молодежи. Была решена одна из самых животрепещущих проблем на селе – обеспечение молодых семей жильем. За 1982 год было построено 1370 новых домов, а в 1985 году – уже 1307. В результате проведенных мероприятий жизненный уровень сельских жителей повысился и, как следствие этого, процесс оттока рабочих рук из села был приостановлен.

Литература

1. Галаганов, З.П. Рабочие совхозов Кузбасса в борьбе за ускорение научно-технического прогресса в сельском хозяйстве / З. П. Галаганов // Из истории рабочего класса Сибири. – Вып. 1. – Кемерово, 1975.
2. Кемеровская область в цифрах, 1975 – 1985. – Кемерово, 1987.
3. Красное знамя: 9.01.1965, 13.11.1965, 30.06.1966, 23.03.1982, 11.07.1982, 23.09.1983, 23.12.1985.
4. Крестьянство и сельское хозяйство Сибири, 1960-1980-е годы. – Новосибирск, 1991.
5. Совхоз «Заря», 60 лет. – Кемерово, 1969.
6. Текущий архив Промышленновского района: материалы экономических конференций.
7. Текущий архив Промышленновского района: «Памятные даты».
8. Шаги пятилетки, год 1968. – Кемерово, 1969.
9. Эхо: 19.01.2008.

УДК 377.018.42(571.17)“1940/1950”

РАЗВИТИЕ СИСТЕМЫ ВЕЧЕРНЕГО ОБРАЗОВАНИЯ В КУЗБАССЕ В 1940-1950-е ГОДЫ**(на примере ШРМ и Кемеровской областной заочной средней школы)*****Н. Ф. Кустова, А. А. Фишова***

Начавшаяся Великая Отечественная война потребовала серьезной реорганизации системы образования в стране. В это связи, 15 июля 1943 года Совет народных комиссаров СССР вынес постановление «Об обучении подростков, работающих на предприятиях», согласно которому с 1 октября 1943 года в городах и рабочих поселках организовывалась сеть общеобразовательных школ для обучения подростков, работающих на предприятиях и в учреждениях и желающих без отрыва от работы продолжать свое образование. В апреле 1944 года школы для подростков были переименованы в школы рабочей молодежи.

С такой же целью начинает свою работу Кемеровская областная заочная средняя школа, но вопрос относительно того, когда была основана эта школа, не имеет столь однозначного ответа как с ШРМ. Если обратиться к литературе, например к работе В. Н. Брежа «Развитие системы образования в послевоенный период», опубликованной в сборнике статей «55 лет Кемеровской области», то он указывает как год образования заочной школы – 1950. Если же обратимся к отчетным документам по областной заочной школе, которые хранятся в ГАКО (фонд 1063), то в отчетах за разные года будут приведены две даты основания школы: 1944 и 1948. При этом необходимо отметить, что вся информация о Кемеровской областной заочной школе, которая находится в архиве, начинается только с 1950 года.

В 1944 году правительством были утверждены положения о школах рабочей и сельской молодежи, сроки и порядок их работы, перечень специальных учебников, подлежащих изданию. В организации этих школ активное участие приняли комсомол и профессиональные союзы. Школы рабочей молодежи получили широкое распространение, к концу войны в области их насчитывалось уже 43 с охватом 7614 учащихся. Одной из главных проблем ШРМ в первые годы своего существования была низкая успеваемость и большой отсев учащихся, чаще всего это объяснялось непосещаемостью занятий (вызванное условиями военного времени, необходимостью оказать посильную помощь фронту).

В послевоенный период положение этих школ значительно улучшилось, в это время они приобретают огромное значение, так как их главной задачей была вовлечение в процесс обучения всей работающей молодежи, не имеющей законченного семилетнего образования.

Для поступающих в школы рабочей молодежи после перерыва в обучении более двух лет были введены вступительные экзамены. Цель экзаменов – выявить уровень знаний поступающих для более правильного комплектования классов. Как показывают архивные материалы, принцип вступительных экзаменов соблюдался не всегда, связано это было с

тем, что ШРМ были заинтересованы в увеличении количества учащихся, и поэтому руководство школ шло в обход правил и принимало на обучение молодых людей без вступительных экзаменов. Такое нарушение правил нередко становилось причиной неуспеваемости учащихся, так как некоторые ученики имели достаточно длительный перерыв в обучении, вследствие этого многие знания были утеряны, и когда они приходили в те классы, которые закончили много лет назад, то уровень их знаний не соответствовал тем условиям, которые предъявлялись в данном классе.

Возраст учеников, обучающихся в ШРМ, варьировался от 14 до 30 и более лет. Значительное число учащихся приходилось на возраст от 15 до 22 лет. Нередко в одном классе могли оказаться учащиеся, которые только что пришли из общеобразовательных школ и достаточно взрослые молодые люди, которые уже имели семью и детей. Основную массу контингента этих школ составляли подростки, молодежь из несостоятельных, бедных семей, которые, вследствие небольшого материального достатка, должны были идти работать на предприятие, чтобы прокормить себя и свою семью. Также большое количество учащихся составляли дети, которые вообще не имели родителей и шли в школу рабочей молодежи после интернатов и детских домов.

ШРМ создавались при предприятиях, что было очень выгодно для данного типа школ, так как финансирование в значительной степени брало на себя предприятие (выделение помещения под школу, обеспечение методической и художественной литературой, макетами и таблицами и т. д.) Чаще всего школы рабочей молодежи располагались в не типовых зданиях (из 104 ШРМ в 1955-1956 годах в специальных помещения располагалось всего 67 школ, остальные осуществляли свою деятельность на базе детских школ). Известны случаи, когда школы находились в непригодных для обучения помещениях, например, ШРМ № 1 г. Киселевска развернула свою работу в здании РУ № 13, совершенно непригодном для учебных целей, так как температура воздуха была очень низкой. Вскоре школа была переведена в здание заводоуправления.

Одной из проблем ШРМ была не очень хорошая материальная база школ. Как показывают архивные материалы, в конце 1940-х годов многие ШРМ имели минимальное количество хозяйственного оборудования, которое было необходимо для функционирования школ (парты, классные доски, столы для учителей, стулья). При этом у школ были большие трудности с приобретением демонстрационных материалов, лабораторных столов, химических реактивов, шкафов для учебных пособий, а главное, самих учебников. Впоследствии это окажется одной из причин неуспеваемости учеников.

В 1940-е годы большой редкостью в этих школах были буфет, зеркала, умывальники, огнетушители и даже часы. Постепенно с развитием системы ШРМ эти проблемы решались за счет средств, которые выделяли предприятия и государство, и школы пополнялись всем необходимым.

Еще одной проблемой этих школ был большой отсев учащихся. К примеру, в школе № 1 г. Киселевска к началу 1946/1947 учебного года числилось 250 человек, а к концу года насчитывалось 155. В отчетах ГорОНО и ОблОНО указывались следующие причины отсева:

1. Вина предприятий (сменность, сверхсрочная работа, отправка осенью на с/х работы в колхозы) – это была основная причина.
2. Несоответствие уровня знаний данному классу вследствие большого разрыва в учебе.
3. Дальность расстояния от школы.
4. Плохая материальная обеспеченность школ.
5. Уход в РККА.
6. Болезнь.
7. Выезд в другие города.

Для решения главной проблемы отсева – неспособности сочетать работу с учебой, администрации школ постоянно ходатайствовали перед директорами предприятий, чтобы они урегулировали работу учащихся без ущерба для занятий (установили необходимый график смен для учащихся, не открывали от учебы сверхсрочной работой и т. д.). Результаты этих мер борьбы с отсевом учащихся хотя и давали свои положительные результаты, но они были незначительны. Процент отсева учащихся пошел на убыль только к концу 1950-х годов.

Для привлечения большего числа молодежи к получению знаний и повышению их уровня ОблОНО ставило задачу перед РайОНО:

1. Выявить по ШРМ наличие молодежи, желающей обучаться, открыть школы и укомплектовать их учителями, обеспечить школы зданиями и необходимым оборудованием.

2. Организовать агитационную работу среди молодежи о необходимости повышения образования. Для этого учителя, профсоюзы, комсомольские организации должны проводить специальные беседы, печатать информацию о ШРМ в городских газетах.

Большое внимание к ШРМ позволило расширить сеть учебных заведений: в 1945 году – 41 ШРМ, в начале 1950-х годов – 104 ШРМ (из них 87 средних и 17 семилеток) с общим числом учащихся – 13544 человек, в середине 1950-х годов до 97 школ (из которых 80 средних, 17 семилеток). В 1955-1956 учебном году в них обучалось 20337 человек, однако процент отсева учащихся был все еще высок (37 %). Среди оставшихся успеваемость была 83,2 % (это было на 3 % выше, чем в предыдущем учебном году). В конце 1950-х годов – 113 ШРМ (из которых 108 средних и 5 семилеток) с общим числом учащихся 24149 человек.

Постепенно увеличивалось и количество квалифицированных педагогических кадров: если в конце 1940-х годов наряду с учителями, имеющими высшее, незаконченное высшее образование было мно-

го педагогов со средним образованием и курсами учителей, то к середине 50-х годов в ШРМ работало более 1400 учителей, из них имели высшее образование 700 человек, незаконченное высшее – 530 человек, среднее педагогическое – 185 человек. Две трети учителей составляли постоянные кадры (одна треть – совместители). Закрепление педагогического состава и его рост, пропорциональный набору учащихся, позволили сформировать и отработать определенные методы работы с молодежью, получающей образование неотрывно от работы.

Учебные занятия в школах рабочей и сельской молодежи проводились по учебным планам, утвержденным Министерством просвещения СССР.

В связи с тем, что учащиеся школ рабочей молодежи работали на производстве, занятия в школах велись по сменам (утренние, дневные, вечерние), 4 или 5 дней в неделю по четыре часа. По воспоминаниям Нины Ивановны Роговских, ученицы ШРМ №1 г. Ленинск-Кузнецкого 1958/1959 гг., в их школе было 2 десятых класса «АБ» и «В». В классе «АБ» обучались молодые люди, которые могли посещать занятия утром или вечером, в зависимости от графика работы, в классе «В» учились рабочие, которые могли получать образование только в вечернее время. Занятия утром начинались в 8.30 и длились до двух часов дня. Вечером обучение начиналось в 20.00 и заканчивалось в двенадцать часов ночи. На консультацию отводилось по часу в дни занятий или для них выделялся пятый или шестой день недели.

В ШРМ преподавались следующие дисциплины: русский язык, литературное чтение, литература, математика (арифметика, алгебра, геометрия, тригонометрия), физика, химия, естествознание, история и конституция СССР, география, иностранный язык).

В различных отчетах ГорОНО была представлена информация об успеваемости учащихся по всем предметам. В среднем по ШРМ успевали около 75 % учащихся, среди них на положительные оценки учились 40 %. Почти во всех отчетах ГорОНО обращалось внимание на то, сколько в школе имеется учащихся, которые были одновременно отличниками учебы и стахановцами производства, но такие ученики встречались крайне редко, а зачастую вовсе отсутствовали.

Приводились данные, что по русскому языку и литературе обычно из десяти человек 5 класса не успевали двое, из двадцати одного ученика 6 класса трое занимались неудовлетворительно. Неуспеваемость по русскому языку объяснялась непочтеными знаниями за начальную школу, большим перерывом в учебе. Знание учащимися теории оценивалось как удовлетворительное, основная проблема заключалась в том, что практическое приложение этих знаний было недостаточным. Трудности у учащихся вызывали написание безударных гласных, отрицание «не» с частями речи, правила фонетики, написание суффиксов, пунктуация.

Знания учеников по математике оценивались удовлетворительно. Основные трудности ученики

испытывали в решении задач, уравнений. Неудачность в этой дисциплине (как и по другим предметам) объяснялась большим перерывом в учебе, недостаточными знаниями за начальные классы, также неопытностью молодых учителей, нехваткой педагогических кадров, так как уроки могли проводить и неспециалисты. К причинам низкой успеваемости также можно отнести и то, что сам директор школы не мог осуществлять должный контроль за деятельностью молодых кадров на уроке, так как сам большую часть времени уделял преподаванию.

В физике и химии недостаточные знания объяснялись тем, что на начальном этапе существования школы не имели необходимого оборудования. Ученики не могли применить свои знания на практике, так как лабораторные и практические работы проводились очень редко, потому что не было специально оборудованных кабинетов.

Биологию и зоологию учащиеся знали «хорошо», так как в этих дисциплинах не было больших проблем с демонстрационным материалом: на уроках показывали гербарии, плакаты, живые растения и т.п. Хуже дела обстояли с изучением анатомии и физиологии, связано это было с отсутствием учебников, особенно по курсу дарвинизма.

В изучении географии не возникало особых проблем, отмечалось только, что трудности вызывает изучение политической карты мира, физическую карту учащиеся знали хорошо.

В изучении истории проблемы были связаны с пониманием причинно-следственных связей, роли различных деятелей в ходе исторических событий, а также знание карты вызывало определенные сложности.

Трудности в изучении иностранного языка возникали из-за отсутствия практического применения полученных знаний и с неопытностью молодых специалистов.

В школах рабочей молодежи среди учащихся также проводилась политмассовая работа. Как показывают документы, политмассовая работа проводилась нерегулярно, обычно в виде лекций или бесед на классных собраниях. На этих собраниях решались организационные вопросы, выяснялись причины прогулов и неуспеваемости, а также проводились беседы на темы: «Великая Октябрьская революция», «День Сталинской Конституции», доклады о жизни и деятельности И. В. Сталина, С. М. Кирова, доклады о 1 Мая, о Дне Победы. Основная задача политмассовой работы в ШРМ – способствовать формированию идеалов советского общества в сознании молодежи.

Помимо учебной деятельности в школе часто проводились танцевальные вечера – обычно по воскресеньям, концерты творческой самодеятельности, на которых ученики пели, танцевали, играли на музыкальных инструментах.

Для проведения экзаменов своевременно подготавливались билеты, укомплектовывались экзаменационные комиссии, проводились консультации, выставки наглядных пособий, по определенным

дням были открыты кабинеты физики и химии для самостоятельных лабораторных работ.

Хотя процент отсева учащихся был достаточно высоким, но те учащиеся, которые доучивались до сдачи экзаменов, в целом сдавали их хорошо. Процент сдачи учащимися переводных экзаменов варьировался от 82 до 86 и имел тенденцию к постоянному росту (82 % в 1955 году, 86,4 % к концу 1950-х годов). На аттестат зрелости в среднем сдавали экзамен 21 человек, из них аттестат получали около 13 человек (не сдавшие первый экзамен не допускались к сдаче последующих).

Не менее эффективной, по сравнению с ШРМ была и работа Кемеровской областной заочной средней школы. Как показывают документы, с 1944 по 1956 год заочная школа была в основном не областной, а городской. В этот период школа распространяла свою деятельность только на город Кемерово. Центральное заочное отделение располагалось по улице Ермака 7, в школе № 41 (на данный момент это 3-й корпус КемГУ). Малый охват территории заочной школой был связан с нехваткой кадров, поэтому эта школа не могла начать свою деятельность в городах и районах Кемеровской области. С 1 января 1956 года проблема с обеспечением заочного отделения штатным персоналом была решена, и Кемеровская областная заочная школа распространяет свою деятельность на другие города: Сталинск, Ленинск-Кузнецкий, Киселевск, Мариинск, Прокопьевск.

Заочные отделения и их учебно-консультативные пункты размещались в зданиях общеобразовательных школ, при которых они создавались.

Всего на 1958/1959 учебный год числилось 20 консультативных пунктов: Центральный, Сталинский, Ленинский, Киселевский, Мариинский, Прокопьевский, Абагурский, Ампалынский, Ново-Ивановский, Малиновский, Барзасский, Орлово-Розовский, Мурюкский, Сусловский, Усинский, Чугунашский, Кельбесский.

В 1958/1959 учебном году открылись еще три новых консультпункта: Даниловский-Тяжинский, Усть-Кабырзинский, Нижесустинский.

Кадровый состав консультпунктов включал в себя: заведующего заочным отделением, методиста и учителей. Педагоги в основном были совместителями, которые назначались городскими и районными отделами народного образования. Большинство учителей имели высшее образование или незаконченное высшее (учительский институт). К примеру, на 1954/1955 учебный год в Кемеровском центральном консультпункте числилось 78 учителей, из которых 52 имели высшее образование, а 26 неоконченное высшее (учительский институт). При этом педагоги с высшим образованием преподавали в старшем звене, а с неоконченным высшим – в среднем. Все учителя работали в городских методических объединениях, а педагоги родственных дисциплин периодически собирались на обсуждение вопросов, связанных с методикой проведения групповых и индивидуальных консультаций. Также в течение года несколько раз проводился педагоги-

ческий совет, на котором рассматривали проблемы подготовки школы к новому учебному году, планирование работы по предметам, выполнение учебных программ, успеваемость учащихся, итоги учебного года.

В Кемеровскую областную заочную школу в основном поступали юноши и девушки, которые не имели законченного среднего образования и работали на производстве. Значительным преимуществом заочного отделения, по сравнению с ШРМ, было то, что заочную школу нужно было посещать 2 – 3 раза в неделю, а ШРМ от 4 до 5 раз. Были такие представители молодежи, которые специально бросали средние школы для того, чтобы получить производственный опыт и среднее образование быстрее, так как в общеобразовательных школах было одиннадцатилетнее обучение, а заочные отделения и ШРМ 11-го класса не имели. Такая категория поступающих начала сокращаться с 1965 года, когда на вечерних отделениях тоже было введено одиннадцатилетнее обучение.

На заочные отделения средних общеобразовательных школ принимались лица от 16 лет, закончившие соответствующие классы. Все поступающие на заочные отделения представляли документ об образовании и справку с места работы. При отсут-

ствии документов об образовании зачисление в соответствующий класс производилось после проверки их знаний по русскому языку и математике. Лица, обучавшиеся на заочных отделениях, пользовались льготами при поступлении в заочные, средние специальные и высшие учебные заведения по тем специальностям, которые соответствовали их производственной работе.

Все поступившие обязаны были систематически посещать занятия групповых консультаций, не допускать опозданий, пропусков без уважительной причины, аккуратно выполнять домашние письменные и устные задания, содержать тетради в чистоте, сдавать их для проверки и отвечать на уроках по вызову учителя. В правилах поведения учащихся прописывались даже такие обязанности учеников, как курение учащихся только в специально отведенных для этой цели местах, запрещалось ходить в школе в головных уборах и оставлять на полу или в партах мусор. За поддержанием дисциплины в классе должны были следить староста, избирающийся каждый учебный год, актив класса и классный руководитель.

Основной возраст поступающих на заочные отделения колебался от 22 до 30 лет.

Таблица 1

**Половозрастной состав обучающихся в Кемеровском консультпункте
на 1952/1953, 1954/1956 учебные годы**

Возраст	1952/1953 учебный год		1954/1955 учебный год		1955/1956 учебный год	
	ученики	ученицы	ученики	ученицы	ученики	ученицы
16 лет	3	1	12	18	17	20
17 лет	7	2	10	15	23	28
с 18 до 22-х лет	16	83	86	114	156	143
с 23 до 29 лет	82	51	181	164	276	174
30 лет и старше	20	17	167	51	31	22

Основными формами обучения учащихся заочной школы были:

- групповые консультации, которые подразумевали проведение сдвоенных уроков с обязательным составлением расписания по времени и месту их проведения, с максимальным использованием наглядных пособий, с закреплением полученных навыков в виде самостоятельных и лабораторных работ. Групповые консультации проходили 2-3 раза в неделю по 4 часа в день только вечером;

- индивидуальные консультации организовывались для педагогической помощи заочникам в их самостоятельной работе. Проводились индивидуальные консультации один или два раза в неделю в зависимости от выполнения программного материала и наполняемости классов.

Один раз в неделю учащиеся-заочники сдавали зачет. Обычно учащиеся за год сдавали 65 – 70 зачетов при 32-х зачетных неделях. Многие ученики не успевали сдать зачеты за один день и вследствие этого попадали в категорию отстающих. Для улуч-

шения успеваемости заочников с 1956 года на зачетные работы отводилось два дня в неделю.

Были и такие учащиеся, которые не могли посещать групповые занятия и индивидуальные консультации. Такие ученики получали консультации от учителей в письменном виде, а также предоставляли по каждому предмету письменные зачетные работы в количестве равном числу зачетов, установленному учебным планом для данного класса.

На заочных отделениях преподавались такие же дисциплины, как и в ШРМ. Групповые консультации проводились в виде лекций, а также в форме проведения лабораторных и самостоятельных работ.

По сравнению с ШРМ, проблем с обеспечением процесса обучения наглядными пособиями, демонстрационными материалами, химическими реактивами и др. у консультпунктов не возникало. Связано это было с тем, что все консультпункты располагались в средних общеобразовательных школах, которые и обеспечивали учащихся-заочников необходимыми материалами. Единственные трудности

возникали со снабжением учеников учебной литературой.

В основном занятия во всех консультпунктах проводились в вечернее время суток, так как утром и днем проходили уроки для учащихся средних школ. Когда же предпринимались попытки проводить занятия в дневное время, то всегда заведующий заочных отделений сталкивался с серьезной проблемой: нехваткой учебных кабинетов. В связи с этим консультпунктов, где обучение проводилось в дневное время, было очень мало.

Одной из проблем в деятельности заочной школы было постоянное невыполнение народнохозяйственного плана по набору учащихся. По плану набор заочников должен был составлять 500 человек. На 1951/1952 учебный год было набрано только 431 учащийся. С 1956 года план по набору увеличился до 1000 учащихся. Предпринимались различные меры для того, чтобы набрать необходимое число учеников:

1. Давались объявления в газеты, на радиостанции о наборе заочников, которые имели перерыв в обучении или не имеющие документов об образовании.

2. Через Обком ВКП(б), Обком ВЛКСМ, Облкультурпросветработы, Облпрофсовет, УМГБ, УМВД, Облвоенкомат были посланы письма в различные учреждения, в которых разъяснялись условия приема и учебы в заочной школе и предлагалось работникам соответствующих предприятий, не имеющих среднего образования, оформить на учебу в заочную школу.

3. Организовывались летние подготовительные курсы для желающих поступить на заочные отделения.

Количество учащихся в Кемеровской областной заочной средней школе постоянно увеличивалось (таблицы № 2, 3).

Таблица 2

Распределение учеников по классам в центральном консультпункте на 1950/1951 учебный год

<i>Всего классов</i>	<i>Распределение учеников по классам на начало года</i>	<i>Выбыло</i>	<i>Распределение учеников по классам на конец учебного года</i>
5 кл. – 1	5 кл. – 18 чел.	5 кл. – 2 чел.	5 кл. – 16 чел.
6 кл. – 1	6 кл. – 16 чел.	6 кл. – 2 чел.	6 кл. – 14 чел.
7 кл. – 2	7 кл. – 50 чел.	7 кл. – 8 чел.	7 кл. – 42 чел.
8 кл. – 2	8 кл. – 53 чел.	8 кл. – 13 чел.	8 кл. – 40 чел.
9 кл. – 1	9 кл. – 32 чел.	9 кл. – 10 чел.	9 кл. – 22 чел.
10 кл. – 2	10 кл. – 64 чел.	10 кл. – 10 чел.	10 кл. – 54 чел.
Всего классов – 9	Итого: 233 ученика	Всего выбыло – 45 учеников	Итого: 188 учеников

Таблица 3

Распределение учащихся в центральном консультпункте на 1958/1959 учебный год

<i>Всего классов</i>	<i>Распределение учеников по классам на начало года</i>	<i>Выбыло</i>	<i>Распределение учеников по классам на конец учебного года</i>
5 кл. – 1	5 кл. – 6 чел	5 кл. –	5 кл. – 6 чел
6 кл. – 2	6 кл. – 20 чел	6 кл. – 11 чел	6 кл. – 9 чел
7 кл. – 11	7 кл. – 260 чел	7 кл. – 60 чел	7 кл. – 200 чел
8 кл. – 12	8 кл. – 260 чел	8 кл. – 71 чел	8 кл. – 189 чел
9 кл. – 11	9 кл. – 188 чел	9 кл. – 83 чел	9 кл. – 105 чел
10 кл. – 12	10 кл. – 312 чел	10 кл. – 71 чел	10 кл. – 241 чел
Всего классов – 49	Итого: 1046 учеников	Всего выбыло 296 учеников	Итого: 750 учеников

Самое большое количество учащихся зафиксировано в 1956/1957 учебном году, когда Кемеровская заочная школа была реорганизована в областную: по кемеровскому центральному консультпункту в этом год было набрано 1196 учеников, это в 5 раз больше по сравнению с 1950/1951 учебным годом.

Как и в ШРМ, одной из основных проблем, с которыми сталкивалась заочная школа, – очень высокий отсев заочников. В 1952 году отсев обучающихся составлял 61 %. Основными причинами вы-

бытия из школы были: перемена местожительства; систематические задержки на работе; неуспеваемость; уход в другие школы, техникумы, училища.

Администрация заочной школы предпринимала различные меры по борьбе с отсевом:

- проведение бесед с пропускающими занятия;
- обсуждение проблемы на педсовете;
- обращение администрации школы к руководителям предприятий с просьбой о воздействии на учащихся;

– введение классного руководства, но должность классного руководителя была штатной, поэтому серьезных требований к работе классных руководителей не предъявлялось;

– осуществление обмена опытом с аналогичными школами страны, к примеру, со Свердловской, Омской, Новосибирской заочными средними школами, которые оказали значительную помощь в организации учета знаний учащихся;

– самым эффективным методом борьбы с отсевом было предоставление возможности учащимся сдавать зачеты не в один, а в два дня. Также усовершенствование контроля над деятельностью периферийных пунктов. Заведующий каждого консультпункта присылал в заочную школу сводные ведомости успеваемости, в которые ежемесячно переносились оценки из ведомостей приема зачетов, проанализировав которые дирекция делала соответствующие выводы и рассылала по консультпунктам инструктивные письма, где указывались слабые места в учебной работе и меры их ликвидации. Также практиковались выезды директора и инспектора на периферию.

Все эти меры способствовали тому, что постепенно отсев учащихся стал снижаться, но все равно оставался достаточно высоким, к 1956 году этот показатель достиг 30 % по кемеровскому консультпункту (по области 41 %).

В конце учебного года учащиеся 10 классов держали экзамены в той школе, к которой они были прикреплены. Учащиеся переводных классов сдавали экзамены по тем предметам, по которым не сдали установленного учебным планом количества зачетов. Заочники, получавшие консультации и представлявшие зачетные работы в письменном виде, сдавали экзамены за курс данного класса по всем учебным предметам. Своевременно проводилась подготовка к экзаменам: отправлялись инструктивные письма, где указывалось для каждого класса, по каким предметам будут экзамены, начало и конец экзаменов, а также рассылались экзаменационные билеты в достаточном количестве во все консультпункты, оповещались те заочники, которые не посещали групповые и индивидуальные занятия. Только за два учебных года заочная школа обучила 2 тысячи учеников.

Юноши и девушки, окончившие ШРМ и заочные отделения, получали те же права, что и лица, окончившие обычные общеобразовательные школы. При этом они пользовались преимущественными правами при поступлении в заочные средние специ-

альные и высшие учебные заведения по тем специальностям, которые соответствуют их производственной работе.

Повышение общеобразовательного уровня молодежи, работающей на производстве и в сельском хозяйстве, имело огромное народнохозяйственное значение. Юноши и девушки, окончившие школы рабочей и сельской молодежи, получив знания основ наук и имея практический опыт, обычно быстрее овладевали современной сложной техникой и давали высокие показатели производительности труда.

Таким образом, деятельность ШРМ и Кемеровской областной заочной школы позволила молодым людям, не получившим среднее образование по причине Великой Отечественной войны или в связи с тяжелым материальным состоянием семьи, вынуждавшее девушек и юношей идти работать, удовлетворить потребность в получении полного среднего образования. Несмотря на определенные трудности в работе, с которыми сталкивались ШРМ и заочная школа (недобор числа учащихся, неуспеваемость, большой отсев учеников), они позволили большому количеству молодых людей получить среднее образование без отрыва от производства и возможность поступить в высшее учебное заведение. Работа этих школ позволила повысить общеобразовательный уровень работающей молодежи, а уровень грамотности рассматривается как основной критерий культурного и экономического развития, как страны в целом, так и Кузбасса в частности.

Литература

1. ГАКО. Ф. 323. Оп. 6. Д. 65. Л. 3.
2. ГАКО. Ф. 323. Оп. 6. Д. 31. Л. 1, 3, 5.
3. ГАКО. Ф. 323. Оп. 6. Д. 35. Л. 3.
4. ГАКО. Ф. 323. Оп. 6. Д. 27. Л. 3-5.
5. ГАКО. Ф. 323. Оп. 6. Д. 40. Л. 4.
6. ГАКО. Ф. 1063. Оп. 1. Д. 1. Л. 136, 245, 247, 249, 252, 259, 269, 261, 267.
7. ГАКО. Ф. 1063. Оп. 1. Д. 1. Л. 136, 245, 247, 249, 252, 259, 269, 261, 267.
8. Брель, В. Н. Развитие народного образования в Кузбассе в послевоенный период (1946-1950 гг.) / В. Н. Брель // 55 лет Кемеровской области. – Кемерово, 1999.
9. Сычева, Т. А. Борьба с неграмотностью подростков на территории Кузбасса в 30-50-е годы / Т. А. Сычева // Всероссийские научные чтения «Интеллектуальный и индустриальный потенциал регионов России». – Кемерово, 2002.

УДК 316.7

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ИЗУЧЕНИЯ БЫТОВОЙ КУЛЬТУРЫ Ю. И. Михайлов, М. А. Тимофеева

В данной работе мы хотели бы сосредоточить внимание на рассмотрении ряда теоретических подходов к изучению бытовой культуры. Основная задача всех этих подходов – реконструкция картины мира, складывающейся в различных человеческих

общностях по мере их развития. Особый интерес представляют теоретические подходы Люсьена Февра, Фернан Броделя, М. М. Бахтина и А. Я. Гуревича.

Быт – сфера социальной жизни, включающая как удовлетворение материальных потребностей людей в пище, одежде, жилище, лечении и поддержании здоровья, так и освоение человеком духовных благ, культуры, человеческое общение, отдых, развлечения. В широком смысле быт – уклад повседневной жизни. Он оказывает огромное влияние на все области социальной жизни и прежде всего на труд, настроение и поведение людей [БСЭ, 1971, с. 183].

Не случайно современные ученые направляют свои усилия на воссоздание исторического бытия человека в его реальной целостности, вырабатывают новые подходы к реконструкции того, что сегодня называют тотальной историей.

Бытовая культура или история повседневности стала предметом научного исследования с 1930-х годов. Новый методологический подход в исторической науке был реализован школой «Анналов». Суть этого подхода заключалась в том, что произошла замена классической «истории – повествования» «историей – проблемой», а также предпринимались попытки создать «тотальную» историю, то есть историю, описывающую все существующие в обществе связи – экономические, социальные, культурные. Ученые стали ставить в центр своих исследований не деятельность великих людей, не описание событий, а общество в целом [Афанасьев, 1980, с. 18].

Основоположники школы «Анналов» говорили об истории как глобальной науке о человеке в обществе, которая должна изучать прошлое в органическом единстве всех составляющих его элементов. Ибо, предупреждал М. Блок, цивилизация не похожа на пасьянс с механически подобранными картами. Знание фрагментов исторического целого, изученных по отдельности, никогда не приведет к познанию целого. Более того, оно не даст понимания и этих фрагментов [Блок, 1986, с. 88].

Французский историк XX в., один из создателей школы «Анналов» Люсьен Февр, подчеркивал, что путь к познанию истории лежит через всестороннее познание общества. Соответственно он обращался к изучению географии, аграрных отношений, торговли, социального строя, языка, религии, культуры, исторической психологии. Хронологически его исследования охватывают как средние века, так и новое время. Однако в центре его интересов – Возрождение, особенно XVI в., Февр придавал большое значение изучению обществ, психологии в разные эпохи, признавал тесную связь психического склада людей с их общественным бытием.

Люсьен Февр стремился к разрыву с традиционной историографией, что нашло отражение в его работах методологического характера, вошедших в сборник «Бои за историю» (1953) и «За историю, понятую по-другому» (1962).

Проблема междисциплинарного синтеза получила основательную теоретическую проработку в трудах Л. Февра. Не будет преувеличением сказать, что идея такого синтеза воодушевляла ученого с

первых же шагов его становления как историка. Вспоминая впоследствии свое тогдашнее одиночество в среде профессиональных историков «с их отказом от всякого синтеза», он с теплотой писал о поддержке, которую находил тогда «среди своих друзей лингвистов и ориенталистов, психологов и медиков, географов и германистов» [Февр, 1991, с. 7].

Прежде всего отметим, что такой подход отнюдь не означал механического «сцепления» в одном исследовании данных разных наук. Иронизируя над подобной практикой, Февр еще в 1923 г. вопрошал: «Корректно ли с научной точки зрения вдруг приклепывать к звену метеорологическому звено политическое и считать цепь, полученную таким путем, совершенно однородной?» [Февр, 1991, с. 175].

В центре внимания Л. Февра в последние десятилетия его жизни была взаимосвязь истории с психологией. Напоминая известную истину, что крупные открытия чаще всего совершаются на стыке наук, Февр продолжал: «А раз это так, то нет нужды долго доказывать, что психология, т.е. наука, изучающая ментальные функции, непременно должна вступить в тесную связь с социологией, наукой, изучающей функции социальные, и что не менее необходимыми являются ее постоянные соотношения с рядом трудно определимых дисциплин, чья совокупность традиционно именуется Историей» [Февр, 1991, с. 97].

Февр призывал отказаться от позитивистской методологии исторической науки, опиравшейся исключительно на письменные тексты, и настаивал на необходимости изучения прошлого с привлечением данных и методов археологии, социологии, истории языка, техники, религии, агрикультуры и т. п.

Ключевые понятия Февра – «эпоха» и «цивилизация». Общий характер мировосприятия, стиль жизни, язык культуры и т. п. не зависят от социальных групп и индивидов, а задаются им цивилизацией в целом и определенной эпохой. Февр ввел в оборот понятие «ментальность», означающее у него и других последователей школы «Анналов» и умонастроение, и массовые психологические установки, и коллективные представления. Ментальная сфера объединяет всех представителей одной цивилизации и одной эпохи. Ментальность – «задача» человеку, она неосознанна и изучать ее можно и должно, используя в качестве источников все результаты человеческой деятельности: не только писанные тексты, но и орудия труда, символические ритуалы, верования и т. п. [Гуревич, 1993, с. 30-42].

Прямым идейным наследником Люсьена Февра стал Фернан Бродель.

Он продолжает, вслед за Февром, изучать междисциплинарный синтез. Вышедшую в 1949 г. книгу Броделя «Средиземное море и средиземноморский мир» Февр характеризовал как революцию в подходе к истории. «Это, – писал он, – переворот в наших старых привычках. Историческая мутация основополагающего значения, подлинная револю-

ция в историческом методе [Февр, 1991, с. 177, 179].

Вот как сам Бродель формулировал содержание каждой из трех частей, из которых состоит его книга. «Первая часть, – писал он, – посвящена почти неподвижной истории, истории человека в его взаимоотношениях с окружающей средой, медленно текущей и мало подверженной изменениям истории, зачастую сводящейся к непрерывным повторам, к беспрестанно воспроизводящимся циклам.

...Поверх этой неподвижной истории располагается история, протекающая в медленном ритме». Ей посвящена вторая часть книги. Это история структур, социальная история в своем первоначальном смысле, «история групп и коллективов». И только третья часть посвящена событийной истории, «истории не в общечеловеческом, а в индивидуальном измерении», причудливому миру живых страстей, слепому и невосприимчивому к глубинной истории, миру событий, смысл которых можно понять только при охвате больших временных отрезков [Бродель, 2002, с. 20 – 21].

Соответственно этому в историческом времени Ф. Бродель различает времена географические, социальные и индивидуальные, что предполагает обращение к разным наукам для их изучения.

Вообще, влияние Броделя на мировую историографию сложно переоценить. С его именем связывают не только изменения во французской историографии, но и серьезные изменения исторической науки во всем мире. Ученый предложил новую методологию взаимодействия социальных наук на основании выделения структуры социального времени. Традиционно исторические исследования строились либо вокруг конкретных событий во времени, таких как история политической революции (например Великой французской революции), истории войны (Столетняя война) или больших исторических периодов (история Средневековья), либо вокруг какого-то пространственно-исторического образования, например государства (история Англии), религиозного движения (история христианства) или общественно-экономических формаций (история античности). Бродель критикует традиционную историографию, основанную на описании исторических событий, которые напрямую связаны с политической историей и измеряются относительно короткими хронологическими единицами. Для своего исследования он вводит понятие времени больших длительностей. С помощью этого понятия предметом исторического исследования становятся демографические изменения, изменения экономической и социальной обстановки, изменения в производстве, обмене и потреблении, т. е. понятия, широко используемые такими социальными науками, как демография, этнология, экономика, социология и т. д. Субъектом истории при подобном подходе оказываются не отдельные исторические индивиды, а медленно изменяющиеся во времени структуры – «системы достаточно устойчивых отношений между социальной реальностью и массами». Такими субъектами выступают городские экономики Венеции в

15-16 вв. или Антверпена – Амстердама 16 – 17 вв., производство риса в Китае 13 – 17 вв. или агротехническая революция в Англии 17 – 18 вв., морская торговля на больших расстояниях. Это позволяет преодолеть определенный стереотип, который заставляет нас искать в качестве главного действующего лица на исторической сцене конкретную историческую личность, тем самым придавая случайности решающее значение в описании истории. С другой стороны, преодолевается целесообразность перенесения историком на выделенную по каким-то признакам группу лиц (например носителей протестантской этики или передового классового сознания) признаков, присущих лишь отдельному индивиду.

Таким образом, Ф. Бродель дал впечатляющий перечень вторгающихся в открытое пространство истории многочисленных наук о человеке, данные и методы которых должны использовать историки. Это география, антропология, демография, политическая экономия, политология, или политическая наука, исследование культур и ментальностей, социология, межгосударственные отношения. «У каждой науки о человеке, – писал он, – свой предмет, свой набор истолкований. И тем не менее каждая из них предполагает наличие целой системы социальных явлений, представляющей собою субстанцию всех без исключения наук о человеке «зависит не только от себя самой, но и от смежных дисциплин; область, на которую она проливает свет, соприкасается с соседними областями» [Бродель, 1994, с. 11].

Широко используя экономическую статистику и ретроспективную географию, Бродель создает широкую историческую панораму «бессобытийной истории», в которой в качестве событий фиксируется не локальные явления политической жизни общества, а обнаруженные историком «аномалии» естественного течения исторической жизни общества. Такова, например, таможенная загадка Нарвы, или финансовая устойчивость английского фунта стерлингов с 1561 по 1920 год. Именно они требуют своего объяснения в истории возникновения капитализма.

Выделение нового измерения истории и специфического исторического субъекта в виде исследуемых структур позволили Броделю создать оригинальную модель исторического исследования. Сначала рассматриваются географические, демографические, агротехнические, производственные и потребительские условия материальной жизни, или, как их назвал Бродель, – «структуры повседневности» предмета исследования. Это – то, что не изменяется в течение длительного времени, исчисляемого столетиями, и составляет материальные условия существования человека в данной географической и социальной среде. Затем анализируются собственно экономические структуры общества, связанные со сферой обмена (рынки, ярмарки, биржи и кредиты, торговля и промышленность) и возникающие на их основе социальные структуры, начиная от простейших торговых иерархий и закан-

чивая, если того требует предмет исследования, государством [Афанасьев, 1980, с. 104 – 119].

Все историко-теоретические построения ученого, каждый его принципиальный вывод основываются на обширном массиве фактического материала, преимущественно архивного. Сам Бродель признавался в своем пристрастии к архивным занятиям. В одном из своих интервью на вопрос журналиста о том, что он главным образом читает, ученый ответил: «Без всякого сомнения – архивы. У меня безудержная страсть к документу, который еще никто не знает, к кипам бумаг, которые еще никто не перелистывал. Я бесконечно предпочитаю рукопись печатному изданию. И еще у меня есть одна плохая привычка: я люблю побывать на месте, посмотреть на вещи с близкого расстояния» [Афанасьев, 1980, 12].

Изучение повседневности было настоящим требованием времени, характерно, что и в изолированном от Европы научном мире – в СССР, в те же годы аналогичными проблемами был занят наш соотечественник Михаил Михайлович Бахтин, который занимался смеховой карнавальной культурой средневековья.

Все размышления М.М. Бахтина о культуре имеют единый смысл (идею). Этот смысл – диалог. Все размышления Бахтина о диалоге имеют один смысл (идею). Этот смысл – культура. Это диалогизм в контексте культуры: диалог-культура-диалог [Альманах «Одиссей», 1989, 21].

Сама идея диалога культур не нова для философии, но основные положения, разработанные М. М. Бахтиным углубили, расширили, уточнили её [Библер, 1990, 261].

М. М. Бахтин понимает культуру как:

1. Форму общения людей разных культур, форму диалога; для него «культура есть там, где есть две (как минимум) культуры, и что самосознание культуры есть форма её бытия на грани с иной культурой» [Библер, 1991, 85].

2. Как механизм самодетерминации личности, с присущей ей историчностью и социальностью.

3. Как форму обретения восприятия мира впервые.

Человек появляется на свет как индивид во взаимодействии его психофизиологических качеств, воплощающих родовую принадлежность человека. Только во взаимодействии со средой, в общении с другими людьми индивид приобретает качественные характеристики, он становится личностью, тем больше личностью, чем больше он представлен в других. Понятие «другой» (собеседник, противник самого себя) было ключевым для философии М. Бахтина, поскольку личность становится личностью и познает себя только в соотнесенности с другим. Диалогическое понимание культуры предполагает наличие общения с самим собой как с другим. Внутренний микродиалог является составной частью идеи диалога культур. Общение с другими через текст предполагает микродиалог в большом времени культуры [Бахтин, 1979, 289].

Основанием поступков, действий человека как личности, направленных одновременно вовне, на других и вовнутрь, на себя, является свобода, определяющая самодетерминацию личности, реализующая ее жизнедеятельность (регулятивная функция культуры), позволяющая человеку выработать идею о самом себе. Но самодетерминация индивида в горизонте личности в культурном контексте возможна лишь в диалоге, который базируется на трех смыслах:

1. Диалог есть всеобщая основа человеческого взаимопонимания; «Диалогические отношения ... - это почти универсальное явление, пронизывающее всю человеческую речь и все отношения и проявления человеческой жизни, вообще все, что имеет смысл и значение... Где начинается сознание, там ... начинается и диалог» [Аверинцев, Давыдов, Турбин, 1992, 92].

2. Диалог как всеобщая основа всех речевых жанров. «Жанр есть не что иное, как кристаллизованная в знаке историческая память перешедших на уровень автоматизма значений и смыслов. ...Жанр - это представитель культурно-исторической памяти в процессе всей идеологической деятельности... (летописи, юридические документы, хроники, научные тексты, бытовые тексты: приказ, брань, жалоба, похвала и т. д.)» [Аверинцев, Давыдов, Турбин, 1992, 102].

3. Несводимость диалога к общению, иначе говоря, диалог и общение не тождественны, но общение включает в себя диалог как форму общения. «Чужие сознания нельзя созерцать, анализировать, определять как объекты, вещи, – с ними можно только диалогически общаться... В каждом слове звучал ... спор (микродиалог) и отголоски большого диалога» [Библер, 1990, 19].

Общение личностей в диалоге происходит благодаря некоторому атому общения – тексту. М. М. Бахтин в своей «Эстетике словесного творчества» писал, что человека можно изучать только через тексты, созданные или создаваемые им. Текст, по Бахтину, может быть представлен в разных формах:

- как живая речь человека;
- как речь, запечатлённая на бумаге или любом другом носителе (плоскости);
- как любая знаковая система (иконографическая, непосредственно вещная, деятельностьная и т. д.) [Библер, 1991, 72].

В любой из этих форм текст может быть понят как форма общения культур. Каждый текст опирается на предшествующие и последующие ему тексты, созданные авторами, имеющими своё миропонимание, свою картину или образ мира, и в этой своей ипостаси текст несет смысл прошлых и последующих культур, он всегда на грани, он всегда диалогичен, так как всегда направлен к другому. И эта особенность текста прямо указывает на его контекстное окружение, которое делает текст произведением. В произведении воплощено целостное бытие автора, которое может быть смыслом только

при наличии адресата. Произведение отличается от продукта потребления, от вещи, от орудия труда тем, что в них воплощается бытие человека, отстраненное от него. И второй особенностью произведения является то, что оно возникает всякий раз и имеет смысл только тогда, когда предполагает наличие общения отстраненных друг от друга автора и читателя. И в этом общении через произведения изобретается, создается впервые мир. Текст всегда направлен на другого, в этом его коммуникативный характер [Библер, 1991, 76].

Понимание, выступающее во взаимодействии своей структуры и контекстов, является основным методом познания с позиций концепции диалога культур, в отличие от объяснения. «При объяснении – только одно сознание, один субъект; при понимании – два сознания, два субъекта... Понимание всегда диалогично» [Бахтин, 1979, с. 289-290].

Современное развитие средств массовой коммуникации еще ярче высветило актуальность философской теории «диалога культур». Действительно, современная культура – это культура «втягивания» всех прошлых и будущих культур в единое. И именно медиакультура на новом уровне технических возможностей способствует такому объединению, создает возможности для диалога культур в глобальном (диалог культур наций, стран), в межличностном и во внутриличностном уровнях.

Всю народную смеховую культуру он делит на три основных вида форм:

- обрядово-зрелищные формы (празднества карнавального типа, различные площадные смеховые действия и пр.);
- словесные смеховые (в т. ч. пародийные) произведения разного рода: устные, письменные, на латинском языке или народном;
- различные формы и жанры фамильярно-площадной речи (ругательства, божба, клятва, народные блазоны и др.).

Все эти три вида форм – единый смеховой аспект мира, тесно взаимосвязаны и многообразно переплетаются друг с другом.

Празднества карнавального типа занимали в жизни средневекового человека огромное место. Кроме карнавалов справлялись особые «праздники дураков», «праздник осла», существовал особый, освященный традицией вольный «пасхальный смех». Также почти каждый церковный праздник имел свою народно-площадную смеховую сторону. И бытовые пирушки не обходились без элементов смеховой организации, например избрание на время пира «королей» и «королев» для смеха.

Все эти обрядово-зрелищные формы, организованные на смеховом начале, резко отличались от официальных культовых форм и церемониалов. Они формировали неофициальную модель мира, человека и человеческих отношений. Они как бы строили по ту сторону всего официального второй мир и вторую жизнь. Это двоемирие, которое позволяет лучше понять сущность культуры.

Двойной аспект восприятия мира и человеческой жизни существовал уже на самых ранних стадиях развития культуры (серьезные и смеховые культы, серьезные мифы – смеховые мифы). На ранних этапах, в условиях доклассового и догосударственного общественного строя, смеховые аспекты, по-видимому, приравнялись к серьезным, «официальным» (в Риме церемониал триумфа сопровождался прославлением и осмеянием героя, а похоронный чин – и оплакивание, и осмеяние). Постепенно со становлением классового общества и государства происходит переосмысление, усложнение и углубление форм народного мироощущения, народной культуры.

Зарождение смеховой литературы относят к христианской античности. Широко была распространена полупародийная и чисто пародийная литература на латинском языке. Смеховая латинская литература создает пародии на все моменты церковного культа и вероучения – «священная пародия». Латинская смеховая литература Средневековья нашла свое завершение на высшем ренессансном этапе в «Похвале глупости» Эразма. Не менее богата смеховая литература на народных языках. Здесь есть аналогичные жанры. Но здесь преобладают светские пародии, дающие смеховой аспект феодального строя.

На площади создается особый идеально-реальный тип общения между людьми, невозможный в обыденной жизни. Новый тип коммуникации порождает новые формы речевой жизни. Такие явления характерны и для современного речевого общения. Для фамильярно-площадной речи характерно частое употребление ругательств, т. е. бранных слов и целых выражений. Ругательства имели разнообразные функции: унижали или возрождали. В фамильярно-площадной речи скапливались речевые явления, запрещенные и вытесненные из официального речевого обращения.

Михаил Михайлович Бахтин среди своих основных методологических принципов называл последовательность и историзм. В его книге «Творчество Франсуа Рабле и народная культура Средневековья и Ренессанса» эти принципы полностью соблюдены [Бахтин, 1990, с. 3 – 67].

В 1970-е годы группа исследователей во главе с Ароном Яковлевичем Гуревичем занялась историей повседневности и связанными с ней ментальностью, умонастроениями общественного сознания. О «двойной природе вещей» А. Я. Гуревич писал: «О каждом предмете, помимо ограниченных сведений, касающихся его физической природы, существовало еще и иное знание: знание его символического смысла». Любую вещь можно использовать и как собственно вещь, и как знак, символ, причем вторая символическая ипостась может пониматься различным образом. Другими словами, в каждый отдельно взятый момент своего существования вещь обладает тем или иным семиотическим статусом, который определяется конкретным соотношением «знаковости» и «вещности». При этом семиотический статус

прямо пропорционален «знаковости» и обратно пропорционален «вещности».

Гуревич поднял проблему – самосознание человеческой личности эпохи феодализма, проявляющееся в восприятии времени и пространства, в отношении к праву, в трактовке труда, собственности, богатства и бедности, – это проблема, волнующая современного человека, которому поэтому существенно знать ее интерпретацию людьми далеких эпох. Мы неизбежно задаем истории вопросы, возникающие перед нами самими. Это вопрошание, попытка вступить в диалог с людьми иной культуры, нежели наша собственная, есть неотъемлемая функция современного сознания. Анализ мировидения средневекового человека, той «картины мира», которую он создавал в процессе своей социально-культурной практики – основное направление работы Гуревича.

Для компонентов картины мира Гуревич применил термин «категория».

Также необходимо вспомнить о функции исторического знания как формы общественного самосознания. Мы вопрошаем прошлое, людей, некогда живших, и с этой целью пытаемся расшифровать оставленные ими сообщения. Но вопросы, которые мы им задаем, определяются, в первую очередь, не природой имеющихся в нашем распоряжении источников – остатков канувших в Лету цивилизаций и обществ. Эти вопросы диктуются современным сознанием, интересом, порождаемым нашей цивилизацией, той ситуацией, в которой мы находимся. Иными словами, разрабатываемые историками проблемы в конечном итоге суть актуальные проблемы нашей культуры. Наблюдение жизни людей иных эпох вместе с тем предполагает в какой-то мере и самонаблюдение.

Мы не переносим просто-напросто свои знания о современной жизни на жизнь людей далекого прошлого. Мы задаем людям иных эпох, обществ и цивилизаций наши вопросы, но ожидаем получить их ответы, ибо лишь в подобном случае возможен диалог. Поэтому нужно согласиться с тем, что историческое познание неизбежно есть диалог культур, что для него равно необходимы обе стороны – культура прошлого, являющаяся предметом изучения, и культура современная, к которой принадлежит исследователь, от имени которой он ищет возможности этого диалога завязать.

Естественно, мы видим культуру далекой эпохи не такой, какой она сама себя знавала, и хотя ныне очень трудно восстановить тот ее образ, который рисовали себе люди – носители этой культуры, у современного исследователя имеется определенное преимущество перед ними: он видит то, чего они были не в состоянии увидеть. Их позиция самонаблюдения была внутри данной культурной сферы – наша позиция есть позиция заинтересованных сторонних наблюдателей. Вот эта «вненаходимость» историка дает ему возможность иного, нового видения, недоступного не только тем, кто принадлежал к изучаемой им культуре, но и тем, кто изучал ее в

период, отделяющий жизнь этой культуры от наших дней.

Каждая историческая эпоха, каждое поколение историков создают свою картину мира. Но прежние реконструкции не отбрасываются полностью, а в той или иной степени включаются в новые реконструкции. Постановка новых проблем, «вопрошание источников о том, о чем ранее их не вопрошали», то есть рассмотрение их содержания под иным углом зрения, продиктованным современностью, обогащает картину прошлого.

Изучение средневековой культуры, по мнению Гуревича, состоит в анализе отдельных ее категорий и в раскрытии их смысла как элементов единой социально-культурной системы.

Все свое внимание Гуревич направляет на изучение не сформулированных явно, не вполне осознанных в культуре умственных установок, общих ориентации и привычек сознания, «психического инструментария», «духовной оснастки» людей средних веков – того уровня интеллектуальной жизни общества, который современные историки обозначают расплывчатым термином «ментальность».

Разумеется, категории культуры – далеко еще не сама культура, это – некоторая сетка координат, наложенная на живую, пульсирующую и изменяющуюся действительность. Анализ категорий средневековой культуры не может заменить изучения ее реального функционирования и движения. Гуревич просто делит средневековую культуру на некоторые категории.

Основные категории

Пространство. Географические знания в Средневековье были ограничены и опирались на литературные традиции античности, а не на реальность. Реальные знания человек получал в путешествиях, главным образом, паломничестве. После крестовых походов мир был разделен на христианский и нехристианский. Пространство представляло собой замкнутую систему с периферией и священным центром. Все пространство различалось по степени святости.

Время. Переход от язычества к христианству сопровождался перестройкой всей структуры временных представлений. Многие христианские праздники совпадали с языческим календарем. Сутки делились на две части: от восхода и до заката и от заката до восхода. Время регулировалось природными циклами. У язычников круговорот природного цикла ориентировал общество на циклическую модель времени. В христианстве формируется новая концепция времени – линейная: сотворение мира – Р.Х. – Страшный суд». Прошлое воспринимается положительно. Каждое событие стало восприниматься как уникальное. Приборы для измерения времени были редкостью. Когда не было солнца, время отсчитывали по количеству сожженных лучин или свечей, а монахи – по количеству прочитанных страниц. Важным был колокольный звон.

Единицей времени был час. В минутах необходимости не было, т. к. жизнь человека была неразмеренной, медленной. Время и пространство взаимосвязаны. Время определяется через пространство, а пространство через время – хронотоп (Бахтин).

Жизнь и смерть. Смерть – это не конец человеческого существования, они верили в бессмертную душу – двоемирие. Но между мирами было напряженное общение. Общались через сны и видения. Эти два мира мыслились как части единого целого. Не было разницы между кончиной праведника и грешника. Умиравший был посредником между мирами. Жизнь каждого человека в коллективе рассчитывалась неравноценно. Жизнь мужчины была ценной, а женщины считались сосудом зла, дети же вообще не считались членами общества. Рыцарские турниры воплощали культ мужской силы. Жизнь рыцаря была подобна идеалу.

Праздники. В эти дни снимались все традиционные моральные запреты. В момент праздника общество избавлялось от излишней энергии, подчас негативной. В средневековой культуре праздник выполнял охранительную функцию, спасал общество от саморазрушения.

Право. Это не только состояние общества в целом, но и важнейший признак каждого его члена. Обычно статус был наследным и доставался от отца сыну. Но он мог быть изменен. Статус влиял на моральный облик, важнейшие черты характера и определял сущность человека. Общество по средневековому законодательству делилось на «благородных» и «чернь».

Таким образом, важным в изучении бытовой культуры А. Я. Гуревич видит изучение отдельных элементов, которые он называет «категориями», которые впоследствии составляют единую картину мира [Гуревич, 1972].

Все кратко охарактеризованные подходы объединяют прежде всего хронологические рамки исследований – Средневековье, и географический охват – Западная Европа. Еще одним объединяющим фактором является поиск структур сознания. Также все авторы признают равноценность фактов политической и экономической истории и признают бытовые свидетельства как факты истории.

Актуальность данных концепций сохраняется и по сей день, так как они основаны на доверии и к официальным письменным источникам и к бытовым свидетельствам, достоверность которых доказывать сложно. Дело в том, что последние отражают взгляд того, кто записывал, взгляд извне.

Эти подходы обладают эвристической ценностью, но порождают и множество вопросов. Быт сознательно вписывается в контекст исторической эпохи, но эпоха обладает не только синхронным, но и диахронным измерением. Статичный мир вещей

порождает у исследователя иллюзию устойчивости и универсальности ментальных структур. «Язык вещей» не обладает тотальным единством и в «живой» исторической действительности состоит из «диалектов». Этот язык «контекстуален». Храня истонные смыслы, в новых временных и пространственных культурных контекстах материальные свидетельства быта (вещи) оживают новыми содержаниями. Необходимо постоянно иметь в виду, что все универсальные структуры погружены в толщу динамичной картины бытия.

Литература

1. Аверинцев, С. С. М. М. Бахтин как философ [Текст]: сб. статей / С. С. Аверинцев, Ю. Н. Давыдов, В. Н. Турбин и др.; Рос. академия наук; Институт философии. – М., 1992.
2. Афанасьев, Ю. Н. Историзм против эклектики [Текст] / Ю. Н. Афанасьев. – М., 1980.
3. Бахтин, М. М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура Средневековья и Ренессанса [Текст] / М. М. Бахтин. – М., 1990.
4. Бахтин, М. М. Эстетика словесного творчества [Текст] / М. М. Бахтин. – М., 1979.
5. Библер, В. С. Диалог. Сознание. Культура. [Текст] / В. С. Библер // Альманах «Одиссей». – 1989.
6. Библер, В. С. Михаил Михайлович Бахтин, или Поэтика и культура [Текст] / В. С. Библер. – М., 1991.
7. Библер, В. С. От наукоучения – к логике культуры [Текст]: два философских введения в двадцать первый век / В. С. Библер. – М., 1990.
8. Блок, М. Апология истории или ремесло историка [Текст] / М. Блок. – М., 1986.
9. Бродель, Ф. Средиземное море и средиземноморский мир в эпоху Филиппа II. [Текст] / Ф. Бродель. – М., 2002.
10. Бродель, Ф. Что такое Франция? Пространство и история [Текст] / Ф. Бродель. – М., 1994.
11. Гуревич, А. Я. Исторический синтез и Школа «Анналов» [Текст] / А. Я. Гуревич. – М., 1993.
12. Гуревич, А. Я. Категории средневековой культуры [Текст] / А. Я. Гуревич. – М., 1972.
13. Февр, Л. Бои за историю [Текст] / Л. Февр. – М., 1991.
14. Харчев, А. Г. Быт [Текст] / А. Г. Харчев // БСЭ. – Т. 4. – М., 1971.

МАТЕМАТИКА

УДК 519.6

ДИФРАКЦИЯ ВОЛН В ЗАКРЫТЫХ БУХТАХ Ю. Н. Захаров, Е. В. Полторацкая

При построении портов, использование естественных закрытых гаваней для размещения судов и искусственных сооружений (например плавучих нефтяных платформ) крайне важно знать характер волнения в этих акваториях. Существует проблема определения волнового режима внутри бухты в зависимости от наличия и расположения препятствий, так как колебания уровня воды определяются не только высотными отметками порта и глубиной на подходах и у причалов, но и формой берега и сооружений.

Соответствующий нормативный документ [1] не дает ответа на вопросы о дифракции волн в закрытых бухтах различной формы. Известные гидромеханические аналитические решения [2, 3] не учитывают особенностей компоновки реальных акваторий. Поэтому возникла необходимость построить математическую модель, описывающую данную проблему и решить ее численно.

Целью данной работы является анализ дифракции волн в закрытых бухтах для различных конфигураций акватории, форм дна, наличия в ней искусственных и естественных сооружений.

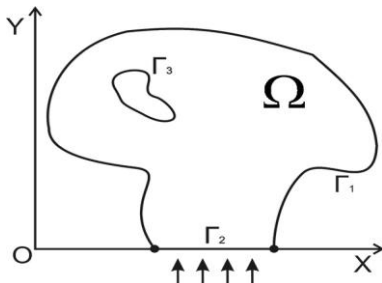

Рис. 1.

1. При решении задачи дифракции волн в акваториях в линейном приближении в случае пологих волн ($H/\lambda \leq 0.05$, H и λ – высота и длина исходного волнения) в стационарном случае установившегося волнения будем решать уравнение Гельмгольца [4]:

$$\frac{\partial^2 u}{\partial x^2} + \frac{\partial^2 u}{\partial y^2} + k^2(x, y)u = f(x, y), (x, y) \in \Omega, \quad k^2(x, y) = k_n^2 [1 + \delta(x, y)], y \geq 0, \quad (1)$$

где $u(x, y)$ – высота волны, k , $k_n = 2\pi/\lambda$ – соответственно значения волнового числа на рассматриваемой глубине d и на начальной (исходной) глубине d_n ; $\delta(x, y)$ – малая величина, определяемая как изменение квадрата волнового числа k_n

при изменении глубины от d_n до d . Ω – внутренняя область бухты, где Γ_2 – вход в бухту (см. рис. 1), $f(x, y)$ – известная правая часть.

Граничное условие на входе в бухту, т. е. на участке, свободном от оградительных сооружений, задается высота волны:

$$u|_{\Gamma_2} = u^*(x, y)|_{y=0}. \quad (2a)$$

На твердых стенках береговой линии и сооружениях внутри области Ω граничное условие определяется из условия отражаемости и задается равенством:

$$\frac{\partial u}{\partial \bar{n}} \Big|_{\Gamma} = q \cdot u^*(x, y), \quad (2b)$$

где $\bar{n}$ – внешняя нормаль к границе $\Gamma = \Gamma_1 \cup \Gamma_2 \cup \dots \cup \Gamma_m$, $\Gamma_i, i = \overline{3, m}$ – сооружения внутри акватории, q – коэффициент, характеризующий изменение исходного волнения. Для непроницаемых сооружений $q = 0$, для полностью проницаемых $|q| = 1$.

Считаем что задача (1), (2) имеет единственное решение в области Ω с границей $\Gamma = \Gamma_1 \cup \Gamma_2 \cup \dots \cup \Gamma_m$, и это решение непрерывно в области со своими производными до четвертого порядка включительно.

2. Введем в области Ω неравномерную сетку, согласованную с границей Γ , с шагами $h_{x_i} = x_{i+1} - x_i$, $h_{y_j} = y_{j+1} - y_j$, $i, j \in J$, J – множество индексов. Для построения расчетной сетки используется программа визуального конструирования сеток Area.

На этой сетке аппроксимируем уравнение (1) разностной схемой:

$$-\frac{u_{i+1,j} - u_{i,j}}{h_{x_i}} - \frac{u_{i,j} - u_{i-1,j}}{h_{x_{i-1}}} - \frac{u_{i,j+1} - u_{i,j}}{h_{y_j}} - \frac{u_{i,j} - u_{i,j-1}}{h_{y_{j-1}}} - k_{i,j}^2 u_{i,j} =, \quad (3)$$

$$= -f_{i,j}, i, j \in J$$

$$\text{где } f_{i,j} = f(x_i, y_j), \bar{h}_{x_i} = \frac{h_{x_i} + h_{x_{i-1}}}{2},$$

$$\bar{h}_{y_j} = \frac{h_{y_j} + h_{y_{j-1}}}{2}.$$

Для схемы (3) краевое условие (2a) задается точно, а условие (2b) задается путем его аппроксимации в направлении нормали $\bar{n}$ с 1-м порядком.

В итоге схема (3) с краевыми условиями, записанная относительно вектора $u = \{u_{i,j}, i, j \in J\}$, является системой линейных алгебраических уравнений размерности m : $Au = f^h$, (4)

где $A = -\Delta_h - k^2 E$ (Δ_h – матрица аппроксимации оператора Лапласа и краевых условий), E – единичная матрица, f^h – известная правая часть. Матрица A , вообще говоря, не самосопряжена и для некоторых k (длин исходного волнения λ) является не знакоопределенной. В этом случае при построении быстроходящихся схем можно было бы использовать 1-ую трансформацию Гаусса [5], но очевидно, что существует такие волновые числа k^2 , при которых матрица A может быть особенной или близкой к особенной. В этом случае умножение системы (4) на A^* при ее численном решении приводит к существенному изменению свойств исходной системы, так как в случае особенной матрицы решение не единственно и итерационный процесс может сойтись к любому из решений с точностью до вектора из ядра матрицы A .

Поэтому для решения (4) мы используем двухшаговую явную итерационную схему:

$$u^{n+1/2} = u^n - \tau_{n+1}(Au^n - f^h), \quad (5)$$

$$u^{n+1} = u^{n+1/2} - \alpha_1^n z_1^n - \dots - \alpha_m^n z_m^n, \quad n = 0, 1, 2, \dots,$$

где u^0 – произвольное начальное приближение – итерационный параметр τ_{n+1} выбирается из условия

$$\min_{\tau_{n+1}} \|r^{n+1/2}\|^2 = \min_{\tau_{n+1}} \|Au^{n+1/2} - f^h\|^2,$$

$z_k^n = (0, \dots, z_k, \dots, 0)^T$ – вектор с одной ненулевой k -ой компонентой, $\alpha_i^n, i = 1, \dots, m$ выбираются последовательно из условия

$$\min_{\alpha_i^n} \|Ay_{(i)} - f^h\| = \min_{\alpha_i^n} \|r^{n+1/2} - \alpha_1^n z_1^n - \dots - \alpha_i^n z_i^n\|,$$

$i = 1, \dots, m$.

Как показано в [6], если матрица A является неособенной, то схема (5) является сходящейся. Во всех расчетах итерации останавливаются при выполнении условия:

$$\|r^n\|/\|r^0\| = \|Au^n - f^h\|/\|Au^0 - f^h\| \leq \varepsilon.$$

3. В этом пункте приведены результаты некоторых методических расчетов.

Области решения приведены на рис. 2, рис. 3.

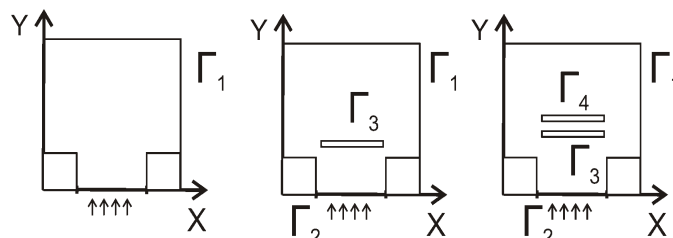

Рис. 2. Расчетные области в виде прямоугольника с каналом на входе

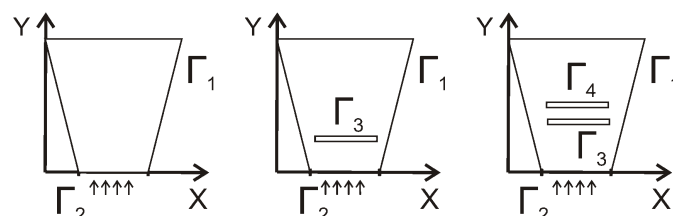

Рис. 3. Расчетные области в виде расширяющейся от входа трапеции

Сначала рассмотрим случай равномерного дна с постоянной глубиной $d = \text{const} = 0.2$,

$k^2 = \text{const} = 100$. Сетка равномерная. Граничное условие на входе в бухту $u|_{\Gamma_2} = \text{const} = 0.02$. Волна заходит в бухту в направлении, указанном стрелочками. Береговая линия Γ_1 состоит из полностью не отражающих стенок, то есть согласно (2b) $q = 0$. Защитные сооружения с границей Γ_3 и Γ_4 , длиной такой же, как вход (будем называть их «молами»). Краевое условие на Γ_3 задается равенством:

$$\frac{\partial u}{\partial n}\bigg|_{\Gamma_3} = 0.005, \text{ а на } \Gamma_4 - \frac{\partial u}{\partial n}\bigg|_{\Gamma_4} = 0.01.$$

Волна в середине бухты образует что-то вроде котлована и дальше идет вверх. Как видно на рис. 4б волна почти не изменила свое направление, только изменились минимальные и максимальные значения (увеличились по отношению к области без «мола»). На рис. 4в первое препятствие располагается прямо за входом, второе – непосредственно за ним через небольшое расстояние. Здесь волна ведет себя аналогично варианту с одним «молом».

На рис. 5б, так как «мол» был поставлен прямо за входом и между его концами и береговой линией оставалось мало места, получился всплеск (по отношению к рис. 5а максимальное значение высотной отметки волны выросло примерно в 7 раз, минимальное по модулю только в 2). В случае двух препятствий минимальное и максимальное значения высоты волны увеличились.

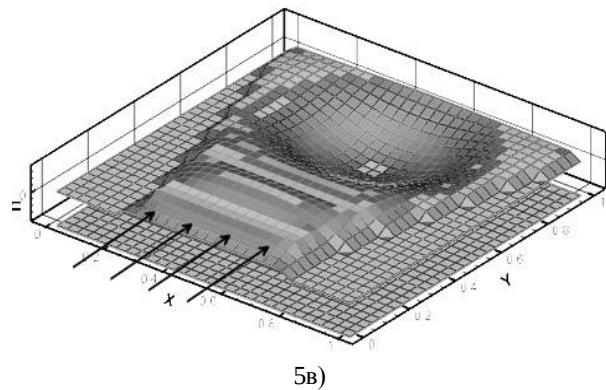
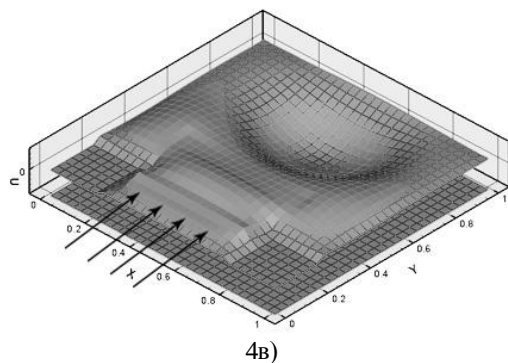
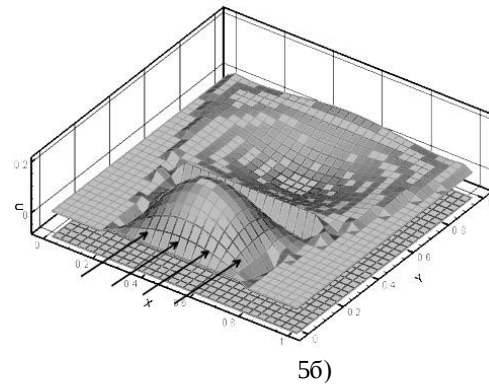
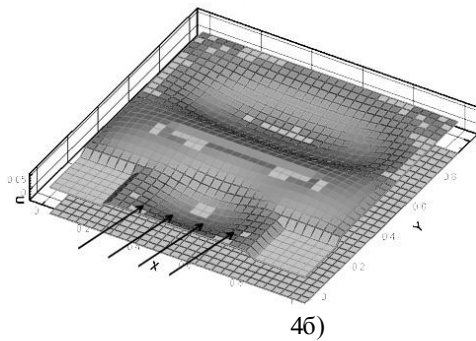
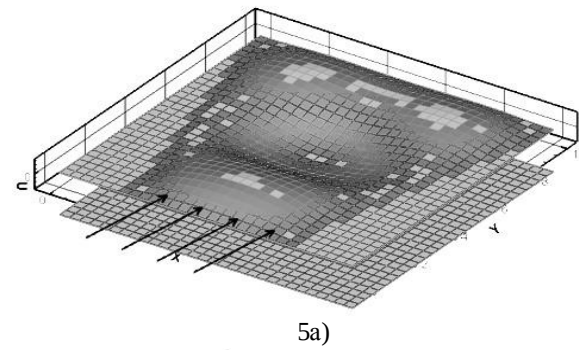
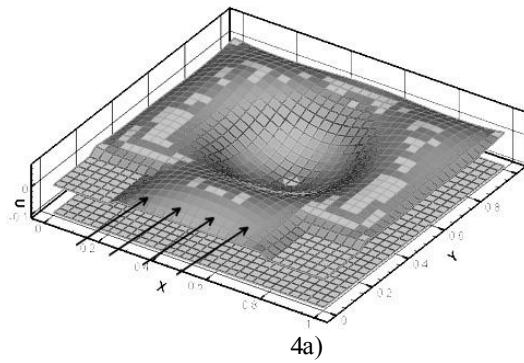

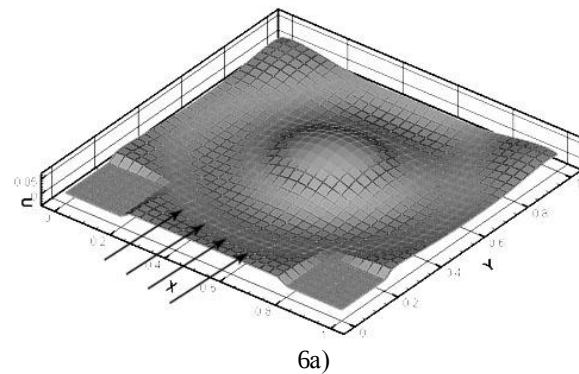
Рис. 4. Прямоугольная область с каналом на входе: а) область без «мола», б) за входом стоит один «мол» с границей Γ_3 , в) за входом два мола с границей Γ_3 и Γ_4

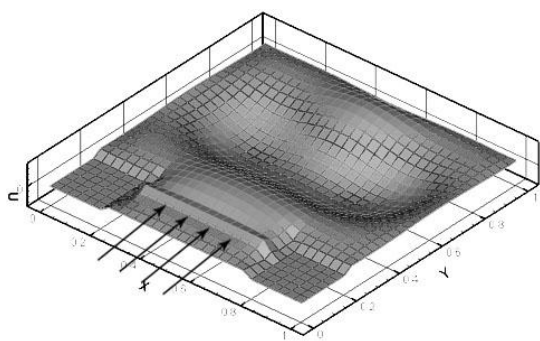
Рис. 5. Область в виде расширяющейся от входа трапеции: а) область без «мола», б) за входом стоит один «мол» с границей Γ_3 , в) за входом два мола с границей Γ_3 и Γ_4

Интересно рассмотреть случай с дном переменной глубины, изменяющимся по формуле $d = -0.3 + y$. Краевые условия на Γ_3 и на Γ_4 остаются такими же, как в случае с дном без уклона, высота волны $u|_{\Gamma_2} = \text{const} = 0.02$, волновое число изменяется по формуле:

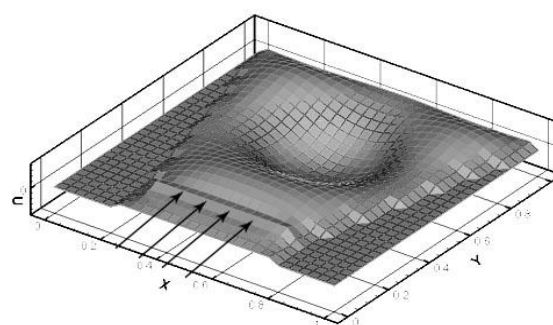
$$k^2 = k_n \left(1 + \frac{2\chi(x, y)}{1 + \text{sh}(2k_n d_n) / 2k_n d_n} \right),$$

где: $\chi(x, y) = (1 - \frac{d(y)}{d_n})$ определяется характером изменения рельефа дна [4].

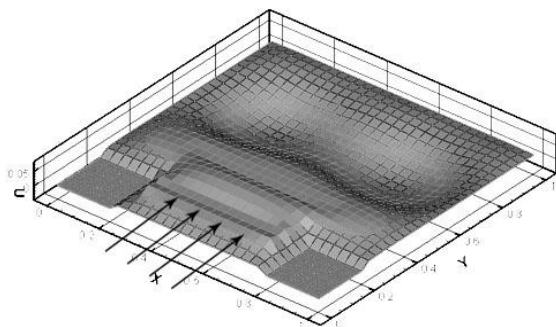

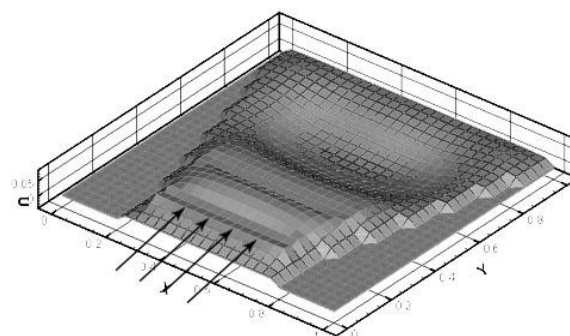
6a)

7a)

6b)

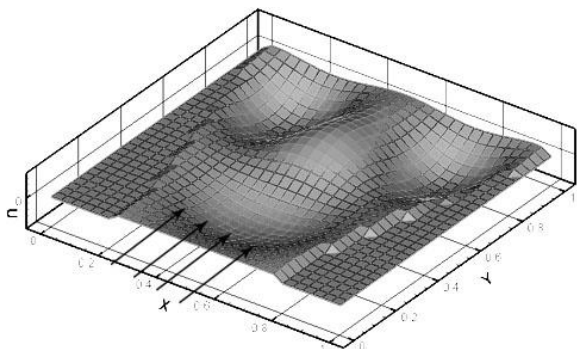
7b)

Рис. 6. Прямоугольная область с каналом на входе с дном, имеющий уклон: а) область без «мола», б) за входом стоит один «мол» с границей Γ_3 , в) за входом два мола с границей Γ_3 и Γ_4

Рис. 7. Область в виде расширяющейся от входа трапеции с дном, имеющий уклон: а) область без «мола», б) за входом стоит один «мол» с границей Γ_3 , в) за входом два мола с границей Γ_3 и Γ_4

Сразу можно заметить, что в областях характер течения меняется. Если с ровным дном в центре волна уходила вниз, теперь она, наоборот, поднимается. Как и в случае с дном без уклона, «молы» поставлены за входом. В результате такой постановки препятствий максимальный и минимальный по модулю уровень воды увеличились по отношению к области без сооружений. На рис. 6в уровень воды незначительно изменился по сравнению с областью без «молов».

В случае трапеции с одним защитным сооружением (см. рис. 7б) относительно рис. 7а уровень воды почти не изменился. А вот в бухте с двумя «молами» при такой расстановке сооружений максимальное значение высоты волны осталось прежним, а минимальное уменьшилось в 3 раза.

7a)

Из проведенных численных расчетов можно сделать выводы: в случае дна без уклона для прямоугольной области и области в виде расширяющейся от входа трапеции с рассмотренными сооружениями волнение только увеличивается.

В случае дна переменной глубины для прямоугольной области со входом в виде канала с 1 или 2 «молами» и в акватории в виде трапеции с 1 сооружением волнение почти не изменяется. А в бухте в виде трапеции с 2 сооружением высота волны уменьшается.

Литература

1. Строительные нормы и правила. Нагрузки и воздействия на гидротехнические сооружения (волновое, ледовое и от судов) / СНиП 2.0608-82. – М.: Госстрой, 1986.
2. Крылов, Ю. М. Дифракция волн жидкости / Ю. М. Крылов // Труды ГОИН. – 1949. – Вып. 19.
3. Алешков, Ю. В. Теория волн на поверхности тяжелой жидкости / Ю. В. Алешков. – Л.: Издательство ЛГУ, 1981.
4. Загряцкая, Н. Н. Определение волнового режима на огражденных акваториях и подходах к ним методом параболического уравнения / Н. Н. Загряцкая. – Красноярск, 1989.
5. Самарский, А. А. Методы решения сеточных уравнений / А. А. Самарский, Е. С. Николаев. – М.: Наука, 1978. – 592 с.
6. Захаров, Ю. Н. Градиентные итерационные методы решения задач гидродинамики / Ю. Н. Захаров. – Новосибирск: Наука, 2004. – 239 с.

УДК 514.76

ЛЕВОИНВАРИАНТНЫЕ ПСЕВДОКЕЛЕРОВЫ СТРУКТУРЫ НА НИЛЬПОТЕНТНОЙ ГРУППЕ ЛИ ТИПА МЗ

Н. К. Смоленцев, Е. Н. Коровин

В работе [4] найдены левоинвариантные комплексные структуры на шестимерной группе Ли G_3 с алгеброй Ли типа МЗ (по классификации Морозова). В работе [2] показано, что группа Ли G_3 является симплектической. В данной работе найдены левоинвариантные псевдокелеровы структуры на группе Ли G_3 и исследованы их свойства кривизны. Показано, что соответствующие метрики образуют многопараметрическое семейство неплоских Риччи-плоских метрик. Они дают новые примеры неплоских левоинвариантных эйнштейновых псевдоримановых метрик на шестимерных нильпотентных группах Ли.

1. Группа Ли G_3 . По классификации Морозова [6] существует 22 неразложимых неизоморфных вещественных нильпотентных шестимерных алгебры Ли, обозначаемых символами $M1 - M22$. Рассмотрим шестимерную группу Ли G_3 , которая имеет алгебру Ли МЗ, определенную следующими коммутационными соотношениями: $[E_1, E_2] = E_4$, $[E_1, E_3] = E_5$, $[E_2, E_3] = E_6$. Таким образом, алгебра Ли имеет всего три ненулевые структурные константы: $C_{12}^4 = 1$, $C_{13}^5 = 1$, $C_{23}^6 = 1$. Данная алгебра Ли имеет трехмерный центр Z , образованный векторами E_4 , E_5 , E_6 . Общий элемент $X = x^1 E_1 + x^2 E_2 + x^3 E_3 + x^4 E_4 + x^5 E_5 + x^6 E_6$ алгебры Ли может быть представлен матрицей X порядка 6, первые три строки которой имеют вид: $(0, x^2, x^1, x^5, -x^4, x^6)$, $(0, 0, 0, 0, x^1, x^3)$, $(0, 0, 0, x^3, 0, 0)$, а остальные строки – нулевые. Общий элемент соответствующей группы Ли МЗ имеет вид: $g = Id + X$, где Id – единичная матрица.

В работе [2] показано, что группа Ли G_3 является симплектической. Она имеет левоинвариантную симплектическую структуру, которая задается 2-формой: $\omega(\lambda) = \theta_1 \wedge \theta_6 + \lambda \theta_2 \wedge \theta_5 + (\lambda - 1) \theta_3 \wedge \theta_4$,

$$\lambda \neq 0, \lambda \neq 1, \quad (1)$$

где $\theta_1, \theta_2, \theta_3, \theta_4, \theta_5, \theta_6$ – 1-формы, двойственные базису $\{E_1, E_2, E_3, E_4, E_5, E_6\}$ алгебры Ли МЗ.

В работе [4] показано, что группа Ли G_3 имеет многопараметрическое семейство левоинвариантных комплексных структур, которые определяются операторами J почти комплексной структуры на алгебре Ли, удовлетворяющими условию интегрируемости. Напомним, что, почти комплексная структура J является интегрируемой (комплексной) [1], если ее тензор Нейенхайса:

$$N(X, Y) = 2([JX, JY] - [X, Y] - J[X, Y] - J[JX, Y]),$$

обращается в нуль. В случае левоинвариантной почти комплексной структуры J на группе Ли тензор Нейенхайса легко выражается через структурные константы алгебры Ли:

$$N_{ij}^k = 2(J_i^l J_j^m C_{lm}^k - C_{ij}^k - J_m^k J_j^l C_{il}^m - J_m^k J_i^l C_{lj}^m). \quad (2)$$

Почти комплексная структура J называется ассоциированной с симплектической формой ω , если

$\omega(JX, JY) = \omega(X, Y)$, для любых элементов $X, Y \in MЗ$. Учитывая, что $J^2 = -1$, условие ассоциированности удобно представить в форме:

$$\omega(JX, Y) + \omega(X, JY) = 0. \quad (3)$$

Для формы $\omega(\lambda)$ оператор J , удовлетворяющий условию (4), имеет блочный вид: $J = \begin{pmatrix} A & B \\ \tilde{N} & D \end{pmatrix}$, где

блоки обладают некоторыми свойствами симметрии. А именно: блок A – произвольный, а остальные имеют вид:

$$B = \begin{pmatrix} J_{14} & \lambda J_{26} & J_{16} \\ J_{24} & J_{25} & J_{26} \\ J_{34} & \frac{\lambda J_{24}}{\lambda - 1} & \frac{J_{14}}{\lambda - 1} \end{pmatrix},$$

$$C = \begin{pmatrix} J_{41} & J_{42} & J_{43} \\ J_{51} & J_{52} & \frac{(\lambda - 1)J_{42}}{\lambda} \\ J_{61} & \lambda J_{51} & (\lambda - 1)J_{41} \end{pmatrix},$$

$$D = - \begin{pmatrix} J_{33} & \frac{\lambda J_{23}}{\lambda - 1} & \frac{J_{13}}{\lambda - 1} \\ \frac{(\lambda - 1)J_{32}}{\lambda} & J_{22} & \frac{J_{12}}{\lambda} \\ (\lambda - 1)J_{31} & \lambda J_{21} & J_{11} \end{pmatrix}. \quad (4)$$

Для ассоциированной почти комплексной структуры 2-форма: $g_J(X, Y) = \omega(X, JY)$ является симметричной и поэтому определяет на (псевдо) риманову метрику на группе Ли G_3 . Если J – интегрируемая почти комплексная структура, то тройка (g_J, J, ω) определяет левоинвариантную (псевдо)келерову структуру на группе G_3 .

Как известно, компоненты римановой связности Γ_{ij}^k левоинвариантной метрики на группе Ли и тензора кривизны R_{ijk}^5 выражаются через структурные константы. Для выбранного ранее базиса $\{E_1, E_2, E_3, E_4, E_5, E_6\}$ алгебры Ли МЗ имеем $\nabla_{E_i} E_j = \Gamma_{ij}^k E_k$. Компоненты связности Γ_{ij}^k находим из шестичленной формулы [1], которая для левоинвариантных векторных полей X, Y, Z на группе Ли принимает вид:

$$2g(\nabla_X Y, Z) = g([X, Y], Z) + g([Z, X], Y) + g(X, [Z, Y]).$$

Используя структурные константы C_{ij}^k в базисе $\{E_i\}$ алгебры Ли, получаем:

$$\Gamma_{ij}^n = \frac{1}{2} g^{kn} (C_{ij}^p g_{pk} + C_{ki}^p g_{pj} + C_{kj}^p g_{ip}). \quad (6)$$

Тензор кривизны определяется равенством:

$$R(X, Y)Z = \nabla_X \nabla_Y Z - \nabla_Y \nabla_X Z - \nabla_{[X, Y]} Z,$$

где X, Y, Z – левоинвариантные векторные поля на группе Ли. В базисе $\{E_i\}$ имеем:

$$\begin{aligned} R_{ijk}^s E_s &= R(E_i, E_j)E_k = \\ &= \nabla_{E_i} \nabla_{E_j} E_k - \nabla_{E_j} \nabla_{E_i} E_k - \nabla_{[E_i, E_j]} E_k = \\ &= \Gamma_{ip}^s \Gamma_{jk}^p E_s - \Gamma_{jp}^s \Gamma_{ik}^p E_s - C_{ij}^p \Gamma_{pk}^s E_s, \\ R_{ijk}^s &= \Gamma_{ip}^s \Gamma_{jk}^p - \Gamma_{jp}^s \Gamma_{ik}^p - C_{ij}^p \Gamma_{pk}^s. \end{aligned} \quad (7)$$

Тензор Риччи определяется как свертка тензора кривизны по первому и по четвертому (верхнему) индексам: $Ric_{jk} = R_{ijk}^i$. Скалярная кривизна опре-

деляется как свертка тензора Риччи: $S = g^{jk} Ric_{jk}$.

Будем рассматривать также (псевдо)риманов скалярный квадрат тензора кривизны:

$$NR = g^{ip} g^{jr} g^{ks} g_{lt} R_{ijk}^l R_{prs}^t. \quad (8)$$

$$J = \begin{pmatrix} \xi_{11} & \xi_{12} & \xi_{13} & \xi_{36} & -\xi_{26} & \xi_{16} \\ J_1^2 & \frac{\xi_{55}\xi_{16} - \xi_{26}(\xi_{56} + \xi_{12})}{\xi_{16}} & \frac{\xi_{45}\xi_{16} + \xi_{26}(\xi_{46} + \xi_{13})}{\xi_{16}} & \frac{\xi_{36}\xi_{26}}{\xi_{16}} & -\frac{\xi_{26}^2}{\xi_{16}} & \xi_{26} \\ J_1^3 & J_2^3 & \frac{\xi_{56}\xi_{26} + \xi_{55}\xi_{16} + \xi_{36}\xi_{13}}{\xi_{16}} & \frac{\xi_{36}^2}{\xi_{16}} & -\frac{\xi_{36}\xi_{26}}{\xi_{16}} & \xi_{36} \\ J_1^4 & \frac{\xi_{56}\xi_{13} - \xi_{53}\xi_{16} + \xi_{46}\xi_{12}}{\xi_{16}} & J_3^4 & -\frac{\xi_{56}\xi_{26} - \xi_{55}\xi_{16} + \xi_{46}\xi_{36}}{\xi_{16}} & \xi_{45} & \xi_{46} \\ J_1^5 & \xi_{52} & \xi_{53} & J_4^5 & \xi_{55} & \xi_{56} \\ J_1^6 & J_2^6 & J_3^6 & J_4^6 & J_5^6 & J_6^6 \end{pmatrix}, \quad (9)$$

где символами J_1^3 обозначены рациональные функции остальных переменных ξ_{ij} этой матрицы, выражения которых можно найти в работе [3]. Параметры должны удовлетворять следующему условию: $\xi_{16}(\xi_{46}\xi_{26} + \xi_{45}\xi_{16}) \neq 0$.

Выделим из семейства (9) те комплексные структуры на G_3 , которые ассоциированы с симплектической структурой $\omega(\lambda)$ на M_3 . Из условия (4) для комплексной структуры (9) получаем вычисления в системе Maple, что ассоциированные

Найдем ассоциированные с симплектической формой $\omega(\lambda)$ левоинвариантные комплексные структуры J на M_3 , построим соответствующие метрики и вычислим их характеристики кривизны. Все вычисления проведем в системе Maple по формулам (2), (6) – (8). Файлы с программами вычислений можно найти на Web-сайте кафедры математического анализа КемГУ: <http://www.math.kemsu.ru/faculty/kma/>.

Все левоинвариантные комплексные структуры на группе Ли G_3 разбиваются на три семейства [3]. Рассмотрим отдельно каждый класс.

2. Первое семейство псевдокелеровых метрик. Случай $\xi_{16} \neq 0$. Группа Ли G_3 имеет 12-ти параметрическое семейство левоинвариантных комплексных структур, которые определяются следующим оператором J почти комплексной структуры на алгебре Ли M_3 :

комплексные структуры вида (9) существуют только для значения $\lambda = 1/2$. Поэтому в этом разделе мы будем рассматривать симплектическую структуру:

$$\omega = \theta_1 \wedge \theta_6 + \frac{1}{2} \theta_2 \wedge \theta_5 - \frac{1}{2} \theta_3 \wedge \theta_4.$$

Учитывая симметрии (4) в выражении (9) комплексной структуры, получаем, что ассоциированные комплексные структуры существуют только при $\xi_{45} \neq 0$ и $\xi_{16} \neq 0$, и они имеют следующий вид:

$$J_\omega = \begin{pmatrix} \xi_{11} & \xi_{12} & \xi_{13} & 0 & 0 & \xi_{16} \\ 0 & 0 & \xi_{45} & 0 & 0 & 0 \\ 0 & -\frac{1}{\xi_{45}} & 0 & 0 & 0 & 0 \\ 2 \frac{\xi_{11}\xi_{13} + \xi_{12}\xi_{45}}{\xi_{16}} & -\xi_{53} & \frac{2\xi_{12}\xi_{45}^2 + \xi_{45}^2\xi_{52}\xi_{16} + 2\xi_{13}^2}{\xi_{16}} & 0 & \xi_{45} & 2\xi_{13} \\ 2 \frac{\xi_{13} - \xi_{11}\xi_{12}\xi_{45}}{\xi_{16}\xi_{45}} & \xi_{52} & \xi_{53} & -\frac{1}{\xi_{45}} & 0 & -2\xi_{12} \\ -\frac{\xi_{11}^2 + 1}{\xi_{16}} & \frac{\xi_{13} - \xi_{11}\xi_{12}\xi_{45}}{\xi_{16}\xi_{45}} & -\frac{\xi_{11}\xi_{13} + \xi_{12}\xi_{45}}{\xi_{16}} & 0 & 0 & -\xi_{11} \end{pmatrix}. \quad (10)$$

Рассмотрим псевдориманову метрику на группе Ли G_3 , определенную почти комплексной структурой J_ω и симплектической формой $\omega = \theta_1 \wedge \theta_6 + \frac{1}{2} \theta_2 \wedge \theta_5 - \frac{1}{2} \theta_3 \wedge \theta_4$ по формуле $g_J(X, Y) = \omega(X, JY)$. Получаем:

$$g_J = \begin{pmatrix} -\frac{\xi_{11}^2 + 1}{\xi_{16}} & \frac{\xi_{13} - \xi_{11}\xi_{12}\xi_{45}}{\xi_{16}\xi_{45}} & -\frac{\xi_{11}\xi_{13} + \xi_{12}\xi_{45}}{\xi_{16}} & 0 & 0 & -\xi_{11} \\ \frac{\xi_{13} - \xi_{11}\xi_{12}\xi_{45}}{\xi_{16}\xi_{45}} & \frac{\xi_{52}}{2} & \frac{\xi_{53}}{2} & -\frac{1}{2\xi_{45}} & 0 & -\xi_{12} \\ -\frac{\xi_{11}\xi_{13} + \xi_{12}\xi_{45}}{\xi_{16}} & \frac{\xi_{53}}{2} & -\frac{2\xi_{12}\xi_{45}^2 + \xi_{45}^2\xi_{52}\xi_{16} + 2\xi_{13}^2}{\xi_{16}} & 0 & -\frac{\xi_{45}}{2} & -\xi_{13} \\ 0 & -\frac{1}{2\xi_{45}} & 0 & 0 & 0 & 0 \\ 0 & 0 & -\frac{\xi_{45}}{2} & 0 & 0 & 0 \\ -\xi_{11} & -\xi_{12} & -\xi_{13} & 0 & 0 & -\xi_{16} \end{pmatrix}. \quad (11)$$

Поскольку J_ω – интегрируемая почти комплексная структура, то тройка (g_J, J_ω, ω) определяет левоинвариантную (псевдо)келерову структуру на группе G_3 . Таким образом, мы получили 7-ми параметрическое семейство псевдокелеровых метрик на группе G_3 .

Из выражения (11) сразу следует, что векторы E_4 и E_5 центра Z алгебры Ли лежат в изотропном конусе. Третий вектор E_6 центра Z алгебры Ли не изотропен и всегда ортогонален векторам E_4 и E_5 . Площадка $\{E_4, E_5\}$ является J_ω -голоморфной (т. е. J_ω -инвариантной) и изотропной при любых значениях параметров.

Некоторые классы псевдокелеровых метрик на G_3 . Общая псевдокелерова метрика (11) зависит от семи параметров и выглядит довольно сложно. Простой двухпараметрический класс комплексных структур и ассоциированных получается, если мы положим равными нулю те параметры, которые не связаны никакими условиями: $\psi_{11}=0, \psi_{12}=0, \psi_{13}=0, \psi_{52}=0, \psi_{53}=0$. Тогда получаем следующие выражения комплексной структуры и ассоциированной метрики.

Голоморфные площадки: $\{E_1, E_6\}, \{E_2, E_3\}$ и $\{E_4, E_5\}$. Отметим, что тензор кривизны зависит только от параметров этого частного класса. Другой 5-параметрический класс псевдокелеровых метрик получается при: $\psi_{16}=1, \psi_{45}=1$.

$$J_\omega = \begin{pmatrix} 0 & 0 & 0 & 0 & 0 & \xi_{16} \\ 0 & 0 & \xi_{45} & 0 & 0 & 0 \\ 0 & -\frac{1}{\xi_{45}} & 0 & 0 & 0 & 0 \\ 0 & 0 & 0 & 0 & \xi_{45} & 0 \\ 0 & 0 & 0 & -\frac{1}{\xi_{45}} & 0 & 0 \\ -\frac{1}{\xi_{16}} & 0 & 0 & 0 & 0 & 0 \end{pmatrix}$$

$$g_J = \begin{pmatrix} -\frac{1}{\xi_{16}} & 0 & 0 & 0 & 0 & 0 \\ 0 & 0 & 0 & -\frac{1}{2\xi_{45}} & 0 & 0 \\ 0 & 0 & 0 & 0 & -\frac{\xi_{45}}{2} & 0 \\ 0 & -\frac{1}{2\xi_{45}} & 0 & 0 & 0 & 0 \\ 0 & 0 & -\frac{\xi_{45}}{2} & 0 & 0 & 0 \\ 0 & 0 & 0 & 0 & 0 & -\xi_{16} \end{pmatrix}$$

3. Второе семейство псевдокелеровых метрик. Случай $\xi_{16} = 0, \xi_{25} \neq 0$.

Комплексные структуры существуют при условии $\xi_5(\xi_5\xi_{31} + \xi_4\xi_{21}) \neq 0$, их общий вид можно найти в работе [4]. Вычисления в системе Maple показывают, что ассоциированные с симплектической формой $\omega(\lambda)$ комплексные структуры J_ω и существуют только при значении $\lambda = 2$. Поэтому в дальнейшем мы будем рассматривать симплектическую структуру:

$\omega = \theta_1 \wedge \theta_6 + 2\theta_2 \wedge \theta_5 + \theta_3 \wedge \theta_4$. Для этой формы ω оператор J_ω имеет вид:

$$J_\omega = \begin{pmatrix} \xi_{11} & 0 & -\frac{\xi_{11}^2 + 1}{\xi_{31}} & 0 & 0 & 0 \\ \xi_{21} & \xi_{22} & \xi_{31} & 0 & \xi_{25} & 0 \\ \xi_{31} & 0 & -\xi_{11} & 0 & 0 & 0 \\ \xi_{41} & 2J_{53} & \xi_{43} & \xi_{11} & -2\xi_{23} & \frac{\xi_{11}^2 + 1}{\xi_{31}} \\ -\frac{\xi_{23}\xi_{31} + \xi_{21}(\xi_{11} + \xi_{22})}{\xi_{25}} & -\frac{\xi_{22}^2 + 1}{\xi_{31}} & J_{53} & 0 & -\xi_{22} & 0 \\ J_{61} & -2\frac{\xi_{23}\xi_{31} + \xi_{21}(\xi_{11} - \xi_{22})}{\xi_{25}} & \xi_{41} & -\xi_{31} & -2\xi_{21} & -\xi_{11} \end{pmatrix}, \quad (12)$$

$$\text{где } J_{53} = \frac{\xi_{21}(\xi_{11}^2 + 1) + \xi_{23}\xi_{31}(\xi_{11} - \xi_{22})}{\xi_{31}\xi_{25}} \text{ и } J_{61} = -2\frac{\xi_{31}(\xi_{23}^2 + \xi_{43}\xi_{25}) + \xi_{21}^2(\xi_{11}^2 + 1) + \xi_{31}\xi_{11}(\xi_{25}\xi_{41} + 2\xi_{23}\xi_{21})}{\xi_{25}(\xi_{11}^2 + 1)}.$$

Рассмотрим псевдориманову метрику на группе Ли G_3 , определенную почти комплексной структурой J_ω и симплектической формой $\omega = \theta_1 \wedge \theta_6 + 2\theta_2 \wedge \theta_5 + \theta_3 \wedge \theta_4$ по формуле $g(X, Y) = \omega(X, JY)$. Прямое вычисление показывает, что:

$$g_J = \begin{pmatrix} J_{61} & -2 \frac{\xi_{23}\xi_{31} + \xi_{21}(\xi_{11} + \xi_{22})}{\xi_{25}} & \xi_{41} & -\xi_{31} & -2\xi_{21} & -\xi_{11} \\ -2 \frac{\xi_{23}\xi_{31} + \xi_{21}(\xi_{11} + \xi_{22})}{\xi_{25}} & -2 \frac{\xi_{22}^2 + 1}{\xi_{31}} & 2J_{53} & 0 & -2\xi_{22} & 0 \\ \xi_{41} & 2J_{53} & \xi_{43} & \xi_{11} & -2\xi_{23} & \frac{\xi_{11}^2 + 1}{\xi_{31}} \\ -\xi_{31} & 0 & \xi_{11} & 0 & 0 & 0 \\ -2\xi_{21} & -2\xi_{22} & -2\xi_{23} & 0 & -2\xi_{25} & 0 \\ -\xi_{11} & 0 & \frac{\xi_{11}^2 + 1}{\xi_{31}} & 0 & 0 & 0 \end{pmatrix}. \quad (13)$$

Поскольку J_ω – интегрируемая почти комплексная структура, то тройка (g_J, J_ω, ω) определяет левоинвариантную (псевдо)келерову структуру на группе G_3 . Таким образом, мы получили еще одно 8-ми параметрическое семейство псевдокелеровых метрик на группе G_3 . Из выражения (13) сразу следует, что векторы E_4 и E_6 центра Z алгебры Ли лежат в изотропном конусе. Третий вектор E_5 центра Z алгебры Ли неизотропен и всегда ортогонален векторам E_4 и E_6 .

Некоторые классы второго семейства псевдокелеровых метрик на G_3 . Общая псевдокелерова метрика (13) зависит от восьми параметров и выглядит довольно сложно. Простой двухпараметрический класс комплексных структур и ассоциированных получается, если мы положим равными нулю те параметры, которые не связаны никакими условиями: $\psi_{11}=0, \psi_{21}=0, \psi_{22}=0, \psi_{23}=0, \psi_{41}=0, \psi_{43}=0$. Тогда получаем следующие выражения комплексной структуры и ассоциированной метрики:

$$J_\omega = \begin{pmatrix} 0 & 0 & -\frac{1}{\xi_{31}} & 0 & 0 & 0 \\ 0 & 0 & 0 & 0 & \xi_{25} & 0 \\ \xi_{31} & 0 & 0 & 0 & 0 & 0 \\ 0 & 0 & 0 & 0 & 0 & \frac{1}{\xi_{31}} \\ 0 & -\frac{1}{\xi_{25}} & 0 & 0 & 0 & 0 \\ 0 & 0 & 0 & -\xi_{31} & 0 & 0 \end{pmatrix} \dots$$

$$J = \begin{pmatrix} \xi_{11} & \xi_{12} & 0 & 0 & 0 & 0 \\ -\frac{1+\xi_{11}^2}{\xi_{12}} & -\xi_{11} & 0 & 0 & 0 & 0 \\ \frac{1}{2} J_6^4 & \xi_{32} & \xi_{33} & -\frac{1+\xi_{33}^2}{\xi_{43}} & 0 & 0 \\ \frac{\xi_{33}\xi_{42} - \xi_{43}\xi_{32} + \xi_{42}\xi_{11}}{\xi_{12}} & \xi_{42} & \xi_{43} & -\xi_{33} & 0 & 0 \\ \xi_{51} & \xi_{52} & 2\xi_{42} & -2\xi_{32} & \xi_{11} & \xi_{12} \\ J_6^1 & -\xi_{51} & -\frac{2(\xi_{33}\xi_{42} - \xi_{43}\xi_{32} + \xi_{42}\xi_{11})}{\xi_{12}} & J_6^4 & -\frac{1+\xi_{11}^2}{\xi_{12}} & -\xi_{11} \end{pmatrix}. \quad (14)$$

где при $\xi_{12} \neq 0, \xi_{43} \neq 0, J_6^1 = \frac{-2\xi_{51}\xi_{11}\xi_{43}\xi_{12} + \xi_{52}\xi_{43} + \xi_{52}\xi_{43}\xi_{11}^2 - 2\xi_{42}^2 - 2\xi_{42}^2\xi_{33}^2 + 4\xi_{42}\xi_{33}\xi_{32}\xi_{43} - 2\xi_{43}^2\xi_{32}^2}{\xi_{12}^2\xi_{43}}$ и

$$J_6^4 = \frac{2(\xi_{42} + \xi_{42}\xi_{33}^2 - \xi_{33}\xi_{32}\xi_{43} + \xi_{11}\xi_{32}\xi_{43})}{\xi_{43}\xi_{12}}.$$

Рассмотрим псевдориманову метрику на группе Ли G_3 , определенную почти комплексной структурой J_ω и симплектической формой $\omega = \theta_1 \wedge \theta_6 - \theta_2 \wedge \theta_5 - 2\theta_3 \wedge \theta_4$ по формуле $g_J(X, Y) = \omega(X, JY)$. Получаем:

$$g_J = \begin{pmatrix} 0 & 0 & 0 & -\xi_{31} & 0 & 0 \\ 0 & -\frac{2}{\xi_{25}} & 0 & 0 & 0 & 0 \\ 0 & 0 & 0 & 0 & 0 & \frac{1}{\xi_{31}} \\ -\xi_{31} & 0 & 0 & 0 & 0 & 0 \\ 0 & 0 & 0 & 0 & -2\xi_{25} & 0 \\ 0 & 0 & \frac{1}{\xi_{31}} & 0 & 0 & 0 \end{pmatrix}.$$

Голоморфные площадки: $\{E_1, E_3\}, \{E_2, E_5\}$ и $\{E_4, E_6\}$. Отметим, что тензор кривизны зависит только от параметров этого частного класса. Другой 6-параметрический класс псевдокелеровых метрик получается при $\psi_{31}=1, \psi_{25}=1$.

4. Третье семейство псевдокелеровых метрик. Случай $\xi_{16}=0, \xi_{25}=0$. Вычисления в системе Maple показывают, что ассоциированные с симплектической формой $\omega(\lambda)$ комплексные структуры J_ω и существуют только при значении $\lambda = -1$. Поэтому в дальнейшем мы будем рассматривать симплектическую структуру:

$$\omega = \theta_1 \wedge \theta_6 - \theta_2 \wedge \theta_5 - 2\theta_3 \wedge \theta_4.$$

Для этой формы ω оператор J_ω ассоциированной интегрируемой почти комплексной структуры находим из трех условий: $\omega(JX, Y) + \omega(X, JY) = 0, N = 0$ и $J^2 = -1$. В результате вычислений получаем:

$$g_j = \begin{pmatrix} J_6^1 & -\xi_{51} & -2 \frac{\xi_{33}\xi_{42} - \xi_{43}\xi_{32} + \xi_{42}\xi_{11}}{\xi_{12}} & J_6^4 & -\frac{1+\xi_{11}^2}{\xi_{12}} & -\xi_{11} \\ -\xi_{51} & -\xi_{52} & -2\xi_{42} & 2\xi_{32} & -\xi_{11} & -\xi_{12} \\ -2 \frac{\xi_{33}\xi_{42} - \xi_{43}\xi_{32} + \xi_{42}\xi_{11}}{\xi_{12}} & -2\xi_{42} & -2\xi_{43} & 2\xi_{33} & 0 & 0 \\ J_6^4 & 2\xi_{32} & \xi_{33} & -2 \frac{1+\xi_{33}^2}{\xi_{43}} & 0 & 0 \\ -\frac{1+\xi_{11}^2}{\xi_{12}} & -\xi_{11} & 0 & 0 & 0 & 0 \\ -\xi_{12} & -\xi_{11} & 0 & 0 & 0 & 0 \end{pmatrix}. \quad (15)$$

Поскольку J_ω – интегрируемая почти комплексная структура, то тройка (g_J, J_ω, ω) определяет левоинвариантную (псевдо)келерову структуру на группе G_3 . Таким образом, мы получили третье 8-ми параметрическое семейство псевдокелеровых метрик на группе G_3 .

Из выражения (15) сразу следует, что векторы E_5 и E_6 центра Z алгебры Ли лежат в изотропном конусе. Третий вектор E_4 центра Z алгебры Ли не изотропен и всегда ортогонален векторам E_5 и E_6 . Площадка $\{E_5, E_6\}$ является J_ω -голоморфной и изотропной при любых значениях параметров.

Некоторые классы третьего семейства псевдокелеровых метрик на G_3 . Общая псевдокелерова метрика (15) зависит от семи параметров и выглядит довольно сложно. Простой двухпараметрический класс комплексных структур и ассоциированных получается, если мы положим равными нулю те параметры, которые не связаны никакими условиями: $\psi_{11}=0, \psi_{32}=0, \psi_{33}=0, \psi_{42}=0, \psi_{51}=0, \psi_{52}=0$. Тогда получаем следующие выражения комплексной структуры и ассоциированной метрики:

$$J_\omega = \begin{pmatrix} 0 & \xi_{12} & 0 & 0 & 0 & 0 \\ -\frac{1}{\xi_{12}} & 0 & 0 & 0 & 0 & 0 \\ 0 & 0 & 0 & -\frac{1}{\xi_{43}} & 0 & 0 \\ 0 & 0 & \xi_{43} & 0 & 0 & 0 \\ 0 & 0 & 0 & 0 & 0 & \xi_{12} \\ 0 & 0 & 0 & 0 & -\frac{1}{\xi_{12}} & 0 \end{pmatrix}$$

$$g_J = \begin{pmatrix} 0 & 0 & 0 & 0 & -\frac{1}{\xi_{12}} & 0 \\ 0 & 0 & 0 & 0 & 0 & -\xi_{12} \\ 0 & 0 & -2\xi_{43} & 0 & 0 & 0 \\ 0 & 0 & 0 & -\frac{2}{\xi_{43}} & 0 & 0 \\ -\frac{1}{\xi_{12}} & 0 & 0 & 0 & 0 & 0 \\ 0 & -\xi_{12} & 0 & 0 & 0 & 0 \end{pmatrix}$$

Голоморфные площадки: $\{E_1, E_2\}, \{E_3, E_4\}$ и $\{E_5, E_6\}$. Другой 6-параметрический класс псевдокелеровых метрик получается при $\psi_{12}=1, \psi_{43}=1$.

5. Кривизна псевдокелеровых метрик на G_3 .

Найдем тензоры кривизны и Риччи данной псевдоримановой метрики. Вычислениями в системе Maple по формулам (6) – (8) и (11), (13), (15) получаем следующие.

Свойства псевдокелеровых структур на группе Ли G_3 . Для всех трех случаев комплексная

структура J_ω вместе с квадратичной формой g_ω образуют псевдокелерову структуру сигнатуры $(-, +, +, +, +)$ на группе Ли G_3 . Псевдориманова норма тензора кривизны равна нулю при любых значениях параметров, $NR(g_J) = 0$. Тензор кривизны R_{ijks} имеет, с точностью до симметрий, одну ненулевую компоненту: в первом случае – это $R_{3232} = -\xi_{16}$, во втором случае $R_{1313} = -2\xi_{55}$, в третьем случае

$R_{1212} = -2 \frac{1+\xi_{33}^2}{\xi_{43}}$. Тензор Риччи является нулевым

при любых значениях параметров $\text{Ric}(g_J) = 0$.

Хорошо известно, что левоинвариантная почти комплексная структура J является биинвариантной, если $J \cdot \text{ad}_X = \text{ad}_X \cdot J$, для любого вектора X из алгебры Ли. Прямая проверка показывает, что ассоциированные комплексные структуры (10), (12) и (14) не являются биинвариантными.

Известно [5], что если левоинвариантная риманова метрика на унимодулярной разрешимой группе Ли G эйнштейнова, то эта метрика плоская. Построенные метрики показывают, что данное утверждение не верно для левоинвариантных псевдоримановых метрик на шестимерных нильпотентных группах Ли.

Литература

1. Кобаяси, Ш. Основы дифференциальной геометрии. Т. 2 / Ш. Кобаяси, К. Намидзу. – М.: Наука, 1981. – 416 с.
2. Khakimjanov, Y. Symplectic or contact structures on Lie Groups / Y. Khakimjanov, M. Goze, A. Medina // Preprint: эл. печурк // <http://arxiv.org/abs/math.DG/0205290>.
3. Magnin, L. Technical report Complex Structures on Indecomposable 6-dimensional Nilpotent Real Lie Algebras / L. Magnin // Preprint: эл. печурк // <http://www.u-bourgogne.fr/monge/l.magnin>.
4. Magnin, L. Complex Structures on Indecomposable 6-dimensional Nilpotent Real Lie Algebras / L. Magnin // Preprint, <http://www.u-bourgogne.fr/monge/l.magnin>.
5. Miatello Dotti, I. Ricci curvature of left-invariant metrics on solvable unimodular Lie groups / I. Miatello Dotti // Math. Zeit. – 1982. – V. 180. – P. 257 – 263.
6. Морозов, В. В. Классификация нильпотентных алгебр Ли шестого порядка [Текст] / В. В. Морозов // Изв. вузов. Сер. «Математика». – 1958. – № 4. – С. 161 – 174.

ПОЛИТИЧЕСКИЕ НАУКИ И СОЦИОЛОГИЯ

УДК 321.01

ОСНОВНЫЕ ПОДХОДЫ К ОПРЕДЕЛЕНИЮ ПОНЯТИЯ «ЛЕГИТИМНОСТЬ ВЛАСТИ»

С. В. Ивлев, И. С. Мельникова

В настоящее время власть – самое мощное средство для достижения целей и защиты интересов. В современном мире, в период глобализации, очень важно понимать, как следует выстраивать структуру властных отношений и взаимодействие внутри страны и с другими государствами. Многие учёные, теоретики и практики, философы и политики постоянно анализируют эту тему в своих работах. Понятие «власть» является одним из центральных в политологии. Оно дает ключ к пониманию политических институтов, политических движений и самой политики. Определение понятия «власть», её сущности и характера имеет важнейшее значение для понимания природы политики и государства, позволяет выделить политику и политические отношения из всей суммы общественных отношений.

Следует разграничить понятия «государственная» и «политическая» власти.

Государственная власть – это власть центральная среди всех видов власти, самая мощная, самая влиятельная, а в конечном счете и самая нужная и обществу, и человеку, и различным большим группам людей.

Главный инструмент государственной власти – само государство. Оно – ее обладатель, носитель, распорядитель.

Государственная власть понимается многопланово:

- это прежде всего право и возможность самого государства, его различных органов распоряжаться жизнедеятельностью самого общества, действующими в нем объединениями людей и отдельно взятыми гражданами, направлять, контролировать и подчинять своей воле эту жизнедеятельность;

- это собственно сами действующие государственные органы;

- обобщенное наименование властных лиц, наделенных высшими полномочиями, стоящих на верхней ступени пирамиды власти.

Политическая власть рассматривается нами как власть, действующая в политическом поле, включающая не только государственные структуры, но и общественную сферу: общественные организации, движения, преследующие политические цели.

Одним из основных специфических свойств политической власти является ее легитимность. Политическая легитимность – это общественное признание власти и ее права на управление. Она выражает собой право власти на существование, ее обоснование и оправдание, в частности, в вопросах применения принуждения или насилия.

Сам термин «легитимность» иногда переводят с французского как «законность» или «узаконен-

ность». Такой перевод не совсем точен. Законность, принимаемая как действие через закон и в соответствии с ним, отражается категорией «легальность». «Легитимность» и «легальность» – близкие, но не тождественные понятия. Первое из них носит оценочный, этический и политический характер, второе – юридический и этически нейтральный. Любая власть, пусть и не популярная, легальная. В то же время она может быть нелегитимной, то есть не приниматься народом, издавать законы по своему усмотрению и использовать их как орудие организованного насилия. В обществе может существовать не только нелегитимная, но и нелегальная власть, например власть мафиозных структур.

Понятие «легитимности», помимо сказанного, как раз и выражает опору и поддержку власти субъектами политики, населением страны. А это выходит далеко за рамки того, что называется легальностью, которая свидетельствует о юридическом, законодательном обосновании того или иного типа правления. Таким образом, легитимность представляет собой понятие оценочное, оно несет на себе печать этического характера, а легальность характеризует юридические основы власти.

В политической науке классическими считаются типы легитимности (традиционная, харизматическая, легально-рациональная), выделенные М. Вебером.

Традиционная легитимность складывается на основе веры в священность традиций и обычаев, существующих в обществе, а также на основе веры в легитимность тех, кто призван осуществлять власть на основе этих традиций. Типичным примером традиционного господства является наследственная монархия. Как наследник монарх уважает традицию и подчиняется ей. И это уважение традиции является в то же время уважением институциональных связей, порождающих политические обязательства.

Традиционная легитимность в современных условиях повсеместно отстывает. В быстро изменяющемся мире возрастает роль и значение феномена обновления, в том числе и в вопросах политического управления. Но это вовсе не означает, что такая легитимность утратила свою эффективность. Длительная привычка к оправданию традиционной формы правления создает эффект ее справедливости и законности, что придает власти высокую стабильность и устойчивость.

Харизматическая легитимность основывается на безусловном подчинении экстраординарной личности и появляется в исключительных исторических условиях. Она предполагает веру людей в

особенные, сверхъестественные качества вождя, лидера. Понятие «харизма» (греч. *charisma* – милость, Божественный дар) заимствовано из античной христианской терминологии. Им обозначается исключительный авторитет, которым пользуются некоторые индивиды внутри ограниченных сообществ, например в сектах. Этот авторитет имеет две особенности. Во-первых, он настолько высок, что способен вовлечь людей в действия, к осуществлению которых их ничто не вынуждает. А во-вторых, этот авторитет не зависит ни от ранее существовавших условий, как это имеет место в случае царской власти, ни от воли других людей, из чего складывается авторитет, к примеру, президента или Папы. В теологических терминах авторитет идет от Бога. В светских терминах – авторитет исходит от самого индивида, т. е. от его способности утверждать политические отношения на основе обольщения.

Легально-рациональная (демократическая) легитимность основывается на вере в справедливость тех рациональных и демократических процедур, на основе которых формируется система власти. В основе этого типа властвования лежит целенаправленное действие, типической фигурой которого является чиновник, в своей деятельности подчиненный строгим правилам, называемыми легальными. Рациональный тип легитимности имеет по сути дела нормативную основу. Люди здесь подчиняются строгим правилам, законам, процедурам и сформированным на их основе политическим структурам и институтам. Ключевой институт легального господства – бюро (офис), при помощи которого осуществляется руководство обществом. И потому этот тип властвования нередко называют бюрократическим. Бюрократическую администрацию отличает, по Веберу, то, что господство и ней осуществляется как функция знания. И потому процесс властвования является специфически рациональным и строится на рациональных ценностях. Современная бюрократия – это бюрократия компетентных чиновников. Аппарат государственного управления в демократических странах состоит из специально подготовленных лиц, которые в своей деятельности руководствуются строго формальными и рациональными правилами. Эти правила определяют нормы и границы осуществления власти. Совокупности этих абстрактных правил подчиняются все, включая и высшее лицо государства. Так, скажем, президент страны подчиняется Конституции, даже если он обладает харизмой как политическим ресурсом. В этом смысле подчинение более не является отношением между людьми: все, включая и чиновников, действуют на основе строгих правил, а не подчиняются какому бы то ни было лицу.

Помимо указанных типов легитимности власти, в политической науке выделяют **технократическую** легитимность. Политика в современных условиях все в большей мере формируется и осуществляется на базе специальных знаний с использованием разнообразной техники, начиная с технического оборудования учреждений управления и вплоть до многообразных социологических исследований по сути

проблем. Увеличение масштабов вмешательства государства в общественные дела требует сегодня того, чтобы государственные руководители обладали глубокими знаниями не только в области государственного управления, но и в конкретных отраслях жизнедеятельности общества. Нельзя стать умелым политиком без достаточных знаний в области экономики и права, международных отношений и безопасности страны. Будучи верховным главнокомандующим, глава государства должен быть компетентным в области вооружений и военной стратегии.

Но дело не только в индивидуальных качествах руководителей. В современных условиях действительно невозможно принять правильное решение без глубокой научной проработки проблем, встающих перед властями и обществом. С этой целью привлекаются специалисты и ученые. А это создает видимость того, что все большее количество проблем как бы выводится из сферы деятельности политиков. На передний план выходят профессионалы, теоретики и практики управления, т. е. технократы. Технократическая идеология появилась в первые десятилетия XIX века. По словам Сен-Симона, лучшие физики, химики, физиологи, банкиры, торговцы сельскохозяйственные и промышленные производители находятся во главе нации, представляя собой подлинную политическую власть в государстве. Политики же, по Сен-Симону, – это лишь видимость власти. Позднее тезис о двойственном характере власти был взят на вооружение американцем Д. Бэрнхемом. Он сформулировал идею революции менеджеров. Д. Бэрнхем противопоставил демократическую легитимность политической власти с ее словесной театральностью на авансцене политики технократической легитимности технических специалистов высшего слоя. Эти последние заставляют власти принимать вполне определенные решения. Не находясь на политической «сцене», они играют решающую роль в определении политики, оставляя профессиональным политикам возможность произносить речи. В 60-е годы прошлого столетия идея технократии как передовой силы общества стала предметом теоретического анализа известного американского ученого Д. Гэлбрейта, утверждавшего примат технократической рациональности в обществе. Она находит свое выражение в «техноструктуре» как современном выражении властвующей элиты. Именно ее действия, по Д. Гэлбрейту, определяют политическое поведение профессиональных политиков.

Технократическая легитимность, безусловно, имеет право на жизнь. Роль знаний, умение ими распорядиться в интересах общества не могут заменить никакие политические речи или форумы. Однако обстановка секретности, нередко корыстная заинтересованность технократов в решении тех или иных вопросов, отсутствие демократического контроля за деятельностью чиновников – эти и другие моменты ставят пределы технократической легитимности. А в переломные моменты развития общества, когда политизация его достигает внуши-

тельных размеров, влияние технократов снижается, хотя и не исчезает вовсе.

Некоторые ученые выделяют **идеологическую** легитимность, которая строится на активной агитационно-пропагандистской деятельности власти. Примером такой легитимности была, например, власть в Советском Союзе. Это наглядно демонстрировала ст. 6 Конституции СССР 1977 г., которая объявляла Коммунистическую партию «руководящей и направляющей силой советского общества, ядром его политической системы, государственных и общественных организаций». И тут же объяснялась причина легитимности власти партии. Она вытекала из того, что КПСС была вооружена марксистско-ленинским учением, на основе которого определялась перспектива развития общества, основные направления внутренней и внешней политики.

Исследователи уделяли большое внимание выявлению сущности легитимности. Так, С. М. Липсет определяет легитимность как способность системы создать и поддержать у людей убеждение в том, что существующие политические институты являются наилучшими из возможных для общества. Х. Линц дает во многом сходное с Липсетом толкование сути легитимности политической системы, которое сводится к тому, что существующие политические институты являются наилучшими, нежели какие-либо другие, которые могли быть установлены и которым следовало бы в результате подчиниться.

Разработанная Вебером типология легитимности, по мнению Д. Истона, не учитывает богатство оснований легитимности, в частности политического режима. Д. Истон выделяет такие источники поддержки власти и режима, как идеологические принципы, привязанность к структурам и нормам режима, преданность власти в силу положительной оценки личных свойств субъектов власти (к примеру президента). В соответствии с этим он определяет следующие три разновидности легитимности: идеологическую, структурную и личную (персональную).

Идеологическая легитимность опирается на идеологические принципы и убеждения граждан в ценности политического строя как самого передового, что подкрепляется интенсивной пропагандой. Классическим примером подобной легитимности власти является СССР, где идеология обосновывала легитимность режима.

Структурная легитимность опирается на приверженность граждан механизму и нормам политического режима. Она характерна для обществ, где порядок формирования властных структур стал привычным. Доверие к традиционной и устоявшейся системе власти распространяется и на саму власть, если она была избрана в соответствии с устоявшимися нормами. В качестве примера можно привести Великобританию с ее демократическими традициями и парламентаризмом.

Личная (персональная) легитимность опирается на веру граждан в личные качества политического лидера (президента, премьер-министра), его способность должным образом использовать поли-

тическую власть. Она близка к харизматической. Персональная легитимность в большей степени базируется на симпатии граждан к лидеру, поклонение, готовность к полному подчинению. К примеру, президент США должен обладать персональной легитимностью, но там нет харизмы.

Проблема легитимности политических режимов исследовалась М. Доганом. Анализируя состояние легитимности современных политических режимов, он приходит к выводу, что классическая веберовская типология легитимности перестает быть плодотворной, становится инструментом, который полезен лишь для исторических исследований. «Традиционная легитимность королевской власти является реальным феноменом для большей части населения лишь в некоторых странах: Марокко, Саудовской Аравии, Иордании, Омане, Кувейте. Поскольку традиционная легитимность «божественного права» постепенно исчезает, веберовская типология утрачивает один из своих элементов». М. Доган полагает, что в веберовской типологии легитимности сохраняется лишь ее традиционно бюрократический тип, являющийся своего рода сплавом разновидностей, среди которых он выделяет следующие:

- развитые плюралистические демократии, которые признаются большинством граждан как легитимные. В 1992 году в мире было от 30 до 35 демократических режимов, легитимность которых прочно признается в течение уже 20 лет;

- авторитарно-бюрократические режимы, где основные гражданские права соблюдаются лишь частично. Существует большое разнообразие таких режимов. Но проблема состоит в том, насколько они пользуются широкой поддержкой у населения;

- диктаторские (деспотические или тоталитарные) режимы, которые не признаются большинством населения страны. «Нельзя утверждать, что режим является легитимным только потому, что он открыто не оспаривается»;

- страны, где граждане безразлично относятся к тем, кому принадлежит власть, и где власть тиранов воспринимается как неизбежность. Это политические режимы во многих странах третьего мира.

М. Доган полагает, что большинство политических режимов лишены легитимности и не могут быть включены в веберовскую типологию, которая оказывается в некотором роде анахронизмом.

Все типы легитимности власти относятся к числу «идеальных» типов господства, которые в чистом виде редко встречаются в жизни. Чаще всего властвование строится на комбинации различных типов легитимности. Очевидно и другое. Легитимность может быть завоевана или утеряна.

В качестве **основ** легитимности политологи называют три субъекта: население, правительство и внешнеполитические структуры.

Первостепенное значение для утверждения легитимности власти имеет поддержка со стороны широких слоев населения. Эта поддержка обеспечивает устойчивость и стабильность власти. В этой поддержке находят свое выражение политические и

гражданские традиции, принимаемые обществом ценности и идеологии, организация государства и общества. А это означает, что, опираясь на поддержку населения, власть может для утверждения порядка в обществе использовать насилие как последнее средство политического господства. Легитимность может утверждаться и действиями самого государства (правительства), и политическими структурами, например политическими партиями, побуждающими массовое сознание воспроизводить положительные оценки деятельности правящего режима. Для формирования такой легитимности громадное значение приобретают институциональные и коммуникативные ресурсы государства. И тогда легитимность по сути дела становится тождественной легальности.

И наконец, легитимность может формироваться и усилиями *внешних политических центров* – разного рода международными организациями и дружественными странами. Такого рода поддержка нередко проявляется в период избирательных кампаний.

Итак, легитимность власти представляет собой сложное явление и серьезный вопрос для любой страны и любого общества. Тесная взаимосвязь данного свойства власти с политическими и социально-экономическими условиями обуславливает необходимость серьезного внимания к нему со стороны специалистов различных областей, политиков и социологов. Нужно отметить, что в большинстве зарубежных стран в течение ряда лет существуют целые исследовательские и научные институты, задачами которых является выявление и определение уровня легитимности государственной власти той или иной страны и характера причин делегитимации, прогнозирование их и поиск путей решения возникающих проблем.

Легитимность представляет собой сущностное свойство государственной власти. В настоящее время понимание легитимности власти как ее законности значительно устарело, объем содержания данного термина серьезно расширился. Легитимность стала означать не только законность происхождения и способа установления власти, но и такое состояние власти, когда граждане государства признают ее право предписывать им тот или иной способ поведения, а также выражают готовность подчиняться существующим государственным институтам.

В западной культуре получить большинство – это и означает быть облеченным доверием избирателей. У нас это явления разного порядка. Политическое большинство, не санкционированное идеалом правды-справедливости, остается случайным большинством, способным вскоре утратить свои позиции.

Легитимность западного типа – холодная нейтральность конституционно-правовых норм, не подходит для российской политической культуры и традиции. В России для легитимности необходима подпорка в виде «народной правды», то есть правды-справедливости. Легитимность в России строится не по логике механического большинства, пере-

страиваемого в ходе очередной предвыборной кампании, а на основе долговременных решений, касающихся вопросов высшего духовного порядка. Коррумпированная власть не может быть легитимной – она выглядит узурпатором даже тогда, когда опирается на электоральное большинство.

Очевидно, что власть не может быть одинаково легитимна для всех слоев населения и во всех своих проявлениях (субъектах, действиях). Такая неоднозначность позволяет говорить о степени или уровне легитимности государственной власти. Данный подход дает возможность наглядно продемонстрировать естественную закономерность, вытекающую из прямой зависимости между уровнем легитимности и используемой государством степенью принуждения: чем ниже уровень легитимности, тем больше насилия необходимо для удержания власти.

Проблема легитимации является жизненно важной для любого политического режима. Даже диктаторы не могут бесконечно строить свою власть исключительно на насилии. Наибольшим потенциалом легитимности обладает демократический режим. Уровень легитимности простирается от всеобщего одобрения до полного отрицания. Степень легитимности может быть проверена эмпирически, например посредством опросов. По словам М. Догана, населению предлагается выбрать один из трех ответов на вопросы, отражающие существо легитимности:

а) «Я признаю существующие законы и современную систему правления»;

б) «Я вижу недостатки в системе правления, но я верю в возможность постепенного совершенствования существующего режима»;

в) «Я полностью отвергаю законы, систему правления и общество и вижу единственное решение в их полном социальном изменении».

Первый ответ предполагает безусловное признание режима легитимным. Второй – свидетельствует об условном признании опрошенными легитимности режима и наличии у них убеждения в том, что, несмотря на все его недостатки, существующий режим является лучшим из возможных и поддается совершенствованию. Третий – показывает, что существующий режим воспринимается как нелегитимный.

Можно выделить несколько источников легитимации власти.

Первый и наиболее надежный источник – участие граждан в управлении, что создает ощущение причастности людей к политике, проводимой властью, позволяет людям чувствовать себя в определенной мере ее субъектом. Вот почему демократические режимы по сравнению с другими обладают наибольшим потенциалом легитимации.

Другим источником является так называемая технократическая легитимация, т. е. легитимация посредством административной, экономической, военной, образовательной и тому подобной деятельности власти. В этом случае легитимность власти находится в прямой зависимости от эффективности такой деятельности, конечным результатом

которой являются стабильность в обществе и успешное развитие всех сторон общественной жизни. Череда экономических неудач при проведении реформ или при выходе страны из кризиса ослабляет легитимность власти и может привести к краху политической системы. Легитимность политической власти Германии, Японии, Тайваня, Южной Кореи, Сингапура повысилась в значительной мере благодаря экономическим достижениям. Можно с уверенностью сказать, что легитимность власти в России ведет в большей степени определяться тем, насколько успешно она преодолела экономический кризис и обеспечит развитие экономики.

Третьим источником легитимации является сила. Все режимы опираются на принуждение, однако формы, степень его распространения и использования различны. Оно проявляется в ограничении прав и свобод личности, прежде всего права на получение полной и объективной информации, выступления, объединения, манифестации. Чем ниже уровень легитимации, тем сильнее принуждение. Сила – последний аргумент власти, с помощью которого она пытается повысить уровень своей легитимности, однако сомнительно, чтобы власть могла удержаться, долго опираясь исключительно на силу. Использование силы может не только повысить уровень легитимности, но и ускорить падение режима. Сила является ненадежным источником легитимации власти.

Легитимация прямо связана с интересами людей, которые чаще всего оцениваются ими осознанно, но иногда имеют неосознанный характер (например, определенная поддержка в обществе фашистской власти, которая в конечном счете привела к тяжелейшим бедствиям немецкого народа). Поскольку интересы людей и различных социальных слоев неодинаковы, а в силу ограниченных ресурсов и других обстоятельств (например давление других групп) государственная власть не может удовлетворить интересы всех членов и всех слоев общества, она удовлетворяет интересы определенных групп общества и только частично. Поэтому легитимация государственной власти, за редчайшими исключе-

ниями, видимо, не может иметь всеобъемлющего характера. То, что является легитимным для одних слоев населения (например для шахтеров в России, требующих выплаты заработной платы, сажающих на рельсы и останавливающих движение транспорта), нелегитимно и противозаконно для других (например для работников тех предприятий, куда не поступают грузы, необходимые для жизнеобеспечения, для железнодорожников, обращающихся с возмущениями к шахтерам). Поэтому легитимность государственной власти оценивается обычно с точки зрения ее соответствия интересам большинства населения, его представлениям о власти. Следствием легитимности государственной власти является ее авторитет у населения, признание права управлять и соглашение подчиняться. Легитимность повышает эффективность государственной власти, опирающуюся на большинство населения.

Литература

1. Антология мировой политической мысли. – М., 1997. – Т. 1.
2. Вебер, М. Избранные произведения / М. Вебер. – М., 1990.
3. Доган, М. Сравнительная политическая социология / М. Доган, Д. Пеласси. – М., 1994.
4. Желтов, В. В. Социология политики: политическое господство / В. В. Желтов, Ю. Н. Клещевский. – Кемерово, 1996.
5. Завершинский, К. Ф. Легитимность: генезис, становление и развитие концепта / К. Ф. Завершинский // Электронный источник. – 2008. – Режим доступа: <http://nscs.ru/ipp/library/dictionary/>.
6. Истон, Д. Категории системного анализа политики / Д. Истон // Антология мировой политической мысли. – М., 1997. – Т. 2.
7. Халипов, В. Введение в науку о власти / В. Халипов. – М., 1996.
8. Чиркин, В. Е. Государствоведение: учебник / В. Е. Чиркин. – М., 1999.

УДК [316.77:316-051](470+571):(430)

НЕМЕЦКО-РОССИЙСКИЕ СВЯЗИ В СОЦИОЛОГИИ

П. А. Садовая, А. Н. Садовой

В течение многих веков русский и немецкий народы взаимодействовали друг с другом. В научных исследованиях есть предположения, что уже во времена Киевской Руси состоялось первое «открытие России» немцами. В последующие века, согласно первой Всероссийской переписи населения 1897 г., в России проживало 1,8 млн. немцев, из их числа пополнилась правящая элита.

Что повлияло на глубокий интерес немцев к России? Еще со времен Петра I со стороны немцев проявлялся интерес к России. В первой половине XIX века в Германии существовало два направления в общественном немецком сознании: прорусское

(консервативное) и антирусское (либеральное, демократическое). Либералы считали царскую Россию главным препятствием для объединения Германии. Некоторые немецкие интеллектуалы предлагали забыть русский язык вообще, так как он «является варварским и неспособным для выражения тонких мыслей». Но тем не менее Россия активно участвовала в государственных делах Западной Европы, и уже XVIII век характеризуется сближением кровно-родственных уз русских монархов и немецких владетельных князей.

В первой половине XVIII века в Германии возрос интерес к России и российской культуре. Стали

переводиться на немецкий язык сочинения Ломоносова, Фонвизина, Державина и Радищева, что вызвало значительный интерес среди немецкой публики. Особо признала она Н. М. Карамзина и его повесть «Бедная Лиза», которая неоднократно переиздавалась в Германии. Стоит отметить, что рекомендована она была издателем в журнала «Jurnal von Russland» И. Г. Буссе, который, стремясь наладить российско-немецкие связи, публиковал сообщения обо всех наиболее значительных российских книжных новинках. В свою очередь, российский журнал «Телескоп» также внес определенный вклад для ознакомления россиян с немецкой культурой. В нем были опубликованы, например, первые 2 тома «Курса эстетики» Гегеля.

Важную роль в развитии немецко-российских связей сыграли немецкие ученые, проживающие в России. К ним можно отнести Г. Ф. Миллера, А. Ф. Бюшинга, А. Л. Шлецера, Х. И. Лодере, В. И. Трейтера, который, будучи консультантом при Мариинской больнице, давал приют всем приехавшим из Германии докторам и ученым, в том числе и А. Гумбольдту, который пробыл в Москве достаточно долгое время. Внук В. И. Трейтера – В. В. Алексеев – писал потом в своих заметках, что «его дед был в то время каким-то связующим звеном между немецким и русским научным миром».

Одним из немецких ученых, работающих в России, был Фридрих Вильгельм Радлов.

Он родился в Берлине 5 января 1837 г. в сравнительно небогатой семье чиновника – городского комиссара полиции. Его родители старались дать ему лучшее образование, учесть при этом его вкусы и желания. Весной 1858 г. Радлов, защитив диссертацию «Ueber den Einfluss der Religion auf die Völker Asiens», получает в Йене звание доктора философии, а вскоре принимает окончательное решение об отъезде в Россию для занятий там научной работой.

Ему предоставили возможность занять должность учителя немецкого и латинского языков в Барнаульском горном училище. При этом Радловым было поставлено неперемное условие, чтобы во время летних отпусков он мог совершать экспедиционные поездки по Алтайскому краю. Он ежегодно, за исключением 1864 г., проводил исследовательские поездки почти ко всем народам «тюркского мира» России и даже за её пределами.

Вплоть до исследований академика В. В. Радлова такого народа, как шорцы, нельзя было найти ни на одной карте, ни в одной книге. Да и сами малочисленные группы тюрков, называемые русскими «кузнецкими татарами», себя шорцами тогда не называли.

Термин «шорцы» был предложен именно академиком В. В. Радловым *в научных целях* в середине XIX века. Названия двух родов – *кубан* и *шор* – он перенес на родственные по языку и культуре группы для простоты классификации аборигенов. Ученый объединил под этим обобщенным названием группы кузнецких татар и *выделил* их из родственных по языку и культуре телеутов, кумандинцев, челканцев, абаканских татар. Это было сделано для

того, чтобы облегчить этнографическое описание и приступить к исследованию этногенеза (истории происхождения) шорцев. Используя метод включенного наблюдения, он описывал жизнь и быт шорцев. Определена и хозяйственная специфика, отличающая «шорцев» от соседей. Из описаний Радлова видно, что все шорцы живут *в деревнях оседло*. Была сделана попытка описать духовную культуру нового народа. Отмечалось, что «Бог», в христианском значении, в мировоззрении тюркских народов отсутствовал, его функции выполняла окружающая природа и всё, что в ней находится: духи, люди и животные.

Собранный современными этнографами материал однозначно свидетельствует о том, что решающую роль в выделении шорцев из общего массива тюрков юга Сибири сыграл случайный фактор – закрепление за ними этнонима «шорцы». Он был выделен искусственно и не сразу утвердился даже в научной литературе. Поэтому академика В. В. Радлова – патриарха российской тюркологии, на работах которого учились десятки ученых, можно с полным основанием назвать и «патриархом» народа, образовавшегося в советское время, – шорцев. Как уже было описано выше, благодаря методу включенного наблюдения, он описал и выявил новый народ.

Но не только Германия интересовалась Россией. Русских мыслителей также интересовала философия Гегеля, Фихте и Канта. В Германии обучались и (или) работали А. Н. Радищев (Лейпцигский университет), М. М. Ковалевский, И. А. Ильин и другие. Из Германии в Россию пришло такое направление в социологии, как неокантианство. Одним из его представителей был Б. А. Кистяковский, который учился на философском факультете Берлинского университета.

Б. А. (Теодор) Кистяковский является одним из ярких представителей неокантианства рубежа XIX–XX столетий. Источником биографических сведений о Б. А. Кистяковском для авторов послужила работа М. П. Василенко «Академик Богдан Александрович Кистяковский» (см.: Кистяковский, Б. А. Философия и социология права / Б. А. Кистяковский. – СПб.: Издательство РХГИ, 1998).

На формирование его взглядов значительное влияние оказали воззрения немецких философов и социологов. В юности он придерживался радикальных и революционных идей украинских националистов М. П. Драгоманова, И. Франко и др. Их суть состояла в стремлении отделить «...Галицию от Австрии, а Украину от России, и из Галиции и Украины сделать государство под названием «Киевское королевство...». Однако достоверных сведений о причастности к реализации данных планов Б. А. Кистяковского исследователями его биографии не выявлено. Тем не менее эти воззрения помешали его попытке получить образование в России. Он был отчислен из ряда университетов: Киевского, Харьковского и Юрьевского (Дерптского). В Дерпте у Б. А. Кистяковского началось серьезное увлечение марксизмом. Позднее, приехав в Киев на каникулы, он начал пропаганду марксизма среди

молодых студентов и курсисток. Такая активная деятельность опять привлекла внимание жандармерии, и 4 июля 1892 года Б. А. Кистяковский был арестован, 2 года провел в тюрьме и год под надзором полиции. После истечения срока надзора он вынужден был уехать за границу в январе 1895 г. Основная цель – получение дальнейшего образования.

Б. А. Кистяковский поступил на философский факультет Берлинского университета, изучал право и философию, усердно занимался у Г. Зиммеля. В процессе обучения он слушал лекции в Страсбурге, в частности, В. Виндельбанда – немецкого философа. Последний принадлежал к направлению неокантианства. В основе его учения было различие между двумя противоположными «влиятельными подходами» в социальных исследованиях: идеографическим и номотетическим. Первый применялся при изучении отдельных исторических явлений, последний связан с открытием научных законов. Вместе с Г. Риккертом В. Виндельбанд был сторонником междисциплинарного подхода в социологии. Кроме того, Б. А. Кистяковский посещал занятия Кнаппа, Циглера и др. Итогом стала разработка темы, которую Б. А. Кистяковский избрал для своей докторской диссертации – *Gesellschaft und Einzelwesen* (Общество и индивид). В 1899 г. его диссертация была издана в Берлине. Она вышла под таким названием: *“Gesellschaft und Einzelwesen. Eine methodologische Untersuchung der Doktorwürde der philosophischen fakultät der Kaiser Wilhelm Universität zu Strassburg vorgelegt von Theodor Kistiakowski (aus Kiew in Russland). Berlin, 1899”* (Общество и индивид. Методологическое исследование докторанта философского факультета университета им. Короля Вильгельма, что в Страсбурге, подготовлена Теодором Кистяковским (из Киева, Россия). Берлин, 1899). Данный труд был положительно отмечен немецкой научной общественностью. Как пишет М. П. Василенко, работу Кистяковского называли «... интересным этюдом по методологии... социальных наук». После защиты данной диссертации Б. А. Кистяковский долго и плодотворно работал с М. Вебером.

Вскоре началось сотрудничество Б. А. Кистяковского с такими российскими журналами, как «Новое слово», «Освобождение» (издавал П. Б. Струве), в которых был опубликован ряд статей, посвященных характеристике общественных взглядов того времени, характерных черт аграрного движения в Германии, его дифференциации. Особо следует отметить его работу, посвященную украинскому вопросу, опубликованную в журнале «Освобождение». Она стала своеобразным ответом на нападки некоторых австрийских и немецких изданий на руководителей российского освободительного движения за то, что «они якобы игнорируют украинский вопрос». Б. А. Кистяковский считал, что украинский вопрос является частным вопросом, и как частному, ему уделяют достаточно внимания. В этой статье автор отошел от своих юношеских взглядов на так называемую, «украинскую проблему». Согласно его

мнению, «...исторические обстоятельства навсегда связали украинский народ с русским».

В своих суждениях Б. А. Кистяковский исходил из предпосылки, сформулированной в свое время Г. Риккертом, что социология относится к «генерализирующим» наукам. Одновременно Б. А. Кистяковский придерживался позиции Г. Зиммеля, который настаивал на исследовании психически обусловленных форм социализации. В дальнейшем Б. А. Кистяковский выдвинул тезис о том, что категории «социальный закон», «социальная необходимость», «социальная возможность» являются лишь принципами научного познания. Б. А. Кистяковский перенес онтологическую трактовку «социальной интеракции», используемую в то время русскими позитивистами (Н. И. Кареевым, Е. В. де Роберти и др.), на методологический уровень. Таким же образом он рассматривал вопрос о применении таких категорий, как «организм», «человек», «пространство», «время» и «число» в рамках теории общества и социальных исследований.

Идеи Б. А. Кистяковского пересекались и с позициями других сторонников русского неокантианства, представителями которого были П. И. Новгородцев и С. Н. Трубецкой. Они сконцентрировали свои исследования на теоретическом обосновании социальных наук и заявляли о полной непригодности позитивной методологии для анализа этических феноменов. Б. А. Кистяковский перенес эту методологию на нормативно-правовую сферу общественных отношений. Этим его научная концепция приобрела большое значение для структуры социологии.

Таким образом, на формирование социологических воззрений Б. А. Кистяковского значительное влияние оказали идеи представителей неокантианства, с которыми он познакомился в Германии. Он стал одним из выдающихся представителей данного направления в России.

Литература

1. Кистяковский, Б. А. Философия и социология права / Б. А. Кистяковский – СПб.: Изд-во РХГИ, 1998. – 719 с.
2. Дэвид, Д. Большой толковый социологический словарь. 2001 г. / Д. Дэвид, Дж. Джэри // Электронный источник – 2008. – Режим доступа: <http://voluntary.ru/dictionary/567/word/>.
3. Заиченко, О. В. Образ России в Германии в первой половине XIX века (на материале либеральной публицистики) / О. В. Заиченко; Россия и Германия. – Вып. 2. – М.: Наука, 2001. – С. 92 – 109.
4. Сапожникова, Г. Н. Из истории русско-германских культурных связей в середине XVIII – начале XIX вв. / Г. Н. Сапожникова; Россия и Германия. – Вып. 1. – М.: Наука, 1998 – С. 111 – 123.
5. Радлов, В. В. Из Сибири / В. В. Радлов. – М.: Наука, 1989. – 749 с.

ФИЗИКА

УДК 544.225.2: 548.713.022.723

ЭЛЕКТРОННОЕ СТРОЕНИЕ КРИСТАЛЛОВ $A^{IV}X^{VI}_2$ СО СТРУКТУРОЙ ХАЛЬКОПИРИТА

Ю. М. Басалаев, С. А. Маринова

Соединения семейства $A^{IV}X^{VI}_2$ имеют множество различных кристаллических форм, отличающихся друг от друга по симметрии, что отражается на различии их физических и химических свойств. При нормальных условиях для соединений $A^{IV}X^{VI}_2$ структура халькопирита не является характерной. Среди них известны три соединения, кристаллизующиеся в решетку халькопирита: диоксид кремния (SiO_2) и дисульфиды кремния (SiS_2) и германия (GeS_2). Наиболее изученным соединением является диоксид кремния. Число кристаллических форм SiO_2 насчитывает около двухсот, например: α - и β -кварц, α - и β -кристобалит, стишовит, коэзит и другие. Большинство форм (структур) образовано из тетраэдров с атомом кремния в центре и атомами кислорода в углах. Эти структуры имеют очень небольшие различия в адиабатической потенциальной энергии и главным образом отличаются друг от друга способом соединения тетраэдров.

Полиморфная модификация диоксида кремния (SiO_2), имеющая в диапазоне температур 1470 – 1720°C структуру, известную как β -кристобалит, с пространственной группой $F-4d2$ (D_{2d}^{12}), является, по данным работы [1], энергетически более выгодной из трех рассмотренных вариантов симметрии кристалла ($P2_13$, $Fd3m$, $F-4d2$).

Реальная структура β -кристобалита имеет две формульные единицы SiO_2 в элементарной ячейке, в

которой каждый тетраэдр SiO_4 развернут на $\pm 20^\circ$ вокруг оси четвертого порядка по отношению к идеальной структуре, что дает изменение от кубической симметрии к тетрагональной с пространственной группой D_{2d}^{12} . Сравнение структуры β -кристобалита со структурой халькопирита показывает, что они практически идентичны, с той лишь разницей, что в элементарной ячейке β -кристобалита подрешетка одного из катионов пуста (вакантна). По этой причине структуру β -кристобалита можно рассматривать как структуру дефектного халькопирита, в элементарной ячейке которого упорядоченно размещены 6 атомов.

В структуре халькопирита анион окружен четырьмя катионами двух сортов. Возможны структуры дефектного халькопирита (три катиона в ближайшем окружении аниона) и дважды дефектного халькопирита (два ближайших соседа у аниона) [2].

Рассматриваемые соединения SiO_2 , SiS_2 и GeS_2 имеют структуру дважды дефектного халькопирита, поскольку атом шестой группы (кислорода или серы) окружают два атома четвертой группы (кремния или германия). На рис. 1 представлены кристаллические ячейки соединений SiO_2 , SiS_2 , GeS_2 , с учетом их относительных размеров.

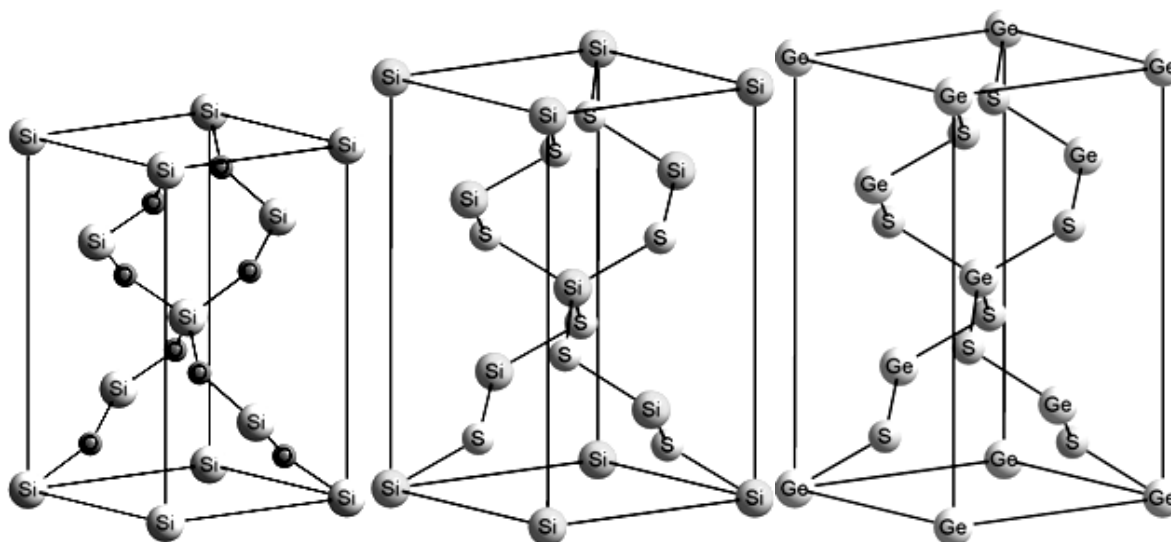

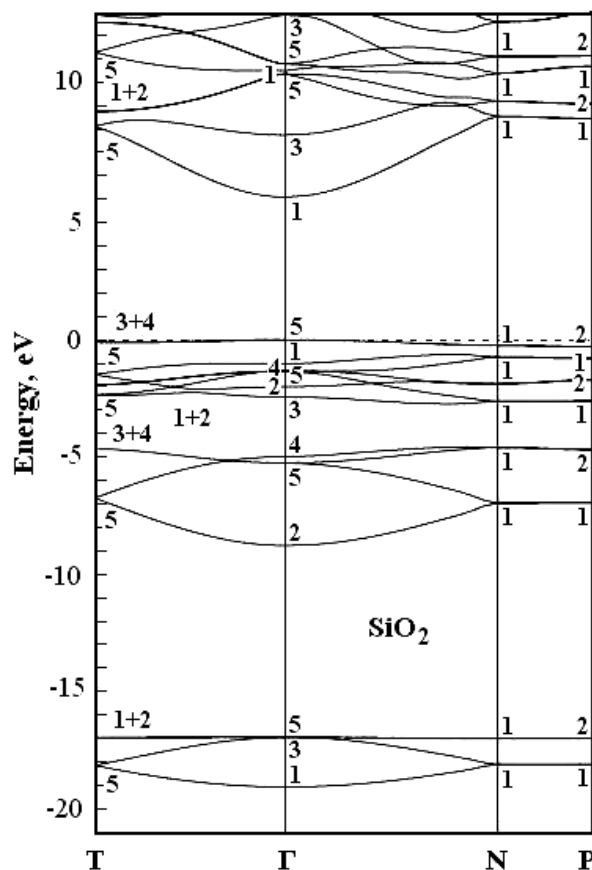
Рис. 1. Кристаллические ячейки соединений SiO_2 , SiS_2 и GeS_2 со структурой халькопирита

В настоящей работе нами выполнен расчет электронной структуры из первых принципов кри-

сталлов SiO_2 , SiS_2 и GeS_2 в рамках теории функционала плотности (DFT-LDA) с использованием

пакета программ PWscf [3] и ультрамягких псевдопотенциалов Вандербиляда [4], генерируемых этой программой.

Электронные волновые функции раскладывались по плоским волнам с максимальной энергией 40 Ry, что дает в разложении порядка 2500 плоских волн и уровень сходимости по полной энергии при самосогласованных вычислениях не хуже 10^{-7} Ry. Интегрирование по зоне Бриллюэна велось по методу специальных точек Монкхорста-Пака [5] на сетке $4 \times 4 \times 4$, что дает 11 специальных точек в неприводимой части зоны Бриллюэна.

Зонная структура кристаллов β -SiO₂ вычислялась в точках высокой симметрии Γ , T , N , P и вдоль соединяющих их линий. Результаты расчетов зонного спектра и плотности состояний $N(E)$ представлены на рис. 2. Валентная полоса β -SiO₂ содержит три разрешенные зоны, как в большинстве кристаллов семейства халькопирита. За начало отсчета шкалы энергий выбрано положение вершины валентной зоны, которая реализуется в точке Γ зоны Бриллюэна халькопирита с симметрией Γ_5 . Уровень с симметрией Γ_4 расположен ниже на величину 1.03 эВ.

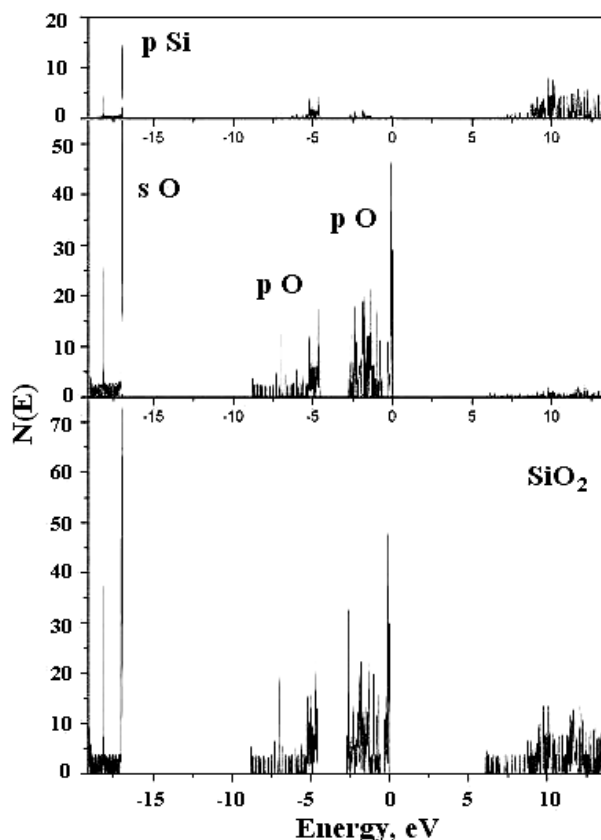

Рис. 2. Зонная структура и плотность состояний β -SiO₂

Данный факт является весьма любопытным, поскольку взаимное расположение этих уровней в кристаллах с решеткой халькопирита обычно определяет величину и знак кристаллического расщепления, которое, как принято считать, возникает из-за наличия в составе соединения атомов разного сорта, играющих роль катионов. Этим же объяснялось наличие тетрагонального сжатия в структуре халькопирита.

Попытки объяснить существование тетрагонального сжатия в структуре халькопирита при кристаллохимическом анализе тройных соединений ABX_2 привели к установлению ряда корреляций между тетрагональным сжатием и характеристиками атомов, входящих в состав соединения. При этом мнение авторов разделилось: одни искали причину в различной поляризации связей $A-X$ и $B-X$ [6, 7], другие связывали тетрагональное сжатие с ионной составляющей связи [8], третьи – с отношением сумм

тетраэдрических радиусов [9], четвертые рассматривали отношение сумм тетраэдрических радиусов совместно с поляризацией связей $A-X$ и $B-X$ [10].

Однако, в случае β -SiO₂, связи между атомами кремния и кислорода равноценны, их длины одинаковы $Si-O = 1.621 \text{ \AA}$, катионы одного сорта, а тетрагональное сжатие составляет более 20 % и «кристаллическое расщепление» велико:

$$\Delta_{KP} = E(\Gamma_4) - E(\Gamma_5) = -1.03 \text{ эВ.}$$

Чтобы разобраться в данном вопросе, мы провели первопринципные расчеты для соединений SiS₂ и GeS₂ аналогов β -SiO₂. Параметры, характеризующие структуру кристаллической решетки этих кристаллов, а также вычисленные значения ширины запрещенной зоны E_g и кристаллического расщепления Δ_{KP} , приведены в табл. 1.

Таблица 1

Основные параметры кристаллической и зонной структуры соединений AX_2

AX_2	$\gamma=c/a$	φ (°)	θ (°)	u	$A-X$ (Å)	E_g (эВ)	Δ_{KP} (эВ)	r_A (Å)	r_X (Å)
SiO ₂	1.577	26	137.7	0.1234	1.62	6.09	-1.03	1.25	0.80
SiS ₂	1.608	42	113.7	0.2272	2.13	3.44	0.33	1.25	1.09
GeS ₂	1.668	44	110.9	0.2388	2.21	3.12	0.27	1.29	1.09

Здесь a – постоянная кристаллической решетки, $\gamma = c/a$ – величина тетрагонального сжатия, u – смещение анионов из узлов ГЦК подрешетки (в единицах a), φ – угол разворота тетраэдров, и θ – валентный угол ($X-A-X$), r_A – радиус катиона, r_X – радиус аниона.

Смещение анионов из узлов ГЦК подрешетки в соединениях со структурой халькопирита имеет прямую зависимость от угла поворота тетраэдров вокруг тетрагональной оси четвертого порядка и соответственно обратную зависимость от валентного угла θ . Поэтому смещение анионов может быть вызвано либо разворотом тетраэдров, либо изменением валентных углов связей $B-X-B$.

Тетрагональное сжатие увеличивается при уменьшении расстояния между взаимодействующими атомами катиона и аниона, что может быть обусловлено размерами атомов или «химическим сжатием», возникающим при стремлении атомов сохранить химическую связь под влиянием внешних причин, среди которых, в первую очередь, существенную роль играет ближний порядок.

Ближний порядок в бинарных кристаллах AX_2 по отношению к тройным соединениям ABX_2 со структурой халькопирита существенно изменяется в окрестности анионов, где вместо четырех катионов (по два разного сорта) в них размещены два одинаковых катиона и две вакансии. Тетраэдры SiO₄, связанные между собой мостиковыми атомами кислорода, имеют прочную структуру благодаря наличию преимущественно ковалентной связи между атомами Si-O и образуют в пространстве устойчивый кристаллический каркас, аналогично тому, как это реализуется в тетраэдрах BX_4 или AX_4 в халькопиритах типа ABX_2 .

Анализ полной и локальной парциальной плотности электронных состояний $N(E)$ (рис. 2) позволил определить генезис подзон и в целом зонной структуры кристаллов β -SiO₂ из локальных состояний атомов кремния и кислорода. Наличие трех разрешенных валентных зон устанавливает формальное подобие между энергетическими структурами β -кристобалита и халькопирита. Две верхние зоны валентной полосы образуются преимущественно из p -состояний анионов (атомов O). Нижняя зона имеет подавляющий вклад s -состояний атомов O, с малой добавкой p -состояний катионов (атомов Si). Вторая зона состоит из четырех подзон, а не двух, как в халькопиритах, и содержит подавляющий вклад p -состояний атомов O, что не характерно для соединений семейства халькопирита типа ABX_2 , в которых эта зона формируется в основном из s -

состояний катиона B, но вполне характерно для бинарных соединений со структурой сфалерита.

Полная ширина валентной зоны β -SiO₂ составляет 19.1 эВ и превышает типичные для семейства халькопирита значения почти в 1.5 раза, что обусловлено наличием в составе этого соединения атомов кислорода.

Дисульфиды кремния (SiS₂) и германия (GeS₂) в модификации подобной халькопириту с пространственной группой D_{2d}^{12} были синтезированы в работе [11]. Электронное строение обоих соединений в модификации халькопирита является неизученным. По аналогии с β -SiO₂ для SiS₂ и GeS₂ были проведены вычисления в рамках DFT-LDA. Вычисленная зонная структура дана на рис. 3.

Как видно из рис. 2 – 3, между энергетическими спектрами валентной зоны кристаллов β -SiO₂, SiS₂ и GeS₂ имеется общее сходство: в β -SiO₂ четко видны, а в SiS₂ и GeS₂ прослеживаются три валентных зоны с близкой топологией, которая нарушается в области верхней валентной зоны. Полная ширина валентной зоны сульфидов меньше, чем у β -SiO₂, и составляет 14.23 и 14.51 эВ для SiS₂ и GeS₂ соответственно.

Если говорить только о сульфидах, то для них сходство валентных зон граничит с почти полной идентичностью, основное отличие наблюдается в строении зоны проводимости, что служит проявлением химической природы атомов Si и Ge, которое имеет место в кристаллах кремния и германия. Расположение абсолютных максимумов валентной зоны в точке Г, а абсолютных минимумов в зоне проводимости в точках Г (Г₃) для SiS₂ и Т(Т₅) для GeS₂ позволяет заключить, что SiS₂ является псевдопрямоугольным, а GeS₂ – непрямоугольным кристаллом.

Атомы Si и Ge в рассматриваемых кристаллах, не имея возможности заполнить вакантные места во второй катионной подрешетке, вынуждены одновременно играть роль, отводимую в халькопиритах типа ABX_2 катионам А и В. Это проявляется в характере распределения парциальных вкладов атомов Si и Ge по валентной зоне: p -состояния Si и Ge гибридованы с s -состояниями анионов (O, S), тогда как вклады их s -состояний практически отсутствуют.

Группа изоструктурных кристаллов SiO₂, SiS₂, GeS₂ представляет собой изоэлектронный ряд дефектных халькопиритов, которые заслуживают детального исследования. Помимо того, что они интересны сами по себе, они являются связующим звеном между двумя известными и хорошо изученными группами кристаллов $A^{II}B^{IV}X_2^V$ и $A^IB^{III}X_2^{VI}$ семейства халькопирита.

Эта связь прослеживается, в частности, при рассмотрении энергетической зонной структуры для ряда кристаллов $\text{LiBO}_2 \rightarrow \text{SiO}_2 \rightarrow \text{LiPN}_2(\text{NaPN}_2)$ с решеткой халькопирита, которые обладают сильным тетрагональным сжатием. Являясь изоструктурными и изоэлектронными аналогами, эти соединения имеют разный химический состав, что позволяет

рассмотреть данный ряд с точки зрения выявления особенностей электронного строения, обусловленных наличием сильного, по сравнению с типичными кристаллами ABX_2 семейства халькопирита, тетрагонального сжатия естественного (физико-химического) происхождения.

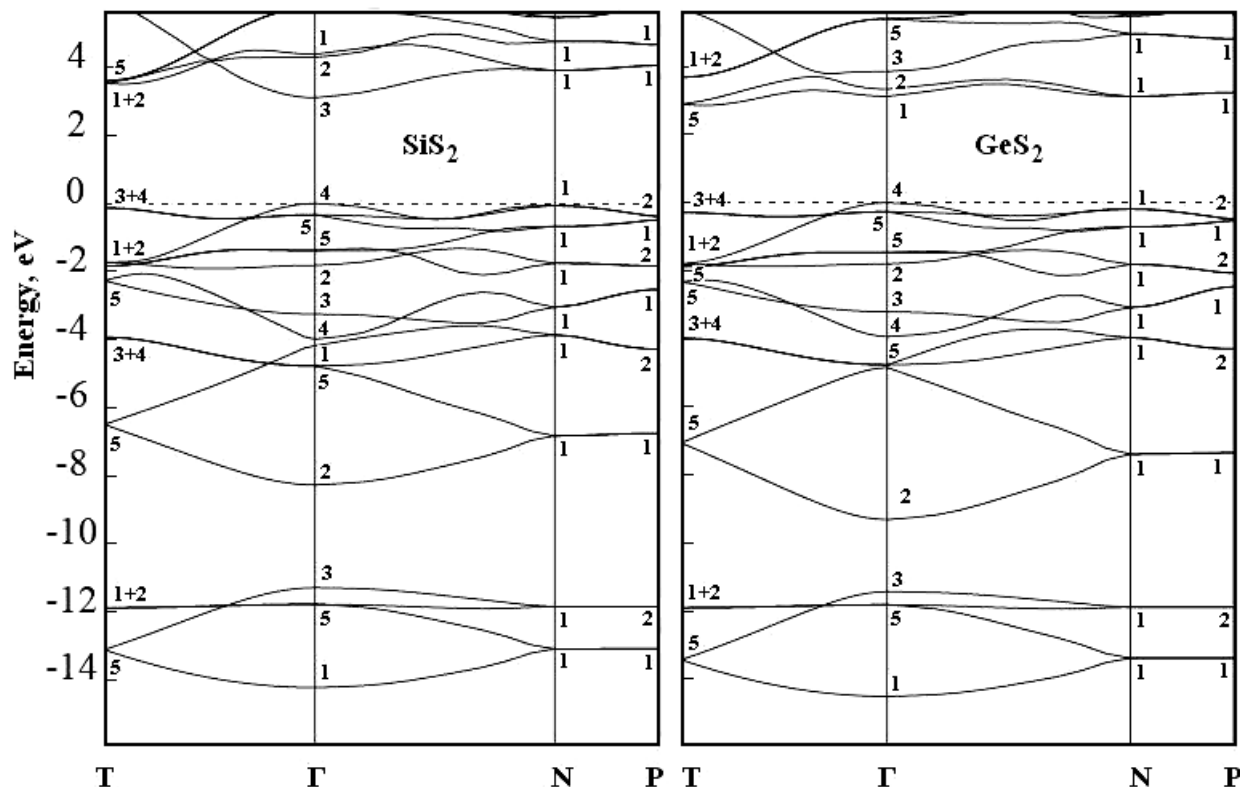

Рис. 3. Зонная структура SiS_2 и GeS_2

Литература

1. Liu, F., First-principles studies on structural properties of β -cristobalite / F. Liu, S. H. Garofalini, R. D. King-Smith, D. Vanderbilt // Phys. Rev. Lett. – 1993. – V. 70. – № 18. – P. 2750 – 2753.
2. Лаврентьев, А. А. Электронно-энергетическое строение ряда халькопиритоподобных соединений $\text{AgGaS}_2\text{—CdGa}_2\text{S}_4\text{—InPS}_4$ / А. А. Лаврентьев, Б. В. Габрелян, В. А. Дубейко, И. Я. Никифоров // Журнал структурной химии. – 2002. – Т. 43. – № 1. – С. 74 – 84.
3. Baroni, S., DalCorso A., deGironcoli S., Gianozzi P. // <http://www.pwscf.org>
4. Vanderbilt, D. Soft self-consistent pseudopotentials in a generalised eigenvalue formalism / D. Vanderbilt // Phys. Rev. B. – 1990. – V. 41. – № 11. – P. 7892 – 7895.
5. Monkhorst, H. J. Special points for Brillouin-zone integrations / H. J. Monkhorst, J. D. Pack // Phys. Rev. B. – 1976. – V. 13. – № 12. – P. 5188 – 5192.
6. Folberth, O.G. New ternary semiconducting phosphides MgGeP_2 , CuSi_2P_3 and CuGe_2P_3 / O. G. Folberth, H. Pfister // Acta Cryst. – 1961. – V. 14. – № 4. – P. 325 – 326.
7. Folberth, O. G. Die Kristallstruktur von ZnSnAs_2 / O. G. Folberth, H. Pfister // Acta Cryst. – 1960. – V. 13. – № 3. – P. 199 – 201.
8. Палатник, Л. С. О механизме упорядочения в трехкомпонентных полупроводниковых соединениях / Л. С. Палатник, В. М. Кошкин, Л. П. Гальчицкий // ФТТ. – 1962. – Т. 4. – № 9. – С. 2365 – 2371.
9. Вайполин, А. А. Некоторые аспекты химии алмазоподобных соединений типа $\text{A}^2\text{B}^4\text{C}_2^{5-}$ / А. А. Вайполин, Э. О. Османов, Д. Н. Третьяков // Неорганические материалы. – 1967. – Т. 3. – № 2. – С. 260 – 266.
10. Влияние типа химической связи на структуру тройных соединений $\text{A}^2\text{B}^4\text{C}_2^{5-}$ // Химическая связь в кристаллах. – Минск: Наука и техника, 1969. – С. 439 – 446.
11. Prewitt, C. T. Germanium and Silicon Disulfides: Structure and Synthesis / C. T. Prewitt, H. S. Young // Science. – 1965. – V. 149. – № 1. – P. 535 – 537.

УДК 544.77:546.57+546.59

**ПОЛУЧЕНИЕ УЛЬТРАДИСПЕРСНЫХ ЧАСТИЦ СЕРЕБРА И ЗОЛОТА
МЕТОДОМ ХИМИЧЕСКОГО ОСАЖДЕНИЯ***Н. С. Звиденцова, Л. Н. Подлегаева, К. А. Гончарова, Е. О. Демьянова***Введение**

Прикладной интерес к наноматериалам обусловлен возможностью значительной модификации и изменения свойств известных материалов при переходе в нанокристаллическое состояние, новыми возможностями, которые открывает нанотехнология в создании материалов и изделий из структурных элементов нанометрового размера [1].

Исследования физико-химических свойств наноразмерных частиц металлов создали основу их применения в катализе, микроэлектронике и других областях химии, физики, материаловедении и т. д.

Известным методом получения золей и порошков металлов является химическое осаждение, однако возможности регулирования дисперсности и других свойств золей металлов требуют детального изучения.

На кинетику образования и роста частиц металлов, а следовательно, и дисперсность, оказывает влияние природа и концентрация восстановителя, температура раствора, присутствие комплексообразующих реагентов или поверхностно-активных веществ [2].

В работе проведено исследование влияния условий получения серебряных и золотых золей на дисперсионные характеристики наночастиц этих металлов. Синтез металлических золей проводили методом жидкофазного химического осаждения из растворов соответствующих солей металлов. Полученные коллоидные растворы подвергались электронно-микроскопическому анализу и спектрофотометрическому исследованию.

Экспериментальные результаты и обсуждение

Наночастицы серебра. С целью изучения влияния природы восстановителя на характеристики серебряных гидрозолей проведен ряд экспериментов, где в качестве восстановителей нитрата серебра в реакции химического осаждения использовались гидрохинон и таннин. На основании анализа электронных микрофотографий частиц серебра, а также результатов спектрофотометрического исследования, пришли к выводу о том, что использование таннина позволяет получить более стабильные гидрозоли со средним размером частиц 60 нм [3].

Исследовано влияние соотношения концентраций восстановителя и восстанавливаемых ионов серебра на конечные характеристики получаемых дисперсионных систем. Методика получения гидрозолей серебра, основанная на восстановлении нитрата серебра таннином, состояла в следующем. В реакционную емкость при комнатной температуре вводился буферный раствор ($\text{pH} = 9,8$), раствор таннина, затем, при непрерывном перемешивании, со

скоростью 1,3 мл/мин вводился раствор AgNO_3 . В синтезе использовали водные растворы AgNO_3 и таннина:

- 1) в эквимолярных соотношениях;
- 2) в десятикратном избытке таннина;
- 3) в десятикратном избытке нитрата серебра.

После синтеза образцы подвергались электронно-микроскопическому исследованию. Анализ микрофотографий частиц серебра показал, что размеры частиц лежат в интервале: 70 – 150 нм для частиц, полученных из эквимолярных растворов (рис. 1); 30 – 90 нм – в избытке таннина (рис. 2).

Рис. 1. Микрофотографии частиц серебра, полученных в эквимолярных соотношениях нитрата серебра и таннина

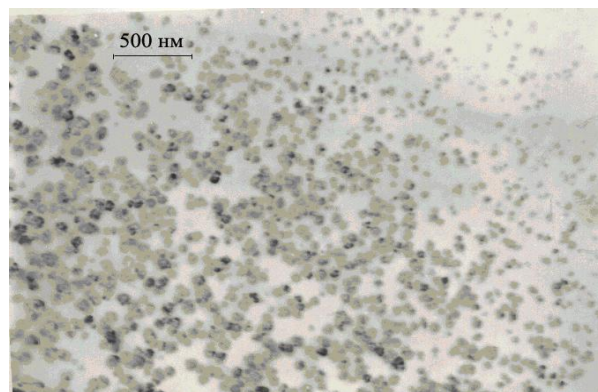

Рис. 2. Микрофотографии частиц серебра, полученных в избытке таннина

Оптические спектры золей регистрировали на спектрофотометре СФ-46 в кварцевых кюветках с длиной оптического пути 10 мм в диапазоне 350 – 600 нм. На кривых наблюдается формирование плеча, а в избытке серебра – четко выраженная полоса плазменного поглощения наночастиц серебра при $\lambda = 420$ нм (рис. 3).

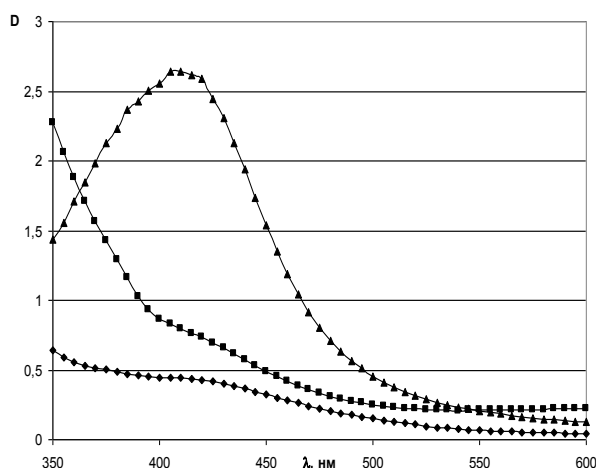

Рис. 3. Оптические спектры гидрозолей серебра, полученных: ♦ – в эквимольных соотношениях нитрата серебра и танина; ■ – в избытке танина; ▲ – в избытке серебра

С целью исследования влияния параметров синтеза, таких как температура (T) и величина pH , на характеристики серебряных наночастиц, золи получали по аналогичной методике, в интервалах: $T = 11 - 40^\circ C$ и $pH (5.1 - 9.8)$. Из графиков видно (рис. 4, 5), что наиболее эффективно процесс образования частиц проходит при комнатной температуре и $pH 9.8$.

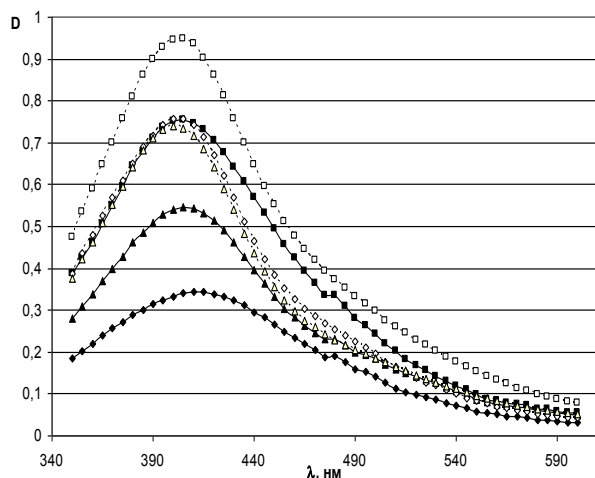

Рис. 4. Оптические спектры гидрозолей серебра, полученных восстановлением $AgNO_3$ танином: ♦ – при $11^\circ C$; ■ – при $22^\circ C$; ▲ – при $40^\circ C$ (пунктиром выделены оптические спектры тех же растворов после недельного хранения)

Рост интенсивности полос поглощения золей серебра при хранении, без смещения максимумов поглощения (рис. 4), указывает, вероятно, на повышение концентрации коллоидных частиц того же размерного диапазона в растворе, что позволяет сделать вывод об устойчивости наноразмерных частиц к агрегации.

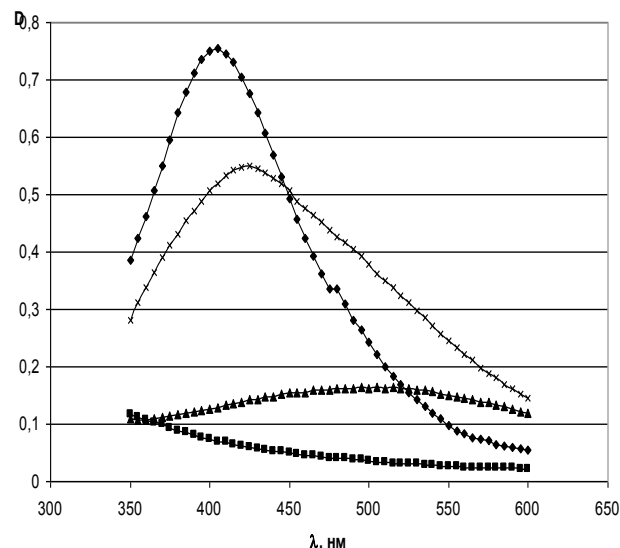

Рис. 5. Оптические спектры гидрозолей серебра, полученных восстановлением $AgNO_3$ танином: ■ – при $pH 5.1$; ▲ – при $pH 7.1$; × – при $pH 8$; ♦ – при $pH 9.8$

Наночастицы золота. Аналогично исследовались гидрозоли золота, полученные осаждением золота хлористоводородной кислоты цитратом натрия [2]. В заданный объем раствора $Na_3C_6H_5O_7$ вводился, при интенсивном перемешивании, водный раствор $HAuCl_4$. Синтезы проводились при температуре $70^\circ C$ и $90^\circ C$. Соотношение концентраций $Na_3C_6H_5O_7$ и $HAuCl_4$ составляло: 1) 1:1; 2) 3:1.

Дополнительно проводились эксперименты по синтезу золотых гидрозолей с использованием в качестве восстановителя формальдегида или танина.

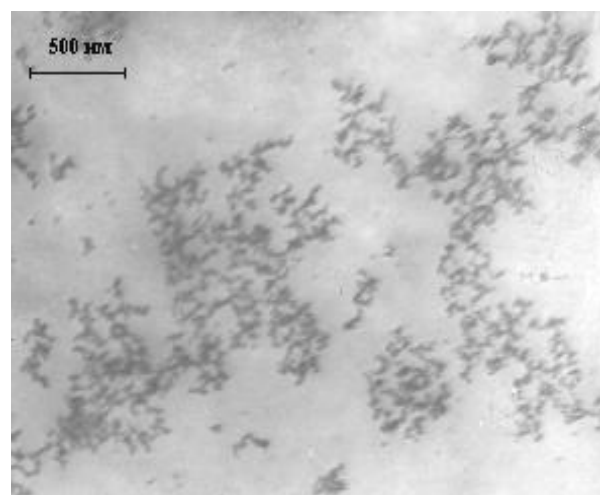

Рис. 6. Микрофотографии частиц золота, полученных химическим осаждением цитратом натрия и танином

На микрофотографиях частиц золота, полученных с использованием цитрата натрия и танина, наблюдается наличие множества однородных сферических частиц серебра среднего размера – 15 нм

(рис. 6). Частицы, полученные восстановлением HAuCl_4 формальдегидом, имеют средний размер – 30 нм, сферическую форму (рис. 7).

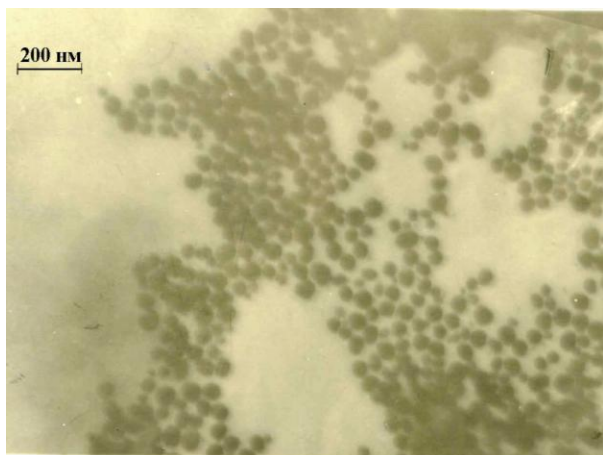

Рис. 7. Микрофотографии частиц золота, полученных химическим осаждением формальдегидом

На графиках зависимости оптической плотности коллоидных растворов золота, полученных в разных условиях, от длины волны (рис. 8) наблюдается полоса с максимумом 530 нм (кроме первой кривой), соответствующая плазмонному поглощению частиц золота размера 15 – 20 нм. Рост интенсивности поглощения при изменении соотношения концентраций восстановителя и восстанавливаемых ионов и повышении температуры синтеза, не сопровождающийся смещением полосы, указывает на увеличение эффективности процесса восстановления и повышение концентрации наночастиц золота указанного размера.

Заключение

Таким образом, в работе проведено исследование условий получения гидрозолей серебра и золота методом жидкофазного осаждения и показана возможность подбора оптимальных условий синтеза для получения наночастиц металлов, удовлетворяющих требованиям конкретной научно-практической задачи. Воспроизводимость оптических спектров коллоидных растворов серебра и зо-

лота в хранении позволяет сделать вывод о стабильности получаемых ультрадисперсных систем.

Установлению более подробных зависимостей будут посвящены дальнейшие исследования.

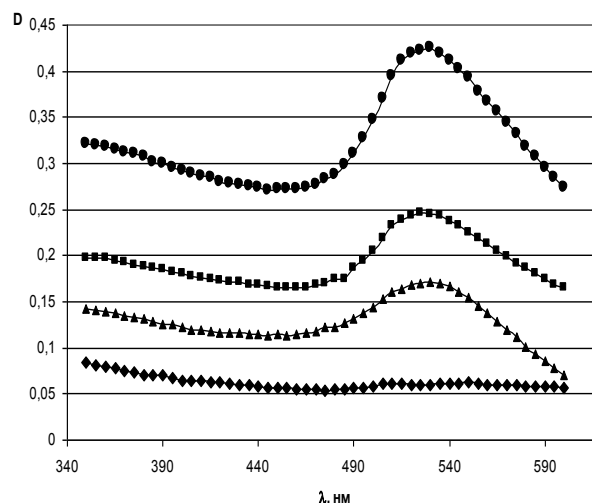

Рис. 8. Оптические спектры гидрозолей золота, полученных: ◆ - при трехкратном избытке цитрат-ионов, $T=70^\circ\text{C}$; ■ – из эквивалентных растворов, $T=70^\circ\text{C}$; ▲ – при трехкратном избытке цитрат-ионов, $T=90^\circ\text{C}$; ● – из эквивалентных растворов, $T=90^\circ\text{C}$

Литература

1. Гусев, А. И. Нанокристаллические материалы: методы получения и свойства [Текст] / А. И. Гусев. – Екатеринбург: УрО РАН, 1998. – 199 с.
2. Свиридов, В. В. Химическое осаждение металлов из водных растворов [Текст] / В. В. Свиридов, Т. Н. Воробьева, Т. В. Гаевская, Л. И. Степанова. – Минск: Университетское, 1987. – 270 с.
3. Кузьмина, Л. Н. Получение наночастиц серебра методом химического восстановления [Текст] / Л. Н. Кузьмина, Н. С. Звиденцова, Л. В. Колесников // материалы Международной конференции «Физико-химические процессы в неорганических материалах» (ФХП-10). – Кемерово: Кузбассвуиздат. – 2007. – Т. 2. – С. 321 – 324.

УДК 548.1:548.71

АЛГОРИТМ ВЫДЕЛЕНИЯ ПОДРЕШЕТОК В КРИСТАЛЛАХ ПРОИЗВОЛЬНОЙ СИНГОНИИ

А. В. Силинин, Р. И. Филиппов

Работа поддержана Фондом содействия развитию малых форм предприятий в научно-технической сфере по программе «У.М.Н.И.К.» (государственный контракт №5442р/7961).

Как известно, кристалл можно представить в виде совокупности решеток Браве одного типа. Такие решетки в научной литературе носят название

подрешеток кристалла. Очевидно, что если рассматривать данное определение, то количество подрешеток будет равно количеству трансляционно-неэквивалентных атомов в примитивной ячейке. Понятие «подрешетки» можно расширить: подрешеткой кристалла можно считать любую совокупность атомов одного сорта, которые будут образо-

вывать произвольную решетку Браве. Кристалл в таком случае может состоять из подрешеток разного типа симметрии и центровки. Иногда оказывается, что в кристалле можно выделить подрешетку с симметрией более высокой, чем у основной решетки Браве кристаллической структуры. Наличие таких подрешеток может проявляться в некоторых физических свойствах кристаллов [1-3].

При обработке большого количества кристаллографических данных возникает проблема автоматизации процесса декомпозиции кристаллов на подрешетки. В настоящее время авторами ведется разработка программного комплекса «SubFinder» для выделения высокосимметричных подрешеток в сложных кристаллических соединениях и их визуализации в прямом и обратном кристаллических пространствах. Приведем основные моменты и особенности разработанного алгоритма для выделения подрешеток.

За основу возьмем примитивную ячейку (ячейку с минимально возможным количеством атомов). Не будем вдаваться в подробности получения и минимизации ячейки. Здесь под минимизацией ячейки понимается получение примитивной ячейки из произвольной. В алгоритме выделения подрешеток есть несколько моментов:

1. Первым делом производится элементарное действие по разделению атомов на подмножества, в каждом из которых содержатся только атомы одинакового сорта (одного и того же химического элемента). Пример для двумерного пространства приведен на рис. 1.

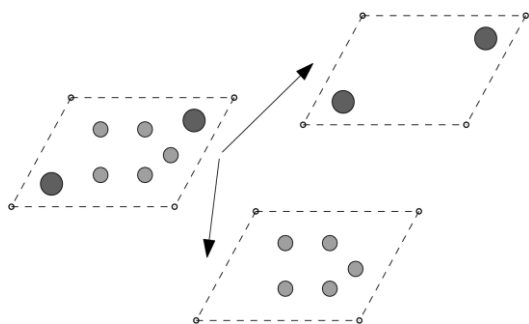

Рис. 1. Разделение атомов элементарной ячейки на подмножества атомов разных сортов

2. Далее производится работа с каждой из групп сортов по очереди. Смысл алгоритма состоит в переборе разных подмножеств атомов в выбранном сорте. Каждое из подмножеств образует новый базис в элементарной ячейке, всегда меньший по количеству атомов, чем исходный.

Элементарная ячейка транслируется на те же основные векторы трансляции, что и у кристалла. Новый уменьшенный базис в элементарной ячейке может транслироваться так, что все атомы будут попадать в узлы некоторой решетки Браве. Это и проверяется для каждого из подмножеств в выбран-

ном сорте. Но перед тем, как перейти к этой части алгоритма, более подробно остановимся на переборе различных подмножеств атомов. Если перебирать все возможные, то для N атомов получим 2^N возможных комбинаций. Можно для ускорения работы программы существенно сократить это количество, если учесть тот факт, что в предполагаемом образующем подрешетку базисе атомы уже должны находиться в узлах этой же решетки. Другими словами, в части подрешетки, которая «вырезается» исходной элементарной ячейкой кристалла, атомы не могут располагаться произвольно.

Достаточно четырех атомов, чтобы задать трансляции в предполагаемой подрешетке. Поэтому реально нужно перебрать только возможные подмножества, состоящие из четырех атомов. Для N атомов получим верхнюю оценку для количества возможных комбинаций вида N^4 .

Соответственно поступают следующим образом: выбирают 4 различных атома так, чтобы три вектора, которые начинаются на первом из них и оканчиваются на трех оставшихся, были некомпланарными. Далее для каждого атома из того сорта, с которым работает алгоритм, проверяется, попадает ли он на какой-либо из узлов решетки, образованной вышеуказанной тройкой векторов. Если нет, то он не берется в подмножество, которое будет проверяться на 3 шаге алгоритма. В качестве примера на рис. 2 приведен пример перебора подмножеств атомов для сорта в плоской решетке. Перечеркнутый атом не берется в результирующий базис.

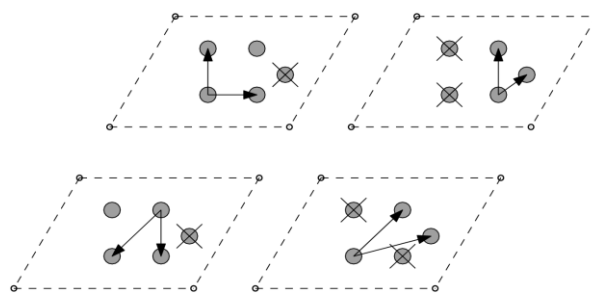

Рис. 2. Перебор подмножеств атомов для сорта в плоской решетке

Рассмотрим, что нужно сделать для проверки принадлежности атома некоторому узлу решетки Браве. Заметим, что координаты в произвольном репере $\vec{a}_1, \vec{a}_2, \vec{a}_3$ связаны с декартовыми следующим соотношением: $\vec{r} = n_1 \vec{a}_1 + n_2 \vec{a}_2 + n_3 \vec{a}_3$. Или, если записать в матричной форме:

$$\begin{pmatrix} x \\ y \\ z \end{pmatrix} = \begin{pmatrix} a_{1x} & a_{2x} & a_{3x} \\ a_{1y} & a_{2y} & a_{3y} \\ a_{1z} & a_{2z} & a_{3z} \end{pmatrix} \begin{pmatrix} n_1 \\ n_2 \\ n_3 \end{pmatrix},$$

где (n_1, n_2, n_3) – вектор в косоугольной системе координат. Как видно, для получения компонент век-

тора $\vec{n}$ необходимо найти обратную матрицу A^{-1} : $\vec{n} = A^{-1}\vec{r}$. Принадлежность узлу определяется по целочисленности координат вектора $\vec{n}$.

3. После выбора нового базиса в элементарной ячейке его нужно проверить на способность образовывать подрешетку. Воспользуемся тем свойством, что в решетке Браве все атомы являются трансляционно-эквивалентными. То есть окружение одного атома полностью идентично окружению другого. Осталось это проверить для каждой пары атомов. Делается это следующим образом: к элементарной ячейке с новым базисом достраиваются такие же элементарные ячейки, которые граничат с исходной хотя бы в одной точке. В трехмерном пространстве нужно будет достроить 26 ячеек. Далее выбирается пара атомов, которую необходимо проверить и строится вектор, который начинается на одном из них и заканчивается на другом. После этого все атомы из центральной элементарной ячейки, вокруг которой были достроены дополнительные, транслируются на полученный вектор. Если каждый из них совместится с каким-либо из атомов во всех 27 ячейках, то исходная пара атомов считается трансляционно-эквивалентной.

На рис. 3 изображены два трансляционно-неэквивалентных атома A и B в двумерном пространстве R_2 . Для трансляционной неэквивалентности достаточно одного атома, который не найдет себе пару при трансляции. Если все возможные пары атомов в центральной элементарной ячейке окажутся трансляционно-эквивалентными, то они будут образовывать решетку Браве.

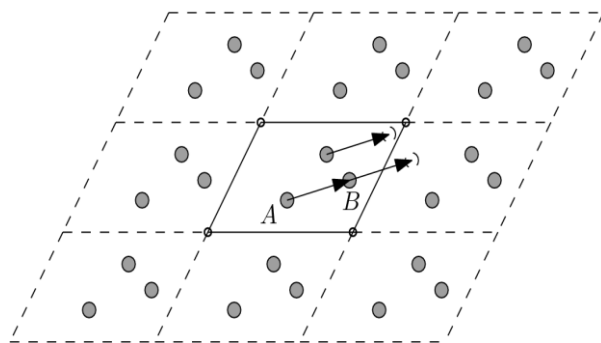

Рис. 3. Пример трансляционно-неэквивалентной пары атомов A и B

Оценим количество действий, которые будут произведены для выделения подрешеток при наличии N атомов одинакового сорта в элементарной ячейке. Всего в алгоритме будет проверено N^4 базисов. Проверка каждого базиса будет осуществлена за $\frac{1}{2}N(N-1) \cdot 27N$ элементарных операций сравнений координат атомов.

Действительно: всевозможных пар среди N атомов будет $\frac{1}{2}N(N-1)$, а проверка на то, что атом совместился с каким-либо из атомов в 27 элементарных ячейках при линейном поиске займет $27N$ операций. Итого получаем, что полный алгоритм выполнит $O(N) = \frac{27}{2}N^2(N-1)N^4$ операций

сравнения. Это грубая оценка, т.к. на самом деле при переборе будут выкинуты некоторые атомы, что существенно сократит количество сравнений при поиске. Получим, что $O(N) \sim N^7$, что растет при росте N гораздо медленнее, чем полный перебор, в котором присутствует член 2^N .

Таким образом, разработанный алгоритм позволяет эффективно выделять подрешетки Браве в кристаллах произвольной сложности.

Литература

1. Поплавной, А. С. Подрешетки в кристаллах. Кристаллография / А. С. Поплавной, А. В. Силинин. – 2005. – Т. 50. – № 5. – С. 782 – 787.
2. Поплавной, А. С. Кристаллы с подрешетками кубической сингонии и особенности их спектров элементарных возбуждений / А. С. Поплавной, А. В. Силинин // Известия вузов. Физика. – 2006. – Т. 49. – № 5. – С. 21 – 27.
3. Поплавной, А. С. Подрешетки в кристаллах низкосимметричных сингоний / А. С. Поплавной, А. В. Силинин // Известия вузов. Физика. – 2007. – Т. 50. – № 4. – С. 55 – 62.

ФИЗКУЛЬТУРА И СПОРТ

УДК 37.037

БИОМЕХАНИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ СТАРТОВОГО ПРЫЖКА В ПЛАВАНИИ ВОЛЬНЫМ СТИЛЕМ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ ЭФФЕКТА КАВИТАЦИИ

Р. С. Жуков, Д. М. Дмитриев, А. Н. Волков

Плавание – один из наиболее массовых и популярных видов спорта, он включает шесть дисциплин – плавание вольным стилем, брассом, на спине, баттерфляем, комплексное плавание, эстафеты. Плавание является вторым после легкой атлетики видом спорта по количеству разыгрываемых медалей на Олимпийских играх.

Подготовка пловцов высокого класса, способных устанавливать мировые рекорды, добиваться побед в крупнейших соревнованиях, ведется во многих странах мира. Только в течение последнего десятилетия чемпионами Игр Олимпиад и мира становились пловцы из США, Австралии, России, Германии, Китая, Украины, Венгрии, Ирландии, ЮАР, Финляндии, Канады, Испании, Японии, Новой Зеландии, Бельгии, Коста-Рики, Польши, Швеции, Нидерландов, Франции [3,10].

Наиболее существенное дополнение к программе соревнований по плаванию последних лет – «сверхкороткий» спринт («суперспринт»). Он существенно повысил зрелищность состязаний пловцов, расширил круг болельщиков, в том числе и телевизионных. Дистанция 50 метров собирает наиболее атлетичных спортсменов. Для нее характерна острейшая, подчас драматичная борьба. Малейшая оплошность на старте или на финише исключает возможность успеха: пловцов на финише разделяют, как правило, тысячные доли секунды. Какова же их цена? Вспомним финальный заплыв на Играх Олимпиады 1996 года в Атланте. На трибуне – Президент США Билл Клинтон, он лично собирается вручить миллион долларов американскому спортсмену, если тот победит на этой самой престижной сверхкороткой дистанции. Золотую же медаль выигрывает российский пловец Александр Попов [2].

Уже одного этого факта достаточно, чтобы убедиться, сколь высока конкуренция и сколь эффективной должна быть методика подготовки пловцов-спринтеров, которая позволила бы им включиться в борьбу за мировые рекорды, победы в Играх Олимпиад, чемпионатах мира и Европы. С каждым годом эффективность подготовки пловцов все в большей мере определяется уровнем знаний тренеров, владением ими тонкостями технического, тактического, функционального и психологического совершенствования спортсменов.

Старт пловца является предметом пристального внимания отечественных и зарубежных специали-

стов на протяжении многих лет, и это не случайно. В настоящее время на международной арене значительно возросла конкуренция, иногда победителя от преследователей разделяют сотые доли секунды. Тогда как хорошо выполненный старт может принести пловцу уже в начале дистанции выигрыш до 0,5 с, что в условиях острой конкуренции может сыграть решающую роль в достижении победы [1, 10].

Как показывает анализ научно-методической литературы, стартовая подготовка остается одной из актуальных проблем современного спортивного плавания.

Во-первых, в тренировочном процессе пловца зачастую используется недостаточно эффективных средств, способствующих совершенствованию стартового прыжка.

Во-вторых, большие объемы и интенсивность тренировочного процесса (на всех этапах и периодах подготовки) не оставляют места для акцентированной стартовой подготовки пловцов.

В-третьих, отсутствие должного внимания стартовым движениям приводит к тому, что на тренировочных занятиях спортсмены проплывают даже соревновательную дистанцию не со старта, а оттолкнувшись от бортика бассейна.

Сегодня по технике старта спортсмены и тренеры не имеют экспериментально обоснованных модельных характеристик всех фаз и элементов техники старта. Нет данных о пространственных, временных, силовых и других параметрах старта пловцов различной спортивной квалификации. Все это приводит к тому, что уже в начальном периоде обучения процесс овладения техникой старта проходит без конкретных рекомендаций и указаний со стороны тренера. Разработка экспериментально обоснованной системы модельных характеристик, предназначенных для обучения и совершенствования техники старта, является крайне необходимой задачей.

В структуре стартового прыжка имеют место элементы, фазы, движения, которые требуют расширения арсенала различных прыжковых упражнений, уточнений и экспериментального обоснования новых, так называемых нетрадиционных, средств и методов спортивной тренировки, определяющих двигательный эффект всего комплекса стартового прыжка. Однако именно такого подхода при обучении старту в практике зачастую не наблюдается [3, 9, 10]. Таким образом, предпринятая попытка исследо-

вания возможности снижения потерь скорости в подводной части старта и внедрение результатов в тренировочный процесс представляется весьма актуальной.

В связи с этим цель нашего исследования – теоретическое и экспериментальное обоснование эффективности использования эффекта кавитации при выполнении старта пловцов-спринтеров на современном этапе развития спортивного плавания.

Задачи исследования:

1) изучить научно-методическую литературу по исследованию эффекта кавитации при старте пловцов-спринтеров;

2) экспериментально оценить эффективность применения «горизонтального» старта. Определить глубину выполнения подводной части старта, при которой эффект кавитации максимальный.

Для решения поставленных задач использовались следующие методы исследования: анализ и обобщение данных научно-методической литературы, педагогический эксперимент, педагогические контрольные испытания (тестирования), педагогические наблюдения, хронометрия, подводная видеосъемка, методы математической статистики.

Анализ специальной литературы по гидродинамике показывает, что движущееся в водной среде тело испытывает сопротивление трения, формы и волновое сопротивление. Известны следующие методы снижения сопротивления трения: замена при данном числе Рейнольдса (Re) турбулентного течения в пограничном слое ламинарным (ламинаризация потока), для которого характерно меньшее сопротивление трения, изменение физических свойств жидкости и поверхности обтекаемого тела; уменьшение смоченных поверхностей [6]. Физический смысл числа Re заключается в том, что числитель представляет собой интенсивность движения всего объема жидкости, а знаменатель – темп теплового движения. При равенстве скоростей наблюдается ламинарное движение жидкости, а при превышении местных скоростей над переносной жидкость двигается турбулентным режимом [5].

Обратный эффект к турбулентности называется кавитацией. При кавитации в толще жидкости появляются пустоты. Это поток, который ещё «ламинарнее» ламинарного потока. Существует три режима движения жидкости: турбулентный, ламинарный и режим кавитации. Качественное различие между режимами заключается в отношении скорости движения молекул жидкости к скорости движения всего объема жидкости. При равенстве этих скоростей – ламинарный режим движения жидкости. При скорости движения молекул большей скорости движения объема жидкости – турбулентный режим. При скорости молекул меньшей, чем скорость движения всего объема, жидкости происходит разрыв молекулярных связей, образуются внутриводные полости-разрывы, это и есть т. н. кавитационный режим движения жидкости [7].

Уменьшение смоченной поверхности обтекаемого тела может достигаться благодаря формированию на его поверхности воздушной каверны (полости), или кавитационных пузырьков. Кавитационные пузырьки образуются в тех местах, где давление в жидкости становится ниже некоторого критического значения, и плотность ее потока нарушается. Гидродинамическая кавитация возникает в местах понижения давления вследствие больших местных скоростей в потоке движущейся жидк. В об- [8] и расположении каверны удастся почти полностью устранить сопротивление трения. Этот принцип был положен в основу при разработке современных высокоскоростных торпед типа ракеты «Шквал», основа технологии которой основывается на использовании так называемой суперкавитации, когда движущийся предмет окружается облаком пузырьков, которые минимизируют площадь соприкосновения с водой и снижают трение [6].

В чистых жидкостях связь между молекулами является настолько прочной, что для ее разрыва, согласно теоретическим данным, необходимо было бы прикладывать растягивающие напряжения порядка нескольких тысяч килограммов на квадратный сантиметр. В реальных условиях для разрыва сплошности жидкости не нужно создавать больших растягивающих напряжений. В большинстве практически важных случаев разрыв часто возникает даже при положительных значениях давления в жидкости, близких к значениям ее насыщенных паров.

Основная причина большого снижения прочности – наличие в жидкости нерастворенных газов. Газовые включения при рассмотрении кавитационных процессов называют ядрами кавитации. Ядра в потоке кавитационных и гидродинамических труб могут быть значительно больших размеров вследствие роста мелких пузырьков за счет диффузии газа из окружающей жидкости. Хотя диффузия происходит медленно, пузырьки могут достигать значительных размеров, так как многократно проходят по замкнутому циклу через зону пониженного давления рабочих участков экспериментальных установок. За счет диффузии могут вырасти до больших размеров также пузырьки, продолжительное время находящиеся в зоне пониженного давления вблизи корпуса судна.

Для объяснения существования устойчивых ядер в виде свободных пузырьков газа, находящихся в жидкости, вводят гипотезы. Известно, что достаточно крупные пузырьки должны всплывать, а мелкие, участвующие в броуновском движении, вследствие больших сил поверхностного натяжения – растворяться. Чтобы выйти из этого затруднения, допускают существование оболочек из органических веществ, ослабляющих поверхностное натяжение на границе пузырька и препятствующих диффузии газа из пузырька в окружающую жидкость.

Наиболее аргументированной представляется гипотеза, высказанная Е. Н. Гарвеем и др., согласно которой включения нерастворенного газа концентрируются вблизи гидрофобных (не смачиваемых)

поверхностей микротрещин твердых тел, а также микроскопического размера частиц, находящихся в жидкости во взвешенном состоянии. На рис. 1 схематически показано сечение микропоры и поверхности раздела между газом и жидкостью. Вследствие того, что граница раздела выпуклостью обращена в сторону газовой полости, силы поверхностного натяжения направлены внутрь жидкости. Это приводит к снижению давления газа внутри полости по сравнению с давлением в жидкости и препятствует диффузии газа из полости внутрь жидкости, способствуя стабилизации ядра кавитации [4].

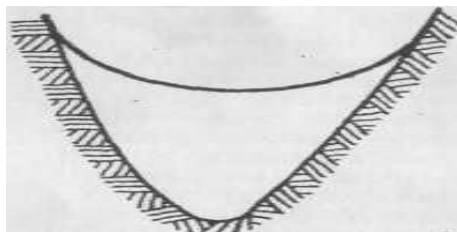

Рис. 1. Сечение микропоры

При быстром и большом по величине понижении давления устойчивое равновесие пузырька может нарушиться, и тогда он будет расширяться очень быстро, взрывоподобно, достигая максимальной величины. Так как диффузия происходит медленно, лишь небольшое количество газа из окружающей жидкости попадает внутрь пузырька, поэтому каверна, достигшая максимального размера, заполнена в основном паром жидкости.

Характер развития кавитации существенным образом зависит не только от наличия ядер кавитации, но и от картины распределения давлений и скоростей в потоке, обтекающем тело. Первые вспышки кавитации, под которыми подразумевается рост ядер до видимых невооруженным глазом размеров, наблюдаются, как правило, в тех областях потока, где давление минимально. Эти области находятся на поверхности тела или внутри потока в ядрах вихрей. Последние появляются при отрыве пограничного слоя от острых кромок и в местах больших положительных градиентов давления на теле. Одним из наиболее характерных примеров таких вихрей являются вихри так называемой дорожки Кармана, которые отчетливо наблюдаются при обтекании цилиндра в направлении, перпендикулярном его оси. Вихри формируются за миделем цилиндра и относятся вниз по потоку [4].

Ряд исследований по применению искусственной каверны на днище транспортных судов также показали, что применение данного технического решения обеспечивает снижение сопротивления воды движению корпуса не менее чем на 18 % [6].

Проведенный анализ выполнения подводной части старта сильнейшими спортсменами, в том числе и на Чемпионате мира 2007 г. в Мельбурне, показал, что в момент входа рук в воду за кистью образуется большое количество пузырьков воздуха, которые обволакивают остальные части тела. Таким образом, эффект кавитации позволяет пловцу про-

скальзывать на воздушной подушке, снижая тем самым потери скорости в подводной части старта [6].

Влияние кавитационного эффекта оценивалось по скорости продвижения пловца в подводной части стартового прыжка и визуальной оценки отснятых кадров, включая и объем кавитационных пузырей.

Глубина погружения оценивалась по закрепленным меткам ко дну бассейна в виде воздушных шариков небольшого диаметра. Шарик устанавливался на глубине 40, 60 и 80 см от поверхности воды.

Исследования проводились на базе плавательного бассейна ГУСК «Лазурный» г. Кемерово. В эксперименте участвовало 7 пловцов-спринтеров со спортивной квалификацией кандидат в мастера спорта. Все спортсмены-пловцы выполняли четыре попытки в каждом из двух вариантов стартового прыжка. Первый вариант – старт с куполообразной подводной траекторией (глубина погружения 80 – 100 см). Второй вариант – старт с горизонтальной подводной траекторией (глубина погружения 40 – 60 см). Учитывалась и анализировалась лучшая попытка. Фиксировалось время от момента погружения головы пловца в воду до пересечения ногами пловца линии, находящейся на расстоянии 7,5 м от борта бассейна (время скольжения). Схематичное изображение траекторий различных вариантов старта показано на рис. 2, 3. Результаты тестирований представлены в табл. 1.

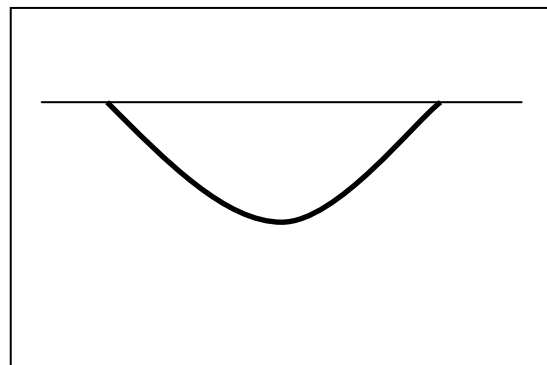

Рис. 2. Траектория старта пловца с куполообразной подводной траекторией скольжения

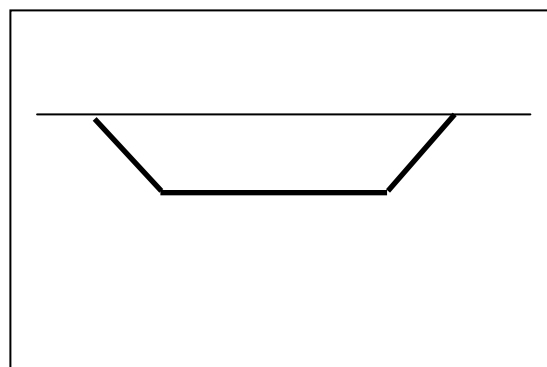

Рис. 3. Траектория старта пловца с плоской подводной траекторией скольжения

Анализируя результаты оценки времени прохождения подводной части старта пловца с различными траекториями движения, мы зафиксировали достоверные отличия между средними арифметическими значениями ($p < 0,001$). Таким образом, можно утверждать, что сокращение времени выполнения подводной части старта обусловлено кавитационным эффектом (вариант II) (табл. 1, рис. 4).

Результаты тестирований показывают, что старт с горизонтальной траекторией в подводной части позволяет пловцу выполнить подводную часть старта на более высокой скорости, чем при куполообразной траектории.

Проведение подводной видеосъемки соответствовало всем биомеханическим требованиям для получения информации о технике выполнения стартовых прыжков. Анализ подводной части старта показал, что, если старт выполняется глубоким, с куполообразной подводной траекторией, то кавитационный эффект используется минимально, образующиеся пузырьки воздуха поднимаются к поверхности и в меньшей степени обволакивают переднюю поверхность тела спортсмена. При выполнении старта с переводом подводной траектории в горизонтальную, кавитационный эффект используется в большей степени, пловец проскальзывает на

воздушной подушке, что позволяет пловцу выполнить подводную часть старта на более высокой скорости (рис. 5 – 8).

Таблица 1

**Сравнительный анализ времени (с)
проплывания в подводной части старта
с использованием куполообразной подводной
траектории (вариант I)
и горизонтальной траектории (вариант II)**

№ пловца	Вариант I	Вариант II	Δd	Δd^2
1	2,86	2,60	0,26	0,068
2	2,83	2,58	0,23	0,053
3	2,80	2,54	0,26	0,068
4	2,87	2,63	0,25	0,063
5	2,85	2,60	0,22	0,048
6	2,84	2,60	0,24	0,058
7	2,89	2,64	0,25	0,063
X	2,85	2,60	0,24	0,06
δ	0,03	0,03	0,02	0,01
po	<0,001			

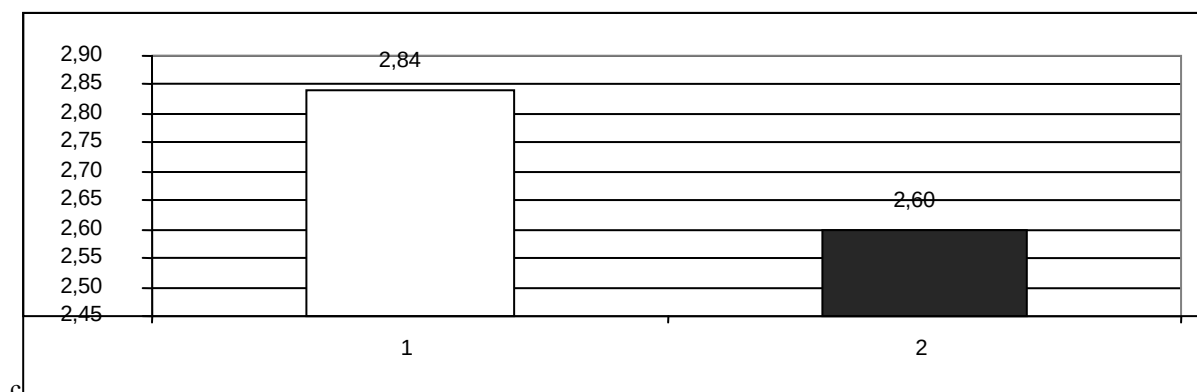

Рис. 4. Время выполнения подводной части старта при варианте №1 (куполообразный старт) и варианте №2 (горизонтальный старт)

Как показал анализ научно-методической литературы, технические элементы при различных способах стартовых прыжков представлены в работах известных авторов с должным биомеханическим обоснованием. Но на сегодняшний день остается нерешенной проблема анализа новых эффективных элементов техники выполнения старта пловцов-спринтеров. Например, старта, основанного на использовании эффекта «мелкой воды». Использование подводной видеосъемки позволило определить временные и пространственные характеристики подводной части старта.

Таким образом, сравнение техники старта с переводом подводной траектории в куполообразную и горизонтальную показало, что кавитационный эффект используется более полно при «горизонтальном» старте. Экспериментально определены глубины выполнения старта, при котором кавитационный эффект максимален, данная глубина – 40 – 60 см. Экспериментально доказана эффективность «гори-

зонтального» старта. Обозначенные положения хорошо согласуются с рекомендациями заслуженного тренера России Г. Г. Турецкого по повышению эффективности выполнения старта, основанном на использовании эффекта «мелкой воды».

Среди упражнений, способствующих освоению наиболее эффективной траектории подводной части старта, можно рекомендовать пловцам выполнение старта с борта бассейна из исходного положения «с колена» (одна нога согнута в колене под углом 90° , пальцы ноги на переднем крае борта, другая в упоре на колено). Глубина погружения должна поддерживаться на уровне 40-60 см, при этом необходимо обращать внимание на удачно выполненные старты и запоминание ощущений при подводном скольжении. При обучении старту бывает довольно сложно оценить глубину погружения и спортсмену, и тренеру. Для этих целей использовать воздушные шарики, закрепленные леской к грузу на дне бассейна. При отработке старта и в случае касания те-

лом шариков, спортсменов, посредством обратной связи, корректирует глубину погружения.

Рис. 5. Вход в воду (старт с горизонтальной подводной траекторией), глубина 40-60 см (эффект кавитации максимальный)

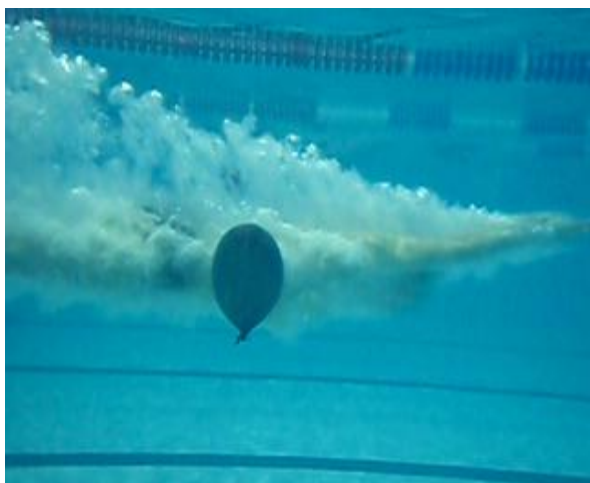

Рис. 6. Скользяние (старт с горизонтальной подводной траекторией), глубина 40-60 см (эффект кавитации максимальный)

Рис. 7. Вход в воду (старт с куполообразной подводной траекторией), глубина 80-100 см

Рис. 8. Скользяние (старт с куполообразной подводной траекторией), глубина 80-100 см

Литература

1. Булгакова, Н. Ж. Биомеханический анализ стартового прыжка в плавании / Н. Ж. Булгакова, В. М. Зациорский, Н. Н. Чаплинский, А. А. Дианов // Теория и практика физической культуры. – 1979. – № 4. – С. 12 – 16.
2. Викулов, А. Д. Спортивное плавание сегодня / А. Д. Викулов // Ярославский педагогический вестник. – 2001.
3. Викулов, А. Д. Плавание: учебное пособие для студентов высшего учебного заведения / А. Д. Викулов. – М.: Владос-пресс, 2004. – 367 с.
4. Иванов, А. Н. Гидродинамика развитых кавитационных течений / А. Н. Иванов. – Л.: Судостроение, 1980. – 324 с.
5. Кондратьев, А. Н. Три режима движения жидкости – ламинарный, турбулентный и кавитация / А. Н. Кондратьев: II-я Международная научная конференция студентов «Актуальные проблемы современной науки». – 2001.
6. Петряев, А. В. Использование эффекта кавитации при выполнении старта в плавании / А. В. Петряев // Плавание: исследование, тренировка, гидро-реабилитация. – СПб.: Плавин, – 2007. – С. 32 – 35.
7. Проблемы турбулентности: сб. статей. – М.; Л.: ОНТИ, 1976. – 332 с.
8. Рождественский, В. В. Кавитация / В. В. Рождественский. – Л.: Судостроение, 1977. – 248 с.
9. Хальянд, Р. Д. Модели выполнения стартов и поворотов / Р. Д. Хальянд // Теория и практика физической культуры. – 1988. – № 4. – С. 12 – 16.
10. Юхно, Ю. А. Биомеханический анализ техники выполнения стартовых движений высококвалифицированными спортсменами в плавании. Национальный университет физ. воспитания и спорта Украины / Ю. А. Юхно // Эл. ресурс. – Режим доступа: <http://sportedu.ru/books/XXPI/2006n5/p6065.htm>.

УДК 612.17:796.071.2

**ПРОГНОЗИРОВАНИЕ ОЦЕНКИ СОСТОЯНИЯ ОРГАНИЗМА СПОРТСМЕНА
ПРИ АДАПТАЦИИ К МЫШЕЧНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В УСЛОВИЯХ СРЕДНЕГОРЬЯ***А. В. Сапего, Н. А. Лаврентьев*

Современные высшие достижения невозможны без максимального напряжения физических и духовных сил человека. Спортсменам нередко приходится работать в особых условиях внешней среды, в том числе измененного барометрического давления. В период адаптации спортсмена к климатогеографическим условиям и тренировочным нагрузкам в условиях среднегорья повышается риск получения травм, заболеваний, возникновения состояния перетренированности вплоть до срыва адаптации. В связи с этим особенно актуально встает вопрос оценки и прогнозирования функционального состояния спортсменов в условиях тренировочных сборов. С этой точки зрения весьма перспективно использование закономерностей временной организации функций организма человека (биологических ритмов). Ритмы признаны фундаментальной особенностью самого феномена жизни. Согласно современной концепции, в организме существует набор автоколебательных подсистем – «биологических ритмов», объединенных в единую систему по иерархическому принципу. В настоящее время в организме человека определено более 300 различных биологических ритмов [5].

Сущность взаимосвязи проблемы адаптации и биоритмов состоит в следующем: одним из главных механизмов приспособления организма к факторам внешней среды и компенсации нарушенных функций является соответствующее изменение ритма и интенсивности физиологических процессов. Высокая лабильность процесса жизнедеятельности является универсальным механизмом, с помощью которого организм сохраняет равновесие между распадом и синтезом вещества и поддерживает гомеостаз в меняющихся условиях среды [1, 5, 6].

Одним из наиболее важных свойств организма в приспособительных внутриклеточных реакциях является лабильность ритма физиологической регенерации, способность клетки менять интенсивность их расходования и новообразования в зависимости от частоты и силы действия различных факторов внешней среды. Интенсивная функциональная активность сопровождается усиленным расходом структур. Определено, что по мере усиления физической нагрузки в миокарде соответственно увеличивается число включенных клеточных элементов в общую работу органа [2, 4]. Электронно-микроскопические и гистохимические исследования показали, что в каждый данный момент в активном состоянии находится лишь часть ультраструктур клеток, а часть находится «в резерве» и включается только при высокой нагрузке, а затем эта часть снова становится «резервом». Если нагрузка длительная и чрезмерная, то «резерв» уже не восстанавливается [3, 4]. Проблема тренировки миокарда (поддержание высокого ритма физиоло-

гических процессов в миокардиальных клетках и повышение их выносливости) является центральным звеном в системе профилактических мероприятий, а также в системе тренировки спортсмена [1, 4, 5, 6].

Целью данной работы явилось изучение особенностей адаптации бегунов на средние дистанции в условиях среднегорья и прогнозирования функционального состояния организма спортсмена с учетом типа суточной работоспособности.

Были поставлены следующие **задачи**:

1) изучить особенности адаптации сердечно-сосудистой системы у спортсменов с разным типом суточной работоспособности к физической нагрузке в условиях среднегорья;

2) определить возможность оценки и прогнозирования функционального состояния спортсменов с разным типом суточной работоспособности на основе показателей эффективности функционирования сердечно-сосудистой системы в динамике.

Организация и проведение исследования

Обследование проводилось в условиях тренировочного сбора с 8.01.2006 г. по 20.02.2006 г., а также с 10.02.2007 г. по 23.03.2007 г. в г. Кисловодске на высоте 1000-1500 м над уровнем моря. Длительность пребывания – 60 дней. Исследуемая группа состояла из спортсменов мужского пола 20-23-летнего возраста, квалификации кандидата в мастера спорта и мастер спорта. Объем тренировочных нагрузок составил в период каждого тренировочного сбора около 1500-1800 км.

В соответствии с поставленными задачами оценка функционирования сердечно-сосудистой системы осуществлялась на основе результатов, полученных при проведении функциональной ортостатической пробы по методу *Летунова*. Измерение осуществлялось с помощью электронного полуавтоматического тонометра UA-704 с фиксированием частоты сердечных сокращений (ЧСС) и уровня артериального давления (АД). На основе этих данных производился расчет показателей эффективности функционирования ССС: коэффициент выносливости (КВ), показатель эффективности кровообращения (ПЭК), показатель качества реакции (ПКР) и пульсовое давление (ПД) (*Рубанович, 1998*).

Показатель качества реакции рассчитывается по следующей формуле: $ПКР = \frac{ПД_2 - ПД_1}{P_2 - P_1}$,

где $ПД_1$ – пульсовое давление до нагрузки, $ПД_2$ – пульсовое давление после нагрузки, P_1 – пульс до нагрузки (уд./мин.), P_2 – пульс после нагрузки (уд./мин.). Величина ПКР в пределах от 0,5 до 1,0 свидетельствует о хорошем качестве реакции, хорошем функциональном состоянии системы кровообращения.

Коэффициент выносливости (КВ) определяется по формуле Кваса: $КВ = (ЧСС \cdot 10) / ПД$.

В норме КВ равен 16. Его увеличение указывает на ослабление деятельности сердечно-сосудистой системы, на ухудшение качества реакции.

Показатель эффективности кровообращения представляет собой соотношение систолического артериального давления и ЧСС при выполнении физической нагрузки: $ПЭК = (САД / ЧСС) \cdot 100$,

где САД – систолическое артериальное давление сразу после нагрузки, ЧСС – частота сердечных сокращений сразу после нагрузки (уд./мин.). Величина ПЭК, равная 90 – 125, указывает на хорошее качество реакции. Уменьшение или увеличение ПЭК свидетельствует об ухудшении качества адаптации к нагрузке. Замеры функциональных проб осуществлялись ежедневно утром и вечером.

Определение типа суточной работоспособности осуществлялось с помощью теста *Остберга*, по результатам которого спортсмены делились на «жаворонков» (утренний тип суточной работоспособности), «аритмиков» (аритмический тип) и «сов» (вечерний тип).

Результаты и их обсуждение

При внешне благоприятно протекающей адаптации к физической нагрузке у спортсменов с разным типом суточной работоспособности в условиях среднегорья наблюдалось донозологическое напряжение в деятельности ССС по показателям эффективности функционирования (рис. 1 – 3). Так, у спортсменов утреннего типа выявлено уменьшение показателя качества реакции (ПКР), составившего 0,4 баллов, который выходит за пределы физиологической нормы (0,5–1,0 баллов) и свидетельствует о возможном напряжении функционального состояния системы кровообращения (рис. 1).

У спортсменов аритмического типа наблюдалось увеличение значения показателя коэффициента выносливости (КВ), составившего 27,9 баллов, что также превышает пределы физиологической нормы (до 17 баллов) и указывает на ослабление деятельности ССС и на ухудшение качества реакции ССС (рис. 2).

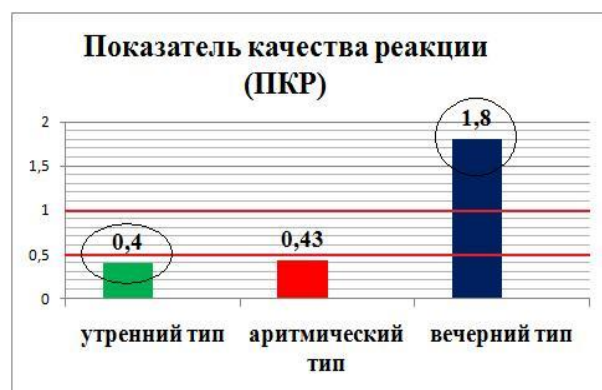

Рис. 1. Показатель качества реакции ССС у спортсменов с разным типом суточной работоспособности

Рис. 2. Коэффициент выносливости ССС у спортсменов с разным типом суточной работоспособности

У спортсменов с вечерним типом суточной работоспособности наблюдалось увеличение показателя качества реакции (ПКР) – 1,8 баллов и показателя эффективности кровообращения (ПЭК), значение которого (148 баллов) выше физиологической нормы (90 – 125) и указывает на ухудшение качества адаптации к физической нагрузке (рис. 3).

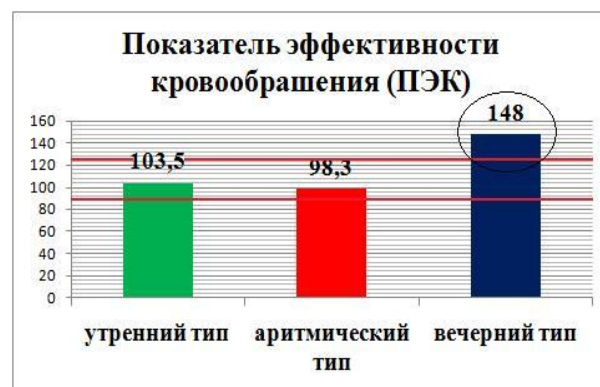

Рис. 3. Показатель эффективности кровообращения ССС у спортсменов с разным типом суточной работоспособности

Динамика изменений показателей ССС у спортсменов к условиям умеренной гипоксии показала, что наиболее значимыми для оценки состояния спортсменов утреннего типа по среднегрупповым значениям можно выделить показатели ПКР и КВ, которые свидетельствуют о напряжении сердечно-сосудистой системы в первые 7 дней пребывания в условиях среднегорья и в период высокой физической нагрузки с 17-го по 21-й день (рис. 4 – 5).

Рис. 4. Показатель качества реакции ССС у спортсменов с разным типом суточной работоспособности

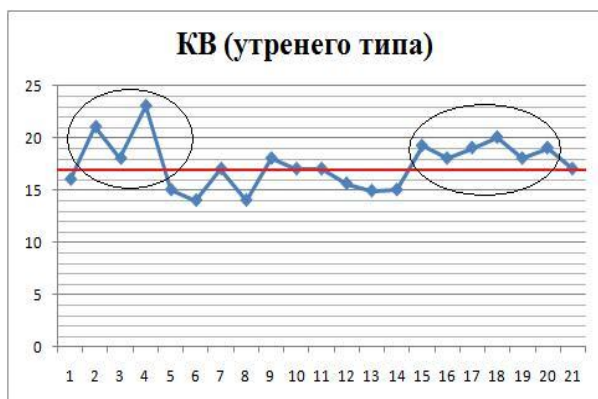

Рис. 5. Коэффициент выносливости реакции ССС у спортсменов с разным типом суточной работоспособности

Для спортсменов аритмического типа информативным является коэффициент выносливости ССС, показывающий напряжение в период срочной адаптации (в первую неделю) и в период нагрузок (в течение третьей недели) (рис. 6).

Рис. 6. Коэффициент выносливости ССС у спортсменов с аритмическим типом суточной работоспособности

У спортсменов вечернего типа наиболее удачно отражает текущее состояние сердечно-сосудистой системы показатель эффективности кровообращения (ПЭК) (рис. 7).

В силу того, что в последующие дни пребывания в условиях тренировочного сбора (более 23 дней) спортсмены с разным типом суточной ра-

ботоспособности характеризовались стабилизацией вышеуказанных показателей ССС в пределах физиологической нормы, можно предположить, что объем физических нагрузок был адекватен индивидуальным особенностям и уровню физической работоспособности данных спортсменов, что позволяет рассматривать характер протекания адаптации как благоприятный.

Рис. 7. Показатель эффективности кровообращения ССС у спортсменов вечернего типа суточной работоспособности

В связи с тем, что процесс адаптации к физической нагрузке в условиях среднегорья многогранный и определяется влиянием большого числа факторов, напряжение разных показателей функционирования ССС у спортсменов с разным типом суточной работоспособности, видимо, обусловлено различной «стратегией адаптации» каждого из них, что согласуется с литературными данными [5].

В то же время, анализ значений вышеуказанных параметров, полученных при обследовании спортсменов в привычных климатогеографических условиях г. Кемерово, выявил, что показатели эффективности функционирования системы кровообращения свидетельствовали об оптимальной деятельности сердечно-сосудистой системы, так как значения всех показателей находились в пределах физиологической нормы и не отражали реакцию организма на высокую физическую нагрузку.

Вероятно, что спортсмены, находящиеся в условиях среднегорья, были подвержены высокой функциональной нагрузке вследствие адаптации к новым условиям и интенсивным физическим нагрузкам, что привело к подключению функциональных «резервов» организма и нашло отражение в показателях эффективности функционирования ССС [5]. Для спортсменов, находящихся в привычных условиях внешней среды, вероятно, высокая физическая нагрузка не являлась достаточно функционально значимой для привлечения «резервных» возможностей организма [5].

Обобщая вышесказанное, можно сделать заключение, что расчет показателей в оценке функционального состояния ССС имеет высокую информативность только для спортсменов, тренирующихся в экстремальных условиях внешней среды и высоких тренировочных нагрузках.

В результате полученных данных, можно заключить, что нахождение какого-либо из вышеуказанных показателей, отражающих функционирование ССС, в зоне физиологического напряжения без изменений улучшения данного параметра в динамике является сигналом неадекватной реакции организма на мышечную нагрузку в условиях среднего-горья. В связи с чем возникает необходимость снижения объема тренировочных нагрузок и применения комплекса мероприятий, направленных на повышение эффективности восстановительного периода.

Таким образом, учет показателей эффективности деятельности сердечно-сосудистой системы может использоваться в целях совершенствования тренировочного процесса тренером и спортсменом не только для выявления текущего функционального состояния, но и с точки зрения оценки и прогноза возможных нежелательных (неблагоприятных) адаптационных изменений организма спортсменов, тренирующихся в условиях среднегорья. Вместе с тем следует отметить, что, несмотря на выявленные различия, полученные данные требуют дальнейшего изучения.

Литература

1. Агаджанян, Н. А. Экология человека: избранные лекции / Н. А. Агаджанян, Ю. П. Гричев, В. И. Торшев. – Новосибирск, 1997. – 366 с.
2. Бюнинг, Э. Ритмы физиологических процессов / Э. Бюнинг. – М.: Иностранная литература, 1961.
3. Грозин, Е. А. Изменение работоспособности спортсменов при смене временного режима подготовки / Е. А. Грозин, В. А. Нелюбин и др. // матер. науч.-метод. конф. на тему: «Функциональное состояние человека в условиях переезда в другие поясные зоны». – Иркутск, 1971.
4. Дибнер, Р. Д. и др. Многодневные биоритмы и функциональное состояние юных спортсменов на различных этапах подготовки / Р. Д. Дибнер и др. – В сб.: Актуальные вопросы медико-биологической оценки функциональной подготовленности спортсменов. – Л., 1981.
5. Шапошникова, В. И. Хронобиология и спорт / В. И. Шапошникова, В. А. Таймазов. – М.: Советский спорт, 2005. – 180 с.
6. Шапошникова, В. И. Индивидуализация и прогноз в спорте / В. И. Шапошникова. – М.: Физкультура и спорт, 1984. – 157 с.

ФИЛОЛОГИЯ

УДК 81'39.371

ГЕНДЕРНЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ ЗООМЕТАФОР (в газетно-публицистическом дискурсе)

Р. Ф. Андреева, А. М. Агеева

Изучению зоометафор в разных языках посвящено достаточно много статей, однако еще не проводилось исследование гендерной метафоры, основанной на образах животного в газетно-публицистическом дискурсе. Представляется, что такое исследование может быть интересным, так как язык газеты отличается актуальностью и обращается к наиболее экспрессивным средствам языка, а метафоры, в основе которых лежат образы животных, относятся к ярким коннотативно окрашенным языковым единицам.

Материалом исследования послужили статьи из французских газет *Le Monde* *Le Figaro*, авторы которых используют зоометафоры для описания человека, его поведения и его моральных и социальных характеристик.

Наблюдения над языковым материалом позволяют сделать вывод о том, что метафорические именованья обладают семантическим содержанием, относящим их к различным сферам. Подавляющее большинство контекстов, в которых встречаются зоометафоры, описывают профессиональную принадлежность или профессиональную деятельность мужчин.

В следующем ниже примере автор статьи прибегает к языковой метафоре, основанной на образе

гориллы, как животного, наделенного большой силой и обладающего непривлекательной внешностью, он использует эту зоометафору для обозначения профессии телохранителя.

Loin du cliché du gorille ou de l'impavide garde du corps, les officiers de sécurité du Groupe de protection de la police nationale (GPPN) sont discrets. " Ne pas attirer les regards, taire nos méthodes et l'identité de ceux dont nous assurons la sécurité sont nos règles d'or ", annonce... (Le Figaro. 29.03.2008).

[В отличие от устоявшегося образа бесстрашного телохранителя, офицеры охраны Отдела по обеспечению безопасности национальной полиции ведут себя незаметно. «Не привлекать к себе внимания, скрывать наши методы и имена тех, кого мы охраняем, – вот наши золотые правила», – утверждает ...].

Обращают на себя внимание контексты, где зоометафоры подчеркивают наличие у мужчин опыта. Ставшее универсальной метафорой выражение «морской волк» характеризует опытного моряка, усиливая свое значение за счет введения в контекст прилагательного *vieux*, чья семантическая структура также указывает на опытность.

Ces deux présumés trafiquants présentés comme de vieux loups de mer étaient soupçonnés dans leur pays

depuis dix ans pour divers trafics (Le Figaro. 26.02.2008).

[Эти двое подозреваемых, которых нам представили как старых и опытных моряков, обвинялись у себя на родине в течение десяти лет в различного рода незаконных перевозках].

Среди преобладающих сфер деятельности мужчин можно отметить политику и военную деятельность.

Depuis qu'il a repris en main le ministère de la Défense, Barak, l'ancienne colombe du Parti travailliste, s'est métamorphosé en véritable faucon (Le Figaro. 29.09.2007).

[Как только Барак возглавил Министерство обороны, он превратился из сторонника мирного решения конфликтов, бывшего члена Рабочей партии, в ярого приверженца силовой политики].

Данный контекст противопоставляет две зоометафоры: «colombe» – мирный, уравновешенный человек, и «faucon» – человек, предпочитающий силовые методы. Первая представляет Барака как сторонника мирной политики, вторая указывает на изменение его позиции на противоположную с учетом семантики лексической единицы «faucon» – хищная птица, сокол. Таким образом, автор подчеркивает агрессивность героя, его склонность к силовым методам в политике.

Одна и та же зоометафора интерпретируется по-разному, в зависимости от контекста. В нижеследующем отрывке при помощи зооморфизма «colombe» обозначаются солдаты миротворческих сил, и мы наблюдаем семантическое развитие этой лексической единицы, являющейся общеизвестным символом мира – colombe de la paix Пикассо.

A peine la synthèse des rapports des agences américaines de renseignements sur " les intentions et les capacités " nucléaires de l'Iran a-t-elle été connue que ce fut en Europe, et dans les rangs des colombes américaines, un soupir de soulagement (Le Figaro. – 17.12.2007).

[Как только были обнародованы результаты докладов американских разведслужб о ядерных «намерениях и возможностях» Ирана, в Европе и в рядах американских миротворцев послышался вздох облегчения].

140 légionnaires, marsouins et parachutistes assurent depuis la fin de la semaine dernière la sécurisation de l'aéroport de N'Djamena... (Le Figaro. 08.02.2008).

[С конца прошлой недели безопасность в аэропорту Нджамена обеспечивают 140 легионеров, морских пехотинцев и парашютистов].

Прямое значение зоометафоры «marsouin» – морская свинка, лежащее в основе языкового метафорического переноса, позволяет автору статьи использовать эту лексическую единицу для обозначения морских пехотинцев.

Наше внимание привлекли следующие примеры, в которых авторы используют зоометафоры для номинации мужчин, занимающихся противоправной деятельностью.

Les clients trouvés par leur « placeur », le maquereau local, sont particulièrement friands de jeunes vierges qu'ils payent 500 dollars (Le Monde. 30.03.2007).

[Клиенты, поиском которых занимается «агент по продажам», местный сутенер, особенно падки на молоденьких девиц. Они платят за них по 500 долларов].

Le caïd n'était pas tendre avec ses «fourmis», allant parfois jusqu'à les corriger, voire à les racketter (Le Figaro. 25.09.2007).

[Главарь не церемонился с мелкими распространителями наркотиков: иногда он их наказывал, доходило даже до рэкета].

В данных примерах языковые метафоры «maquereau» (скумбрия) и «fourmi» (муравей) сохраняют свои словарные переносные значения – сутенер и мелкий торговец наркотиками.

Деятельность мужчин представлена в прессе большим количеством зоометафор, чем деятельность женщин. Во французском обществе для мужчины представляется важным высокий социальный статус, лидирующее положение в определенной области.

Нами был найден лишь один контекст, в котором описывается занятие женщин. Зоометафоры «cocotte» (курица) и «grisette» (ночная бабочка) служат во французском языке для номинации женщин, занимающихся проституцией. Можно предположить, что в языке отразилось то время, когда женщина не заняла свое место в профессиональной жизни общества.

Mais, indéniablement, la réputation internationale de Paris, la Ville Lumière, celle des plaisirs et des petites femmes, des cocottes, des catins, des gueuses ou autres grisettes, atteint son paroxysme à l'heure du Second Empire ... (Le Figaro. 21.02.2008).

[Но, бесспорно, международная слава Парижа, как города удовольствий и женщин легкого поведения, кокоток, шлюх, развратниц и прочих ночных бабочек, достигает высшей точки в эпоху Второй империи ...].

Подобная асимметрия при характеристике мужчин и женщин по профессиональному признаку указывает на то, что в современной французской прессе связан прежде всего с более заметной ролью в определенных сферах деятельности (политике, бизнесе), с его самореализацией, с высоким социальным статусом. Несмотря на процесс феминизации современного общества, мы видим, что в газетно-публицистических текстах профессиональная деятельность женщин практически не представлена. Найденный нами пример направлен на дискредитацию образа женщины и несет отрицательную коннотацию, что в очередной раз подтверждает актуальность устоявшихся стереотипов: мужчина – добытчик, женщина – хозяйка.

При описании внешности представителей сильного пола авторы газетных статей довольно часто обращаются к зоометафорам. Так, путем сравнения взгляда мужчины с орлиным создается портрет волевого, сильного человека, обладающего проница-

тельностью. Языковая метафора «aigle» – сильный, гордый получает семантическое развитие, дополняется семой «проницательность».

Un éclat bref qui illumine son regard d'aigle avant que le visage ne reprenne cet air de réserve polie qui doit être le sien chaque fois qu'un journaliste passe sa porte (Le Figaro. 24.02.2007).

[Каждый раз, когда журналист проходит в дверь, мимолетная вспышка освещает его орлиный взгляд, прежде чем его лицо примет вид сдержанной вежливости].

Контекст, включающий зоометафору «matou» для описания внешности Дьюи, направлен на его дискредитацию: автор указывает не только на его внешнюю непривлекательность, но и на аморальный образ жизни героя. Таким образом, данный зооморфизм используется для номинации мужчины, неприятного внешне и по характеру.

En achetant pour plus d'un million de dollars la biographie de Dewey, un vieux matou rouquin décédé l'année dernière, par sa maîtresse, la prestigieuse maison d'édition est persuadée d'avoir réussi le coup du siècle (Le Monde. 12.04.2007).

[Купив в прошлом году больше чем за миллион долларов биографию Дьюи, – старого, рыжего неприятного типа, убитого своей любовницей, престижный издательский дом был убежден, что ему повезло как никогда].

Среди основных недостатков внешности женщин в современных газетно-публицистических текстах выделяются их слишком высокий рост и излишняя худоба.

Il invente des concepts d'émissions, joue parfois le méchant, notamment avec sa partenaire qu'il surnomme la grande sauterelle (Le Figaro. 14.09.2007).

[Он придумывает концепции новых передач, иногда бывает злым, особенно со своей партнершей, которую он прозвал дылдай].

При анализе отобранного материала, нами было обнаружено одинаковое количество зоометафор, описывающих внешность мужчин и женщин. Это говорит о том, что в современном обществе внешность представителей сильного пола играет достаточно важную роль: она является неотъемлемой частью успеха. Политики, бизнесмены, деятели культуры уделяют большое внимание тому, как они выглядят. Неотъемлемым спутником почти каждого современного политика является имиджмейкер.

Подавляющее большинство зоометафор, описывающих свойства характера и стиль поведения мужчин и женщин обладают отрицательной коннотацией.

У представителей сильного пола выделяются такие недостатки, как грубость, неотесанность, глупость, излишняя доверчивость и т. д.

De cause à effet, Fernando Alonso rumine son agacement. Ses manières de butor n'ont jamais plu aux médias (Le Figaro. 30.06.2007).

[Так или иначе, Фернандо Алонсо накапливает раздражение. Его манеры грубияна никогда не нравились представителям масс-медия].

Автор подчеркивает несоответствующие принятым правилам манеры поведения Фернандо Алонсо при помощи зоометафоры «butor» (выпь), которая употребляется во французском языке для обозначения грубых, не умеющих вести себя в обществе мужчин.

Сравнение Томаса с медведем обращает наше внимание на такие его черты, как грубость, неотесанность и стремление к одиночеству.

Prenez Thomas, un ours mal léché qui vit retiré dans une ferme, et Julia, une séduisante femme d'affaires mariée à un homme plus âgé qu'elle – son ancien professeur... (Le Figaro. 09.01.2007).

[Возьмите Томаса, неотесанного грубияна, живущего в уединении на ферме, и Джулию, соблазнительную деловую женщину, вышедшую замуж за мужчину старше нее – бывшего преподавателя...].

Излишняя простота и доверчивость, граничащая с глупостью, выраженная лексической единицей pigeon, являются для мужчин непростительным недостатком.

Qu'il soit flic, écrivain raté ou rédacteur de prières pour un gourou à Rolex, c'est le pigeon rêvé pour les entourloupes en tout genre (Le Monde. 05.07.2007).

[Будь он сыщиком, писателем-неудачником или автором молитв для гуру, носящего Ролекс, он – идеальный глупец для всякого рода подвохов].

Нами были найдены две зоометафоры, которые используются для характеристики старой, неприятной, ворчливой и неуживчивой женщины «vieille bique» и «vieille chouette». В первом случае зоометафора отрицательно оценивает отношение королевы к исламскому миру, во втором она описывает пожилую и слишком любопытную соседку сверху.

Un quotidien radical a même qualifié la reine de "vieille bique" qui "grimace à la face du monde islamique" (Le Figaro. 19.06.2007).

[Какой-то радикал даже назвал королеву старой каргой, которая строит гримасы исламистскому миру].

La plupart des cartons sont ouverts, sans doute parce que la vieille chouette, là-haut, n'a pas pris la peine des refermer après avoir examiné leur contenu (Le Figaro. 17.08.2007).

[Большинство папок открыты, без сомнения, это старая хрычовка сверху не удосужилась их закрыть после того, как изучила их содержимое].

Глупость одинаково высмеивается как у представителей сильного пола, так и у женщин, а такое свойство характера, как хитрость, согласно нашим наблюдениям, приписывается мужчинам.

Comme c'est un vieux renard, il devine ce que cachent les non-dits et les secrets défense de l'armée (Le Figaro. 03.09.2007).

[Будучи хитрым малым, он угадывает, что скрывается за недомолвками и секретами армейской обороны].

В данном случае хитрость следует трактовать как проницательность, опытность, благодаря включению в контекст прилагательного «vieux», имеющего значение старый, опытный.

Нам встретился только один контекст, где мужчина номинируется по отношению к противоположному полу: «chaud lapin» (кролик) – темпераментный мужчина, бабник, и, как следует из контекста, автор не осуждает своего героя: семантика наречия *joyeusement* (весело, забавно) указывает на его скорее ироничное отношение к предмету речи.

Mike Nichols s'amuse à unir par sa mise en scène ses aspects antagonistes: ce chaud lapin joyeusement immoral est aussi un politicien sérieux et un homme de convictions (Le Figaro. – 11.01.2008).

[Майк Никольс забавляется тем, что объединяет в своей постановке его антагонистические образы: этот веселый любитель женщин является одновременно серьезным политиком и человеком убеждения].

Нами не обнаружено ни одной зоометафоры, номинирующей мужчину по отношению к его семейному положению. Данный факт свидетельствует о том, что в современной французской прессе отношение мужчины к семье не является приоритетной темой. Роль мужа и отца не находит своего отражения в газетно-публицистических текстах.

Среди женских свойств характера во французском языке выделены:

- страсть: лексические единицы «*chatte*», «*tigresse*» обозначают женщину, необузданную в любви.

Reine, la femme aimée, se love au cœur du récit: «*chatte*, *tigresse*, *endormeuse*, *absente* », elle boit pour oublier. Quoi? (Le Figaro. 17.04.2008).

[Королева, влюбленная женщина, ее история закручивается спиралью к середине рассказа: страстная, ненасытная, сеющая иллюзии, пьянящая, она пьет, чтобы забыть. О чем?].

- жестокость и меркантильность, что не противоречит закрепленному за зоометафорой «*mante religieuse*» в словарях значению жестокосердной женщины, стремящейся нажиться за счет мужчины.

La mante si peu religieuse, elle, est vorace. La voilà qui s'étourdit d'une autre proie appétissante au nom sonore, Godin de Sainte-Croix, officier de cavalerie flamboyant que lui avait présenté son mari avant de fuir... (Le Figaro. – 17.07.2007).

[Ненасытная паучиха, она развлекается с новой аппетитной добычей со звучным именем Годен де Сент-Круа, пылающим любовью кавалерийским офицером, которого ей представил ее муж, прежде чем исчезнуть...].

- и забота о детях.

Le seul à redonner le sourire à Rosine, qui retrouve avec lui ses réflexes de mère poule (Le Figaro. 11.04.2007).

[Он был единственным, кто мог бы снова заставить Розин улыбаться, с ним она вновь открыла в себе инстинкты мамы-клуши].

Таким образом, женщина предстает в двух ипостасях: с одной стороны, она заботливая мать, с другой – страстная и порой коварная спутница мужчины.

Подводя итоги проведенного исследования, можно заключить, что в газетно-журнальном дискурсе женщина предстает прежде всего как мать, жена и хранительница очага, причем измена ее спутнику представляется недопустимой, и зоометафоры, называющие блудниц, отличаются ярким пейоративным оттенком. Мужчина предстает перед нами как добытчик. И зоометафор, описывающих его профессиональную деятельность значительно больше, чем языковых единиц, характеризующих с этой точки зрения представительниц слабого пола. Ветреность мужчины не осуждается настолько явно, а в некоторых случаях, наоборот, является его достоинством. Французская пресса прибегает к метафорическим обозначениям и в том случае, когда описывает внешние и внутренние качества героев статей, однако женщины чаще характеризуются с точки зрения их моральных качеств. Таким образом, можно предположить, что стереотипы, сложившиеся в современном обществе, подтверждаются примерами употребления французских зоометафор.

Литература

Le Nouveau Petit Robert. Dictionnaire alphabétique et analogique de la langue française / sous la redaction de J. Rey-Debove et A. Rey. – Montreal : Dictionnaire Inc. – 1993.

УДК 811.111'1

КОНЦЕПТ «ПРОСТРАНСТВО» В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ДИСКУРСЕ РОМАНА М. БЮТОРА «ИЗМЕНЕНИЕ»

Р. Ф. Андреева, Е. О. Омеличкина

В настоящей работе рассматривается реализация концепта «пространство» в художественном дискурсе романа французского писателя 20 века Мишеля Бютора (Michel Butor «La Modification». Перевод С. Тархановой и Ю. Яхниной). Выборка даёт целый ряд отрезков текста, где отмечены лексические единицы, репрезентирующие концепт «пространство» (*le train*, *le compartiment*, *Paris*, *Rome* и т. д.), характеризующие

и оценивающие его в пределах семантического поля данного произведения.

Взаимосвязь окружающего мира и человека осуществляется посредством концептов. Пространство художественного произведения реализуется через художественные концепты. По мнению С. А. Аскольдова, художественный концепт существует в определенной «идеосфере», обусловленной кругом ассоциаций каждого отдельного чело-

века, и возникает как намек на возможные значения, как отклик на предшествующий языковой опыт человека в целом – поэтический, прозаический, научный, социальный, исторический [1]. Концепты возникают в сознании человека не только на основе словарных значений слов, но и на основе личного и народного культурно-исторического опыта, и чем богаче этот опыт, тем шире границы концепта, тем шире возможности для возникновения эмоциональной ауры слова, в которой находят свое отражение все стороны концепта [3, с. 144].

Одним из наиболее ярких и многомерных понятийных полей является концепт «пространство». Человек воспринимает пространство избирательно и дифференцированно, отражая в мышлении и в языке те его ипостаси и измерения, которые доступны его органам восприятия и его разуму. Поскольку все существование и развитие неживой природы и человеческого общества протекает в пространстве, оно получает в сознании людей статус первофеномена, глобальной, онтологической категории. Понятие «художественное пространство» восходит в своем происхождении к живописи, скульптуре, театру и другим видам искусства, в которых художественное повествование разворачивается в физическом пространстве. В дальнейшем содержание данного понятия расширилось, и оно стало охватывать и те виды искусства, которые не разворачиваются непосредственно в таком пространстве (литература, музыка и др.). Художественное пространство субъективно, образно и содержательно. В тексте оно несёт на себе значительную смысловую нагрузку, обогащая основную идею художественного произведения. Таким образом, восприятие пространства является собой образное отражение пространственных характеристик окружающего мира, восприятие величины и формы предметов, их взаимного расположения (Г. Гельмгольц, И. М. Сеченов).

Однако в художественном дискурсе в качестве отправной точки при восприятии пространства выступает человек, и в данном исследовании категория «пространство» рассматривается именно под этим углом зрения. Пространство в художественном произведении моделирует разные связи картины мира: временные, социальные, этические и т. п.

Оно представляет собой модель мира данного автора, выраженную на языке его пространственных представлений. Само собой разумеется, что «язык пространственных отношений» есть некая абстрактная модель, которая включает в себя в качестве подсистем как пространственные языки разных жанров и видов искусства, так и модели пространства разной степени абстрактности, создаваемые сознанием различных эпох [Лотман, 1988]. В едином пространстве восприятия человека на основании принятой картины мира обычно выделяется:

– окружающая среда (то, что находится за границей физического тела и непосредственно его окружает);

– внутренняя среда или индивидуальное пространство (то, что находится внутри телесной границы) [2].

В связи с этим очевидно, что у человека складываются определённые отношения с пространством. Влияние среды на человека проявляется в модели его поведения, состоянии здоровья, психики. Внешняя среда зачастую обуславливает жизненные ситуации. Влияние человека на окружающую среду определяется абстрактно-конкретной ориентацией в системе ценностей.

Взяв за отправную точку работу В. Н. Топорова «Пространство и текст» [6] и основываясь на наблюдениях над текстовым материалом, можно заключить, что концепт «пространство» не существует изолированно. Он вступает в отношения с другими концептами:

пространство (статичное – динамичное) – время (статичное – динамичное);

пространство (заполненное – незаполненное; внутреннее – внешнее) – местоположение человека и вещи;

пространство (статичное - динамичное) – путь, движение;

пространство (статичное – динамичное) – путь, изменение.

В первую очередь, внимание привлекают контексты, в которых связываются представления автора о пространстве и времени. При этом пространство и время выступают как категории статичные и динамичные одновременно:

Il était comme le talisman, la clé, le gage de votre issue, d'une arrivée dans une Rome lumineuse, de cette cure de jouvence dont le caractère clandestine accentue l'aspect magique, de ce trajet qui va... depuis ce cadavre inquisiteur que vous n'avez si longtemps hésité à quitter que parce qu'il y a les enfants dont chaque jour une vague de plus vous sépare, de telle sorte qu'ils sont là comme des statues de cire d'eux-même (p.39).

Он казался тебе своего рода талисманом, ключом, залогом твоей свободы, счастливого приезда в ослепительный Рим, обновления, чьё волшебство усугубляется тайной, залогом бегства... от этой покойницы со взглядом инквизитора, от этого трупа, с которым ты так долго не решался расстаться только из-за детей, хотя каждый день, словно отхлынувшая волна, уносил тебя всё дальше от них, так что теперь в твоих глазах они подобны восковым слепкам с самих себя (с. 51).

В данном фрагменте противопоставляются два пространства: Парижа, где протекает повседневная жизнь героя, и Рима – куда он стремится бежать, своего рода мечта, символ освобождения, избавле-

ния от обыденности (votre issue, ce trajet). Поэтому автор наделяет Рим эпитетом lumineuse, тем самым подчёркивая, что только в этом городе герой может обрести потерянную молодость и силы, начать всё

сначала (*cette cure de jouvence*). Ожидаемое счастье связано с молодой Сесиль, которая является олицетворением привлекательности, красоты Рима, в то время как унылое настоящее связано с Парижем и с женой Анриеттой. Автор использует для её описания метафору, существительное «*ce cadavre inquisiteur*», демонстрируя тем самым, что чувства героя к ней умерли. Также противопоставляются два временных плана: прошлое ассоциируется с Анриеттой и Парижем, будущее – с Сесиль и Римом, настоящее проходит в купе поезда, где герой размышляет о прожитых годах и будущем счастье. С течением времени герой всё дальше отдаляется от своей семьи, о чём свидетельствует развёрнутая метафора «*chaque jour une vague de plus vous sépare, de*

telle sorte qu'ils sont là comme des statues de cire d'eux-même». В отрывке присутствуют некоторые временные маркеры: *depuis, si longtemps, chaque jour*. Таким образом, перемещение героя во времени связано с отчуждением, внутренними изменениями, проходящими в его сознании. Оставшаяся в Париже семья воспринимается им как нечто статичное и неизменное (*ils sont là comme des statues de cire d'eux-même*), а образ дороги связан с грядущими переменами.

Пространство и время взаимодействуют и в контексте, описывающем приближение героя к конечному пункту его путешествия:

... mais il se trouve que, dans sa venue en ce lieu de votre vie quotidienne, elle perd ses pouvoirs d'intermédiaire, elle n'apparaît plus que comme une femme parmi les autres, une nouvelle Henriette avec laquelle, dans cette espèce de substitute du mariage que vous aviez l'intention d'instaurer, des difficultés de la même sorte apparaîtraient, mais pires à cause de l'absence perpétuellement rappelée de cette cité qu'elle devait rapprocher (p. 278 – 279).	...но оказалось, что, приехав туда, где протекает твоя будничная жизнь, Сесиль утрачивает свою власть посредницы и становится женщиной, как все, ещё одной Анриеттой, и в совместной жизни с ней – ты представлял себе эту жизнь как некий суррогат супружества – возникли бы те же трудности, только ещё более мучительные, так как ты постоянно вспоминал бы о том, что город, который она должна была приблизить к тебе, – далеко (с. 231).
---	--

Очевидно, что, приближаясь к месту, которое представлялось ему ослепительным, Леон теряет уверенность в том, что его мечты могут осуществиться. Автор использует глагол в форме *conditionnel présent* (*apparaîtraient*), указывая на то, что герой сомневается в правильности своего выбора, и из реально осуществимого этот выбор превращается в иллюзорный. Кроме того, меняется его отношение и к будущей совместной жизни с Сесиль. Можно предположить, что чувства героя в этих двух фрагментах вступают в отношение антитезы: если в первом примере герой рассматривает приезд в Рим, как освобождение, обновление (*une issue, une jouvence*), то здесь он предчувствует, что жизнь с Сесиль станет такой же невыносимой, как жизнь с Анриеттой, ибо ореол величия принадлежит Сесиль только, когда их разделяет пространство, когда она

находится в Риме (*elle n'apparaît plus que comme une femme parmi les autres, une nouvelle Henriette*). Автор номинирует эти отношения как «*substitute du mariage*», подчёркивая мысль о том, что и с Сесиль семейное счастье невозможно, что его пришлось бы изображать. В данном фрагменте подчёркивается разрушение связей между Леоном и Сесиль, а также между Сесиль, когда она находится в Париже, и Римом (*elle perd ses pouvoirs d'intermédiaire*). Париж, в свою очередь, всё больше удаляется от Рима, что оставляет в душе героя пустоту (*l'absence perpétuellement rappelée de cette cité qu'elle devait rapprocher*).

Пространство (заполненное – незаполненное; внутреннее – внешнее) может соотноситься с местоположением человека и вещи:

...Se souriant à elle-même, elle rêvait que vous étiez absent, qu'elle pensait à vous, qu'elle s'imaginait qu'elle allait vous retrouver à Rome, et que tout d'un coup elle se rendait compte que vous étiez là, déjà, et qu'elle en était toute heureuse et toute surprise parce que c'était comme si Rome était venue à sa rencontre pour l'accueillir (p. 226).	...Улыбаясь самой себе, она воображала, будто тебя здесь нет, будто она думает о тебе, мечтает о встрече с тобой в Риме и вдруг видит, что ты уже здесь, и она удивлена и счастлива, потому что это словно бы сам Рим вышел ей навстречу (с. 193).
--	--

В данном коммуникативном эпизоде происходит деформация реального и его наложение на воображаемое пространство в сознании героини. Глаголы интеллектуальной деятельности: *rêvait, pensait, s'imaginait, se rendait compte* свидетельствуют о том, что существует 2 типа пространства, которые вступают в отношения антитезы: объективная действи-

тельность – присутствие Леона в поезде, и внутренний мир героини, в котором рисуется её будущая встреча с Леоном в Риме, словно их совместного путешествия в Париж вовсе не было. Об этом свидетельствуют эпитеты «*toute heureuse*» и «*et toute surprise*». Возвращение в реальное пространство поезда, в котором они оба в данный момент

находятся, вызывает у неё бурные эмоции. Леон в её сознании олицетворяет Рим, так как, думая о нём, она представляет их встречи в Риме. Происходит смешение и временных планов – настоящего (путь из Парижа в Рим) и будущего, и прошлого (прогулки по Риму), и пространственных – герой и героиня покинули Париж, чтобы оказаться в Риме, в про-

странстве счастья. Параллельные конструкции и полисиндетон (que) манифестируют непрерывность её мысли, связь, существующую между пространственными и временными отношениями.

Внутреннее пространство героев может заполняться:

Avant de connaître Cécile, vous aviez beau en avoir visité les principaux monuments, en apprécier le climat, vous n'aviez point cet amour pour Rome; c'est avec elle seulement que vous avez commencé à l'explorer avec quelque détail, et la passion qu'elle vous inspire colore si bien toutes les rues que, rêvant d'elle auprès d'Henriette, vous rêvez de Rome à Paris (p. 60).	До того, как ты узнал Сесиль, ты не испытывал такой сильной любви к Риму, хотя уже был знаком с главными достопримечательностями этого города и ценил его атмосферу; но только вдвоём с Сесиль ты начал шаг за шагом открывать его для себя, и теперь все его улицы окрашены твоей страстью к ней, так что, мечтая о Сесиль подле Анриетты, ты в самом сердце Парижа мечтаешь о Риме (с. 68).
---	--

Исследуемый концепт взаимодействует с концептом любви, актуализированным в единицах «cet amour» и «la passion». Подобная яркая образность создаётся путём противопоставления двух пространств «Paris» и «Rome». Антитеза усиливается тем, что эти города воспринимаются героем через его отношение к двум женщинам, живущим в них. Исследуемый концепт взаимодействует с концептом любви, актуализированным в единицах «cet amour» и «la passion». До знакомства с Сесиль герой уже бывал в Риме, но сема интенсивности глаголов «n'avoir point cet amour» и «apprécier le climat» в сравнении с глаголом rêver показывает, что город представлял интерес для героя только в связи с достопримечательностями (vous aviez beau en avoir visité les principaux monuments). Таким образом, внутреннее пространство героя, его любовь к Сесиль преобразуют видение внешнего пространства города, придаёт ему красочность (la passion qu'elle vous inspire colore si bien toutes les rues) и заставляет

узнать город с новой стороны (vous avez commencé à l'explorer avec quelque détail). Сесиль становится олицетворением этого города, её присутствие заполняет в представлении героя пространство города, в который он стремится. Аналогичным образом неприязнь к Анриетте пространственно связано с его нахождением в Париже. Пример демонстрирует, что не только среда может влиять на человека, но и человек на среду, подстраивая её под своё душевное состояние и, фактически, стирая грань между внутренним и внешним миром. Приём внутреннего монолога и обращение во втором лице множественного числа к невидимому читателю приводит к отождествлению читателя с героем, к проникновению в его внутреннее и внешнее пространства. Дистанция между автором, героем и читателем уменьшается.

Пространство (статичное – динамичное) преобразуется в путь, в движение:

Après la gare de Civitavecchia, longeant le bord de la mer, déjà vous ressentirez d'avance toute la fatigue de ce voyage que vous n'aurez alors que commencé, mais le sommeil ne viendra pas, et vous chercherez en vain une position moins inconfortable, vous redressant à tous les arrêts, vous efforçant de chasser les mauvais rêves qui vous auront poursuivi de leurs encre et de leurs sarcasmes (p. 200-201).	После Чивита-Веккии, проезжая берегом моря, ты уже заранее и сполна почувствуешь бремя дорожной усталости, хотя большая часть дороги ещё впереди, но тебе не удастся заснуть, ты будешь вертеться, тщетно пытаясь сесть поудобнее, вздрагивая и приподнимаясь на каждой остановке и безуспешно отгоняя мрачные видения, которые будут всё чернить и издеваться над тобой (с. 175).
---	---

Данный пример иллюстрирует существование трёх типов пространства: пространство купе, в котором едет герой, пространство вне поезда (Après la gare de Civitavecchia, longeant le bord de la mer) и внутреннее пространство Леона. Купе – это пространство, находящееся в движении. Пейзаж, остающийся за окном, и внутренний мир персонажа представляют собой статичное пространство. Таким образом сочетаются статичность и динамика, и они подчёркивают дискомфорт героя, переданный сочетанием «la fatigue de ce voyage», приводящий к неблагоприятным последствиям, для описания которых автор использует перечисление: «le sommeil ne viendra pas, vous chercherez en vain une position moins inconfortable, vous efforçant de chasser les mauvais

rêves qui vous auront poursuivi de leurs encre et de leurs sarcasmes». Чем дальше идёт поезд, тем мрачнее становятся мысли героя, тем больше в его глазах замедляется сам путь. Пространственные отношения коррелируют с временными (ce voyage que vous n'aurez alors que commencer; vous redressant à tous les arrêts), что подчёркивает длительность пути и сопряжённые с ним неудобства. Кроме того, пространство в приведённом коммуникативном отрезке связано с процессом движения, так как поезд идёт из Парижа в Рим (Après la gare de Civitavecchia, longeant le bord de la mer; à tous les arrêts). Таким образом, внешняя среда влияет на внутреннее самоощущение героя.

Пространство (статичное – динамичное) может характеризоваться изменением, соотноситься с по-

нятием «путь»:

Vous vous dites: s'il n'y avait pas eu ces gens, s'il n'y avait pas eu ces objets et ces images auxquels se sont accrochées mes pensées de telle sorte qu'une machine mentale s'est constituées, faisant glisser l'une sur l'autre les régions de mon existence au cours de ce voyage différent des autres, détaché de la séquence habituelle de mes journées et de mes actes, me déchiquetant, s'il n'y avait pas eu cet ensemble de circonstances, cette donne du jeu, peut-être cette fissure béante en ma personne ne se serait-elle pas produite cette nuit, mes illusions auraient-elles pu tenir encore quelque temps... (p. 276).	А ты думаешь: «Не будь этих людей, не будь этих предметов и образов, давших моим мыслям толчок, под действием которого во время этой необычной, нарушившей размеренное течение моей жизни поездки, у меня в мозгу заработал какой-то механизм и сдвинулись, наплывая друг на друга и разрывая меня на части, разные пласты моего существования; не будь этого стечения обстоятельств, этой раскладки карт, быть может, в эту ночь мою душу ещё не рассклала бы зияющая трещина и мои иллюзии продержались бы ещё какое-то время...» (с. 229).
---	---

Пример репрезентирует результат изменения отношения героя к своей жизни и содержит временной индикатор (cette nuit). Причины изменения, которое началось с первых минут пути, Леон видит в пассажирах, вещах, находящихся в поезде, а также в самой незапланированной, неделовой поездке в Рим. Она, в свою очередь, внесла существенные изменения в монотонную жизнь героя, отличавшуюся спланированностью и предсказуемостью (ce voyage différent des autres, détaché de la séquence habituelle de mes journées et de mes actes). Таким образом, перемещение в пространстве спровоцировало внутренний конфликт героя, актуализированный в метафоре «fissure béante». Поездка и сопряжённые с ней часы ожидания и бездействия в купе дали пищу для размышлений, на что указывает метафора «une machine mentale s'est constituées». Именно размышления о прожитой жизни вызвали душевное смятение героя: автор использует развёрнутую метафору:

«faisant glisser l'une sur l'autre les régions de mon existence, me déchiquetant». Изменение приводит к краху иллюзий, но, как считает сам герой, это стало возможным только потому, что атмосфера поезда породила в нём чувство разочарования. Однако следует заметить, что выражение «mes illusions auraient-elles pu tenir encore quelque temps» свидетельствует о том, что осознание иллюзорности надежд раньше или позже непременно бы настало. Налицо оппозиция между статичной внешней и внутренней жизнью героя до этой поездки и началом деятельности, как в физическом смысле – перемещение из Парижа в Рим, так и в ментальном плане. Тем не менее изменение носит также и деструктивный характер, так как оно вызывает в герое чувство горечи и безысходности.

Данный контекст:

Le mieux, sans doute, serait de conserver à ces deux villes leurs relations géographiques réelles et de tenter de faire revivre sur le mode de la lecture cet épisode crucial de votre aventure, le mouvement qui s'est produit dans votre esprit accompagnant le déplacement de votre corps d'une gare à l'autre à travers tous les paysages intermédiaires, vers ce livre futur et nécessaire dont vous tenez la forme dans votre main (p. 285-286).	Бесспорно, самое лучшее – сохранять между этими двумя городами их реальное географическое расстояние и попытаться оживить для читателя решающий эпизод твоей жизни – сдвиг, который совершился в твоём сознании, пока твоё тело перемещалось от одного вокзала до другого, мимо мелькавших за окном пейзажей, по пути к той будущей, неизбежной книге, каркас которой ты держишь сейчас в руках (с. 236).
--	--

показывает кульминацию процесса изменения героя, которая совпала с прибытием поезда в Рим, и, таким образом, весь путь, помимо перемещения в пространстве в физическом смысле (le déplacement de votre corps d'une gare à l'autre à travers tous les paysages intermédiaires), характеризуется изменением, произошедшем внутри героя. На это указывают лексические маркеры: «épisode crucial de votre aventure», «le mouvement qui s'est produit dans votre esprit». Автор разделяет внешнее и внутреннее пространство человека (esprit – corps). Примечательно употребление метонимии «votre corps» в сочетании «déplacement de votre corps». Она указывает на ме-

ханическое перемещение персонажа, на его пассивность, отстраненность, тем самым само движение характеризуется инертностью. Но полноценное изменение возможно только при параллельной с ним трансформации сознания и состояния. Результат этого сдвига актуализирован в желании героя написать книгу-исповедь (ce livre futur et nécessaire). Соответственно, конечной целью является не римский вокзал, а написание книги, о чём свидетельствует предлог vers. Душевное спокойствие Леона неразрывно связано с адекватным восприятием им состояния, разделяющего Париж и Рим (Le mieux, sans doute, serait de conserver à ces deux villes leurs

relations géographiques réelles). На протяжении всего романа читатель является полноценным участником событий, он отождествляет себя с героем вследствие использованной автором техники обращения на «вы» к читателю (le vouvoiement, le récit à la deuxième personne). В данном эпизоде полностью стирается грань между пространством и временем художественного произведения и реальным пространством и временем, так как книга, написанная героем (читателем) внутри текста, является книгой, которую читатель только что прочитал.

Подводя итоги сказанному, можно утверждать, что концепт «пространство» в художественном произведении выступает чаще всего в связи с другими концептами. Наиболее характерными являются ситуации, когда внешнее или внутреннее пространство героя соотносится с указанием на местоположение, изменением, с перемещением в пространстве. Зачастую внешнее и внутреннее пространство изменяются одновременно.

Литература

1. Аскольдов, С. А. Концепт и слово // Русская словесность. От теории словесности к структуре

текста. Антология / С. А. Аскольдов. – М., 2002. – С. 84 – 92.

2. Ключик, М. К. Пространство восприятия / М. К. Ключик // Эл. источник. – Режим доступа: http://www.kluchik.spb.ru/sections/article/ecosystems/space_of_perception.shtml.

3. Лихачёв, Д. С. Концептосхема русского языка / Д. С. Лихачев // Изв. АН СССР. Сер. Лит. и яз. – Т. 52. – 1993. – № 1.

4. Лотман, Ю. М. Художественное пространство в прозе Гоголя / Ю. М. Лотман // Школа поэтического слова: Пушкин. Лермонтов. Гоголь. – М.: Просвещение, 1988. – С. 251 – 292 // Эл. источник. – Режим доступа: <http://philologos.narod.ru/lotman/gogolospace.htm>.

5. Психологический словарь // Эл. источник: – Режим доступа: <http://dedeve.narod.ru/slovar/3a31.htm>.

6. Топоров, В. Н. Пространство и текст / В. Н. Топоров // Семантика и структура. – М., 1983. – С. 227 – 284 // Эл. источник. – Режим доступа: http://philologos.narod.ru/ling/topor_spacetext.htm.

УДК 81'276.3

О ТАК НАЗЫВАЕМЫХ ПОДОНКАХ

А. Г. Антипов, Е. А. Штифель

Современная среда Интернета предоставляет большие возможности для реализации языкового потенциала. Это сфера, сочетающая в себе нормативность и полное отсутствие норм, язык официальный, книжный, разговорный, сленговый. Причем для последней разновидности используется письменная форма. В современной лингвистической науке письменная форма является существенной (а для некоторых исследователей даже определяющей) особенностью разговорной речи. Но в условиях Интернета все общение проходит в письменной форме. И разговорный язык вынужден приспособиться к ней. Форма повлияла на язык, но и язык повлиял на форму, и теперь современная наука сталкивается с феноменом, порожденным этим столкновением, – «языком падонкафф», или «олбанским» языком. Само имя феномену дали пользователи Интернета. Себя они называют падонками или олбанцами. Само появление «олбанского» вызвало большой общественный резонанс. Некоторые ученые-лингвисты первоначально восприняли это явление неодобрительно. Например, в работе О. В. Лутовиной «Современный виртуальный креатифф: о некоторых особенностях языка Рунета», жанр креатиффа рассматривается как сочетание жаргона, сознательного издевательства над орфографией и мата. Но постепенно явлением заинтересовались, и оценки стали менее критичные. Так, В. Г. Костомаров, академик Российской академии образования, президент Института русского языка и литературы им. А. С. Пушкина, не согласен с теми, кто считает, что русский язык за по-

следнее время сильно деградировал. Костомаров связывает это появление «олбанского» с поиском новых возможностей русского языка. Он полагает, что действующий свод правил орфографии и пунктуации, утвержденный в 1956 году, уже не удовлетворяет сегодняшнюю молодежь. «Она и выдумала своеобразную лингвистическую игру, построенную на эпатаже», – говорит ученый. Сам феномен, рожденный Интернетом, постепенно выходит за рамки этой среды. Он проникает в устную разговорную речь, встречается в текстах объявлений, открыток. Все вышесказанное доказывает, что у современной лингвистической науки появилась потребность в исследовании и подробном изучении этого явления. В последнее время стали появляться работы об «олбанском» языке. Помимо вышеупомянутой работы О. В. Лутовиной, вышли статьи Т. Б. Корковой «Самовыражение личности в Интернете», статья Е. И. Летневской «Об Интернете и так называемой порче языка» и так далее. И, помимо исследований, выходит большое количество газетных статей (в том числе и Интернет-изданий), где делаются попытки анализа этого явления.

Существует несколько гипотез происхождения «олбанского». Первая, наиболее распространенная версия, связывает происхождение феномена с сайтом uclaff.com. Считается, что «олбанский» возник в 2000 году благодаря деятельности Дмитрия Соколовского, администратора сайта uclaff.com, более известного как «Удав». Согласно самому Соколовскому, первым коверкать слова на сайте начал ав-

тор, выступавший под псевдонимом Linxu, в честь него язык сначала назывался Л-язык, а в дальнейшем был переименован в «албанский». Данная гипотеза, как и все другие, имеет право на существование и оправдывается уже только тем, что массовый характер это явление обрело действительно на вышеупомянутом сайте. Но началось ли оно там, или было просто удачно подхвачено, остается открытым вопросом. Данная гипотеза объясняет тесную связь «олбанского» с нецензурной лексикой, мотивируя это спецификой самого сайта и его политикой. Но не объясняет появление норм этого языка и, главное, почему в основе оказалось фонетическое письмо, а не просто орфографические ошибки.

Следующая гипотеза предполагает, что «виновником» возникновения «олбанского» был Говард Лавкрафт. Он написал серию книг о таинственном городе Инсмаут и морском божестве Ктулху. По его книгам была создана игра Call of Cthulhu: Dark Corners of the Earth. Именно в этой игре звучит странный язык, который пытались перевести пираты на русский, и в результате появился «олбанский» язык. Этот вариант истории происхождения языка объясняет присутствие в нем особого рода фразеологии. В частности, активно функционирующий образ Ктулху. Но это предположение не объясняет происхождение норм языка.

Очередная гипотеза привязывает появление «олбанского» к ЖЖ – живым журналам, то есть Интернет-дневникам. По этой версии один американец на ЖЖ возмущался по поводу того, что на данном международном портале основным языком был русский, а не английский. Ему вежливо посоветовали учить албанский язык, намекая этим на его умственную несостоятельность. Комментарии к его высказыванию писались на ломаном русском языке, так как портал был международный, и язык знали не все в совершенстве. Более того, далее в беседу с этим американцем вступил не очень грамотный человек, совершающий большое количество грамматических ошибок и, по сути, принесший принцип фонетической орфографии. Но эта гипотеза не объясняет появления особой фразеологии. К тому же, сомнения вызывает сам факт единоличного авторства данного феномена.

Интернет выступает как новая сфера функционирования языка, и, безусловно, возникает процесс приспособления языка. Так, Н. Г. Трофимова в работе «Функционирование русского языка в Интернете: концептуально-сущностные доминанты» выделяет основные положения, характеризующие взаимодействие языка и Рунета (русскоязычной части Интернет). Собственно, уже первое положение подтверждает все вышесказанное. «Освоение Интернета сопровождается интенсификацией современных процессов в языке на разных уровнях». Материал, на котором основана докторская работа Интернет-издания, не совпадает с изучаемым материалом. Однако верность данного положения безусловна для всего языка Интернет. Следующее положение говорит о том, что процессы, происходящие в языке Интернет, не затрагивают систем-

ных категорий, изменения в ходе функционирования языка в Интернете являются необходимыми для его приспособления к новым условиям. Посмотрим это положение по отношению к рассматриваемому материалу. Можно сказать, что «язык падонкаф» стремится ввести свои нормы орфографии, морфологии, словообразования и отчасти синтаксиса, хотя при этом общий структурный строй языка не изменяется, а скорее, дополняется, расширяя возможности носителя языка. Также интересно следующее положение: человек и общество актуализируются в Интернете через свою вербальную сущность. Действительно, Интернет-коммуникация не способна передать невербальные средства общения, так что пользователям сети приходится строить самопрезентацию только на вербальном материале. Это важно для рассматриваемого материала, так как использование «языка падонкаф» создает особый образ писменногоговорящего. Также отмечается рост диалогичности, полилогичности, минимизация избыточности, стандартизация клишированных формул наряду с концентрацией экспрессивности и лаконичности, смеховое переосмысление заимствований, активизация латиницы, гипертекст как основная форма организации синтаксической структуры. Все вышеперечисленные утверждения Г. Н. Трофимова выделяет как концептуально-сущностные доминанты функционирования русского языка в Интернете, и они в равной степени справедливы для «языка падонкаф». Наиболее интересны в свете рассматриваемого материала представленные в докторской наблюдения о многомерности и карнавальности языка Интернет. Гипертекстовость онлайн-пространства способствует раскрытию многомерного потенциала языка. Можно предположить, что пространство Интернета эксплицирует скрытые в языке концептуальные связи, отражает закономерности языка. Карнавальность языка Интернет – свойство, наиболее актуальное для данной темы, добавляет ему экспрессивности и выразительности. Языковая игра наиболее актуальна в этом «новоязе». Г. Н. Трофимова говорит о тенденции к аграмматизму, но здесь, скорее, уместно понятие именно языковой игры, ведь «язык падонкаф» – это продукт сознательного речевого поведения образованных людей. То есть возможно предположить, что карнавальность этого языка, основанная на аграмматизме, направлена на создание особой экспрессивности, смеха, передаваемого уже только самой формой написания слов.

Что же представляет собой «олбанский» и как он влияет на литературный язык? «Язык падонкаф» стремится ввести свои нормы орфографии, морфологии, словообразования и отчасти синтаксиса. В первую очередь, следует отметить свойственное этому феномену фонетическое письмо. Слова, фразы, предложения записываются по законам произношения, с учетом редукции (говорит – гри́т), оглушения и озвончения (все – фсе, об – ап), написание слитно единого фонетического слова (фтопку, апстену), написание сложных гласных звуков ё, ю, я в сильной позиции как комбинацию двух звуков –

йо, йу, йа. Причем местоимение «я» заменяется всегда на комбинацию «йа», в то время как в середине слова письменноговорящий не всегда заменяет графическое изображение буквы. В качестве примера, в котором присутствуют все эти особенности, может выступать следующий текст:

<Lightning_Cant_Stop> Пусь бигут ниуклюже медведы па лужам, а вада па освальду каг воск, ф этат день нипагожий, я с расквашынай рожэй... ф пириходе зоухавал всем моск, а йа играю на бойане, у прахожых на виду, к сажыленью йа креведко тока рас ф га-ду, туруруруру...

Можно предположить наличие особых словообразовательных моделей: образование существительных среднего рода с суффиксом – ко от существительных женского, и реже, мужского родов (например, слова: деффко, одминко, машинко, маршрутко и тому подобные), образование существительных мужского рода с помощью уменьшительно-ласкательного суффикса –чег (например: красафчег, телефончег, звоночег). Можно отметить тенденцию к объединению суффиксов –ть- и –ся- в единый –ца-/цца- (например: стебнуццо, меняюццо, вославяца), по аналогии с суффиксом –ца-/цца- можно выделить суффикс –со-, который употребляется при замене этой же комбинации суффиксов, но только у глаголов прошедшего времени (боялсо, стебалсо, менялсо). Особо выделяется специфическая форма первого лица «мну», которая омонимична во всех падежах. На уровне синтаксиса очевидно преобладание разговорных конструкций: простые предложения, часто неполные структурно и семантически (семантика становится ясна из контекста), с ярко выраженной экспрессивностью. Сама форма этого языка, изменение написания известных слов и добавление новых значений обладает дополнительной экспрессивностью. Язык также обладает собственными специфическими лексическими средствами. Наиболее интересны, помимо приведенной лексемы «мну», особые единицы, такие лексемы, как «сцуко» и «аццки». Первая появилась из существительного «сука», но при изменении формы (добавления звука – ц – и изменения рода, окончание – о), во-первых, меняется часть речи, теперь это наречие с тяготением к междометию, во-вторых, меняется значение. Первоначально слово заимствуется из не-литературного языка, бранной лексики. При вхождении в «язык падонкаф» лексема с изменением формы меняет значение, более того, совсем теряет его. Форма этого слова передает только экспрессивное отношение говорящего к высказыванию, порою даже не уточняя эмоцию. Рассмотрим два контекста употребления данного слова. *Первый диалог.*

Мелькор:

Блиать, мой комп определяет мобилко как флешку с названием "Это еще что?"

Злобный гоблин:

О_о жесь

Мелькор:

"Найдено новое устройство Это еще что?" Сцуко, йа плакаю)).

Второй диалог.

ууу – починил ее. допылесосил. сцуко, да я в жизнь больше небуду убираться! столько нервов(((xxx - гыгы))))))

ууу – сцуко, кому расскажеш-разберу сервак и разошлю на утиль по разным городам!(((xxx – начинай капить на почтовые марки!

Судя по контексту в первой ситуации, автор высказывания с анализируемым словом испытывает положительные эмоции, во второй ситуации – отрицательные. Но употребление слова одинаково, из чего можно сделать вывод, что эта форма утратила предметное значение и сохранила только абстрактное, каннотативное. Общий смысл – выражение эмоции, экспрессии. Исходя из этого, можно сделать предположение о том, что подобная тенденция утраты вещественного значения либо абстрагирования свойственна в целом изучаемому феномену. Основная смысловая нагрузка лежит на форме слова. В последнее время появляется слово «сцук», предположительно образовано от «сцуко», существительное мужского рода, значение близкое к междометному, однако выражает отрицательную оценку адресата.

Crimson69 (04:47 PM):

мы вчера лося видели...

voroehorp (04:47 PM):

водку?)))

Crimson69 (04:47 PM):

здоровый сцук

voroehorp (04:47 PM):

5 литров?

Crimson69 (04:47 PM):

не-живого

Вторая лексема, подлежащая анализу – слово «аццки». Изначально оно происходит из прилагательного «адский». Фонетический принцип орфографии приводит к отражению на письме процессов ассимиляции и редукции в этом слове. В результате изменения формы меняется, во-первых, часть речи – лексема употребляется как наречие. Во-вторых, меняется значение, теперь эта лексема равна по значению наречию «очень». Например, высказывание:

Фсётки не зря я скурил пачку сигарет за матч и выпил 4л пива. Сёдня круче всех жгут хорваты - АЦЦКИ! А ХИДЕНГ КРАСАФЧЕГ!

Следовательно, можно сделать вывод о том, что тенденция к утрате вещественного значения проявляется и в данном примере. Но, в отличие от лексемы «сцуко», слово «аццки» имеет не обобщенно-экспрессивное значение, а конкретное значение степени, высокой положительной оценки. Помимо наречия «аццки», продолжает функционировать прилагательное «аццкий». Например, в диалоге:

<sav> спать 4 часа в сутки это аццкие наркотеги

<sav> я моргать на работе боялсо

<sav> в 17 неудачно моргнул – выморгнул тока в 18.

Но значение высокой степени проявления признака присутствует и в прилагательном, более того, именно это значение и будет основным для этого прилагательного.

При рассмотрении лексического состава также необходимо обратить внимание на особую фразеологию этого языка. В данном языке можно увидеть некоторые типы устойчивых конструкций.

Одобрительные. К ним можно отнести такие речевые формулы, как:

«афftar жжот», «афftar пеши исчо» «зачод» («зачот»), «ржунимагу», «пазитиф», «аццкий отжыг», «афftar жжот нипадецки», «пацталом» (пацтулом), «улыбнуло».

Неодобрительные: «выпей йаду», «убица апстену» «фбабруйск, животное», «ужоснах», «фтопку».

Отдельно можно выделить слова, которые не выражают отношения и характеристики, а непосредственно называют другую реалию, точнее, некоего персонажа. Сюда можно отнести «Ктулху», «медведа», «креведко», «сотону». Эти имена можно считать прецедентными для данного языка. Появление их до конца пока не известно. Однако угрозы разбудить ктулху, фразы «превед медвед», «йа криведко», «аццкий сотона» достаточно активно функционируют в изучаемом феномене.

Можно отметить, что представленные группы также имеют тенденцию к абстрагированию и утрате вещественного значения. Первые две группы формул представляют собой абстрактную положительную или отрицательную оценки, они оторваны от вещественного значения, их компоненты неотде-

лимы друг от друга, следовательно, их можно называть своеобразными фразеологизмами.

Третья группа, скорее, отсылает к картине мира, создаваемой данным языком. Наличие особого языкового сознания, близкого к мифологическому, позволяет высказать предположение о том, что существует собственная субкультура носителей данного языка.

Литература

1. III Международный конгресс исследователей русского языка. Русский язык: исторические судьбы и современность: труды и материалы. – М., 2007. – 384 – 385 с.

2. // Эл. источник. – Режим доступа: <http://www.newsru.com/arch/russia/02apr2007/olbanskey.html>.

3. Трофимова, Г. Н. Функционирование русского языка в Интернете: концептуально-сущностные доминанты, АДД / Г. Н. Трофимова. – М., 2004. – 32 с.

4. Лейбов, Р. Язык рисует Интернет // Эл. источник. – Режим доступа: <http://www.gagin.ru/internet/4/9.html>.

5. Трофимова, Г. Н. К вопросу о специфике функционирования русского языка в Интернете // Эл. источник. – Режим доступа: http://www.dialog21.ru/Archive/2001/volume1/1_39.htm.

УДК 82. 091

ХУДОЖЕСТВЕННАЯ КАРТИНА МИРА И ОБРАЗ СЕМЬИ В СОВРЕМЕННОЙ РУССКОЙ БЕЛЛЕТРИСТИКЕ (на примере малой прозы Л. Улицкой и повести Ю. Лаврышиной) *И. В. Ащеулова, В. А. Землянухина*

В современном литературном процессе очень остро стоит вопрос гендерного разделения литературы. Вся литературная общественность разделилась на два оппозиционных лагеря: с одной стороны, писатели, литературоведы; с другой – журналисты, критики, издатели. Данная проблема зародилась еще в начале XX века, когда Зинаида Гippiус публиковала свои произведения под мужскими псевдонимами, когда Анна Ахматова настаивала, чтобы ее звали поэтом, а не поэтессой.

В настоящее время все чаще встречается разделение произведений на «мужские» и «женские», в частности оно характерно для публицистики. Так, у кузбасского писателя Ю. А. Лаврышиной была издана серия «женских» романов (издательство «Мангазея», г. Новосибирск).

Как отмечает Сергей Самойленко (2 июля 1994 г., газета «Кузнецкий край») в рецензии на книгу Ю. Лаврышиной: «Кто научил женщин говорить стихами, знают все. Кто научил их писать прозу – вот в чем вопрос. Лестно, конечно, тешить себя мыслью, что научили их писать мужчины, да вряд ли это так. Как раз там, где слабый пол пытается играть по нашим, по мужским правилам, прозы у него

не получается... Женская проза вызывает некоторую жалость, как некая недопроза, как недоразвитая настоящая мужская проза» [4]. Мы же придерживаемся того мнения, что настоящее искусство выше каких-либо разграничений, в том числе и гендерных. Данное разделение на «мужскую» и «женскую» прозу является, по меньшей мере, некорректным. Как отметила Ю. Лаврышина: «Любой автор, если он не собирается создать что-то ущербное, в момент творчества должен ощущать в себе присутствие обоих полов. Иначе у него просто не получится создать полноценное произведение» [3]. С. И. Тимина в своей работе «Современный литературный процесс» писала о том, что активизация творчества писательниц конца столетия – факт объективный и значимый. Именно потому, что это творчество на уровне эстетических открытий, что новации в их произведениях означают создание различных индивидуальных художественных миров, они не могут рассматриваться по ведомству «женская литература», такого рода литературы просто не существует» [5].

Таким образом, обращаясь к произведениям писателей-женщин, мы выделяем образ семьи, ее

современное состояние, ее понимание в современной литературе. Эта тема в литературе не нова: трудно назвать писателя, который бы к ней не обращался. Как известно, в отечественной литературе «мысль семейную» воплотил в своем творчестве Л. Н. Толстой. Именно в его произведениях эта тема звучит с полной силой. Но одинаково ли понимание семьи, воспетой Л. Н. Толстым, и та семья, которая представлена в современной прозе? На данный вопрос можно ответить однозначно: конечно же, нет. Сменяют друг друга эпохи – меняются ценности, нравы в обществе. Человек XXI века, произнося слово «семья» вкладывает в него иной смысл, нежели подразумевали современники Л. Н. Толстого, А. С. Пушкина, И. С. Тургенева. Наша эпоха характеризуется «нравственным распадом семьи». Мужчина часто теряет функции главы семейства, приобретает черты «мужа-декорации». Ценностным центром семьи становится ребенок, изменяется отношение к любви и долгу. Об этом и пишут исследуемые нами писатели – Л. Улицкая и Ю. Лавряшина.

Итак, целью данной статьи является рассмотрение художественной картины мира и изменений понятия «семья» на примере современной прозы. Объектом нашего исследования являются современные авторы-беллетристы. Данные авторы в современном литературоведении остаются еще не изученными, эта тема не поднималась в работах критиков. Мы обратимся к рассказу Л. Е. Улицкой «Счастливые», входящему в цикл «Бедные родственники», а также к повести Ю. Лавряшиной «Звезды, шары и молнии...».

Понятие «картина мира» появляется в литературе в 30-е гг. XX века. На сегодняшний день оно имеет множество толкований. Мы обратимся к определению В. Н. Топорова, который выделил четыре параметра, четыре составляющих модели мира:

- 1) пространство и время;
- 2) причинный параметр (сюжет);
- 3) этический (ценностный центр);
- 4) количественный / числовой (система персонажей, оппозиция внутри данной системы) [6]. При анализе текстов мы будем обращаться к данным параметрам модели мира.

Обратимся к рассказу «Счастливые» Л. Улицкой. Этот рассказ открывает цикл «Бедные родственники». Он посвящен истории одной семьи, в которой случилось несчастье, перевернувшее всю жизнь главных героев: у пожилой пары погибает единственный сын. Обращаясь к поэтике заглавия рассказа, мы можем говорить об авторской иронии в двух случаях: во-первых, в отношении к названию цикла – «Бедные родственники» и сочетающегося с ним по контрасту – «Счастливые». Во-вторых, к самому повествованию. Первое предложение рассказа объясняет, подтверждает заглавие, перед нами ситуация воссоединения семьи: «Каждое воскресенье Берта и Матиас отправлялись к сыну». Однако уже к первому абзацу название находится в положении оппозиции. Среди собранных вещей для визита к сыну – веник, цветы, газета, бутерброды. Данный

лексико-семантический ряд отсылает читателя к пространству кладбища. Таким образом, возникает оппозиция: счастье – горе, жизнь – смерть, дом – кладбище. Обращают на себя внимание особенности временной организации рассказа. Опираясь уже на первое предложение рассказа, которое было процитировано нами выше, можно сказать, что в основе организации художественного мира произведения лежит цикличность. Этот мотив предстает на новом витке в последующих абзацах: «Матиас надевал ей пальто, плащ, или жакетку...» – цикличность времен года; «В трамвае было либо холодно, либо жарко...», «Сметал пыль, снег...»; каждое воскресенье герои видят один и тот же сон. Мотив цикличности тесно соприкасается с образом круга, также представленным в рассказе: движение трамвая, ограда вокруг кладбища, круглый стол, на котором лежат пряники. В рассказе можно выделить два временных плана: прошлое и настоящее, которые находятся в отношении оппозиции. С данной временной оппозицией связана ситуация двоемирия: реальность – сон (как метафизическое пространство). Характерная черта отношений этих миров – взаимообмен ценностями, а именно: реальность выступает как смерть, сон же, в свою очередь, проявляется как подлинная жизнь героев. Такая замена ценностей обусловлена образом семьи. Жизнь в художественном мире рассказа – временной отрезок, в котором описывается полноценная семья, то есть это время от рождения ребенка до его гибели. (В произведениях Л. Улицкой полноценная семья может быть названа при условии ее двухпоколенности: родители и ребенок; в случае же ее однопоколенности, когда она представлена только супругами, – это семья чисто формального уровня, ненастоящая). Этот период длится восемь лет. Восемь лет счастливой жизни. Можно предположить, что автором в заглавие вынесен именно этот период жизни героев, так как он, несмотря на достаточно небольшую протяженность во временном плане (для сравнения: период так называемой реальности, после гибели сына, длится 15 лет), является самым важным в жизни героев. Рассмотрим особенности художественной организации метафизического пространства в данном рассказе и сравним с некоторыми позициями с миром реальным, временная организация которого была рассмотрена нами выше.

Итак, характерная черта времени, господствующем во сне, – линейность, в отличие от циклического времени реальности. Это связано с ситуацией развития ребенка Матиаса и Берты – Володи. (Сначала он научился читать, затем писать, плести ковры, запускать самолеты). По-иному представлены и взаимоотношения в семье: Матиас в снах Берты – неотъемлемая часть декорации (сны предстают в образе много раз виденного спектакля), в центре же ее мира – любовь к сыну. Главные роли, которые она играет в этом пространстве, – роль хозяйки и роль матери (материнская интуиция, предчувствие беды), в таком проявлении мы не встретим в мире реальности. Прошлое, сон описываются как

соседняя комната, что говорит о совмещении пространственных и временных характеристик. Мир сна не обрывается в сознании героев, а плавно перетекает в мир реальности. Пограничной ситуацией в этом случае служит гибель мальчика воскресным утром. Эта ситуация ознаменовала переход главных героев, родителей Вовочки, от жизни к смерти: «Мяч продолжал свое ленивое движение, пересек дорогу и утратил к движению всякий интерес». Мяч – атрибут переходной ситуации, является соединительным звеном между двумя мирами на основании оппозиции движения как формы жизни и статики, как воплощение смерти. С этой позиции образ мяча соединяет в себе несколько ипостасей. Во-первых, мяч как причина гибели сына (мальчик выбежал за ним на дорогу и попал под колеса автомобиля), во-вторых, мяч как еще одно воплощение образа круга – атрибута реального мира, мира мертвого. Происходит соединение духовной и физической смерти: физическая смерть сына порождает духовную смерть родителей. В этом смысле родителей мальчика можно сопоставить с мячом: Матиас и Берта, как мяч, утрачивают интерес к движению: «Дорога приводила их...», то есть субъект действия смещен. Мотив духовной смерти героев в пространстве реальности воплощается в таком приеме, как овеществление: «С годами Матиас становился все приземистей и все больше походил на шкаф красного дерева»; «Они окаменело сидели...». Обратимся еще раз к образу времени в рассказе, теперь уже с позиции его действия на героев, и в связи с описанием портретов на памятниках. Нами уже было упомянуто в предыдущем абзаце о разделении физического и духовного в реальном пространстве относительно образа смерти. Но такое разделение происходит и относительно образа времени. В повествовании отсутствуют какие-либо изменения в душе героев, жизнь их ходит по кругу, не приобретая ничего нового. Но в реальном пространстве присутствует описание изменения внешнего облика героев: «С годами Матиас делался все приземистей...», «Берта, кажется, была когда-то одного с ним роста, но теперь возвышалась над ним на полголовы. В отличие от мужа, с годами она становилась как-то менее некрасивой...». Перед нами возникает оппозиция: время – красота. Время оказывает губительное воздействие на красоту, что говорит нам о его динамике и неограниченной власти. Обратимся же теперь к рассмотрению описания пространства кладбища, а именно – к описанию его «жителей». Мы можем говорить об особенностях этого пространства, о выделении его в особую пространственную единицу, так как оно имеет свои закономерности, отличные от тех, которые имеют место быть в других пространственных локусах. Например, мы говорили выше о приеме овеществления, используемом при описании главных героев. В границах же этого пространства встречаем нечто обратное, противоположное: умершие люди как бы оживают на глазах читателей. Через описание портретов на памятниках перед нами разворачивается история людей, чьи изображения были увековечены: «...женщина ... с трясущи-

мися руками», «полковник прекрасно играет на гитаре и поет». Перед нами так называемые живые портреты. Что же касается образа времени, то он кардинально меняется: время в пределах пространства кладбища теперь уже не властно. Люди на портретах не меняются, в отличие от главных героев. Время как бы застывает, останавливает свой ход. Иллюстрацией этого предположения может послужить описание портрета сына Матиаса и Берты: «... встречал их много лет тому назад ...улыбкой, отодвинувшей губу и обнажившей полоску квадратных ... зубов. Все остальные выражения его широкого, милого лица ... ускользнули и улетучились, оставив эту раз и навсегда единственную улыбку из всего неисчислимого множества движений лица». С другой стороны, образ времени получает здесь всеобъемлющий характер, он гиперболизирован. При описании все тех же памятников происходит как бы соединение времен, исторических эпох в один напряженный узел: возникают былинные мотивы («Иван Митрофанович Семерко, широкоплечий, как Илья Муромец...»), мифологические мотивы, которые уводят нас еще в более раннюю историческую эпоху и представляют идиллический дискурс повествования – миф о Дафнисе и Хлое, воплотившийся в истории двух старичков, имена которых Хая и Хаим («... всегда в обнимку, со светло-серыми волосами, одинаково поредевшими к старости, сухие, легкие, почти праздничные, взлетевшие отсюда в один день, оставив всех свидетелей этого чуда в недоумении...»). При описании кладбища актуализируется еще один важный для данного произведения образ – образ изображения, картинка. Как мы уже сказали, при описании портретов на памятниках мы можем наблюдать тенденцию перехода от изображения к жизни, обращая свой взгляд на памятник, мы узнаем историю человека. Образ изображения встречается в тексте и при описании трагического происшествия: ситуация гибели, как плакат. Здесь мы можем уже говорить об обратном движении: от жизни к картинке. Это, конечно же, связано с остановкой жизни мальчика, время становится статичным. Образ семьи в этом рассказе заявлен уже в первом предложении: «Каждое воскресенье Берта и Матиас отправлялись к сыну». Однако описание семьи в данном рассказе не традиционное, в основе ее изображения лежит оксюморон. Старость и свадьба располагаются в одном семантическом ряду: «Впрочем, когда они поженились, им тоже уже уступали места». Также в одном ряду с образом старости находится беременность героини: «Большие слезы быстро текли по морщинам вдоль щек...». Когда Берта беременна, то ей 47 лет, а Матиасу 60.

С этой позиции можно говорить о христианском дискурсе в повествовании: Берта и Матиас, подобно Аврааму и Саре, были вознаграждены Богом, который даровал им сына Исаака, однако это не единственная пара, с которой сравниваются герои, такая же ситуация была и у Исаака и Ревеки. В Ветхом завете сказано, что сыновья родились, ко-

гда Исааку было уже 60 лет. Также к ветхозаветному тексту нас отсылает ситуация именования ребенка. Среди имен, которые хотели дать Матиас и Берта своему наследнику – Исаак и Яков (Иаков). Таким образом, происходит как бы соединение двух поколений (Иаков – внук Исаака) в одной семье. Однако этих имен они ребенку не дают. Обратимся к библейскому тексту. Там говорится, что когда Господь явился во сне Иакову, сыну Исаака, он сказал ему, что потомство Иакова будет многочисленным, как песок земной. Сын же героев рассказа погибает, это был единственный ребенок в семье, сами же герои стары – род их прекращается.

Ситуация называния ребенка также отсылает нас к фольклорному дискурсу. Мы помним, что предки наши вводили табу на имя до определенного возраста ребенка, дабы уберечь его от сглаза и несчастий. Матиас и Берта до двух месяцев называли сына «ингеле», что по-еврейски значит «мальчик». Исчисление времени в жизни героев начинается от создания семьи. Сравним описание жизни до создания семьи и после. Сон героев, который представляет счастливую семейную жизнь, буквально детализирован. Несмотря на то, что прошло уже 15 лет, герои помнят все до мелочей. Что же касается описания «досемейной» жизни, то все это неважно для героев, это в их памяти не нашло себе места: «Берта, кажется, была когда-то...». Семья – главная ценность для героев. Даже смерть не разрушает семью, она лишь не дает ей будущего. Могилка сына – дом, семейный очаг: «Они уходили, оставляя после себя запах свежeweымытых полов и проветренных комнат». Смерть сына послужила возникновению новых семейных традиций, хоть даже они и являются печальными и страшными – еженедельная трапеза на могилке сына; семейных обрядов – поход на кладбище. Традиции и обряды прежде всего указывают на межпоколенную связь, на связь с родом. И они являются последними, так как сам род перестает существовать. Связь с предыдущим поколением существовала и при жизни Вовочки: Матиас учил его тому, чему его самого в свое время учили, да и уже еще совсем маленький мальчик плетет ковры, так же, как и его отец. Однако связь эта прерывается смертью. Даже жизнь других людей они оценивают с позиции наличия семьи. На памятниках изображены семьи, и лишь полковник, тот самый, который похож на Илью Муромца, одинок. Соответственно и оценка этому человеку – «бедняга», он беден, так как не имеет семьи. С позиции образа семьи нам интересно еще одно описание памятника, на котором изображен «со старенькими бабушкой и дедушкой Боренька Медников». Это описание может быть рассмотрено, как проекция на семью Берты и Матиаса: мы уже упоминали об их возрасте, по которому они больше подходят на роль прародителей. Но это еще и проекция на само осмысливание семьи героями, на иерархию в семье. В центре всего мироздания ребенок. Ребенок – незаменимый элемент полноценной семьи, это продолжение рода. На памятнике мальчик изображен рядом «со стершимися бабушкой и дедушкой». Да и сам мальчик назван по

имени и фамилии при безымянных прародителях, что тоже выделяет его. Также и в семье героев, без ребенка мать и отец «стираются». Таким образом, перед нами раскрывается мотив переживания родителями своих детей. Это неправильно, и герои понимают это. Гармония мироздания разрушается, и ее место занимает хаос.

Обратимся к повести Ю. Лаврышиной «Звезды, шары и молнии...». В центре повествования оказываются три главных персонажа, три печальных судьбы. Это семнадцатилетняя Дина, которая попадает в больницу с травмой позвоночника после автокатастрофы, в которой погибает ее семья. Это Лилия – женщина с врожденной травмой бедра, перенесшая в момент повествования тринадцатую операцию, которая дает ей надежду на возможность передвижения без костылей, но мечта так и остается не воплощенной. Несмотря на то, что половину жизни эта героиня провела в больницах и госпиталях, она продолжает любить жизнь и помогает каждому из героев сделать это. Третий персонаж – доктор, Игорь Андреевич, потерявший несколько лет назад семилетнюю дочь.

Обратимся к поэтике заглавия повести. Можно выделить два подхода к его интерпретации.

Подход к интерпретации названия связан с темой семьи, заявленной в данном произведении. Как было сказано выше, в названии можно рассмотреть трех героев: Лилит, Дину и Игоря Андреевича. Но если их рассматривать не обособленно, то перед нами – возможная семья: родители и дочь. И данное воссоединение возможно в пределах пространства больницы, куда герои попадают по воле судьбы, и где они оказываются лишенными семейного счастья. Каждый из героев стремится заполнить пустое место в своем сердце. Дина потеряла своих родителей. И уже в первой главе повести она размышляет о Костальском, сравнивая его со своим отцом: «...что-то отцовское звучит в его голосе... он точно знает, как именно разговаривают со своими детьми. Как Динкин отец с ней разговаривал». Лилия же становится ей матерью: «Кофе хочешь? Это прозвучало совсем по-домашнему. Дина уже забыла, что бывают в мире такие слова, от которых исходит тепло и вкусный запах». Игорь Андреевич потерял свою дочь, глядя на Дину, он думает о том, что его Ляльке было бы сейчас тоже семнадцать лет. Он опекает Дину, дарит ей свою отцовскую ласку. Размышления Лилит зеркальны думам Игоря Андреевича: «...так трудно теперь разорвать ту невидимую связь, что возникла между ней и девочкой... может, потому, что по возрасту Дина могла быть ее дочерью». Они могли быть семьей.

Обратимся к той концепции семьи, которая представлена в данной повести. Во второй главе имеется вставной текст: история, повествующая о женщине из провинции, которую обманул москвич: женился, отобрал квартиру и выгнал на улицу. Таким образом, перед нами возникает образ семьи как фикции, семья как афера – образ «случайной» семьи. Он сохраняется на страницах повести. Мы не встретим ни одну счастливую семью. Если семья и

существует, только потому, что там есть ребенок. Например, семья Надежды Владимировны. Она не любит своего мужа, но сохраняет эти отношения ради сына. У Игоря Андреевича тоже была семья до того момента, пока не погибла его дочь. Ребенок – связующее звено цепи супружеской жизни: вырывается это звено – распадается вся цепочка. Семья – трое человек. Иначе семьи нет, она распадается, если только эти двое не мать и ребенок (например, Лиля и ее дочь – семья). Ребенок выступает как мерило отношений в семье.

Обратимся к рассмотрению пространственной организации повести. Категория художественного пространства вводится с самого начала произведения. Первое предложение звучит следующим образом: «Из больничного окна мир кажется до тошноты красивой иллюстрацией...» [1, с. 10]. Таким образом, исходя уже из самых первых строк повести, нами может быть выделена пространственная оппозиция: внешний мир и больница. Символична роль окна, сообщающегося с наружным миром; оно выступает в качестве границы между двумя компонентами оппозиции, которую рано или поздно предстоит пересечь одной из героинь повести — Дине. Больница, как символическое пространство в рамках экзистенциальной проблематики является пограничным пространством (между жизнью и смертью, болезнью и выздоровлением). Стоит отметить, что экзистенциальные мотивы занимают ведущее место в организации повести. Например, мотив тошноты, заявленный в уже приведенной нами цитате, представлен в собственно сартровском смысле: тошнота, как результат мыслей отчужденности предметов, окружающего мира, людей, от их враждебности. Отсюда, в свою очередь, появляется ощущение абсурдности, бессмысленности жизни. Дина испытывает вышеописанное чувство по отношению к пространству внешнего мира. Это вполне очевидно: героиня попадает в больницу в бессознательном состоянии после аварии. Она оказывается «выброшенной» из внешнего мира. Дина умирает и духовно (потеряв близких), и физически (она несколько месяцев оказывается прикованной к постели). Однако повествование начинается с того момента, когда Дина делает свой первый шаг в свою новую жизнь. Соответственно, в начале повести героиня воспринимает пространство больницы как мир мертвых. Все больные оказываются «вычеркнутыми из списка живых». Исходя из пограничного характера данного пространства, учитывая многократные упоминания Бога и черта в ее стенах, а описание врачей как богов, решающих судьбы людей, мир больницы воспринимается как чистилище. Анализируя те страшные события, которые привели ее в палату, Дина приходит к выводу, что души ее погибших родственников теперь пребывают на небесах. А в тот момент, когда она узнает о своей выписке из больницы и представляет, что ей предстоит пересечь порог и оказаться в том мире, который ее отверг, где ее теперь уже никто не ждет, состояние героини описывается следующим образом: «У нее возникло ощущение, будто под ногами пол пошел

трещинами глубиной с километр, с огненной сердцевиной, и страшно было шевельнуться, чтобы не провалиться в бездну» [1, с. 36]. Данный отрывок напоминает описание ада. Таким образом, открытое пространство внешнего мира чуждо героине, мало того, оно пугает ее своей необъятностью и в то же время необычайной пустотой. В то время как замкнутый мир больницы для героини ясен и наполнен домашним уютом, который создает Лилия, она заменяет Дине мать, а Игоря Андреевича Дина многократно сравнивает с отцом. Мы видим, как меняется ценностная наполненность пространства больницы для Дины: царство мертвых, как она ее воспринимала в начале повествования, становится родным домом.

Особое место в пространственной организации повести занимает образ больничного сада. Его описанием открывается повесть. Первая же глава имеет кольцевую композицию: заканчивается тем же описанием сада. В первом абзаце возникает мотив сотворения этого пространства Богом: «...передать сущность задуманного Богом» [1, с. 10]. Обратимся к мифопоэтическому подтексту. Как известно, сад соотносится с раем, Эдемом. Сошлемся на работу Д. С. Лихачева «О садах»: «Первооснова всех садов, согласно христианским представлениям, – рай, сад... Непременная главная характеристика рая – наличие в нем всего того, что может доставлять радость не только глазу, но и слуху, обонянию, осязанию – всем человеческим чувствам» [2]. В данном контексте следует обратиться к описанию шелеста листвы, запаху воздуха, ощущению дождя, являющихся главными характеристиками пространства сада в повести. Когда героям необходимо снять тяжесть с души, полечить свою душу, они выходят в сад. Не посещает этого пространства только Лилия. Связано это прежде всего с тем, что она сама выполняет ту же функцию врачевания души. Ее палата – очищающее пространство. Возникает мотив причастия героев (Игорь Андреевич пьет гранатовый сок, которым угощает его Лилия, сок этот сравнивается с кровью). Да и само имя героини загадочно. Если обратиться к ономастическому словарю, то можно убедиться в том, что полное имя от «Лилия» – «Лилия», а не Лилит, как это указано в повести. Как известно, Лилит – имя первой жены Адама, которую Бог сотворил из глины и дал ей это имя. В еврейской традиции Лилит овладевала мужчинами против их воли с целью родить от них ребенка. Обратимся к тексту повести. Мы узнаем из истории жизни, рассказанной Лилей Дине, о том, что она вышла замуж за мужчину, которого знала двое суток, родила от него дочку и выгнала его, мотивируя тем, что они стали чужими.

Можно сказать, что рассмотренная нами пространственная оппозиция: внешний мир – больница – мир смерти на символическом уровне может восприниматься как триединство: рай – чистилище – ад. Ценностное наполнение пространственных образов в течение повествования радикально меняется. Пространство больницы – своеобразный узел, в котором соединяются судьбы главных героев. И

после этой встречи меняется вся их жизнь: Лилил удочеряет Дину и в пространство внешнего мира они уходят вдвоем, и оно уже не является адом, Игорь Андреевич устраивает свою личную жизнь. Таким образом, проходя через чистилище, герои возвращаются к жизни.

По особенностям художественной условности пространство в данной повести является конкретным, то есть оно не просто «привязывает» изображенный мир к каким-либо топографическим реалиям, но, как мы убедились, активно влияет на суть изображаемого.

При анализе повести Ю. Лавряшиной мы рассмотрели образ «случайной» семьи. Но он нашел свое воплощение не только в этом произведении. О таких же «случайных» семьях можно говорить и относительно рассказов Л. Улицкой. Но есть различие в развитии этого образа.

В рассказах Л. Улицкой он статичен, и герои не видят выхода. В повествовании присутствует образ «настоящей» семьи, но он является атрибутом прошлого (в рассказах «Счастливые», «Бронька»), и его разрушение связано со смертью одного из членов семьи (ребенка, мужа). Соответственно, эта потеря невосполнима и, как следствие, происходит разрушение семьи. И на создание новых семей надежды тоже нет, так как герои живут прошлым, в нем остаются все их главные ценности. Либо же у героев вообще никогда не было «настоящей» семьи, как, например, в рассказе «Лялин дом»: здесь достаточно вспомнить ту теорию брака, которой пользуется героиня при создании семьи. В произведении Ю. Лавряшиной присутствует иная ситуация: «случайные» семьи разрушаются, но на их месте создаются новые, построенные на любви. Таковой будет являться семья, которую построят Игорь Андреевич и Надежда Владимировна. Прежние их семьи скрепляли только дети; нынешняя построена на любви.

Таким образом, повесть Ю. Лавряшиной отличается большим оптимизмом, нежели рассказы Л. Улицкой.

Двух этих авторов объединяет поиск гармонии, точки опоры в современном мире хаоса. Но осуществляют этот поиск они по-разному. В произведениях Ю. Лавряшиной есть будущее, в рассказах Л. Улицкой – только прошлое.

Отражение катастрофизма мира в многообразии его форм стало главной приметой текущего процесса в русской литературе. Тем важнее оказывается поиск опор, выявление вечных истин, непреходящих ценностей. Эта тенденция сближает писателей начала и конца 20 века: те и другие оказались свидетелями крушения культуры, разрушения основ человеческого бытия, тектонических сдвигов сознания, сотрясающих Россию.

Итак, мы видим, что художественные картины мира Ю. Лавряшиной и Л. Улицкой, несмотря на некоторую схожесть, все-таки отличаются, в некоторой степени даже составляют оппозицию. Это, конечно же, связано с той культурной, литературной ситуацией, в которой создавались произведения.

Литература

1. Лавряшина, Ю. Звезды, шары и молнии... / Ю. Лавряшина // Огни Кузбасса. – 2007. – № 2.
2. Лихачев, Д. С. О садах / Д. С. Лихачев // Избранные работы. – Л.: Наука, 1988.
3. Малаховская, О. Штрихи к портрету этого мира / О. Малаховская // Кузнецкий край. – 2003.
4. Самойленко, С. Идентификация женщины / С. Самойленко // Кузнецкий край. – 1994.
5. Тимина, С. И. Современный литературный процесс / С. И. Тимина // Русская литература XX века. – М., 2002.
6. Топоров, В. Н. Миф. Ритуал. Символ. Образ / В. Н. Топоров. – М., 1989.
7. Улицкая, Л. Бедные родственники / Л. Улицкая. – М.: Эксмо, 2006.

УДК 82. 091 Харитонов. 06

ПОЭТИКА ПОВЕСТИ М. С. ХАРИТОНОВА «ПРОХОР МЕНЬШУТИН»

И. В. Ащеулова, О. Н. Иванова

Данное исследование посвящено рассмотрению поэтики повести 1971 г. («Прохор Меньшутин») М. С. Харитонova – российского прозаика, известного благодаря более позднему роману, получившему литературную премию имени Буккера, – «Линии судьбы, или Сундучок Милашевича».

Актуальность и новизна нашего исследования определяется тем, что интерес критиков направлен в основном на роман писателя, раннее творчество находится за пределами их рассмотрения. Ранним произведениям не уделяется практически никакого внимания, а фундаментальной научной работы по творчеству данного писателя в России не имеется. Однако темы, образы и мотивы, разрабатываемые в

повестях 70 – 80-х гг. XX века, непосредственно связаны с тематикой более поздних произведений, в которых мы наблюдаем развитие тех же тем, заявленных ранее, – в «Линиях Судьбы...», повестях «Провинциальная философия», «Приближение».

Целью нашего исследования является выявление важнейших тем, образов и мотивов в повести 1971 года – «Прохор Меньшутин», которые организуют художественный мир М. Харитонova в целом.

Обратимся к системе персонажей повести. Главным героем является Прохор Ильич Меньшутин. Имя в системе художественных координат харитоновского мира определяет не только характер персонажа, но и судьбу, положение в социуме, за-

нимаемое героем. Для Меньшутина процесс наименования непосредственно связан со сферой творчества судьбы. Он внимательно относится к выбору имени для дочери: важно отметить, что не девочка нарекается подходящим именем, а ребенок выбирается в соответствии с задуманным именем, таким образом, герой определяет судьбу Зои заранее: «Говорил он такие вещи, конечно, полушутя, но Анна Арсеньевна подозревала, что муж и впрямь подбирал девочку под заготовленное имя...» (4, с. 67). Герой стремится выстроить и свою жизнь в соответствии со значениями имени. Собственному имени Прохор Ильич дает «многозначительное толкование», совпадающее с данными ономастического словаря. Герой видит свое предназначение быть универсальным артистом, о чем свидетельствует и толкование его имени, а не узким специалистом в деле, каким ему представляется простой актер: «Он ведь и своему простоватому крестьянскому имени любил давать многозначительное толкование: Прохором звался, оказывается, предводитель древнегреческого хора, первое его лицо, запевала и главный танцовщик, исполнитель и одновременно дирижер-постановщик, – можно сказать, воплощение универсальной идеи артиста. Меньшутин говорил, что, лишь вычитав это из случайного словаря, он окончательно утвердился в выборе профессии» (4, с. 68). Следовательно, слово обладает силой творить другую реальность, и герой относится к этому способу как к возможности преобразовать действительность в соответствии с задуманной мечтой.

Представляется целесообразным обратиться к семантике фамилии Меньшутина: с одной стороны, она открывает проблематику «маленького» человека, вычленив в именовании основу «меньше», с другой стороны, соединяет с темой карнавала, увеселения, шутовства, благодаря выделению корня «шут». Таким образом, в фамилии героя соединяются две основные черты, определяющие его положение в обществе и характеризующие мироощущение героя – униженность и шутовство.

Соответственно, выделение двух основных черт в образе героя подводит нас к мысли о двойственности его изображения. Образ Прохора Ильича амбивалентен: одна «маска» героя сменяется на другую, совершенно противоположную. В волжском городе Прохор Ильич примеряет на себя маску неудачника, жизнь которого складывается как череда потешных историй и обманов, произведенных посторонними людьми над героем. Личина неудачника выводит нас к рассмотрению другой маски Меньшутина – маски шута: герой смеется над своей неуклюжестью и наивностью. Но он сознательно играет данную роль, хотя и мечтает о большем – его самолюбивые планы свидетельствуют о желаниях стать своего рода творцом. Маска шута сменяется личиной царя; обличие тирана, подчиняющего своей воле судьбы других людей, оборачивается маской забитого, «маленького» человека: маска неудачника – маской человека, которому, как отмечает Анна Арсеньевна, удается добиться поставленной цели несмотря ни на что.

В «Мифах народов мира» мы находим статью Н. В. Брагинской о такой персоне, как раб, ипостасями которой являются слуга, шут. Раб «как особый персонаж мифа противопоставляется мифологизированному царю. По своей символике раб – персона смерти, как царь – персона жизни, верх социальной иерархии – жизнь, низ – смерть». Меньшутин, как униженный человек, стремится, благодаря воплощению сказки, занять в общественной иерархии место «царя», тем самым символически определиться как персона, имеющая отношение к жизни. Неслучайно и все его мечты связаны с процессом творения другого мира, осознаваемым как проявление жизни.

В повести ставится проблема реализации в бездуховном цивилизованном мире «маленького» человека, стремящегося занять достойное место в жизни. Мечта Прохора Меньшутина заключается в том, чтобы возвести эпизод жизни в ранг искусства, где участвующие лица – обыкновенные люди, исполняющие роли актеров, себе он отводит роль режиссера-постановщика, своего рода творца этой реальности: «Не спектакль, не искусство – эпизод жизни, возведенный в степень искусства, – вот его сфера. Когда нет отдельно зрителей и актеров, нет рамп и сцены, люди не играют – они живут по законам игры, по мифической схеме» (4, с. 73). Перед читателем предстает герой, претендующий творить на правах, одинаковых с Богом, творцом Вселенной. В желании Меньшутина устроить мир по законам искусства присутствует акт вызова Богу-творцу: герой, соперничая с самим Творцом, ставит под сомнение целесообразность подобного мироустройства, в котором, по представлению Меньшутина, царят законы хаоса. Прохор Меньшутин стремится организовать мир, придать ему форму с помощью игрового начала, заключить все многообразие бытия в жесткие рамки искусства: «Ах, черт возьми! Они плакали настоящими слезами и смеялись настоящим смехом, они могли по-настоящему умереть в экстазе, разыгрывая неизвестно кем сочиненный сценарий. И переставали хоть на это время быть глиной, повседневным месивом, удаивались формы – формы, понимаешь?.. и направляли все это его пальцы, пальцы Прохора» (4, с. 73).

Жизнь, в свою очередь, на протяжении всей повести доказывает герою кощунственность насильственного подчинения огромного многообразия сухой схеме, демонстрирует, что насилие над волей человека и его судьбой не является способом гармонизации, а хаос исключить из жизни невозможно, поскольку он образует вместе с гармонией многообразие бытия. Жизнь, таким образом, вносит коррективы в постановку спектакля, предлагая свои варианты развития событий. Нарушения в строгой схеме волшебной сказки мы наблюдаем на протяжении всей повести. Сначала герой лишается возможности иметь родную дочь, что в классическом сценарии «Золушки» осознается как необходимое условие. Затем вторая жена героя, Варвара Степановна, не желает играть роль мачехи для Зои. Сле-

дующим событием, нарушающим классический сюжет, становится возникновение в душе Меньшутина чувства к Светлане Леонидовне, которое дает совершенно иную сюжетную линию. Четвертое нарушение задуманного хода событий происходит, когда Зоя не замечает принца, найденного для нее отцом, Юру Бешеного, а влюбляется и делает выбор в пользу неподходящего, с точки зрения отца Зои, пресного варианта, – Кости Андропова.

Главный герой желает ощутить себя вписанным в человеческую культуру, различные памятники и коды которой позволяют ему ощутить принадлежность к человечеству как мыслящее, сознающее себя существо, которое способно сотворить и тем самым обогатить культуру. Прохор Ильич пытается возродить традиции карнавального шествия и древние празднества, связанные с культом языческих древнегреческих богов. Прохор Меньшутин через устройство судьбы дочери пытается восстановить надлежащий порядок и устранить социальную несправедливость, возникшую по отношению к его персоне. Золушкой является не столько Зоя, сколько сам Меньшутин: социальная «униженность» предопределяет поиск героем необходимой формы для изменения установившегося порядка вещей в мире. Через обретение высокого общественного статуса Зоей-Золушкой сам Меньшутин пытается возвыситься над окружающим миром бездуховности и стандарта.

Жена Меньшутина, Анна Арсеньевна, также играет в спектакле Прохора Ильича не второстепенную роль: первоначальный сюжет связан с рождением дочери и постановкой пьесы, где Заира должна сыграть «женственно-сильную» и яркую натуру. Внутренняя речь Анны Арсеньевны помогает глубже проникнуть в характер Меньшутина и обнаружить особенную двусмысленность его нрава: «...ее поразила вдруг мысль, что, при всей своей разбросанности и уступчивости, он в конечном счете всегда добивался своего — как будто не сомневался в этом своем, что его не заботило, какими путями, в какие сроки и с какими подробностями оно осуществится. Он умел подтолкнуть события как бы ненароком...» (4, с. 80).

Роль, которую готовит для жены Меньшутин, — роль жертвы, умершей матери Золушки. В характере болезни героини появляется оттенок роковой неизбежности: Анна Арсеньевна угадывает, какую роль она должна сыграть в спектакле мужа, и вынуждена подчиниться воле творца пьесы, осознавая, что смысл его жизни кроется в том, удастся ли ему претворить фантазию в жизнь.

Перейдем к рассмотрению других персонажей, имеющих непосредственное отношение к развертыванию сказочного сюжета, воплощаемого в жизнь. Дочь Меньшутина, Зоя, получает первоначально имя Заира, однако девочке не нравится выбранное отцом имя: оно вызывает у Зои сопротивление. Это свидетельствует о том, что судьба, выбранная в соответствии с именем Заира, не принадлежит Зое.

Наречение новым именем осуществляется с помощью «слова» тети Паши: имя мгновенно прини-

мается самой героиней в качестве единственно верного варианта. Имя Зоя переводится с греческого языка как «жизнь» и определяет в характере героини сочетание двух основных черт, символизирующих две фазы жизни — рождение, активность и смерть, сон.

Зоя предстает перед читателем на протяжении практически всего повествования спящей красавицей, жизнь которой — непрерывный сон: «...она все казалась какой-то неразбуженной» (4, с. 121). Ее тело и душа спят, не пробужденные к жизни, но как только наступает пора любви, героиня оживает и расцветает на глазах у читателя: «Даже те, кто видел в эти дни Зою дома каждое утро и каждый вечер, не могли не заметить внезапной и быстрой перемены, которая совершалась с ней буквально на глазах... Щеки ее порозовели, обычная их худоба сменилась мягкой затененностью, глаза, и прежде большие, но всегда как бы сонно припухшие, сейчас распахнулись; очертания и линии тела стали незаметно смягчаться, округляться; исчезла подросточья угловатость...» (4, с. 170). Автор пользуется приемом гротеска, чтобы изобразить значимость силы любви в преобразовании мира и подчеркнуть естественность этого процесса по своей мощи сопоставимого с актом творения. Гротескное изображение наполнения жизнью героини необходимо для введения аналогии с мифологическим образом матери-природы, олицетворяющей саму Жизнь, побеждающую любые умозрительные, философские схемы: «Она сама чувствовала, что каждая клетка ее беспокойно набухает, стремится раздвоиться в росте; все тело ее было наполнено словно брожением мельчайших пузырьков газа <...> и в этом пространстве она занимала все больше места, расширялась, наконец, теряла ощущение собственного тела...» (4, с. 170).

Тема «маленького» человека, столь характерная для раскрытия образа Меньшутина, не соотносится с характером Зоюшки, поскольку в общении с окружающими людьми она не испытывает неудобства и не чувствует себя чужой в какой-либо среде. Данная тема актуализируется при рассмотрении образа Меньшутина, так как его жизненная философия содержит пункты о социальном возвышении благодаря творению и участию в игровом мире.

В пьесе «Золушка» Меньшутин отводит тете Паше роль феи, помогающей Зое нарушить запрет отца и явиться на бал в праздничном наряде. Амбивалентность также является характерной чертой образа тети Паши: образ феи меняется на противоположный — образ Бабы-Яги: «...рот — совсем старушечий, беззубый, в разговоре тетя Паша прикрывала его пальцами, отчего выражение ее лица с маслянистыми узкими глазками имело всегда оттенок несколько плутоватый» (4, с. 88).

Варвара Степановна, ставшая избранницей Прохора Меньшутина, иллюстрирует историей своей жизни тему «маленького» и угнетенного человека, которого весь город считает необходимым упрекать и осуждать. Образ ее предстает как амбивалентный: с одной стороны, изображается как

«жертва», с другой – в отношениях с будущим мужем и некоторыми горожанами, ведет себя как «тиран»: «Всегда безотказная и исполнительная, она с некоторых пор стала позволять себе даже опоздания, Меньшутин ни слова ей не говорил». Варвара Степановна не является достойной кандидатурой в супруги герою, она не подходит «местному королю», Меньшутину, по своим духовным качествам и устремлениям, направленным на удовлетворение прежде всего практических нужд. Но и Варвара Степановна, как первая жена Меньшутина, обречена на выполнение заготовленной для нее роли – роли мачехи: «Она была обречена; что бы она ни делала и как бы ни крутилась, ей суждено было теперь оставаться мачехой» (4, с. 145).

Сестры Зои иллюстрируют положение о двойниках: как бы не старалась Варвара Степановна сделать сестер не похожими друг на друга, все усилия после года, проведенного в разных городах, оборачиваются провалом – Полина и Раиса в условиях стандартизированной жизни становятся одинаковыми. Сестры похожи не только внешне, но и внутренне – они имеют общие интересы, выбирают одну и ту же профессию, знакомятся с похожими парнями, приобретают идентичные привычки. Иллюстрируют собой идею о шаблонности обычной жизни, которая производит копии людей с одинаковыми устремлениями.

С мотивом двойничества тесно связана тема маски, подмены настоящего кажущимся. Меньшутин постоянно разыгрывает различные роли, меняет маски. Все эти примеривания многообразных личин свидетельствуют о том, что герой стремится найти свое истинное лицо, обрести свое я. Меньшутин естественно стремится подвергнуть искусственным преобразованиям, а из подлинника сотворить определенную маску, копию.

Различные замены рождают многообразие отражений и двойников, функционирующих и подменяющих друг друга в мире. Перед читателем предстают многообразные двойники героя, которые иллюстрируют собой те или иные черты характера самого Прохора Ильича. Двойником Меньшутина по социальному положению является Юра. Бешеный оказывается непонятым, униженным людьми и судьбой человеком, в свою очередь стремящемся доказать свою личностную ценность, как и главный герой. Юра Бешеный в социуме исполняет роль шута, подобно Прохору Меньшутину, прячет за этой маской свое истинное лицо, чтобы приспособиться в мире шаблонов и стандартов.

Двойником Юры, претендующим на роль «принца» для Зоюшки, в то же время является Костя Андронов. Данный герой раскрывает внутренний потенциал Зои: влюбляясь в Костю, сама героиня определяет свой жизненный путь, отклоняясь от выбранного для нее варианта судьбы и демонстрируя, таким образом, несостоятельность фантазий отца в стремлении насильно преобразовать ее судьбу и жизнь вообще.

Следующей парой двойников следует рассматривать пару: Меньшутин – мастер, изготавливаю-

щий цветы, похожие на настоящие. Сопоставление двух героев происходит на основе особого отношения к искусству: мастер стремится сделать цветы, которые трудно отличить от живых, копирует природные явления, и Меньшутин действует по той же схеме, желая претворить сказку в жизнь. Но автор отмечает непрактичность и ненужность творений мастера при параллельном существовании оригинала, уже созданного природой и являющегося совершенным по определению. Оба они предстают как копиисты, не способные создать принципиально ничего нового: «Это были алые, нежно обугленные в глубине маки на волосатых шершавых стеблях, с лепестками, которые облетали на третий день, оставляя зеленую коробочку с сухо шуршащими семенами внутри и тончайшей выработки одуванчики. Бесплезность этого изощренного искусства, вступившего в состязание с природой, тронула Прохора Ильича» (4, с. 92).

Двойником Меньшутина является и Артемий Звенигородский, бесплатно рисующий декорации для спектакля Меньшутина «Золушка». Оба героя – творческие натуры, создающие собственные шедевры, которые имеют поразительную схожесть с оригиналом – Звенигородский работает по заказу и знает свою работу в совершенстве. Совершенства в своей пьесе хочет добиться и Меньшутин. Мысль о непроявленных способностях и низком социальном положении одолевают и Звенигородского. Самолюбивая мысль возвыситься преследует обоих постоянно, но каждый осуществляет задуманное своим способом. Однако и художник оказывается копиистом и стандартно мыслящим творцом: «К сожалению, банальность не дает тебе выйти за рамки ампула. Но может, это и не к сожалению. Ты очень односторонний, князь» (4, с. 156).

Сказка как акт творения и фантазии, является способом противостоять пошлости обыденного мира, способом сохранить свое я от разрушающего хаоса цивилизации, где человек – это всего лишь «молекула в безвоздушном потоке». Сказка для Меньшутина – способ проявления своей личности в полном объеме, это реализация своего предназначения в жизни, обретение своей идентичности, это гармонизация хаоса жизни и придание существующему миру некоего смысла. Полностью погружаясь в замысел сказки, герой теряет очень важное: знание и родовую память, связывающую с природным миром, естественным и подлинным. Перед смертью герой погружается в миг ясности, противоположной в контексте повести той постоянно сопутствовавшей Меньшутину двусмысленности и смущению, и получает необходимые ответы: «Это был миг, заполненный бездонной ясностью, слабым неярким запахом травы и жестких листьев...сквозь который он несся когда-то навстречу своей любимой <...>, где мудро и неумолимо перемешивались лепестки вишен и иссохшие семена, минувшее и настоящее, надрыв и смех, золотари и актеры, недостижимые мифы и карточные короли – превращаясь в соки для новых корней и подтверждая величие и святость единственной, не подвластной ни-

кому жизни...» (4, с.183). Но после краткого мига ясности Прохор Ильич возвращается к своему исходному состоянию – двойственности. Герой остается верен до конца своей идее, хотя и осознает, что потерял значительно больше, чем смог приобрести благодаря воплощению сказки в жизнь.

Авторская точка зрения заставляет задуматься читателя над тщетностью усилий Меньшутина создать что-то новое, так как в результате у него получается копия, «карикатура, путаница», т. е. герой не привносит своим действием в жизнь ничего нового, но повторяется: «Жизнь его, как это уже бывало, неслась в совершенно неожиданном завихрении, а он лишь улыбался рассеянно – словно не замечая, что выходит карикатура, путаница, какой-то шум в ушах, не замечая или забыв, что мыслил совсем иное...» (4, с. 87). Напрасными оказываются все жертвы и труды Прохора Ильича, стремящегося изменить судьбу Зои, они обесцениваются, поскольку жизнь, которую выбирает Зоя, не вписывается в сценарий Меньшутина.

Соответственно, одной из важнейших тем для М. С. Харитоновой является экзистенциальная тема обретения человеком смысла собственного существования, осуществляемого посредством творчества. Благодаря мотивам маски и двойничества, автором показаны бытийные проблемы раздвоения человека и борьба в его душе основных сил, одних – способствующих воплощению как полноценной личности, других – нивелирующих ее, превращающих в копию, живущую в стандартных условиях жизни.

Меньшутин желает насильно преобразить обыденную, бездуховную реальность с помощью карнавала. В своих творческих устремлениях он предстает не настоящим творцом, а копиистом, не способным создать ничего нового. Однако как художник-философ Меньшутин остается верен своей идее до конца, осознавая при постижении чудесного мига ясности, что в погоне за совершенством он растерял коренные истинные знания о мире. Творчество осмысливается М. Харитоновым как способ, помогающий преобразить реальность, однако в условиях свободной воли, в условиях, когда человек, не пренебрегая, хранит общечеловеческие ценности: любовь, семью и свободу выбора.

Литература

1. Бахтин, М. М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса / М. М. Бахтин. – 2-е изд. – М.: Худож. лит., 1990. – 543 с.
2. Брагинская, Н. В. Раб. Мифы народов мира. Энциклопедия / Н. В. Брагинская; под ред. С. А. Токарева. – М., 1991. – Т. 2. – С. 360.
3. Заманская, В. В. Экзистенциальная традиция в русской литературе XX века. Диалоги на границах столетий: учеб. пособие / В. В. Заманская. – М.: Флинта, Наука, 2002. – 304 с.
4. Харитонов, М. С. День в феврале: повести / М. С. Харитонов. – М.: Сов. писатель, 1988. – 512 с.

УДК 81 (06)

ОСОБЕННОСТИ ПЕРЕДАЧИ РЕКЛАМНЫХ ОБРАЗОВ В ПРОЦЕССЕ ПЕРЕВОДА

С. В. Биякова, А. Л. Башикина

Нельзя не согласиться с общеизвестной фразой, что реклама – это двигатель прогресса в современном мире, но она может быть успешна в том случае, если выполняет свою коммуникативную функцию. Реклама привлекает внимание многих исследователей как в России (О. А. Феофанов, И. Я. Рожков, Л. Ю. Гермогенова), так и за рубежом (У. Уэллс, А. Дейян, Д. Денисон). В центре внимания находятся особенности создания рекламы и её психологическое воздействие на потребителя, особенности языка рекламы (Н. Н. Кохтев, Д. Э. Розенталь). В тексте рекламы используется довольно большое количество образов и символов, отражающих основные ценности и потребности целевой аудитории рекламы, что позволяет создать имидж товара и фирмы. Именно образы, передающиеся при помощи языкового оформления рекламных текстов, лежат в основе механизма воздействия рекламы. Грамотное использование соответствующих образов способствует успешному продвижению товара.

Рекламный образ представляет собой категорию эстетики, характеризующую особый способ освоения и преобразования действительности. В смысло-

вом плане рекламного образа заключены не личные, индивидуальные ассоциации автора с тем или иным предметом или явлением реальной жизни, а коллективные. Реклама наделяет товары теми символическими ценностями, которые господствуют среди её целевой аудитории, и, независимо от особенностей своей целевой аудитории, любая реклама отражает ценности, ожидания, вкусы, иллюзии всего общества в целом, «отражает массовую психологию» (1, с. 67) именно с помощью образов, которые действуют на подсознание, реклама может выполнять свою основную коммуникативную задачу воздействия на реципиента и побуждения его к приобретению рекламируемого товара или услуги. Если в рекламе подменить господствующие в данном обществе ценности другими, реклама не будет эффективной.

В связи с этим образы при переводе рекламы должны культурно адаптироваться с учётом психологии и особенностей мировосприятия населения страны перевода. Переводчику необходимо понимать особенности менталитета и системы ценностей своего народа, быть в какой-то степени психо-

логом и лингвокультурологом, для того чтобы грамотно адаптировать зарубежную рекламу для своей страны. Кроме того, он должен обладать достаточными творческими способностями и знанием основных правил создания эффективной рекламы для того, чтобы при необходимости создать абсолютно новое рекламное объявление в культурной среде языка перевода.

Результаты исследования позволяют утверждать, что на сегодняшний день около 70 % рекламных текстов адаптируется к российскому рынку, то есть создаётся совершенно (или частично) новое произведение. Образы преобразуются за счёт замены языковых и неязыковых средств, создающих эти образы. Замена является оправданной в том случае, если исходный образ чужд стране перевода и при его сохранении уменьшается эффективность рекламы.

Образы исходной рекламы сохраняются, если они приемлемы для страны перевода, и переводная реклама произведёт такое же воздействие, как реклама исходная. В таком случае желателен подбор эквивалентных соответствий всем языковым средствам, использованным в исходной рекламе для создания образа. В России переводу подвергаются около 30 % рекламных текстов.

Адаптированная реклама – это реклама, включенная в культурную среду языка перевода. Так, образ сильной женщины в американской рекламе часто заменяется на образ женщины слабой, зависимой от мужчины. Американская реклама крема Veet гласит: “Leave him hot and bothered not you” (МС, 2004). В отличие от неё, русский рекламный текст звучит так: “Хочешь нежных отношений? Стань шёлковой! Veet. Ты желанна!” (Cosmo 09, 2007). В первом тексте образ сильной женщины создаётся посредством использования повелительного наклонения, а также антитезы Leave him...not you (Оставь его... не тебя). Во втором случае образ создаётся при помощи использования ситуации диалога, в котором ответ на вопрос о том, как изменить отношения к лучшему, гласит, что необходимо изменить себя. “Стань шёлковой!” – метонимия, эпитет “шёлковый” употреблён не только в значении “гладкий” (о коже), но и в значении “покладистый”. Образ зависящей от мужчины женщины создаётся также лексическим фоном прилагательного “желанна”.

Реклама передана, как представляется, достаточно грамотно. Образы изменены с учётом среды перевода: основной акцент в рекламе товаров для женщин в России делается на искушение, соблазнение, привлечение к себе внимания, красоту, нежность (93 рекламы из 300 проанализированных). В свою очередь, в американской рекламе женщина представляется сильной, независимой, свободной и изображается одна (119 реклам).

Другой пример является примером переводной рекламы. Текст американской рекламы – крем Clinique: “Fact. Eating antioxidants may not be enough to save your skin” (Cosmo 11, 2007). Русский рекламный текст: “Факт. Антиоксидантов, содержащихся в пище, может быть недостаточно для спасения Ва-

шей кожи” (Cosmo 11, 2007). Перевод данного рекламного текста выполнен качественно. В переводе заголовка использованы необходимые приёмы добавления (“содержащихся в пище”) и грамматической замены глагола существительным (“спасение”). В основном тексте рекламы также используются необходимые переводческие приёмы, которые способствуют передаче смысла и помогают воспринимать переводной рекламный текст как исходный. Целесообразным тем не менее представляется сделать текст рекламы более лаконичным за счёт упрощения структуры предложений. Кроме того, возможно предложить иной вариант перевода сочетания Great news (Прекрасная новость) – “Прекрасное решение”. Данный вариант представляется более подходящим сознанию русского человека: благодаря лексическому фону существительного “решение” продукт рекламы преподносится как готовое средство для устранения проблемы, существительное же “новость” не несёт в себе семантики завершенности, “чего-то уже готового”. В рекламе используется один и тот же визуальный образ, что не меняет восприятие рекламы в среде перевода.

Перевод в данном случае возможен, так как ценности, положенные в основу образов англоязычного рекламного текста, совпадают с ценностями русскими. В рекламе крема Clinique пропагандируется ценность здорового питания, которая является универсальной; в основном тексте рекламы описывается механизм действия продукта. В связи с этим образы могут быть сохранены.

В процессе перевода рекламы учёт ценностей и особенностей психологии нации, для которой выполняется перевод, является первостепенной задачей, иначе на языке перевода может получиться не просто не эффективный, но и не совсем понятный текст. Так, примером может служить заголовок рекламы корректора мимических морщин от L’Oreal: “Каждый день заполняйте и уменьшайте глубину морщин” (Добрые советы, 2007). Смысл заголовка становится понятен только после прочтения основного текста: корректор заполняет морщины коллагеном и тем самым уменьшает их глубину. В данном случае заголовок не совсем понятен, не апеллирует к чувствам реципиента и потому не привлекает его внимания. В заголовке также нарушена сочетаемость слов: в русском языке нет сочетания “заполнять глубину морщин”, судя по всему – это дословный перевод с исходного языка рекламы, ведь именно для западного менталитета характерно широкое использование в заголовках повелительных конструкций. Это связано с тем, что западный человек более уверен в своих силах и менее полагается на удачу и судьбу, чем русские, для которых характерна фаталистичность сознания. Именно поэтому в западной, а особенно в американской, рекламе более распространены повелительные конструкции (90), которые создают образ человека, способного изменить мир. В русской рекламе повелительных конструкций сравнительно меньше, что говорит о надежде русских на помощь

свыше. В данном случае представляется необходимым изменить эту повелительную конструкцию и представить в переводе более характерную для русской рекламы структуру: "С каждым днём ваши морщины становятся всё менее глубокими" или "Ваши морщины разглаживаются с каждым днём".

При переносе рекламы из одной среды в другую чаще всего происходит изменение образов исходной рекламы на образы, отвечающие ценностям среды перевода. В таком случае на языке перевода создаётся совершенно новое произведение. В некоторых случаях возможен также перевод рекламных текстов, который должен осуществляться с большой долей осторожности: в рекламе должны сохранить лишь образы, приемлемые для среды перевода.

Переводчик рекламы обладает большей степенью самостоятельности, чем переводчик текстов других жанров. Переводчик рекламы является соавтором рекламного текста, поскольку в результате перевода порой появляется совершенно новое про-

изведение. В то же время на переводчике рекламы лежит большая ответственность: он должен хорошо знать свое общество и быть специалистом в рекламном деле, только тогда ему удастся создать на языке перевода равное оригиналу по силе воздействия рекламное произведение.

Литература

1. Феофанов, О. А. Новые технологии в России / О. А. Феофанов. – СПб.: Искусство-СПб, 2000. – 415 с.
2. Fiedler, E. America in close-up / E. Fiedler, R. Jansen, M. Norman-Risch. – Edinburgh, 2004. – 280 p.
3. Сергеева, А. В. Русские. Стереотипы поведения, традиции, ментальность / А. В. Сергеева. – М.: Наука, 2005. – 320 с.
4. Алексеева, И. С. Профессиональный тренинг переводчика / И. С. Алексеева. – СПб.: Союз, 2003. – 288 с.

УДК 93 (470.4)297

ПРОБЛЕМА ИНТЕРПРЕТАЦИИ ФАКТА И ОБОСНОВАНИЯ МНЕНИЯ В ЖУРНАЛИСТСКОМ ПРОИЗВЕДЕНИИ

(на примере материалов газеты «Известия», журнала «Русский репортёр»
и Интернет-сайта «Кеминфо»)

А. А. Бугаец, Н. В. Обелюнас

Современные СМИ отражают социальные, экономические и политические процессы в обществе, следовательно, процесс журналистского труда, а главное, его результат, затрагивает интересы многих. Этим объясняется актуальность нашего исследования.

Во-вторых, актуальность предопределяет коммерциализация СМИ. Они включены в рыночную экономику, которая ставит производство медиасодержания на поток, заставляет журналистов думать не столько об интересах аудитории, сколько об интересах создаваемых ими коммерчески успешных звезд. Из-за этого, по мнению исследователей В. С. Комаровского (7) и Н. Э. Шишкина (1500), большая часть доставляемой аудитории информации носит развлекательный характер, что уменьшает возможность аудитории получать качественную, достоверную общественно-политическую информацию. Из чего и следует проблема, которую мы исследуем: то, насколько адекватно аудитория будет воспринимать и реагировать на событие, зависит от достоверности и качества истолкования поставляемой информации, от обоснованности журналистских мнений. Право на свободу выражения мнений в силу специфики профессии не может использоваться журналистом без оглядки – его ограничивают и интересы аудитории, и закон, и профессиональная этика. Однако ряд исследователей, и их становится всё больше и больше (например, Комаровский), утверждают, что на российском медиaprостранстве в последние годы наблюдается столкновение журналистики мнения и журналистики факта. Это связано

с тем, что ухудшается качество информации, снижается уровень ее достоверности (ангажированность, корпоративность, мифологизация публикаций и др.).

Цель работы: определить наиболее эффективные способы и средства интерпретации факта и обоснования мнения, на основании этого выявить, в какой мере они используются журналистами.

Объект исследования: материалы, принадлежащие к группе аналитических жанров, опубликованные в период с октября 2007 по февраль 2008 гг. в «Известиях» (полоса «Мнения и комментарии» в четверговом выпуске), в «Русском репортёре» и на Интернет - сайте «Кеминфо» (раздел «Город»). Всего было проанализировано 302 материала.

Сразу отметим, чем обусловлена выборка этих изданий. Во-первых, территориальным признаком (издания принадлежат к разным территориально-административным единицам: журнал и газета охватывают тиражом всю страну, а «Кеминфо» – город Кемерово, хотя как сайт имеет потенциально неограниченную аудиторию); во-вторых, особенностями подачи информации каждым из выбранных СМИ. «Известия» претендуют на звание качественного издания. Они выдают информацию более оперативно, чем еженедельники, при этом публикуемую информацию они, по возможности, проверяют, несмотря на сжатые сроки. Журнал «Русский репортёр», предположительно, должен публиковать ещё более обоснованные мнения, имея больше времени на проверку информации. Сайт «Кеминфо.ру» мы выбрали потому, что, несмотря на свою не-

большую аудиторию, он сам служит источником информации для многих СМИ, и вопрос о качестве мнений здесь также должен быть важным.

Предмет, средства и способы, с помощью которых истолковываются факты и обосновываются мнения.

Нами были выдвинуты гипотезы:

- в журналистских материалах газеты «Известия», журнала «Русский репортёр» и Интернет-сайта «Кеминфо» преобладают мнения, которые в большей степени основываются на субъективных представлениях авторов, а не на фактах;

- источники информации, к которым прибегают журналисты «Известий», еженедельника «Русский репортёр» и Интернет-сайта «Кеминфо», в большинстве материалов не соответствуют требованиям достоверности;

- на Интернет – сайте «Кеминфо» авторы материалов предъявляют более низкие требования к обоснованию мнения, чем авторы в печатных СМИ, что делает публикации более резкими, категоричными и менее обоснованными.

Для достижения этой цели и проверки гипотез были поставлены следующие задачи:

Определить понятие факта и выявить конкретные требования к нему в журналистских произведениях.

Обобщить данные исследований о критериях истинности и репрезентативности факта.

Обобщить данные исследований по проблеме интерпретации факта в журналистских произведениях.

Обобщить имеющиеся знания об источниках информации и определить требования к ним.

Определить понятие «мнения» и его роль в журналистском произведении.

Определить критерии разграничения факта и мнения, и на их основе выявить признаки обоснованности (необоснованности) мнения.

Оценить, насколько квалифицированно используются источники информации как один из критериев обоснованности мнения в журналистских текстах.

Выявить, какие тенденции преобладают в части интерпретации факта и обоснования мнений в материалах современных СМИ.

Определить черты типичного комментария (мнения) для каждого из вышеназванных СМИ.

В своей работе мы использовали качественные методы (это качественное описание и сравнительный анализ) и количественные (контент-анализ).

Теоретические и методологические основания: теория социальной ответственности прессы и принципы профессиональной этики журналиста и массовоинформационного права.

Работа состоит из введения, трёх глав (первая и вторая главы – теоретические, в них мы определяем критерии обоснованности мнения и способы интерпретации факта в журналистском произведении, третья глава – практическая, в ней мы проводим анализ мнений в материалах СМИ, выявляем преобладающие тенденции и строим на их основе типич-

ную модель комментария для названных СМИ), заключения, списка литературы и четырёх приложений.

Результаты проделанной работы. Мы решили три задачи: определили понятие факта и выявили конкретные требования к нему в журналистских произведениях. Факт – это достоверное отражение фрагмента реальности, обладающее социальной репрезентативностью, выраженное в форме утверждения, которое можно верифицировать, то есть проверить на истинность или ложность. По мнению Фоминых, факт – это всегда авторское толкование факта действительности.

Факт должен быть не только общественно значимым, истинным, нести в себе информационную ценность и быть зафиксированным определённым образом (эти четыре требования отмечают все исследователи). Но, по нашему мнению, к этим требованиям можно отнести и возможность верификации факта, и его типичность, и саму возможность сопоставления факта с другими, предшествующими ему, фактами. Для примера возьмём материал Ирины Петровской «Персональное дело маршала Жукова», опубликованный в газете «Известия» от 18 января 2008 года в колонке «Мнения и комментарии». В публикации автор заявляет несколько фактов.

1. У каждой семьи (счастливой или не очень) есть свои скелеты в шкафу и свои тараканы, но редкая семья захочет выставить это свое "богатство" на всеобщее обозрение.

2. В редакцию пришло письмо, в котором дочери Маршала Победы Георгия Константиновича Жукова пишут о передаче под названием "Кремлевские дети", вышедшую в эфир НТВ 12 января сего года. Ее авторы, по мнению дочерей Жукова, «осуществили бесцеремонное вторжение в личную жизнь нашего отца». Они просят автора защитить их от «бесцеремонного отношения ТВ».

3. Родные Владимира Высоцкого запретили режиссеру-документалисту Виталию Манскому использование в его фильме, откровенно рассказывающем о тяжелом недуге артиста и поэта, его стихов и песен.

4. Дочь и вдова Юрия Визбора были удивлены, услышав в программе, посвященной Визбору, утверждения, что их отец и муж растратил себя в бесконечных связях с женщинами да в написаниях конъюнктурных песенок на заказ.

Итак:

- проверке поддаются такие факты, как звонки и письма в редакцию от названных людей, а вот устная просьба о защите от бесцеремонного ТВ проверке не поддается, соответственно это не факт;

- возможность сопоставления факта с другими фактами (письмо сопоставляют со звонком, ибо причина обращения в редакцию одинаковая);

- также делается заключение о типичности приведённых фактов. Из этого следует вывод о том, что ТВ бесцеремонно вторгается в жизнь исторических деятелей.

Во-вторых, мы систематизировали имеющиеся знания о критериях истинности и репрезентативности факта и на их основе выделили несколько критериев, которые согласуются с требованиями к факту. Это практика – критерий сравнения знания с объектом; формально-логический критерий, который применяется, когда нет возможности опереться на практику; типичность фактов; указание источников полученной информации; субъективно-личностный критерий. Возьмём тот же материал Ирины Петровской.

Степень истинности этих фактов можно проследить не только руководствуясь критерием практики, принципом реализуемости (все вышеперечисленные факты применимы к описываемой ситуации) и формально-логическим критерием, но и знанием целей, которые преследовали респонденты, сообщившие о тех или иных фактах. В данном случае герои делились с автором своим негативным мнением об увиденных передачах на канале НТВ (именно там выходила передача «Кремлёвские жёны»). К этой телекомпании относится заявление автора о том, что ТВ «бесцеремонно вторгается личную жизнь знаменитых людей» и с неподходящей интонацией рассказывает об этом аудитории. Можно воспользоваться субъективно-личностным критерием. Ирина Петровская давно сотрудничает с «Известиями». Каждую пятницу в газете публикуются её заметки о прошедшей теленеделе, и аудитория навряд ли ждёт от Петровской каких-то положительных высказываний. Источники информации также указаны – это полученные письма.

В-третьих, мы обобщили имеющиеся знания об источниках информации, предложили свою классификацию источников информации.

1. Источник идентифицируемый:

- в тексте названо конкретное лицо – носитель информации, что обозначено языковыми маркерами. (По словам Германа Грефа, говорит Валентина Матвиенко...);

- в тексте указан конкретный документ, служащий источником. Это может быть всё, что угодно: от мемуаров до свидетельства о рождении;

- источники, опосредованные кем/чем-либо, например информационным агентством или корреспондентом какого-либо издания;

- сам автор является источником информации (других источников информации не указано).

2. Источник неидентифицируемый. (Специалисты говорят, многие считают).

3. Комбинирование нескольких источников в публикации.

Мы выделили и требования к источнику информации. Он должен быть достоверным; соотносимым с другими источниками информации и фактами, упомянутыми в тексте; форма источника не должна противоречить его содержанию; должны соблюдаться языковые требования и требования к оформлению.

Все вышеперечисленные требования к факту, источнику информации, критерии истинности факта можно рассматривать как признаки обоснованности

мнения в материалах СМИ, поскольку именно факт и источник информации являются базой для обоснования мнения.

Также нами была рассмотрена проблема интерпретации факта. Истолкованием фактов называют определённую совокупность приёмов, применяемых непосредственно к текстам. Такими приёмами являются разработка связей между фактами, проведение аналогий между событиями. В проблеме интерпретации факта можно выделить подпроблему – это множественность интерпретаций, которая является следствием субъективности журналистского истолкования фактов. Например, сообщая о беспорядках во Франции, можно делать акцент на работе властей, осуществляющих контроль над ситуацией и охраняющих порядок. А можно сообщать о «большом числе пожаров» и приводить свидетельства напуганных ситуацией обывателей, близких к панике. Это будут две абсолютно противоположные картины вроде бы единой реальности. Из этого следует, что факты об одном событии могут быть представлены по-разному, в зависимости от того, что журналист считает главным, а что – считает частностью.

Если говорить о способах толкования факта в журналистике, то можно воспользоваться способами, применяемыми в уголовном процессе, в частности в криминалистической теории. Это языковой, систематический, логический и исторический способы.

1. Языковой способ толкования – это установление содержания на основе знания о языке, на котором они сформулированы. Это связано с существованием журналистских текстов в языковой форме, их внешним выражением. При языковом способе толкования используются правила синтаксиса, морфологии, словоупотребления. Возьмём тот же материал Ирины Петровской. Например, с точки зрения стиля, в данной публикации используются как разговорные, так и общеупотребительные выражения, имеющие ироничный оттенок и негативную коннотацию: «...Иногда за кадром звучит диалог невидимых кумушек, перемывающих отвратительными голосами кости маршала...», «...Для молодых же что Жуков, что Александр Невский – один черт...», «...Сыновья легендарного кинооператора Романа Кармена в глубоко огорчении звонили мне в прошлом году, увидев в сериале "Сталин. Live" эпизоды, оскорбительные для памяти их знаменитого отца...», «...Но бывает, что в дом без спроса вламываются чужие и начинают шарить по всем углам, беззастенчиво залезая в самые потаённые ящики комодов и буфетов. И члены семьи тогда кричат: "Караул!" и зовут на помощь...». Если идет речь о лексическом уровне лингвистического анализа, то здесь можно говорить не только от разграничения разговорной и общеупотребительной лексики, но и выделении тропов (метафор, эпитетов, сравнений), о фразеологических оборотах (все счастливые семьи счастливы одинаково, все несчастные – несчастны по-своему; скелеты в шкафу и свои тараканы) и устойчивых выражениях (пер-

сональное дело), риторических фигурах (в материале Ирины Петровской это риторические вопросы и восклицания), о языковой игре. На синтаксическом уровне – это применение такого приёма, как парцелляция в публикации.

2. Логический способ толкования – это установление содержания при применении приемов логического мышления. Ирина Петровская, рассуждая о передаче «Кремлёвские жёны», приводит различные примеры недовольных сюжетами потомков. Их много, и, следовательно, авторы программы действительно безответственно отнеслись к истории. Значит, они бесцеремонно вторглись в личную жизнь других людей. Таким образом, выстраивается логическая цепь рассуждения.

3. Систематический способ толкования – это установление содержания на основе знаний о ее логических связях с другими явлениями окружающей действительности. Помимо бесцеремонности ТВ, Петровская затрагивает еще и такое явление, как отсутствие исторической культуры у молодёжи. «...Вся проблема в том, что для большинства телевизионщиков, обращающихся в своих фильмах и передачах к судьбам знаменитых людей, эти люди – глубокая история. А для родных и близких они – родители, отцы или деды, и кто, если не дети, встанет на защиту их доброго (или не очень доброго, но все равно безмерно им дорогого) имени?... Историческое беспамятство – и без того бич нашего времени. Благодаря ТВ, молодежь узнает о героях былых времен всё, кроме одного: почему они были героями, что геройского совершили. О доблестях, о подвигах, о славе мы мало что узнаем из этих программ».

4. Исторический способ толкования или сопоставление – это установление содержания материала на основе знания фактов, относящихся к истории ее возникновения (описание съёмок передачи).

Интерпретация факта часто связана с ошибками – с искажением в нашем сознании отражаемой действительности. К ним относятся выделенные ещё Аристотелем логические ошибки, такие как омонимия, амфиболия, оксюморон, намеренное нарушение меры и т. д.

Во второй главе мы решали две задачи: первых, выявили сущность понятия «мнения и оценки» в некоторых новостных и аналитических жанрах. Мнение – это оценочное суждение, представляющее собой умственный акт, выражающий отношение говорящего (или пишущего) к кому- или чему-либо и сопряженный с психологическими состояниями сомнения, убежденности, веры и т. п. Мнение может быть выражено в форме предположения или в форме утверждения.

Мы выделили черты типичного комментария (мнения) в СМИ. Обычно СМИ представляет комментарий в форме редакционной статьи, в колонке мнений или в виде письма. Мнения и комментарии являются основной частью таких аналитических жанров, как статья и рецензия. Цель комментария – прояснить значение факта, события, выявить их причину, связь с другими фактами, возможные по-

следствия и тем самым повлиять на отношение к ним аудитории. От качества используемых фактов зависит возможность ясного, небанального, обоснованного вывода. В качественном комментарии соблюдаются требования к источникам информации и к интерпретируемым фактам.

Во-вторых, рассмотрев критерии разграничения факта и мнения, мы выявили признаки обоснованности (необоснованности) мнения.

Признаки обоснования мнения:

Указание на непосредственный источник информации, цитирование.

Использование нескольких источников информации в одной публикации.

Достоверность источника информации подтверждена наличием в публикации статистики. При этом указаны источник и условия получения статистических данных.

Наличие в одном материале чётко выраженных точек зрения (мнений), принадлежащих участникам, свидетелям события или экспертам.

Детализация основных комментируемых событий (восстановление подробностей), признаков, которые важны для постановки вопросов (например, можно обсудить заседание Городской думы, подчеркивая и взаимосвязывая разные высказывания, умозаключения депутатов).

Признаки необоснованности мнения:

1. Указание на опосредованный источник информации (посредником является информационное агентство, корреспондент какого-либо издания или просто известное большинству читателей лицо). Информация, дошедшая до аудитории уже через вторые (третьи руки), вызывает сомнения в правдивости её передачи.

2. Сам автор является источником информации или автор обращается к своему личному опыту (часто приводимые в подтверждение своего мнения случаи из жизни автора не всегда возможно проверить).

3. Нечёткая формулировка предмета рассмотрения, обсуждения, спора (это позволяет уйти от обсуждаемой темы)

Для проверки того, как все эти требования реализуются на практике, как журналисты в действительности интерпретируют факты и обосновывают свои мнения, мы провели анализ. Для этого мы разработали классификатор. Он представлен в третьей главе нашего исследования. Состоит из четырёх частей: интерпретация факта, ошибки в истолковании факта, признаки обоснования мнения и признаки необоснованности мнения. В этой же главе нами было выявлено, какие тенденции преобладают в части интерпретации факта и обоснования мнений в материалах современных СМИ. Также мы оценили, насколько квалифицированно используются источники информации как один из критериев обоснованности мнения в журналистских текстах. В «Русском репортёре» и «Известиях» журналисты избегают ссылок на неидентифицируемые источники информации, в основном они цитируют источники опосредованные. Исключение составляет сайт

«Кеминфо». Авторы материалов ссылаются обычно только на один, идентифицируемый источник информации. Во всех изданиях используются приёмы обоснования мнений, больше всего в «Русском репортёре». Тем не менее нередки и необоснованные мнения. Отметим, что показатели в части интерпретации факта во всех изданиях высоки, что говорит о знании авторами ситуации в той или иной сфере. Невысок процент логических ошибок и ошибок в истолковании факта. Он не превышает семипроцентного порога. Это также характерно для всех СМИ.

Черты типичного комментария. В «Известиях» это небольшое эссе или статья на актуальную тему (политическую, экономическую, телевизионную и т. д.), в большинстве случаев на фактической основе, взятой из жизненного опыта самого автора, что затрудняет верификацию суждений. Нередка репортажная составляющая. Используется только один вид источников информации: либо не-, либо идентифицируемые. В качестве аргументов могут использоваться ссылки на документы – как личные, так и на официальные. Тем не менее вывод в комментарии всегда ясен и однозначен. Обычный комментарий в журнале «Русский репортёр» приближен к идеальному: он имеет ясный вывод, построен по классической схеме «факт – комментарий». Обычно публикуется либо в форме письма, либо редакционной статьи. В нём соблюдаются требования к факту и источникам информации. Типичный комментарий сайта «Кеминфо»: практически всегда комментирование является элементом других жанров: интервью, репортажа или корреспонденции. По объёму мнения небольшие, поэтому особой аргументации в них нет. Связи между фактами не устанавливаются. Фактам даётся какая-либо оценка, поэтому вывод в таком комментарии всегда однозначен: либо плохо, либо хорошо.

Итогом нашей работы стала проверка гипотез. Итак, все три выдвинутые нами гипотезы по отношению к сайту «Кеминфо.ру» подтвердились. Это и гипотеза о том, что в публикациях Интернет-сайта преобладают мнения, в большей степени основывающиеся на субъективных представлениях авторов, а не на фактах; авторы публикаций Интернет – сайта «Кеминфо» предъявляют более низкие требования к обоснованию мнения, чем авторы в печатных СМИ. Источники информации, к которым прибегают журналисты сайта, в большинстве материалов не соответствуют требованиям достоверности.

В отношении журнала «Русский репортёр» обе выдвинутые нами гипотезы не подтвердились. Здесь преобладают мнения, которые основываются не на субъективных представлениях авторов, а на фактах. Гипотеза о том, что источники информации, к которым прибегают журналисты этого издания, в большинстве материалов соответствуют требованиям достоверности. Авторы используют все виды источников информации.

Обе выдвинутые нами гипотезы в отношении «Известий» в результате контент-анализа подтвер-

дились: в данном издании преобладают мнения, которые основываются на субъективных представлениях авторов, а не на фактах; источники информации, к которым прибегают журналисты «Известий» в большинстве материалов не соответствуют требованиям достоверности.

На примере этих изданий можно проследить основные тенденции в области фактов и мнений и согласиться с теми исследователями, которые отмечают общее ухудшение качества информации в российских СМИ. С другой стороны, переносить эти выводы на все СМИ страны было бы неверно. Тем не менее полученные выводы могут быть использованы при дальнейшем изучении средств и методов интерпретации факта и критериев обоснованности мнения.

Литература

1. Арутюнова, Н. Д. Типы языковых значений. Оценка. Событие. Факт / Н. Д. Арутюнова. – М., 1988.
2. Большой толковый словарь русского языка. – СПб., 2000.
3. Витгенштейн, Л. О достоверности / Л. Витгенштейн // Вопросы философии. – 1991. – № 2.
4. Ворошилов, В. В. Основы журналистики / В. В. Ворошилов. – СПб., 2000.
5. Как слово наше отзовется // Российская юстиция. – 1998. – № 4 – 6.
6. Кирвалидзе, Н. И. Проблема критерия истины и «советология» / Н. И. Кирвалидзе. – Тбилиси: Изд-во Тбилисского университета, 1984.
7. Комаровский, В. С. Государственное управление и СМИ / В. С. Комаровский // humanities.edu.ru/db/msg.
8. Кудряшов, И. А. ИмPLICITные смыслы как лингвистическая основа разграничения факта и мнения в рамках независимых региональных печатных СМИ / И. А. Кудряшов // Юрислингвистика-7: сб. статей / под ред. Н. Д. Голева. – Барнаул, 2006.
9. Кузнецов, И. Н. Информация (сбор, защита, анализ) / И. Н. Кузнецов. – М., 2001.
10. Лазутина, Г. В. Основы творческой деятельности журналиста / Г. В. Лазутина. – М., 2000.
11. Маурер, Р. Сетевые СМИ – другая журналистика? / Р. Маурер // Эл. источник. – Режим доступа: www.mediasprut.ru/jour/theorie/online/webjour.shtml.
12. Смирнов, В. В. Жанры радиожурналистики / В. В. Смирнов. – М., 2002 // www.media.utmn.ru/library.
13. Фоминых, В. Н. Публицистический факт / В. Н. Фоминых. – Красноярск, 1987.
14. Шостак, М. И. Журналист и его произведение / М. И. Шостак. – М., 1998. – С. 38 – 48.
15. Шишкин, Н. Э. Введение в теорию журналистики / Н. Э. Шишкин. – Тюмень, 2004 // Эл. источник. – Режим доступа: www.media.utmn.ru/library.

УДК 81'23

**СУГГЕСТИВНЫЕ СВОЙСТВА ПСЕВДОНАУЧНЫХ ТЕКСТОВ,
РЕКЛАМИРУЮЩИХ ЛЕКАРСТВЕННЫЕ ПРЕПАРАТЫ И БАДы***Н. Д. Голев, И. С. Отрубейникова*

Одним из важнейших направлений языкознания в XXI веке остается когнитивная лингвистика, рассматривающая язык как когнитивный инструмент, как систему знаков, репрезентирующих (кодированных) и трансформирующих информацию. В связи с тем, что человечество в XXI веке находится в фазе перенасыщения информационного пространства и информационного давления, рекламный дискурс оказывает огромное влияние на общественное сознание. Большинство представлений и знаний о мире формируются у человека под воздействием средств массовой коммуникации (телевидение, радио, пресса, Интернет). В рекламном дискурсе активно используются суггестивные психотехнологии. Суггестивный (лат. *suggestio* – внушение) процесс воздействия на психику адресата, на его чувства, волю и разум связан со снижением сознательности, аналитичности и критичности при восприятии внушаемой информации. Суггестор стремится ввести адресата в определенное состояние и побудить к определенным действиям, обходя светлое поле сознания.

Использование языка в рекламе представляет собой процесс его едва ли не максимальной интенсификации для получения суггестивного эффекта; реклама выявляет специфические свойства языка, невидимые при обычном его использовании. Для лингвиста в этом смысле реклама представляет собой идеальный полигон для выявления и описания этих свойств. В частности, в зеркале рекламы совершенно иначе, нежели в традиционной лингвистике, предстает соотношение информационной и суггестивной функции текста.

Далее мы разрабатываем гипотезу, в соответствии с которой информационная функция текста является лишь средством суггестивной функции и находится с ней в отношениях подчинения. Разработка осуществляется на основе текстов, которые мы обозначаем термином «псевдонаучные тексты». Такие тексты имитируют научный дискурс для воздействия на сознание потребителей рекламируемой продукции, эксплуатируя доверие потребителей к науке и тем самым стремятся вызвать чувство доверия к товару.

Непосредственный материал исследования – рекламные тексты, содержащие приметы научного стиля речи, в частности, тексты, рекламирующие лекарственные препараты, БАДы и другие лечебные средства. Основу выборки составили рекламные тексты из газеты «Аргументы и факты» за период с 13 по 19 сентября 2006 г., материалы Интернет-сайтов с рекламой лекарственных препаратов и БАДов, газета «Здоровый образ жизни» (ЗОЖ), а также другие виды рекламных текстов. Особенности воздействия избранных текстов на носителей русского языка выявлялись через опрос информантов. Для

эксперимента использовалась группа из 100 человек в возрасте от 19 до 30 лет, с полным высшим или неполным высшим гуманитарным образованием.

Теоретической основой нашего исследования стали положения работ В. фон Губмольдта [3] и теория лингвистической относительности Сепира-Уорфа. По словам Э. Сепира: «Язык служит руководством к восприятию социальной действительности. ... Мир, в котором живут общественные образования, говорящие на разных языках, представляют собой различные миры, а не один и тот же мир с различными этикетками...» [1].

Проблема влияния языковых особенностей текста на усвоение, запечатление и переработку информации не нова для психолингвистики. Так, проблеме вербального воздействия на языковое сознание потребителей рекламы посвящены различного рода исследования российских и зарубежных ученых: И. А. Авдеенко [4], Е. Г. Толкунова [5], И. Ю. Черепанова [6] и др. Однако влияние имитации научного текста в рекламе изучалось недостаточно, хотя отдельные замечания имеются. Например, работа Н. В. Гончаренко «Суггестивность в речевых актах медицинского дискурса» рассматривает широкий спектр речевых приёмов, посредством которых осуществляется преднамеренное и непреднамеренное суггестивное воздействие врача на пациента. Автор пишет о том, что «суггестивность врачебного запрета усиливается смысловой значимостью производимых слов и использованием терминологических сочетаний (инфекционный агент, венозный кровоток, синус-тромбоз). Врач использует специальные термины и терминологические сочетания в речи для того, чтобы убедить адресата в своей компетентности, достаточной профессиональной подготовке» [2].

Какие же свойства научного текста используются в рекламе? Классическое определение научного стиля речи обязательно включает в себя ряд существенных функций этой разновидности текста:

1. Информационная – передача специальной информации (коммуникативная функция).
2. Отражение действительности и хранение знания (эпистемическая функция).
3. Получение нового знания (когнитивная функция) [7].

В лингвистическом отношении наиболее значимыми особенностями научного стиля речи являются следующие:

1. Отвлеченность, обобщенность, подчеркнутая логичность изложения, четкое структурирование текста, подчинение структуры логике научного доказательства.

2. Использование специальных слов и выражения со строго дефинированным смыслом (научная терминология). Каждая отрасль науки располагает своей терминологией, объединенной в одну терминосистему (терминология медицинская, математическая, физическая, философская, лингвистическая и др.).

3. Использование абстрактной лексики, включающей данные текста в более общую научную парадигму.

Рассмотрим, как псевдонаучный стиль речи использует те же самые признаки научного стиля речи и каким образом в результате такого исследования научные элементы текста изменяют свою функцию: их целью становится не передача объективной информации, а воздействие на адресата текста.

1. Подчеркнутая правдоподобность и фактологичность изложения проявляется в такой особенности псевдонаучных текстов, как указание на количественные данные, что выражается в обилии цифр, чисел, дат в рекламных текстах. Приведем примеры: «...более 200 млн. человек, страдающих этим (сахарный диабет) недугом» («Диабетулайн»), «число незарегистрированных диабетчиков гораздо выше», «В России около 45 % жителей сегодня страдают от бессонницы, а в Америке почти 60 %. В Англии на снотворные средства приходится до 10 % рецептов» («Морфей»). «В наши дни проблемы с суставами, по статистике, имеет каждый четвертый человек в возрасте 30 лет и 90 % тех, кто перешагнул 50-летний рубеж» («Живокост»). Модус фактоподобия псевдонаучных текстов вытекает из того, что они имитируют объективность, но при строгой научной верификации выясняется необъективность их информации, используемой в рекламе... В рекламе частотны предикаты констатации непроверенных фактов, событий: с диабетом можно жить! Можно – модальный оператор разрешения. Возникает вопрос, кто разрешает жить и кому? Сегодня в мире более 200 млн. человек страдают этим (сахарный диабет) недугом. Пресуппонируется утверждение, что от диабета люди обязательно страдают. Несмотря на выдающиеся достижения современной медицины, диабет до сих пор не поддается излечению. Роль и заслуги медицины в этой области, бесспорно, заняты. Как правило, научить жить с диабетом является важной целью диабетологов всего мира. Утверждение содержит непроверяемую информацию с положительной коннотацией и обобщением (всего мира).

2. Некоторые исследуемые рекламные тексты содержали апелляцию к мифу (признак обобщенности культурных знаний, которые выражает язык), которая является объективной составляющей культурного фрейма. Например, в составе крема («Фитодоктор») – смола священного ладанного дерева босвеллии. Дух времен донес до нас теплый, сухой, исключительно стойкий аромат ладана. Его волшебные свойства приносят облегчение при болях в суставах использовали специалисты фармацевтической компании «Мерцана». Тот факт, что ладан священен, обусловлен культурной традицией хри-

стианства, лечебные свойства деревьев – языческой. Мифологические тексты (мифы, сказки, легенды и др.) воспринимаются личностью без критической и логической оценки.

3. Рекламные тексты также могут содержать в себе исторический экскурс (точность предлагаемой информации). Например, сахарный диабет известен со времен Древнего Египта («Диабетулайн»). Апелляция к истории Древнего Египта, Древней Греции, Рима связана с восприятием этих древних цивилизаций как колыбели науки. Следовательно, такие данные повышают степень доверия у информантов. Интересной в данном отношении является реклама препарата «Живокост». Первая часть текста посвящена строительству Эйфелевой башни и называется «Главное бедро Франции», вторая часть соответственно содержит описание препарата: в 1889 году в Париже появилось сооружение, ставшее впоследствии его главным символом, - Эйфелева башня. Замышлялась она как временное строение на период работы Всемирной выставки и т. д.

4. Проблема, о которой говорится в рекламном тексте, представляется как общая, затрагивающая каждого человека, распространенная во всем мире: «В России около 45 % жителей сегодня страдают от бессонницы, а в Америке почти 60 %. В Англии на снотворные средства приходится до 10 % рецептов» (Россия – Англия – Америка), «Сахарный диабет – самое грозное заболевание, которое называют эпидемией XXI века» (т.е. сахарный диабет – самое страшное заболевание XXI века), «Заболевания, связанные с дефицитом йода, могут развиваться в любом возрасте. Их причина часто заключается в том, что организм недополучает йод с пищей» (т. е. организм каждого человека испытывает дефицит йода).

Важным для рекламодателей оказалось указание на наличие клинических испытаний в научных центрах: ГУ НИИ питания РАМН, фармацевтический рынок РФ, товар сертифицирован, регистрационный номер, номер регистрационного удостоверения.

5. Каждая отрасль науки располагает своей терминосистемой. Термин (лат. terminus – «граница, предел») – это слово или словосочетание, являющееся названием понятия какой-либо сферы производства, науки, искусства. Научные термины в текстах рекламы лекарственных препаратов и БАДов составляют 15 – 20 % от общего объема текста. Например, триглицериды, изофлавоноиды, ди-гидрохверцитин, экстракция, босвеллия, пролонгируемое действие, антиоксидант, холестерин и др.

В основном лексическом поле «медицина», «здоровье» частотны следующие терминологические единицы, маркирующие отнесенность рекламы к научно-медицинской сфере: здоровье, лечение, препарат, лекарство, эпидемия, больной, ученый, разрабатывать, микроэлементы, кровеносные сосуды, углеводы, глюкоза, осложнение, рацион питания, щитовидная железа, головной мозг, рецепт, целенаправленное воздействие, специалисты,

усваиваться, биотехнологии, стрессовые нагрузки и др. Слова бытового характера также приобретают в научном тексте обобщенное, часто терминологическое значение: чайная ложка, капля (лекарства), дерево, растение и др.

6. На синтаксическом уровне научный текст характеризуется активным употреблением конструкций, отражающих причинно-следственные отношения, они характеризуются обилием распространенных и сложноподчиненных предложений. Это же характерно для псевдонаучных текстов: Принимайте «Атероклефит», если у Вас предрасположенность к сердечно-сосудистым заболеваниям. «Атероклефит» содержит особые вещества – изофлавоноиды, которые помогут снизить уровень холестерина, на-

дежно защитят ваши сердца и сосуды («Атероклефит»). Не вызывая прямого снотворного эффекта, компоненты фитокомплекса повышают готовность ко сну за счет уменьшения стрессовой нагрузки, мягкого успокаивающего действия, восстановления нормальной функции центральной нервной системы «Морфей». Однако причина и следствие появления здесь другие, а именно: причиной выступает намерение эффективно продать товар, а следствием – его купить.

5. На поверхностном текстовом уровне нами был проведен сопоставительный анализ по признаку «длина фразы» псевдонаучного текста и текста научного. Данные приведены в таблице:

	<i>Средняя длина предл.</i>	<i>Средняя длина слова</i>	<i>Кол-во лексем</i>	<i>Кол-во звуков</i>	<i>Кол-во гласных</i>	<i>Кол-во согласных</i>
Научный	135	9	55	468	200 (43 %)	268 (57 %)
Псевдонаучный	94	9	45	405	168 (41 %)	237 (59 %)

Количественные данные анализа научных и псевдонаучных текстов оказываются схожими, что позволяет говорить об имитации научного стиля в данном параметре.

Все перечисленные особенности направлены на имитацию научного стиля текста. С его помощью потребителю рекламы внушается мысль, что информация, приведенная в тексте, является главным предназначением данного текста, а то, что она – лишь повод для покупки товара, уходит на второй план. Однако первичность суггестивной функции обусловлена самим предназначением рекламного текста – воздействовать на потребителя мотивацией к действию (приобретению рекламируемого товара).

Высказанные выше предположения были проверены при помощи лингвистического эксперимента. Группе информантов предлагалось 10 текстовых вариантов рекламы лекарственных препаратов и БАДов компаний «Мерцана» и «Эвалар», после чего предлагалось ответить на контрольные вопросы: какой из данных препаратов Вы бы выбрали для себя или своего родственника и почему? Какие текстовые факторы повлияли на Ваш выбор?

Результаты эксперимента. Общее восприятие текста реципиентами показывает, что на первом этапе личность «Х» ставит вопрос о возможности использования для себя рекламируемого товара, т. е. проверяет наличие или отсутствие мотивации. От этого зависит внимательность и критичность отношения к тексту.

На следующем этапе внимание переходит на слоган, заголовок текста. Оценка «нравится» у 75 % информантов соотносилась с оценкой «оригинально» («Морфей», «DiaDerm», «Стрикс», «Дивимед», «Йодомарин»). Оценка «не нравится» – с «банально», «некрасиво», «это уже было», «я, похожее, где-то видел», «слишком сложно» («Элитон», «Фитодоктор», «Атероклефит», «Диабетулайн», «Кларитин»). Соответственно оценка «нравится» мотивирует к дальнейшему чтению рекламного текста, «не

нравится» снижает мотивацию, что калибруется по невербальным признакам (изменение позы тела, приближение/отдаление рекламы от зрительного анализатора, сфокусированный / расфокусированный взгляд и т. д.).

На языковом уровне реципиенты выделяли следующие особенности рекламных текстов:

1. Использование научных терминов, лексическое значение большинства из которых они не знали. Оказывалась привлекательной сама форма выражения слова («сложно», «красиво», «как-то по научному»). Ср.: терминология, абстрактная лексика.

2. Наличие клинических испытаний и сертификатов у того или иного исследуемого товара и обилие цифр, количественных данных. Ср.: отвлеченность, обобщенность, подчеркнутая логичность изложения.

3. Длина текста. Оценку «хорошо» и «нравится» в 80 % случаев получили тексты, длина которых не превышала 50 – 55 лексем.

В заключение отметим, что большинство реципиентов идентифицировали рекламный текст как научный, вследствие чего оказались в рамках манипулятивного воздействия. «Манипулирование», или «манипуляция» (лат. *manipulare* – в позитивном смысле управлять, управлять со знанием дела, оказывать помощь и т. п.) понимается в современной литературе как искусство управлять поведением человека с помощью целенаправленного воздействия на общественную психологию, на сознание и инстинкты человека. Манипуляция представляет своего рода психическое воздействие, которое производится тайно. Результатом этого явилось внушение адресату мысли о том, что научный стиль представляет данные науки, которая, по мнению многих носителей языка, как раз и противостоит манипуляциям с сознанием.

Литература

1. Гипотеза Сепира-Уорфа // Новое в лингвистике. – Вып. 1. – М., 1985. – С. 111 – 215.
2. Гончаренко, Н. В. Сuggestивность в речевых жанрах медицинского дискурса (электронный ресурс).
3. Гумбольдт, В. Избранные труды по языкознанию / В. Гумбольдт. – М., 1984. – С. 162 – 182.
4. Авдеенко, И. А. Структура и сuggestивные свойства рекламного текста / И. А. Авдеенко. – Комсомольск-на-Амуре, 2001.
5. Толкунова, Е. Г. Семантическое описание современных русских рекламных текстов: (суггестологический аспект) / Е. Г. Толкунова. – Барнаул, 2003.
6. Черепанова, И. Ю. Дом колдуньи. Язык творческого Бессознательного / И. Ю. Черепанова. – М.: КСП, 1996. – 384 с.
7. Лингвистический энциклопедический словарь. – М., 2000.

УДК 81'373.611

СТРАТЕГИИ ИДЕНТИФИКАЦИИ НОВОГО СЛОВА
(на материале свободного ассоциативного эксперимента)
Э. С. Денисова, Е. В. Немцева

Интерес лингвистов к новым словам вообще и, в частности, к окказионализмам не ослабевает уже на протяжении нескольких десятилетий, о чем свидетельствует большое количество работ, посвященных вопросам новообразований (В. В. Лопатин, А. Г. Лыков, Е. А. Земская, Н. З. Котелова, И. С. Улуханов, С. И. Тогоева, Р. Ю. Намитокова, И. А. Нефляшева, Е. Тихоновская и др.). Все это предопределило актуальность разработки теоретических аспектов неологии как особой отрасли лингвистики, изучающей «слова, значения слов или сочетания слов, появившиеся в определенный период в каком-либо языке или использованные один раз («окказиональные» слова) в каком-либо тексте или акте речи» [3, с. 331].

Задачи выявления и описания неологизмов на материале русского языка, его различных функциональных сфер неразрывно связаны с контекстом теоретических проблем исследования тенденций языкового развития, обсуждения вопросов нормативного описания языка и оценки современной языковой ситуации. В решении данных вопросов особая роль отводится теории словообразования. Словообразовательные процессы формируют особое функциональное пространство неологии, где «фактор новообразования» выступает в качестве важнейшего критерия описания словообразовательной системы, ее единиц и тенденций.

Наиболее характерными объектами современных исследований являются те языковые сферы, специфика которых «требует» большего количества окказионализмов. В основном это язык художественной литературы, рекламы, а также различные функциональные стили, в том числе и газетно-публицистический.

Объектом нашего исследования являются окказионализмы, функционирующие в текстах газетных заголовков. Обращение к данной словообразовательной группе обусловлено тем, что новообразования, функционирующие в наиболее важном элементе текста – позиции заглавия, составляют ядерную для газетного текста номинативную группу новых единиц.

Предмет исследования – особенности функционирования словообразовательной формы окказионального слова в индивидуальном языковом сознании. Обращение к неологической лексике имеет особые перспективы, поскольку процесс идентификации подобных слов представляет своего рода «замедленную прокрутку» языковых правил, ответственных за создание познавательных процессов, что позволяет охарактеризовать модели доступа к слову в процессе его восприятия.

Цель работы состоит в выявлении типологии стратегий идентификации нового слова носителями языка. Данная цель предполагает постановку и решение следующих задач:

- 1) изучить литературу по исследуемой проблематике;
- 2) разработать принципы, материал и методику эксперимента;
- 3) построить интегративные поля ассоциативных реакций для слов-стимулов;
- 4) выявить ведущие мотивационные стратегии при восприятии словообразовательной формы нового слова носителями языка.

Цели и задачи работы во многом определили выбор следующих методов исследования: использование метода сплошной выборки при отборе материала; методология словообразовательного анализа структуры окказионализмов; применение психолингвистической методики свободного ассоциативного эксперимента.

Источниками материала послужили тексты газет «Комсомольская правда» и «Аргументы и факты» (1999 – 2006 гг.).

Новое слово как объект изучения лингвистики

Несмотря на большое количество литературы по проблемам неологии, дискуссионным является взгляд лингвистов на термин «новое слово», различны его содержание и объем. Множество разнообразных определений дано в научной литературе по данной проблематике. Наиболее часто употребляются термины «неологизм», «новое слово», «потенциальное слово», «окказиональное слово».

Новые слова – самое широкое понятие из вышеперечисленных. Под новыми словами понимаются лексические единицы, не являющиеся общеупотребительными, но могущие ими стать, появившиеся в языке в определенный период времени и не существовавшие ранее, ощущаемые как новые в языковом сознании носителей языка. «Новым словом» называется любое слово, возникшее в данный период времени в данной языковой системе: это и неологизмы, и окказиональные, и потенциальные слова.

Неологизмы – такие единицы, которые вошли в систему языка и которые используются в речи как готовый материал, обладающий сложившимися семантическими и стилистическими свойствами (признаками). Окказионализмы же не являются фактом системы языка, они свободно образуются в речи всякий раз, когда в них возникает необходимость.

Понятие «неологизм» обозначает новое, свежее слово, которое уже вошло в систему языка, закрепилось в ней. Это «узуальное» новое слово. Окказиональное слово не воспроизводится, а творится, оно никогда не выйдет в систему языка (существуют так называемые «вечные окказионализмы», например пушкинское «огончарован»).

Многие исследователи считают и неологизмы, и окказионализмы подвидами новых слов (Е. А. Земская, В. В. Лопатин). Но нужно помнить, что новые слова могут быть фактами языка (неологизмы) и фактами речи (окказионализмы). Первые, хотя и не входят в состав общеупотребительной лексики, но имеют все шансы на это, так как неологизмы являются частью языковой системы. Поэтому они воспроизводятся всякий раз, когда это необходимо. Вторые – окказиональные слова – творятся всякий раз для каждого конкретного случая.

Другие лингвисты (например А. Г. Лыков) в основу соотношения «новое слово – неологизм – окказионализм» кладут не только признак творимости (невоспроизводимости), но и «одноразовости». Новые слова носят линейный характер на временной оси. Они появляются, затем перестают быть новыми, став общеупотребительным словом или исчезнув; окказиональные же слова всегда точечны, вне-временны. Окказионализм создается только для однократного употребления в речи. А. Г. Лыков пишет: «Новым может быть только то, что способно с течением времени «стареть» – утрачивать качество новизны; а по целому ряду своих признаков и особенностей функционирования окказиональное слово выключено из фактора временной протяженности языкового существования, а значит, и из фактора исторического развития и изменения» [5, с. 42].

Мы придерживаемся первой точки зрения (Е. А. Земская, В. В. Лопатин), считая «новыми» слова, появившиеся в данное время. Мы согласны с тем, что неологизмы и окказионализмы являются разновидностями новых слов. Неологизмы – единицы, которые вошли в систему языка, но в то же время они имеют особую стилистическую окраску, связанную с восприятием этих слов как новых, «свежих» наименований. Окказионализмы – факты речи, которые не входят в язык.

В таком случае между узуральными, принадлежащими системе языка, и окказиональными словами выделяется еще один пласт слов: потенциальные слова.

Потенциальные слова – слова, которые совершенно свободно появляются на основе высокопродуктивных словообразовательных моделей в тех случаях, когда возникает потребность назвать то или иное понятие, не имеющее в языке традиции обществу принятой и закрепившейся номинации.

Потенциальные слова действительно отсутствуют в языковой традиции; в каждом отдельном случае они не воспроизводятся, а создаются вновь, но они не входят в состав языка.

Некоторые исследователи считают потенциальные слова особым видом новых слов. Другие называют данную группу слов подтипом окказиональных новообразований. В таком случае все окказиональные слова подразделяются на две большие группы: потенциальные и собственно окказиональные. Первые созданы по типичным языковым моделям, вторые образованы с каким-либо отклонением от узуральных способов.

В нашей работе под окказиональными словами понимается особый вид новых слов (собственно окказионализмов и потенциализмов), образованных словообразовательными способами и приемами, которые не вошли в систему языкового узуса и по форме четко выделяются на общем фоне «канонических» слов.

Наиболее полно признаки окказионального слова представлены в работах А. Г. Лыкова. По его мнению, окказиональные слова обладают следующими признаками, отграничивающими их от канонических слов [6, с. 10-11]:

- 1) принадлежность к речи;
- 2) творимость окказионализма (невоспроизводимость);
- 3) словообразовательная производность;
- 4) функциональная одноразовость;
- 5) зависимость от контекста;
- 6) экспрессивность окказионального слова;
- 7) номинативная факультативность (необязательность);
- 8) синхронно-диахронная диффузность;
- 9) индивидуальная принадлежность;
- 10) ненормативность окказионального слова.

Представляют интерес окказиональные слова, функционирующие как компонент газетного текста, поскольку они являются отражением особенностей функционального стиля: и тех, которые являются константными, и тех, которые определяются состоянием социума и позволяют уловить общий социокультурный фон и отразить динамику общественного сознания через «языковой вкус эпохи».

Способы образования новых слов

Методом сплошной выборки из заголовков газет «Комсомольская правда» (КП) и «Аргументы и факты» (АиФ) нами было отобрано 10 новообразований различной словообразовательной структуры. Ограничение экспериментального материала кру-

гом имен существительных обусловлено данными анализа газетного корпуса текстов, выявившего «пик предметности» – количественное превосходство имен существительных (60 – 80 %) над общим количеством новых слов всех остальных частей речи [1, с. 88; 11, с. 105]. Подобное противопоставление указывает на более высокую речевую востребованность новых слов с предметной частеречной семантикой, что обусловлено спецификой газетно-публицистического подстиля.

Выбранные нами для анализа окказиональные слова образованы двояко: (1) узуальными способами; (2) способами и приемами, специфическими для порождения окказионализмов. При словообразовательном анализе слов мы опирались на классификацию способов образования, представленную в работах Е. А. Земской [1] и И. С. Улуканова [12].

1. К «узуальным» мы относим окказиональные единицы, словообразовательная структура которых имеет аналог среди способов образования канонических слов:

1.1. Суффиксальный способ. Продуктивность суффиксальных способов образования отмечается внутри семантического поля наименования лиц. Суффиксальный способ можно разделить на два вида по наличию или отсутствию материально выраженного форманта:

1.1.1. Материально выраженный способ. Ср.: монетизатор {монетизация + атор}: «...Президент тогда был не просто встревожен создавшейся ситуацией (законом о монетизации льгот). Всерьез рассматривался вопрос о том, чтобы уволить едва если не все правительство разом, то хотя бы некоторых министров – «монетизаторов» вместе с самим премьером».

1.1.2. Нематериально выраженный способ (нулевая суффиксация). Ср.: консерва {консервировать}: «Он один вот уже девять лет ничем не болеет, у него не добавляется морщин на лице и седых волос, не стареет. Около четверти века Исаев занимается «зацикливанием» живых организмов – останавливает возраст».

1.2. Префиксально-суффиксальный способ также обнаруживает продуктивный характер в сфере образования лиц. Ср.: непроходенец {не + проходен(ие) + ец}: «...Будет ли В. Путин в этот день подводить итоги – сказать не беремся. А вот его соседям по избирательному бюллетеню (тем, что играли и не выиграли) сделать это придется. По закону к этому дню они должны вернуть налогоплательщикам все деньги, которые те в свое время выделили им на предвыборную борьбу».

1.3. Сложносуффиксальный способ. В нашем примере представлен тройной окказиональный способ – сложение с усечением мотивирующих основ и суффиксацией [12, с. 69]. Ср.: Русобелия {Рус(Россия) + Бел(Белоруссия) + ия}: «Пока Путин и Лукашенко спорят, каким быть Союзу Белоруссии и России, поэты, композиторы и певцы «строят» его с помощью нот и рифм».

1.4. Аббревиация. Особое место среди узуальных способов образования занимают различные ви-

ды сложносокращенных слов, используемые в компрессивно-экспрессивных целях. Ср.: телеГА {теле + газета} – (рубрика «Комсомольской правды», посвященная анонсу телевизионных программ).

2. К «неузуальным» нами отнесены такие способы и приемы образования новых слов, как наложение, контаминация, создание по конкретному образцу и каламбурные «игры» со словом.

2.1. Наложение. Яркой особенностью наложения является соединение двух слов в одно, при отнесении определенного отрезка к обоим мотивирующим базам. Другой чертой наложения выступает снятие ограничений на использование разнообразных средств, способствующих выразительности, в том числе и графических, в чем проявляется специфика современного газетного текста [1, с. 191]. Наличие или отсутствие различных видов графических средств выразительности позволяет выделить основные типы наложения:

2.1.1. Междусловное графически выраженное наложение. Ср.: КЛОНдайк {клон + клондайк}: ««К настоящему времени 3 человека из России подали заявку на клонирование в компанию «Клонэйд», которая намерена первой в истории клонировать человека», – сообщила в своем интервью ИТАР-ТАСС пресс-секретарь фирмы Надин Гарри».

2.1.2. Междусловное графически не выраженное наложение. Ср.: покемонстры {покемон + монстры}: «Пройдет год – другой. И мы в полной мере ощутим на себе прелести нового вируса, который тихой сапой прокрался в нашу жизнь. Имя ему – «Покемон»...».

2.2. Контаминация – «безаффиксное соединение двух основ, посредством которого происходит образование окказионализма» [1, с. 192]. В отличие от наложения, в процессе контаминации участвуют фонетически близкие мотивирующие основы (паронимичные), причем часть одной из них вытесняется, не входя в структуру окказионального слова. Взаимопроникновение частей не позволяет произвести четкого морфемного членения окказионализма, в результате чего создается новый корень. Учитывая эту особенность, мы использовали в экспериментальном материале новообразование, имеющее графическое выделение первой входящей в слово мотивирующей базы. Ср.: АИФоризм {АиФ + афоризм}: «Читатель, твоя задача – придумать «АИФоризм» на тему брака и семьи и прислать его к нам в редакцию по адресу ...».

2.3. Создание по конкретному образцу. Немаловажным фактором появления окказиональной лексики является тенденция к экономии языковых средств. Так, в процессе порождения окказионализмов важнейшую роль играет аналогия, которую метафорически рассматривают как «двигатель, который порождает все виды новых слов» [1, с. 182]. Наиболее распространенный прием аналогии – создание по конкретному образцу: в структуре производного слова вычленяются определенные сегменты, которые позволяют создавать семантические параллели со словом-прообразом и выразить их.

Образование по конкретному образцу относится к специфическим приемам порождения окказионализмов [1, с. 194], поскольку новое слово образуется при помощи конкретных словообразовательных средств (суффиксации, префиксации). Например, в нашем экспериментальном материале использован окказионализм, ориентированный на непроизводное слово «гремлин» (персонаж кинофильма «Гремлин»), однако образованный при помощи суффикса –ин, формально вычлняемого в слове-прототипе: дремлин {дремать + ин}. Ср. приводимый контекст: «А нас, дремлющих родителей, она называла... «дремлинами» – по аналогии с фантастическими персонажами из американского фильма – гремлинами».

2.4. Каламбурные «игры» со словом отражают языковой эксперимент в сфере семантического сближения однокоренных слов, омонимов и паронимов, что служит источником членимости структуры окказионализмов по аналогии с общеупотребительными словами [1, с. 198]. Реализуя высокую степень выводимости своего значения, данные окказионализмы имеют связанный характер, т. е. функционируют в заданном прецедентным текстом лексическом окружении. Например устойчивое словосочетание «летучий голландец» и его каламбурная модификация в тексте газеты «летучий сиднеец»: «Опять преобладает, как и в прошлые годы, вирус субтипа А / сиднейский, впервые обнаруженный в 1997 году в Сиднее».

В ходе обобщения результатов экспериментов со структурно-семантическими характеристиками обозначенных выше слов, составивших операциональную базу исследования, учитывалось восприятие испытуемыми степени «свежести» и «новизны» окказиональной лексемы. Именно с опорой на «степень окказиональности» и был составлен экспериментальный список слов-стимулов, отражающих актуальные процессы словообразования в газетном тексте.

Принципы, материал и методика эксперимента

При проведении нашего эксперимента мы опирались на достижения Тверской психолингвистической школы (ТПШ), в частности, на разработанную методику экспериментальной базы на материале различных частей речи (существительных, прилагательных, глаголов) [10, с. 84], включившую четыре основных этапа:

- 1) опознание слов-стимулов как знакомых/ незнакомых;
- 2) субъективное шкалирование слов по пятибалльной шкале на градацию «понятности»;
- 3) использование методики свободного ассоциативного эксперимента;
- 4) субъективных дефиниций.

Все это позволило обеспечить сопоставление полученных данных в связи с (1) механизмами работы с новым словом и (2) уровнями идентификации его значения, выделить (3) различные опорные

элементы, используемые индивидом в процессе опознания значения стимульной единицы.

Экспериментальный список состоял из 10 окказиональных слов-стимулов. При отборе материала нами учитывались следующие характеристики анализируемых лексических единиц:

- 1) основные категории существительного (род, одушевленность, число и др.);
- 2) способ образования (узусный / окказиональный);
- 3) семантическая сложность слова.

Опрашиваемую аудиторию составили носители литературного языка в возрасте 16 – 17 лет, учащиеся ГОУ «Губернаторский многопрофильный лицей – интернат». Общее количество информантов составило 20 человек.

Общая схема эксперимента была следующей:

- 1) информантам предъявлялся список слов и предлагалось записать первые приходящие в голову ассоциации без ограничения на форму и количество реакций; кроме того, информантам было предложено;
- 2) разграничить данные слова как встречавшиеся (знак «+») или не встречавшиеся ранее в речевой практике (знак «–»);
- 3) определить степень понятности слова по 5-балльной шкале от 0 до 4 («0» – слово совсем непонятно, ... «4» – абсолютно понятно).

Материал эксперимента был напечатан на отдельном бланке в алфавитном порядке, инструктаж информантов проводился с целью адекватного понимания предложенных заданий.

Анализ экспериментального материала позволил построить единое поле данных для каждого слова, интегрирующее выявленные опорные элементы ассоциирования и связи между исследуемым словом и полученными ответами (см. таблицу; в скобках указано количество одинаковых реакций на слово).

Результаты свободного ассоциативного эксперимента. Стратегии идентификации нового слова

В качестве рабочего определения стратегии мы берем следующее: закономерности в принятии решений в ходе познавательной деятельности человека [10, с. 84]. Стратегия понимается нами как способ получения, сохранения и использования информации, который служит достижению определенных целей и приводит к определенному результату.

В работе С. И. Тогоевой [10, с. 98] выявлены основные виды идентификационных стратегий, используемые испытуемыми при опознании значения новых существительных: мотивирующая; словообразовательная; категориальная; стратегия прямой дефиниции; установление связи по сходству звукобуквенного состава; иллюстрация примером; стратегия отказа.

Данные стратегии в целом подтвердились результатами проведенного эксперимента. Однако интегративный характер полученных стратегий, целостно характеризующих структуру окказиона-

лизмов, не всегда позволяет четко разграничивать приоритетные опорные элементы, одновременно выявляющие графические, фонемные, словообразовательные, семантические компоненты слова.

Поэтому, на наш взгляд представляется возможным разграничение полученных нами ассоциативных реакций по двум основным стратегиям идентификации нового слова в зависимости от характера ассоциативной опоры, а именно: стратегиям

1) опоры на формальные мотивирующие элементы и 2) опоры на значение (ситуацию). Необходимо отметить, что выделение идентификационных стратегий проводится условно, т. к. все они находятся в отношениях взаимосвязи друг с другом и их реализация происходит, как правило, параллельно.

<i>Слово-стимул</i>	<i>Ассоциативные реакции</i>
1. АИФоризм	Афоризм (7), АИФ – газета (2), скрытый аифоризм, какое-то выражение, высказывание, юмор, айфоризм, сатира, что-то незнакомое, слова - афоризмы, получение кайфа
2. Дремлин	Гремлин (10), дремать (3), древний (2), монстр (2), какой-то вид спорта, соня, спящий человек, дремлющий, чудовище, всегда дремлет, спать
3. КЛОНдайк	Клон (5), клонирование (2), генетика, брат, одинаковый, сериал, золото, спорт, близнец, река в Америке, корпорация клонов
4. Консерва	Рыба (7), банка (5) ч.-л., килька (2), тушенка (2), мясо, соус, консервированные изделия, паштет, сгущенка, упаковка, маринованный, тушеный, соленый, организатор, сохранение, шпроты, консерватор, законсервировать, сардина, консервы, еда
5. Монетизатор	Деньги (4), монеты (4), монитор (3), связан с монетами, маленький монетизатор, собирание монет, ароматизатор, рабочий, завод, синтезатор, копейка, компьютер, в машине, запчасть, тот, кто делает монеты, механизатор
6. Непрохоженец	Человек, который где-то не проходит (3) нигде, первопроходец (2), человек (2), кто не прошел, непробивной, незнающий дорогу в чем-либо, проигравший, неудачник, непроходимый, не может пройти, полный тупица, не приходит, не изучал, не было, с другой местности, религии, трудно, что-то не проходит, не проходящий, трудно-проходимо, тяжело
7. Покемонстр	Покемон (8) (злой), монстр (5), Пикачу (5), мультфильм (3), игрушка (2), монстрик, сказочные чудища, чудовище, убийца, чудик, телевизионный ужас
8. Русобелия	Название страны (3), Белоруссия (2), русский (2), Русь (2) белая, белье, белить, краска для волос, роса, блондинка, лесоруб, имя, что-то русское, русская белка, неизвестная
9. (Летучий) сиднеец	Житель/ гражданин города Сидней (4), Сидней (3), летучий голландец (2), индеец (2), голландец, летающий австралиец, летящий на самолете в другую местность, река, человек, самолет, мультгерои, Олимпийские игры, летучий змей, связано с кораблями
10. ТелеГА	Повозка (5), телега (4), запряженная лошадьми, телегазета (2), телевизор, тачка, что-то связанное с телевидением или телефонной связью, связь, теле-2, воз, груз, прицеп, корыто, лошадь, клячи, доски, конь, навоз

1.1. Стратегия опоры на формальные мотивирующие элементы включает в себя ряд конкретизирующих идентификационных моделей, – это прежде всего стратегии:

а) опоры на фонетический;

б) графический образы слова [10, с. 101].

а) В качестве ассоциативной опоры на формальные мотивирующие элементы нами рассматривались разнообразные случаи пересечения фонем у исходного слова и полученных на него реакций. Осуществление доступа к лексеме идет путем последовательного перебора списка слов, повторяющих ее начальные/ средние/ конечные элементы морфемного состава. Например, Русобелия - Русь, русский, русское, русская; Белоруссия, белье, белая, белить, белка; Белоруссия; монетизатор - монеты, маленький монетизатор; ароматизатор, синтезатор, механизатор и др.

б) Опора на графический образ слова. В процессе восприятия нового слова носителем языка включение его во внутренний лексикон может происходить на основании графического сходства уже имеющихся в памяти единиц. В результате происходит «подмена» неологической единицы известным индивиду словом, близким в формальном плане, что приводит к опознанию значения не окказионализма, а его «графического двойника». В нашем материале представлены следующие случаи графической подмены: клондайк (вместо КЛОНдайк) – золото, река в Америке; консервы (вместо консерва) – рыба, банка ч.-л., килька, тушенка, мясо, консервированные изделия, паштет, сгущенка, шпроты, законсервировать, сардина, консервы, еда и др.; телега (вместо телеГА) – повозка, телега, запряженная лошадьми, воз, груз, прицеп, лошадь, клячи и др.

Обе выделенные стратегии используются носителями языка при идентификации слов с повышенной степенью новизны, т. е. образованных неузуальными способами и приемами, что затрудняет их восприятие. Однако необходимо отметить частичное пересечение/ совпадение стратегии опоры на формальные элементы с другими видами стратегий (мотивирующей, словообразовательной).

1.2. Стратегии идентификации значения слова реализуют связь между воспринимаемой словоформой и некоторой единицей глубинного яруса памяти языковой личности, отражающей «многогранный предшествующий опыт носителя языка» [10, с. 98]. К данной группе мы отнесли следующие стратегии:

1) мотивирующая стратегия проявляется через все случаи ассоциативных реакций, в которых повторяется корневая морфема исходного слова [10, с. 99], ср.: АИФоризм – афоризм, АИФ – газета; дремлин – дремать, дремлющий, всегда дремлет; КЛОНдайк – клон, клонирование, корпорация клонов; непроходец – непроходимый, не приходит, не проходит, не проходящий, труднопроходимо; Русобелия – Белоруссия, Русь белая, русский, белье, белить и др.;

2) словообразовательная стратегия связана с реакциями, в которых носитель языка повторяет словообразовательную модель, по которой построено слово-стимул [9, с. 100], ср.: монетизатор – ароматизатор, синтезатор, механизатор; непроходец – первопроходец; дремлин – гремлин; (летучий) сиднеец – голландец, индеец, австралиец и др.;

3) категориальная стратегия описывается посредством отнесения нового слова к определенному классу слова (категории) на основании формальных признаков, установленных в данной ситуации индивидом [10, с. 102]. К разновидности данной модели относятся:

а) стратегия прямой дефиниции: АИФоризм – какое-то выражение, высказывание, что-то неизвестное, скрытый аифоризм; (летучий) сиднеец – житель/ гражданин города Сидней, летящий на самолете в другую местность, человек; телеГА – что-то связанное с телевидением или телефонной связью;

б) иллюстрация примером: КЛОНдайк – генетика, брат, одинаковый, сериал, близнец; покемонстр – Пикачу, чудик; Русобелия – блондинка, русская белка; (летучий) сиднеец – самолет, летучий змей, мультгерои и др.

Отдельно можно выделить стратегию, связанную с прагматическим осмыслением нового слова, т.е. наделение слова определенными эмоциональными оценками и впечатлениями, ср.: непроходец – непробивной, непроходимый, полный тупица, неудачник; покемонстр – убийца, телевизионный ужас, чудовище, чудик и др.

Особое место среди выделенных моделей идентификации занимает стратегия отказа. Отказ от дачи ассоциативной реакции связан с определенными коммуникативными затруднениями индивида при опознании слова. Стратегия характерна в основном для новых слов, образованных неузуальными способами и приемами, т. е. представляющих опреде-

ленную трудность при восприятии носителями языка вследствие сложной словообразовательной структуры, – контаминацией (5 отказов), наложением (3 отказа), созданием по конкретному образцу (1 отказ), каламбурными «играми» со словом (1 отказ). Среди слов, образованных узуальными способами, грация отказов представлена следующим образом: сложносuffиксальный (4 отказа), suffиксальный (3 отказа), префиксально-suffиксальный способы (1 отказ), сложносокращенное слово (1 отказ).

Можно проследить определенную зависимость между словами, на которые зафиксированы отказы, и ответами информантов в первой и второй колонках, где данные стимулы оцениваются как незнакомые и обладающие наименьшей степенью понятности.

Таким образом, по результатам проведенного нами эксперимента по идентификации нового слова носителями языка нам удалось:

1) построить интегративные поля ассоциативных реакций для слов-стимулов;

2) проследить функционирование опорных элементов нового слова в процессе его идентификации индивидом;

3) выявить ведущие мотивационные стратегии при восприятии словообразовательной формы нового слова;

4) установить зависимость между способом образования окказиональной лексемы и выбранной индивидом идентификационной стратегией.

Исходя из приоритетных опор идентификации слов (формальных или содержательных) нами были выделены две основные модели опознания нового слова: стратегия опоры на формальные мотивирующие элементы и стратегия опоры на значение (ситуацию).

При идентификации нового слова носителями языка одной из ведущих стратегий явилась стратегия опоры на ситуацию, т.е. включение новой единицы в языковой контекст. Стратегические модели опознания мотивирующей основы стимула и его словообразовательной модели являются доминирующими при идентификации новых субстантивов.

При восприятии словообразовательной формы нового слова, значимыми являются факторы: фонетической (графической) формы слова; словообразовательного средства (аффикса); словообразовательной модели в целом. При учете всех этих факторов у языковой личности наиболее продуктивно происходит опознавание слова-стимула.

Среди экстралингвистических факторов, обуславливающих идентификацию незнакомого слова, можно назвать возраст и гуманитарную специализацию информантов, что отражается на тематике ассоциаций и в выборе слов, употребляющихся в молодежной среде.

Литература

1. Земская, Е. А. Словообразование как деятельность / Е. А. Земская. – М.: Наука, 1992. – 221 с.
2. Земская, Е. А. Активные процессы современного словопроизводства / Е. А. Земская // Русский

язык конца XX столетия (1985-1995). – М., 1996. – С. 128 – 139.

3. Котелова, Н. З. Неологизмы / Н. З. Котелова // Языкознание. Большой энциклопедический словарь / под ред. В. Н. Ярцева. – 2-е изд. – М., 2000. – С. 331.

4. Лопатин, В. В. Рождение слова. Неологизмы и окказиональные образования / В. В. Лопатин. – М.: Наука, 1973. – 152 с.

5. Лыков, А. Г. Можно ли окказиональное слово назвать неологизмом? / А. Г. Лыков // Русский язык в школе. – 1972. – № 2. – С. 49.

6. Лыков, А. Г. Современная русская лексикология. Русское окказиональное слово: учеб. пособие для филол. факультетов ун-тов / А. Г. Лыков. – М.: Высшая школа, 1976. – 119 с.

7. Лыков, А. Г. Окказионализм и языковая норма / А. Г. Лыков // Грамматика и норма. – М., 1977. – С. 62 – 83.

8. Намитокова, Р. Ю. Окказиональное слово на газетной полосе: механизмы экспрессивности / Р. Ю. Намитокова, И. А. Нефляшева // Русский

язык: исторические судьбы и современность: труды и материалы. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 2002. – С. 142 – 143.

9. Тихоновская, Е. Про неологизмы современности / Е. Тихоновская // Проза.ру: [сервер]. – М., 2001, URL // Эл. источник. – Режим доступа: <http://www.proza.ru/texts/2005/05/01-124.html>.

10. Тогоева, С. И. Психолингвистические проблемы неологии: монография / С. И. Тогоева. – Тверь: Изд-во Твер. гос. ун-та, 2000. – 155 с.

11. Токтонов, А. Г. Особенности реализации новых слов в газетных текстах разных жанров (на основе корпуса текстов современной русской газеты) / А. Г. Токтонов // Актуальные проблемы текста: лингвистическая теория и практика обучения: материалы Междунар. науч.-практ. конф. – Улан-Удэ: Изд-во Бурятского госун-та, 2004. – С. 105 – 107.

12. Улуханов, И. С. Единицы словообразовательной системы языка и их лексическая реализация / И. С. Улуханов. – М.: Астрa семь, 1996. – 222 с.

УДК 821.161.1

МИФ О ЛЮБВИ В ПОВЕСТИ АЛЕКСЕЯ РЕМИЗОВА «ПЕТР И ФЕВРОНИЯ МУРОМСКИЕ»

Л. И. Еременко Т. В. Алтухова

Алексею Ремизову, как и многим модернистам рубежа веков, была свойственна поэтика неомифологизма. Подтверждением этого тезиса служит авторский миф о Любви, созданный соединением фольклорных и христианских мотивов в образной структуре повести. В нашей статье мы постараемся проследить принцип их слияния на материале четвертой (канонической) редакции повести.

На данном этапе литературоведческого изучения наследия Ремизова многие исследователи пришли к выводу, что аккумуляция многообразных составляющих древнерусской культуры в его произведениях – один из важнейших факторов развития эстетической системы. Проблеме изучения взаимоотношения древнерусской культуры и творчества писателя посвящены монография А. М. Грачевой «Алексей Ремизов и древнерусская культура», многие статьи сборника «Алексей Ремизов. Исследования и материалы» (работы О. П. Раевской-Хьюз, М. В. Козьменко, С. Н. Доценко, А. М. Грачевой, А. Возняк, Е. В. Тырышкиной, Г. Слобин, Л. А. Иезуитовой, Э. Мануэльяна, А. Д. Амелия, Ю. Молока, Ю. К. Герасимова и др.). На особое место религиозно-мифологического компонента в творчестве Ремизова указывает и Н. Л. Блищ в монографии «Автобиографическая проза А. М. Ремизова (проблема мифотворчества)».

В повести появляются три сущности Любви. Это Любовь – Страсть, Истинная Любовь и Брак без Любви как крайняя степень искаженности любовных отношений. Каждой из сущностей присущ свой принцип построения образов, группирующихся вокруг него, и их мифологизации. Мы остановимся

подробнее на Любви-Страсти и Истинной Любви, так как они являются основными мироорганизующими силами, и их противопоставлением мотивируется композиционное деление повести. Кроме того, принцип «Брак без Любви» не является разновидностью Любви как таковой – он противопоставляет себя ей, это отношения между людьми, где духовная связь (в том числе и Любовь) подменяется чем-то иным. Для создания особого бытия нужен стержень, «божество», которое сможет сконцентрировать вокруг себя отдельные элементы мироздания. Для мира Страсти таким стержнем становится Змей, для мира Любви – Феврония. Выразители же принципа «Брак без Любви», не обладая внутренним содержанием, слишком слабы, чтобы создать свою реальность.

Творчеству Ремизова свойственно свободное отношение к элементам мифологических и религиозных преданий. Входя в повесть, христианское и языческое подчиняются её законам, их общекультурная семантика становится фундаментом для построения художественного мира повести. В образе каждого персонажа есть как религиозные, так и фольклорные элементы, однако принцип слияния их в каждом герое различен.

Рассмотрим Любовь-Страсть как первое проявление концепции Любви в повести. Первоосновой сюжета повести стал миф «о любви человека и волшебного существа». Воплощением «страстного» начала становится Змей, прилетающий к княгине Ольге. Создается этот образ сочетанием христианских и языческих черт, что не позволяет однозначно охарактеризовать его как положительного или

отрицательного персонажа. Змей для княгини становится утешением, бегством от тяжелой жизни жены, нелюбимой мужем. Самый облик Змея соответствует этой его функции: у него белые крылья, а с лица он Павел. Белые крылья внешне сближают Змея с ангелом. Но, с другой стороны, страсть губит её, в конце первой части, когда Петр убивает Змея, Ольга тоже умирает. Любовь Змея изнушает Ольгу: «С княгиней неладно: день ото дня как вешний снег...», «И весь день он её томил». Змей в фольклоре связан со стихией огня, в заговорах он призывается как волшебное существо, способное внушить страсть женщине. Змей Горыныч также связывался со стихией огня: второе его имя, «Горыныч», происходит от слова «гореть» – так и любовь Змея, как огонь, выжигает человека. Некоторые эпитеты, связанные с огнем Змея, носят враждебный характер: «блеск прорезал», «резко озолотилось». Почему же Страсть губительна для человека? Ответ на этот вопрос кроется в самой природе образа Змея. Змей – существо нереальное, входя в этот мир, оно нарушает его порядок. Змей приходит из мира сказок, рассказанных юродивым Лаской. Этим объясняется то, что Огненный Змей не может быть убит как обычное живое существо. В повести в качестве «характеристик» страсти, страстного состояния используются слова и словосочетания, отрицающие признаки, присущие людям и действиям: все происходит «не в разум», «не страшно», «не во сне», «не мечта»; «с княгиней не ладно», слуги «глядят не глядя», говорят герои «не своими» голосами, и, наконец, змей «не дракон». Но на месте отрицаемых признаков не появляются другие. Так в мире реальном, противопоставленном сказочному, нет предметных соответствий. Змей связан с иррациональным началом, в повести говорится, что появление Змея происходит «Ольге не в разум». И то «ощущение», которое подсказывает княгине, что что-то не так, названо «нечувством», при этом в Ольге обостряется животное начало: «всем нечувством она чувствует». Чтобы познать сущность Змея, героине необходимо самой войти в область «нечеловеческого». Интересно, что при первом своем появлении Змей не сразу принимает человеческое обличье: «...она очнулась, и в глазах кольцом жарко вьется и крылом к ней – горячо обнял, и она видит белые крылья и что с лица он Павел». Отсутствие местоимений до того, как сказано о восприятии Ольгой Змея, связано с тем, что в момент появления в мире людей Змей не имеет какой-либо оболочки, и лишь потом, проникнув в мечты Ольги, он принимает облик Павла. Апогей «неопределенности» сущности Страсти наступает в битве Змея и Петра, когда Змей теряет всякую оболочку, говорится: «кольчато-кровавое ползло», но не обозначен субъект действия.

Интересно отметить, что дракон из церковных преданий, в отличие от Змея, вписан в реальность жителей Муром, в их сознании он действителен, обладает плотью, и его легко убить: «Егорий Храбрый его на иконах в брюхо копьем проткнул». Церковь и жизнь едины, они находятся на одном полюсе, на другом же полюсе сказочный мир, мир преда-

ний мыслится как потусторонний. Чужеродность Змея бытию обуславливает всевозможные нарушения восприятия реального мира при его появлении: зрительные, аудиальные: герои не видят его, видят сквозь него, видят то, чего нет в реальности, говорят не своим голосом и т. д.

Одна из ключевых характеристик Змея – «кольчатый», связанная с символикой круга. Круг – это отсутствие начала и конца, пространства и времени, верха и низа. Для Ольги смешивается день и ночь – сначала день становится ожиданием ночи, а затем день и ночь смешиваются: Змей посещает ее в любое время суток, и уже невозможно провести границу между ними. Внутри круга, образованного Змеем, все смешивается, нет границ между любовью и изменой, чистотой и грехом. И смешиваясь, все нормы, ценности реального мира утрачивают свое значение, так как именно границы, отделяющее «хорошее» от «плохого», и придают ему ценность. С другой стороны, круг – это граница, за пределы которой выйти невозможно, так как он замкнут. Ольга не может выйти в реальный мир из круга страсти, она замкнута в Страсти Змея, которая выжигает её. Кольца Змея замыкают не только внутренний мир героев (Ольга – сосредоточивается на своей связи со Змеем, Павел – на мысли об убийстве его). Обратим внимание на замкнутые пространства, в которых находятся герои, так или иначе попавшие под влияние Страсти. Ольга привязана к своей половине покоев, Петр, думая о завтрашнем поединке со Змеем, прячется за башнями. Павел после того, как узнает, что жена ему изменяет, ни разу не выезжает в поле на охоту. Герои замыкаются в одном месте, на одной мысли, на одном состоянии, и движутся по кругу, не имея возможности идти вперед.

Страсть связана с нарушением миропорядка, что обусловлено её чужеродностью этому миропорядку. Ольга, решаясь на измену, противопоставляет себя миру людей и всему миропорядку в целом, так как, предаваясь любви по церковным праздникам, она нарушает не только человеческий закон, но Божественную заповедь. Это приводит её к безумию, она как бы теряет разум и переходит в мир мечты, этот переход лишает её опоры в реальном мире. Поэтому она и умирает в конце: с убийством Змея она теряет ту жизненную силу, которую давала ей сказка, она уходит со Змеем в потусторонний мир. Ольга даже теряет человеческий облик, ее часто сравнивают с птицей: оборотничество является возможностью проникнуть в нечеловеческий мир. Со смертью Змея и Петра, убивший его, оказывается балансирующим на грани смерти: его болезнь, вызванная кровью Змея, попавшей на кожу, практически неисцелима, она, как клеймо потустороннего мира, убивает его. Змей сохраняет свою власть над Петром в его прозвище «Змее-борец», это своего рода магическое слово приковывает Петра к Змею. Болезнь Петра названа «телесной скорбью – безобразием» – Змей отбирает у Петра образ, его человеческий облик. Теряя образ, Петр, как и Ольга, переходит в ирреальный мир. Тело Петра начинает

издавать звуки, сходные и с «шуршем» белых – бу-
мажных крыльев Змея, и с клокотом, вырывающимся
из рта Ольги: «кости хрястают, суставы стрекочут»,
«стрехча зубами». Петра утягивает болезнь, лишая
его возможности бороться: «от слабости стало и на
ноги не подняться».

Страсть становится не только характеристикой
отношений между людьми, но и определенным миро-
воззрением, способом самоопределения и «линии
жизни» и религией, подобной язычеству. Божес-
твом Страсти предстает Змей. Необходимо отме-
тить, что в 1228 году, к которому отнесено время
действия в повести, Русь была крещена более двух
веков, и как целостная религиозная система языче-
ство уже не существовало, её элементы сохранялись
в фольклоре и магических обрядах. Так и Страсть-
язычество не может существовать полноценно в ми-
ре людей, она носит на себе печать инобытия.

Страсть не связана с человеческим миром, по-
этому ей необходим «проводник», которым стано-
вится Ласка, и «средство связи» через слово. Каж-
дый из образов, представляющих Страсть, имея
«языческое» ядро, характеризуется рядом христиан-
ских элементов, которые служат «маской» потусто-
ронним персонажам, помогающей им проникнуть в
мир людей, так как христианское мировоззрение
вписано в рамки реального бытия.

Базируясь в подсознательном, мире эмоций и
снов, Страсть ограничена пространственно: цер-
ковь, монастырские стены, княжеские покои. Страсть
замыкается в самой себе, это огонь, сжи-
гающий себя изнутри.

Во второй части ключевой является фигура
Февронии, воплощающая в себе Любовь Истинную.
Любовь Петра и Февронии гармонична, она не на-
рушает миропорядка, в отличие от Страсти Ольги и
Змея. И если Страсть приводит к тому, что Ольга
замыкается в мечтах-сказках, то Любовь направлена
во внешний мир: во-первых, расширяется география
повести, во-вторых, явления этого внешнего мира
начинают подчиняться Февронии. Крошки хлеба по
её воле превращаются в ладан, сухие веточки – в
деревья, в городе по её слову то бушует мятеж, то
наступает покой. Но теперь перед нами не сказоч-
ные чудеса, а житийные. Феврония, хотя и считае-
тся в Муроме ведьмой, но в основу этого образа лег-
ли традиции именно христианских легенд, она важ-
на в повести не как волшебница, а как святая. В те-
чение второй части происходит преодоление ска-
зочных, «волшебных черт» в образе Февронии, но
связано это не с эволюцией самой героини, а с из-
менением восприятия её Петром (его исцелением).
Даже типично сказочная награда – женитьба – пере-
осмысливается, теперь это – испытание воли, а не
счастливый конец волшебной сказки. С изменением
восприятия связано и изменение имени героини: по-
ка сохраняется сюжетная основа волшебной сказки
(до венчания Петра) бортничиха называется Фев-
роньей (разговорный вариант имени), но после его
преодоления закрепляется церковный вариант име-
ни: «Феврония». Феврония исцеляет князя Петра –
выводит его из-под власти потустороннего мира,

давая возможность ему стать вновь причастным к це-
лостному реальному бытию, из которого он был
выключён своей болезнью. Лекарство для Петра
Феврония готовит в квашне, то есть использует для
своего колдовства обыденные предметы, через ко-
торые и она старается вернуть князя к жизни. Кро-
ме лекарства, приготовляемого в квашне, что мы
можем соотнести с выпеканием хлеба – основы
жизни, образ хлеба появляется в повести еще не-
сколько раз. Крошки, превращенные в ладан,
власть Февронии, «которая сказывается до мелочей,
до хлебных крошек», и новое «чудо», которого не
было в древнерусской повести: превращение хлеб-
ных крошек в золото. Этот образ, возможно, восхо-
дит к евангельскому изречению «не хлебом единым
жив человек». Превращение крошек в ладан или в
драгоценности говорит о выборе жизненного ори-
ентира персонажей. Хлеб-ладан – это «благодать»
внутренняя, связанная с расцветанием жизни, быт
«вырастает» до бытия. И наоборот, хлеб-золото
превращается для бояр в проклятье, угасание души,
они наказываются безумием. Бояре выбирают лишь
материальную сторону жизни, «хлеб насущный» –
и это приводит к войне в городе. Власть Февронии
до хлебных крошек создает образ полного порядка
в государстве, порядка, при котором нет места злу.
Возвращаясь к исцелению князя, интересно отме-
тить, что сама Феврония говорит об этом: «Если бы
кто потребовал твоего князя к себе, мог бы вылечить
его». Для того, чтобы вырваться из-под гнета болез-
ни, Петру нужен «оплот» в реальном мире: только
крепкая связь с реальностью помогает выжить ге-
рою. И такую крепкую связь дает именно Любовь.
Нужно отметить, что духовная связь между людьми
или ее отсутствие выражается через внешние при-
знаки. Внутренняя пустота «бытовых» героев про-
свечивает через просторные, ничем не заполненные
помещения, в которых они находятся, – это и княже-
ские палаты, и Городовая изба, где происходит бояр-
ский пир. Змей и Ольга «сидят тесно», но при этом
Ольга не помнит прикосновений Змея – он будто и
не дотрагивается до нее – все, что подтверждает ре-
альность их встреч – это след от поцелуев Змея, но
самого момента объединения Змея и княгини через
прикосновение в повести нет. И только Феврония и
Петр впервые берутся за руки – они как бы стано-
вятся единым существом с общей волей, что подчер-
кивает гармоничность Любви.

Вообще, Любовь у Ремизова связана с категорией
целостности, вокруг Февронии как бы стягиваются те
«пласты» бытия, которые ранее были разрозненными.
Ее слово характеризуется как «жильное», «заоблачно»
и «поддонное» – с одной стороны, связанное с жиз-
нью, самой её сутью, а с другой – с различными по-
люсами бытия, стянутыми в одно слово.

И Любовь, и Страсть испытываются «столкнове-
нием с «бытовыми», «низкими» персонажами. В пер-
вой части Страсти противостоит Павел, муж Ольги, а
Любви во второй – муромское боярство. Низкими ге-
роями мы считаем персонажей, оказавшихся неспо-
собными на духовное восприятие жизни, важнейши-
ми для них является материальные ценности.

С точки зрения бытового героя впервые предстает перед читателями и сама Феврония. С одной стороны, такое введение Февронии в повесть характеризует ее как персонажа, отнесенного к полюсу реального мира. Но, с другой стороны, через контраст между точкой зрения княжеского отрока и образом Февронии, складывающимся в дальнейшем, передается разница сущностей Истинной Любви и Брака без Любви.

Лексика, используемая для передачи впечатления Гриди от Февронии, намеренно сниженная: «вперся», «девка», «экий». Этим словам, понятным всем и встречающимся только в обиходной сфере, противопоставлены слова-загадки бортничихи. После того, как она видит, что перед ней человек, неспособный отгадать загадки – не тот, кого она ожидает, она «снисходит» до его уровня общения. Объясняя свою загадку, она использует уже не архаическую форму «очи», а «глаза», объясняет значение слова «навы», и что еще более важно, при знакомстве называет разговорный вариант имени – «Февронья», а не «Феврония», как записано в святцах. Речь Гриди содержит клише – представляясь сам и рассказывая о князе-змееборце, он говорит заученные фразы, используя эллиптические предложения, характерные для разговорного синтаксиса.

Феврония защищает Петра от натиска бытовых героев. Когда бояре приходят к князю требовать убрать бортничиху, Петр чувствует силу толпы пришедших. Низким героям не важна душа человека, и в князе для них важна именно слабость, дающая возможность подавить его, «вить веревки». Для Февронии важен Петр сам по себе, поэтому она на пиру требует в качестве откупа не золото, а самого Петра. Страсть же оказывается неспособной дать человеку сил для отстаивания себя как личности, сил на борьбу с внешним давлением – и персонажи-выразители Страсти в конце первой части погибают. Феврония и воплощенная в ней сущность Истинной Любви оказывается способной не только отстоять себя, но и преобразовать мир, «одухотворить» его.

Но Любовь не только созидаящая сила, улыбающаяся, как мать, но и разрушающая препятствия, горящая преисподним огнем. Любовь деятельна – ведь Феврония всегда за делом, то вышивает, то тклет, то занимается государственными делами.

Таким образом, Истинная Любовь и Страсть в художественном мире Ремизова организуют определенные уровни бытия, в центре которых находятся Змей и Феврония, воплощающие эти силы. Петр и Ольга в повести пассивны: они воплощают в себе обобщенную судьбу человека, попавшего под влияние той или иной стихии.

Если в первой части христианские элементы были лишь элементами облика, «формы» персонажей, «скрывающимися» их фольклорно-языческое содержание, то во второй – баланс между язычеством и христианством меняется. Теперь уже за основу взята модель церковной легенды или апокрифа. Элементы язычества также присутствуют, однако теперь они включены в христианскую канву отдельными нитями, они как бы переосмысливаются с

позиции христианства. В отличие от Страсти, Любовь не приходит извне, она является своеобразным откликом на действительность, она гармонично связывает человека с внешним миром, его законами. Именно Любовь имеет человеческое лицо – Её носителем становится Феврония, тогда как Страсть имеет сущность звериную – и нечеловеческое начало этого чувства становится губительным для героев вследствие своей чужеродности им.

Такое понимание сущностей Любви и Страсти проясняет некоторые отличия рассматриваемой повести от её прототипа. В древнерусской повести нет эпизода проклятия бояр Февронией на пиру – он искажил бы образ святой. У Ремизова этот эпизод дополняет представление о Любви как о могущественной силе, способной и защитить, и покарать отступников, тех, кто отрекся от духовных ценностей ради хлеба-золота.

В свою очередь, у Ремизова нет эпизода на корабле, когда кормчий возжелал Февронию, на что Феврония ему предлагает испить воды по одну и другую сторону корабля, чтобы доказать ему, что все женщины одинаковы – и княгиня, и жена кормщика. В рассматриваемой повести важна внутренняя основа поступков человека, его индивидуальная позиция по отношению к миру. Феврония не просто жена Петра, она герой-выразитель сущности Любви и таким образом противостоит и низким героям (в том числе и боярским женам), и Ольге, выбравшей Страсть. Через народное слово дается оценка Февронии как выразительницы сущности Любви, и эта оценка появляется в сравнении ее с бытовыми героями (боярынями) и с персонажами, связанными с сущностью Страсти (ведьмами). Выстраивается своеобразная иерархия ценностей, в самом низу которой находится бытовое начало (поэтому и Любовь сравнивается сначала с ним), затем Страсть, как преодоление быта, и венчает эту «лестницу» Любовь, несущая в себе творческую силу.

Страсть и Любовь, как уже отмечалось, противопоставляются на сюжетном уровне Браку без Любви или быту. Но противопоставляются они по-разному, исходя из своей сущности: Страсть стремится разрушить человеческую жизнь, разрушает уклад и быт. Истинная же Любовь преображает быт всего Муромца, гармонизирует его, преображает самих героев – носителей низкого начала.

Сущность Истинной Любви воплощается через христианские образы, так как важнейшей ценностью христианства была Божественная Любовь. Интересно, что Ремизов в своей повести перестраивает систему ценностей – и не Бог становится миротворческой и мироорганизующей силой, а Любовь, её непреходящая сущность.

Литература

1. Блищ, Н. Л. Автобиографическая проза Ремизова (проблема мифотворчества) [Текст] / Н. Л. Блищ. – Мн.: ЕГУ, 2002. – 116 с.
2. Грачева, А. М. Алексей Ремизов и древнерусская культура [Текст] / А. М. Грачева. – СПб.: Наука, 2000. – 334 с.

3. Грачева, А. М. Древнерусские повести в пересказе Алексея Ремизова [Текст] / А. М. Грачева // Русская литература. – СПб., 1988. – № 3. – С. 155 – 176.

4. Повесть о Петре и Февронии [Текст] – Л.: Наука, 1979. – 278 с.
УДК 811.133.1'276.12-053.6

5. Ремизов, А. М. Сочинения: в 2 кн. Кн. 2: Круг счастья [Текст] / А. М. Ремизов. – М.: ТЕРРА, 1993. – 384 с.

СРЕДСТВА РЕЧЕВОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ В ТЕКСТАХ РЭПА (на материале французского языка)

С. Д. Борискина, Е. Г. Желудкова

Восприятие реальности и наша ответная реакция на нее во многом зависят от языка. Слова являются базовым инструментом человеческого сознания и общения с реальностью. Именно посредством слова осуществляется воздействие на адресата, то есть побуждение слушателя с помощью речи к определенному действию. Стандартная модель акта речевого общения, рассматриваемого как речевое воздействие, включает субъект воздействия, который в глазах наблюдателя демонстрирует большую активность, продуцируя речевые тексты, и объект воздействия, который воспринимает его, что предполагает не меньшую активность, но активность внутреннюю. Связующим звеном между субъектом и объектом воздействия при устной форме общения является звучащий текст, по сути, представляющий собой речевой сигнал, с помощью которого информация физически передается от одного человека к другому в виде звуковых колебаний.

Результатом (эффектом) речевого воздействия могут являться изменения поведения объекта, его эмоционального состояния, знаний о мире и отношения к тем или иным событиям или реалиям этого мира. Другими словами, эффект речевого воздействия проявляется в изменении личностного смысла реципиента, и в широком смысле слова речевое воздействие связано с изменениями индивидуального сознания, или с изменениями имплицитной картины мира, или образа мира (3, с. 22).

К текстам, оказывающим очевидное речевое воздействие на аудиторию, являются, без сомнения, тексты рэпа. Французские лингвисты (6, 5, 8) признают рэп особым видом дискурса, который отражает идеи современной молодежи. Рэп в этом аспекте символизирует отличие субкультуры хип-хопа от мажоритарной группы, отвержение молодежью господствующей идеологии. Именно поэтому М. Озанно считает рэп самостоятельным дискурсом, для которого характерен и собственный язык (4, с. 163 – 164).

Как правило, рэпперы принадлежат к среднему и, главным образом, к низкому социальному классу. Родившийся на нью-йоркских улицах, рэп разоблачает условия жизни чернокожих американцев гетто, общественную несправедливость. Позже рэп становится популярен среди широких масс, и с этим расширяется его тематика. Рэп выносит на поверхность проблемы социополитического характера, что обуславливает темы, популярные для этого жанра: сценические реалии, праздники и развлечения, любовь, секс, СПИД, наркотики, политическая критика, описание африканской общественной нищеты, личная

биография, уважение простого городского человека, мораль, религия. Таким образом, тексты рэпа отражают то, что больше всего заботит исполнителя – обыденная жизнь, глобальные проблемы общества, социальная несправедливость. Французский рэп в этом смысле не исключение, учитывая большое количество эмигрантов, приехавших во Францию в поисках лучшей жизни и разочаровавшихся в возможностях ее получения, недаром рэп называют во Франции “chanson engagée”, имея ввиду социальный характер этого вида искусства.

Тексты рэпа – это своего рода протест, выражаемый низким классом. Поэтому целью исполнителя является донесение до слушателя особенностей своей культуры, привлечение внимания к проблемам его личной и социальной жизни. Для достижения этой цели рэпперы прибегают к приемам речевого воздействия, акцентируя наиболее важные участки текста.

Рассмотрим некоторые средства речевого воздействия в рэпе:

1. Одна из ярких особенностей рэпа – обилие заимствований, чаще всего из английского и арабского языков. Часто они характеризуются получением отрицательно-оценочной и стилистически сниженной коннотаций, что служит средством привлечения внимания и, как следствие, инструментом речевого воздействия. Также заимствования могут служить определенным языком-кодом между рэпперами.

1. T'es bitch', j'm'abêtis d'toi	une fille très chaude
2. Wesh, la vache du monde riche et sage	Salut (mot arabe)
3. Cette go, elle bédave pas	fille; bédave = fumer
4. Pardon ton fan, il a fait tout pour planer dans le ciel	fanatique
5. J'ai vu un bابتو qui m'a demande un huana	Personne de couleur blanche (verlan de toubab - "docteurs" en arabe)

Первый пример взят из песни Боба «C'est pas l'amour», где исполнитель рассказывает о своих чувствах к бывшей девушке, которая бросила его и ушла к состоятельному «мальчишке». Но герой песни любит ее и пытается образумить, так как сын богатых родителей думает только о ее теле, в то время как сам исполнитель испытывает к ней ду-

ховные чувства. Бранная лексика, которую автор использует применительно к девушке, выражает одновременно и накал чувств главного героя, и его отношение к поступку своей возлюбленной. Слово «bitch» (англ. – девушка легкого поведения) в данном случае служит для передачи отрицательного отношения героя к тому факту, что девушка променяла настоящую любовь на деньги.

Третий пример взят из песни Роффа «24». Английское заимствование «go» дословно означает «идти, ходить», но во французской молодежной среде оно приобрело значение «молодая девушка», причем часто с отрицательной коннотацией. Слэнгизм «bédave» (курить) используется для характеристики социального статуса героя, и отрицательное отношение к девушке обусловлено скорее всего тем, что, отказываясь курить, она не относится к его кругу.

2. Для рэпа характерно использование слэнга и грубых, циничных выражений. Чаще всего под слэнгом понимают экспрессивно и эмоционально окрашенную лексику разговорной речи, отклоняющуюся от принятой литературной языковой нормы (1, с. 27). Слэнг подвержен частым изменениям, что делает его языковой приметой поколений. Термин «слэнг» является частичным синонимом терминов «арго» и «жаргон» и используется он для того, чтобы подчеркнуть негативную сторону личности героя: его характер, никчемность, низкий социальный статус. Обычно они связаны с агрессией, насилием, неподчинением законам.

1. Tu me supplie décharger, mais tu penses a ce banquier	Faire l'amour
2. Je sais beurrer ton croissant	
3. Eh, écoute, je te kiffe	Aimer
4. Il a duper keus dix	il a égaré cent francs
5. eh! serveur d'la zeuzeit, je meurs de la mièvrerie d'nos politiques	un liquide hydradant

Так, первые два примера содержат очень циничные выражения, обозначающие половой акт. Находясь в андеграунде, будучи противопоставленными традиционному обществу, рэпперы не ощущают давления морали относительно секса. Чаще всего, помимо названий полового акта, встречаются слова, обозначающие женщин и их внешность.

3. В текстах рэпа часто можно встретить неологизмы. По своей природе они очень экспрессивны, это происходит из-за того, что возникает эффект шока, адресат впервые слышит необычное слово и непроизвольно обращает на него внимание. Адресат вынужден вдумываться в значение всей фразы целиком, т.к. понимание неологизма возможно только за счет контекста. Это и обеспечивает речевое воздействие на реципиента: фраза, содержащая неологизм, обращает на себя внимание и «навязывается» адресату.

1. Tchernobyl. Tchernodébile.	Tchernobyl+débile
-------------------------------	-------------------

Jalousie radioactive.	
2. je n'ai plus de pia, ... j'emprunte un tacla	Argent; taxi
3. Sais-tu ce que c'est qu'un «farangoume»?	invention, mensonge
4. Sous la démonocratie chacun aura la parole	démon+democratie
5. Les bizz en patrouille, une patrouille de grosses couilles molles	policier

Первый пример взят из песни Эм-Си Солара «Caroline». В тексте речь идет о девушке, бросившей главного героя ради человека, которого она не любит. Переживания героя нашли выражения в неологизме «Tchernodébile», образованного от слияния слов Tchernobyl+débile. Этим необычным словом автор хотел показать абсурдность происходящего: Чернобыль ассоциируется с неотвратимостью происходящего, катастрофой, а слово «débile» означает «дурацкий, глупый».

Второй и третий примеры содержат неологизмы «pia» (деньги), «tacla» (такси) и «farangoume» (ложь, увиливание). Возможно, функция этих неологизмов – говорение среди своих», т. е. автор создает свой собственный язык, который может быть понятен только ограниченному кругу лиц (4, с. 163).

4. Стилистические средства являются одним из средств структурирования опыта, а также могут создавать коннотацию для отражения определенного эмоционального фона текста или с целью воздействия на реципиента. Стилистических приемов существует огромное множество. В текстах рэпа мы можем встретить любые приемы, но наиболее часто встречаются примеры градации, метафоры, метонимии, гиперболы, иронии и антитезы.

1. Une vague de caresses, un cyclone de douceur, un océan de pensées
2. Les cravates parfumées ont l'aire assommant
3. Overdose de douceur
4. A l'âge de six ans. Mon cadeau de Noël Une arme en plastique réplique industrielle
5. Ils prennent leur Lamborghini, je prends le métro

5. Звуковая сторона произведения составляет одно целое с его значением и также является действенным средством воздействия. По мнению Е. Л. Доценко, «носителем фонетического значения является звуко-буквенный психический образ, который формируется под воздействием звуков речи, но осознается и четко закрепляется лишь под влиянием буквы» (2, с. 180). Важную роль играют повторы, как отдельных звуков, так и словесные. Фонематические синонимы образуют ритм воздействующей речи, за счет которой осуществляется огромная доля латентного воздействия на психику.

1. L'industrie du disque dort d'un profond sommeil	[d]
2. Subtils et tranquilles, les faux cils perdent le fil	[il]

3. Au commencement était le verbe, puis adverbe, proverbe, puis les pros du verbe avec de la verve	[verb]
4. Dans la vie, dans la ville, le malin et le vil	[vi/vil]
5. Maman, tu m'manques, mon cœur mis en morceaux	[m]

В первом примере, взятом из песни Эм-Си Сола-ра «à dix de mes disciples», повторяющийся звук [d] образует особый ритм, в результате чего фраза получает воздействующую функцию. В этой песне автор убеждает нас, что хорошие песни уступили место бессмысленному набору слов и звуков. В приведенной цитате автор выражает сожаление по поводу этого факта, используя прием звукового повтора.

6. Большую воздействующую роль может играть определенная синтаксическая форма, синтаксические функции языковых единиц. Непосредственно к синтаксическому уровню высказывания относятся такие приемы, как параллельные синтаксические конструкции, повторы, эллипсис, инверсию, апозиопезис, асиндетон и полисиндетон, фигуру умолчания, риторический вопрос.

1. Le style hostile j'assimile et je pille fil à fil la morale débile
2. L'Homme est animal, l'humanité est animalité
3. Nous sommes dans cette rinçure, mais si je suis à même de faire...
4. Y a-t-il quelqu'un qui peut encore chanter dans ce qu'on appelle le ghetto?
5. On a peur de parler, on a peur de juger, on a peur de penser – c'est la peur de la liberté

В первом примере автор использует инверсию для придания фразе большей экспрессивности. В песне говорится о простом парне, который мечтал стать музыкантом, но его родители настояли на карьере юриста. Теперь он вынужден заниматься нелюбимым делом, он несчастен и чувствует, что навсегда потерял себя. Инверсия рассматривается нами как особый стилистический прием, состоящий в намеренном изменении обычного порядка слов с целью эмоционального, смыслового выделения какой-либо части высказывания. Если прямой порядок слов, как правило, не имеет стилистического значения, то инверсионный всегда стилистически значим. Инверсия может придавать высказыванию необычность и тем самым эмоциональность и экспрессивность. Разговорному стилю свойственно выделение на первое место эмоционально доминирующего

элемента, а т. к. рэп приближен к разговорной речи и тексты этого музыкального стиля очень эмоциональны, то инверсия становится одним из основных синтаксических приемов воздействия.

Все перечисленные выше средства речевого воздействия действуют не изолированно, а в комплексе, что помогает автору как можно более эффективно передать идею песни и осуществлять воздействие на слушателя.

Таким образом, используя различные приемы воздействия, авторы текстов рэпа ставят перед собой цель донести до слушателя проблемы социального, политического, экономического, эстетического характера. Исполнители рассказывают в своих песнях о жизни улиц, расовой дискриминации, общественной несправедливости, социальном неравенстве. Помимо тяжести своей обыденной жизни, рэпперы пытаются осознать глобальные проблемы общества, такие как СПИД, наркомания, несовершенство политической системы, лицемерие морали и религии.

Рэп – это не просто искусство, это крик о помощи низких слоев общества, движение за свои права, требование признать себя как полноценную часть общества. Этот песенный жанр стал воплощением общественной дифференциации, отличия субкультуры хип-хопа от мажоритарной группы.

Литература

1. Гальперин, И. Р. О термине «слэнг» / И. Р. Гальперин // Вопросы языкознания. – 1956. – № 6. – С. 107 – 114.
2. Доценко, Е. Л. Психология манипуляции / Е. Л. Доценко. – М., 1996.
3. Шураев, Э. Э. Уровни и приемы речевого воздействия / Э. Э. Шураев. – Казань, 2004. – 134 с.
4. Auzanneau, M. Identités africaines: le rap comme lieu d'expression / M. Auzanneau // Cahiers d'études africaines. – 2001. – PP. 163 – 164.
5. Billiez, J. Bilinguisme, variation, immigrations / J. Billiez // Regards sociolinguistiques. – 2 vols. – Grenoble: Université Stendhal-Grenoble-III, 1997.
6. Calvet, L.-J. Les voix de la ville. Introduction à la sociolinguistique urbaine / L.-J. Calvet. – Paris: Payot, 1994.
7. Mondada, L. Décrire la ville / L. Mondada. – Paris: Anthropos, 2000.
8. Trimaille, C. De la planète Mars. Codes, langages, identités: étude sociolinguistique de textes de rap marseillais / C. Trimaille. – Grenoble: Université Stendhal-Grenoble-III, 1999.

УДК 811.161.1'37(075.8)

АМФИБОЛИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ ВЫСКАЗЫВАНИЯ И ФАКТОРЫ, ОПРЕДЕЛЯЮЩИЕ ЕГО РЕАЛИЗАЦИЮ (на материале газеты «Аргументы и факты»)

Л. Г. Ким, А. С. Кузнецова

Задача данной статьи заключается в выявлении системноязыковых и коммуникативно-прагматиче-

ских факторов, определяющих реализацию амфиболического потенциала высказывания.

Феномен амфиболии (неоднозначности) языковой единицы основывается на асимметрии языкового знака. Свойство асимметрии и, в частности, соотношение «одно означаемое – несколько означающих», наблюдаемое в языке и проявляющееся в речевой действительности (как в художественной, поэтической речи, так и в официально-деловой и обыденной коммуникации), вызывает интерес ученых различных лингвистических школ и направлений.

В рамках системно-структурной парадигмы языка неоднократно предпринимались попытки осмыслить природу этого явления, описать и систематизировать полисемантические языковые единицы, исследовать причины их появления и особенности взаимодействия в языке, вскрыть механизм реализации и, напротив, нейтрализации нескольких смыслов, дать объективную оценку этому явлению как художественному (риторическому) средству, с одной стороны, и негативно оцениваемому с позиций ортологической традиции, с другой. При этом изучение феномена многозначности ограничивалось преимущественно рамками лексических единиц. Обращение к функциональной стороне языка, рассмотрение его в свете коммуникативно-деятельностной концепции позволяет по-новому осмыслить сущность и функционирование неоднозначных языковых единиц, причем не только и не столько лексических, сколько синтаксических, т. е. высказывания и текста в целом.

Как подчеркивается, «многозначность является сущностным свойством языка, обеспечивающим выполнение его основных функций – когнитивной, коммуникативной, поэтической» [Зализняк, 1981, с. 21]. Согласно разрабатываемой нами концепции, феномен неоднозначности обнаруживается как в пределах отдельной лексической единицы, так и в пределах высказывания и – шире – текста в целом. Всеобщность и универсальность этого явления предопределяется как объективными, языковыми условиями, так и субъективными, коммуникативно-речевыми. Объективная природа многозначности обусловлена свойством асимметрии языкового знака, а также конечностью языковой формы и бесконечностью смыслов, облекаемых в языковую форму [Голев, 2004]. Субъективная природа многозначности обеспечивается потенциальным несовпадением интенционального смысла высказывания, обусловленного замыслом говорящего, и смысла, реализованного в условиях конкретного коммуникативного акта, т. е. детерминированного закономерностями рецептивной деятельности адресата, креативной и интенциональной природой процессов понимания и интерпретации.

Для обозначения феномена неоднозначности и неоднозначной языковой единицы лингвистическая наука выработала целый ряд терминов: многозначность, полисемия, омонимия, неоднозначность, двусмысленность, амфиболия. Этот терминологический ряд подчеркивает онтологическую дифференциацию феномена неоднозначности, с одной стороны, и возможность рассмотрения этого явления в рамках

различных концепций, с другой. В данной статье мы используем термин амфиболия, поскольку, во-первых, он не осложнен дополнительными смыслами, отмечаемыми в других терминах этого ряда, и, во-вторых, актуализирует функциональный аспект рассмотрения этого явления.

В лингвистических и риторических исследованиях термин амфиболия (греч. *amphibolia* – двойственность, двусмысленность) употребляется в двух значениях: как риторический прием двусмысленности и как неоднозначность фразы, возможность двоякого понимания речи [Культура русской речи, 2003]. Основанием для дифференциации этих понятий является интенциональный и перлокутивный факторы, т. е. преднамеренность/непреднамеренность амфиболии высказывания и достижение/недостижение цели коммуникативного акта.

Для обозначения соответствующего явления этот термин широко употреблялся в древних риториках и трудах немецких философов; в лингвистике он получил широкие права в работах Н. П. Колесникова [1981] и Н. Д. Голева [2002, 2004]. При этом Н. Д. Голев, рассматривая омонимию разных типов языковых единиц в функциональном аспекте, убедительно доказал, что это явление имеет широкий спектр функционирования [Голев, 2002].

В своем исследовании мы исходим из интеракционной модели коммуникации, согласно которой общение понимается не как одностороннее воздействие говорящего на слушающего, а как коммуникативное взаимодействие двух субъектов: общение – «это не сложение <...> параллельно развивающихся (симметричных) деятельностей, а именно взаимодействие субъектов» [Ломов, 1984, с. 252 (цит. по: [Дементьев, 2006, с. 58])]. Такая модель отвечает запросам современной коммуникативной лингвистики и позволяет адекватно описать динамику отношений автора, адресата и текста.

В основе разрабатываемой нами концепции лежит интеракционная модель коммуникации в ее «адресатоцентричном» варианте, в соответствии с которой описывается процесс функционирования текста в «пространстве адресата» (подробнее см. об этом: [Голев, Ким, 2008]). Мы постулируем положение, согласно которому каждое речевое произведение (высказывание) обладает потенциалом амфиболического функционирования, реализация которого определяется: а) объективными свойствами текста и составляющих его единиц (системоцентричный фактор) и б) коммуникативно-прагматическими условиями функционирования текста (коммуникативно-прагматический фактор).

Наше исследование выполнено на материалах рубрики «Жизнеспособность политических субъектов» в газете «Аргументы и факты» (2006-2008 гг.). Специфика этого языкового материала заключается в том, что он отражает модель диалогического единства, инициальная реплика которого представляет собой фрагмент речи одного из известных политических деятелей, а вторая реплика – это игровая реакция журналиста, характеризующаяся намеренной актуализацией «другого» смысла, таким «прочтени-

ем», часто ироничным, инициальной фразы, которое не предполагал автор. Такое взаимодействие участников коммуникативного акта обусловлено «несовпадением» адресатов: конкретизированного, первичного, которому говорящий направляет свое высказывание в условиях реального коммуникативного акта, и неконкретизированного, вторичного, в условиях моделируемого коммуникативного акта (о разных типах адресатов писал М. М. Бахтин [1979]). В данном случае вторичным адресатом является ведущий рубрику журналист(ы), подписывающийся псевдонимом С. Репов, А. Фуфырин, который отражает коммуникативную позицию массового адресата, т. е. читателя газеты, и характер его восприятия. Адресат-журналист-читатель воплощают остротенное, «другое», нежели предполагает говорящий, восприятие содержания текста, обусловленное, во-первых, значением составляющих текст языковых единиц и, во-вторых, их прагматическим восприятием. Такой языковой материал иллюстрирует положение о том, что, с одной стороны, генетически связанное с автором и воплощающее его интенциональный замысел высказывание в процессе его речевого функционирования, перемещаясь в пространство адресата, утрачивает функциональные связи с автором и, следовательно, «освобождается» от того смысла, который «вложил» автор, а потому может быть «прочитано» так, как это «допускает» совокупность составляющих его языковых единиц. Иными словами, такие диалоги доказывают определенную справедливость постулатов Р. Барта о том, что смысл фокусируется не в письме, а в чтении и «рождение читателя приходится оплачивать смертью Автора» [Барт, 1994, с. 391]. С другой стороны, этот языковой материал доказывает, что рецептивно-интерпретационная деятельность адресата имеет целью не только понять, «что хотел сказать автор», но и предполагает иные цели, например: «что сказал автор», «что может быть прочитано адресатом», или «я намеренно сделаю вид, что не понял автора, иотреагирую на другой смысл».

Таким образом, этот материал, представляющий собой не естественный диалог, разворачивающийся в реальной коммуникативной ситуации, а игровой, смоделированный журналистом, обладает богатыми научно-эвристическими возможностями и позволяет выявить языковые и коммуникативно-прагматические факторы, определяющие реализацию амфиболического потенциала высказывания. Назовем некоторые из них.

Языковые факторы. Системноязыковой фактор обуславливается прежде всего природой языкового знака, которая лингвистической наукой характеризуется как асимметричный дуализм и отражает существующее противоречие между бесконечностью смысла и конечностью языковых средств его выражения. Как подчеркивает С. О. Карцевский, «знак и значение не покрывают друг друга полностью. Их границы не совпадают во всех точках: один и тот же знак имеет несколько функций, одно и то же значение выражается несколькими знаками. Всякий знак является потенциально «омонимом» и «синонимом» одновременно» [Карцевский, 1965, с. 85]. Т. е. знак

как двусторонняя сущность не имеет строгого и неизменного одно-однозначного соотношения формы и содержания. Кроме того, языковая единица является элементом языковой системы (подсистемы), и потому ее значение определяется отношениями между элементами системы. Т. е., асимметрия языкового знака основывается также на оппозиции значимости и значения, введенная в лингвистику Ф. де Соссюром и отмеченная С. О. Карцевским. Значимость – содержание, вытекающее из системной целостности, каждый элемент которой содержательно зависит от этой целостности. Явление омофонии (в широком понимании) С. О. Карцевский объясняет потенциальной возможностью одного звукового знака иметь две значимости и принадлежать двум различным рядам. Продолжая эти рассуждения, можно добавить также, что полевой принцип естественной организации семантики отдельного слова, диффузность семантических границ, бесконечная смысловая валентность языкового знака, стремящегося к обозначению широкого спектра смыслов, являющиеся, по А. Ф. Лосеву [1982], аксиомами стихийного существования языка, подвижность языковой системы определяют подвижность, диффузность содержания языкового знака.

Двусторонняя сущность языкового знака, характеризующегося свойством асимметрии означаемого и означающего, определяет его «интерпретируемость» как одно из важнейших свойств системно-языковых единиц, реализуемое в процессе функционирования языкового знака в речевом употреблении и обусловленное потенциальной возможностью наличия выбора. Т. е. в текстовом функционировании могут актуализироваться как несколько значений языковой единицы одновременно, так и такие значения языкового знака, которые различаются при порождении и восприятии текста.

Актуализация значений многозначного слова

А. Кудрин, министр финансов: «По-моему, этот институт (агрессивный блок НАТО. – Ред.) уже должен уйти в историю». – Журналист: «Тогда почему в нем хотят обучаться все новые и новые «студенты» – Грузия, Украина?» (АиФ, 2008, № 25).

Лексема «институт» в инициальной реплике употреблена в значении ‘та или иная форма общественного устройства’, однако наличие у этого слова в языковой системе другого значения позволяет воспринимать его в значении ‘название некоторых высших учебных заведений’ и по-иному интерпретировать смысл инициальной фразы.

Актуализация омонимов

И. Зотов, лидер Российской партии пенсионеров: «Нам необходимо выигрывать эти партии (региональные выборы. – Ред.). Я имею в виду поставить мат другим партиям. И их фигуры переходят к нам». – Журналист: «Избирателям хочется поставить мат не только в конце, но и в середине, и даже в самом начале этой партии» (АиФ, 2006, № 38).

Автор инициальной реплики, говоря о политических событиях (выборах), уподобляет их игре в

шахматы и употребляет слово «мат» в значении 'поражение в шахматной игре'. Адресат, актуализируя омоним «мат» в значении 'неприлично-гнусная брань', выявляет другой смысл исходной реплики.

Актуализация слова в составе синтагматически связанного оборота

А. Иванов, председатель Высшего арбитражного суда: «Наша судебная система сама в состоянии справиться с паршивыми овцами». – Журналист: «А на борьбу с кем-нибудь, кроме овец, судебная система страны рассчитана?» (АиФ, 2008, № 3).

Лексическая единица может функционировать в составе синтагматически связанной конструкции (фразеологизм, пословица, поговорка) и, утрачивая собственное лексическое значение, приобретать новое, синтагматически обусловленное. Так, словосочетание «паршивая овца» отсылает к пословице «Одна паршивая овца все стадо портит», которая имеет значение 'дурной человек своим поведением, поступками и т. п. вредно действует на коллектив или создает о коллективе неблагоприятное впечатление' [Жуков, 1993, с. 246]. Вместе с тем лексема «овца» в языке имеет метафорическое значение – 'беззащитный, неспособный постоять за себя человек'. Использование в речи таких лексических единиц позволяет рассматривать их и как свободные лексемы, и как синтагматически связанные. Такое «двойственное» их функционирование определяет потенциал амфиболического функционирования высказывания.

Актуализация функционально-стилистической характеристики слова

Б. Березовский: «В 95-м году мне перестал быть интересен бизнес, и я стал заниматься политикой. Может быть, через год мне это перестанет быть интересным и мне понравится, например, коллекционировать бабочек». – Журналист: «Странно, бабочек Борис Абрамович еще собирать не начал, а Генпрокуратура уже бежит за ним с сачком. Может, бабочками Борис Абрамович Березовский называет бабки?» (АиФ, 2006, № 4).

Омонимичные лексические единицы могут функционировать в разных стилистических подсистемах языка, например в системе литературного и жаргонного языков. Такая межстилевая, межсистемная омонимия определяет амфиболический потенциал высказывания.

Актуализация мотивационных и квазимотивационных связей

Ю. Шувалов, член президиума Генсовета «Единой России»: «Безусловно, идеология у партии есть, и это консервативная идеология». – Журналист: «Хотелось бы поточнее. А то многие думают, что консерваторы – это те, кто пускает своих политических конкурентов на консервы» (АиФ, 2008, № 14).

Слово в языковой системе связано мотивационными (эпидигматическими) связями с другими лексическими единицами. Эти связи могут носить закономерный, системный характер, т.е. отражать реальную деривационную «историю» слова (этимологические связи или словообразовательные), а могут возникать в процессе функционирования слова в

речи, отражая факт случайного частичного звукового совпадения (паронимия в широком понимании) или этимологически связанные, но утратившие в современном языке функционально-смысловую близость. Такие связи, как формально-звуковые, так и формально-смысловые, могут актуализироваться в процессе функционирования слова в тексте и способствовать реализации амфиболического потенциала высказывания.

Актуализация словообразовательной структуры сложного слова, омонимичного сочетанию слов

А. Илларионов: «Нетрудно предсказать, что в течение, может быть, не пяти-десяти, а восьми-десяти лет страна может полностью решить проблему внешнего долга». – Журналист: «Слова «восьми» и «десяти» надобно писать через тире или все-таки слитно?» (АиФ, 2007, № 12).

Сложные числительные пятьдесят – восемьдесят совпадают в звучании (являются омофонами) с синтаксической конструкцией, обозначающей количественные пределы. Формальное различие между ними проявляется только на уровне графики (слитное написание сложного числительного и использование тире при написании синтаксической конструкции). Омонимия этих форм часто определяет амфиболию высказывания в целом.

Актуализация разных оттенков значений форм повелительного наклонения

Ю. Лужков, мэр Москвы: «Мы призываем москвичей: ездите на маленьких авто. Пусть «Мерседес» будет Вашей второй машиной». – Журналист: «Простые москвичи с Вами совершенно согласны – пусть будет! Когда можно в мэрию за «Мерседесом» подойти? И сколько будут давать в одни руки?» (АиФ, 2006, № 6).

Формы повелительного наклонения глагола в сочетании с частицей – пусть имеют в русском языке несколько значений: желание, долженствование, допущение. Инициальную фразу можно понять и как выражение пожелания («желательно, чтобы жители ездили на маленьких авто, а «Мерседес» использовали бы редко, как вторую машину, не основную»), и как выражения долженствования («жители Москвы должны иметь две машины, причем вторая машина должна быть «Мерседес»»). Ответная реплика журналиста актуализирует значение долженствования глагольной формы.

Актуализация содержания анафорического элемента текста

В. Жириновский, лидер ЛДПР: «Надо сделать его (материнский капитал. – Ред.) мужским. Женщина не будет специально рожать второго или третьего ребенка. А мужчина быстрее это сделает». – Журналист: «За удовольствие посмотреть на первого беременного мужчину всего материнского капитала не жалко. Кстати, сам Владимир Вольфович рожать не возьмется?» (АиФ, 2008, № 10).

Специфика подобных конструкций заключается в том, что они содержат в своей структуре анафорический элемент (местоимение), отсылающий к предшествующей части высказывания и семантиче-

ски замещающий эту часть. В данном примере местоимение это формально замещает выражение «рожать второго или третьего ребенка», что и позволяет адресату (журналисту) в своей ответной реплике актуализировать смысл «мужчина может родить ребенка».

Коммуникативно-прагматические факторы определяются отношением говорящего и слушающего (адресанта и адресата) к языковому знаку, «присвоению» ими языкового знака. Объективированный в языковом выражении замысел говорящего не может быть адекватным этому выражению, которое при этом слушающим не «прочитывается», не «расшифровывается», а создается, творится. Языковое выражение, следовательно, имеет вариативно-интерпретационный статус. Кроме того, при функционировании текста «в пространстве адресата» важным является характер и условия речевого взаимодействия, а также тип коммуникантов, степень совпадения их апперцепционной базы, информационного и семантического запаса, характер интенциональной деятельности адресата (настроенность на серьезное, игровое, ироничное реагирование и т. д.).

Актуализация разных слов высказывания

С. Шаталов, замминистра финансов: «Водка не должна быть дешевой, тем более «народной». – Журналист: «А что делать: на народный коньяк денег хватает далеко не всему народу. Жаль, что такой ответственный господин об этом ничего не слышал». (АиФ, 2008. № 9).

Тема «рематическая организация высказывания» предполагает актуализацию одного из слов высказывания как носителя актуально значимой информации – рематического компонента. При этом обычно при нейтральном порядке слов рема располагается в конечной части высказывания. Т. е., с позиции говорящего, ремой являются компоненты «дешевый», «народный». Свободный порядок слов, который характерен для русского высказывания, допускает и препозицию ремы относительно темы, поэтому адресат может актуализировать иной, чем предполагает автор фразы, компонент; в нашем примере ремой для адресата является слово «водка». Следовательно, реализация множественного смыслового потенциала исходной фразы обусловлена вариативностью ее актуального членения.

Актуализация имплицитной информации

Помимо эксплицитной информации, практически любое высказывание содержит имплицитную информацию, т. е. информацию, непосредственно не вербализованную, предполагающую косвенные способы ее кодирования / декодирования (подробнее об этом см.: [Имплицитность в языке и речи, 1999; Падучева, 2004]). Важной особенностью имплицитной информации, как пишет И. В. Арнольд [1982], является то, что она имеет вариативную интерпретацию. В лингвистической семантике различается несколько видов имплицитной информации в высказывании, из которых для нас наиболее важны презумпция и импликация (следствие).

А. Актуализация презумпции исходного высказывания

Под презумпцией понимают подразумеваемый семантический компонент предложения, не выраженный в нем с достаточной эксплицитностью. «Семантический компонент Р суждения S является презумпцией S, если ложность Р в некоторой ситуации делает утверждение S в этой ситуации неуместным, аномальным, бессмысленным» [Падучева, 2004, с. 53].

А. Фурсенко: «В России лишь 20 – 30 % студентов получают хорошее юробразование. Примерно половина выпускников юридических институтов не работают по специальности». – Журналист: «Да, проблема трудоустройства лиц с юридическим образованием в стране стоит столь остро, что уже не одному юристу пришлось даже стать Президентом РФ...» (АиФ, 2008, № 14).

Презумпцию исходного высказывания можно сформулировать следующим образом: «многие выпускники юридических институтов не могут устроиться по специальности». Именно эта презумпция явилась стимулом для ответной ироничной реплики, смысл которой сводится к следующему: «выпускники юридических институтов вынуждены работать не по специальности, в том числе президентами».

Б. Актуализация импликации (следствия)

Импликация, или следование, представляют собой такой семантический компонент, который «подчиняется закону контрапозиции, т. е. если Р есть следствие S, то из отрицания Р следует, что отрицается S» [Падучева, 2004, с. 60]. При этом одно исходное высказывание может иметь несколько следствий, в том числе такие, которые не соответствуют коммуникативному замыслу говорящего или, напротив, предполагаются говорящим как фактор манипулятивной коммуникации. Рассмотрим пример.

Ю. Лужков: «Мы (единая Россия. – Ред.) объединили все здоровые силы России». – Журналист: «Крепко сказано. Стало быть, кто не с вами, те больные» (АиФ, 2008, № 10).

Ответная реплика журналиста есть актуализация одного из возможных следствий инициального высказывания, актуализирующее семантический компонент «нездоровые (=больные) силы России не вошли в состав «Единой России»».

Актуализация модального компонента высказывания

Высказывание имеет не только объективное содержание, но и субъективное, т. е. диктум и модус. Диктум отражает «положение дел», а модус – отношение говорящего к содержанию высказывания. Интерпретация адресатом модального компонента высказывания может не соответствовать модусу говорящего.

П. Медведев, депутат Госдумы: «Взятки предлагать не умею. А то, может быть, давал бы». – Журналист: «Это в России показатель неполного служебного соответствия. Хуже – только когда взял бы, да никто не дает» (АиФ, 2008, № 10).

Модус инициальной реплики можно представить и как «я честный человек и не даю взяток», т. е. говорящий оценивает свои действия в положитель-

ном ракурсе, и как 'я не совершаю необходимых действий, предписанных в соответствии со сложившейся в обществе традицией', т.е. говорящий оценивает свои действия в негативном ракурсе. Наличие этих модальных компонентов обуславливается лексико-прагматическими характеристиками компонентов высказывания: лексемой взятка 'деньги или вещи, даваемые должностному лицу как подкуп, как оплата преступных, караемых законом действий' и сочетанием глагола уметь 'обладать умением делать что-л.' С отрицательной частицей -не. Такая противоречивость модальной характеристики исходного высказывания определяет возможность альтернативного ответного реагирования.

Таким образом, каждое высказывание обладает потенциалом амфиболического функционирования, реализация которого предопределяется совокупностью системноязыковых и коммуникативно-прагматических факторов.

Литература

1. Арнольд, И. В. Импликация как прием построения текста и предмет филологического изучения / И. В. Арнольд // Вопросы языкознания. – 1982. – № 4. – С. 83 – 91.
2. Барт, Р. Смерть автора / Р. Барт. Избранные работы: Семиотика. Поэтика. – М., 1994. – С. 384 – 391.
3. Бахтин, М. М. Эстетика словесного творчества / М. М. Бахтин. – М., 1979.
4. Голев, Н. Д. Омофонический и омографический фонды современного русского языка. Ч. 4. Функциональный аспект / Н. Д. Голев // Известия Алтайского госуниверситета. Серия «История. Филология. Философия и педагогика». – Барнаул, 2002. – № 4. – С. 39 – 46.
5. Голев, Н. Д. Множественность интерпретации речевых произведений как фактор коммуникативного конфликта между их автором и адресатом / Н. Д. Голев // Житниковские чтения УП. Диалог языков и культур в гуманитарной парадигме: материалы Международной научной конференции 5-6 октября 2004 г. – Челябинск, 2004. – С. 114 – 116.
6. Голев, Н. Д. Об отношениях адресата, автора и текста в парадигме лингвистического интерпретационизма / Н. Д. Голев, Л. Г. Ким // Сибирский филологический журнал. – Новосибирск, 2008. – № 1. – С. 144 – 153.
7. Дементьев, В. В. Непрямая коммуникация / В. В. Дементьев. – М., 2006.
8. Жуков, В. П. Словарь русских пословиц и поговорок / В. П. Жуков. – М., 1993.
9. Зализняк, А. А. Феномен многозначности и способы его описания / А. А. Зализняк // Вопросы языкознания. – 2004. – № 2. – С. 20 – 44.
10. Имплицитность в языке и речи. – М., 1999.
11. Карцевский, С. О. Об асимметричном дуализме лингвистического знака / С. О. Карцевский // История языкознания XIX – XX веков в очерках и извлечениях. – М., 1965. – С. 85 – 90.
12. Колесников, Н. П. Синтаксическая омонимия в простом предложении / Н. П. Колесников. – Ростов-на-Дону, 1981.
13. Культура русской речи: Энциклопедический словарь-справочник / под ред. Л. Ю. Иванова, А. П. Сковородникова, Е. Н. Ширяева и др. – М.: Флинта: Наука, 2003.
14. Лосев, А. Ф. О бесконечной смысловой валентности языкового знака / А. Ф. Лосев // Знак. Символ. Миф. – М., 1982.
15. Падучева, Е. В. Высказывание и его соотношенность с действительностью / Е. В. Падучева. – М., 2004.

УДК 81'1

АССОЦИАТИВНО-СЕМАНТИЧЕСКОЕ ПОЛЕ КАК ОСНОВА РЕКОНСТРУКЦИИ КОНЦЕПТОВ «ЖИЗНЬ», «СМЕРТЬ» В РОК-ТЕКСТАХ

Е. В. Кишина, В. А. Спицына

Ассоциативные поля, непосредственно связанные с мышлением человека, его представлениями, являются объектом междисциплинарного изучения: нейрофизиологии, психологии, социологии и т. д. Актуализированный в последнее время в лингвистике метод концептуального анализа обуславливает обращение лингвистов к реконструкции ассоциативно-семантических полей. Языковая реальность и семантическая структура ассоциативно-семантических полей описаны в работах таких лингвистов, как Ю. Н. Караулов, А. А. Залевская, Ю. М. Гаврилов, Н. С. Болотнова и др.

Восприятие любого текста связано с процессом ассоциирования. Ассоциации, которые рождает новый текст в человеке, приобщаются к уже имеющейся в опыте носителя языка информации, «се-

мантическое поле можно сравнить с магнитным полем: магнит притягивает своим действием другие элементы» [1, с. 57].

Характерным признаком ассоциативно-семантических полей является их полевая организация. Ассоциативно-семантическое поле является многослойным образованием, включающим ядерную, окооядерную и периферийную зоны, что позволяет реконструировать концепт на парадигматическом и синтагматическом уровнях. «Семантическое поле – это объединение вокруг ядерного элемента слов, синонимичных и однокоренных ему, слов, находящихся в синонимических отношениях со словами – синонимами ядра, а также слов, находящихся в подобных же отношениях с однокоренными ядру словами, то есть связанные с ядром опосредо-

ванно. В поле входят слова, соответствующие словосочетания, – все эти элементы в разной мере будут создавать значение ядерного слова» [1, с. 58].

В ассоциативно-семантических полях эксплицируются свойства ментальности, отражаются особенности мировидения человека, выявляется система его жизненных ценностей. «Поле как способ отражения характеризуется социальной, историко-генетической и индивидуальной обусловленностью, т. е. в значительной степени национально» [2, с. 94].

Объектом данной работы является построение ассоциативно-семантических полей концептов «Жизнь», «Смерть» на материале рок-текстов.

До недавнего времени рок-культура была преимущественно объектом изучения литературоведения и лингвокультурологии. Между тем не менее значима собственно языковая составляющая текстов данной культуры. Как представляется, описание концептов рок-культуры путём реконструкции ассоциативно-семантических полей позволяет выделить ценностную организацию, особенности мировидения представителей данного музыкального направления.

Анализ текстов рок - поэзии позволяет выделить ассоциативно-семантическое поле концептов «жизнь», «смерть», включающее ядерную, около-ядерную и периферийную зоны. Данные концепты, на наш взгляд, следует рассматривать вместе, так как смысловое наполнение анализируемых образований часто вступает в оппозицию на парадигматическом и синтагматическом уровнях. Рассмотрим ассоциации каждого слоя данных концептов.

Ядерный (базовый) слой концептов

К ядерному слою будут относиться те значения, которые чаще всего отражают сущность данных ментальных образований в рок-культуре. Представления концептов в ядерной зоне в большинстве случаев не входят в обыденное восприятие, парадигматический и синтагматический уровни данного слоя концептов несут в себе окказиональный характер представлений.

В результате проведенного анализа, было выявлено, что «жизнь» чаще всего в сознании рок-носителей ассоциируется с музыкой, а «смерть» – с «тишиной»: «Когда сыграет оркестр, распахнется медь, и умрет дирижер» («Сплин» «Война»).

Часто жизнь интерпретируется как оркестр: жизнь – музыкальная игра, и пока будет продолжаться музыка, будет продолжаться жизнь: «Рви тишину, как струну, своим воплем истошным» («Сплин» «Нечего делать внутри»). Тишину, как антипод музыки (=смерть), пытаются заменить музыкой (струной), то есть жизнью. Тишину не нарушают, её «рвут», то есть совершают агрессивные действия.

Все на корабль, идущий в шторм!

От пристани мне слышится

Звук лопнувшей струны («Сплин» «Гроза»).

Корабль жизни (представление традиционного восприятия) отправляется в мир смерти. Пристань – жизнь, с ней связаны звук, лопнувшая струна (обрыв жизни) – атрибуты жизни.

На патефон поставлю пластинку
И застрелюсь под музыку Стинга.
(«Агата Кристи» «Декаданс»).

Скоро ты услышишь последнюю песню
пропащего крейсера.

(«Сплин» «Скоро будет солнечно»).

Песня существует только в жизни, музыка – неотъемлемая часть всего принадлежащего земному существованию. На парадигматическом уровне подобное представление близко национальному восприятию, например: твоя песенка спета. На синтагматическом уровне жизнь, выраженная музыкой, связана с такими глаголами, как слушать, петь, слышать и т. д.

Ну что же, я вижу, с последнего лада

Скатилось последнее «соль».

(«Сплин» «Сказочный леший»).

Метафорическая модель «Музыка» в данном примере выражена нотой. На синтагматическом уровне конец жизни и приближение смерти – последнее «соль» связано с лексемой «скатилось». Скатываться – приближаться к определенному завершению, то есть на уровне предиката приближение смерти выражается довольно традиционно, метафорическое же представление окказионально.

Рок-культура появилась как способ протеста молодежи против общественных устоев. Как правило, протест связан с агрессией. Поэтому концепты «жизнь», «смерть» ассоциируются с лексемами, выражающими агрессивные действия:

Я знаю, что будет война,

Потускнеют умы, разобьются сердца,

И девочка с пулей во лбу

Будет звонко смеяться над трупом отца,

Собаки сорвутся с цепей

И оставят хозяев по горло в крови.

(«Сплин» «Война»).

В рок-текстах концепты «жизнь», «смерть» выражены лексемами предопределения. Мотивы безысходности, неизбежности, продиктованности бытия – одна из важнейших черт рок-текстов. Обыденное сознание склонно к фатализму, жизнь ассоциируется с судьбой («Живите так, как вас ведет судьба»). Предопределённость жизни в рок-текстах на уровне синтагматики выражается в сочетаниях: мы обречены, нам продиктовано и т. д.

Придуманные люди за окном

Диктуют нам последние страницы.

(«Сплин» «Мария и Хуана»).

Я вчера узнал из сводки свежих новостей,

Что я умру непознанным в тени своих детей...

(«Сплин» «Мне сказали слово»).

Жизнь представлена как дом (сближение с национальным восприятием), место для рок- поэта не комфортное, но он обречен в нем находиться. Неизбежность нахождения в доме (жизни) отражена на синтагматическом уровне: двери не откроются, // Ключи у рака, а рак на горе (устойчивое выражение).

Знай, я хотел убежать, но мне некуда деться.

(«Сплин» «Нечего делать внутри»).

Выпавший снег никогда не растает.

(«Сплин» «Бог устал нас любить»).

К ядерной зоне ассоциативно-семантических полей концептов «жизнь», «смерть» может быть отнесено и выражение абсурдности бытия: окказиональная метафоризация рок-текстов чаще всего связана с изображением абсурдности бытия.

Когда подсудимый обманет конвой

И подпишет судьбе приговор.

(«Сплин» «Война»).

Я думал то, что мы висим на фонарях,

А мне сказали то, что мы забыты в папиросу.

(«Сплин» «Я не хочу домой»).

Прийти домой, выпить яд, взять бормашину в друзья.

Одеть на белый халат цветы, колодец и сад

И распилить шар земной любимой бензопилой,

И получить результат.

(«Сплин» «Достань гранату»).

Околоядерный слой концептов

Данный слой концептов включает в себя менее частотные представления, чем ядерная зона. Околоядерный слой имеет как окказиональное выражение на парадигматическом и синтагматическом уровнях, так и ассоциативные ряды, отражающие обыденное сознание носителей языка, представления, относящиеся к национальному восприятию (жизнь – дом, жизнь – книга, жизнь – любовь, жизнь – сон, жизнь – игра, жизнь – дорога, смерть – увядание).

Среди окказиональных образований, присущих непосредственно рок-текстам, могут быть выделены:

1. Цветовая модель концептов «жизнь», «смерть».

Концепты «жизнь», «смерть» неразрывно связаны с цветовыми обозначениями. В языковой картине мира русского человека немалое место занимает оппозиция белого и черного. Следует отметить, что человек, не принадлежащий рок-культуре, всегда ставит белый цвет на первое место, то есть на уровне подсознания белое – первичное, а черное – вторичное. Поэтому сознание рядового носителя языка – бело-черное.

В рок-поэзии сознание – черно – белое. Черный цвет – это самый популярный цвет в рок-текстах. Второе место занимает белый цвет, третье – красный, цвета же более жизнерадостные присутствуют крайне редко.

Жизнь в рок-текстах ассоциируется с черным цветом, смерть – с белым. Реалии, связанные с непосредственным существованием, имеют темные очертания. Даже такое важное явление, как солнце предстает через призму мрачного: «Кто нам подарит рассвет? – Черный цвет солнца». То есть рок-поэта интересует не само солнце, а именно его таинственная, непостижимая сторона. Наблюдается оппозиция черного, как признака жизни, и белого, как признака смерти.

2. Жизнь – одиночество.

Жизнь в представлении субъектов рок-культуры – это всегда одиночество. Вообще, рок-культура близка к экзистенциальной философии, человек чувствует себя одиноким и покинутым в мире: «Одному – долгий путь, тяжкий посох, пустая сума» («Сплин» «Бездыханная легкость моя»).

Нам сказали то, что мы одни на этой земле.

(«Сплин» «Иди через лес»).

На синтагматическом уровне одиночество как жизнь человека представлено сочетанием: нам сказали, то есть существование человеческое продиктовано.

3. Смерть – полет.

Мы играем во что захотим.

Мы упали и летим, и летим,

А куда – не знаем до поры, до поры.

Мы слепые по законам игры

(«Агата Кристи» «Нисхождение»).

В данном примере на уровне парадигматики жизнь представлена как игра, но на синтагматическом уровне в одном ряду стоят глаголы – играем, упали, летим. Данное сочетание можно считать окказиональным, так как жизнь представлена как игра, а смерть – как полет.

Полет – это освобождение от жизни: «Ключ поверни и полетели» («Сплин» «Выхода нет»). Полет – это свобода, следовательно, смерть – это освобождение.

4. Переход от жизни к смерти – яд.

Глоток несказанно вкуснейшего яда –

И все...

(«Сплин» «Сказочный леший»).

Когда одряхлевшей старухе

Покажется ядом живая слеза.

(«Сплин» «Война»).

В данных примерах снова можно заметить абсурдность рок-текстов: вкуснейший яд, покажется ядом живая слеза, которая проявляется на синтагматическом уровне.

Жизнь – время.

Понятие «время» неизменно отражает данные концепты. Как и в национальном восприятии, время играет немаловажную роль в представлении этих концептов, и так же, как в обыденном сознании, время в рок-текстах существует только на земле, в человеческой жизни, а в загробном мире оно исчезает:

И мы уходим подземным ходом

Туда, где снег и белей, и чище,

Туда, где время нас не отыщет.

(«Сплин» «Невский проспект»).

На парадигматическом уровне время часто имеет представление поезда, рельсов:

Меня уносят, ведут ко дну,

Две рельсы, что сошлись в одну

(«Сплин» «Невский проспект»).

Время поездов ушло по рельсам пешком

Время кораблей легло на дно.

(«Сплин» «Иди через лес»).

Периферийный слой концептов «жизнь», «смерть»

К периферийному слою относятся те значения концептов «жизнь», «смерть», которые менее употребительны в рок-текстах:

1. Жизнь как время года.

Жизнь ассоциируется с зимой, метелью и осе-
нью, опаданием листьев:

20 лет я смотрю в календарь,
и все эти годы в календаре зима
(«Сплин» «Черный цвет солнца»).

И мы, как листья, падаем с деревьев,
кровью стекаем в лужи.

2. Смерть – серп.

Смерть наступает для всех, все равны перед её
приходом. Символом смерти является серп:

Но под серпом все травы сочны,
где там думать о судьбах?
(«Сплин» «Бездыханная легкость моя»).

3. Смерть – человек.

Смерть часто ассоциируется с человеком по его
профессиональной принадлежности.

Дворник, смети меня с мостовой
(«Агата Кристи» «Дворник»).

Дворник – медиум между мирами жизни и
смерти. Мостовая представлена как человеческая
жизнь. В русском национальном сознании жизнь
часто ассоциируется с дорогой: стоять поперек до-
роги, то есть мешать кому-либо; нам с ним не по
дороге, то есть наши цели различны; жизненный
путь (путь – это и есть дорога). В этих выражениях
мы можем увидеть, что дорога представляется носи-
телям русского языка как человеческая жизнь. Мос-
товая – тоже дорога. «Дворник, смети», то есть уда-
ли с этой дороги.

4. Смерть – возвращение из другой прожитой
жизни, смерть как движение, смерть как самостоя-
тельная жизнь.

Я никогда еще не был таким мертвым,
И это еще только начало.
(«Агата Кристи» «Неживая вода»).

На синтагматическом уровне мы видим сочета-
ние противоположных начал: мертвый и начало, это
доказывает, что рок – поэзия не отказывает сущест-
вованию жизни после смерти.

Пепел мною сожженных семи городов
не дает мне вернуться отсюда назад

«Отсюда» – это настоящий момент, «назад» –
момент прошлого. Мы наблюдаем парадоксальное
явление – возвращение в смерть, то есть смерть –
особый мир небытия.

«Мы прожили смерть, но не стали моложе» –
смерть, как и жизнь, можно прожить. Прожить –
провести определенное время, просуществовать в
бытии. Следовательно, смерть – другая жизнь, дру-
гое, совершенно особое мироздание.

5. Жизнь – ожидание:

Я живу в ожидании чуда, как маузер в кобуре.
(«Сплин» «Будь моей тенью»).

Помимо выделенных групп к периферийной зо-
не концептов «жизнь», «смерть» могут быть
отнесены христианские образы. При этом
христианские образы чаще всего выступают не в
своем догматическом значении, а в
трансформированном виде, что придаёт им
окказиональный характер. Так, часто в рок-текстах
Бог предстаёт существом, далеким от человека.

И мы смотрим в небеса,

Но небо нас не слышит, небо нам не внимлет.

(«Сплин» «Иди через лес»).

Таким образом, ассоциативные поля концептов
«жизнь», «смерть» имеют специфическое наполне-
ние, выраженное на парадигматическом и синтаг-
матическом уровнях.

В ядерную зону концептов будут входить наи-
более частотные представления (жизнь – музыка,
смерть – тишина, жизнь – абсурд, жизнь, смерть –
предопределение, агрессия). Представления около-
ядерной зоны менее частотны, но, в отличие от ба-
зового слоя, околоядерная зона включает в себя ас-
социации не только окказионального характера
(жизнь – полет, жизнь – гроза, смерть – оружие), но
и представления, свойственные национальному ми-
ровосприятию (жизнь – дом, жизнь – книга, жизнь
– любовь, жизнь – сон, смерть – увядание).

Периферийный слой включает в себя те пред-
ставления концептов «жизнь», «смерть», которые
наименее частотны или единичны в рок-текстах.
При этом метафорические ассоциации концепта
«смерть» часто вступают в оппозицию с метафори-
ческими ассоциациями концепта «жизнь», что лег-
ко объясняется противоположностью и несовмес-
тимостью самих понятий.

Литература

1. Гаврилов, Ю. М. Семантическое поле как
один из способов систематизации семантики /
Ю. М. Гаврилов // Семантика и прагматика языко-
вых единиц. – Душанбе, 1990.

2. Караулов, Ю. Н. Русский язык и языковая
личность / Ю. Н. Караулов. – М., 1987. – С. 87.

УДК 339.138:378.1

ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ РЕЧЕВОГО ЖАНРА «ПОЗДРАВЛЕНИЕ» В ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

А. В. Колгаева, М. Бедь

В настоящее время понятие “дискурс” имеет
множество научных интерпретаций. Трудно пере-
числить все научные дисциплины, рассматриваю-

щие это понятие. К ним относятся лингвистика, ан-
тропология, литературоведение, когнитивная пси-
хология, социология, социолингвистика, филосо-

фия, психолингвистика, этнография и многие другие. Дискурс в равной степени может считаться и текстом, взятым в событийном аспекте, и социальным действием во взаимодействии людей и воздействии их друг на друга. Он не только представляет нужную информацию, но и дает дополнительные сведения о говорящем субъекте с прагматической, психологической и социокультурной точки зрения. В данном исследовании нас интересует дискурс как стратегическое взаимодействие субъектов во временном, пространственном и прочем контексте в совокупности с различными прагматическими и экстралингвистическими особенностями.

Интересующий нас политический дискурс относится к институциональному типу дискурса. Основными участниками институционального дискурса являются представители института и люди, обращающиеся к ним. Мы определяем политический дискурс как класс жанров в сфере политики, имеющих основной целью коммуникации речевое воздействие на адресата и преобразование политической действительности.

Для анализа речевого жанра «поздравление» в политическом дискурсе мы пользуемся классификацией речевых стратегий, тактик и приемов И. Ю. Логиновой. По ее мнению, общая цель политического дискурса – добиться у адресата согласия с политическими целями, программами, мероприятиями будущей политики, объяснить, обосновать или оправдать проводившуюся ранее политику и в конечном итоге – победить на выборах, прийти к власти [1, с. 16]. Для достижения этой цели политики используют глобальную персуазивную стратегию [1, с. 16], которая актуализируется посредством более частных тактик и приемов. И. Ю. Логинова выделяет ряд типичных тактик, которые помогают реализации глобальной персуазивной стратегии:

- положительная саморепрезентация;
- дискредитация оппонента;
- интимизация изложения;
- создание очевидности и общеизвестности явлений действительности;
- обещания и предложения готового решения.

Данные тактики отражают в большей степени манипулятивный потенциал политического дискурса. Но в нем присутствуют элементы логической аргументации, выступающие доказательным звеном выдвигаемых тезисов и предложений: аргументы, логические доводы, перечисления, рассуждения с опорой на фактическую информацию.

Вслед за А. П. Сковородниковым, мы понимаем под речевой стратегией общий план, или «вектор», речевого поведения, выражающийся в выборе системы придуманных говорящим поэтапных речевых действий; линия речевого поведения, принятая на основе осознания коммуникативной ситуации в целом и направленная на достижение конечной коммуникативной цели (целей) в процессе речевого общения. А под речевой тактикой – конкретный речевой ход (шаг, поворот, этап) в процессе осуществления речевой стратегии; речевое действие (речевой акт или совокупность нескольких речевых ак-

тов), соответствующее тому или иному этапу в реализации речевой стратегии и направленное на решение частной коммуникативной задачи этого этапа.

Рассмотрим поздравительное выступление президента США Дж. Буша 1 января 2008 года.

Presidential Message for New Year's Day, 2008.

As we enter this New Year, we reflect on the past and look forward to a promising year ahead.

A future of hope and opportunity begins with a robust economy. Thanks to America's workers and entrepreneurs, our economy grew at a vigorous rate last year. Keeping taxes low and exercising fiscal restraint helped ensure that the number of jobs increased and the deficit once again fell ahead of schedule. The underpinnings of our economy have proven strong, competitive, and resilient enough to overcome the challenges we face. In the coming year, we will continue to encourage growth in the economy so Americans have more money to invest in their businesses, spend on their families, and put aside for the future.

In addition to our efforts here at home, the United States continued its work to spread freedom and peace around the world. America is determined to defeat terrorists and extremists, and we will remain on the offensive against the enemies of freedom. In 2008, we will continue to stand beside our partners in the international community to lay a foundation of peace for our children and grandchildren.

America is grateful for the service and sacrifice of our Nation's troops and their families. During this hopeful time of year, we remain mindful of the courage and resolve of the fine men and women who protect our country and defend freedom's cause.

As we welcome this New Year, we move forward with trust in the power of the American spirit, confidence in our purpose, and faith in a loving God who created us to be free.

Laura and I send our best wishes for a happy New Year. May God bless you, may God bless our troops and their families, and may God bless America.

GEORGE W. BUSH

Глобальная персуазивная стратегия определяет организацию и содержание речи. Целью стратегии является согласие граждан с политическим курсом, оправдание проводящейся политики. Для реализации стратегии Дж. Буш использует ряд тактик. Во-первых, президент прибегает к использованию тактики положительной саморепрезентации. Формируется лексико-семантическое поле «свои» при помощи местоимения «we» (we enter, we reflect, we welcome). Кроме того, президент использует существительные, обозначающие различные ценности:

Материальные ценности – economy, money, business.

Ценности социальной жизни – family, children, grandchildren.

Ценности духовной жизни и культуры – God, hope, love, trust.

Политические ценности – freedom, peace, the American spirit.

Прием формирования лексико-семантического поля «чужие» реализует тактику дискредитации оппонента. «Чужие» – это враги свободы (enemies of freedom), террористы и экстремисты. Президент говорит, что вся Америка ведет борьбу с врагами свободы. Тем самым он расширяет семантическое поле «свои» до уровня всей нации (America is determined to defeat terrorists and extremists).

Прием ценностной подстройки также используется для реализации тактики дискредитации оппонента. Президент упоминает различные ценности, на которые посягает оппонент, и настраивает граждан против него (United States continued its work to spread freedom and peace around the world).

Тактика создания очевидности и общеизвестности явлений опирается на прием изменения во времени. Президент использует определенные выражения и слова, описывающие изменение объекта (we continued, in the coming year; The United States continued its work). Многократное использование местоимений “we” и “our” подчеркивает, что все граждане страны знают о том, какая политика проводится в государстве. Создается иллюзия, что каждый человек влияет на политику (we will continue to encourage growth in the economy... we remain mindful).

Тактика обещания и предложения готового решения широко используется в обращении при помощи конструкций в простом будущем времени (we will continue to encourage growth in the economy). Опора на национальный стереотип дает возможность использовать тактику интимизации изложения. Дж. Буш использует принятые в обществе формулировки, чтобы поздравить людей с Новым годом (a happy New Year).

Совокупность названных речевых тактик и приемов способствует развитию чувства лояльности к власти и тем самым обеспечивает единство населения страны, работая на оправдание проводимой политики (в частности, политики на Ближнем Востоке).

Теперь обратимся к Новогоднему обращению к нации В. В. Путина 31 декабря 2007 года.

Новогоднее обращение к гражданам РФ В. В. Путина 31 декабря 2007 года.

Уважаемые граждане России! Дорогие друзья!

Сегодня мне хочется сказать вам особые слова и, провожая уходящий год, сердечно поблагодарить вас за всё, что мы вместе сделали за последние восемь лет.

Всё, что достигнуто, – было бы просто невозможно без вашей постоянной поддержки, без вашего доверия, без вашего прямого участия в возрождении страны.

Мы не только восстановили территориальную целостность России, но и вновь почувствовали себя единым народом. И все эти годы мы вместе работали для того, чтобы сохранить страну, превратить её в современное, свободное, сильное государство, удобное и комфортное для жизни граждан.

Мы видим, как год от года набирает силу и укрепляется Россия, как растёт наша экономика и открываются новые возможности для людей.

Конечно, не всё удалось сделать. Но я уверен: путь, выбранный народом России, – правильный, и он приведёт нас к успеху. У нас всё для этого есть: наша великая история, колоссальные ресурсы, мужество, трудолюбие и интеллектуальный потенциал нашего великого народа.

Дорогие друзья! Через несколько мгновений наступит Новый год. В этом празднике – любовь к близким, тепло домашнего очага, надежда и вера, что всё сложится, что мы будем жить лучше, что дети наши будут счастливы, что старшие будут здоровы и благополучны, – и тогда страна наша будет крепнуть и процветать.

Пожелаем друг другу новых успехов и, конечно, поднимем бокалы за здоровье и счастье наших родных и близких, за тех, кого ценим и бережём больше всего на свете, кому отдаём наше тепло и с кем хотим быть рядом.

Пусть все самые заветные мечты сбудутся! Счастья вам, дорогие друзья!

С Новым годом!

Президент подводит итог своей 8-летней работы. Поэтому тактика положительной саморепрезентации играет в данной речи особую роль. Путин использует в речи местоимение «мы» и отдельно, и в связке с наречием «вместе» (мы вместе сделали, мы вместе работали), формы повелительного наклонения (пожелаем, поднимем бокалы). Система ценностей русского народа представлена в речи президента. Он упоминает материальные ценности (экономика, колоссальные ресурсы); ценности социальной жизни (близкие, народ России); ценности духовной жизни (любовь, надежда, вера, домашний очаг); политические ценности (возрождение страны, территориальная целостность). Кроме того, президент прибегает к приему уступки. Это позволяет условно обобщить все положительные факты и создает образ руководителя, который знает о проблемах народа. «Конечно, не все удалось сделать. Но я уверен...»

Тактика создания очевидности и общеизвестности явлений эффективно реализуется в речи посредством местоимений «мы» и «наш» (наша великая история, мы будем жить лучше). Помимо этого, президентом используется прием оценки, который заключается в использовании оценочных слов и выражений: мы видим, я уверен. Тактика создания очевидности и общеизвестности явлений также опирается на прием изменения во времени (и все эти годы мы вместе работали, год от года набирает силу и укрепляется Россия).

Тактика обещания и предложения готового решения работает за счет придаточных цели (мы вместе работали для того, чтобы сохранить страну, превратить её в современное, свободное, сильное государство, удобное и комфортное для жизни граждан) и использования форм будущего времени (все сложится, мы будем жить лучше, страна наша будет крепнуть и процветать).

Прием формирования лексико-семантического поля «чужие» в данной речи работает на тактику интимизации изложения, где оппозиция «я – вы»

сближает президента с народом. Подчеркивается сотрудничество между двумя полями (Сегодня мне хочется ... сердечно поблагодарить вас за все, что мы вместе сделали). В обращении не используется тактика дискредитации оппонента, что исключает противостояние каких-либо сторон.

В данной речи четко прослеживается актуальная в тот момент тема выборов. Предложение «Мы... почувствовали себя единым народом» наводит на мысль о партии «Единая Россия», которая была создана при поддержке президента и является одной из самых сильных партий в стране. При этом президент описывает будущие перспективы страны, ис-

пользуя аллитерацию (современное, свободное, сильное государство). Уверенная победа «Единой России» на выборах 2 декабря представлена с позитивной стороны (путь, выбранный народом России, – правильный, и он приведет нас к успеху).

Можно отметить, что В. В. Путину удается сформировать положительный образ, обозначить свои достижения при совместных усилиях с народом, очертить будущие перспективы страны.

Мы сравнили, каким образом глобальная персуазивная стратегия раскрывается в речах Дж. Буша и В.В. Путина. Рассмотрим таблицу.

<i>Тактика</i>	<i>Приемы и языковые средства, которые использует Дж. Буш</i>	<i>Приемы и языковые средства, которые использует В. В. Путин</i>
Положительной саморепрезентации	1. Прием формирования лексико-семантического поля «свои» 2. Местоимение «we» 3. Существительные, обозначающие ценности	1. Прием формирования лексико-семантического поля «свои» 2. Местоимение «мы» 3. Существительные, обозначающие ценности 4. Прием уступки 5. Многочисленные слова с положительной коннотацией 6. Формы повелительного наклонения первого лица множественного числа
Дискредитации оппонента	1. Прием формирования лексико-семантического поля «чужие» 2. Абстрактные существительные 3. Стилистические приемы (метафоры, эпитеты) 4. Прием ценностной подстройки	Не используется
Интимизации изложения	1. Прием опоры на национальный стереотип	1. Прием опоры на национальный стереотип 2. Оппозиция «я – вы»
Создания очевидности и общеизвестности явлений действительности	1. Местоимения «we», «our» 2. Безличные местоимения 3. Наречие «always» 4. Прием повтора 5. Прием изменения во времени	1. Местоимения «мы», «наш» 2. Прилагательное «каждый» 3. Вводные конструкции 4. Прием оценки 5. Прием изменения во времени
Обещания и предложения готового решения	1. Стандартизированное начало предложения 2. Использование инфинитива в функции обстоятельства цели 3. Простое будущее время	1. Стандартизированное начало предложения 2. Придаточные цели 3. Простое будущее время

Тактика положительной саморепрезентации в речи Дж. Буша представлена меньшим количеством приемов и языковых средств, чем в речи В. В. Путина. Это объясняется тем, что речи Дж. Буша характеризуются острой поляризацией, которая также играет важную роль в формировании положительного образа политического лидера. Ему предстоит противостоять различным силам и защищать интересы страны. Данная поляризация придает выступлению свой драматизм и экспрессивность. Напротив, речи В. В. Путина характеризуются большим количеством приемов и языковых средств, формирующих положительный образ президента, поскольку в его поздравительных выступлениях нет оппонента. Данные приемы и языковые средства компенсируют его отсутствие, а также делают речи эмоционально положительными и жизнеутверждающими.

Тактика интимизации оппонента очень эффективно работает в обоих выступлениях за счет опоры на национальный стереотип. Каждому оратору уда-

ется подобрать слова, характеризующие особую ментальность народа. В выступлении В.В. Путина, помимо приема опоры на национальный стереотип, появляется оппозиция «я – вы», которая по своей внутренней сути представляет не оппозицию, а коалицию – как плодотворный союз сторон.

Тактика создания очевидности и общеизвестности явлений действительности, как у Буша, так и у Путина, работает посредством набора схожих языковых средств и приемов. Но есть и различия:

1. Выступления Дж. Буша построены по принципу повтора. Это делает речи запоминающимися. Таким образом, основные идеи, которые хочет донести до народа политический лидер, откладываются в памяти слушателей.

2. Владимир Путин прибегает к использованию приема оценки. Он, по сути, имеет те же функции, что и прием повтора. Президент дает положительную оценку разным явлениям, это делает данные явления запоминающимися.

Мы выделили также прием изменения во времени. Он используется и Бушем и Путиным. Данный прием создает картину меняющейся страны. Лидеры показывают гражданам государства, что их работа дает результат.

Обязательным моментом в поздравительных речах является момент обещания и предложения готового решения. То, к чему стремятся политические лидеры и на что надеются, представлено в этой части выступления. Мы не выявили различий в приемах и языковых средствах, которые используются ораторами в данном случае.

В целом, можно сказать, что президентам удается очень эффективно использовать речевые стратегии и тактики для того, чтобы укрепить свои позиции в качестве политических лидеров, а также добиться поддержки народа.

Литература

1. Логинова, И. Ю. Лингвопрагматические особенности текста программы политической партии (на материале английского языка) / И. Ю. Логинова. – СПб, 2004. – 23 с.

2. Сковородников, А. П. О необходимости разграничения понятий «риторический прием», «стилистическая фигура», «речевая тактика», «речевой жанр» в практике терминологической лексикографии / А. П. Сковородников // Риторика ↔ Лингвистика. Вып. 5: сб. статей. – Смоленск: СГПУ, 2004. – С. 5 – 11.

3. Архив выступлений президента РФ В. В. Путина // Эл. ресурс. – Режим доступа: <http://www.kremlin.ru>.

4. Электронный ресурс. Архив выступлений президента США Дж. Буша <http://www.whitehouse.gov>.

УДК 339.138:378.1

ОСОБЕННОСТИ РЕАЛИЗАЦИИ ЯЗЫКОВЫХ СРЕДСТВ В КИНЕМАТОГРАФИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

А. В. Колгаева, О. Берендеева

Кинематограф в целом изображает непосредственно пережитой опыт с помощью различных приемов. Вместе с тем он предполагает и рефлексии со стороны зрителя – размышление и осмысление опыта, поскольку мы не только «переживаем» мир, но и отделены от него. Фильмы оказывают воздействие, влияют на человека через ощущения непосредственно (звуками и ритмами) и символически (образами, ассоциациями и т. п.).

Текст, понимаемый как дискурс, т. е. помещенный в пространство социокультурного контекста, обращен ко всем гуманитарным наукам, и успех его анализа зависит от учета всего комплекса отношений, которыми он связан с этим контекстом. Следует выделить три главные взаимосвязанные характеристики дискурса, которые необходимо иметь в виду при исследовании любого его аспекта, так как они присущи всем типам дискурса. Во-первых, дискурс – это не отражение действительности. Он создает реальность, предлагает свою версию, модель мира. Во-вторых, дискурс является динамичным процессом взаимодействия автора и зрителя, с одной стороны, и языковыми, социально-интеракционными и культурными правилами, – с другой. Такое взаимодействие проявляется в трех измерениях дискурса, а именно:

– лингвистическом: он составляется из языковых средств – структур (слова, высказывания), процессов (метафоризация) и правил (грамматика);

– межперсональном: он ориентирован на другого, реального или потенциального;

– культурном: он отражает виды деятельности и способы мышления, принятые в данной культуре.

Таким образом, чтобы правильно проанализировать какой-нибудь фильм, нужно грамотно подойти к объекту анализа с различных точек зрения, рассмотреть все измерения дискурса. В данной ра-

боте мы пользуемся схемой Карасика Владимира Ильича, где для анализа различных типов дискурса он предлагает рассмотреть следующие его компоненты:

- участники,
- хронотоп,
- цели,
- ценности (в том числе и ключевой концепт),
- стратегии,
- материал (тематика),
- разновидности и жанры,
- прецедентные (культурогенные тексты),
- дискурсивные формулы (1).

Для изучения кинематографа с точки зрения дискурсивного анализа мы рассматриваем примеры из различных современных английских и американских художественных фильмов и сериалов. При анализе мы учитываем не только вербальное выражение персонажей, но также и их «предысторию» в фильме, их социальный статус и невербальные характеристики. Речь персонажей была записана с помощью субтитров с опорой на звуковое восприятие, поскольку иногда субтитры могут быть сокращенными. Большое значение имеет идея, заложенная в каждом отдельном примере, замысел авторов, идейная направленность дискурса. В данной работе мы рассматриваем примеры, цель которых заключается в создании юмористического эффекта.

Для изучения характеристик, направленных на создание юмористического эффекта, нами был взят пример из ситкома под названием “30 Rock”, где речь идет о жизни американского телеканала NBC. 30 Rock происходит от сокращенного названия адреса, где располагается главный офис телекомпании NBC, Rockefeller Plaza, 30. Главный персонаж ситкома – Лиз Леммон, менеджер среднего звена,

умная девушка с неудачно сложившейся личной жизнью и карьерой. Ее шеф Джек Донахи постоянно над ней подшучивает, стараясь тем самым пробудить ее самолюбие.

В этом эпизоде Джек заходит в кабинет к Лиз после провального обеда с ее другом-неудачником, который в свои годы до сих пор занимается бесполезным и не приносящим доход делом (продажей пейджеров), ничего не добился в жизни, частенько сквернословит и ведет себя совершенно неподобающим образом. И вот в кабинет Лиз входит Джек, крутя в руках пейджер; глядя на это, она начинает смеяться: "Okay, very funny. You bought a pager from Dennis. Will you take it off now, please?" / "Ну да, очень смешно, вы купили пейджер у Денниса. Может, уберете?" / Таким образом, участниками данного дискурса являются директор и его подчиненная, а хронотопом – рабочее пространство, а именно – офис подчиненной Лиз, ситуация происходит в рабочее время. Она является инициатором диалога, но сразу устанавливает свою позицию, стараясь показать, что эта ситуация ей не нравится, она не любит ушмешек над собой. Джек отвечает на ее реплику с вызовом и юмором: "No, I can't. I'm expecting a call from 1983" / "Нет, не могу. Я жду звонка из 1983 года". В его речи отчетливо звучит ирония, он якобы ожидает звонок из 1983 года, давая понять, что пейджеры – позапрошлый век, а ее друг не смог найти себе более достойного занятия, чем продажа пейджеров, и является круглым неудачником. Лиз начинает действовать в открытую, стараясь защитить своего друга: "Look, Dennis takes care of me, okay?" / "Слушайте, Денис заботится обо мне". Сама не веря в эти слова, она их произносит. Для особой убедительности используется tag-question и непосредственное обращение к собеседнику (look) для максимального включения его в разговор и приобщения к собственным идеям.

Джек всем своим видом (средствами вербальной и невербальной коммуникации) показывает, что это ему неинтересно, он отворачивается и перебивает ее: "Liz, I'd like you to meet Howard Jorgensen" / "Лиз, познакомься с Ховардом Йоргенсеном". / Ховард входит в кабинет, машет рукой в качестве приветствия: "Liz, how do you do?" / "Приятно познакомиться, Лиз". / Он менее уверен в себе, чем Джек, поэтому использует шаблонные формулировки. Джек представляет его более подробно: "He's the vice president of locomotives and a rising star at GE. I thought the two of you had a lot in common". / "Он вице-президент железнодорожного управления и восходящая звезда «Дженерал Электрик». Мне кажется, у вас двоих много общего". / Сначала он акцентирует внимание на положительных чертах персонажа (как высокий профессиональный статус), а потом подчеркивает, что у Ховарда и Лиз много общего, используя определенный артикль the (the two), усиливающий данное значение. Это замечание оскорбляет Лиз: "You are relentless. Look, uh, Howard, you're obviously an attractive and confident guy, and at a different time in my life I could definitely see the two of us together". / "Вы жестоки. Знаете, Ховард, вы, несомненно, при-

влекательный и уверенный в себе мужчина, и в другой период моей жизни я определенно могла бы представить нас вместе". / Она старается преподнести отказ от этого «сватовства» или удачного знакомства в более мягкой форме, инверсия во второй части предложения (at a different time in my life I could definitely see the two of us together) указывает на то, что причиной отказа является неправильно выбранный временной промежуток, что в другое время она бы с радостью приняла это предложение о знакомстве.

Но Ховард не дает ей закончить свою пылкую речь, демонстрируя обручальное кольцо на своем пальце: "I'm married with two beautiful kids and a pool". / "Я женат с двумя красивыми детьми и бассейном". / Его выражение о том, что он «женат с двумя красивыми детьми и бассейном» символизирует образ традиционных семейных ценностей, наличие детей и бассейна – как метафора достатка и благополучия. Необычность образа достигается с помощью зевгмы, персонаж пытается совместить счастье и достаток, что не всегда получается в жизни. На лице Лиз читается крайнее удивление. Джек: "Liz, I wasn't trying to set you up. I wanted to show you my handiwork. I used to mentor Howard". / "Лиз, я вовсе не пытался вас свести. Я хотел показать тебе мою ручную работу. Раньше я был наставником Ховарда". / Он объясняет происходящее. Ховард – его «ручная работа» (метафоричность высказывания подчеркивает особую заботу и работу, вложенную в Ховарда, он точно вылеплен руками). Теперь Ховард рассказывает свою историю: "I was a lot like you. I dressed poorly, had bad posture, walked around with lettuce in my hair..." / "Я был такой же, как вы. Не очень хорошо одевался, ходил с неправильной осанкой, разгуливал с салатом в волосах..." / (Лиз: "Oh, son of a bitch". / "Ой, вот черт"). Ховард: "And I cursed like a sailor. But Jack saw potential in me. He changed my life". / "И ругался как сапожник. Но Джек увидел во мне потенциал. Он изменил мою жизнь". / Такую характеристику Ховард дает Лиз, как бы описывая ее, приводя в пример свои недостатки. И каждый недостаток действительно подтверждается действительностью (Лиз ругается, ходит с салатом в волосах, не очень внимательно к своей внешности). Он дает ей понять, что он тоже был таким, но изменился именно благодаря Джеку. И сейчас он занимает солидную должность и счастливо женат. Но Лиз категорична: "Look, I told you, I don't need a mentor!" / "Слушайте, я говорю вам, мне не нужен наставник!" /

Ключевой идеей данного дискурса является идея различия между людьми, их мыслями, каждый видит и слышит то, что хочет видеть, каждый воспринимает реальность по-своему, порой у двух людей взгляд на мир может быть диаметрально противоположенным, из-за этого возникают различные смешные ситуации. Так, Лиз кажется, что все вокруг только и заняты тем, чтобы ее сосватать, найти ей пару, ей понравиться, но окружающих это не волнует, ее босс просто хочет, чтобы она стремилась к совершенству, а не встречалась с неудачни-

ками. Целью данного дискурса является привлечение внимания зрителя с помощью создания юмористической ситуации. Ценности дискурса тесно связаны с ключевой идеей, поскольку главной ценностью здесь является индивидуальность, наличие у каждого собственного мнения, наличия своего собственного мира, взгляда на жизнь, который нужно обязательно учитывать при общении с другими, а не приравнивать всех к себе. Тематика дискурса – простое бытовое общение с элементами корпоративной культуры (поскольку дело происходит именно на работе, в определенных рамках), культурогенные тексты в данном примере не представлены. Дискурсивные формулы широко выражены коммуникативными клише (такими, как обращение к собеседнику “Look”, “how do you do?”, “married with two kids”, “to curse like a sailor”). Таким образом, основной стратегией для создания юмористического эффекта в данном примере дискурса служит сам разговор между персонажами и его многозначность, непонимание персонажей, изначально зрители видят искаженную версию понимания ситуации, из-за этого возникает последующая комичность.

На основе вышеописанного примера можно сделать вывод, что одним из самых интересных материалов для исследования дискурсивных характеристик является кинематограф. Именно в кино можно рассмотреть как вербальные, так и невербальные элементы дискурса, увидеть его разновидности (например политический дискурс) и то, как

определенные категории реализуются в том или ином отрывке.

Были исследованы примеры кинематографического дискурса, основной целью которых является создание юмористического эффекта, а также примеры, где цель – это осмысление определенных философских категорий. Для реализации данных задач используются различные стратегии (чаще всего стилистические приемы, такие как ирония, метафора, синекдоха и пр.).

В целом можно отметить, что кинематографический дискурс представляет собой яркие примеры из жизни современного общества и в некотором роде может стать пособием по изучению социальных аспектов и в данном случае – лингвистических.

Данное исследование носит открытый характер, так как представляется перспективным дальнейшее изучение специфики кинематографического дискурса и исследование различных видов кинематографа (например документального кино, не затронутого в данной работе).

Литература

1. Карасик, В. И. О типах дискурса / В. И. Карасик // Языковая личность: институциональный и персональный дискурс: сб. науч. тр. – Волгоград: Перемена, 2000. – С. 5 – 20.
2. Тынянов, Ю. Н. Поэтика. История литературы. Кино / Ю. Н. Тынянов. – М.: Наука, 1977. – С. 320 – 348.

УДК 801.314.1

ЖАНР «ЗАМЕТКИ НА ПОЛЯХ»: СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ

Н. Б. Лебедева, И. В. Казанцева

Объектом анализа в данной статье является одна из разновидностей естественной письменной русской речи (ЕПР) – «заметки на полях».

Под термином «естественная письменная речь» [1] предлагается понимать обыденную, повседневную, «народную», неофициальную, неканонизированную, «низовую», «профанную» и пр. письменноречевую деятельность и ее результаты – тексты. Этот вид деятельности отличается непринужденностью, непосредственностью, вписанностью в конституацию, короткой временной дистанцией между замыслом и реализацией и отсутствием промежуточных лиц и инстанций (редактор, корректор, цензор, вся полиграфическая система, определяющая специфическую фактуру текста) между отправителем речи и реципиентом текста. Хотя ЕПР пронизывает все наше повседневное бытие, как обычные люди, так и зачастую ученые ее не замечают, не ценят, не считают нужным ее изучать. Что касается лингвистов, то некоторым из них, ориентированных на канонизированную, нормативную речь, на лучшие образцы классической художественной литературы, претит ее «низовой», «непричесанный» характер, они не проявляют, так сказать «гносеологическую толерантность», хотя еще в 1928 г. Б. А. Ларин вы-

двинул в качестве «третьего основного круга языковых явлений» (к первым двум относится литературная и диалектная речь) «языковой быт города» [2]. Другие ученые считают, что устная и письменная речь различается только «фактурой» и не видят в письменной речи особых черт, достаточных для выделения ее в отдельный объект. Имеются и другие соображения, почему ЕПР не у всех вызывает понимание как особый объект лингвистики. Мы стоим на позиции исследовательского уважения к повседневности и ко всем ее проявлениям (эту позицию мы называем «гносеологической толерантностью») и на признании ее специфичности, обусловленной письменной формой существования для таких текстов, которые называли «естественная письменная речь», поскольку субстанциональные признаки («субстрат» – то, не чем написано, «вместилище субстрата», орудие написания, а также автор, адресат) глубинными, имманентными своими сторонами связаны с содержательной, функционально-целевой, прагматической и пр. составляющими таких явлений, как разновидности ЕПР.

ЕПР находится в системных отношениях по параметрам устное / письменное и естественное / искусственное с другими смежными речевыми сфе-

рами: устной разговорной деятельностью, представленной диалектной, городской просторечной, жаргонной речью (естественная устная речь), 2) искусственной устной речью, то есть профессиональной подготовленной речью, 3) искусственной письменной речью, то есть профессиональной, подготовленной письменно-литературной речевой деятельностью, в изучении которой состоялась наука филология. Представим эту парадигму в таблице 1.

Таблица 1

	<i>Устная</i>	<i>Письменная</i>
Естественная	Естественная устная речь	Естественная письменная речь
Искусственная	Искусственная устная речь	Искусственная письменная речь

Изучение смежных с ЕПР видов речевой деятельности имеет давнюю традицию, они активно исследовались и продолжают изучаться, к настоящему времени накоплен большой теоретический и эмпирический материал, а они сами давно вычленены в особые объекты и осознаны как предметы исследования целым рядом дисциплин, что же касается ЕПР, то она только начинает получать достойное внимание и ее исследование набирает силу. Справедливости ради надо заметить, что отдельные разновидности ЕПР привлекали внимание, особенно такие, как письма людей (но в основном изучались письма известных людей, чаще всего писателей), граффити, мемуары, но в целом сфера естественной письменной-речевой культуры не была осознана как особый объект, существующий в различных видах, и она не осознана и не описана как совокупность жанровых разновидностей.

В настоящее время в рамках Лаборатории народной письменной культуры КемГУ и Барнаульского государственного педагогического университета (где она впервые была заявлена как особый объект исследования в 2000 году) идут процессы вычленения разных видов (разновидностей) проявления ЕПР, активного сбора материала и его описания, осознание этих видов в жанроведческом аспекте. К такому типу исследований в рамках Лаборатории народной письменной культуры принадлежит данная публикация. Записки на полях книг и тетрадей отвечают всем основным признакам, по которым мы выделяем жанры естественной письменной речи: они непрофессиональны по исполнению, неофициальны по сфере бытования, спонтанны, отличаются непринужденностью, непосредственностью, вписанностью в конситуацию, короткой временной дистанцией между замыслом и реализацией и отсутствием промежуточных лиц и инстанций между отправителем речи и реципиентом текста. Обладают ли они устойчивыми признаками тематического, стилистического и структурного единства (исходные принципы М. М. Бахтина) – это проблема, которая требует специального исследования, поэтому в настоящей работе мы стараемся избегать номинации «жанр» и используем термин «разновидность» ЕПР.

Предметом анализа является сопоставление записок на полях, которое проводится в два этапа: «внутреннее» сопоставление (между вариантами этой разновидности естественной письменной речи) и «внешнее» сопоставление – с близким ей жанром студенческого граффити. Анализ проводится на основе собранного материала, состоящего из 421 единицы заметок на полях книг и тетрадей. Источником материала послужили тетради студентов филологического факультета и книги из студенческой библиотеки.

Основными признаками «записок на полях» являются специфические функциональные характеристики: реактивность появления записи и «попутность» (по отношению к основному, базовому тексту) функционирования, а также субстанциональный признак – маргинальность субстрата записей («поля»).

«Внутреннее» сопоставление проводится по следующим параметрам: степень креализованности «заметок на полях», место расположения, степень реактивности (связи) попутного текста (заметок на полях) с основным текстом, параметр адресата, монологичность и диалогичность, социальная оценка. Остановимся на каждом из них в соответствующем порядке.

Степень креализованности ([2]) «заметок на полях». На основе анализа собранного материала заметки на полях можно разделить на вербальные, паравербальные, иконические. Из собранного материала заметок на полях книг и тетрадей 54 % (226 единиц) – паравербальные знаки; 34 % (144 единицы) – вербальные; 12 % (51 единица) – иконические.

При этом из 62 собранных единиц заметок на полях тетради 60 % составляют иконические знаки (37 единиц) и 40 % – вербальные (25 единиц).

Из 359 собранных единиц заметок на полях книги – 63 % паравербальные знаки (226 единиц), 33 % – вербальные (119 единиц), и только 4 % – иконические (14 единиц). Представим результаты статистического анализа в таблице 2.

Таблица 2

	<i>Вербальные знаки</i>	<i>Паравербальные знаки</i>	<i>Иконические знаки</i>
Поля тетрадей	40 %	----	60 %
Поля книги	33 %	63 %	4 %

Таким образом, на полях тетради преобладают иконические знаки, а на полях книги – паравербальные. При этом частотность паравербальных знаков такова:

- «галочка» – 83 единицы (37 %);
- «вертикальная черта» – 51 единица (23 %);
- «двойная квадратная скобочка» – 29 единиц (13 %);
- «восклицательный знак» – 21 единица (9 %);
- «плюс» – 11 единиц (5 %);
- «nota bene» – 11 единиц (5 %);
- «фигурная скобка» – 8 единиц (4 %);

- «двойная галочка» – 4 единицы (1,5 %);
- «квадратная скобка» – 3 единицы (1 %);
- «волнистая линия» – 3 единицы (1 %);
- «вопрос» – 1 единица (0,25 %);
- «три восклицательных знака» – 1 единица (0,25 %).

Второй параметр сопоставления – место расположения субстрата (носитель субстрата): поля книг и тетрадей.

В тетради заметки располагаются непосредственно на полях. В книге же заметки могут располагаться сбоку, снизу или сверху текста, что связано с типографским стандартом: отступы сверху, снизу, сбоку. Также возможны записи и рисунки между строк.

Следующий параметр сопоставления – степень реактивности, связи попутного текста (заметок на полях) с основным.

Заметки на полях в большинстве случаев не связаны с основным текстом. Это объясняется целью и мотивами написания заметок на полях тетради. Записи и рисунки в тетради чаще всего имеют цель релаксации (например на лекции), или это могут быть просто какие-либо спонтанные записи. Из 62 единиц в тетради 54 не связаны с основным текстом, что составляет 87 % (например роспись, так называемая «косичка», различные рисунки, написание собственного имени – «Аня», «*I love you*», «*Хочу спать*», «*Булъ – Буль окушки*» и другое), и соответственно лишь 8 связаны с текстом – 13 % (например вынесенные на поля определения, дополнительные заметки и т. д., «*1 -е лицо ед. ч, мн. ч. и дв. ч.*» – в тетради по грамматике русского языка, «*A – C – П*» в тетради по философии).

Заметки на полях книги в большинстве случаев связаны с основным текстом. Поскольку в книгах преобладают паравербальные знаки, они, как правило, связаны с текстом, чаще всего с целью выделения наиболее важных мест, на которые следует обратить внимание. Из 119 вербальных знаков лишь 11 не связаны с текстом (например: «*Привет Ане Гусевой*», «*Люби истфак*» и др.) и 108 – связаны (например, «*Гамлет – эгоизм, безверие*», «*c/x*», «*c/v*», «*з/d*» в учебнике истории и т. д.). Иконические знаки: 3 – связаны с текстом, 11 – не связаны с текстом. Заметки на полях книги связаны взаимоотношениями «автор – читатель», это часто рефлексия читателя на прочитанное, его диалог с автором, высказывание своего мнения. Заметки, которые не связаны с текстом, имеют релаксирующую цель: отдохнуть, отвлечься от восприятия сложного материала.

Таким образом, из 359 единиц заметок на полях книги 94 % (337 единиц) связаны с основным текстом и 6 % (22 единицы) с основным текстом не связаны (табл. 3).

Параметр адресата. Тетрадь представляет собой личное пространство владельца и автора заметок. Книга же, в отличие от тетради, является чужим пространством. И отсюда следует, что в тетради заметки на полях, как правило, представляют собой записи для себя, а в книге (особенно если она библиотечная) есть расчет на то, что кто-нибудь их, возможно, прочтает (поэтому в данном случае мы можем говорить о потенциальном адресате).

лиотечная) есть расчет на то, что кто-нибудь их, возможно, прочтает (поэтому в данном случае мы можем говорить о потенциальном адресате).

Таблица 3

	<i>Связаны с основным текстом</i>	<i>Не связаны с основным текстом</i>
Заметки на полях тетради	13 %	87 %
Заметки на полях книги	94 %	6 %

Имеются отличия заметок на полях собственной книги и библиотечной и на полях книги художественной и книги научной (учебной). Тип адресата в собственной книге – автоадресат («себе будущему»). В библиотечной же книге всегда есть потенциальный адресат: моноадресат (например, «*Привет Ане Карасевой*») или полиадресат (например, «*Привет третьему курсу*»). В научной книге автором заметок на полях чаще высказываются оценочные высказывания по отношению к автору основного текста (например, «*прекрасно*», «*?*» – когда не понятны мысли автора, «*Why?*»), а в художественной – по отношению к герою произведения (например, «*Вот загнул-то*» – по отношению к Лёону, герою романа Флобера «*Госпожа Бовари*», или «*Просто фотомодель. Бывшая фотомодель. Очень бывшая фотомодель*» – по отношению к Элоизе, героине романа Флобера «*Госпожа Бовари*» и др.).

Следующий параметр сопоставления мы обозначим как монологичность и диалогичность. Для заметок на полях библиотечной книги характерна такая особенность, не отмеченная в заметках на полях тетради, как появление диалога. Например, после надписи «*Бахтин – супер!*» появляется надпись другого читателя «*Да, он чувак клевый!*». В данном случае мы можем говорить о диалогизме, как потенциальной характеристике заметок на полях книги.

Параметр социальная оценка. Заметки на полях книги (особенно библиотечной) более порицаемы, чем заметки на полях тетради.

Таким образом, сопоставительный анализ помог выявить ряд отличий между заметками на полях книг и тетрадей, которые позволяют нам сделать вывод, что заметки на полях книги и заметки на полях тетради – варианты одного жанра, «заметки на полях», обладающие интегральными и дифференциальными признаками.

«Внешнее» сравнение обусловлено тем, что жанр «заметки на полях» пересекается по ряду признаков с таким жанром естественной письменной речи, как **студенческое граффити** [3]. Цель сравнения – выявить общие и отличительные черты этих двух разновидностей естественной письменной речи. Параметрами сопоставления являются следующие признаки: авторство, целевые установки и мотивация, субстрат записи, тематика, потенциальная диалогичность, наличие контекста.

Авторами студенческого граффити являются студенты, обычно 1-го и 2-го курсов (87 % всех граффитистов), слушающие на лекциях, оппозиционно настроенные к общественным установлениям, жаждущие общения и реализации иных своих потребностей, чем те, которые предполагаются в данный момент общественными требованиями. Автором заметок на полях может быть любой человек. Здесь нет возрастного ограничения или ограничения только студенческой коммуникативной средой. Но основное число заметок на полях все же функционирует в молодежной среде, которая характеризуется тем, что область молодежной и, в частности, студенческой (в особенности, обывденной) деятельности отличается от области «взрослой» деятельности и характеризуется тем, что в процессе обучения студент частично выключен из так называемой «официальной» коммуникативной среды и ищет попытки неофициального общения. Именно эти заметки на полях и являются наиболее близкими к граффити студенческому по содержанию и целевой установке. В целом же область функционирования заметок на полях значительно шире: начиная со школьной скамьи и заканчивая профессиональной средой.

Пожалуй, наиболее близки к студенческому граффити заметки на полях книги из студенческой библиотеки. Их авторами, как правило, является молодежь. Также общим для заметок на полях библиотечной книги и граффити студенческого является неприятие общепринятых норм и установка на их нарушение. Трудностиаемые или нестираемые надписи наносятся на том, что не предназначено для письма, и более того, – что осуждается и даже преследуется.

Среда коммуникации определяет и время написания. В данном случае граффити студенческое ближе к заметкам на полях лекционной тетради. Время и среда написания общая – лекция. Автор – слушающий на лекции студент. Обе эти разновидности ЕПР рождаются во время занятий, что мешает процессу обучения и нарушает установленные нормы поведения.

Следующий параметр сопоставления – целевые установки автора.

Студенческое граффити имеет преимущественно фатическую направленность: вступление в общение, имеющее целью предпочтительно само общение: «фатика» (97,7 % всех граффити), остальное – «информатика», к которой относятся надписи, объявления и своеобразные шпаргалки: «17:10. Концерт КиШ», «свои, свои, свои».

Для заметок на полях характерны информационная (например, записи в книге Бахтина «Очень полезно» или «Читай только последние страницы», «О полифоническом романе – стр. 37» – информация по прочтению для последующих студентов), фатическая (например, «Привет Жданову!») и эмоциональная, или экспрессивная, (например, «Хочу спать») цели. Возможно отсутствие цели – спонтанно-рефлекторные записи или рисунки. Особой (не присущей студенческому граффити) функцией заметок на полях является мнемоническая функция (когда, например, на поля выносятся различные оп-

ределения). Это связано с субстратом студенческого граффити, так как отсутствует возможность обращения к этому тексту для воссоздания его в памяти.

Общей для заметок на полях, прежде всего тех, которые функционируют в молодежной среде, и студенческого граффити является мотивация – релаксация, отвлечение от занятия, от скуки (для заметок на полях книг как отвлечение от восприятия сложного материала и для заметок на полях тетради как отвлечение от занятия, лекции).

Основная тематика студенческого граффити: секс, осуждение преподавателя, высказывания о факультете, вузе, лекции и лекторах. Заметки на полях имеют общие темы со студенческим граффити, например эмоциональные высказывания («Хочу есть»), нелюбимые высказывания относительно других факультетов, признание в любви и т. д. Но тематика заметок на полях расширяется за счет наличия контекста (основного текста). В связи с этим возможны такие темы, как выражение своего отношения к автору основного текста («Бахтин – супер»), героям произведения («хитрые!», «жена – клеща»).

Общей для обеих разновидностей естественной письменной речи является такая особенность, как потенциальная диалогичность. К приведенному выше примеру диалогизма в заметках на полях можно привести аналогичный пример из студенческого граффити: к первичной надписи «А я такая клевая, а он такой козел!» подписано «Они все – козлы», «А мой козлик – не козел».

Итак, мы описали общие для заметок на полях и студенческого граффити признаки. Остановимся на основных отличиях между этими текстами.

Студенческое граффити отличается от заметок на полях прежде всего субстратом, для заметок на полях являются поля книг, тетрадей, учебников, а для студенческого граффити – парты, подоконники, стены кабинетов, стулья.

Из особенностей субстратов вытекает такой отличительный признак, как «наличие – отсутствие контекста». Заметки на полях, особенно книги, связаны с основным текстом. Из 359 единиц заметок на полях книги 94 % (337 единиц) связаны с текстом и 6 % (22 единицы) с текстом не связаны. Заметки на полях книги связаны со взаимоотношениями «автор – читатель», это часто рефлексия читателя на прочитанное, его диалог с автором, высказывание своего мнения.

Относительно граффити студенческого мы можем говорить о контексте лекции. Тексты студенческого граффити могут быть реакцией на услышанное, но возможность фиксировать данный контекст отсутствует.

Таким образом, такие черты студенческого граффити, как автор (студент), студенческая среда функционирования, утрата автором контроля над текстом, целевые установки (фатическая, эмоционально - экспрессивная), мотивация (релаксация), тематика, игровой момент характерны и для заметок на полях. Отличается же они прежде всего суб-

стратом. Субстрат заметок на полях – поля – определяют наличие таких особенностей заметок на полях, как присутствие контекста и попутный характер записей, которые и являются конституирующими для данной разновидности ЕПР.

В целом сопоставительный аспект описания такой разновидности естественной письменной речи, как «заметки на полях», позволяет утверждать, что обыденная (повседневная, неканонизированная, народная и пр.) письменная культура выработала особый жанр (со своими поджанровыми вариантами), обладающий устойчивыми признаками и занимающий особое место в жанровом пространстве.

Литература

1. Лебедева, Н. Б. Естественная письменная русская речь как объект лингвистического исследо-

вания / Н. Б. Лебедева // Вестник Барнаульского государственного педагогического университета. – Вып. 1. – Барнаул, 2001. – С. 4 – 10.

2. Ларин, Б. А. О лингвистическом изучении города / Б. А. Ларин // История русского языка и общее языкознание. Избранные работы. – М.: Просвещение, 1977. – С. 175 – 189.

3. Анисимова, Е. Е. Лингвистика текста и межкультурная коммуникация (на материале креолизованных текстов) / Е. Е. Анисимова. – М.: Академия, 2003.

4. Лебедева, Н. Б. Студенческое граффити как разновидность естественной письменной речи (коммуникативно-семиотический аспект) / Н. Б. Лебедева, Н. И. Тюкаева // Слово в слове и дискурс: сб. научных статей к 50-летию Харри Вальтера. – М.: «Эллис», 2006. – С. 292 – 300.

УДК 38-13

ЭМОЦИОНАЛЬНЫЙ КОНЦЕПТ JOY (РАДОСТЬ): СТРУКТУРА И СПОСОБЫ ОБЪЕКТИВАЦИИ

Е. Д. Маринова, А. А. Евдокимова

Поскольку концепт включает в себя, помимо прочего, психологическую (образную и ценностную) отнесенность (Воркачев, 2001: 47), исследование эмоций является одним из перспективных направлений лингвистических исследований. Концепт Joy – один из важнейших эмоциональных концептов, лежащий в основе мировосприятия носителей как русского, так и западноевропейского (в частности английского) языкового сознания. Эмоций и их оттенков существует великое множество, поэтому четко классифицировать эмоции и описать их природу и функционирование представляется сложным. Изучаемый материал обширен и разнообразен, поэтому весьма разнообразны и неоднородны накопившиеся подходы к исследованию и классификации эмоций. Целью нашего исследования является описание структуры концепта Joy в его языковом выражении.

Материалы и методика исследования

Материалом для данного исследования явились художественные произведения британских и американских авторов XVIII-XXI вв. (всего 107 первоисточников, ≈20 000 стр. текста).

В нашей работе мы придерживались следующей методики исследования:

- методом компонентного анализа исследуются словарные дефиниции лексемы, вербализующей концепт, в результате чего выявляются понятийные признаки;

- составляющей метода концептуального анализа является исследование метафорической сочетаемости, в ходе которого выявляются образные признаки концепта Joy;

- сценарное описание концепта Joy с последовательным членением и описанием его основных компонентов.

На всех этапах исследования выделенные признаки концепта Joy формируются в группы, статистические данные фиксируются в таблицах, указывается процентное соотношение соответствующих признаков с общим количеством языкового материала. Такие группы состоят из более или менее распространенной совокупности признаков, которые, объединяясь на основе родовой или видовой характеристики, выражают тот или иной способ концептуализации. На основании количественной представленности той или иной группы признаков делаются выводы о значимости в англоязычной языковой картине мира определенных концептуальных метафор в осмыслении концепта Joy.

Структура концепта Joy

Концепт Joy (радость) представлен ценностными, понятийными и образными признаками.

Анализ словарных статей показал, что в английском языке лексема Joy (радость) имеет такие значения:

- *great happiness, a deep feeling or condition of happiness;*

- *a person or thing that causes joy, a source of happiness;*

- *an outward show of pleasure or delight, rejoicing (Longman Dictionary).*

В англоязычных словарях зафиксировано 2 фразеологизма, употребляющихся с лексемой Joy:

Full of the joys of spring – lively and cheerful;

Wish someone joy – congratulate someone on something (Oxford Dictionary of Idioms).

Данные фразеологизмы широко используются в англоязычной художественной литературе. В исследованном нами материале зафиксировано 12 примеров с первым фразеологизмом и 74 примера со вторым.

Наиболее значимыми в структуре концепта Joy (радость) оказываются образные признаки, которые представлены 6 группами: антропоморфные, витальные, зооморфные, вегетативные, стихийные и предметные.

Группа антропоморфных признаков представлена наибольшим количеством примеров (843). Процесс познания у человека сопровождается способностью оценивать реальность как «очеловеченную», созданную по его меркам, что находит своё выражение в антропоморфизме, т. е. бессознательном восприятии объектов и явлений внешнего и внутреннего миров как живых существ, подобных самому человеку. Все антропоморфные признаки концепта, вслед за М. В. Пименовой, разделяем на эмоциональные, ментальные, социальные и признаки характера. В нашем материале широко представлена группа «признаки характера» (348 примеров). Совокупность духовных, психических свойств человека, обнаруживающихся в его поведении, принято называть характером (Сергеев, 2005: 76). Признаки, указывающие на наличие у концепта Joy (радость) «характера», могут быть следующими: *“strangeness”* (странность) (48 примеров), *“sincerity”* (искренность) (46 примеров), *“honesty”* (честность) (41 пример), *“shyness”* (скромность) (33 примера), *“habit”* (привычка) (30 примеров), *“impatience”* (нетерпеливость) (28 примеров), *“malice”* (злобность) (28 примеров), *“tenderness”* (нежность) (24 примера), *“timidity”* (робость) (13 примеров), *“insidiousness”* (хитрость) (13 примеров), *“ribaldry”* (грубость) (5 примеров), *“sternness”* (жестокость) (4 примера), *“vigor”* (энергичность) (2 примера).

Эмоциональная сфера занимает важное место в жизни человека. По словам М. В. Пименовой, эмоциональные признаки «внутреннего человека» в ЯКМ связаны с национальными особенностями культуры и языка (Пименова, 2004: 153). А. Вежбицкая полагает, что «равным образом распространение эмотивных глаголов в одном языке в сравнении с относительной бедностью этой лексической сферы в другом тоже говорит о типе менталитета этноса» (Wierzbicka, 1988: 100). Традиционно эмоции делят на положительные и отрицательные, и те и другие свойственны «внутреннему человеку».

Данные признаки описывают Joy, с одной стороны, как человека, который способен испытывать определённые эмоции, с другой – Joy выступает каузатором эмоционального состояния субъекта. К группе положительных признаков, входящих в структуру концепта Joy, относятся *“merriment”* (веселье), *“happiness”* (счастье).

...she was eager to go down and be with her uncle, and have all the happiness of his joy as well as her own... [Austen: Mansfield Park].

Группа ментальных признаков представлена 169 примерами. Среди подпризнаков можно выделить следующие, наиболее часто встречающиеся в англоязычных произведениях: *“madness”* (безумство) (72), *“foolishness”* (глупость) (41), *“rashness”* (безрассудство) (19).

Существование человека в полном объёме возможно лишь среди других людей. «Внутренний человек», так же как и «внешний», погружён в социальную среду, связан в своём существовании с другими субъектами, для его описания используются социальные метафоры (Сергеев, 2005: 69). Данная группа представлена 4 подпризнаками: социальный статус (37 примеров), интерперсональные (68 примеров), религиозные (12 примеров), национальные (4).

Исходя из положения о сходстве и подобии внутреннего мира внешнему, по аналогии со способами метафоризации, все образные признаки, формирующие структуру концепта Joy (радость), можно разделить на признаки живого существа и признаки физического мира. Антропоцентризм мировосприятия обуславливает рассмотрение в первую очередь группу признаков, характеризующих Joy как живое существо. «Для наивной картины внутреннего мира человека характерно объяснение жизненных явлений действием и присутствием особого нематериального начала – жизненной силы, этилехии. Соответственно, если какой-либо субъект внутренней жизни претендует на роль «внутреннего человека», то его обязательным признаком должна быть «витальность»» (Пименова, 1999: 37).

Витальные признаки могут быть выражены физиологическими признаками и собственно витальными. Выражается этот признак путем присоединения лексем *living* (живой), *live* (жить), *a life* (жизнь) и т. п. к имени концепта:

Her joy and expressions of regard long outlived her wonder [Austen: Sense and Sensibility].

«Внутренний человек» живет и умирает. Признак «смерть» также является значимым в представлении Joy в образе живого существа, так как смерть является закономерной и неизбежной заключительной стадией существования любого живого организма. В своём существовании Joy (радость) развивается, проходит основные жизненные этапы. Возраст членит идеальный жизненный цикл (век) на отдельные стадии. К группе физиологических признаков относится признак *“strength”* (сила). Но, однако, в нашем материале встречаются единичные примеры, выражающие этот признак:

And in his face a lordship of strong joy/ And height of heart no chance could curb or cloy [Swinburne: Tristram of Lyonesse].

Характерным свойством живого организма является его способность к «движению». Этот признак репрезентируется посредством предикатов, указывающих на перемещение.

But joy soon effaced every other feeling; and loud as the wind blew, near and deep as the thunder crashed, fierce and frequent as the lightning gleamed... [Brontë: Jane Eyre].

Следующая группа исследуемых нами признаков – вегетативная. Вегетативный код – один из самых древних способов переноса физических характеристик на явления внутреннего мира. Такие характеристики формируют группу вегетативных

признаков. В наивном сознании человека Joy предстает как растение, что выражается признаком **“growth”** (рост).

He sat watching as she ate every bite, and with every bite she took, his feelings of terror and dirty joy grew [Stephen King: Thinner].

Ситуация появления / зарождения Joy описывается метафорой **“seeds”** (семена). Совокупность растений образует растительный массив. Для Joy свойственен окказиональный признак **garden** (сад). Для растения характерным признаком является **“blossoming”** (цветение). Обязательная характеристика плода – “вкусовые качества”. По аналогии с плодом мечту можно «попробовать на вкус». Актуализация данного признака строится по следующей модели: приятные вкусовые ощущения ассоциируются с положительными эмоциями, удовольствием, комфортом и т. п., тогда как неприятные вкусовые ощущения – с отрицательными эмоциями, дискомфортом и т. п. Для радости свойственен признак **“sweetness”** (сладость).

Широко представлена группа признаков стихий концепта Joy (радость) (154 примера). Четыре первоэлемента бытия, четыре стихии: огонь, вода, воздух, земля – являются устойчивыми образами для создания метафорических выражений в описании внутреннего мира человека. Выбор первоэлементов в качестве источника концептуализации психической сферы человеческой деятельности неслучаен и во многом обусловлен фольклорно-обрядовыми традициями – им уже древним человеком приписывались всевозможные (в нашем современном понимании) сверхъестественные, мифо-магические свойства (Сергеев, 2005:93). Н. Д. Арутюнова, исследуя метафору в языке чувств, отмечает, что «говоря в целом об эмоциях и эмоциональных состояниях следует, по-видимому, считать доминирующим представлением о них как о жидком теле, наполняющем человека, его душу, сердце, принимающих форму сосуда» (Арутюнова, 1999: 389). Как жидкость заполняет сосуд, Joy (радость) может заполнить собой весь внутренний объем тела человека, что также указывает на различное представление о локализации радости. Модель “радость - жидкость” воспроизводится признаками **“melting”** (таяние), **“flowing”** (течение).

Ю. С. Степанов указывает на то, что вода и огонь в народных представлениях выступают, с одной стороны, как противоборствующие стихии, с другой, – между ними прослеживается тесная связь (Степанов, 1997:270). Образ огня также служит продуктивной основой для создания метафорических конструкций, которые позволяют выделить в структуре концепта Joy признаки **“spark”** (искра), **“blinking”** (мерцание):

Their eyes sparkled with a joy, which those of their fond parents reflected [Beckford: Vathek. An Arabian Tale].

Для Joy свойственен признак **“flame”** (пламя), **“firing”** (горение). В нашем материале встречаются также примеры, указывающие на извержение Joy как из вулкана, на вспышку. Для Joy свойственен

квалитативный признак **“warmth”** (теплота) как неотъемлемое свойство огня:

This sudden certainty of life rushed like a flood of warm joy to my heart, and tears gushed from my eyes [Shelley: Frankenstein, or The Modern Prometheus].

Следующая стихия – воздух. Признаки воздуха выражаются эпитетом **“airy”** (воздушный): воздух составляет основу многих природных явлений. Одним из таких образований является **“wind”** (ветер):

Слабо представлена группа зооморфных признаков (44 примера). В данной группе было выделено два основных признака: «птица» и «животное», которые актуализируются с помощью следующих признаков: «крылья», «полёт», «гнездо» и «дикость», «необузданность», «неукротимость» и «резвость» соответственно.

But it ended where it begun, in a meer common Flight of Joy, or as I may say, being glad I was alive... [Defoe: The Life and Strange Surprizing Adventures of Robinson Crusoe].

My own spirits were high, and I bounded along with feelings of unbridled joy and hilarity [Mary Wollstonecraft (Godwin) Shelley: Frankenstein].

Группа предметных признаков представлена 161 примером. Одним из важных признаков, позволяющих соотносить Joy с неким физическим объектом является признак **“size”** (размер). Joy может осмысляться как некое сооружение или предмет, сделанный из хрупкого материала, который легко разрушить:

Would it not destroy the joy of that place where sorrow and sighing are no more? [Marshall Mather: Lancashire Idylls].

Различные способы манипулирования представляют собой языковую интерпретацию широкого круга отношений обладания и принадлежности и могут также реализовывать модель “мечта - имущество”. Для описания имущественных признаков концептов внутреннего мира стандартной является использование языковой схемы “владелец + имя концепта” в посессивных конструкциях (Пименова, 2004: 287):

My joy springs up and my grief quails,

My anguish ends, and all my pains [Sophie Jewett: The Pearl].

Результаты

Концепт Joy (радость) имеет сложную структуру, представленную ценностными, понятийными и образными признаками, объективация которых отображает прототипические способы описания фрагментов внутреннего мира.

Наиболее значимыми в структуре концепта Joy оказываются образные признаки, сопряженные с оценочными компонентами концепта. Реализация в языке образных признаков происходит с помощью концептуальных метафор. Источником метафоризации служат универсальные коды культуры, в результате чего весь массив образных признаков делится на 6 групп: антропоморфные, витальные, зооморфные, вегетативные, стихийные, предметные.

Описание концепта *Joу* строится на осознании единства внешнего и внутреннего мира путём выявления его сходства по ряду параметров с вполне материальными объектами. Все объекты, с которыми сопоставляется при концептуализации *Joу*, являются базой для его познания, для выявления наиболее значимых свойств, недоступных для непосредственного восприятия объекта внутреннего мира человека. В связи с этим одним из наиболее продуктивных механизмов формирования и описания представлений о компонентах внутреннего мира человека является метафора. Метафора выступает в качестве способа, обеспечивающего возможность появления нового знания за счёт переноса знания из одной концептуальной области в другую, что даёт возможность выявить представления человека о связи между явлениями внешнего и внутреннего мира. Актуализация определённых признаков (количественное соотношение которых представлено в таблицах) показывает, что наиболее продуктивными когнитивными моделями в описании концепта *Joу* являются:

1. “*Joу* – живое существо”:
 “*joу* – человек”;
 “*joу* – животное (конь);”
 “*joу* – птица”.
2. “*Joу* – растение”:
 “*joу* – цветок”;
 “*joу* – плод (сладкий или горький)”.
3. “*Joу* – предмет”:
 “*joу* – хрупкий предмет”;
 “*joу* – ценность”;
 “*joу* – имущество”;
 “*joу* – сооружение”.
4. “*Joу* – стихия”:
 “*joу* – огонь”;
 “*joу* – вода”;
 “*joу* – воздух”.

Таким образом, абстрактная, ментальная сущность *Joу*, непосредственно не воспринимаемая, не данная в ощущениях, познаётся посредством метафор, основанных на тактильном, зрительном, вкусовом восприятии. *Joу* описывается известными носителям языка образами (огонь, вода, животное и т. д.), формирующими картину мира. То есть можно говорить о существовании базового признакового состава концепта *Joу*, представленного в выделенных группах.

Литература

1. Арутюнова, Н. Д. Введение / Н. Д. Арутюнова // Логический анализ языка: ментальные действия. – М.: Наука, 1993.
2. Воркачев, С. Г. Концепт счастья: понятийный и образный компоненты / С. Г. Воркачев // Известия РАН, Серия «Лит. и язык». – 2001. – Т. 60. – № 6. – С. 47 – 58.
3. Пименова, М. В. Душа и дух: особенности концептуализации / М. В. Пименова. – Кемерово: Серия «Концептуальные исследования». – Вып. 3. – 386 с.
4. Сергеев, С. А. Особенности объективации концепта *мечта* в русской языковой картине мира / С. А. Сергеев: дис... канд. фил. наук. – Кемерово, 2005.
5. Степанов, Ю. С. Константы. Словарь русской культуры. Опыт исследования / Ю. С. Степанов. – М.: Школа «Языки русской культуры», 1997. – 824 с.
6. Wierzbicka, A. “Sadness” and “anger” in Russian: The non universality of the so-called “basic human emotions” / A. Wierzbicka // Speaking of emotions: Conceptualization and expression. – Berlin, 1998. – С. 3 – 28.

Список словарей

1. Longman Dictionary.
2. Oxford Dictionary of Idioms.

УДК 811.111'1

СПЕЦИФИКА ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ПРЕЦЕДЕНТНЫХ ФЕНОМЕНОВ В ЗАГОЛОВКАХ МАТЕРИАЛОВ ПРЕССЫ

С. В. Омеличкина, Д. А. Шелеметева

«Заголовочное чтение» – это первоначальная ориентация в содержании печатного издания. Зачастую на этом этапе знакомство с номером кончается, т. к. “исследования психологов показывают, что около восьмидесяти процентов читателей уделяют внимание только заголовкам” [Лазарева, 1989: 3]. Таким образом, заголовок статьи играет решающую роль в том, заинтересует ли текст потенциального читателя. Ввиду этого заголовки обычно являются стилистически маркированными элементами и представляют обширный материал для лингвистических исследований, направленных на изучение различных аспектов данного феномена.

Повышенное внимание исследователей к заголовку во многом обусловлено его уникальным по-

ложением, т. к. он занимает «выдвинутую» позицию в тексте, стоит над ним. Согласно стилистике декодирования, заголовок, наряду с предисловием (введением, прологом), началом произведения, его концом и послесловием (эпилогом), является сильной позицией в произведении. На него в первую очередь обращается внимание. Таким образом, заголовок несет большую смысловую нагрузку и зачастую представляет собой ключ к интерпретации произведения или статьи.

В литературе отмечается двунаправленный характер заголовка. С одной стороны, он репрезентирует обозначаемый текст в общем культурном пространстве, является его «ярлыком» в более широком контексте. С другой стороны, заголовок обра-

щен непосредственно к тексту, связан с ним различными логическими отношениями.

Исследователь Л. А. Манькова выделяет номинативную, графически-выделительную, информативную и рекламную (экспрессивную, рекламно-экспрессивную) функции заголовка. Информативная и рекламная функции, опережающие по значению и важности для восприятия заголовка другие функции, коррелируют с двумя основными функциями газетно-публицистического дискурса. Изначально первой была информационная функция, следую которой печатные издания старались в кратчайшие сроки доставить читателям свежие новости. Второй функцией, более поздней по формированию, является агитационно-пропагандистская (воздействующая) функция, согласуясь с которой печатные издания оказывают определенное воздействие на читателя, шокируют его скандальными новостями, с целью повышения тиража газеты, либо подают информацию в нужном, заданном ракурсе, т. е. необъективно. Таким образом, функции заголовка в некоторой степени отражают функции пространства их существования, т. е. газетно-публицистического дискурса.

Основными тенденциями в языке газеты, согласно концепции В. Г. Костомарова, являются тенденции к экспрессии и стандарту, которые коррелируют с двумя выделяемыми функциями газетно-публицистического дискурса – воздействующей и информативной. Данные черты характерны и для заголовка как интегральной части газеты. Включение прецедентных феноменов в заголовок является частным случаем проявления экспрессии.

Термин «прецедентный текст» был впервые введен в научную практику Ю. Н. Карауловым в 1986 году и с тех пор стал активно использоваться многими исследователями (В. Г. Костомаров, Н. Д. Бурвикова, 1994; Д. Б. Гудков, 1999; Г. Г. Слышкин, 2000; В. В. Красных, 2003 и т. д.).

Ю. Н. Караулов называет прецедентными тексты, «значимые для той или иной личности в познавательном или эмоциональном отношении, имеющие сверхличностный характер, т. е. хорошо известные широкому окружению данной личности, включая ее предшественников, и, наконец, обращение к которым возобновляется неоднократно в дискурсе данной языковой личности». К прецедентным автор относит художественные и библейские тексты, различные виды устной народной словесности (притчи, анекдоты, сказки и т. д.) [Караулов, 2003: 216]. В связи с тем, что в контексте семиотических исследований, термин «текст» получил более широкую трактовку, и его семантическое поле существенно расширилось, термин «прецедентный текст» может получать различные интерпретации, что нежелательно, т. к. термин, по определению, должен быть однозначным. С этих позиций оправданным выглядит употребление термина «прецедентный феномен», представленного в работах В. В. Красных, Д. Б. Гудкова, И. В. Захаренко. Данный термин прозрачен и снимает возможность различных трак-

товок, в связи с чем в работе мы будем придерживаться именно этого термина.

Учеными (Ю. Н. Карауловым, В. Г. Костомаровым, Н. Д. Бурвиковой, В. В. Красных, Д. Б. Гудковым) выделяются следующие прецедентные феномены:

Прецедентный текст – законченный и самодостаточный продукт речемыслительной деятельности; (поли)предикативная единица; сложный знак, сумма значений компонентов которого не равна его смыслу; прецедентный текст хорошо знаком любому среднему члену национально-культурного сообщества; в когнитивную базу входит инвариант его восприятия; обращение к прецедентным текстам многократно возобновляется в процессе коммуникации через связанные с этим текстом прецедентные высказывания или символы; прецедентными текстами являются в основном художественные произведения.

Прецедентное высказывание – репродуцируемый продукт речемыслительной деятельности; законченная и самодостаточная единица, которая может быть или не быть предикативной; сложный знак, сумма значений компонентов которого не равна его смыслу; в когнитивную базу входит само прецедентное высказывание как таковое. Э. М. Береговская относит к прецедентным все типы широко известных авторитарных, генерализованных высказываний: пословицы, крылатые изречения, цитаты из кинофильмов и художественных произведений [Береговская, 2000: 70].

Прецедентная ситуация – некая «эталонная», «идеальная» ситуация, связанная с определенными коннотациями; в когнитивную базу входит набор дифференциальных признаков прецедентной ситуации.

Символ прецедентного феномена – определенным образом оформленное, вербально или невербально выраженное указание на прецедентный феномен: прецедентный текст или прецедентную ситуацию. Символ прецедентного текста может быть как предикативной, так и непредикативной единицей; входит в когнитивную базу; многократно воспроизводится в речи для актуализации прецедентного феномена (прецедентного текста или прецедентной ситуации) и связанных с ним коннотаций. В качестве символов прецедентного феномена могут выступать имена как персонажей художественных произведений, так и реальных лиц, а также яркие, «говорящие» детали феномена, выступающие как его атрибуты.

Корпус прецедентных феноменов специфичен для каждого языка. Во многом он определяется историческим развитием нации, ее менталитетом, а также политической и экономической ситуацией в стране. Вполне закономерно, что данный корпус будет различаться и в зависимости от контекста и стилевой принадлежности принимающего текста. «В разное время источниками прецедентных высказываний становились то песни, то былины, то сказки, то религиозные произведения (и прежде всего Библия), то произведения латинских авторов, то ак-

туальные художественные произведения, а теперь фильмы, спектакли, реклама» [Караулов, 2003: 216].

Говоря о заголовке в свете теории о прецедентных феноменах, необходимо упомянуть явление, названное В. Г. Костомаровым и Н. Д. Бурвиковой «текстовой редукцией». Исследователи полагают, что прецедентные высказывания, являясь в структуре исходного текста заголовком, инициальным предложением фрагмента, абзаца, текста, конечным предложением текста, аккумулируют его прецедентность, свертываясь до соответствующей текстовой позиции. Авторы указывают на различные функции интертекстуальных включений в газетно-публицистическом дискурсе, при этом наиболее частотными являются референтивная, поэтическая (игровая), метатекстовая и опознавательная.

В соответствии с целями настоящего исследования, было проанализировано 250 заголовков с включениями прецедентных феноменов, извлеченных методом сплошной выборки из американских журналов «Times», «Newsweek» и «Forbes» за 2005 – 2007 годы.

Отмечено, что в 52 % случаев в качестве прецедентных феноменов использовались фразеологические единицы (ФЕ). Фразеология является неотъемлемой частью языковых фоновых знаний носителя языка, что способствует узнаванию ФЕ в заголовочном комплексе, даже если фразеологизм подвергся лексической, фонетической или синтаксической формации. Данный эффект узнавания способствует реализации рекламно-экспрессивной функции заголовка, т. к. включение элементов общеизвестных выражений с большей вероятностью привлечет внимание реципиента.

Неизменные фразеологизмы, выступающие в качестве заголовка, могут полностью реализовывать свое значение в контексте статьи. Данные случаи составляют 70 % от общего числа случаев функционирования неизменных фразеологизмов в качестве заголовков.

A woman's work is never done
Times, April 17, 2006.

Женскую работу не переделаешь.

(Здесь и далее перевод заголовков дается с учетом его идиоматичности и содержания последующего текста. С целью сохранения экспрессии заголовков при переводе в ряде случаев использованы различные типы переводческих трансформаций.)

“A woman's work is never done (=used to say that women have a lot to do)” (здесь и далее дефиниции приводятся из словаря Longman). Данный заголовок анонсировал статью о семидесятилетии королевы Англии Елизаветы II. В контексте статьи ФЕ реализует свое значение, однако привнесены некоторые импликации. Как явствует из определения, взятого из англо-английского словаря, под лексемой *work* подразумевается та деятельность, которой вынуждены заниматься большинство женщин (стирка, уборка, приготовление еды, уход за ребенком). В отношении английской королевы данный фразеологизм выглядит неуместным, т. к. английского мо-

нарха сложно представить, выполняющей одно из перечисленных дел. Более того, фразеологизмы несут на себе печать так называемой «житейской мудрости», которая создавалась народом на протяжении многих лет и которая чаще всего отражает бытовые стороны жизни простых людей и предписывает поведение в житейских ситуациях. Исключительность положения монарха не предполагает отнесения прописных истин к ее особе. В данном случае королева это, вне всяких сомнений, не одна из тех женщин, которым приходится выполнять много работы по дому, с которыми обычно данный фразеологизм соотносится. Таким образом, создается некоторое несоответствие в корреляции «заголовок-текст», что порождает юмористический эффект. Если учесть, что данный заголовок идентифицирован в американском журнале, то можно понять, почему он несет оттенок ироничного отношения автора к монаршей особе.

Проведенное исследование выявило большое количество заголовков, представляющих собой неизменный фразеологизм, которые построены на каламбуре. Как отмечают исследователи, языковая игра является характерной чертой текста в эпоху постмодернизма. Юмористический эффект каламбура реализуется на текстовом или, точнее, на послетекстовом этапе; при первом же предъявлении, на дотекстовом этапе происходит декодирование прецедентного феномена носителем языка, который «узнает» устойчивое словосочетание, находящееся в когнитивном пространстве индивидуума, а собственно каламбур не находит своей реализации.

Indian Summer.

Times, August 13, 2007.

Бабье лето в Индии.

«Indian summer – a period of warm weather in autumn 2. a happy or successful time especially near the end of your life, career». Под данным заголовком шла статья о положительной тенденции в развитии экономики Индии. В данном случае фразеологизм реализует одно из своих значений, закрепленных в слове: «A happy or successful time especially near the end of your life, career». Кроме того, создается каламбур, основанный на совпадении элемента фразеологизма и элемента темы статьи – *India*. При реализации каламбура фразеологизм, вынесенный в заголовок и сохранявший целостность и неделимость, на послетекстовом этапе подвергается «расщеплению» вследствие фигурирования названия страны.

Наряду с этим отмечены случаи использования в заголовке «языковой игры ради языковой игры», при которой само устойчивое словосочетание никоим образом не соотносится с содержательной структурой текста, а обретает смысл лишь в контексте при реализации стилистического приема. «Иногда на газетной полосе мы видим шутку ради шутки, немотивированную ничем, кроме желания сострить. Мы считаем это еще одним проявлением столь характерной для нашего времени тенденции к асемантизации языковых единиц. Подобная асемантизация особенно характерна для публицисти-

ки, главной целью которой является убеждение в чем-либо, автор текста при этом пытается воздействовать на чувства и эмоции адресата» [Гудков, Красных, 1997а: 115]. Данные примеры составили 30 % от общего числа случаев идентификации неизмененных фразеологизмов в заголовке.

Will power . <i>Times, March 27, 2006.</i>	<i>Сила Уилла.</i>
--	--------------------

Данный заголовок предваряет статью об очередном праздновании дня рождения Уильяма Шекспира в Англии. Прецедентным высказыванием является устойчивое словосочетание *will power* – «*the ability to control your mind and body in order to achieve something that you want to do*». Однако, значение *сила воли* не реализуется в контексте статьи. Таким образом, выбор данного заголовка мотивирован только целью создания каламбура. Элемент *Will* является сокращением от имени писателя, лексема *power*, «*the ability or right to control people or events*», напоминает об огромной силе литературного наследия великого английского писателя. Данный заголовок остроумен и выполняет рекламно-экспрессивную функцию, которая присуща всем заголовкам с интертекстуальными включениями. В случаях такого рода использование фразеологической единицы в заголовке выполняет игровую (поэтическую) функцию.

В заголовках с включением прецедентных высказываний могут также фигурировать усеченные фразеологизмы, которые представлены двумя группами: 1) заголовки, эксплицирующие смысл прецедентного высказывания, при этом часто наблюдается двуплановость заголовка, т. е. обретение второго значения на текстовом этапе; 2) заголовки, не реализующие смысл прецедентного высказывания, использующие его только в целях языковой игры.

Заголовки, реализующие значение прецедентного высказывания, составляют 81 % от общего числа заголовков с усеченными фразеологизмами.

Oil's silver lining. <i>Times, November 19, 2007.</i>	<i>Нет нефти без добра.</i>
---	-----------------------------

«*Every cloud has a silver lining – used to say that there is something good even in a situation that seems very sad or difficult*». Данная статья повествует о том, что возросшие цены на нефть, невыгодные многим, играют на руку некоторым компаниям. В контексте статьи элемент фразеологизма выражает значение прецедентного высказывания «нет худа без добра». В данном случае элемент, отсылающий к смыслу пословицы, заменяет возможную громоздкую конструкцию, которая может отражать смысловую нагрузку текста.

Во вторую группу вошли заголовки, прецедентное высказывание в которых не реализует свой семантический потенциал и используется лишь в целях создания языковой игры.

A stitch in time... <i>Times, November 21, 2005.</i>	<i>Стежки-дорожки...</i>
--	--------------------------

«*A stitch in time saves nine – used to say that it is better to deal with problems early than to wait until they get worse*».

Под таким заголовком шла статья, рекламирующая вязаные вещи. Значение фразеологизма «один стежок, сделанный вовремя, стоит девяти» (≈ копейка рубль бережет) не нашло отражения в статье. Каламбур манифестируется посредством семантического взаимодействия лексемы *stitch* («1. *a short piece of thread that has been sewn into a piece of cloth, or the action of the thread going into and out of the cloth*... 4. *a small circle of wool that is formed around a needle when you are knitting*») с тематикой статьи.

Заголовки с фразеологизмами, трансформированными фонетически (орфографически), лексически и синтаксически, делятся на две группы в зависимости от того, реализует ли прецедентный феномен свою смысловую нагрузку, либо же он воспринимается лишь как застывшая десемантизированная языковая структура и может использоваться как материал для создания новых конструкций. При этом тот факт, что расхожее высказывание подвергается трансформации, и читатель должен угадать, какое именно выражение подверглось изменению, добавляет экспрессии заголовку. В обоих случаях частотны проявления языковой игры.

1. Заголовки с реализованным значением прецедентного высказывания. Число подобных заголовков составляет 52 % от общего корпуса заголовков с трансформированными фразеологизмами.

Fowl play. <i>Forbes, February 11, 2007.</i>	<i>Курам на смех.</i>
--	-----------------------

Данный заголовок предварял статью о крупном владельце птицеферм Бо Пилигриме, который часто высказывался о пользе труда иммигрантов, при этом на его предприятиях были выявлены случаи дискриминации по национальному признаку при найме на работу. В данном случае прецедентным высказыванием является выражение *faul play* – «*an action that is dishonest, unfair, or illegal*...», которое реализует свое словарное значение. Однако в данном заголовке произошла замена лексемы *faul* на омофон *fowl* – «*a bird, such as a chicken, that is kept for its meat and eggs, or the meat of this type of bird*». Включение данной лексемы в заголовок создает каламбур, т. к. намекает на поле деятельности главного героя статьи, а именно – разведение домашней птицы, что создает юмористический эффект.

Представляют интерес заголовки, которые полемизируют со значениями исходных выражений. В описываемых ниже случаях значение прецедентного высказывания играет большую роль, т. к. именно благодаря его изменению и создается экспрессия.

Divided they stand. <i>Times, September 3, 2007.</i>	<i>Не вместе – мы сила.</i>
--	-----------------------------

Статья повествует о противостоянии сербов и хорватов в Косово. Заголовок представляет собой видоизмененную поговорку *united we stand, divided*

we fall, в которой второй элемент параллельной конструкции *divided we fall* подвергся изменению, в результате чего *fall* заменилось на антонимическую лексему из первого элемента параллельной конструкции – *stand*. Семантико-синтаксическая структура исходного выражения подверглась изменению, которое призвано создать экспрессию заголовка. Данный парадоксальный заголовок наиболее эксплицитно отражает содержание статьи, т. к. именно разделение сербов и хорватов, по мнению автора, способствует их жизнеспособности.

2. Заголовки с прецедентными высказываниями, не реализующими свое исходное значение, а использующиеся в целях языковой игры. Их число составляет 48 % от общего числа заголовков с трансформированными фразеологизмами.

Think global, dress local. <i>Times, November 28, 2005.</i>	Думай глобально – одевайся локально.
---	---

Таким образом была озаглавлена статья о том, что президент США Дж. Буш-м.л. примеряет национальные костюмы в посещаемых им странах. Изречение Д. Броуи, основателя организации «Друзья Земли», *think globally, act locally*, сказанное им по поводу проблемы сохранения экологии планет, подверглось трансформации. Очевидно, что исходное значение прецедентного высказывания не нашло реализации в содержании статьи. В данном случае высказывание как закрепившаяся в языке форма используется для создания уместного в контексте данной статьи заголовка. Включение изречения, легко актуализируемого в когнитивном пространстве индивидуума, привносит игровой элемент на страницы периодики, что не может не привлекать внимание читателя. Однако глубинная семантика высказывания остается невостребованной, т. к. задействована лишь структура прецедентного высказывания, а не его содержание.

В ряде случаев заголовки заимствуют ритмико-синтаксический рисунок фразеологизма. Данные структуры характеризуются хорошо известным для носителей языка ритмом, т. к. пословицы и поговорки являются неотъемлемой частью фоновых знаний. Подобные ритмико-синтаксические структуры, наполняемые иным лексическим содержанием, безусловно, привлекают внимание читателей, т. к. данные заголовки являются игровыми.

Green is as green does. <i>Times, March 5, 2007.</i>	He no хорошу мил, а по зелену хорош.
--	---

В статье под указанным заголовком сообщается о том, как различные фабрики и заводы стараются предотвратить загрязнение окружающей среды. Прецедентным высказыванием является пословица: *Good is as good does* ≈ О человеке судят по его делам. В заголовке произошла замена лексики *good* на *green*, которое реализует значение «*connected with the environment or its protection*».

Рассмотренные заголовки, на наш взгляд, не реализуют свое исходное семантическое наполнение, однако сохраняют начальную логически-предикативную зависимость компонентов друг от

друга, т. к. очевидно, что они сохраняют логические связи прецедентных высказываний. Основной функцией интертекстуальных включений в приведенных случаях является игровая функция.

Интертекстуальные включения из художественных произведений как структурообразующие элементы заголовков составляют вторую по численности группу прецедентных феноменов (28 %). Исследование показало, что в 71 % случаев заголовки образовывались на основе названий различных художественных произведений, т. е. их заглавия в первоначальной или измененной форме становились заголовками журнальных статей. В 62 % случаев заглавия подвергались изменениям на различных уровнях.

В художественной литературе использование заглавия известного произведения либо известного выражения в своем произведении обычно создает «вертикальный контекст» [Гюббенет, 1981], актуализирует ассоциации, связанные с содержанием прецедентного текста, таким образом, предполагает интерпретацию и выявление мотивированности включения данной интертекстуальной ссылки.

Проведенное исследование показало, что относительно заголовка в материалах прессы ситуация обстоит несколько иным образом. В 84 % случаев использование «чужого» слова не отсылает читателя к содержанию того или иного художественного произведения, вместо этого отмечается использование закрепленных в языке синтаксических структур, чей прямой смысл инкорпорирован в контекст статьи. Таким образом, можно сказать, что использование прецедентных высказываний и символов прецедентного феномена, пришедших из художественных произведений, в заголовке в большинстве случаев не предполагает отсылки к прецедентному тексту.

Случаи реализации отсылки к прецедентному тексту составляют лишь 16 % от общего массива примеров с включениями прецедентных феноменов. Ср.:

The Don Quixote of Darfur. <i>Newsweek, November 12, 2007.</i>	Дон Кихот из Дафур.
--	--------------------------------

Данный заголовок предваряет статью о следователе Международного уголовного суда Луисе Морено-Окампо, который разбирает дело о военных преступлениях в Дафуре, разбирательство которого чревато серьезными последствиями для его карьеры и опасно для жизни. Прецедентным высказыванием является название романа М. Сервантеса «Дон Кихот Ламанчский» («*The Don Quixote of La Manche*»). Дифференциальными признаками прецедентного феномена, Дон Кихота, могут быть названы наивность, неадекватность реакций, благородство и смелость. Называя посредством антономасии главного героя статьи Дон Кихотом, автор актуализирует в когнитивном пространстве читателя соответствующую когнитивную структуру, которая и позволяет лучше понять характер деятельности прокурора. Данная апелляция к прецедентному тексту создает второй план заголовка, усложняет его и

в то же время облегчает понимание основной мысли статьи в случае, если инвариант восприятия произведения испанского классика входит в тезаурус читателя.

Вызывают интерес примеры, в которых отсылка к прецедентному тексту в заголовке способствует созданию комического эффекта на текстовом уровне вследствие сопоставления текстов, отстоящих друг от друга в тематическом и жанровом отношении.

The gray wars: to dye or not to dye. <i>Times, September 10, 2007.</i>	Войны против седины: красить или не красить?
--	---

Прецедентным высказыванием выступает фраза из знаменитого монолога Гамлета из одноименной трагедии У. Шекспира, являющаяся риторическим вопросом «*To die or not to die*». В заголовке же данное выражение обыгрывается: глагол *to die* заменяется омофоном *to dye* – «*to give something a different colour using a dye*», который соотносится с содержанием статьи. Отсылка к знаменитому драматическому диалогу, главной темой которого является сложнейший выбор героя между жизнью и смертью, в контексте статьи о проблеме седых волос, создает комический эффект вследствие сопоставления дистанцированных смысловых полей.

Рассмотрим один из заголовков, не реализующих отсылку к прецедентному тексту (84 % от общего массива примеров).

The son also rises. <i>Times, November 14, 2005.</i>	Поперек батьки в кино.
--	-------------------------------

Статья под таким заголовком повествует о молодом голливудском актере Максе Мингелле, который сыграл роли сыновей главных героев в нескольких фильмах. В жизни актер является сыном известного режиссера Антония Мингеллы. Прецедентным высказыванием является заглавие романа Эрнеста Хемингуэя «*The sun also rises*». В анализируемом примере лексема *sun* заменена омофоном *son*. Знание содержания романа знаменитого американского писателя не дает основания утверждать, что в заголовке состоялась отсылка к прецедентному тексту, вместо этого произошла отсылка к прецедентному высказыванию, входящему в когнитивное пространство американцев. Данное прецедентное высказывание в контексте статьи десемантизируется, во многом из-за лексической замены, и ее элементы приобретают новое контекстуальное значение: *rise* меняет значение, актуальное в исходном высказывании «*to appear in the sky*», на соответствующее содержанию статьи «*to become important, powerful, successful*». Наречие *also* в заголовке указывает на то, что сын, вслед за своим отцом, успешным режиссером, обретает популярность. Таким образом, данный заголовок представляет пример языковой игры, построенной на трансформации известного словосочетания, вследствие чего появляется новый смысл, релевантный для содержания статьи, при этом смысловая нагрузка прецедентного текста теряет свою значимость.

Включение интермедийных ссылок в структуру заголовка обладает определенными потенциальными возможностями в создании экспрессии. Ссылка на тот или иной кинофильм способна актуализировать определенный инвариант восприятия кинематографического произведения, который может дополнять контекст создаваемого произведения (в том числе, и заголовка), обогащать его ассоциативное поле. Правильно подобранная аллюзия способствует более эффективной подаче материала, а включение интермедийной отсылки «вписывает» настоящее произведение в более широкий культурный контекст.

Анализ заголовков с интермедийными кинематографическими включениями показал, что только в 23 % случаев подобные связи нашли реализацию в контексте статьи, т. е. семантическая нагрузка прецедентного текста отражена в заголовке. В данных случаях название фильма, либо же упоминание имен героев фильма является, по нашему мнению, символом прецедентного феномена, т. к. в контексте важны не они сами по себе, а именно текст, на который они указывают. Остальные же 77 % заголовков используют названия фильмов или символы прецедентных феноменов только как закрепившиеся в языке структуры, т. е. как прецедентные высказывания, а также для создания языковой игры. Последняя, по нашему мнению, выражается не только в случаях синтаксических, лексических либо фонетических трансформаций исходных выражений, но также в случаях номинации текстов прецедентными высказываниями, которые в контексте приобретают иное значение.

Рассмотрим пример заголовка с реализуемым значением прецедентного феномена.

The Sopranos state. <i>Times, July 30, 2007.</i>	Мафия в отдельно взятом государстве.
--	---

Статья, озаглавленная таким образом, сообщает, что глава Северной Кореи обязан своим положением криминальным структурам. Элемент *Sopranos* является символом прецедентного текста, а именно – популярного сериала «*The Sopranos*» (в русском прокате известного как «Клан Сопрано»), главными героями которого являются члены мафии. Употребляя данную фамилию в качестве атрибута к ядру словосочетания – *state*, автор хотел подчеркнуть, насколько велика в этой стране роль криминальных структур.

Количество заголовков, отражающих названия фильмов как закрепившиеся в языке структуры, в значительной степени превышает количество заголовков, реализующих интермедийные связи. Ср.:

Greenback mountain. <i>Times, July 30, 2007.</i>	Зеленая гора.
--	----------------------

Темой статьи является диверсификация огромных долларовых резервов крупными банками США и последующее увеличение акционерных капиталов. Прецедентным высказыванием является название фильма «*Brokeback mountain*» («Горбатая гора»), главными действующими героями которого являются два ковбоя из штата Вайоминг. Данный

факт сигнализирует о том, что автор текста не имел в виду содержание текста, озаглавливая свою статью таким образом. Интересен случай трансформации исходного выражения: в сложном существительном первый компонент был заменен на *green*, соотносящийся с цветом американской валюты; лексема *mountain* теряет значение, актуализируемое в исходном контексте – «*a very high hill*», и приобретает значение «*a very large pile of something*». Таким образом, для читателя «*greenback mountain*» – это большая стопка американских долларов. Экспрессия заголовка заключается в том, что автор прибегает к растрепанному названию скандального фильма в целях создания более привлекательного заголовка. В этой эксплуатации прецедентных высказываний и заключается постмодернистская тенденция в языке СМИ, которая состоит не в создании чего-либо нового, а в функционировании за счет закрепившихся в языке структур.

Проведенное исследование показало, что функционирование прецедентных феноменов в заголовке прессы испытывает на себе влияние постмодернистской ситуации в медиа-тексте. Данное воздействие выражается в виде доминирования языковой игры, построенной на трансформации исходного устойчивого выражения, над использованием прецедентного феномена для номинации вновь созданного текста при сохранении и реализации семантической нагрузки феномена. При явлении языковой игры в большинстве случаев значение прецедентного высказывания либо отсылка к прецедентному тексту не реализуются в контексте статьи; востребованной оказывается лишь структура вербального прецедентного феномена и семантика его компонентов, которая может иметь какую-либо отнесенность к проблематике статьи. Лингвистической причиной данного явления ученые называют тенденцию к асемантизации языковых единиц. Данное явление мотивировано также экстралингвистическими факторами, такими как использование прецедентных феноменов в заголовке с целью привлечения внима-

ния читательской аудитории, т. е. для создания экспрессии заголовка. Такая прагматика эскалируется при условии трансформаций исходного выражения. Однако прием игры слов не способствует реализации информативной функции заголовка, т. к. его корреляция с контекстом статьи возникает только на послетекстовом этапе.

Функционирование интертекстуальных включений в заголовках материалов прессы представляет обширное поле для изучения вследствие многообразия синтаксических, лексических и фонетических трансформаций, которым подвергаются вербальные прецедентные феномены в целях создания языковой игры.

Литература

1. Береговская, Э. М. Надпись на значке как вид науки [Текст] / Э. М. Береговская // Филологические науки. – 2000. – № 3. – С. 67 – 75.
2. Караулов, Ю. Н. Язык и языковая личность [Текст] / Ю. Н. Караулов. – М., 2003. – 261 с.
3. Красных, В. В. Когнитивная база и прецедентные феномены в системе других единиц [Текст] / В. В. Красных, Д. Б. Гудков, Д. В. Багаева, И. В. Захаренко // Вестник Московского университета. Сер. 9. Филология. – 1997. – № 3. – С. 62 – 75.
4. Красных, В. В. Некоторые особенности функционирования прецедентных высказываний [Текст] / В. В. Красных, Д. Б. Гудков, Д. В. Багаева, И. В. Захаренко // Вестник Московского университета. Сер. 9, «Филология». – 1997. – № 4. – С. 107 – 117.
5. Костомаров, В. Г. Русский язык на газетной полосе [Текст] / В. Г. Костомаров. – Изд-во Московского ун-та, 1971.
6. Лазарева, Э. А. Заголовок в газете [Текст] / Э. А. Лазарева. – Свердловск, 1989.
7. Манькова, Л. А. Современный газетный заголовок: его функции и структура [Текст] / Л. А. Манькова // Семантика слова и семантика текста. – М., 2001. – Вып. 4. – С. 10 – 16.

УДК 821.161.1

«ИСПЫТАНИЕ КРЕСТОМ»: КРЕСТ КАК «ВИЗУАЛЬНЫЙ ЗНАК» В РОМАНАХ Ф. М. ДОСТОЕВСКОГО («ПРЕСТУПЛЕНИЕ И НАКАЗАНИЕ», «ИДИОТ», «ПОДРОСТОК»)

В. В. Палачева, Т. Н. Флегентова

В современном литературоведении изучение творчества Ф. М. Достоевского занимает одно из ведущих мест и уже имеет свою историю, было создано большое количество глубоких и оригинальных работ, решающих те или иные вопросы поэтики Достоевского. В целом наследие писателя осмысливается широко и в различных направлениях.

В советском литературоведении особенно актуальным являлся историко-типологический и системный анализ творчества Достоевского. В рамках этой проблемы разрабатывался вопрос типологии образов, который понимался как узловое часть ху-

дожественной системы писателя. Этот аспект привлекал внимание видных критиков и исследователей, в своё время его разрабатывали В. Ф. Перевезев (Творчество Достоевского, 1928), Л. П. Гроссман (Творчество Ф. М. Достоевского, 1959), В. Г. Одинокое (Типология образов в художественной системе Ф. М. Достоевского, 1981), особенностям построения романов Ф. М. Достоевского посвящены работы М. М. Бахтина, Г. М. Фридлендера, В. И. Кулешова.

В последнее время интерес исследователей вызывают некоторые аспекты религиозно-философской проблематики в творчестве писателя. Заслуживаю-

щими внимание кажутся работы, посвящённые изучению влияния идей философов и трансформациям, связанным их переосмыслением в произведениях Достоевского. Связь творчества Ф. М. Достоевского с религиозным контекстом очевидна и не вызывает сомнений. Дискуссии возникают при определении её характера. Подобного рода сложности скорее всего связаны со спецификой понимания веры, её сущности у Достоевского.

Тексты Достоевского насыщены скрытыми и прямыми цитатами из Евангелия (например знаменитый эпизод – «романная формула» Достоевского», по выражению И. А. Есаулова, из «Преступления и наказания» с чтением Сони Мармеладовой о чуде – воскресении умершего Лазаря) или символами, переходящими из текста в текст и наполняющимися новыми смыслами. Это атрибуты духовной культуры: иконы, лампы, кресты, колокольни, купола церквей и соборов, даже возможны картины религиозного содержания. На страницах произведений мы нередко встречаемся с описанием обрядов: так, в первом романе «пятикнижия» «Преступление и наказание» довольно подробно показан поминальный обряд. Однако, как уже замечалось, частотные символы семантически сложны для построения интерпретаций, но попытки выстраивания религиозной картины мира в произведениях Достоевского делаются вновь и вновь.

В связи с этим особое внимание в современном изучении получает эмблематический строй произведений Достоевского. Так, В. В. Борисова в работе «Эмблематический строй романа Достоевского “Идиот”» указывает на такую черту художественного зрения писателя, «как способность выхватывать из потока действительности идеологически значимые факты и оформлять их в виде некой «картинки», «указания» в духе эмблематической традиции, то есть способность эмблематизировать визуальные образы» [1, с. 102].

В этом плане нас интересует один из сюжетообразующих элементов романного творчества Ф. М. Достоевского – крест. Так как путь, через который проходят герои Достоевского, – это «испытание крестом», как отмечает Г. Померанц во «Встречах с Достоевским», имея в виду достижение, проверку святости через позор, то мы рассматриваем крест как сюжетообразующий визуальный знак.

В произведениях Ф. М. Достоевского само слово «крест» и производные от него встречаются частотное количество раз. В каждой отдельной ситуации актуализируется одно из значений этого знака-символа. Их известно несколько, и наличие у данного слова широкого круга значений оправдывается тем, что оно одно из трёх наидревнейших символов человечества.

Таким образом, слово «крест» является семантически насыщенным, но несколько особенно распространённых значений мы можем выделить. Прежде всего, это символ принадлежности человека к определённой вере, и в то же время данный знак используется для освящения чего-либо, например пищи. Крест, кроме того, – своеобразный оберег от

нечистой силы. Это слово употребляется также в значении наказания и связанных с этим страданий, мучений. В романах Ф. М. Достоевского все указанные значения актуализированы.

Следует отметить, что в текстах писателя можно выделить ключевые сцены, в которых крест играет главную роль. Для «Преступления и наказания» и «Идиота» этой сценой становится ситуация обмена крестами между персонажами. Другой частотной ситуацией следует считать – наложение родительского креста, которое в целом характерно для текстов писателя, мы рассмотрим её на материале романа «Подросток».

В первом романе «пятикнижия» обмен происходит между Раскольниковым и Соней, выступающей в качестве «церковного деятеля», обращающего неверующего на христианский путь: «Соня молча вынула из ящика два креста, кипарисный и медный, перекрестилась сама, перекрестила его и надела ему на грудь кипарисный крестик» (4, с. 403). Родион Романович в полной мере объясняет совершаемый ею обряд: «Это, значит, символ того, что крест беру на себя, хе! хе! И точно я до сих пор мало страдал! Кипарисный, то есть простонародный; медный – это Лизаветин, себе берёшь, – покажи-ка? Так на ней он был в ту минуту?» (4, с. 403).

Интересно отметить, что ситуация обмена этими крестами в романе представлена два раза: имплицитно и эксплицитно, на глазах читателя. О том, что Лизавета и Соня Мармеладова поменялись крестами, мы узнаём со слов одной из них, а самого совершения акта мы не видим. Однако в данном случае важным становится то, что у данного креста есть своя история, которая в контексте всего романа обретает особую значимость. Соня оставляет себе крест Лизаветы – случайной жертвы Раскольникова, беззащитной, беззлобной, покорной женщины, жестоко им убитой. Соня отдаёт свой крест, она, по существу, тоже жертва: она отдала себя за счастье близких людей.

Таким образом, первый обмен крестами происходит между «жертвами»: Лизаветой и Соней («Мы с Лизаветой крестами поменялись, она мне свой крест, а я ей свой образок дала. Я теперь Лизаветин стану носить, а этот – тебе» (4, с. 324), – так девушки становятся крестовыми сёстрами).

Второй обмен, представленный на глазах читателя (прямо сообщенный ему), совершается между жертвой и убийцей, при этом убийца надевает на себя крест жертвы. Иными словами, в этой сцене происходит важное событие – примирение убийцы и жертвы. Это примирение могло совершиться и ранее, в тот момент, когда Раскольников впервые признаётся Соне в совершённом убийстве. Она предлагает ему взять крест, но он «тотчас же отдернул протянутую за крестом руку» (4, с. 324).

Нечто похожее происходит и тогда, когда герой убил «старушонку», на шее убитой он замечает «снурок», на котором «были два креста, кипарисный и медный, и, кроме того, финифтяный образок <...>; Раскольников сунул его <кошелёк> в карман, не осматривая, кресты бросил старухе на грудь и,

захватив на этот раз и топор, бросился обратно в спальню» (4, с. 64). Перед нами сцены, внешне реконструирующие ситуацию обмена. В случае с Соней Раскольников прямо говорит, что придёт за крестами в другой раз, «как пойдёшь на страдание, так и наденешь», – подхватывает девушка (4, с. 324).

О крестах старухи Родион Романович вспоминает в сцене действительного обмена крестами: «Я знаю тоже подобных два креста, серебряный и образок. Я их сбросил тогда старушонке на грудь. Вот бы те кстати теперь, право, те бы мне и надеть...» (4, с. 403). Крест в обоих случаях выступает в своём первоначальном значении как грех, который необходимо нести, и искупить его можно только ценой тяжких страданий. На наш взгляд, важным является и то, что во всех анализируемых эпизодах говорится не об одном, а о двух крестах: два креста у Алёны Ивановны, у Сони, о двух крестах размышляет Раскольников. Быть владельцем крестов больше, чем одного, означает либо то, что этот человек взял на себя мучения другого, готов разделить их с ним. С другой стороны, второй (дополнительный) крест может становиться символом жизни человека, отнимая её, убийца берёт его на себя.

Кроме того, можно отметить то, что у Достоевского кресты определены материально. На страницах романа «Преступление и наказание» мы встречаемся с кипарисным крестиком (у старухи и у Сони). Дерево кипарис как никакое другое связано с христианским миром, именно из его древесины делают доски для икон, крестики (на кипарисном кресте был распят Спаситель). Таким образом, предмет религиозного характера в ткани текста первого романа «пятикнижия» приобретает первостепенное значение в ключевых сценах произведения.

Все ключевые сцены романов «пятикнижия» связаны с ситуацией обмена крестами, представленной имплицитно или эксплицитно, что тоже является не случайным.

В другом романе Ф. М. Достоевского «Идиот» мы вновь сталкиваемся со сценами обмена крестами. Об одном из них мы узнаём через рассказ князя Мышкина, он скрыт за страницами текста, читатель его не наблюдает, как и тот обмен крестами, который происходит между Соней и Лизаветой в «Преступлении и наказании».

Второй обмен происходит в доме Рогожина, между Парфёном и Львом Николаевичем. Но прежде чем остановиться на этой сцене подробнее, необходимо вспомнить судьбу креста, находящегося у князя. Мышкин рассказывает Рогожину, что крест на «голубой ленточке» он купил у пьяного солдата, которому было нужно хоть как-нибудь достать деньги на выпивку. Встреча с пьяным происходит тогда, когда князь пытается «узнать Россию», путешествует по стране, знакомится с людьми, разговаривает с ними, расспрашивает. Это время «выпадает» из текста романа: то, где бывал герой, чем он занимался, не прописано.

Возможно лишь приблизительно установить работы Мышкина, ориентируясь на некоторые точки опоры: день рождения Настасьи Филипповны при-

ходится на 29 октября (11 ноября – по новому стилю), через два дня после празднования он «спешно выехал» в Москву, в следующий раз в Петербурге – в июне, «в первых числах». Разрыв между этими событиями, включёнными в ткань произведения, составляет чуть больше полугода. В тексте можно встретить лишь намёки на то, что делал герой в это время: примерно через месяц после отъезда, в Москве, князь принят у старухи Белоконской, получает наследство, а спустя две недели, «пропадает из Москвы». На святой неделе – с 7 января до 18 января – Аглая получает от князя письмо, а в феврале Лев Николаевич сходится с Рогожиным, об остальном времени сказано только, что князь путешествовал по России.

Таким образом, отлучка князя приходится на весну – период Великого поста и Пасхи – одни из самых важных моментов церковного календаря. Известно, что христиане по-особому относились к этим неделям, наполненным сакральным смыслом, ведь даже для каждой существует своё обозначение, они совершали паломничество к монастырям или церквам. В контексте этой традиции можно увидеть неслучайность предпринятого Мышкиным «путешествия» по стране.

Приблизительно установив год действия романа как 1865 – 1868, где при этом следует заметить, что 1868 год – високосный, можно отметить, что акт совершения покупки креста (конец мая – начало июня) близок и другому значительному событию в христианском мире – Пятидесятнице (в народе чаще называют этот праздник Троицей), день сошествия Святого Духа на апостолов. Таким образом, ключевая для нас сцена покупки и обмена крестами, включённая в скрытый христианский подтекст, приобретает больший смысл и значение.

Как видим, в этом тексте рассказана история, связанная с крестом. Перед тем, как обменяться крестами, Парфён требует показать его («Покажь-ка сюда» (2, с. 184)). Получается, что одного словесного представления становится недостаточно, необходимо увидеть крест. Таким образом, словесное определение сопровождает визуальное действие, и в то же время визуальное представлению предшествует словесное. Это одна из главных особенностей мышления князя Мышкина, которую подчёркивает В. В. Борисова: «Его мышление визуально в том психологическом плане, что способно продуцировать, порождать новые образы, новые визуальные формы, которые несут огромную смысловую нагрузку, делают значение видимым: визуальное выступает как репрезентация вербального, незримое превращается в зримое. Это принцип эмблематического мышления» [1, с. 103]. Однако мы уже встречались с подобной ситуацией в «Преступлении и наказании», в этом романе, как заметим далее, процесс эмблематизации затронет все анализируемые ключевые сцены, связанные с крестом. Эмблематичность станет особенностью всех романов, находящихся в центре нашего внимания.

Следует также заметить, что в эпизоде обмена крестами воспроизводится реальный случай из

жизни Ф. М. Достоевского. В 1865 году, когда основная творческая его работа была связана с «Преступлением и наказанием», он, по свидетельству А. Г. Достоевской, часто ходил в окрестности Сеной площади в Петербурге, где и состоялась встреча писателя с тем, кто продал ему подлинно существовавший крест.

Итак, крест – это последнее оставшееся у солдата, имеющее ценность, пусть даже обманную, ведь он оловянный крест выдаёт за серебряный. Следует заметить, что на страницах романов Ф. М. Достоевского мы нередко сталкиваемся с подобными ситуациями: в «Преступлении и наказании» Мармеладов пропивает чулки собственной жены, а другой герой этого произведения, Миколка, меняет свой серебряный крест на шкалик в распивочной Душкина. Оба этих героя, как известно, умирают: один случайно, а другой – совершив самоубийство. Кроме того, этот факт важен для нас и в том смысле, что мы узнаём о нём через рассказ князя, иначе говоря, сам акт купли-продажи не представлен.

Именно этот крест – «оловянный», «большого размера», «осьмиконечный», «полного византийского рисунка», крест пьяного «христопродавца» берёт себе Рогожин, отдавая князю свой «золотой». Крест в данном случае выступает как судьба отдельного человеческого существа (поменяться крестами – поменяться судьбами). Таким образом, Парфён берёт на себя крест солдата, он даже настаивает на этом: «Отдай мне» (2, с. 184), ему нужен именно этот крест. В результате князь становится хозяином рогожинского креста. И действительно, Настасья Филипповна чуть не выходит замуж за Льва Николаевича Мышкина, а Парфён дважды берёт в руки нож: покушается на жизнь князя и в конце убивает Настасью Филипповну.

Обращает на себя внимание форма креста: большой, восьмиконечный, византийский. Дело в том, что обычные нательные кресты по форме проще и представляют собой две пересекающихся под прямым углом линии. Тот крест, описание которого передано, полностью совпадает рисунком с голгофским крестом, тем, на котором был распят Иисус Христос (с верхней перекладиной – таблицей с надписью над головой Спасителя и кривой перекладиной в Его ногах). Считается, что это одна из распространённых форм купольного креста. Данный крест в христианских обрядах используется при богослужении на утрене Воздвижения – церковный праздник Честного и Животворящего Креста Господня.

Позже герои этой сцены будут неоднократно обращаться к ней: Мышкин в тот же день, и после, он и Рогожин, уже вдвоём, заговорят о братании в Павловске. Уже по этому можно говорить о её значимости для их отношений, в итоге это событие становится общим местом, формулой для их взаимоотношений.

В этом произведении с крестом связаны не только конкретные ситуации, но и мыслительные образы, возникающие в воображении героев. Так, например, в начале романа Аделаида просит князя придумать для неё сюжет новой картины. Напом-

ним, какую картину рисует князь: «Нарисуйте эшафот так, чтобы видна была ясно и близко одна только последняя ступень; преступник ступил на неё: голова, лицо бледное, как бумага, священник протягивает крест, тот с жадностью протягивает свои синие губы и глядит, и – всё знает. Крест и голова – вот картина, лицо священника, палача, его двух служителей и несколько голов и глаз снизу, – всё это можно нарисовать как бы на третьем плане, в тумане, для аксессуара... вот такая картина» (2, с. 56). Следует заметить, что мыслительному представлению сюжета возможной картины предшествует рассказ князя о некоем больном, который лечился у профессора вместе с Мышкиным. Этот человек был взведён на эшафот за политическое преступление, а позже отпущен. Лев Николаевич говорит, что ему нравилось слушать о пережитых впечатлениях помилованного.

Таким образом, картине (визуальному представлению) предшествует устный рассказ, при этом князю не так просто объяснить, передать тот мыслительный образ, который следует изобразить («Впрочем, ведь как это рассказать!»), для этого необходимо восстановить всю ситуацию, проследить ход мыслей приговорённого. Иначе говоря, для князя существенна каждая конкретная деталь описываемого действия. Так, одной из подобных деталей можно считать маленький серебряный, четырёхконечный крест священника.

Важно заметить, что на протяжении всего романа подробное описание данного элемента христианского мира дано только в двух случаях: в этом и в сцене продажи, происходящей между Мышкиным и солдатом. В контексте этого ещё более значимой становится характеристика креста, уточнения, связанные с ним, и его роль в целом. Как только приговорённый чувствовал слабость, ему подставляли целовать крест, и он опять «оживлялся», при этом «спешил целовать», «точно спешил не забыть что-то про запас» (2, с. 56). Итак, крест – это то последнее, что связывает этого человека с земным миром, и одновременно то, что даёт ему силы не ослабеть, поддерживает его волю. При этом он «вряд ли» осознавал что-то религиозное, то есть, как нам кажется, то, для чего это делается и зачем нужно в плане обряда, а целует приговорённый к казни человек крест под действием личных душевных ощущений, послушный своему собственному религиозному чувству.

В сюжете для картины обращают на себя внимание акценты, которые делает князь: «Крест и голова – вот картина» (2, с. 56). На наш взгляд, это не случайно, так как сочетание креста и полумесяца (вариант круга) может интерпретироваться в двух концептуальных системах: языческой и христианской. В одном случае это сочетание предстаёт как солярно-лунарная символика, а в другом – крест очевидным образом выступает как символ Христа, при этом луна символизирует Богородицу. Как отмечает Б. А. Успенский: «Поскольку, в свою очередь, Христос ассоциируется с солнцем, а Богородица с луной, это сочетание оказывается очень ус-

тойчивым» [7, с. 233]. В этом случае, на наш взгляд, картина приобретает явное религиозное содержание и по значению приближается к иконе.

Как «визуальный знак» крест предстаёт и в следующем романе Ф. М. Достоевского «Подросток». Рассмотрим ключевой момент произведения, это эпизод сна Аркадия, когда он замерзал после рулетки у Зерщикова.

Во сне он возвращается в своё прошлое, он видит себя ребёнком, к которому неожиданно приехала мама: «Ну, господи...ну, господь с тобой... ну, храни тебя ангелы небесные, пречистая мать, Николай-угодник... Господи, господи! – скороговоркой повторяла она, всё крестя меня, всё стараясь чаще и побольше положить крестов» (3, с. 272), «ещё раз перекрестила, ещё раз прошептала какую-то молитву и вдруг – и вдруг поклонилась и мне, точно так же, как наверху Тушарам, – глубоким, медленным, длинным поклоном, – никогда не забуду я этого!» (3, с. 273). В данном случае актуализируется весь комплекс значений, который закрепился за этим действием: это и родительское благословение, и стремление оберечь ребёнка, защитить его от злого влияния других людей, от нечистой силы, от всего того, что может негативно воздействовать на него, отсюда, на наш взгляд, и многократное повторение наложения креста.

Следует отметить ещё одно употребление анализируемого слова в данной сцене: «Мама повернулась к церкви и три раза глубоко на неё перекрестилась, губы её вздрагивали, густой колокол звучно и мерно гудел с колокольни» (3, с. 272). В этой сцене при прощании мать обращается к церкви и накладывает на себя крест, что является одной из традиций, соблюдаемой людьми, верующим в Бога. Обращаясь к этому эпизоду, следует помнить, что колокольный звон сопровождает Софью Андреевну во время посещения сына: её неожиданное появление происходит под твёрдые удары колокола, прощание на крыльце связано с этими звуками.

Однако в этой сцене мы встречаемся с одной странностью: удары колокола во время встречи сына с матерью точно такие же, как и в момент расставания. Дело в том, что колокол не может звучать одинаково до и после службы. Это связано с функциями, которые звуку колокола созывают верующих к службе, выражают торжество Церкви и Богослужения, оповещают о времени совершения наиболее важных частей службы. В тексте романа Ф. М. Достоевского уточняется, что удары колокола были не похожи на набат (частый звон в один колокол, означающий какое-то важное событие), а «какой-то приятный, плавный звон», что позволяет нам сделать вывод о том, что твёрдые звуки, которые слышит Аркадий, – благовест, размеренно возвещающий о начале службы. Считается, что это самый древний из звонов и назван так потому, что несёт благую весть о начале Богослужения.

По нашему мнению, благовест, сопровождающий Софью Андреевну, открывает дополнительные смыслы анализируемой сцены. Тем самым делается

акцент на том, что приезд матери не только событие бытийного уровня («не набат»), но и иного порядка. Таким образом, можно объяснить расхождение между внешними поступками героев, которые порой носят явно демонстративный характер, с тем внутренним, что их роднит и связывает: маленький Аркаша «тотчас» узнаёт свою родительницу.

Следует отметить, что для романа «Подросток» Ф. М. Достоевского характерны только несколько сцен, в которых концентрировано употребление слова «крест» в присущих ему основных значениях. Сцена сна – одна из них, что, в свою очередь, подчеркивает её значимость для всего романа в целом.

Как мы уже говорили, тексты Ф. М. Достоевского насыщены скрытыми и прямыми цитатами из Евангелия, символами православной церкви, описаниями христианских обрядов. Нередко случается, что тот или иной символ со страниц одного романа переходит в другой, и таким образом приобретает большую семантическую сложность, включаясь в иную символическую ткань. Однако для частотных, «переходящих» знаков свойственны некоторые «общие места», общие ситуации, в которых актуализируются одни и те же значения. Это характерно и для анализируемого нами слова «крест».

По сути, в романах «Преступление и наказание», «Идиот» и «Подросток» мы анализировали одни и те же ситуации, но в каждом из представленных произведений они имели разное воплощение. Речь идёт об обмене крестами и визуализацией этого знака-символа. Имплиcitная и эксплицитная презентация сцены обмена в двух первых романах «пятикнижия» «Преступление и наказание» и «Идиот», крестовые сёстры в одном тексте, крестовые братья в другом, охраняющий наложенный материнский крест в «Подростке». Таким образом, необходимость сопровождения словесного образа визуальным, а визуального – словесным еще раз подтверждается как устойчивый прием романной поэтики писателя.

Литература

1. Борисова, В. В. Эмблематический строй романа Достоевского «Идиот» / В. В. Борисова // Достоевский: материалы и исследования. – М., 2005. – Т. 17.
2. Достоевский, Ф. М. ПСС: в 15 т. / Ф. М. Достоевский. – Л., 1973. – Т. 8. «Идиот».
3. Достоевский, Ф. М. ПСС: в 15 т. / Ф. М. Достоевский. – Л., 1973. – Т. 13. «Подросток».
4. Достоевский, Ф. М. ПСС: в 15 т. / Ф. М. Достоевский. – Л., 1973. – Т. 6. «Преступление и наказание».
5. Есаулов, И. А. Пасхальность русской словесности / И. А. Есаулов. – М., 2004.
6. Померанц, Г. Встречи с Достоевским / Г. Померанц. – М. 1998.
7. Успенский, Б. А. Круг и крест / Б. А. Успенский. – СПб., 2007.
8. Энциклопедия символов, знаков, эмблем. – М., 2005.

УДК 821.161.1

РОДИЛЬНЫЙ ОБРЯД В ЛИРИКЕ С. А. ЕСЕНИНА

В. В. Палачева, М. Н. Шмакова

Творчество С. А. Есенина принято изучать в контексте двух традиций: мифологической, связанной с языческими представлениями о мире (Е. А. Самоделова), и религиозной, христианской (И. И. Могилева, Л. А. Архипова, О. Е. Воронова).

Одним из ключевых для понимания специфики мировоззрения в стихах Есенина является труд А. Н. Афанасьева «Мифы, поверья и суеверия славян» («Поэтические воззрения славян на природу»). Многие исследователи отмечают, что поэт «с увлечением изучал» [13, с. 296] эту работу. Подтверждением служит тот факт, что Есенин в своей статье «Ключи Марии» (1918) пытался использовать метод, предложенный и успешно используемый Афанасьевым, – разложение одного слова на составляющие, в результате чего на первый план выступает внутреннее начало («суть» слова). Например: сумрак, по-темки [4, с. 171], пас-дух (=пастух) [3, с. 231]. Можно с уверенностью сказать, что поэт прочитал и переосмыслил для себя труд Афанасьева, и это отразилось в его стихах.

Рассмотрим подробнее один из семейно-бытовых обрядов, составляющие которого присутствуют в разных стихотворениях Есенина.

Обряд рождения входит в группу семейно-бытовых обрядов наряду с рекрутским, свадебным и похоронным. Родильные обряды являются очень древними по своему происхождению. Назначение их состоит в том, чтобы обеспечить безопасность новорожденного, положительно повлиять на будущую судьбу человека, уберечь его от «порчи», «сглаза» и болезней, сделать его жизнь обеспеченной и счастливой.

Восстановим славянские представления об обряде рождения.

Опасным временем для роженицы и ребенка являлись собственно роды и первое время после них. Считалось, что мать или ребенок могли погибнуть либо в силу естественных причин, либо из-за действия всевозможной нечисти, отрицательно влияющей на новорожденного. Поэтому некоторое время рядом с роженицей постоянно должен был находиться кто-то, кто помогал бы при родах и охранял (хотя бы своим присутствием) ее и младенца. Обычно это была либо повитуха, либо мать роженицы. Для родов выбиралось какое-либо тихое и укромное место, т. к. наступление их все старались держать в тайне, чтобы не привлечь внимание нечисти и дурных людей.

По окончании родов повитуха обязательно мыла младенца, а потом, по необходимости, «правила» (т. е. исправляла врожденные дефекты вроде кривых ног, слишком широкого носа и т. п.) и пеленала. Часто в первые два-три дня матери запрещалось кормить ребенка: считали, что в это время грудное молоко опасно для его жизни. Потом женщины

обычно кормили детей грудью до двух, трех лет. Такие сведения приводит Н. С. Шапарова [16, с. 83].

После родов повитуха кормила роженицу и провожала вместе с младенцем в баню, причем женщина с ребенком оставались там обычно несколько дней, а повитуха также все время была при них, чтобы помочь матери восстановить здоровье и защитить ее и новорожденного от злых сил.

Но ребенка следовало также как можно скорее окрестить, т. к. некрещеный ребенок подвергался множеству опасностей. Поэтому на третий день его возили в церковь, где при крещении он получал свое имя (нередко имя давалось в честь того святого, чью память церковь праздновала в тот день, когда родился ребенок) [16, с. 451]. После обряда крещения близкие роженицы проводили обряд родин – готовили кашу и подавали гостям; а второе угощение предназначалось роженицам – духам судьбы, которые приходят к ребенку и предсказывают, какой будет его жизнь. Угощением старались их задобрить, чтобы они предсказали (выбрали) младенцу долгую, счастливую жизнь и крепкое здоровье.

Собственно родильный обряд представлен в стихотворении С. А. Есенина «Матушка в Купальницу по лесу ходила...» (1912). Уже первые строки стихотворения выявляют специфику обряда: он совершается в лесу, под защитой природных сил в один из древнейших языческих праздников.

День этот в славянской народной традиции наделялся особым значением; причиной же тому был справляемый на следующий день праздник рождения Иоанна Крестителя. Фактически эти два праздника составляли из себя единое целое, т. к. главное их событие – купальское празднество – происходило в ночь со дня Аграфены Купальницы на день Ивана Купала. Рождество Иоанна Крестителя – праздник христианский, в центре которого стоит обряд крещения, а другое название актуализирует языческий контекст: связь с нечистой силой, кладами, разрыв-травой, цветком папоротника, одним словом, поисками счастья. То же самое можно сказать и о дне Аграфены Купальницы: это праздник святой мученицы Агриппины, а определение Лютые Коренья отсылает к традиции собирания чародейных трав. Кроме того, Аграфена Купальница и Иван Купала – это, по сути, разные воплощения одного божества. Таким образом, родившийся в купальскую ночь ребенок получает сразу двух покровителей; но в стихотворении упоминается женское божество. Следует также отметить, что доминирует именно языческий вариант, как более древний, устойчивый (т. к. соотношение с христианскими святыми возникло позднее и не играло существенной роли).

Восстановим саму ситуацию рождения. Мать идет по лесу, она является частью природного ми-

ра. При этом не упоминается цель, с которой она пришла в лес; но можно предположить, что она состояла в собирании росы или в лечении ею, т. к. бросается в глаза сочетание «босая, с подтыками». Значит, одежда специально была подоткнута, чтобы ее не намочить, следовательно, вся роса оседала на ногах. А роса, выпадающая в купальскую ночь, в высшей степени обладает живительными и целебными свойствами и сообщает их цветам и травам. Далее читаем:

*Травы ворожбиные ноги ей кололи,
Плакала родимая в купырях от боли.*
(1, с. 76).

Следовательно, на ногах матери, изрезанных травой, была еще и кровь. Роса, кровь и слезы, страдания, которые испытывает матушка, облегчают вхождение ребенка в природный мир, служат ему оберегом. Одной из примет родильного обряда является вера в то, что чем больше мучается роженица, тем быстрее родится ребенок и тем здоровее он будет. В данном случае мать набирается сил от чародейных трав, от росы, в свою очередь, на траве остаются ее кровь и слезы. Установленная взаимосвязь с природой через мать передается и ребенку.

Но само его рождение неожиданно, внезапно:

*Не дознамо печени судорга схватила,
Охнула кормилица, тут и породила.*
(1, с. 76).

Младенец оказывается как бы дарованным матери, что соотносится со значением имени Иоанна Крестителя – «дар Божий».

Может показаться, что мать и ребенок одни в лесу, но это не так. Они находятся под защитой зорь, трав, радуги. Причем зори здесь выполняют функции повитух: они свивают младенца, т. е. пеленают его. В народном представлении Зоря была прекрасной богиней солнца. Часто она представлялась пряхой, ткащей золотые нити (=лучи солнца), и это сближало ее с девами судьбы (европейские мифы). С рассветом дня и с началом весны она принимается за работу и, пробуждая мировую жизнь, дарует земле плодородие, а смертным изобилие и счастье. Поэтому родиться на утренней заре, при восходе солнца, принимается за добрый знак, за предвестие счастливой жизни [6, с. 394]. Таким образом, зори-повитухи, принимающие ребенка, выполняют еще и функции рожениц или Доли – божеств, дарующих счастье.

*Родился я с песнями в травном одеяле,
Зори меня вешие в радуго свивали.*
(1, с. 76).

Пеленка – радуга, одеяло – травы. Блестящая яркими красками семицветная радуга имеет форму полукруга, которая еще усиливается свиванием, а круг является мощнейшим оберегом, как травы и роса в купальскую ночь. Получается своеобразный «щит» для ребенка.

Таким образом, восстанавливается следующая картина:

1) рождение ребенка как дар, приобщение его в процессе родов к природному миру;

2) непосредственное участие мира в ребенке: принятие его, пеленание, укрывание;

3) укачивание, пестование под песни.

Нужно также сказать, что рождение в купальскую ночь дает ребенку особую защиту, основанную на родстве:

*Вырос я до зрелости, внук купальской ночи,
Сутемень колдовная счастье мне пророчит.*
(1, с. 76).

Следовательно, мать приходится дочерью купальской ночи. Мать называется *матушкой, родимой, кормилицей*, что указывает на две ее важнейшие, первичные функции – рождение и кормление ребенка. Ситуация вскармливания ребенка актуализируется в стихотворении «Там, где капустные грядки...» (1910). Однако в роли матери выступает уже клен, а в роли дитяти – маленькое кленовое деревце, *клененочек*; хотя явно прослеживается сращение с животным миром. Клен-корова питает клененочка-теленка через зеленое вымя. Переплетение животных и растительных образов создает совершенно новое видение окружающего мира, главным свойством которого является «всеобщая текучесть и взаимопревращение» [17, с. 132], отношения родства.

Вскармливание происходит на фоне восхода, который, в свою очередь, так же питает грядки, как клен – клененочка:

*Там, где капустные грядки
Красной водой поливает восход,
Клененочек маленький матке
Зеленое вымя сосет.*
(1, с. 64).

А. Н. Захаров считает, что главное в этих строках – это единение Отца-Неба с Матерью-Землей, которые «тянутся друг к другу, соединяются светом солнца...» [7, с. 38]. Однако очевидно также, что восход – кормилец, т. к. красная вода-свет питает растения. Все в мире взаимосвязано, находится в гармонии и единении через вскармливание, отношения матери и ребенка.

Матерью может быть небо-корова, а ребенком – солнце-тенок, как в стихотворении «Не напрасно дули ветры...» (1917):

*Плещет рдяный мак заката
На озерное стекло.
И невольно в море хлеба
Рвется образ с языка:
Отелившееся небо
Лижет красного телка.*
(1, с. 288).

В этом случае ситуация рождения проецируется на переплетенные образы неба и коровы, солнца и теленка, истоки их лежат в концепции А. Н. Афанасьева о небесных стадах. Но в его труде коровам уподоблялись тучи, облака, а не все небо, также «солнце ... представлялось белым и рыжим быком или коровой», у Есенина же это теленок. Причем красный телок только что родился, поэтому мы видим обилие красного цвета как подобия крови: «плещет рдяный мак заката на озерное стекло». По сравнению с образами, представленными в тру-

де Афанасьева, образы в стихотворении Есенина становятся более масштабными, укрупняются.

Еще более глобальными они становятся в стихотворении «Тучи с ожереба...» (1917):

Небо словно вымя,

Звезды как сосцы.

(1, с. 246).

Теперь даже не видно корову, все необъятное небо – это одно вымя, через которое может питаться дитя-теленочек. Наряду с этим мы видим, что «*тучи с ожереба ржут, как сто кобыл*» (1, с. 246), то есть небесные стада – уже не коровы, а кобылы, и притом рождающие на свет жеребят.

Итак, рождение и вскармливание пронизывают все уровни мироздания: животный и растительный, небесный и земной.

Еще одно преломление ситуации рождения представлено в «Песни о собаке» (1915):

Утром в ржаном закуте,

Где златятся рогожи в ряд,

Семерых оценила сука,

Рыжих семерых щенят.

(1, с. 178).

Утро – начало дня – совпадает с началом новой жизни, а число семь символизирует полноту, завершенность, целостность бытия; на это указывает и небольшое уединенное пространство – закут, то есть теплый хлевок на зиму для мелкой скотины или же отгороженный угол в этом хлеву. Собака выбирает защищенное место, скрытое от посторонних глаз. К тому же, оно оказывается буквально наполненным золотым светом, блеском и ощущением тепла: ржаной закут, рогожи златятся, рыжие щенки. От рогож блеск отражается и дробится, освещая рыжих щенков (так же, как красный телок вписан в свет заката). Перед нами гармоничная, целостная, светлая картина материнства. Собака и щенки составляют единое, неразрывно связанное целое, мать согревает щенков и вылизывает их. Это отсылает нас к стихотворению «Не напрасно дули ветры...»:

Отелившееся небо

Лижет красного телка.

(1, с. 288).

Гармония разрушается с появлением враждебного начала – человека, хозяина. Щенки отняты у матери и брошены в воду; реализуется одна из опасностей, грозящих новорожденным – похищение и последующая смерть. Собака не успевает бежать за человеком, не в силах защитить щенков, она видит только круги на воде:

И так долго, долго дрожала

Воды незамерзшей гладь.

(1, с. 178).

Это дрожание созвучно тоске матери о детях, которая затем в месяце видит своего щенка. Происходит своеобразная замена потерянных детей месяцем в небе. По древнейшему воззрению, луна рождается, вырастает (=полнеет), бывает молодой, а потом стареет и умирает [4, с. 193]. В данном случае месяц – это молодая, народившаяся луна, цвет ее похож на свет щенков, поэтому собака принимает его за одного из детей. Но и месяц дается матери не

в утешение: сколько она ни зовет дитя, оно не возвращается:

В синюю высь звонко

Глядела она, скуля,

А месяц скользил тонкий

И скрылся за холм в полях.

(2, с. 14).

Более того, возникает вторичная утрата, т. к. месяц исчезает. Тогда скорбь матери выливается в беззвучный плач о детях, и слезы ее приравниваются к золотым звездам. Плачут не только глаза, но и душа, поэтому

Покатились глаза собачьи

Золотыми звездами в снег. (1, с. 179).

Это бесконечная, глухая, безнадежная (в отличие от звонкого глядения, когда еще есть надежда) тоска о детях.

В ситуации рождения луна может быть не только щенком, но и собакой, матью:

Над роцею оценится

Златым щенком луна.

(2, с. 14).

Картина же плача о детях созвучна стихотворению «По лесу леший кричит на сову» (1916). Здесь человек-охотник убивает медвежат, но это снится медведице, которая плачет и зовет их к себе. Однако, как и в «Песни о собаке», ее зов не находит отклика, дети не слышат матери, не идут к ней.

В «Кобыльях кораблях» (1919) снова повторяется ситуация убийства человеком детей животного на фоне всеобщего голода, разрухи, смерти.

Также в ситуации рождения луна может быть и ребенком, например в стихотворении «О, муза, друг мой гибкий...» (1917 – 1918):

Младенцем завернула

Заря луну в подол.

(2, с. 31).

Функции зари модифицируются: она уже не повитуха, а мать, которая родила ребенка. Рождение, как и в «Матушке в Купальницу...», неожиданно, поэтому вместо пеленки – подол (=свет зари). В языческих же представлениях Зоря была богиней и не представлялась в бытовом облике повитухи или роженицы.

Луна-младенец может присутствовать и на другом этапе родильного обряда – положении в колыбель, укачивании:

Вспучил бельма вечер черный,

И луна – как в белой зыбке.

(1, с. 154).

Образ зыбки как защиты, соотнесенный с ситуацией укачивания, возникает в стихотворении «Вечер, как сажа, льется в окно...» (1916). Мать байкает девочку, то есть укачивает ее под песню. За окном ночь, темнота, которая окружает дом и пытается проникнуть в него:

Вечер, как сажа, льется в окно...

Липнет к окошку черная гать...

(1, с. 187).

Так как все за окном находится в движении, возникает ощущение, что все это живые существа, которые скитаются без пристанища и стремятся за-

глянуть в дом, а там, как отражение природного движения,

*Пляшет гасница,
Прыгает тень.
(1, с. 187).*

Ребенку передается это беспокойство, девочка не спит, а мать пытается ее убаюкать. Девочка находится в зыбке, которая рыкает, подобно зверю; это маленькое, защищенное пространство. Одна из функций зыбки – не только укачивать, но и служить защитой для младенца от враждебных сил. В данном случае зыбка отпугивает темноту рыканьем, а усиливает защиту песня матери:

*Взрыкает зыбка
Сонный тропарь:
«Спи, моя рыбка,
Спи, не гутарь».
(1, с. 187).*

Тропарь – церковное песнопение в честь какого-либо святого или праздника [9, с. 289]; он переплетается с отголоском родильного обряда – колыбельной, где девочка, также для обмана злых сил, называется рыбкой. Таким образом, языческая защита переплетается с христианским песнопением.

Образы Богородицы и младенца Христа, появляющиеся в стихотворениях Есенина, реконструирующих родильный обряд, отсылают нас к рассмотрению их в русле русской иконописи. Однако нельзя сказать, что они иконичны полностью, т. к. имеют специфические черты.

В стихотворении «Не ветры осыпают пуши...» (1914) перед нами предстает словно ожившая икона, сходящая с небес под звуки «звездных псалмов»:

*Я вижу – в просиничном плате,
На легкокрылых облаках,
Идет возлюбленная мати
С пречистым сыном на руках.
(1, с. 110).*

Но Богоматерь движется, и именно этим ее словесный образ отличается от визуального иконического лика [11, с. 124]. Схождение ее на землю наблюдает сам лирический герой («я вижу...»), обычный человек. Он видит, куда движется Богородица – навстречу ему, и он угадывает цель ее нисхождения на землю:

*Она несет для мира снова
Распять воскресшего Христа...
(1, с. 110).*

Мать несет сына людям («для мира»), чтобы его повторно распяли. Но сын – младенец, в то время как Христос воскрес взрослым; грань между ними стирается. Сын снова родился, чтобы быть распятым, а потом воскреснуть.

Наблюдающий лирический герой читает во взгляде Богородицы напутствие сыну, но оно может быть принято любым другим странником, сыном земной женщины:

*«Ходи, мой сын, живи без крова,
Зорюй и полднюй у куста».
(1, с. 110).*

Оба – и Христос, и лирический герой – странники, они могут встретиться в любой момент, и в на-

путствии звучит пожелание земного счастья: даже без крова иметь завтрак и обед. Пища – основа благополучия, а дом будет там, где сын-странник остановится: у куста, у пенька под елью. И Сын вполне органично впишется в природный мир, так что герой, который ищет его, может не узнать:

*И может быть, пройду я мимо
И не замечу в тайный час,
Что в елях – крылья херувима,
А под пеньком – голодный Спас.
(1, с. 111).*

Богородица с Младенцем – это начало пути странника, его благословение. Но в нем видна вполне житейская основа, обусловленная бытовым видением окружающего мира; и даже Богоматерь приближается к обычным людям, к любому «страннику убогому».

В стихотворении «К теплому свету, на отчий порог...» (1917) мы видим ожидание стариками внука, который не существует, жизнь его «пригрезилась» им. Бабка и дед прожили вместе долгую жизнь. Но не дал им Бог внуков, а под старость так хочется понынчить малыша: ждут они его, ждут напрасно, грезят о нем и получают неожиданное утешение [9, с. 254]. Утешение дает им Богородица:

*Шлет им лучистую радость во мглу
Светлая дева в иконном углу.
С тихой улыбкой на тонких губах
Держит их внука она на руках.
(1, с. 263).*

Терпение и кроткое смирение стариков вознаграждено. Иисус Младенец становится их внуком, и это чудо подарено им «светлой девой». Сам внук также весь светится: он «строен и бел, как березка», «с медом волосев и бархатом рук», у него голубые глаза. Хотя его облик характеризуется традиционными народными сравнениями, это вместе с тем иконичный образ Младенца Христа на руках у матери. Дед и бабка, глядя на икону, получают «лучистую радость» и утешение, т. к. видят там своего внука. Богородица, видя их счастье, тихо улыбается.

В другом стихотворении мать-старушка также видит на иконе своего умершего сына («Ус», 1912). Сначала она долго ждет его с войны:

*Заждалась сына дряхлая вдовица,
День и ночь горюя, сидя под божницей.
Вот прошло-проплыло уж второе лето,
Снова снег на поле, а его все нету.
(1, с. 103).*

Она торопит время, считает месяцы, дни, часы до возвращения сына, то и дело смотрит в окно на дорогу. Ее единственная поддержка – золотые иконы, старушка прижимается к ним. Как раз в этот момент происходит прозрение: вдова понимает, что сын не вернется, и смиренно принимает свою долю («смотрит кротко-кротко»). Но внезапно случается чудо: она видит в иконописном Иисусе своего сына. Однако в то время как ее сын умер взрослым, вдова обретает сына-отрока, который затем становится младенцем (как будто время, которое она так торопила, повернулось вспять).

Происходит перерождение не только сына, но и матери:

*Радостью светит она из угла,
Песню запела и гребень взяла.*
(1, с. 103).

Она приобретает черты святости: «лик ее старческий ласков и строг». Лик может быть только на иконе, переход от лица к лику обусловлен приближением к Богу: оно (лицо) наполняется светом, с него как бы исчезает все лишнее, и оно становится самим собой, превращаясь в лик, являя собой просветленный образ Божий [9, с. 84]. А ласковость и строгость напоминают Богородицу. Теперь все действия матери не бессмысленны (только бы заполнить время), а направлены на заботу о сыне: она берет гребень, чтобы причесать ему волосы, и кличет кур с цыплятами, чтобы позабавить, потешить его. Ее жизнь снова приобретает смысл, она словно оживает вместе с сыном.

В то же время мать видит сына внутренним, духовным зрением, а не глазами, т. к. почти ослепла («стала, уставилась лбом в темноту»). Также она больше полагается на тактильные ощущения, когда собирается причесать младенца: «крепок в руке роговой гребешок». Вдова не замечает, что кругом темнота («вечер морозный, как волк, темно-бур»), т. к. ей светит радость и сын – «светлоглазый отрок», а все остальное не важно.

Особо следует сказать о стихотворениях, в которых отразилось народное представление о Богородице и младенце Иисусе. Одно из них – «Иисус-младенец» (1916). Богородица (Пречистая) в нем управляет небесным миром, а младенец полностью зависит от матери. В его образе соединяются земные и небесные черты: он, как любой ребенок, ест кашу, плачет, играет (катается на спине у аиста), но по просьбе птиц отдает им кашу, а плачет от горя (что не свойственно младенцу). Чтобы его утешить, мать зовет птиц, но они не откликаются. Только аист пытается помочь: он забавляет младенца («господь на елочке, в аистовом гнездышке, качался», «на спине катается у белого аиста сыночек»). Ситуации кормления и забавления ребенка являются бытовыми, также сама Богородица с младенцем вписана в деревенский мир: упоминаются хата, завалянка, поле, околица и крестьянская пища – каша и хлеб. Но и этот легко узнаваемый мир наделяется необычными чертами: золоченая хата, птицы в храме. Богородица выходит за его пределы только в странствие с целью поисков сына, что можно классифицировать как сказочный мотив.

Стихотворение «То не тучи бродят за овином» (1916) можно считать своеобразным «дополнением» к «Иисусу-младенцу», т. к. в нем изображена новая ситуация, продолжающая развивать бытовое (крестьянское) представление, – печение колоба для ребенка. Колобки в крестьянских семьях пеклись специально для подрастающих детей. Так как матери зачастую некогда было кормить ребенка, хозяйки нередко ставили где-нибудь маленький коробок с хлебцами, чтобы дети, проголодавшись, приходили к нему и брали, сколько захочется [16, с. 452]. Ко-

лобки пеклись из остатков теста для пирога, с добавлением масла или молока, иногда смазывались сметаной.

В стихотворении колоб, по-видимому, предназначался не только для еды, но и для забавы, поэтому легко меняется: колоб – золоченый колоб – покатился колоб за ворота рожью. Младенец, потеряв его, плачет, но слезы «замутили душу голубую» (1, с. 248). Божья Мать заботится не только о Младенце, но и о людях, т. к. «на земле все люди человеки, чада». Колоб-месяц будет для них забавой и защитой от ночной тьмы. Люди – братья Младенца, поэтому он не должен сетовать, что колоб достался им. Богородица организует мироздание, объясняет его сыну, но их окружают бытовые реалии. Это не традиционные иконические образы: Младенец со взрослым взглядом, мать со скорбью в глазах, а вполне «живые», приближенные к людям, поэтому основным чувством является сострадание «чадам», забота о них.

Таким образом, рассмотренная группа стихотворений, в которых представлен родильный обряд или отношения «мать-дитя», составляют особую группу в поэзии Сергея Есенина. В элементах родильного обряда выявлена языческая, мифологическая основа представлений о мире, все части которого связаны отношениями взаимного родства. Они пронизывают все уровни мироздания, «природняют» как мать и дитя даже далекие стихии.

Отношения «мать – ребенок» в богородичном аспекте включают в себя не только Богородицу и Младенца, но и всех людей, любого из них как дитя, о котором мать заботится. Спецификой образов Божественной Матери и Младенца является их включенность в быт, в повседневную обстановку, приближенность к людям.

Литература

1. Есенин, С. А. Собрание сочинений: в 5 т. / С. А. Есенин. – М., 1966. – Т. 1.
2. Есенин, С. А. Собрание сочинений: в 5 т. / С. А. Есенин. – М., 1966. – Т. 2.
3. Есенин, С. А. Собрание сочинений: в 5 т. / С. А. Есенин. – М., 1966. – Т. 3.
4. Афанасьев, А. Н. Мифы, поверья и суеверия славян / А. Н. Афанасьев. – СПб., 2002. – Т. 1.
5. Афанасьев, А. Н. Мифы, поверья и суеверия славян / А. Н. Афанасьев. – СПб., 2002. – Т. 2.
6. Афанасьев, А. Н. Мифы, поверья и суеверия славян / А. Н. Афанасьев. – СПб., 2002. – Т. 3.
7. Захаров, А. Н. Есенин как философский поэт / А. Н. Захаров // Столетие Сергея Есенина: Международный симпозиум. Есенинский сборник. – Вып. 3. – М., 1997.
8. Круглов, Ю. С. Обрядовая поэзия. Книга 2: семейно-бытовой фольклор / Ю. С. Круглов. – М., 1997.
9. Лепахин, В. В. Значение и предназначение иконы / В. В. Лепахин. – М., 2003.
10. Лазутин, С. Г. Русское устное народное творчество / С. Г. Лазутин, Н. И. Кравцов. – М., 1983.

11. Павловский, М. Религия русского народа в поэзии Есенина / М. Павловский // Столетие Сергея Есенина: Международный симпозиум. Есенинский сборник. – Вып. 3. – М., 1997.

12. Прокушев, Ю. Сергей Есенин. Образ. Стихи. Эпоха / Ю. Прокушев. – М., 1989.

13. Русские писатели: биобиблиографический словарь: в 2 ч. – Ч. 1 (А-Л) / сост. П. А. Николаев. – М., 1990.

14. Сергей Есенин в стихах и жизни / вступ. ст. и сост. Н. И. Шубниковой-Гусевой. – М., 1997.

15. Солнцева, Н. М. Новокрестыанские поэты и прозаики: Николай Клюев, Сергей Есенин и др. / Н. М. Солнцева // Русская литература рубежа веков (1890-е – нач. 1920-х гг.). Книга 2. – М., 2001.

16. Шапарова, Н. С. Краткая энциклопедия славянской мифологии / Н. С. Шапарова. – М., 2001.

17. Шубникова-Гусева, Н. И. Диалог как основа творчества Есенина / Н. И. Шубникова-Гусева // Столетие Сергея Есенина: Международный симпозиум. Есенинский сборник. – Вып. 3. – М., 1997.

УДК 81.111'42:82-1

ВИЗУАЛЬНАЯ ПОЭЗИЯ КАК ОСОБЫЙ ЖАНР

Л. П. Прохорова, Е. С. Аникеева

Визуальная поэзия возникла в древности, еще в Античные времена, но подлинный расцвет данного направления в поэзии и литературе в общем начался лишь во второй половине прошлого века. Новый и весьма продуктивный этап развития визуальной поэзии связан с авангардным движением первой трети XX века, охватившим европейские страны. В России наибольший вклад в развитие этого вида искусства – как в практическом, так и теоретическом смысле – внесли футуристы и конструктивисты. На Западе возрождение визуальной поэзии произошло в 1960-е – в это время создались группы бразильской и немецкой конкретной поэзии, породившие огромный интерес к формальным экспериментам в поэзии и в мире.

В настоящее время в современной литературе точного и исчерпывающего определения визуальной поэзии пока не выработано, хотя описание термина или его составляющих уже можно найти в словарях: как в российских, так и в зарубежных. Одной из основных причин этого является то, что «большинство теоретиков выдвигают ту или иную парадигму, подкрепленную большим количеством перцептуальных наблюдений, частных признаков, недифференцированных критериев, которые в итоге противоречат друг другу.... Сложность подобной дефиниции прежде всего заключается в том, что симбиоз визуальных и семантических, логических и эстетических критериев трудно анализируется, как целостность». [Клаус Петер Денкер. Экспериментальная поэзия. – Кенигсберг, 1996. – С. 117. [Ред. В. Булатов.]. Но, несмотря на это, все исследователи визуальной поэзии сходятся в одном мнении и понимают ее как размытый культурный феномен, находящийся в богатом зазоре между литературой и визуальными искусствами.

В современном энциклопедическом словаре визуальная поэзия трактуется как «вид искусства, соединяющий в себе словесное и зрительное творчество – стихотворения, чьи строки образуют декоративные или наделенные эмблематическим смыслом фигуры и знаки».

Современный литературный словарь дает сходное с предыдущим толкование-определение данно-

му феномену: «Визуальная поэзия – авангардное направление на стыке поэзии и изобразительного искусства; визуализация текста графическими элементами, расширяющими его образное и смысловое значение. Строки текста могут быть декоративно оформлены специальными шрифтами, знаками, эмблемами, рисунками, переплетаться с узорами и прочее».

Общим элементом этих двух определений является прямое указание на то, что визуальная часть стихотворения включает в себе определенную смысловую нагрузку, которая тесно связана с его графическим оформлением. Отличие этих двух определений заключается в том, что в современном энциклопедическом словаре визуальная поэзия рассматривается как особый вид искусства, а в современном литературном словаре она является авангардным направлением.

Прежде всего, по мнению большинства исследователей, визуальная поэзия возникла как жанр, синтезирующий литературные и художественно-изобразительные стратегии, а потому на протяжении столетий оставалась маргинальной формой литературного процесса, не укладывающейся в рамки жанровой системы. «В визуальном тексте смысловая и художественная нагрузки распределяются между поэтическим сообщением и графической или изобразительной формой его выражения, причём создаваемое комплексное значение не может быть выражено ни одним из художественных средств, взятых в отдельности» [Адлер, 1998: 16]. Следовательно, в отличие от других поэтических жанров, визуальная поэзия всегда требует зрительного восприятия.

Определение, данное Ю. Гиком, отображает наиболее общий аспект данного явления, который позволяет разграничить визуальную поэзию от традиционной: «Визуальная поэзия – синтетический жанр, находящийся на стыке между визуальными искусствами и литературой». М. Сухотин дополняет данное определение своими суждениями, говоря, что «это область более речевой, чем изобразительной, поэзии, находящаяся на границе каких бы то ни было языков».

По мнению Товия Хархура, «подобное соединение вербального и визуального начал открыло неограниченные возможности для творчества». Впервые, за счет снятия ограничений, присущих по отдельности изобразительному искусству и литературе, работа в жанре визуальной поэзии, как утверждает Хархур, уменьшает ошибку, которая рождается вместе с искусством. «Во-вторых, уже на психолингвистическом уровне, создаваемые в визуальных текстах параллельные смыслы ведут к активизации обоих полушарий головного мозга, что, в свою очередь, приводит к увеличению семантической емкости произведения и, соответственно, повышению информативности текста. Кроме того, зрительный образ поэтического текста играет немаловажную, а зачастую и основополагающую роль при формировании поэтического сознания поэта. Введение визуального элемента в поэтический текст создает самостоятельный структурный уровень, который не может быть выражен ничем иным, кроме него самого».

С другой стороны, немало современных исследователей считают визуальную поэзию не поэтической формой, а совершенно отдельным видом искусства [Денкер, 1998: 13; Сигей, 1990: 22; Nazarenko, 2005: 35]. Так, Франц Мон утверждает, что «деление на жанры вообще изживает себя, если принять во внимание интермедияльные текстовые феномены, со временем играющие все более важную роль, например тексты, соотносящиеся с областью изобразительного искусства, которые могут быть описаны понятиями этих дисциплин, так же как и понятиями поэтики». [Франц Мон. «Думая о пиле». – Точка зрения: антология визуальной поэзии. 90-е гг. – Кенигсберг, 1998. – С. 40. [Ред. Д. Булатов].

А. Очертянский считает визуальную поэзию одной из составных частей смешанной техники, а не отдельным жанром. В своем суждении под «смешанной техникой» он понимает «синтетическое искусство», которое, согласно суждению Артура Лурье, представляет собой «синтез, взаимоотношение и взаимодействие слова, звука и цвета и, наконец, органическое взаимодействие искусств (не механическое их соединение), представляющее собой естественный, непринужденный переход с чистого языка одного искусства на язык другого» [из доклада «На распутье (Культура и музыка)», прочитанного в Петербурге в ноябре 1921 г. Сб. «Стрелец», сб. 3 и последн. – Пг, 1919. – С. 165].

Известный визуальный поэт и исследователь авангарда Ричард Костелянец (США) в "Словаре авангарда" отделяет визуальную поэзию от конкретной, от *poesia visiva* и от фигурной поэзии. [Kostelanetz Richard. Dictionary of the Avantgardes. – Chicago: Review Press, 1993]. Визуальный поэт Мэри Эллен Солт (США) в заключении книги "Конкретная поэзия: поэты мира", 1968 г., не дает определения даже конкретной поэзии, считая, что это означает "триумф новых экспериментальных форм". Т. Назаренко относит визуальную поэзию, как и конкретизм, леттризм, графемную живопись, недис-

курсивную или вакумную поэзию прежде всего к визуальному искусству в целом. В. Кулаков разграничивает, в свою очередь, конкретную поэзию и поэзию визуальную, основываясь прежде всего на свойстве визуальности, которое он считает имманентным для конкретной поэзии.

Другие исследователи относят визуальную поэзию к мультимедийной литературе наряду с перфомансом и сетевыми литературными экспериментами, такими как Cyber-Poetry.

Многие литературоведы считают, что визуальная поэзия входит в состав графической поэзии. Под графической поэзией они понимают произведения, воспринимаемые как поэтические, замысел и воздействие которых нельзя передать только через их текстовую составляющую, и таким образом объединяет термины «фигурные тексты», «графические тексты», «визуальная поэзия», «конкретная поэзия», которые развивались в различные эпохи. В этих произведениях нельзя отбросить визуальную сторону, в отличие от «обычного» текста, который, хоть и проявляется в письменной и, следовательно, графической форме, эту составляющую не акцентирует.

В данной работе под понятием «визуальная поэзия» понимается синтетический жанр литературы и визуальных искусств, представленный в поэтическом тексте взаимосвязанными вербальным и визуальным компонентами; два эти компонента являются смыслообразующими, так как, благодаря их взаимодействию, семантическая емкость визуального текста удваивается. «То есть увеличивается смысловая насыщенность единицы текстовой информации и тем самым повышается информативность поэтического языка» [Товий Хархур]. В основу понимания данного феномена положены «эксперименты с вербальными элементами (буква, слово, текст) с визуальной точки зрения, в том числе в возможном сочетании с художественными образами. Следовательно, в такое определение укладываются и конкретная поэзия, и фигурная поэзия, и *poesia visiva*». [Юрий Гик «Наследие дада в современной визуальной поэзии»].

Разделение визуальной поэзии на подвиды достаточно условно. Каждый исследователь в основу своей классификации кладет свое понимание данного феномена.

Наиболее полно охватывает все разновидности жанра визуальной поэзии классификация, предложенная Ю. Гиком. Он подразделяет «практику современных визуальных поэтов на три большие категории с условными названиями: постфигурная поэзия, постконкретная поэзия и «постpoesia visiva». Приставка пост – свидетельствует в данном случае на усложнение структуры произведения, относящегося к жанру визуальной поэзии.

«Под фигурной поэзией понимается прежде всего стихотворение, где графика, задаваемая количеством букв в строке, играет определяющую роль, при этом данная последовательность количества букв в строке подчиняется нелинейному закону». «Фигурная поэзия соблюдает принцип миметично-

сти. Поэмы воспроизводят своей формой предметы окружающего мира, они фигуративны по художественной композиции – не абстрактны» [Ю. Гик «Визуальная поэзия в России. Тенденции»]. Исходя из данного определения термина «фигурная поэзия», к ней относятся каллиграммы, текстовые лабиринты, палиндромы, акrostихи, перевертени, или как их называют другие литературоведы, листовертни, а также собственно фигурные стихотворения.

Подробнее мы остановимся на группе «фигурной поэзии» в виду того, что она является многочисленной и включает в себя дополнительное разделение на подвиды.

Под текстовым лабиринтом понимается сложнейшая форма, которая воспроизводится в существующих уже с древних времен стихотворениях, запись которых осуществляется не по горизонтальным строкам, а по пути следования, а именно – по лабиринту.

Палиндром (от гр. *palindromos* – 'бегущий обратно') – это словесное построение, которое одинаково (или приблизительно одинаково, с некоторыми допущениями) читается по буквам слева направо и справа налево. Опираясь на технику создания палиндрома, создаются так называемые циклодромы. Особо показательные в смысле визуальной обратимости циклодромы – это тексты, записываемые по замкнутой линии и читаемые одинаково в обе стороны при сращивании начала с концом.

Акrostихи – это стихотворения, рассчитанные исключительно на зрительное восприятие, в которых особое значение придается расположению букв, так как первые буквы их строк складываются в слово или фразу. Первые акrostихи появились уже в период античной литературы и принадлежали поэту Эпихарму (V в. до н. э.) из города Сиракузы. Вариациями акrostиха являются мезостих и телестих, в которых слова образуются соответственно из средних и последних букв. Еще одна разновидность акrostиха – алфавитный стих или абecedарий, где начальные буквы строк расположены в алфавитном порядке.

Листовертни – это особые поэтико-графические произведения, которые читаются после поворота листа бумаги на определенный угол: +90 или 180°. Перевертени первого типа называются ортогоналами, а второго – опрокидьями. По своей специфике листовертни являются совершенно уникальным визуальным протожанром работы со словом.

«Конкретные поэмы, по определению американского исследователя и художника Дика Хиггинса, характеризуются абстрактным расположением на плоскости листа и структурной оригинальностью (или хотя бы претензией на нее)». На основе данного определения к конкретным поэмам можно отнести произведения, вербальный компонент которых расположен на плоскости листа без определенных связующих элементов, и произведения необычной графической формы, созданные с использованием метода «трансмутации». Термин «трансмутация» был введен Л. Губаревой и означает «расположение буквенных сочетаний по вертикали и горизонтали,

между которыми проведены стрелки направления их чтения» [«Журнал Поэтов». – №3 (14), 2001]. Такая структура текста была названа Ры Никоновой «архитектурой» [Ры Никонова-Таршис, 1993: 25]. Особенность восприятия подобных вербальных сочетаний состоит в том, что буквы сдвинуты со своих устойчивых мест, и, чтобы восстановить слова, требуется некоторое усилие, тем более, что весь текст целиком не имеет единого направления чтения.

На основе вышесказанного Н. Фатеева определяет подобные способы создания стихотворных произведений как «тенденцию минимизации вербальной части текста», которую она противопоставляет «словотворческой тенденции порождения текста». «Минимизация связана с тем, что возрастает ценность каждой отдельной буквы, потому что она приобретает статус визуального знака». [Н. Фатеева «Динамизация формы: поиски в области смысла или эксперимент? (text, visual)»].

Третью категорию составляют произведения «*poesia visiva*». Ю. Гик дает следующее определение «*poesia visiva*» – «композиции текста и фотографии, то есть сюда, исходя из данного понимания «*poesia visiva*», можно отнести «всевозможные коллажи и смешанные техники». В контексте данной концепции термин «*poesia visiva*» употребляется в узком смысле слова. В широком смысле данное явление понимается как композиционное сочетание текста, то есть обязательное наличие вербального компонента и рисунка, иллюстрации, фотографии, представляющие собой визуальный компонент. Исходя из данного понимания этой категории, к ней можно отнести фотомонтаж, коллаж, собственно визуальные стихотворения.

Под фотомонтажом он понимает «специфический вид коллажа, где используются фотографии и вырезки из газет и журналов. Текст воспринимается как некий узор, фактура, участвующая в создании художественного произведения» [Ю. Гик. «Наследие дада в современной визуальной поэзии»].

Коллаж (франц. *collage* – наклеивание) представляет собой «технический приём в изобразительном искусстве, наклеивание на какую-либо основу материалов, отличающихся от неё по цвету и фактуре». Коллажем также называется произведение, целиком выполненное этим приёмом. Он применяется главным образом в графике для создания большей эмоциональной остроты фактуры произведения, неожиданности сочетания разнородных материалов.

Подобное членение визуальной поэзии на различные виды заведомо условно, так как оно полностью не покрывает поля всего жанра, тем более, одна и та же поэма может в принципе подходить под разные практики.

Отличительной чертой визуальной поэзии является обязательное наличие в стихотворении визуального и вербального компонентов. Для вербального выражения образа поэт сначала рассматривает его составляющие «части, потом связь этих частей

и, наконец, целое» [Товий Хархур. «Слияние поэзии и живописи». «Поэт же, излагающий свои мысли последовательно, сталкивается с проблемой создания образа из-за того, что ему приходится описывать каждую составную часть отдельно, то есть для того, чтобы создать целостный образ, поэт должен затратить достаточно много поэтического времени, на протяжении которого могут забыться ранее намеченные составные» части [Товий Хархур. «Слияние поэзии и живописи». Таким образом, главным недостатком одного вербального изложения является частичная потеря смыслообразующих деталей. Руководствуясь данным фактом, поэты начинают вводить в свое поэтическое произведение визуальный компонент, который не только дополняет и заменяет потерянные детали с целью достижения емкости смысла визуализированного вербального текста, но и который зачастую воплощает в себе и сам образ, представленный в виде иллюстрации, фигурного расположения строк стихотворения, либо особой структурой записи поэтического текста.

Таким образом, визуальный компонент служит интермедийным фоном для поэтического текста. Термин «интермедийность» в данной работе употреблен в узком смысле и обозначает «особый способ организации художественного текста, при котором языки различных видов искусств взаимодействуют друг с другом». «В визуальной поэзии возможность вербального искусства описывать действие в его продолжительности компенсирует соответствующий недостаток визуального искусства. А возможность одновременного представления нескольких объектов в визуальном искусстве дополняет вербальное» [Товий Хархур. «Слияние поэзии и живописи». При соединении пространственных элементов живописи с поэтическим текстом в произведении возникают параллельные смыслы, имеющие особенное психическое воздействие на читателя [Товий Хархур. «Слияние поэзии и живописи». Большой интерес в этой связи представляют стихотворения, созданные с помощью средств изобразительного искусства и самого текста, на основании которого можно произвести лингвистический и литературоведческий анализ.

В таких стихотворениях выделяется определенная конструкция построения их структуры, включающая в себя ряд признаков. Для данного исследования особенно актуальны следующие:

- текст стихотворения, представляющий собой вербальную его часть, обладает определенным смыслом;
- средства изобразительного искусства, используемые при создании стихотворения, являются его визуальным компонентом и также наделены определенным значением и несут свою смысловую нагрузку;
- два эти компонента находятся в определенной зависимости друг от друга. Смысл, выраженный вербально, не всегда может совпадать со смыслом, выраженным визуально;
- основная функция визуального компонента – смыслообразующая и усилительная;

- наличие игрового компонента в стихотворении;
- стихотворениям данного вида свойственен игровой компонент, который помогает читателю понять весь смысл, заложенный в его двух составляющих.

Один из ярких примеров сочетания визуального и вербального компонентов является стихотворение Кенес Петчен «An interview with the floating man». В нем автор сочетает вербальную часть (текст) и визуальную, то есть рисунки.

Все стихотворение разделено на три части и представляет собой диалог между лирическим героем и его собеседником. Это следует из самого названия, так как слово «interview» означает «встречу с человеком для того, чтобы узнать его мнение по каким-либо вопросам, обстоятельствам» («meeting with a person whose views are requested»). [Oxford student's dictionary of current language / A. S. Hornby. – P. 327]. Следовательно, это диалог, главной целью которого является узнать мнение собеседника.

An interview with the floating man.

*But if you see no hope
At all, ain't it part of...
Well, a lie all your talk
About how human beings
Must love one another?*

*Yes my friend, it is a lie
Already on the calendar glazes
The moment of all – freeing
The Truth... of Peace & Brotherhood
Of Equality & Integration
- an end to misery and fear and hatred.*

*Why, in that wonderful moment
Even their skins (had they skins)
Will be a quite acceptable
Color of cinder black.*

Данное предположение оправдывается также расположением этих трех частей на листе бумаги (один из методов визуализации текста). Первая (условно ее можно назвать «вводной») часть содержит в себе вопрос лирического героя («Well, a lie you talk about how human beings must love one another?»). Данное предположение по своей структуре не является вопросительным, но автор маркирует его вопросительным знаком, тем самым заставляя читателя задуматься на нем. Все его члены и их порядок расположения свидетельствует о его утвердительном характере.

Ответ на этот вопрос мы видим во второй части данного стихотворения, расположенной в правой части листа.

Третья часть представляет собой слова лирического героя, который, на основании слов своего собеседника, делает определенные выводы.

Каждая часть представляет собой законченное высказывание, наделенное определенным смыслом. Смысл каждой части тесно взаимосвязан с последующей, так как было уже сказано выше, структура стихотворения представляет собой форму диалога.

В данном стихотворении смысл вербального компонента формируется путем сочетания прямого и переносного значений. Поэтому уместнее проанализировать смысловое значение названия и каждой части (как прямое, так и косвенное) и рассмотреть их соотношение и взаимодействие с визуальным компонентом.

Название в прямом значении создает перед читателем картину рассуждений лирического героя со своим собеседником. Существование косвенного значения основывается прежде всего на том факте, что словосочетание «the floating man» является многозначным. В прямом значении данное сочетание означает «плывущий/несущийся человек», в то время как в переносном смысле оно обозначает «человека, который возникает в чьих-либо мыслях», то есть это «воображаемый собеседник». На основании этого мы можем сделать вывод, что лирический герой разговаривает сам собой, со своим внутренним «Я», то есть ведет диалог со своим сознанием. Наличие переносного значения текста также подтверждается используемым визуальным компонентом. Автор использует образы фантастических, вымышленных существ для того, чтобы подчеркнуть нереальность предполагаемого собеседника.

Основной смысл первой части заключается в том, что собеседник солгал лирическому герою в их беседе. Ложь эта связана с вопросом о любви людей («how human beings must love one another»). В переносном смысле данная часть несет совсем другое значение. Так, первое предложение является не законченным по своей структуре («But if you see no hope at all, isn't it part of ...»). Используя фигуру умолчания, автор подчеркивает, что лирическому герою не обязательно договаривать предложение до конца, ведь он его знает от первого до последнего слова. В этой части налицо конфликтная ситуация между реальным, существующим лирическим героем, и его внутренним двойником. На основании это-

го можно сделать вывод, что лирический герой находится в противоречивых отношениях со своим вторым «Я».

Вторая часть представляет собой ответ собеседника, причем этот ответ основывается на реально существующих мироощущениях («an end to misery and fear and hatred»). Ведь зачастую в нашем мире любовь, о которой идет речь, сопряжена со страданием и несчастьем. Это показывает, что «внутренний собеседник» лирического героя не оторван от реальности, а, наоборот, основывается на ней.

В третьей части лирический герой протестует против слов своего собеседника. Так, междометие «why» в данном контексте означает «восклицание, подразумевающее протест, удивление, колебание». Те глянцевые страницы, о которых говорит ему его внутреннее «Я», лирический герой желает увидеть сожженными («will be quite acceptable color of cinder black»). Он не стремится к реальности, в отличие от своего внутреннего «Я». Идея этого подчеркивается автором в том, что у лирического героя есть определенная интенция видеть то, что написано, а то есть и является реальным, уничтоженным, разрушенным. Здесь просматривается стремление лирического героя к нереальному, фантастичному.

Таким образом, из всего вышесказанного следует: в данном стихотворении визуальный компонент взаимодействует в полной мере только с переносным смыслом вербального компонента, создавая единую картину для восприятия читателем. Эти два компонента являются взаимосвязанными. Визуальная часть стихотворения предстает как средство, с помощью которого раскрывается идея и тайный смысл этого стихотворения. Рисунки существ наталкивают читателя на размышления о их реальности, а следовательно, и на реальность самого диалога. Автор, комбинируя визуальный и вербальный компоненты, создает игровой момент в своем стихотворении, что является одним из основных признаков визуальной поэзии.

Как справедливо заметил Вольфганг Исер, воссоздание смысла возможно лишь в ходе диалога между читателем, текстом и заложенными в нём герменевтическими возможностями [Iser, 1978: 111]. Несомненно, что сама природа визуальной поэзии предполагает наличие более широких диалогических возможностей по сравнению с другими литературными жанрами, доступность которых зависит от уровня владения языком, на котором они созданы. Визуальная поэзия оперирует не только и не столько словами. А следовательно, понимание визуального произведения, созданного на незнакомом или малознакомом языке, отнюдь не исключает возможности его интерпретации и эстетической оценки. Как считает Ярс Балан, «одно стихотворение-рисунок может сказать больше, чем тысяча слов...» [Balan, 1999: 7].

Литература

1. Адлер, Д. Непрерывность традиции визуальной поэзии. Типология и систематика фигурных стихов / Д. Адлер. – 1998. – С. 16.
2. Balan, J. Cantextualities: because one picture-poem can say more than a thousand words...» / J. Balan // Open Letter. – № 6, 1999. – С. 7 – 17.
3. Булатов, Д. Точка зрения. Визуальная поэзия: 90-е годы / Д. Булатов // Калининград-Кенигсберг: Симплиций. Визуально-поэтическая идея. Реконструкция архива. – 1998. – С. 11А.
4. Гик, Ю. Визуальная поэзия в России. Тенденции // Эл. ресурс. – Режим доступа: <http://www.rastko.org.yu/rastko/delo/12330>.
5. Денкер, К. П. Визуальная поэзия: проблемы и свобода жанра / К. П. Денкер; перев. И. Циммерман. – 1998.
6. Денкер, К. П.- Экспериментальная поэзия / К. П. Денкер. – Кенигсберг, 1996. – С. 117. [Ред. В. Булатов].
7. Доклад «На распутье (культура и музыка)», прочитанного в Петербурге, в ноябре 1921 г. – Сб. «Стрелец», № 3 и последн. – Пг, 1919. – С. 165.
8. Iser, W. The Act of Reading: a Theory of Aesthetic Response / W. Iser. Baltimore: John Hopkins UP, 1978. – С. 111.
9. Kostelanetz, R. Dictionary of the Avantgardes / R. Kostelanetz. – Chicago: Review Press, 1993.
10. Мон, Ф. Думая о пиле. – Точка зрения: антология визуальной поэзии. 90-е гг. / Ф. Мон. – Кенигсберг, 1998. – С. 40. [Ред. Д.Булатов].
11. Никонова-Таршис, Р. Архитектура / Р. Никонова-Таршис // Поэтика русского авангарда. Кредо. – 1993. – № 3 – 4.
12. Фатеева, Н. Динамизация формы: поиски в области смысла или эксперимент? (text, visual).
13. Хархур, Т.«Я ВИЖУ СЛОВО, или методы визуализации поэтического текста» / Т. Хархур // Слияние поэзии и живописи.

УДК 81' 271-057.87

ЖАНРЫ ПРИВЕТСТВИЯ И ПРОЩАНИЯ В РЕЧИ СТУДЕНТОВ*Т. Г. Рабенко, Е. А. Черепанова*

Общая направленность современной лингвистики на изучение речи в коммуникативно-прагматическом аспекте и, как следствие, установление корреляции между структурой речевых произведений и компонентами коммуникативной ситуации предопределяет повышенный интерес исследователей к различным жанрам (в дальнейшем речевой жанр – РЖ) человеческого общения.

В настоящее время в научной литературе представлено множество определений жанра, которые в целом, вслед за Т. С. Кирилловой (8, с. 78), можно разделить на три группы:

1) концепции, в основе которых лежит классическое определение жанра как «вида», «типа культурной реалии» (Аристотель, Н. Буало). Есть мнение, что такой подход «малопригоден для лингвистического изучения речи, поскольку он лишен необходимой гибкости и динамизма» (8, с. 78);

2) концепции, базирующиеся на описании отдельных аспектов жанровой организации речи. В этих исследованиях отмечается существование стереотипов, устойчивых форм речи и речевого поведения (Ю. М. Скребнев, Е. Ф. Тарасов, Н. Ю. Шведова), соответствие речевых действий типу действительности (Е. М. Верещагин, В. Г. Костомаров, О. А. Лаптева, С. Н. Черемисина);

3) исследования, реализующие речеведческий подход к РЖ. Они опираются на концепцию РЖ М. М. Бахтина, определившего в свое время РЖ как «относительно устойчивые тематические, композиционные и стилистические типы высказываний» (1), возникающих на базе некоего стереотипа речевого поведения. Основанный на определении РЖ как феномена речи, обозначенный аспект представляет РЖ как особую модель речевого высказывания, описа-

ние которой сводится к исчислению моделей и изучению их воплощения в различных ситуациях. Создание модели РЖ, являясь основополагающим моментом данного подхода, подразумевает, в свою очередь, установление комплекса жанрообразующих признаков, необходимых и достаточных для опознания, характеристики и конструирования РЖ.

Настоящее исследование располагается в лоне речеведческого подхода к РЖ, в соответствие с этим жанровая концепция научного анализа опирается на работы М. М. Бахтина и его последователей: Н. Д. Арутюновой, В. В. Дементьева, К. Ф. Седова, М. Ю. Федосюка, Т. В. Шмелевой и др.

В системе разнообразных жанровых форм особо выделяется группа этикетных РЖ, которые становятся объектом научного исследования с открытием перформативов как особого класса речевых актов (Э. Бенвенист, Дж. Р. Серль, Дж. Л. Остин). Таким образом, проблематика, связанная с функционированием в речи этикетных формул, давно находится в центре внимания ученых. Русский речевой этикет рассматривается с различных позиций: прагматики (В. И. Карасик, Н. Г. Тырникова, Н. И. Формановская), лингводидактики (Е. М. Верещагин, В. Е. Гольдин, Н. И. Формановская), лексикографии (А. Г. Балакай), социолингвистики (И. А. Бутенко, А. А. Зубарева, С. В. Леорда) и др. Традиционно вопрос об употреблении формул речевого этикета решается на материале художественных произведений, что «позволяет составить представление о языке исследуемой эпохи. Однако не дает объективной картины функционирования формул речевого этикета в речи различных социальных групп» (5, с. 3).

Целью данной статьи является описание этикетных РЖ – приветствие и прощание – как определенных моделей речевого общения и выявление языковых средств их реализации. В качестве фактологической базы исследования выступают материалы обозначенных РЖ, извлеченных из разговорной речи студентов вузов г. Кемерово (всего около 400 словоупотреблений формул приветствия и прощания). Данные РЖ выбрана нами в качестве объекта научного изучения неслучайно, поскольку есть наблюдение, что студенческая аудитория чаще всего экспериментирует именно с этикетными формулами приветствия и прощания (11, с. 11). Материал исследования получен методом скрытого наблюдения (речь записывалась от руки в условиях неформального и официального общения студентов), а также методом анкетирования в период с 2006 г. по 2008 г.

Речевая культура современных студентов, безусловно, представляет сегодня значительный интерес для ученых, так как именно студенты быстрее всех подмечают различные изменения в языке и реагируют на них. Члены данной группы являются будущими специалистами – представителями интеллигенции, которая, по глубокому убеждению С. В. Леорда (11, с. 3), будет продолжать оказывать наибольшее влияние на формирование, отбор и сохранение норм языка в дальнейшем. Студенты являются уникальной социально-возрастной группой, специфика которой во многом определяется следующими параметрами: повышением социального статуса в достаточно короткий срок, быстро протекающим процессом социализации молодого человека, практически моментальным реагированием на общественные изменения, а кроме того, остатками детского (школьного) восприятия мира (10, с. 112).

Прежде чем перейти к описанию жанровых форм приветствия и прощания в речевом общении студентов, определим, какова специфика этикетного речевого поведения в целом.

По мысли Т. Г. Винокур (3, с. 6 – 7), языковая жизнь общества во многом определяется неким социо-стилистическим феноменом, называемым речевым поведением («речевые поступки индивидуумов в предполагаемых обстоятельствах»), которое в свою очередь, имеет функциональные варианты, определяемые целью речевого общения: информативной, где речевой акт направлен на сообщение (информативное речевое поведение), или фатической, связанной со стремлением человека вступить в общение (фатическое речевое поведение). В жанровом пространстве фатического общения, помимо прочего, располагается этикетная коммуникация, являющаяся важной частью коммуникативной деятельности человека. Этикетная модель поведения, представленная стереотипной последовательностью коммуникативных ходов, принятых в определенной лингвокультуре и выполняемых автоматически, отражает статусно-ролевые предписания данного общества для обеспечения бесконфликтного общения в стандартных ситуациях. Внутренним содержанием этикетной модели поведения являются коммуникативные тактики позитивного самопредставления и

вежливого представления адресата, а внешним выражением выступают этикетные речевые формулы и/или этикетные невербальные знаки, реализующие, в свою очередь, первичные жанры этикетного общения (знакомство, приветствие, прощание и др.). Общая ситуативно-целевая задача речевого этикета – говорить, чтобы высказаться и встретить понимание, опознать себя как достойного члена данного социума. Речевой этикет призван сохранить сложившийся тип отношений, отдать дань привычке к обмену мнениями, эмотивной эксплицированности речевого поведения, в которой отсутствует информативная необходимость. Предписывая обществу некую систему устойчивых формул общения с целью установления речевого контакта, речевой этикет включает в себя определенные «социально заданные и национально обусловленные специфичные правила речевого поведения в ситуациях установления, поддержания и размыкания контактов коммуникантов в соответствии с их статусно-ролевыми и личностными отношениями в официальной и неофициальной обстановке общения» (15, с. 48). В узком смысле слова речевой этикет может быть охарактеризован как система языковых средств, в которых проявляются этикетные отношения. Речевой этикет связан с понятием «этикета» (от франц. – ярлык, этикетка), который являет собой «совокупность правил поведения, касающихся отношения к людям (обхождение с окружающими, формы обращения и приветствия, поведение в общественных местах, манеры, одежда» (12, с. 79).

Участники этикетной речевой ситуации строго следуют внешней, ритуальной традиции ведения беседы, представляя себя в качестве вежливого члена языкового коллектива. Происходит социокультурная инициация: говорящий сообщает, что знаком с традициями, что он в этом обществе «свой». В итоге рассмотрение этикетного речевого поведения связывается с описанием ритуала как этнокультурного феномена, ибо ритуальные действия составляют неотъемлемую часть этикета. Исследование этикетного поведения как разновидности ритуального позволяет представить этикетные РЖ в качестве реализации определенного типа речевого действия, которое организует речевое взаимодействие и позволяет правильно интерпретировать поведение других людей.

Человеческая культура транслируется в определенную манеру общения, т. е. в стереотипное поведение. Повторяемость и стереотипность жизненных ситуаций приводят, в свою очередь, к образованию стандартных, шаблонных фраз, называемых «стереотипными высказываниями», которые закрепляют способы выражения наиболее частотных и социально значимых коммуникативных намерений и образуют в итоге микросистемы, среди таковых – область речевого этикета. Предписывая определенные типы речевого поведения, правила успешного взаимодействия коммуникантов соотносятся с представлениями о ритуализованном поведении, представляющим собой стереотипное поведение как ясно осознаваемое социализированной лично-

стью модели поведения. Ритуал, как главный механизм коллективной памяти, регулирующий социальную жизнь общества, являет собой систему речевых действий, совершаемых по строго установленному порядку, традиционным способом и в определенное время (9, с. 100). Представая в виде некой ситуативной модели, иначе, сценария, ритуал наделяет человека определенной «маской», обязует его следовать шаблону, соответствующему нормам данного социума. Этикетное поведение, будучи ритуализованным по своей природе, включает в себя ритуальные сценарии общественного поведения или, иначе, правила оформления высказываний. Человек в процессе социализации усваивает этикетные жанровые формы, предусматривающие правила взаимодействия с партнером, особенности ориентации в пространстве социального взаимодействия. В ритуальном поведении, выражающемся в стремлении к заданному коммуникативному взаимодействию, ритуальная роль коммуниканта включает такие коммуникативные установки, как ориентация на адресата, учет его статусных характеристик, прогнозирование речевых реакций, моделирование отношений с адресатом в рамках конвенциональных норм.

Различные субкультуры располагают различными наборами средств, с помощью которых в них регламентируются статусные отношения. Наиболее отчетливо эти отношения, по наблюдению исследователей, выражены именно в этикетных высказываниях. Установлено, что специфика речевого поведения сопрягается, в частности, с различиями в употреблении единиц речевого этикета у представителей разных социальных групп, выделяемых на основании таких критериев, как:

- возраст: формулы речевого этикета, связываемые с молодежным жаргоном (*Алё, Хай, Покедова, Поки-Поки*); формы вежливости в речи людей старшего поколения (*Добрый день, Добрый вечер и т. п.*);

- образование и воспитание: более образованные и воспитанные люди тяготеют к более аккуратному употреблению единиц речевого этикета, широко употребляют Вы-формы;

- пол: женщины в среднем склонны к более вежливой речи, реже употребляют грубую, близкую к бранной и обценной лексику, более щепетильны в выборе тем и др.

Таким образом, речевой этикет призван выполнять следующие коммуникативные функции: способствовать установлению контакта между собеседниками, привлечению внимания слушателя, выделению его среди других потенциальных собеседников, помогать определению статуса происходящего общения (дружеского, делового и др.), формированию благоприятной эмоциональной обстановки для общения и оказанию положительного воздействия на слушателя.

Этикет как совокупность правил поведения состоит из различных способов выражения типичных, социально закреплённых и общепринятых норм общения. Эти нормы приняты во всем обществе, одна-

ко в разных его слоях и группах сосуществуют различные их варианты, несущие особые смысловые нагрузки. Восприятие представителями одной субкультуры ряда этикетных формулировок, принятых в другой, нередко рождает негативное отношение, иногда доходящее «до культурного шока» (2). В каждой общественной группе складываются, а иногда и сознательно устанавливаются, типичные для членов данной общности формы поведения. Являясь обычными для входящих в нее людей, они становятся признаками принадлежности к тому или иному коллективу, определенному социальному слою. По мнению В. И. Карасика, этикетное поведение, с одной стороны, представляет собой «супериндивидуальную характеристику субъекта», а с другой – демонстрирует «его принадлежность к определенной части общества» (7, с. 83). Измерение отношения людей оказывается в итоге сравнением их социальных ролей и национально-культурной принадлежности в целом. У этикетных действий, таким образом, есть функция пароля: «Он ведет себя так, как мы, – значит, он свой, пароль ему известен» (4, с. 33). Поскольку этикет речевого поведения присущ каждой социальной группе, он служит средством отграничения от членов других групп. И сами явления речевого этикета различаются в зависимости от социального статуса участников коммуникации. Различные единицы речевого этикета употребляются в зависимости от социальных ролей, которые принимают на себя участники коммуникации. Здесь важны как социальные роли сами по себе, так и их соответствующее положение в общественной иерархии. При общении между двумя студентами, между студентом и преподавателем, между родителями и детьми – в каждом отдельном случае этикетные требования могут быть очень разными. Одни единицы сменяются другими, функционально однородными, но противопоставленными стилистически. Так, в перечисленных ситуациях могут быть уместны разные формулы приветствия: *Привет, Приветтики, Здорово, Пока, Покедос, Будь, Бывай* (в неофициальной обстановке); *Здравствуй, Здравствуйте, До свидания* (чаще в официальной ситуации).

Традиционно к этикетным средствам относят устойчивые разговорные формулы, этикетные клише, тесно связанные с определенными коммуникативными ситуациями. Однако «поток этикетной информации практически непрерывен» (4, с. 45). По мнению Н. И. Формановской, можно говорить как о специфических этикетных речевых актах, так и об этикетной рамке, которая охватывает все классы речевых актов и «организует любой текст в границах принятых и дозволенных норм» (15, с. 79). В целом в дискурсе, по словам Н. Г. Тырниковой (14, с. 150), можно выделить сложную этикетную структуру, в которую входят этикетный каркас, этикетные вкрапления и этикетная рамка.

Этикетные вкрапления представляют собой отдельные речевые акты, встроенные в структуру дискурса или образующие самостоятельный мини-дискурс. Этикетные вкрапления включают в себя

выражения благодарности, извинения, поздравления, соболезнования и др. В свою очередь, этикетный каркас, также являясь особой составляющей этикетного дискурса, выполняет функцию поддержания контакта в определенной тональности. Он представлен в любых текстах, независимо от степени официальности/неофициальности, симметричности/асимметричности коммуникации и темы общения. Элементы этикетного каркаса относятся чаще всего к неспециализированным средствам речевого этикета, которые используются в процессе общения для поддержания контакта и демонстрации внимания и взаимопонимания собеседников.

Этикетная рамка служит установлению и замыканию контакта, фиксируя наиболее устойчивые точки разговора: его начало и окончание. Она образуется такими специализированными речевыми этикетными средствами, как приветствия и прощания, включая порой, кроме клишированных формул обращения. Элементы этикетной рамки задают и проясляют характер взаимоотношений между коммуникантами.

Совокупность правил первоначального межличностного взаимодействия, касающихся внешнего проявления отношения к людям, составляет этикет приветствий. [См.: *Приветствие – принятое обращение (слова, жест, движение) при встрече* (13, с. 395)]. В работах, посвященных речевому этикету, под приветствиями, рассматриваемыми как часть национального речевого этикета, понимаются клишированные формулы, выполняющие этикетную функцию установления контакта. Приветствие – одно из проявлений вежливости, которое представляет собой форму взаимного уважения. В соответствии с принятыми в обществе нормами этикетного речевого поведения, приветствие в любой ситуации должно показывать расположенность и доброжелательность участников коммуникации. На характере приветствия не должно сказываться настроение или негативное отношение к другому человеку. Однако в студенческой среде заметны некоторые отступления от этого этикетного правила. Выбор одной из форм зависит от специфики ситуации общения, статусно-ролевых позиций коммуникантов и характера взаимоотношений между ними. Так, слово «Привет!» среди студентов является самой распространенной единичной приветствия. Если адресант в хорошем настроении и/или здороваается с близким и хорошо знакомым ему человеком, то он использует такие варианты: «Приветик», «Приветики», «Приветствую», «Привет Пушкину!» (последнее выражение можно услышать в качестве приветствия студентов-филологов либо прощания с ними). Тем самым говорящий посылает адресату долю положительных эмоций, выражает свое позитивное отношение к партнеру. При вежливом неконфликтном общении приветствия зачастую реализуются в форме диалога:

(встреча молодых людей)

– Она! Привет, Серый! Давай ты меня до Пионерского (бульвара) прокатаешь?

– Здорова, садись.

Но встречаются и такие примеры, в которых формула вежливости остается лишь знаком. В таких случаях «Привет!» используется в речи студентов, которые находятся в плохих отношениях или тесно не общаются, но могут при случае обратиться друг к другу с просьбой. Таким образом, они поддерживают знакомство и общение, но сохраняют определенную дистанцию. В этих ситуациях «Привет!» выполняет чисто фатическую функцию. Как отмечено выше, существуют некоторые нормы вежливого поведения в определенных речевых коллективах. Эти нормы, будучи различными в разных сообществах, обычно не осознаются. Однако нарушение таких норм является резким сигналом изменения во взаимоотношениях участников общения. Менее вежливое, чем ожидается, приветствие воспринимается как знак неуважения, обиды и т. п. Так, простой кивок при встрече хорошо знакомых, не видевшихся долгое время представителей студенческой аудитории, может заставить адресата задуматься над таким поведением.

В речи большинства студентов время от времени допускаются вокальные помехи («лишние» звуки или слова, нарушающие беглость речи), среди них: «э-э-э», «ладно», «типа», «ну»: «Ну, пока», «О! Типа привет, что ли?!», «Ладно, давайте!».

Прощание, рассматриваемое как элемент этикетной рамки дискурса, представляет собой комплекс средств, используемых собеседником для вежливого, неконфликтного завершения общения. [См.: *Прощание – действие по глаг. прощаться (см. проститься в 1 знач.)*. Проститься – обменяться рукопожатием, словами приветия и т. п. при расставании с кем-л. (13, с. 548, 526)]. Традиционно под прощанием понимается минидиалог, в ходе которого происходит обмен клишированными этикетными фразами:

(прощание молодого человека и девушки) – Катюха, покедова!

– Пока, пока!

В процессе исследования обнаруживается, что основные этикетные формулы в общении современных студентов упрощены до предела. Традиционное приветствие – *Приветики! Приветик!; прощание – Давай!, Ну давай!, Пока! Покедова!, Будь!, Бывай!* Более вежливыми и эмоциональными считаются формулы: *Счастливо!, Удачи!, Успехов!*

В неофициальных ситуациях общения студентов преобладает фатическое общение, а значит, этикетные формулы используются для установления и поддержания контакта с собеседником, указывают на позитивное отношение коммуникантов друг к другу. На выбор и количество этикетных формул в речи влияют не только психологический тип личности говорящего и слушающего, но также тип темперамента и гендерная принадлежность говорящего. В речи студентов (преимущественно мужчин; это связано с их природным стремлением к лидерству) часто встречаются нестандартные этикетные формулы, в которых используются различные приемы языковой игры: прием рифмованного эха – *Привет – буфет!, Привед – медвед!;* каламбу-

ра – *Здоровенько (-и) были (булы)!, Доброе урище, бабоньки!, Пиливетики, Давай обздороваемся!, Покедофф!*, прием цитации – «*Я пришел к тебе с приветом...*» (последний пример зафиксирован в речи студента-филолога). Очень распространены этикетные формулы, заимствованные из других языков: *Буэносы, амигосы! Хай! Hello! Хайц! Чао!* (последнее при приветствии и прощании). Студенты могут трансформировать иноязычные этикетные формулы (*Хаюшки!* от англ. Hi!) и распространять их (*Бай! Дуй!, Бай-бай!, Ну бай тебе!*). По наблюдению

С. В. Леорда (10, с. 114), экспериментировать над формой иностранного слова – один из самых интересных приемов языковой игры в студенческом общении. Знание иностранных языков при этом используется для дополнительной демонстрации собственного уровня образованности и эрудированности.

Таким образом, наряду с использованием общепринятых этикетных формул, студенты применяют в своей речи и «специально изобретенные», употребляемые (постоянно) только в студенческой среде:

- 1) (встреча молодых людей)
 - *Привет, как учеба? Прёт?*
 - *Ага, только не я её, а она меня!*
- и индивидуальные:
- 2) (разговор по телефону)
 - *Good morning, Пах!*
 - *Ты время видел? Bad morning!*

Последний тип этикетных формул, кроме своих основных, жанрово predetermined функций, выполняет и иные, «сиюминутно необходимые» автору (например сообщить, сигнализировать о своем эмоциональном состоянии).

Установлено, что система этикета внутренне неоднородна. При этом самой меньшей жесткостью и самой большей вариативностью характеризуется бытовой речевой этикет, который оказывается основанным не только на этикетных формулах; более того, в ряде случаев говорящие могут обойтись в разговоре и совсем без них, хотя при этом не будут преследовать никаких целей, кроме этикетных. К примеру, в качестве приветствия в разговорной речи студентов вполне адекватна этикетная жанровая форма без собственно формулы приветствия. В собранном материале выделяются фразы, используемые в качестве приветствия, но не относящиеся к клишированным формулам:

- 1) (встреча студентов в коридоре университета)
 - *Ой, Анька! Сто лет тебя не видела! Ну, как дела?*
 - *Приветик. У тебя с курсовиком как?*
- 2) (встреча студентов в библиотеке)
 - *О, Кать, а ты здесь какими судьбами? (шутливым тоном).*
 - *Здорово, да вот, решила осчастливить эти стены своим присутствием.*

Инициальная фраза воспринимается как приветствие, поскольку второй участник диалога отвечает

на нее обычной приветственной формой. См. в качестве прощания:

- 1) (молодые люди на крыльце университета)
 - *Ну, давай, пока!*
 - *Будь!;*
- 2) (молодой человек и девушка)
 - *Покедова!*
 - *Звони! Не теряйся!*

Кроме этих выражений, не относящихся к традиционным приветствиям, но выполняющих их функцию в коммуникативном процессе, в этикетную рамку могут входить некоторые элементы помимо клишированных этикетных форм (6, с. 46). Среди них фразы, сигнализирующие об узнавании по телефону, и фразы, не относящиеся к этикетным приветствиям, но тесно с ними связанные и производимые сразу после них, практически автоматические:

- (разговор по телефону) 1) – *Привет, Лен! Как дела?*
- *Да, так себе.*
- (встреча девушек) 2) – *Лен, приветик! Чем занимаешься? Погуляем?*
- *Да ничем, заходи.*
- (встреча молодых людей) 3) – *О, кого я вижу! Как дела?*
- *Да нормально все. Как сам?*
- 4) – *Далеко собрался?*
- *Вот, что-то на пары решил сходить.*

Подобные этикетные формулы, как и собственные приветствия, способствуют установлению контакта и свидетельствуют о желании продолжить общение. Эти формулы тесно связаны с этикетной ситуацией приветствия и являются чисто фатическими вопросами, не требующими ответа, по крайней мере, развернутого.

Вежливость, которая лежит в основе этикетного речевого поведения, безусловно, не может сочетаться с агрессивным отношением к собеседнику, однако такое отношение довольно часто проявляется в процессе общения современных студентов друг с другом и считается в их среде вполне обычным, нормальным явлением. В ситуации дружеского неофициального общения грубость и фамильярность (опять же с позиции представителя иной субкультуры) постоянны, в частности, суффикс *-к-* в составе имени собственного не имеет пренебрежительного оттенка и считается нормой общения: – *Катька, привет!;* – *Здорова, Сашка!* и т.п. Отсутствие сниженной, вульгарной лексики в речи является индексом особой ситуации и может в ряде случаев расцениваться как нарушение норм, принятых в данном коллективе.

Несмотря на то, что вежливое отношение к собеседнику не позволяет говорящему использовать в речи сниженные слова, инвективы, обценную лексику, речь современных студентов становится всё более агрессивной, а значит, грубые слова используются в ней всё чаще. Употребление инвективных слов гендерно дифференцировано: более склонны к экспериментированию с грубой, табуированной

лексикой молодые люди: (встреча молодых людей – давних знакомых)

- *Здрасьти!*
- *П*ду покрасьте!*
- *Ну, тогда здорова!*
- *Здорова п*да у коровы!*

Сознательное использование в собственной речи сниженной лексики студенты объясняют ее особыми функциями для данной группы, а именно – как способ снятия профессионального напряжения, способ самовыражения и выделения из общей массы и, самое главное для молодежного общения, способ сломать существующие в обществе стереотипы общения.

Особо следует отметить изменения в общении современных студентов с преподавателями. Ряд студентов не считают нужным сегодня вербально приветствовать преподавателя. При этом студенты в процессе общения порой демонстрируют пренебрежительное отношение к преподавателям. По наблюдению С. В. Леорда (10, с. 115), на фоне усиления фамиллярного отношения студентов к преподавателям наблюдаются факты копирования традиций (не самых лучших) европейского и американского стиля общения: к примеру, обращения к преподавателю только по имени. Мы согласны с позицией исследователя: такого плана взаимодействие студентов с преподавателями даже при неофициальном общении, безусловно, неприемлемо для русской речевой культуры. Если, по данным С. В. Леорда, такая форма общения практикуется в некоторых саратовских учебных заведениях, то в вузах г. Кемерово подобного рода форма общения нами не обнаружена.

Известно, что смысл любой коммуникации определяется не только тем, какие сказаны слова, он зависит еще и от непременно сопутствующих им невербальных знаков и сообщений. Обнаруживаются следующие паралингвистические знаки, требуемые этикетными правилами приветствия/прощания: рукопожатия (преимущественно при общении молодых людей), похлопывания по плечу, обнимание, поцелуй и т. п. Невербальная коммуникация включает в себя такие движения и особенности поведения человека при передаче им вербального сообщения, которые истолковываются как имеющие смысл. Так, когда кто-либо из студенческой аудитории громко произносит: «Ну, давай! Пока!» и хлопает рукой по спине (плечу) собеседника, то громкость голоса и похлопывание можно интерпретировать как намеренное подчеркивание смысла сказанного, а также способ выделить собеседника из группы. Движения в целом и жесты в частности во многом помогают передать смысл того, что хотят сказать. Они порой могут заменить слово или целую фразу. Студенты постоянно куда-то спешат, и в связи с этим считается вполне приемлемым в ситуации приветствия простое похлопывание по плечу, рукопожатие или улыбка без использования вербальных маркеров.

Одним из методов предпринятого исследования, как отмечено, является метод анкетирования. В

предложенную информантам анонимную анкету, где необходимо обозначить свой пол и возраст, были включены следующие вопросы:

- 1) каким образом Вы здороваетесь и прощаетесь со своими сокурсниками: девушками и молодыми людьми (в целом людьми Вашего возраста);
- 2) ...преподавателями (в целом людьми старше Вас);
- 3) ...малознакомыми людьми;
- 4) ...людьми, вызывающими у Вас антипатию.

Исходя из данных анкетирования, предварительно можно отметить следующее: отвечая на поставленные вопросы, при заполнении анкеты информанты чаще используют стандартные этикетные формулы, редко задействуют приемы языковой игры, этикетные формулы гендерно практически не дифференцируются. Таким образом, полагаем, что письменная форма языка несколько дисциплинирует студенческую аудиторию, поэтому для того, чтобы выявить истинную картину этикетного речевого общения в студенческой среде, стоит сосредоточиться прежде всего на данных живой разговорной речи (собранной методом скрытого наблюдения).

Итак, студенчество, как особая социально-возрастная группа, наряду с традиционными формулами приветствия и прощания, имеет и собственные этикетные формулы, а также особый взгляд на необходимость соблюдения норм этикета. Поскольку преемственность, как известно, всегда селективна, то новые поколения отбирают из этикета некоторые выражения и снабжают их дополнениями, переделывают их, что «вовсе не свидетельствует о чьей-либо невоспитанности или грубости» (хотя данное мнение, безусловно, не бесспорно) (2, с. 42). Таким образом, молодые люди пытаются решить стоящую между ними дилемму: воспроизвести норму этикетного речевого поведения и в то же время сказать свое собственное слово. Отсюда трансформация традиционных и выработка авторских речевых формул, упрощение этикетных формул, употребление этикетных формул иностранных языков, использование различных приемов языковой игры.

Литература

1. Бахтин, М. М. Проблема речевых жанров / М. М. Бахтин / Собрание сочинений. – М., 1996. – Т. 5. – С. 159 – 206.
2. Бутенко, И. А. Этикет подростков: природа и функции стандартных речевых шуток / И. А. Бутенко // Проблемы на социолнгвистиката. – София, 1996. – № 5. – С. 37 – 42.
3. Винокур, Т. Г. Информативная и фатическая речь как обнаружение разных намерений говорящего и слушающего / Т. Г. Винокур // Русский язык в его функционировании: коммуникативно-прагматический аспект. – М., 1993. – С. 5 – 29.
4. Гольдин, В. Е. Речь и этикет / В. Е. Гольдин. – М., 1983.
5. Зубарева, А. А. Формулы речевого этикета: социолнгвистическое исследование / А. А. Зуба-

рефа: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Пермь, 2007. – 19 с.

6. Казеко, Т. Н. Этикетная рамка разговорного дискурса / Т. Н. Казеко // Теоретические и прикладные аспекты современной филологии: матер. XIII Всерос. филол. чтений имени проф. Р. Т. Гриб. – Красноярск, 2008. – Вып. 8. – С. 45 – 48.

7. Карасик, В. И. Язык социального статуса / В. И. Карасик. – М., 1992.

8. Кириллова, Т. С. Жанр как базовая единица речи: (обзор) / Т. С. Кириллова // Ученые записки Нижнетагильского гос. пед. ин-та. – Нижний Тагил, 2002. – С. 77 – 80.

9. Колтунова, М. В. Конвенция как прагматический фактор диалогического общения / М. В. Колтунова // Вопросы языкознания. – 2004. – № 6. – С. 100 – 115.

10. Леорда, С. В. Вежливость в речевом общении современных студентов / С. В. Леорда // Проблемы речевой коммуникации. – Саратов, 2005. – С. 112 – 117.

11. Леорда, С. В. Речевой портрет современного студента / С. В. Леорда: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Саратов, 2006. – 19 с.

12. Словарь по этике. – М., 1981. – С. 117.

13. Словарь русского языка: в 4-х т. – М., 1983. – Т. 3. – С. 395, 548, 526.

14. Тырникова, Н. Г. Этикетный каркас дискурса / Н. Г. Тырникова // Проблемы речевой коммуникации. – Саратов, 2005. – С. 149 – 161.

15. Формановская, Н. И. Коммуникативно-прагматические аспекты единиц общения / Н. И. Формановская. – М., 1998. – 114 с.

УДК 81' 373

ДИАЛЕКТИКА «ОБЩЕГО» И «ИНДИВИДУАЛЬНОГО» В ОБЫДЕННЫХ ТОЛКОВАНИЯХ ЛЕКСИЧЕСКОГО ЗНАЧЕНИЯ

А. Н. Ростова, Т. Ю. Кузнецова

Антиномия «общее – индивидуальное» в философской трактовке рассматривается как проявление категории универсального, типичного, воспроизводимого, имеющего нетипичные, индивидуальные формы реализации.

Языковая сущность этой антиномии предопределена самой онтологией языка, в котором социальность, общественный характер совмещаются с индивидуально-психологической природой. Процессы производства и воспроизводства языка определяют его сущность и предопределяют противоположность всеобщего и индивидуального, и деятельностного начала. Коммуникативная предназначенность языка переводит противоположность индивидуального и всеобщего в ранг диалектического единства.

Антиномия «общего и индивидуального» в языке имеет многообразные формы проявления. Так, язык как всеобщий, объективный механизм воплощен в индивидуально-психологическом произношении, наполнен индивидуальными смыслами, включен в непрерывный языко-творческий процесс.

Антиномия «общее и индивидуальное» выявляется и в сфере рефлексии над языком. Очевидно, сама предрасположенность человека к рефлексии над языком является универсальной, она поддерживается наличием языковых единиц, отражающих спонтанные представления говорящих о языке и речевой деятельности и способностью говорящих вербализовать эти представления.

Универсальные явления в сфере рефлексии над языком обусловлены общностью мыслительных процессов, протекающих в головном мозгу, общностью психических функций, в том числе функций порождения и восприятия речевого сигнала. Однако способность и предрасположенность говорящих к

рефлексии над языком неодинакова, различны также области языковых предпочтений и стратегии осмысления языковых явлений.

В статье анализируются суждения говорящих о значении слова, терминологически обозначаемые как показания метаязыкового сознания (МЯС).

Информанты составляют социально однородную группу: это студенты математического (1 – 5 курсы) и филологического факультетов (1 – 3 курсы).

Показания МЯС, с одной стороны, принадлежат конкретному лицу, являются индивидуальными, с другой стороны, они эксплицируют знания, которыми владеют и другие члены коллектива. Совокупность вербализованных знаний, представлений о языке позволяет разработать стереотипную модель языка, отражающую особую реальность – реальность обыденного восприятия языка его носителями.

Область сопряженности индивидуального и всеобщего в МЯС выявляет сферу стереотипного, область различий составляет сферу индивидуального.

Результаты проведенного эксперимента позволяют выделить следующие универсальные стратегии осознания значения слов:

1. Осознание логико-понятийных отношений слова, которое реализуется при описательно-логическом типе толкования значения слова. При этом полученные реакции на слово являются продуктом словесно-логического мышления, характеризующегося использованием понятий, логических конструкций. Тип такого мышления ориентирован на сигнификативную соотнесенность понятия с другими понятиями. В основе мыслительной операции лежат логические законы построения высказывания. В структуре самого высказывания выделяются

ряд главных, значимых признаков, которые определяют связь толкуемого слова (понятия) с другими понятиями.

Данный способ толкования является наиболее типичным, общим для носителей языка. Давая определение слову, информант подводит данное понятие под другое, более широкое. Толкование значения основано на установлении семантических отношений: общее – частное, род (разновидность общего) – вид (разновидность частного). Выбор слова-идентификатора предопределен принадлежностью толкуемого слова к тематическому классу. Так, при толковании слов-артефактов характерно указание на общие, родовые понятия, обозначенные как: «место» (=«помещение»), «одежда», «предмет», «аппарат», «жилье».

// Студент А.:

Дом – «место проживания».

Шляпа – «одежда, головной убор».

Стол – «предмет мебели».

// Студент Б.:

Дом – «жилье, куда человек может вернуться».

Шляпа – «одежда человека».

Телефон – «аппарат, предназначенный для передачи и обмена информацией».

// Студент В.:

Телефон – «аппарат, имеющий сложную структуру» (род-вид).

Замок – «помещение, имеющее какую-то историю» (род-вид).

Церковь – «здание, где совершаются богослужения, посты, молебны, крещение» (род-вид).

Толкования слов-натурфактов также основаны на выявлении родовидовых отношений. В качестве родовых обозначений используются слова «растение», «цветок», «животное», «природное явление» и др.

// Студент Г.:

Роза – «цветок красного цвета».

Гроза – «гром и молния, т. е. явление природы».

// Студент Д.:

Ишак – «животное».

Ворон – «муж вороны».

// Студент Е.:

Потоп – «катаклизм природы».

Ураган – «катаклизм природы».

// Студент Б.:

Ураган – «явление природы, сильнее бури».

Затишье – «явление природы, при котором ничего не происходит».

Буря – «явление природы, при котором появляется сильный ветер, дождь и т. д.».

При интерпретации слов, принадлежащих тематическому классу «Человек», характерно использование родовых компонентов: «личность», «женщина», «человек», замена слова-идентификатора описательной конструкцией «тот, кто».

// Студент Ж.:

Художник – «человек, изображающий различные стороны жизни».

Богач – «состоятельный человек, обладатель большой денежной суммы».

// Студент З.:

Лихач – «в старину, лихой человек, бандит».

Святой – «человек, который посвятил свою жизнь Богу».

Соблазнитель – «тот, кто ведет к греху».

Проповедник – «тот, кто ведет на праведный путь».

Художник – «творческая личность».

Таким образом, определения, ориентированные на выявление сигнификата, соотносятся с описательно-логическим типом толкования значения слова.

2. Описание понятий через набор отличительных признаков. В основе такого типа толкования лежат наглядно-образные представления о явлениях действительности.

Наглядно-образный тип мышления связан с воссозданием образа, с привлечением зрительных, слуховых, тактильных и обонятельных представлений.

Толкования такого типа ориентированы на отражение денотата, среди них отмечаются высказывания с высокой степенью детализации, эмоциональные и образные суждения.

// Студентка А.:

Соблазнитель – «искуситель; человек, из-за которого разбиваются женские сердца, который заставляет женщин страдать».

Шляпа – «головной убор, бывает разных цветов и размеров, иногда так говорят о человеке».

Крест – «символ святости, который носят верующие в Бога люди, в прежние времена – памятник умершему».

Замок – «очень высокое здание, в средневековье жили короли; место заточения».

Бабочка – «относится к разряду насекомых, возникает в процессе эволюции гусеницы».

Раб – «человек, находящийся в чьем-либо владении всю жизнь; чья-либо собственность; раньше рабы не считались за людей. Это товар, который можно было купить или продать».

// Студентка Б.:

Артист – «известный, великий человек в красивом костюме: бывают заслуженные артисты; человек, который врет, но все это делает правдиво; эмоциональный человек».

Грош – «вид денег; очень мало; копейка: ничего не купить; нищета; бедность; афоризм: грош тебе цена».

Ангел – «существо, живущее на небе, с крыльшками, помощник Бога; человек добрый, хороший, т. е. обладающий только положительными качествами».

// Студентка В.:

Крест – «кладбище, церковь, смерть, конец».

Бабочка – «насекомое, появившееся из гусеницы. Имеет очень много разновидностей и цветов».

Хлеб – «продукт питания, который изготавливается из молотой пшеницы или ржи; плоть Иисуса Христа».

Церковь – «здание, где совершаются богослужения, посты, молебны, крещения. Посещают ее верующие православные люди».

3. Стратегия установления тождеств. При этом значение слова описывается через систему отношений с другими значениями. В аспекте МЯС представлена следующая модель: слово – другие слова. Устанавливаемые говорящим отношения смыслового тождества наделяют одно обозначаемое разными эквивалентами. Как правило, в центре таких толкований находятся отношения «имя-имя». Механизм подобного типа интерпретаций базируется на представлении о том, что А и Б – одно и то же. Говорящий отмечает эквивалентность имен по тождеству их денотата/ сигнификата.

// Студентка Г.:

Хлеб – «еда».

Ишак – «осел».

Соблазнитель – «Дон-Жуан, бабник».

Грош – «монета».

На фоне типических закономерностей отмечается избирательность стратегий толкования значений отдельной языковой личностью. При этом индивидуализации подвергается лишь конкретное наполнение того или иного параметра стандартизированной модели языка. В анализируемом материале отмечается склонность отдельных информантов к определенным стратегиям.

Так, отдельные информанты склонны к кратким толкованиям, акцентируют внимание на главных моментах, избегают детализации.

// Студентка Д.:

Деньги – «средство платежа».

Шляпа – «головной убор».

Буря – «природное явление».

Ветка – «часть дерева».

// Студентка И.:

Бабочка – «насекомое, маленькое».

Ворон – «черная птица».

Хлеб – «еда».

Телефон – «средство связи».

При толковании значения данных слов информант апеллирует к установлению соответствия «слово – обозначаемая действительность». При таком подходе толкование ориентировано на предметно-отражательную сущность слова (языка), семантическое соответствие отражаемой денотативной ситуации.

Некоторые респонденты склонны к субъективным суждениям, связанными с выражением личного отношения говорящего к толкуемому слову.

// Студент К.:

Деньги – «зло; мера, превращенная меркантильным человечеством во что-то великое и очень ценное».

Одежда – «первоначально этическая составляющая людей, со временем возведенная в культ».

Меланхолик – «следствие низкого уровня психологической силы и воли человека».

4. Ориентированность на ситуативную «закрепленность» слова. Модель такого типа толкования: «слово-функционирование». Значение слова соотносится с типовыми обстоятельствами, типовой ситуацией. *Крест* – «на нем распяли Иисуса Христа» (студентка Е., филологический факультет, 3 курс). Полученное значение соотносится с ситуацией, о которой известно каждому. Главной действующей фигурой ситуации, обозначенной конкретным словом, выступает Иисус Христос, который является собой ключевой образ культуры.

Студент Л. (математический факультет, 3 курс) склонен к прояснению внутренней формы слова, объяснению его мотивации. Цель информанта – объяснить, «почему так, а не иначе называется». «Интуитивно человек неудержимо тянется к этимологизированию, к тому, чтобы непременно докопаться до сокровенного смысла имени» [Денисов П. Н., 1993, 84]. *Проповедник* – «тот, кто ведет на правильный путь». *Перекасти-поле* – «растение, чаще всего в полях. Оно растёт, затем, под воздействием ветра, отрывается и катается по полям». *Искуситель* – «тот, кто искушает кого-либо». Студентка Т.: *Лихач* – «лихой человек». *Искуситель* – «тот, кто искушает». *Проповедник* – «тот, кто проповедует проповеди».

Выделяется группа информантов, склонных к ассоциациям.

// Студентка Ж. (филологический факультет, 3 курс):

Крест – «христианство, страдание, смерть, вина, любовь».

Лихач – «машины, скорость, ветер».

Патриот – «любовь, земля».

// Студентка З. (филологический факультет, 2 курс):

Герой – «мифы, роман, честность, сила».

Крест – «мучение, гора, вера».

Святой – «чудо, свет».

Таким образом, данные эксперимента продемонстрировали наличие как общих закономерностей, так и индивидуальных особенностей осмысления семантики слова говорящими. Индивидуальные особенности говорящих зависят от различных факторов: «социологических, культурологических» [Сиротинина О. Б., 1996, 6], личностных, творческих и т. д.

Литература

1. Денисов, П. Н. Лексика русского языка и принципы ее описания / П. Н. Денисов. – М.: Русский язык, 1993. – 254 с.
2. Сиротинина, О. Б. Человек о языке // Вопросы стилистики. Язык и человек / О. Б. Сиротинина. – Саратов, 1996. – Вып. 26. – С. 3 – 8.

УДК 81

**ТАКТИКА ПОВТОРОВ И ПЕРЕСПРОСОВ КАК ПРИЕМ СТРАТЕГИИ УКЛОНЕНИЯ
ОТ ПРЯМОГО ОТВЕТА****М. Ю. Рябова, Л. Б. Головаш**

Одним из основных компонентов жизнедеятельности человека является речевая деятельность. Речь представляет собой результат индивидуального словотворчества, обладает определенной коммуникативной направленностью и является частью коммуникативного поведения, которое реализуется, наряду с другими понятиями, через понятия «стратегия» и «тактика».

Коммуникативная стратегия определяется как тип поведения одного из партнеров в ситуации диалогического общения, который обусловлен и соотносится с планом достижения коммуникативных целей в рамках типового сценария [Романов, 1988].

Цели могут быть организованы иерархически. Могут быть выделены стратегические или глобальные, образующие вершину эпизода цели, и подчиненные им тактические или локальные цели, соответствующие отдельным этапам, частным фазам целого коммуникативного события [Parisi, 1981], тем самым в рамках коммуникативной стратегии выделяются тактики как локальные риторические приемы и линии речевого поведения [Гойхман, 1997].

В рамках речевой деятельности говорящий может воспользоваться десятками различных коммуникативных стратегий. Конвенционализированность этикета привела к повышению престижа коммуникативных средств, позволяющих реализовать дипломатичный сценарий. Так, в ситуации «вопрос – ответ» конфликт диалога может скрываться в эксплицитном отказе от ответа, тем самым актуально исследование механизмов дипломатичного, имплицитного уклонения от прямого ответа.

Стратегия уклонения от прямого ответа представляет собой цепь решений говорящего, коммуникативных выборов им речевых действий и языковых средств, позволяющих завуалировать, сокрыть истинный смысл ответной реплики или имплицитно уклониться от прямого ответа.

В косвенном речевом акте стратегия уклонения от прямого ответа может реализоваться посредством тактики повторов и переспросов. В рамках предметно-логической области коммуникации повторы и переспросы обычно расцениваются как избыточные, т. к. не добавляют новой информации, но в рамках стратегии уклонения от прямого ответа тактика повторов и переспросов крайне значительна и наиболее частотна. Тактика повторов и переспросов позволяет уклониться говорящему от прямого ответа, при этом обозначив значительную дополнительную информацию эмоциональности и экспрессивности.

Тактика повторов и переспросов представлена, во-первых, изобразительными средствами языка, являющимися по преимуществу лексическими. В этом случае тактику повторов и переспросов можно

охарактеризовать как парадигматическую, поскольку она основана на ассоциации выбранных говорящим слов и выражений с другими близкими им по значению словами, но не представленными в высказывании.

Тактика повторов и переспросов представлена, во-вторых, выразительными средствами языка, т. е. средствами, повышающими выразительность речи и усиливающими ее эмоциональность при помощи особых синтаксических конструкций, в частности, экспрессивного и риторического вопросов, эллипса и параллельных структур. В этом случае тактику повторов и переспросов можно охарактеризовать как синтагматическую, т. к. она основана на линейном расположении частей, от которого и зависит эффект высказывания.

В целом, лексическим повтором и переспросом мы называем повторение слова или словосочетания в составе парных реплик. Величина расстояния между повторяющимися единицами и число повторений различны, но заметны. В данной тактике повторы и переспросы, как правило, не сочетаются с использованием многозначности, выполняя, наряду с функцией уклонения от прямого ответа, усиленно-эмоциональную функцию. Так, например:

(1) Krogstad: Well, well, the Helmers are dancing tonight? Really?

Mrs. Linde: Yes, why not?

Krogstad: How true – why not.

[Ibsen: 1110].

(Крогстэд: Так, так, Хелмеры танцуют сегодня вечером? Правда?)

Миссис Линд: Да, почему нет?

Крогстэд: Действительно, почему нет.)

В примере (1) герой пьесы Крогстэд не считает нужным давать ответ на вопрос *Why not?* и легко уклоняется от данного вопроса, воспользовавшись повтором *why not* в ответной реплике. Ирония, сквозящая во фразе, усиливает эмоциональную функцию высказывания. Ответная реплика представляет собой косвенный речевой акт, реализующий экспрессивную иллокутивную функцию, выражающую, в свою очередь, психологическое состояние некоторого осуждения.

Тактика повторов и переспросов наделена эмоциональным компонентом, который может быть как узуальным, так и окказиональным. Мы говорим о наличии эмоционального компонента, если слова в ответной реплике выражают какую-нибудь эмоцию или чувство. Причем эмоцией называется относительно кратковременное переживание, а чувством – более устойчивое отношение. Эмоциональный компонент возникает на базе предметно-

логического, но характеризуется тенденцией вытеснять предметно-логическое значение или значительно его модифицировать [Арнольд, 1990]. Так, структура переспроса передает удивление, граничащее с иронией, или раздражение:

(2) *Biff: Listen, why don't you come out West with me?*

Happy: You and I, heh?

[Miller: 1313].

(Бифф: Послушай, почему бы тебе не поехать со мной на Запад?

Хэппи: Ты и я, хе?).

В примере (2) структура переспроса *You and I, heh?* служит средством уклонения от прямого ответа и несет значительную эмоциональную нагрузку. Герой пьесы Хэппи крайне удивлен и даже иронизирует над предложением своего младшего брата Биффа поехать с ним на Запад. Уклонение от прямого ответа имплицитно выражается речевым актом удивления.

Тактика повторов и переспросов также наделена экспрессивным компонентом, при котором слова в ответной реплике подчеркивают, усиливают то, что называется в этих же словах или в других, синтаксически связанных с ними. Стоит отметить в тактике повторов и переспросов наличие увеличительной экспрессивности, которая предполагает использование слов-интенсификаторов. Наиболее частотны простые интенсификаторы *all, ever, even, quite, really, absolutely, such, so* и усилительные наречия, обозначающие эмоции: *frightfully, awfully, terribly*. В ответных репликах при реализации тактики повторов и переспросов функции усилительности являются довольно сложными, и ее особенно трудно разграничить с эмотивным компонентом. При этом усилительность является, чаще всего, проявлением замешательства. Так, например:

(3) *Nora: But how could you do it?*

Anne-Marie: When I could get such a good place?

[Ibsen: 1094].

(Нора: Но как ты смогла сделать это?

Анна-Мари: Когда я смогла бы получить такую хорошую возможность?).

В примере (3) ответная реплика героини пьесы Анны-Мари отличается увеличительной экспрессивностью благодаря появлению слова-интенсификатора *such*. Героиня не отвечает на поставленный вопрос, напротив, пользуется тактикой повторов и переспросов, что расценивается как неготовность к прямому ответу. Ответная реплика представляет собой косвенный речевой акт, реализующий ретрактивную иллокутивную функцию, ориентированную, в свою очередь, на отражение невозможности выполнения действия.

Эмотивная функция является причиной обилия в разговорной речи разного рода усилителей, которые могут выступать в различных сочетаниях и различны для литературно-разговорного и фамиллярно-разговорного стилей. Так, например, в фамиллярно-разговорном стиле вопросительные местоимения *how, when, where, who, which, what, why* сочета-

ются с наречием *ever*, или суффиксом *ever*, или с такими выражениями, как: *on earth, the devil, the hell* и т. д.

Такой тип эмфазы возможен только в вопросительных или восклицательных предложениях. Эмоциональность при этом имеет грубый, невежливый характер, т. е. связана с раздражением, нетерпением, упреком.

(4) *Nora: What do you think are my most sacred vows?*

Helmer: And I have to tell you that! Aren't they your duties to your husband and children?

[Ibsen: 1125].

(Нора: Как ты думаешь, что является моими самыми священными обетами?

Хелмер: И это я должен говорить тебе это! Не твои ли это обязанности перед мужем и детьми?).

В примере (4) эмоциональность ответной реплики мужа Норы, Торвальда Хелмера, достигает крайне высокого уровня. Хелмер не сразу отвечает на вопрос своей жены, чуть позже, «бросая» грубую ответную реплику, которая, по сути, не является ожидаемым ответом, а выступает упреком. Тем самым уклонение от прямого ответа имплицитно выражается речевым актом упрека.

В ответных репликах тактики повторов и переспросов используются образцы разговорной речи, такие, как *wi', bin, gotta show, gal, drivin' at, goin'*, подчеркивающие свободу общения, отсутствие литературных рамок в разговоре хорошо знакомых людей, а также служащие для передачи возможного отношения пренебрежения:

(5) *Willy: Then what're you talkin' about?*

Biff: Well, all I said was I'm gonna see him, that's all!

[Miller: 1335].

(Вилли: О чем это ты говоришь?

Бифф: Ну, все, что я сказал, это то, что я собираюсь встретиться с ним, вот и все!).

В данном примере образцы разговорной речи *talkin', gonna* свидетельствуют о дружеских отношениях двух героев. В своей ответной реплике Бифф дублирует фамиллярный стиль своего друга Вилли, подчеркивая свою независимость, выказывая легкое пренебрежение. В контексте диалога вопрос Вилли глубже, чем ответ Биффа. Вилли на самом деле не столько уточняет не услышанную им реплику друга, сколько хочет узнать больше о происходящих событиях. Бифф уклоняется от ответа, воспользовавшись ничем не значащим для Вилли повторением уже сказанного. Ответная реплика представляет собой косвенный речевой акт, реализующий репрезентативную иллокутивную функцию, ориентированную, в свою очередь, на отражение действительности.

В тактике повторов и переспросов частично используются разговорные оксюмороны типа *terribly smart, awfully beautiful* (ужасно остроумный, красивый) [Арнольд, 1990], при которых соединяются

два контрастных по значению слова, содержащих антонимичные семы. Чаще всего разговорный оксюморон включает в себя усиительные наречия. Подобный тип переносного употребления слов раскрывает противоречивость описываемого. Семантическое согласование полностью отсутствует, поскольку первый компонент вообще утратил лексическое денотативное значение, сохраняя и усиливая коннотацию экспрессивности:

(6) *Nora: Tell me, Doctor – is everyone who works in the bank dependent now*

on Torvald?

Rank: Is that what you find so terribly funny?

[Ibsen: 1084].

(Нора: Скажите, доктор, все, кто работают сейчас в банке, зависимы от Торвальда?)

Рэнк: Это то, что Вас так ужасно забавляет?)

В примере (6) герой пьесы доктор, друг семьи Рэнк, не дает прямой ответ на поставленный Норой вопрос. Уклонение от прямого ответа реализуется в реплике Рэнка с помощью переспроса, в котором функционирует разговорный оксюморон *terribly funny*, усиливающий коннотацию экспрессивности. Уклонение от прямого ответа имплицитно выражается речевым актом уточнения.

Употребление прилагательного *little* в ответных репликах повторов и переспросов создает несколько негативное впечатление. Сама стереотипность сочетаний с прилагательным *little* показывает их некоторое притворство, лживость и неискренность. *Little* зачастую употребляется иронически и даже с оттенком сарказма:

(7) *Nora: Wouldn't that be fun?*

Helmer: What are those little birds called that always fly through their fortunes?

[Ibsen: 1074].

(Нора: Ну, разве это не забавно?)

Хелмер: Как называются те маленькие птички, которые только и делают, что порхают всю свою жизнь?)

В примере (7) Хелмер уклоняется от прямого ответа на вопрос своей жены, не желая поддерживать игривый тон разговора. Он строит ответную реплику, реализуя тактику переспроса, усиливая иронический тон высказывания посредством прилагательного *little*. Переспрос выступает речевым актом, имплицитно реализующим уклонение от прямого ответа.

Стоит отметить роль морфемного повтора, который реализуется в текстовом пространстве в словах, содержащих идентичную морфему [Карпухина, 2007: 13].

Морфемный повтор провоцирует ментальный анализ, дезинтеграцию слова как цельного знака на составляющие части с последующим синтезом, реинтеграцией частей в единое целое. При этом на первый план выходит внутренняя форма знаков, реальная или воображаемая, восстанавливающая наглядно-образную, индикаторную соотношенность с означаемым. Такая трансформация не мотивирована

рационально-практическими целями и носит лингвоэстетическую, игровую направленность.

На игровой площадке морфемного повтора, содержащей окказиональное слово, задействованы самые разные способы словообразования: аффиксация (*princess - princessity*), конверсия (*son-in-law – father-in-law*), словосложение (*hatred – headache – hatred-headache*), сложнопроизводные слова (*week-end – week-endy*), контаминация (*money – moneyholic*), редеривация (*expect – unexpected – unexpect*) [Карпухина, 2007: 31]. Так, например:

(8) *Mrs. Linde: Now listen here, Nora – you haven't done something indiscreet?*

Nora: Is it indiscreet to save your husband's life?

[Ibsen: 1080].

(Миссис Линд: Послушай, Нора, ты ведь не сделала ничего неблагоразумного?)

Нора: Сохранить жизнь мужа – это неблагоразумно?)

В данном примере Нора использует лексическую единицу *indiscreet*, являющуюся повтором и заимствованную из вопросной реплики миссис Линд. Морфемный повтор, реализующийся посредством отрицательной приставки *in-*, создает сжатый контраст и усиливает экспрессивность всего высказывания. В целом ответная реплика в форме общего вопроса позволяет Норе уклониться от прямого ответа. Пример представляет собой речевой акт уточнения, имплицитно реализующий уклонение от прямого ответа.

Наиболее частотное употребление местоимений 1-го и 2-го лица в структуре ответных реплик данной тактики подчеркивает личное выражение переживаний и ощущений говорящего:

(9) *Rank: Why do you laugh at that? Do you have any real idea of what society is?*

Nora: What do I care about dreary old society?

[Ibsen: 1084].

(Рэнк: Почему Вы смеетесь над этим? Знаете ли Вы, что такое общество?)

Нора: Чем мне может быть интересно общество с его никчемными старыми устоями?)

В примере (9) свою ответную реплику, реализующую тактику повторов и переспросов, Нора строит от первого лица, тем самым, оппозиционируя от остальных людей и подчеркивая собственные ощущения и представления об окружающем ее обществе. Ответная реплика представляет собой экспрессив, выражающий психологическое состояние пренебрежения.

Достаточно частотное употребление в ответных репликах данной тактики указательных местоимений *this* и *that*, которые чаще всего указывают на предметы, выделяя их из класса им подобных, и отсылают к упомянутым ранее предметам и понятиям. Но также в тактике повторов и переспросов зачастую указательные местоимения не выполняют этой функции, т. е. они ни к чему не отсылают и не выделяют предмет из класса ему подобных. В таких случаях указательные местоимения имеют эмотив-

ную силу и указывают на взволнованность говорящего. В тактике повторов и переспросов *this* и *that* выражают чаще всего раздражение или насмешку:

(10) *Nora: What do you mean by that? While you can?*

Rank: Does that disturb you?

[Ibsen: 1100].

(Нора: Что Вы этим хотите сказать? Пока вы можете?)

Рэнк: Это Вас беспокоит?)

Стратегия уклонения от прямого ответа успешно реализуется в ответной реплике Рэнка. По сюжету пьесы Рэнк серьезно болен и скрывает этот факт от окружающих его людей. В предыдущих репликах данного диалогического единства он неосторожно проговаривается Норе о своей болезни. Нора, уловив скрытый смысл в словах собеседника, решает уточнить факт болезни. Ответная реплика Рэнка не дает прямого ответа, а, напротив, ставит саму Нору в довольно неловкое положение, в котором ей необходимо дать ответ, касающийся их личных взаимоотношений. Ответная реплика представляет собой косвенный речевой акт, реализующий директивную иллокутивную функцию, ориентированную, в свою очередь, на побуждение адресата к ответу.

Стилистически нейтральные притяжательные местоимения, как правило, выражают принадлежность или служат определителем существительных, обозначающих, например, части тела, предметы одежды и другие личные вещи, что является характерной особенностью английского языка. Но притяжательные местоимения, используемые в ответных репликах тактики повторов и переспросов, (преимущественно *your*) оказываются эмоциональными и эмфатическими.

Единственная грамматическая категория, присутствующая в современном английском языке прилагательным, – это категория сравнения. Она передает степень интенсивности выраженного прилагательным признака и, следовательно, очень близка к стилистической категории экспрессивности. В таких случаях в тактике повторов и переспросов мы говорим о наличии элитива, грамматическое значение которого – безотносительно большая мера признака.

Стоит отметить роль глагольных форм в реализации тактики повторов и переспросов. Наиболее частотны в данной тактике простые и длительные видо-временные глагольные формы, причем длительные формы более эмоциональны. В тактике повторов и переспросов они могут выражать мимолетное раздражение собеседников:

(11) *Willy: You gonna put up a ceiling?*

Charley: How could I put up a ceiling?

Willy: Then what the hell are you bothering me for?
[Miller: 1325].

(Вилли: Ты собираешься достать до потолка?)

Чарли: Как я достану до потолка?

Вилли: Тогда какого дьявола ты мне надоедаешь?)

Мимолетное раздражение Вилли передается в данном примере глагольной формой длительного времени (*Present Continuous Tense*). Сама вопросительная структура выступает средством уклонения на поставленный вопрос, на который Вилли не считает нужным отвечать. В примере представлен иллокутивный акт – ретрактив, отражающий действительное положение вещей – заявление о невозможности выполнения действия в косвенной форме.

Настоящее длительное время (*Present Continuous Tense*) употребляется в ответных репликах тактики повторов и переспросов также для выражения удивления, недоверия или возмущения словами собеседника:

(12) *Linda: Will you please leave him alone?*

Biff: What's he doing out there?

[Miller: 1371].

(Линда: Пожалуйста, не мог бы ты оставить его в покое?)

Бифф: Что он там делает?)

В примере (12) в ответной реплике Биффа средством, выражающим недоверие к словам своей матери Линды, является длительная глагольная форма. Благодаря данной структуре, сын не только выражает некоторое недоверие, но и уклоняется от просьбы своей матери. Ответная реплика представляет собой косвенный речевой акт, реализующий экспрессивную иллокутивную функцию, выражающую, в свою очередь, психологическое состояние недоверия.

Употребление усеченной формы, т. е. фонетическая редукция вспомогательных глаголов, является характерной особенностью английской разговорной речи. Усеченные формы *it's*, *it isn't*, *I don't*, *I didn't* и т. д. также характерны для ответных реплик тактики повторов и переспросов. В тех случаях, когда усеченные формы глагола *have* оказываются недостаточными для передачи значения *иметь*, *обладать*, используется конструкция с глаголом *get*: *I've got*, *he's got*; эта же конструкция выполняет и модальную функцию, свойственную *have + Inf.*:

(13) *Bernard: What happened in Boston, Willy?*

Willy: (angrily) Nothing. What do you mean "What happened?" What's that got to do with anything?

[Miller: 1353].

(Бернард: Что произошло в Бостоне, Вилли?)

Вилли: (сердито) Что ты имеешь в виду под «Что произошло?» Как это может быть с чем-то связано?)

В данном примере Вилли недоброжелателен в разговоре со своим собеседником. С одной стороны, он явно не намерен объяснять произошедшие события, с другой стороны, по некоторым причинам (возможно, осознание того, что его друг Бернард проявляет искреннее участие), он строит ответные реплики, используя тактику повторов и переспросов. Уклонение от прямого ответа имплицитно выражается речевым актом уточнения.

Модальные значения тактики повторов и переспросов передают отношение говорящего к сообщению.

щаемому: усиленное утверждение, сомнение или желательность:

(14) *Mrs. Linde: Nora, you're hiding something from me.*

Nora: You can see it in my face?

[Ibsen: 1097].

(Миссис Линд: Нора, ты что-то скрываешь от меня.

Нора: Ты можешь видеть это по моему лицу?)

Ответная реплика Норы, построенная в форме экспрессивного вопроса с прямым порядком слов, выражает одновременно усиленное утверждение и сомнение, граничащее с иронией. Тактика повторов и переспросов позволяет героине легко уйти от объяснений.

Глагол *shall* получает большую экспрессивность и актуализирует все заложенные в нем модальные возможности:

(15) *Amanda: Irish on both sides! Gracious! And doesn't drink?*

Tom: Shall I call him up and ask him right this minute? [Williams: 1151].

(Аманда: Ирландец и по матери и по отцу! Боже мой! И не пьет?

Том: Мне позвать его и спросить прямо сейчас?)

В данном примере Том не дает прямого ответа на поставленный вопрос своей матери Аманды, подбирающей кандидатуру мужа для своей еще незамужней дочери и интересующейся персоной друга своего сына. Желая уклониться от прямого и немедленного ответа, Том пользуется тактикой повторов и переспросов в своей ответной реплике. Английский модальный глагол *shall* наделяет переспрос большей экспрессивностью и актуализирует функцию долженствования. В примере представлен речевой акт уточнения, имплицитно реализующий уклонение от прямого ответа.

Наряду с лексическими средствами языка в ответных репликах тактики повторов и переспросов значительную роль играет синтаксическая структура высказывания. Специальный стилистический эффект ответных реплик тактики повторов и переспросов может включать избыточность синтаксического построения, перераспределение границ предложения и эллиптические предложения.

Наиболее частотной синтаксической структурой в тактике повторов и переспросов является структура эллипса, которая дает значительную компрессию ответной реплике. Компрессия ответной реплики увеличивает активность сотворчества партнера по коммуникации, а также экспрессивность и эстетическое воздействие. В тактике повторов и переспросов эллипс выражается неполными предложениями, простыми двусоставными, позиционная модель которых не полностью выражена словесными формами. Причем пропущенные элементы ответной реплики предполагают восстановление в контексте.

Также синтаксический эффект ответных реплик тактики повторов и переспросов основан на установ-

лении синонимии разных типов синтаксических конструкций, из которых одна, с традиционным использованием синтаксических связей, нейтральна, а другая, с переосмыслением их – экспрессивна и эмоциональна. Например, экспрессивно-ироническое выражение отрицания возможно в ответных репликах утвердительных или вопросительных по форме:

(16) *Helmer: How do you mean that?*

Nora: (after a short pause) Doesn't anything strike you about our sitting here like this?

[Ibsen: 1121].

(Хелмер: Что ты имеешь в виду?

Нора: (после короткой паузы) Тебя не поражает то, что мы вот так сидим здесь?)

Итак, экспрессивно-ироническое выражение отрицания реализуется в ответной реплике Норы, вопросительной по своей форме. Нора не только уклоняется от прямого ответа на вопрос мужа, не пояснив свои предыдущие слова, а даже усложняет контекст ситуации, показывая тем самым желание и готовность выяснить отношения и «расставить все точки над i».

Отрицание в целом более эмоционально и экспрессивно, чем утверждение. Появление отрицания в ответных репликах тактики повторов и переспросов особо информативно, т. к. всякое отрицание подразумевает контраст между возможным и действительным и создает экспрессивный потенциал. Кроме того, отрицание позволяет сделать фразу предельно лаконичной и усилить выражение необратимости момента, о котором идет речь. В разговорном стиле речи отрицание может иметь разные экспрессивные функции и передавать разные психологические состояния. Но в тактике повторов и переспросов отрицательная конструкция, вместо необходимой утвердительной, передает волнение, нерешительность и колебание:

(17) *Linda: Why are you so hateful to each other? Why is that?*

Biff: (evasively) I'm not hateful, Mom.

[Miller: 1331]

(Линда: Почему вы так ненавистны друг другу? Почему же?

Бифф: (уклончиво) Я не ненавижу, мама).

В данном примере Бифф воспользовался повтором лексической единицы *hateful* в своей ответной реплике, причем отрицательная конструкция *not hateful* реализуется вместо необходимой утвердительной *friendly*, что указывает на некоторое колебание говорящего, его неуверенность в своих словах.

При реализации тактики повторов и переспросов достаточно часто используется экспрессивный вопрос, который строится с прямым порядком слов, и риторический вопрос, который по смыслу является эмфатическим утверждением или отрицанием. Усиленное воздействие риторического вопроса в ответных репликах основано на том, что необходимо включение собеседника в рассуждение, принятие им решения. В тактике повторов и переспросов

риторический вопрос – одна из форм транспозиции, цель которой – отвлечь внимание от необходимости прямого ответа, хотя ответ в риторическом вопросе все же кроется.

В тактике повторов и переспросов используется грамматическая метафора (или транспозиция), при которой слова и формы употреблены в необычных для них грамматических значениях или с необычной предметной соотнесенностью [Арнольд, 1990]. В этом случае грамматическая метафора создает дополнительные коннотации оценочности, эмоциональности и экспрессивности. Смысл в ответной реплике передается с увеличенной интенсивностью и имеет своим результатом эмоциональное или логическое усиление. Уклонение от прямого ответа имплицитно выражается речевым актом уточнения:

(18) *Judy: Harper?*

Dave: How come he called you?

[Gurney: 1623].

(Джуди: Харпер?

Дейв: Как это получилось, что он позвал тебя?)

Итак, стратегия уклонения от прямого ответа является типом поведения одного из партнеров в ситуации диалогического общения, который обусловлен и соотносится с планом достижения коммуникативной цели вуалирования отрицательного ответа на вопрос. В процессе коммуникации стратегия уклонения от прямого ответа реализуется набором нескольких тактик; тактика повторов и переспросов является наиболее частотной и значимой.

Одним из главных компонентов схемы тактики повторов и переспросов является реплика – формально-структурная единица мены коммуникативных ролей.

Все категории данной тактики подчиняются общим правилам метакоммуникативной самоорга-

низации. При метакоммуникативной самоорганизации реализуются такие элементы дискурса, как переспросы-«петли» со стороны адресата; элементы, регулирующие уточнение; элементы, отражающие релевантность речи, уместность в ситуации, а также элементы, регулирующие стиль речи и тональность общения.

Внутренние процессы метакоммуникативной самоорганизации тактики повторов и переспросов строятся на таких переменных, как время и место коммуникативного процесса, внешнее окружение и культурное определение; участники общения (говорящий и слушающий); предполагаемый результат и индивидуальные и общие цели коммуникантов; психологическая, эмоциональная тональность коммуникативного события.

Являясь одним из приемов коммуникативной стратегии, тактика повторов и переспросов, с одной стороны, позволяет говорящему имплицитно уклониться от прямого ответа, с другой стороны, благодаря насыщенности выразительными и изобразительными средствами, выступает коммуникативным приемом усиления коннотации экспрессивности и эмоциональности.

Литература

1. Романов, А. А. Системный анализ регулятивных средств диалогического общения / А. А. Романов. – М., 1988.
2. Parisi, D. A Goal Analysis of Some Pragmatic Aspects of Language / D. Parisi, Ch. Castelfranchi // Possibilities and Limitations of Pragmatics. – Amsterdam, 1981. – P. 551 – 567.
3. Гойхман, О. Я. Основы речевой коммуникации / О. Я. Гойхман, Т. М. Надеина. – М., 1997.

УДК 811.161.1'1:398.91-055.2

НОРМАТИВНЫЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ О СОЦИАЛЬНОЙ РОЛИ ЖЕНЩИНЫ В РУССКОЙ КУЛЬТУРЕ

С. В. Стеванович, Е. А. Раевская

Проблема, рассматриваемая в данной работе, включена в комплекс межкультурных исследований, которые позволяют на основе сопоставительного анализа выявить сходства и отличия в различных культурах.

Цель нашей работы – моделирование социального портрета женщины по данным устойчивых сочетаний русского и английского языков, сопоставление полученных образов; выявление ключевых слов, характеризующих социальный портрет женщины в русской и английской культурах, и выяснение, насколько выявленные нормативные представления соотносятся с эталонными литературными образами.

Теоретическую базу исследования составили работы А. В. Бабаевой, О. В. Рябова, А. В. Кириловой, Е. И. Ивановой, О. Ю. Шишигиной.

Материалом послужили пословицы и поговорки из фразеологических словарей. Всего было собрано и проанализировано 235 русских и 169 английских пословиц.

В процессе изучения языкового материала было выявлено 19 тематических групп, характеризующих моральные, психологические и физические качества «женщины из народа». Отрицательные: болтливость, глупость, скандальность, непостоянство, хитрость, лесть, слабость, упрямство, разгульность, любовь к потехам. Положительные: ум, мудрость, хозяйственность, выносливость, хитрость, норов, доброта, щедрость.

Одним из ярких образных средств, способных дать ключ к разгадке особенностей национального видения, является устойчивое сравнение. Таблица 1 показывает устойчивые сравнения, характеризующие различные качества русской женщины.

Таблица 1

Тематическая группа	Устойчивые сравнения
Отрицательные качества	
1. Болтливость	<i>Три бабы – базар, а семь – ярмарка. Где баба, там рынок; где две, там базар. Где две бабы, там сейм, а где три, там содом.</i>
2. Скандальность	<i>Худая жена – кара господняя. Злая жена – мирской мятеж. Баба да бес, один у них вес. Баба, что горшок, что ни влей – все кипит. Нет досадней, как своя дворняжка на тебя лает. Отбилась от рук жена так, что твой сатана.</i>
3. Непостоянство	<i>У бабы семь пятниц на неделе.</i>
4. Умение добиться своего	<i>Женское слово, что клей пристаёт.</i>
5. Не ждать от бабы добра	<i>От нашего ребра нам не ждать добра.</i>
Положительные качества	
1. Ум и мудрость	<i>Бабий ум – бабье коромысло: и криво, и зарубисто на оба конца.</i>
2. Выносливость	<i>Жена не горшок, не расшибешь. Где сатана не сможет, туда бабу пошлет. У нас и баба зауряд в рекруты идет. Баба не квашня: встала да и пошла.</i>
3. Доброта	<i>Женино добро, как зимнее тепло. Жена мужу пластырь, а муж жене пластырь. Муж – голова, жена – душа.</i>

По данным пословиц и поговорок представляется следующий образ женщины из народа.

Женщины сравниваются с **дворняжкой**, которая любит кусаться и лаять; с **курицей**, гогочущей громче петуха; **кошкой**, которая может съесть собаку, причем явно подчеркивается меньшая значимость женщины по сравнению с мужчиной. Болтливость женщины передается через лексемы **базар, рынок, сейм** и **содом**, которые не только подчеркивают любовь к разговорам, но и говорят о склонности женщины к созданию шума. Женщины очень непостоянны и могут менять свои намерения и планы каждую минуту, имея **семь пятниц на неделе**. Они умеют добиться от человека того, чего они хотят, настоять на своем мнении, убедить и заставить любого сделать так, как они считают нужным, поэтому женское слово отождествляется с **клеем**.

В собранном материале присутствует больше отрицательных пословиц, чем положительных. Это можно объяснить тем, что подавляющее большинство рассмотренных пословиц и поговорок отражает мужскую оценку внешности, характера и поведения женщины. Положительно коннотированы преимущественно те качества женщин, которые оказываются полезными для мужчин или обеспечивают им спокойное и комфортное существование: это прежде всего хозяйственность и трудолюбие.

Чтобы выявить эталонное представление о женщине-англичанке, мы обратились к пословицам английского языка. В процессе изучения языкового материала были выявлены тематические группы, характеризующие моральные, психологические и физические качества женщины-англичанки (21 группа). Каждой пословице дается дословный перевод, который позволяет выявить особые национально-специфические образы. Таблица 2 демонстрирует устойчивые сравнения, характеризующие различные качества английской женщины.

Таблица 2

Тематическая группа	Ключевое слово
Отрицательные качества	
1. Болтливость	<i>Three women and a goose make a market. – Три бабы да гусь – это базар. A woman's tongue wags like a lamb's tail. – Женщина виляет языком, как агненок своим хвостом. A woman's tongue is her sword, and she doesn't let it rust. – Язык женщины – ее меч, и она не позволяет ему заржаветь.</i>
2. Скандальность	<i>Three things drive a man out of his house: smoke, rain, and scolding wife. – Три вещи способны выгнать мужчину из дома: дым, дождь и сварливая жена. A whistling woman and a crowing hen are two of the unluckiest things under the sun. – Злая жена и поющий петух – две самые ужасные вещи на свете. A reeking house and a scolding wife make man weary of his life. – Плохо пахнущий дом и ворчливая жена делают мужчину уставшим от жизни. A smoky chimney and a scolding wife are two bad companions. – Дымный дымоход и ворчливая жена – два плохих компаньона.</i>
3. Глупость	<i>Women in state affairs are like monkeys in glass shops. – Женщина в государственных делах, как обезьяна с очками.</i>
4. Коварство	<i>Women are the devil's nets. – Женщина – сети дьявола.</i>

Продолжение таблицы 2

5. Непостоянство	<i>The love of a woman and a bottle of wine are sweet for a season but last for a time. – Любовь женщины сладка, как вино, но не вечна.</i> <i>Women are as fickle as April weather. – Женщина изменчива, как погода апреля.</i> <i>Women are as wind in winter night. – Женщина, как зимний ветер.</i> <i>Women are as plumelet on a wind. – Женщина, как перышко на ветру.</i> <i>A bag of fleas is easier to keep watch over than a woman. – Легче следить за мешком блох, чем за женщиной.</i> <i>A woman's mind is like the wind in a winter's night. – Мнение женщины, как ветер в зимнюю ночь.</i> <i>Winter weather and women's thoughts change often. – Зимняя погода и мысли женщин изменчивы.</i> <i>Women, wind and fortune are given to change. – Женщины, ветер и судьба существуют, чтобы меняться.</i> <i>A woman is a weather-cock. – Женщина, как флюгер.</i>
6. Слабость	<i>A woman, a spaniel and a walnut tree, the more they be beaten, the better they be. – Женщина, собака и дерево грецкого ореха тем лучше, чем чаще их бьешь.</i> <i>Women like gongs, should be beaten regularly. – Женщину, как гонг, нужно часто бить.</i>
7. Непривлекательность	<i>Plain women are as safe as churches. – Простые женщины просты как церкви.</i>
8. Несовершенство	<i>A ship and a woman are ever repairing. – Женщина и корабль постоянно нуждаются в ремонте.</i>
9. Власть над мужчиной	<i>The man's the head, and the woman's the neck, and the neck turns the head. – Мужчина - голова, женщина - шея, шея поворачивает голову.</i> <i>It's a sorry flock where the ewe bears the bell. – Жалкое стадо, где им руководит овца.</i> <i>It's a sad house where the hen crows louder than the cock. – Печально, если в доме курица кричит громче, чем петух.</i> <i>To live under the cat's paw. – Жить под кошкиной лапой.</i> <i>The wife is a key of the house. – Жена - ключ от дома.</i>
10. Любовь к развлечениям, неверность	<i>A woman that likes to be at the window is like a bunch of grapes on the highway. – Ленивая женщина подобна грозди винограда на дороге.</i> <i>An unchaste wife working mischief still is often compared to a foul dunghill. – Развратная женщина как навозная куча.</i>
11. Упрямство	<i>No argument can convince a woman or a stubborn ass. – Женщина как упрямый осел, ее невозможно убедить.</i> <i>Swine, women and bees cannot be turned. – Свинью, женщину и пчел невозможно переубедить.</i>
12. Злопамятность	<i>Women and elephants never forget. – Женщины злопамятны как слоны.</i>
Положительные качества	
1. Привлекательность	<i>A ship under sail, a man in complete armour, a woman with a great belly are three of the handsomest sights. – Красота беременной женщины сравнима лишь с красотой парусного судна или воина во всех его доспехах.</i>
2. Хозяйственность	<i>Between a cross dog and a cross-eyed woman a house is well kept: he barks and she swings the broom. – Дома хорошо, когда он держится на собаке и косоглазой женщине: собака охраняет, а женщина метет.</i>
3. Хорошая жена	<i>Three things are as rare as gold: a good melon, a gold friend and a good wife. – Три вещи столь же редки как золото: сладкая дыня, золотой друг и хорошая жена.</i> <i>Lend not horse, nor wife, nor sword. – Ни одалживайте ни лошадь, ни жену, ни меч.</i> <i>The wife and the sword may be showed but not lent. – Жену и меч можно только показывать, но не одалживать.</i>

Большинство паремий, раскрывающих характер женщины, создают негативный образ, вобравший в себя всевозможные пороки. В рамках данного параметра были выделены следующие качества: **болтливость** (при этом основной темой является пустословие и бессодержательность женских разговоров), **глупость**, **скандальность**, **коварство**, **непостоянство**, **хитрость**, **слабость**, **повышенное внимание**

к своей внешности, **непривлекательность**, **несовершенство**, **власть над мужчиной**, **любовь к развлечениям/неверность**, **упрямство**, **злопамятность**, **женщина – источник расходов**. Среди положительных отмечаются такие качества: **привлекательность**, **ум**, **молчаливость**, **надежность**, **хозяйственность**, **хорошая жена**.

По данным пословиц и поговорок представляется следующий образ английской женщины:

Женщины любят поговорить: их язык является одновременно и силой, которая может погубить человека, и бесполезным органом, которым они **«виляют», как ягненок хвостом**. Большинство пословиц, связанных с интеллектуальными способностями женщины, констатируют ограниченность женского ума. Женщина сравнивается с **обезьяной в очках**. Подчеркивается чрезмерное упрямство женщин, они сравниваются с **ослом, свиньей и пчелой**. Частая смена настроения, мыслей и принимаемых решений ассоциируется с **апрельской погодой, ветром, флюгером, перышком на ветру**. Кроме того, женщины отождествляются с огромным источником расходов, являясь такой же причиной для разорения, как **черный ход и большой дом**. По своему коварству женщины подобны **сетям дьявола**: они злопамятны, как **слоны**, хитры, а иногда превосходят **дьявола** по своей злобности, разрушительной силе и жестокости.

Вместе с тем женщина отождествляется с **шеей, с ключом от дома**, что говорит о значимости ее роли в обществе и обладании определенной властью и влиянием. Подчеркивается, что самой природой мужчинам предназначено побеждать, а женщинам быть побежденными. Однако пословиц, отражающих силу и власть женщин, количественно в два раза больше тех, которые отражают силу и власть над женщинами. Главная их сила – в красоте и слабостях. Красота женщины сравнивается с красотой и мощью **парусного судна и воина в доспехах**.

Сопоставительный анализ пословиц русского и английского языков позволяет выявить следующие особенности.

Как в русских, так и в английских фразеологизмах сравнение женщины с животными создает весьма негативную характеристику. Коварство женщины в обеих культурах закрепляется за образом **сатаны, дьявольских сетей, беса, черта**. При характеристике женщины-англичанки отмечена такая черта, как злопамятность (*women and elephants never forget* («женщины злопамятны как **слоны**»)), русские пословицы об этом качестве не свидетельствуют. Однако в русских фразеологизмах подмечена скупость женщин, в то время как английские акцентируют внимание на том, что женщина является источником расходов – как **черный ход** или **большой дом**. Среди качеств, характерных только для русской женщины, можно выделить выносливость (как *рекрут, баба не квашня*) и доброту (*жена – душа, жена мужу пластырь*), которые не получили отражения в анализируемых нами английских пословицах.

Для выявления эталонных образов русских женщин нами были проанализированы поэмы Н. А. Некрасова «Русские женщины» и «Мороз, Красный нос». Данные поэмы позволяют продемонстрировать нормативные представления о роли женщины различных социальных групп. Анализ ключевых слов каждого из данных произведений позволил нам смоделировать образ женщины-дворянки и женщины-крестьянки.

Основная тема произведений определяется реализацией следующих лейтмотивов: **разрушение привычного мира, преодоление себя и изменение ценностных ориентиров героини**. Каждый лейтмотив повествования оформляется при помощи особой лексики. Так, лейтмотив **«привычный мир»** раскрывается в ключевом слове **«беззаботность»**. Основная эмоциональная окрашенность лейтмотива **«привычный мир»** выражена в словах: *веселье, уют* и предстает в воспоминаниях княгини-бабушки о себе в юности: *в тоске о былом счастье, в снах, в веселых мечтах: жизнь наша мирно летела; в ту пору проказ и кокетства; смеялись, болтали мы, бегали с ним, // Бросали друг в друга цветами...; ехали весело; гуляли на просторе; я радостным взором глядела кругом*.

Изменение привычного взгляда на мир оформляется как противопоставление **«мира прошлого»** и **«мира настоящего»**. По контрасту с «миром прошлым», представленным в воспоминаниях юной героини, раскрывается «мир настоящего», полный «бед» и «гроз». Если раньше отец *«думал за нас – и решал, // И жизнь наша мирно летела»*, то выбор героини – *«Я еду!»* – вырывает ее из привычных рамок *беззаботной* жизни и заставляет самостоятельно принимать решение. Только сейчас она узнает, что *«жизнь – не игрушка»*, и сразу же оказывается перед выбором: привычное «счастье» или «жертва», возможная «могила» или «одиночество». При описании прошлого и настоящего активно используются антонимы. Они охватывают практически всю сферу изображаемого и выражаемого в поэме: портретные характеристики (*румянец густой – бледность*), детали внешнего мира (*большой дом – угрюмая каморка*), эмоциональный настрой персонажей (*веселый – угрюмый, встревоженный, мрачный, горький, печальный; смех – слезы, плач, рыдания*), общее ощущение жизни (*жизнь наша мирно летела – беда велика*).

Плавное течение жизни безвозвратно уходит в прошлое, напряженность ситуации подчеркивается сменой темпа повествования: неторопливость жизни и речи сменяется калейдоскопом событий, что подчеркивается нагнетанием глаголов конкретного действия (*«Вставай! поскорее найди мне ключи! // Камин затопи!...Я вскочила...// Взглянула...»*).

Сложившаяся ситуация позволяет героине проявить свою **волю, отважность, дерзость и решимость**, именно этим рядом лексики автор показывает изменения, происходящие во внутреннем мире героини. Поступок княгини Волконской автор характеризует как **отважный**. В поэме появляются нетипичные характеристики княгини – **дерзкая, решительная**.

Автор детально показывает все сложности ее пути. Иногда кажется, что Волконская сломлена духовно и физически, готова уступить обстоятельствам, что слова отца: *«Там нужно не женскую силу!... //Найдешь ты там только могилу!»* являются пророческими. Подчеркивается ощущение **слабости** героини: *я плачу, я силы теряю; я горько рыдаю*.

ла; чуть жива...; сердце рыдает; совсем меня горе сломало.

Лейтмотив **преодоление себя** раскрывается в ключевом слове **страдание**, объединяя значительную группу слов, передающих физические и душевные муки: *чего натерпелась я; меня неизвестность томила сперва; я все испытала, а больше всего жестокое чувство бессилья; нет счета печальных потерь; тоска бесконечная; я еду на муки; своя у меня роковая тоска; Я горько, припав к его груди, // я плакала, жарко молилась...*

На протяжении всего текста героиня обращается за советом и помощью к Богу посредством молитв: *жарко молилась; молясь у его колыбели; молебен служить попросила; А я, чуть жива, пред иконой святой // Упала в истоме душевной; молила небо.* В ее речи нередко присутствуют слова: *Боже, Господь, как Христос, ради бога, просила как бога.* Когда отец заставляет ее серьезно подумать, прежде чем на что-то решиться, она просит совета у Божьей матери.

В конце поэмы сама героиня и ее восприятие мира изменяется. Одним из ярких примеров резкой смены стиля может служить последняя сцена поэмы – встреча с мужем. Использование традиционно-поэтической лексики (*тихого ангела тишина, недвижны, святая тишина, высока печаль, торжественная дума*), различного типа повторов: повтор союзов, контекстных синонимов: *не издали ни звука, не слышно ни песни, ни речи, замерло движение, поднятый молот застыл*; антонимов: *чужие, свои*; отдельных слов: *святая, святая была тишина!*; однородных членов предложения: *взволнованны, бледны, суровы, и горечь, и счастье встречи*; риторических вопросов, восклицаний – все это способствует созданию торжественного, приподнятого настроения, которое обрывается на самой высокой ноте. В тишину, неподвижность врывается «*неистовый крик*»: «*Да где же вы все запропали?*» – и переводит восприятие на другой уровень – более сниженный. Основной смысл пересечения разных по эмоционально-экспрессивной окраске пластов лексики – снятие трагического мироощущения, преодоление слабости и страданий. В некрасовском стиле «высокопоэтическое» не противоречит «обыденному», и то и другое является неотъемлемой частью жизни. По данным М. М. Гина, Н. А. Степанова, Б. В. Авенина, вообще, в поэмах Н. Некрасова мало эпизодов, которые завершаются на трагической ноте. Чаше всего чувство «беды» и «грозы» отступает перед силой характера.

И в этом новом мире есть место радости. В последней главе уже нет сожалений, Волконская охвачена ощущением настоящего счастья – победы над собой, но теперь это не естественное состояние наивной души, а награда за перенесенные муки.

Центральное место в поэме «Мороз, Красный нос» занимает образ крестьянки Дарьи. В ее образе Н. Некрасов раскрывает свое понимание народного идеала женщины.

Основная тема произведения определяется реализацией следующих лейтмотивов: **трудолюбие**

(**спасение в труде**), **героизм/отважность**, **преодоление себя**, **страдания (душевные муки)**.

Основная эмоциональная окрашенность лейтмотива «**трудолюбие**» выражена в словах: *не любит безделья; ей некогда ласы точить; да времени нету на ласки; всегда у них теплая хата...* Восхищение рассказчика красотой Дарьи неразрывно сливается с восхищением перед ее ловкостью и проворностью. Отметим, что в поэме часто используется фольклорный параллелизм «**работа – игра**»: в главе 4 – Дарья работает играючи, а играет ловко, как работает; в главе 19 игра «сеять мак» является обрядовой заменой работы.

Характеризуя нелегкую судьбу Дарьи после смерти кормильца, автор неоднократно использует слово **доля**, показывая ее страдания и муки. Несмотря на то, что в начале поэмы уже говорилось об **отважности героини**, возможности в трудную минуту взять ответственность на себя и проявить свою **волю**, Дарья не может устоять перед ударом судьбы и оказывается сломленной духовно и физически.

Так, героини обеих поэм попадают в сложную жизненную ситуацию, что позволяет им в полной мере проявить себя. Княгиня Волконская выступает в роли жены-советчицы, которая может понять и поддержать мужа в трудную минуту. Жена крестьянина смиренна, покорна своей судьбе: для нее муж выступал одновременно в роли наставника, помощника, заступника и доброго отца. После его смерти она становится единственной опорой для своей семьи, вся жизнь ее превращается в бесконечный труд, от которого она и погибает.

Рассмотрение женских образов на материале устойчивых сочетаний русского языка и поэм Н. А. Некрасова: «Русские женщины» (княгиня Волконская) и «Мороз, Красный нос» (крестьянка Дарья) позволяет нам сделать следующие выводы:

1. Произведения русской художественной литературы могут отражать общественные представления о роли женщины разных социальных пластов (Волконская – княгиня, Дарья – крестьянка), в то время как фольклор фиксирует представления о женщине из народа.

2. Идеальные литературные образы русской женщины и идеальные образы русской женщины, зафиксированные в пословицах и поговорках, оказываются схожими по набору таких качеств, как доброта, терпение, сила воли, выносливость, гордость, чувство долга, настойчивость, религиозность. Такие отрицательные качества, как болтливость, лживость, лесть, непостоянство, скандальность, злость не получили отражения в изученных нами литературных образах.

3. Идеальный образ крестьянки фактически не меняется со Средних веков. Образ же дворянки эволюционирует, т. к. общество предъявляет к ней новые требования в разные эпохи.

4. Образы женщин в русской и английской культурах схожи, т. к. пословицы описывают практически одни и те же качества. Русские женщины, так же, как англичанки, очень любят общение, отлич-

чаются особой болтливостью и неумением хранить тайны. Абсолютное совпадение качеств наблюдается в таких тематических группах, как болтливость, глупость, непостоянство, скандальность, хитрость, слабость, разгульность, хозяйственность, упрямство.

5. Однако не все качества зеркально отражены в русских и английских пословицах. Так, в русских пословицах отсутствует упоминание о злопамятности женщин. В пословицах, характеризующих образ английской женщины, отсутствуют следующие черты, которые получили отражение в русских: выносливость, доброта и мудрость.

В результате проведенного исследования были проанализированы основные психологические, физические и интеллектуальные характеристики идеального образа женщины разных социальных групп. Заметим, что динамичными в плане изменения оказываются социальные представления о женщине, а взгляды о моральном и религиозном поведении женщины остаются неизменными.

Литература

1. Бабаева, А. В. Формы поведения в русской культуре (IX-XIX века) / А. В. Бабаева. – СПб., 2001. – 148 с.
2. Буковская, М. В. Словарь употребительных английских пословиц / М. В. Буковская, С. И. Вяльцева, З. И. Дубянская. – М., 1985. – 232 с.
3. Гварджаладзе, И. С. Английские пословицы и поговорки / И. С. Гварджаладзе. – М., 1971. – 156 с.
4. Даль, В. И. Пословицы русского народа. В 3-х т. / В. И. Даль. – М., 1993.
5. Кирилина, А. В. Категория gender в языкознании / А. В. Кирилина // Женщина в российском обществе. – Иваново, 1997. – № 3.
6. Костомаров, Н. И. Домашняя жизнь и нравы великорусского народа / Н. И. Костомаров. – М., 1993. – 397 с.
7. Кузьмин, С. С. Русско-английский словарь пословиц и поговорок / С. С. Кузьмин. – М., 1989. – 352 с.
8. Кунин, А. В. Англо-русский фразеологический словарь / А. В. Кунин. – М., 1955. – 1456 с.
9. Рябов, О. В. Русская философия женственности (XI-XX века) / О. В. Рябов. – Иваново, 1980. – 357 с.
10. Снегирев, И. М. Словарь русских пословиц и поговорок. Русские в своих пословицах / И. М. Снегирев. – Нижний Новгород, 1997. – 622 с.
11. Фразеологический словарь русского языка / под ред. А. И. Молоткова. – М., 1986. – 534 с.
12. Женские образы в русской культуре: сборник научных статей / Кемеровский государственный университет. – Кемерово, 2001. – 85 с.

УДК 811.161.1'37

ОСОБЕННОСТИ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ КОНЦЕПТА «СВОБОДА»

(на материале текстов русских рок-групп)

С. В. Степанович, Е. Н. Чусева

В последнее время особый интерес в области лингвистики представляет изучение взаимосвязи «язык – культура – человек». С антропоцентрическим подходом к исследованиям связано изучение базовых понятий культуры, обозначаемых в современной науке термином «концепт». Термин «концепт» является междисциплинарным и неоднозначно понимается в рамках различных наук. Так, в понимании **Ю. С. Степанова**, концепт – это ступень культуры в сознании человека, обладающий сложной структурой и включающий в себя понятие, этимологию, а также современные оценки и ассоциации. Причём, Ю. С. Степанов изучает только те концепты, которые являются наиболее устойчивыми и постоянными, называя их константами. Работа Ю. С. Степанова «Константы. Словарь русской культуры» стала первым в нашей литературе опытом систематизации и описания таких ценностей культуры, которые заложены в понятиях, концептах. Автор выявляет истоки концептов и прослеживает их изменения через взгляды мыслителей, писателей и рядовых членов общества до наших дней. Проводится исследование в четыре этапа. Сначала выявляется этимология концепта, затем его европейская история, после рассматривается его русская история, и в заключении даётся понятие о значении концепта в современности. Иллюстративным материалом служит подбор цитат, которые яв-

ляются выражением «коллективного бессознательного» [12].

Н. Д. Арутюнова трактует концепт как понятие практической философии, возникающее в результате взаимодействия национальной традиции и фольклора, религии и идеологии, жизненного опыта и системы ценностей. Исследуя концепты, Н. Д. Арутюнова обращается к мифам, библейским текстам, а также к художественным прецедентным текстам [1].

В. Карасик говорит о концептах как о квантах переживаемого знания, совокупность которых является концентрированным опытом человечества, этноса, социальной группы и личности. В своей монографии «Языковой круг: личность, концепты, дискурс» он анализирует социолингвистические и прагматические типы дискурса как текста в ситуации реального общения [4].

Ф. Ф. Фархутдинова даёт следующую трактовку термину «концепт» – это структурно и образно организованное инвариантно-вариантное знание определённого социума о каком-либо явлении духовной и материальной культуры, реализующийся через пространство разноразмерных и разнорядковых языковых знаков и речевых произведений, связанных между собой парадигматически и синтагматически и/или ассоциативно [5].

Г. П. Корчевская в своей работе «Концепт «Москва» в русской языковой картине мира», совмещая точки зрения Аскольдова, Лихачёва, Степанова и Воркачёва, трактует **концепт** как вербально выраженную содержательную единицу сознания, которая имеет в основе соответствующее понятие, обогащаемое культурными смыслами и индивидуальными ассоциациями, которое изменяется вместе с развитием языка и культуры [7].

Таким образом, для исследователей-лингвистов концепт включает следующие признаки:

1. Концепт объединяет культурные и языковые смыслы.

2. Концепт имеет сложную структуру (понятие + этимология + современные оценки и ассоциации).

3. Концепт обладает постоянными и вариативными признаками.

Наше исследование посвящено изучению концепта «свобода» на материале текстов песен русских рок-групп.

В русской культуре концепт «свобода» имеет особенное значение, что было отмечено В. А. Масловой, В. В. Колесовым. Однако, как утверждает В. А. Маслова, возведение лексемы «свобода» в ранг концептуальных связано с демократизацией современного общества. На протяжении всей истории своего развития Российское государство не часто проявляло потребность в свободе. Это доказывает и трехсотлетнее татаро-монгольское иго, и длительное удержание крепостничества, и установление тоталитарного режима. Все же там, где есть гнет и давление, неизбежен бунт и стремление к освобождению. На сегодняшний день понятие «свобода» активно используется в разных сферах: в политике, в воспитании творческих, свободных от стереотипов, личностей, в рекламе, призывающей к свободе и раскрепощению.

В. А. Маслова отмечает, что для русского человека «свобода» – это не только независимость, отсутствие гнёта, но и отсутствие всяческих ограничений, возможность поступать по собственному желанию. Часто «свобода» сводится к отсутствию добровольно принятых на себя обязательств. В. А. Маслова говорит о том, что для русского человека свобода имеет невысокую цену, сама русская душа спелёнута, лишена свободы. Эту же особенность отмечал П. П. Кончаловский, подчеркивая, что свобода не есть абсолютное благо, свобода – не для русского человека. Кроме того, в своем исследовании В. А. Маслова описывает символику «свободы» в разных культурах (в римской – женщина со скипетром в руках и в колпаке, в американской – статуя женщины с факелом в руках, в русской – колокол, как глас Бога). Лучше понять особенности семантики концепта помогают выстроенные синонимические и антонимические ряды. Синонимами к «свободе» выступают такие понятия, как «воля», «вольность», «независимость», «приволье», «раздолье», «простор»; антонимами – «принуждение», «насилие», «стеснение», «неволя», «рабство», «угнетение», «запрет», «тюрьма» [8].

В. В. Колесов в своём исследовании делает акцент на этимологию. Обращаясь к истории языка, В. В. Колесов пишет о том, что слово «свобода» произошло от возвратного или притяжательного местоимения *SWOS – «свой» и изначально было связано с понятием «собственность». Свобода – суть этой жизни, одно из слагаемых совокупности признаков свободного члена рода. Прослеживается и этимологическая связь с лексемой «особь» («собь» – существо). Так «собь» без свободы не существует, но и «свобода» сама по себе ничто, она складывается из множества «о-собь-ей». Позднее слово «собь» трансформируется в «особа», что означает «персона», «личность». Свобода для древних славян обозначает свободное состояние, но только внутри рода. Абсолютную же независимость человека от власти рода наши предки понимали как разнузданность и своеволие, ничего общего со свободой не имевшие (собственно, в средние века «свобода» – не просто независимость, но и справедливость). Значения «вольность», «разнузданность» перешли в нашу культуру гораздо позднее [6].

Иллюстрируют точку зрения В. В. Колесова и данные этимологического словаря М. Фасмера. В статье, посвящённой слову «свобода», говорится о том, что оно произошло от праславянской формы *sveboda, svěboda и связано с церковнославянским *свобѣство*, *свѣбство*, где *svoьь от svoьь, то есть «положение свободного, своего члена рода» [14].

Изучая абстрактный концепт «свобода», мы опирались на методику концептуального анализа, предложенную М. В. Домбровской в статье «Концепты и методы их описания», которая включает следующие приемы:

1. Лексикографическое исследование.
2. Ассоциативный анализ.
3. Построение гипотезы.
4. Описание художественного концепта.

М. В. Домбровская утверждает, что при изучении универсальных философских понятий, к которым относится и исследуемый нами концепт, ведущую роль занимает метод построения гипотезы. Лексикографическое описание и ассоциативный анализ выступают при таком описании как дополнительные [3]. Следуя утверждению М. В. Домбровской, мы выдвинули гипотезу: *в русской рок-культуре концепт «свобода» имеет особое смысловое наполнение, отличное от общекультурного.*

Рок-музыка – яркое явление, которое не могло остаться незамеченным в мировой культуре. Зародившись на другой стороне земного шара, в Америке, рок-н-ролл был изначально танцевальной музыкой, которая представляла собой сочетание упрощённого и быстрого по темпу ритм-энд-блюза и музыки кантри. А возникшее впоследствии понятие «рок-музыка» происходит непосредственно от «рок-н-ролл». На первых этапах своего существования рок не нес особой смысловой нагрузки, и тексты были лишь дополнением к музыке. Позже тексты рок-песен становятся социальными и даже философскими. Апогея данная тенденция достигает в русском роке, где доминирующую позицию зани-

мает смысловое содержание. Это связано с историей укоренения рок-музыки на просторах СССР, где она появилась не как лёгкая танцевальная музыка, а как оппозиция массовой культуре и государственному строю. Естественно, что каждое субкультурное движение (панки, металлисты, байкеры, хиппи) вкладывало свои смыслы в содержание любого культурно значимого понятия.

Используя данные толковых словарей (БАС, МАС, Ожегов, Ушаков, Даль), мы выявили основные составляющие понятия «свобода» в русской культуре:

1. Возможность проявления субъектом своей воли на основе осознания законов развития природы и общества.

2. Независимость, отсутствие стеснений и ограничений, связывающих общественно-политическую жизнь и деятельность какого-нибудь класса, всего общества или его членов.

3. Лёгкость, отсутствие затруднений в чём-либо.

4. Состояние того, кто не находится в заключении, в неволе.

Материалом нашего исследования послужили 30 песенных текстов рок-групп, названия которых содержат лексему «свобода». Нами было рассмотрено творчество следующих рок-групп: «Ария», «Люмен», «Кипелов», «Гражданская оборона», «Наив», «Тараканы» и др. На основе контекстного анализа было выделено множество различных трактовок концепта «свобода». Так, в песне «Я свободен» (группа «Кипелов») «свобода» понимается как «смерть»: в реальной действительности человек никогда не может ощутить себя по-настоящему свободным; над ним постоянно довлеют страсти, законы, общество:

Надо мною тишина, небо полное огня.

Свет проходит сквозь меня,

И я свободен вновь.

Я свободен от любви, от вражды и от молвы,

От предсказанной судьбы

И от земных оков.

Свобода приравнивается к смерти и в песне «И корабль плывёт» (группа БИ-2):

Отпустите синицу на верную смерть,

*Пусть её приласкает **свобода**.*

Эта же аналогия проводится в песне «Всё в порядке» (группа «Гражданская оборона»):

Пятна крови на асфальте, пятна крови на земле,

Параллельно коммунизму речь кровавая течёт.

*Беззаветная **свобода** во свинцовом во гробу.*

В консервированном месте буду петь и танцевать.

Также в одной из композиций певца Дельфина есть следующая строка:

*Смерть – безупречная **свобода**.*

В песне «Иллюзия свободы» (группа «Наив») «свобода» трактуется в её политическом смысле: в нашем государстве человек никогда не был политически свободным; власть народа – лишь иллюзия:

Я слышу без конца весёлые призывы

За веру, за царя и прочие активы.

Их правила игры: им весело, мы плачем.

Но мы надеемся на то, что может быть иначе.

***Иллюзия свободы**. Приходит время грустных дум.*

Нас не спасает сердце и не спасёт холодный ум.

Об этом же поёт в своей песне «Мёртвый сезон» лидер группы «Гражданская оборона» Егор Летов:

Достойны прецеденты, чтоб не было репрессий

Ни разу не бывало, чтоб не правил террор

*История не знает, чтоб хоть раз была **свобода***

История не знает, чтобы не было фашизма.

В тексте песни «Свобода» (группа «Люмен») исследуемый нами концепт понимается как абсолютная ценность. Внутренняя потребность в свободе настолько сильна, что без неё жизнь не имеет смысла. Появляется почти физическое ощущение отсутствия свободы:

*За **свободу** можно второй раз родиться,*

Сдохнуть тысячи раз, но не опуститься,

Бороться и драться, проиграть, но не сдаться,

Идти много лет, но всё же добраться.

Я задыхаюсь, мне всё теснее с каждым годом.

*Я широко раскрыл глаза, но не могу найти **свободу**.*

В песне «Улица свободы» (группа «Тараканы») «свобода» – это неограниченное пространство: космополитизм, свобода передвижения, возможность идти в любом направлении:

*Я живу в чудесном городе земли на **улице свободы**.*

Во все моря отсюда ходят корабли

И во все концы взлетают самолёты.

Ты можешь быть моим соседом

И не важно кто ты

*На **улице свободы***

В песне «Я абсолютно свободен» (группа «Ноги Вини Пуха») свобода воспринимается как возможность самому решить как детерминировать себя в социальной среде. Освобождение от стереотипов общества и его законов дает возможность герою самому решать, быть ему «хорошим» или «плохим»:

Я – абсолютно свободен,

Я могу быть любым.

Я могу быть ненавидим

И могу быть любим.

Я могу украсть

И могу раздать.

*У меня есть **свобода**,*

Я могу выбирать.

Песня «Свобода» (группа «Пятница») провозглашает свободу от отношений с противоположным полом. Лирический герой утверждает, что сложность межличностных отношений является препятствием для его духовной свободы. Следовательно, прекращение этих отношений – залог освобождения:

Мы летали, рассыпали

Пыль, упали с головой,

Но не той темнотой.

Ой-ой-ой.

Как это было

Ты не помнишь, ты забыла,

Дверь закрыла.

Ну и прр с тобой!

***Свобода** пока. **Свобода**!*

Об этом же поется в песне «Свобода» (группа «Торба-на-круче»):

Осточертевшая возня –

Моя любовь! И где награда?

Ты со мной, но без меня.

И надо, надо повернуть на девяносто

Градусов. Пусть будет путь, пусть будет просто

Новым до мелочей.

Снова и опять ничей.

Свобода, здравствуй!

В песне «Стань свободным» (группа «Stab») указывается на зависимость человека от своих внутренних комплексов и страхов. Стать свободным – значит избавиться от них:

Закрой глаза, забудь свой страх,

Порви оковы, сними маску.

Тебе некуда больше бежать,

Почувствуй реальность, открой свой разум.

Ты больше не можешь скрывать эту боль,

Стань свободным, сломай преграды!

Стань свободным от чёрных идей,

Теперь ты знаешь, что тебе надо.

Встречается не только положительная, но и отрицательная трактовка понятия «свобода». Нередко рок-музыканты под стремлением к свободе понимают употребление психотропных веществ, алкоголя или других средств отрыва от реальности. Так, в песне «День закрытых дверей» (группа «Слот») есть следующая строчка:

*Индивид бухает на пути к **свободе**,*

Молится, колется или с ума сходит.

*Потом эта **свобода** его похоронит.*

Таким образом, на основе текстов русских рок-групп, нами были выявлены наиболее актуальные смыслы концепта «свобода» в данной субкультуре: свобода – это высшая внутренняя потребность человека, проявляющаяся в отсутствии ограничений в общественной и политической жизни, это независимость от социальных стереотипов, межличностных отношений, внутренних комплексов и страхов. Свобода часто ассоциируется с отрывом от реальности, с возможностью управлять собственным сознанием. Абсолютная свобода возможна лишь в состоянии смерти: когда нет ни того, кого угнетают, ни того, что гнетет. На наш взгляд, именно последние при-

знаки отличают осознание представленного концепта в рамках данной субкультуры.

Литература

1. Арутюнова, Н. Д. Язык и мир человека / Н. Д. Арутюнова. – М., 2000.
2. Даль, В. И. Толковый словарь живого великорусского языка / В. И. Даль. – М., 1994. – Т. 4. – С. 70.
3. Демьянков, Д. Энциклопедия. Альтернативная культура / Д. Демьянков. – М., 2003.
4. Домбровская, М. В. Концепты и методы их описания / М. В. Домбровская // Картина мира: язык, философия, наука. – Томск, 2001. – С. 29 – 31.
5. Карасик, В. Языковой круг: личность, концепты, дискурс / В. Карасик. – М., 2004.
6. Козина, И. О. Лингвокультурологический анализ русского концепта «грех» / И. О. Козина. – Иваново, 2003.
7. Колесов, В. В. Древняя Русь: наследие в слове / В. В. Колесов. – СПб., 2000.
8. Корчевская, В. Г. Концепт «Москва» в русской языковой картине мира / В. Г. Корчевская. – Владивосток, 2002.
9. Маслова, В. А. Социальные понятия и отношения – свобода, воля, дружба, война / В. А. Маслова // Когнитивная лингвистика. – Минск, 2004.
10. Ожегов, С. И. Словарь русского языка / С. И. Ожегов. – М., 1987. – С. 611.
11. Пищальникова, В. А. Значение и концепт / В. А. Пищальникова // Русский язык в школе. – М., 2007. – № 4.
12. Словарь современного русского языка (БАС). – М., 1948. – Т. 13. – С. 394 – 398.
13. Словарь русского языка (МАС). – М., 1988. – Т. 4. – С. 52 – 53.
14. Степанов, Ю. С. Константы. Словарь русской культуры / Ю. С. Степанов. – М., 1998.
15. Стернин, И. А. Язык и национальная картина мира / И. А. Стернин, З. Д. Попова. – Воронеж, 2003.
16. Ушаков, Н. Д. Толковый словарь русского языка / Н. Д. Ушаков. – М., 1940. – Т. 4. – С. 95 – 96.
17. Фасмер, М. Этимологический словарь / М. Фасмер. – М., 1987. – Т. 3. – С. 582 – 583.

УДК 811.111 □'1

АУДИОВИЗУАЛЬНАЯ КАРТИНА ВОЙНЫ (на материале англоязычной военной поэзии) С. П. Тиунова, Н. В. Рабкина

Традиционно концепт связывается в основном со зрительным восприятием. Эта особенность отмечена еще в определении С. А. Аскольдова: концепт – наглядно-образное представление символического характера, сохраняющее определенное структурное сходство с объектом отображения (Аскольдов, 1997: 26). Но, в силу того, что в концептуальную структуру может поступать и слуховая, и моторная инфор-

мация, которую невозможно представить в виде картинки, многие концепты организованы более сложным образом.

1. Цвет. Цвет играет большую роль в категоризации мира. Традиция упорядочивания объектов и событий в их символической окраске восходит к глубоко архаическому мышлению (Тернер, 1979). Согласно теории А. Вежбицкой, цветовые концеп-

ты связаны с определенными универсальными элементами человеческого опыта. Цветовое восприятие возникает тогда, когда мы связываем наши зрительные категории с определенными, доступными человеку, универсальными образцами или моделями, такими, как огонь, солнце, растительный мир, небо, земля, день и ночь. Таким образом, чтобы говорить о цвете, мы должны спроектировать свое восприятие на то, что нас окружает (Вежбицкая, 1996). Цветовые обозначения довольно часто становятся символами. Цветовой символизм, объединяя объекты, имеющие для субъекта сходный эмоциональный тон, помогает выделить закономерности, позволяющие ориентироваться в мире (Петренко, 2005: 177). Цветовой символизм может быть связан с ассоциативной памятью, как это видно из современной антивоенной поэзии Интернет, где лирический герой высказывает предпочтение жить в черно-белом мире, так как красный вызывает у него ассоциации с кровью, голубой – с гангреной и т. д.: *I wish I had been born into a colorless world, / of no difference. / No blood. / No bluebabies. / No gangrene. / For no more bruises, / I would give up summer grapes, / milk with blackberries, / and, along the fence, my purple irises* (B. Roberts, *Black and White Films Are Better*).

Исследование цветового символа в контексте англоязычной военной лирики помогает установить ее континуальность. Символ связывает эпохи, вписывает произведение в культурную диахронию, проливает свет на преемственность традиций. При этом символическое употребление цветовых обозначений не всегда только приносится в текст из культуры (Маслова, 2001: 105-107). Оно может объясняться эмоциональным состоянием автора. Так, исследования взаимосвязи цветовых предпочтений (тест Люшера) и эмоционального состояния человека, вызванного суггестивной техникой психосинтеза, показали, что различным эмоциональным состояниям соответствует различный характер цветовых предпочтений (Петренко, 2005: 179-187). Символическое употребление слова может быть сформировано уже в каком-то отдельно взятом конкретном тексте, в текстах одного автора или в текстах разных авторов, но объединенных общей тематикой. Символика цвета, как и военный жаргон, может служить фактором, объединяющим определенные группы людей: например, те отрицательные коннотации, которые вкладывал в цветовое обозначение «green» поэт Вьетнамской войны, в полной мере раскрываются только перед тем читателем, который бывал в джунглях. Символика цвета также может быть индивидуальной, то есть иметь значение только для одного человека. Так, черные и красные чернила имеют особенное значение для служащего госпиталя, который на протяжении всей войны вел счет погибшим. Через поэзию он стремится объяснить свои специфические ассоциации провиденциальному собеседнику: *Drawing red lines on a chart / With a diligent ruler and pen, / Keeping a record of men, / Numbers and names in black ink - / Numbers and names that were men* (The Chart, W.W.Gibson).

Серый, белый и черный относятся к так называемым **ахроматическим цветам** (от греч. бесцветный): они не имеют цветового тона как такового и различаются друг от друга только по яркости. Эти цвета связаны с сумеречным зрением.

Серый. Согласно исследованиям Г. Клара (Клар, 1975), серый цвет символизирует барьер, отгораживающий от раздражителей внешнего мира и стрессовых ситуаций, это цвет защиты от проникновения во внутренний мир. В лирике IMB серый цвет обретает новое символическое наполнение, что связано со спецификой боевых действий на грязевых полях в этот период (см. выше).

- Серый цвет здесь концептуализируется как отсутствие «живой жизни». Это цвет подземного мира (*Death's grey land*), вырвавшегося на поверхность, то есть маркер ситуации разрушения концептуальной вертикали.

- Серый – маркер смерти, он отделяет живую плоть от неживой: *The well known rosy colours of his face / Were almost lost in grey* (*The Dead Fox Hunter*, R. Graves).

- Это цвет надвигающегося **шторма**, в который война окрашивает небо: *Where the clouds went gray with the gloom of war, / You marched upon a foreign land* (M. Winkler, *The Soldier*).

- Универсум, окрашенный в серые тона, равнодушен к страданиям человека (*disastrous silence of grey earth and sky; blank sky*): земля пуста и безжизненна («лунный пейзаж» грязевых полей - *grey, cratered like the moon*).

Белый. В плане прототипа **белый цвет** может воплощать две очень разные точки референции: временную (день) и пространственную (снежный пейзаж) (Вежбицкая, 1996: 251). В концептуальном пространстве войны этот цвет сопутствует смерти в составе ее традиционного символа – костей (*white bones, whitened bones*).

- Здесь затронута и тема забвения, типичная не только для военной лирики исследуемого периода, но и для всей англосаксонской поэзии (Мапошина 2000): сады превращаются в кладбища безымянных костей (*bone-yards*).

Черный цвет имеет в качестве прототипа «крошечную-черную» ночь (Вежбицкая, 1996: 251). По исследованиям Г. Клара, он выражает «идею ничто, ничто как абсолютный отказ, как смерть или как «нет» в боевом протесте» (Клар, 1975: 29).

- Черный цвет в пространстве войны (*black, to blacken, blackened, blackness, black-clad, black rain, etc.*) поглощает мир, переводит его в пространство не-бытия. Темнота в военных текстах омерзительна, всепоглощающа и глубока (*hideous, swallowing dark*).

- Черный – цвет смерти. Человек, погибший в погруженном в черноту пространстве войны, поглощается этой чернотой: мертвое тело лишь немного чернее общей черноты пейзажа (*So we groped our way in darkness / to a body lying there, / Just a blacker lump of blackness, / With a red blotch on his hair* (*His Mate*, G. A. Studdert Kennedy).

- В лирике Иракской войны этот цвет приобретает новое символическое наполнение: он связан с неофициальной причиной войны в Ираке – нефтью (*black riches, black gold*).

Вообще, оппозиция черный – белый разрушается в пространстве хаоса войны: воздух здесь чернеет от белого снега (*Sudden successive flights of bullets streak the silence. / Less deathly than the air that shudders black with snow, / With sidelong flowing flakes that flock, pause, and renew* (W. Owen, *Exposure*).

Восприятие **хроматических цветов** возможно при помощи системы дневного зрения.

Красный в военной поэзии – цвет самой войны: *All nations striving strong to make red war yet redder*. Неудивительно, ведь еще на мифологическом уровне красный – цвет бога войны Марса и посвященной ему планеты.

Красный цвет сам по себе неоднозначен: он кажется особо привлекательным, хотя иногда вселяет тревогу, это цвет как многих съедобных плодов, так и крови (Эйбл-Эйбесфельдт, 1995: 51). Красный цвет во многих культурах обозначает эротизм и сексуальную агрессию, а этот аспект на мифологическом уровне всегда был связан с войной (Кельтская мифология, 2003: 53-70). Г. Клар отмечает, что игнорирование красного цвета отражает физическое или психологическое истощение. Так, военнопленные, годами вынужденные жить в угрожающих условиях, особенно часто отвергали его при прохождении теста Люшера (Клар, 1975:15). В англоязычной культуре, в отличие от русской, красный цвет редко связан с положительными ассоциациями, и слово «red», как правило, используется с негативной оценкой (Привалова, 2005:185).

Прототипом красного цвета в природе может выступать как кровь, так и огонь. Ближайшим эквивалентом английского «red» во многих языках служит слово, этимологически восходящее к названию крови. Англ. «red», вероятно, связано с лат. «ardere» – гореть (Вежицкая, 1996:264).

Цвет крови и огня, красный всегда, явно или потенциально присутствовал в военных текстах.

- **Огонь** пожаров окрашивает небо (*red glare, sky tinged with scarlet*), но отблески взрывов только усиливают темноту (*glare makes the night even darker*).

- Красный связан с яростью (*red mist of anger*) и ослеплением (*blinded with a mist of blood*) и, следовательно, ориентирован на архетип **темноты**. (Ср.: «he saw red» - «у него в глазах потемнело»: *to see red* – прийти в ярость, потерять самообладание). Кровавый туман, как и вспышка (см. выше), знаменует переход во мрак не-бытия (*through crimson gloom to darkness*).

Связь красного цвета с кровью особенно актуальна для военной лирики.

- Цвет крови окрашивает пространство войны в красный цвет: **кровь** придает свой цвет земле и воде (*rivers of blood, red earth*), и виноват в этом сам человек: сначала кровь появляется на наших руках, а уже потом проливается на землю (*the blood is on our hands and will be spilled on our land*). В поэтическом универсуме войны, расположенном в пространстве

хаоса, происходит диффузия цветов – даже фиалки алы от крови: *Violets from Plug Street Wood, / Sweet, I send you oversea. / (It is strange they should be blue, / Blue, when his soaked blood was red, / For the grew around his head; / It is strange they should be blue.)* (Villanelle, R. A. Leighton).

- Э. Фромм приравнивает понятие «кровь» к понятию «жизнь», «жизненная сила» (Фромм, 1999). Потеря цвета, который придает человеку кровь, означает **смерть** (*He lost his colour very far from here, / poured it down shell-holes till the veins ran dry*). Кровь (цвет, жизнь) уходит под землю через воронки взрывов. Земля в контексте военной лирики предстает в образе некоего обезумевшего бога с картин Гойи, пожирающего своих детей (*Maniac Earth!*).

Солдат, павший на чужбине, становится землей – куском родной земли на далеком поле: *If I should die, think only this of me: / That there's some corner of a foreign field / That is forever England. There shall be / In that rich earth a richer dust concealed: / A dust whom England bore, shaped, made aware...* (R. Brooke, *The Soldier*).

Красный цвет крови может символизировать круговорот жизни и вечное **возрождение**. Земля, из которой сотворен человек (*homo ab humo*) и в которую он возвращается, снова дает ему жизнь: кровь погибших поднимается на средний уровень концептуальной вертикали по корням маков, растущих на полях сражений (*poppies whose roots are in men's veins* – *Break of Day in the Trenches*, Isaac Rosenberg).

Кровь часто концептуализируется как вино (*The red sweet wine of youth*), в связи с чем битва рассматривается сквозь призму метафоры пира, что восходит к традиционной символике эпического творчества разных народов (Сазонова, 1986:55). (Ср. «Слово о Полку Игореве»: *...ту кроваваго вина не доста, ту пиръ докончаша храбрые Русичи: свата попоиша, а сами полегоша за землю Рускую*).

Сходный мотив обрабатывается в стихотворении «Champagne» (A. Seeger), где кровь, пролитая на винограднике, превратившемся в поле битвы, возвращается на землю в шампанском. Кровь здесь предстает не просто как синоним жизни (*I shall not pass from Earth entirely*), но как метафора вместилища души – лирический герой выражает надежду на то, что однажды какая-то часть его самого сверкающим пузырьком на дне бокала снова станет частью живой «живой жизни» (*In beaming cups some spark of me shall still / Brim toward the lips that once I held so dear*). Разнонаправленный образ земли (земля, дающая жизнь и отбирающая ее), на который мы вышли через анализ цветообозначения, связан с двойственным характером роли матери-земли в мифологической и религиозной литературе.

Вообще, **смещение земли и крови** имеет ключевое значение для всей военной лирики в ее диахроническом аспекте. С того мгновения, когда кровь Авеля пролилась на землю, на земле началась непрерывная череда войн. **Отождествление вина**

с **кровою** также связано с этим ветхозаветным преданием. Так, христианский мистик 12 века Хильдегарда Бингенская писала о вине как о напитке сакральном и возвышающем: «Теперь земля, поврежденная до этого кровью Авеля, породила новый сок вина, и мудрость начала свою деятельность сначала» (цит. по: Словарь символов, 2003).

- Красный цвет крови вступает в **конфликт с зеленым** цветом растительности – изрытые взрывами поля, на которых была пролита кровь, еще долго не зазеленеют: *Not yet will those measureless fields be green again / Where only yesterday the wild sweet blood of wonderful youth was shed* (The Cenotath, Ch. Mew)

- Алый **мак**, в отличие от травы, символа забвения, трансформировался в символ **вечной памяти**. Этот изначально авторский символ (J. McCrae, *In Flanders Fields*) распространился из области военной лирики на всю западную культуру (Holt, 1999 : 52-64).

- Впрочем, красный, как цвет крови, может быть символом **нежелательной памяти**, неприятных воспоминаний, маркером психологической травмы: *Cover him! Cover him soon! / And with thick-set / Masses of memoried flowers – / Hide that red wet / Thing I must somehow forget* (I. Gurney, *To His Love*).

- С другой стороны, красный может выступать в качестве символа **очерствения души** солдата, видевшего слишком много крови: *Having seen all things red, / Their eyes are rid / Of the hurt of the colour of blood for ever* (W. Owen, *Insensibility*).

Зеленый. Попад в поле военной лирики поляризуются даже те понятия, которые в любом другом контексте не принадлежат к таким бинарным категориям. Так, **зеленый цвет** традиционно считается нейтральным, одинаково удаленным и от красноты ада, и от синевы неба. На материале германских языков подтверждается, что **зеленый** – значит веселый (Маслова, 2001: 106), но его символическое наполнение может варьироваться от вечного круговорота жизни до inferнальности. Для **зеленого** прототипом из окружающей среды является осязаемый, доступный непосредственному восприятию растительный мир. Эта связь просматривается даже на языковом материале: этимологически слово «green» связано с «grow» (Вежицкая, 1996:263).

Несмотря на то, что традиционно зеленый цвет ассоциируется с молодостью, весельем, весной – и, следовательно, возрождением, вечным круговоротом жизни, – в военной лирике он приобретает совсем другой смысл. Развитие этого отклонения от традиционной символики происходит в двух направлениях.

- В текстах 1МВ войны зеленый цвет как **цвет растительности** символизирует жизнь, движение вверх, к свету. Этот цвет принадлежит **плану прошлого** (*young green days*), **воспоминаниям** о весне, которые святы для лирического героя (*swear by the green of the Spring*), так как до следующей весны он не надеется дожить: *Two months ago the skies were blue, / The fields were fresh and green, / And green the willow tree stood up, / With the lazy stream between. /*

Two months ago we sat and watched / The river drifting by - / And now / you're back at your work again / And here in a ditch I lie. (To Sylvia, E. A. Mackintosh). Сходным образом окказионально употребляется и **голубой цвет** как цвет мирного неба (*when spring brings back blue days*).

В плане же настоящего растительной зелени нет – мы находим только упоминания жухлой, безжизненной травы (*shreds of dead grass, wasted herbage*),

- С другой стороны, зеленый цвет устремлен в будущее как цвет молодой **травы**, которая в конечном итоге покроеет поле боя (*soft stems of summer grass shall wave again*). Но, с точки зрения лирического героя, это не столько воплощение торжества жизни, сколько манифестация мировой несправедливости, власти рока (*I have a rendezvous with Death / When spring brings back blue days and fair. / It may be he shall take my hand / And lead me into his dark land... (A. Seeger, I Have a Rendezvous with Death)*).

Трава – один из древнейших литературных символов забвения, который традиционно сопутствует описанию руин еще в ранних поэтических памятниках. Здесь ярко проявляется преемственность символов. Например, строчка из древнеирландского стихотворения о заброшенном очаге Регода (цит. по: Матюшина, 1999): «*Yr aelnyd hon, neus eudd glesin*» (*Этот очаг, травянистый дерн покрывает его*) очень напоминает строчку из лирики 1МВ: «*Grass growing instead of the footsteps of life*». Подобно темноте и тишине, трава, растущая на развалинах, означает отсутствие людей, заброшенность, отсутствие жизни (*dark and abandoned*). Трава на поле боя, где когда-то ад вырывался из-под земли, как и песок пустыни, поглощающий следы боев, в смысловом поле военной лирики становится символом ничтожности человека на арене мировой истории: *I am the grass; I cover all* ("Grass" C. Sandburg).

Но символ не статичен, он живет и развивается. Попадая в определенное текстовое пространство, традиционный символ может приобретать как новые оттенки, так и совершенно новое наполнение.

- В контексте рассматриваемой лирики зеленый цвет получает и уникальное символическое наполнение: это цвет **смерти** – ядовитого газа иприта, который немцы применили во время Первой мировой под бельгийским городом Ипр. Этот эпизод вошел во всемирную историю войн как первый случай использования химического оружия массового поражения (см. упомянутое выше стихотворение "Dulce et Decorum est", где смерть от газа описывается как погружение в зеленое море). Ср. свидетельство очевидца: *"I saw a wall of light yellow cloud rising on the eastern horizon. The Germans were attacking with poison gas."* (Eye-Witness Accounts of the Great War, 2007).

- Зеленый – цвет солдатской **униформы**. В этом плане он становится маркером принадлежности к военным силам: *green kids, green legs, green parades, khaki limbs*. В стихотворениях женщин-поэтов начала XX века цвет хаки предстает символом чего-то романтического, он не отделен от об-

паза мужчины-героя: *I like to think of you as brown and tall, / As strong and living as you used to be, / In khaki tunic, Sam Brown belt and all, / And standing there and laughing down at me..* (M. Allen, *The Wind on the Downs*). Но те женщины, которым пришлось носить военную униформу в колониальных войнах второй половины XX века, описывают ее с помощью негативно окрашенных слов, как нечто не сочетаемое с образом женщины: *outsized, barbarian, ungainly, unkempt, baggy, ever wilted greens, filthy GI*.

С другой стороны, *зеленая* униформа еще и символ того, что в экстремальных условиях на первый план выходит не внешний вид, а внутреннее содержание человеческой души. В женской лирике это символ **равенства полов**: *A skinny black boy and a skinny white girl / clothed in green and damp confusion* ("Close Call" Dusty). Соединяясь с образом медсестры, *зеленая* униформа становится символом призвания исцелять и сострадать чужой боли, призвания такого же высокого, как и призвание поэта: *Emily in white, / I in green, / we do our work / endure and abide / tucking away the hurt...* ("Like Emily Dickinson" Dusty).

- Новое наполнение *зеленый* цвет получает в лирике второй половины XX века: это цвет **леса, джунглей**, Огромная масса *зелени* первобытного леса, которую не охватить ни взглядом, ни разумом – вот, что шокировало американских и европейских солдат. *Зеленый* цвет становится символом чужого, непонятного мира и постоянного напряженного, сводящего с ума ожидания опасности: *Black on Green, / Black on Green, / the darkest trees, / and on the ground, / and in between; / Men Wait... / Men Wait... / Men Wait... / Birds stop... / No buzz... / insects watch, / men listen... / hearts pound behind eyes bulge, / breath stops... / (Jungle change... / Freeze – Blend, / Wait...) / A different green - / on – black – on – green... / Something green – on – black - / on – green, / on – green... Wait... / Something explodes, / Something slams. / Something screams.* ("Ambush – Black on Green" J. M. Hopkins). Показательно, что аналогичное явление имеет место и в русском языке: «*зеленка*» – леса, в которых прячутся чеченские боевики (например, «бомбить *зеленку*»).

Обычная темная *зелень* леса сводится до **черного цвета – темноты**. *Зеленый* цвет деревьев, загораживающих обзор и превращающих зрячего в слепого, выполняет, так сказать, функцию темноты, боязнь которой заложена у человека на генетическом уровне, так как *homo sapiens* – животное дневное и не видит в темноте, а следовательно, беззащитен перед тем, что она может скрывать, – перед ночными хищниками. *Темнота* – неизменный спутник хаоса. Мифопоэтические описания мировых катастроф и катаклизмов предполагают не полное изгнание хаоса, а только его оттесненность вовне. Хаос остается в подсознании своего рода библейской «внешней тьмой» и с его остатками на земле связан ужас, порожаемый тьмой, ночью, бесформенностью, отсутствием надежных границ между человеком и царством хаоса (ЭМ, 1998:582).

Зеленый, таким образом, приобретает здесь негативную коннотацию черного цвета, принимает его

символическое значение (тьма, смерть, зло) и поляризуется относительно оппозиции КОСМОС / ХАОС.

Для участника войны в условиях тропического леса *зеленый* становится своего рода стимулом, вызывающим цепь ассоциаций и воспоминаний: *And I roll on, / to sit in a silent forest, / motionless, / rifle across my knees, / pistol on my hip, / and remember things that happened / twenty-five years ago. / Nothing moves but my mind and the wind / through the green, green leaves* ("Hover" J. M. Hopkins).

Много лет после войны, вид, казалось бы, никак не связанного с войной *зеленого* пастбища возвращает лирического героя к самому шокирующему воспоминанию его военной службы, и перед его мысленным взором снова встает горящая в огне напалма вьетнамская девочка, которую он не может забыть: *...she is burned behind my eyes / and not your good love and not the rain-swept air / and not the jungle green / pasture unfolding before us can deny it.* (D. Brown, *Song of napalm*).

- В поэзии, посвященной войне в Ираке, появляется новый аспект цветового символа «*зеленый*», и возникает новое противопоставление «*зеленый* как цвет безопасности» – «*красный* как цвет опасности» (сигнал опасности, «code red»). *Зеленый* связывается с понятием «green zone» – относительно безопасного района Багдада, контролируемого вооруженными силами союзников, своего рода островков упорядоченного пространства на территории хаоса. Стихотворение, посвященное жертвам взрыва в кафе на территории «green zone», получило название «Green Zone, Code Red» (M. Hillmer).

2. Звук. Война концептуализируется как громкий звук, из чего мы можем вывести метафору ВОЙНА – ЗВУК: *To-morrow will be loud with war* (Soliloquy, F. Ledwidge). Звук войны – это и звук разбивающихся сердец, и эсхатологический маркер – война высвобождает некое глобальное зло: *I hear the sound of war – and it is a universal sound of hearts and minds breaking, and no matter what the cause it is always the distorted sound of such a great evil loosed upon the earth* (Early Morning Baghdad, L. Koenig).

Звуковая картина войны состоит из двух крайностей – грохот битвы и тишина: *War! / It is a terrible thing. / It can silence a town like it is a deserted desert. / It can be as loud as a stampede of bison* (R. Bhansali, WAR).

Первая – **грохот битвы**. Громкие звуки оказывают разрушительное воздействие на нервную систему. Так, немецкий офицер Э. Юнгер (IMB) в своих воспоминаниях писал, что, разбуженные ночью грохотом массовой артиллерийской атаки, солдаты не могли даже вспомнить свое имя или сосчитать до трех (Eye-Witness Accounts of the Great War, 2007: 5). Описание грохота битвы – мотив, не изменившийся за века. В мифологии разных народов богов войны объединяет одинаковая звуковая характеристика: боевой клич – «словно крик десяти тысяч воинов» (Кельтская мифология, 2002:57). Описание грохота битвы – обязательный компонент многих эпических поэм: *mid prasse – with tumult*;

bærst bordes lærig, and seo byrne sang gryreleoða sum (The Battle of Maldon 284 – 285) – *Shield's rim burst, and the byrnie sang a terrible song;*

þær wearð hream ahafen, hremmas wundon, eam æses georn; wæs on eorþan cyrm (The Battle of Maldon 108-107) – *Clamor was raised there. Ravens circled, eagles, eager for carrion. There was uproar on earth;*

fugelas singað, gylleð græghama, guðwudu hlynneð, scyld scefte oncwýð (The Battle of Finnesburh, 5-7) – *Birds of battle screech, the gray wolf howls, spears rattle, shield answers shaft.*

(Ср. «Слово о Полку Игореве»: «С зарания до вечера, съ вечера до сѣѣта летять стрѣлы каленыя, гримлють сабли о шеломах, трещать копия харалужныя въ полѣ незнаемѣ, среди земли Половецкыи». «Копия поютъ!»)

Битва (*moaning fight, the thundering line of battle*), представлена как **хаос звуков**:

- звуки, издаваемые оружием (*coarse roar, rumbling, bumping, rolling thunder, gun thunders, resonant burst of fire, roaring jets, shells go crying, clamour of shells, bullets whistling, bullet sings, deathly clatter of the bullets*);

- грохот рушащихся строений (*the crash of glass, blasted buildings reach their thund'rous fall*);

- человеческие крики (*battle cry, cries of loss, sun-drenched cry, gargoyle shriek, children's screams, moaning, sobbing agonized cries, sounds of overimpending assault, thunder-filled nightmare, humans crying, choked cries*).

Оружие подвергается персонификации: оно может издавать звуки, более типичные для живых существ (сочетаемость с такими глаголами, как *cry, sing, shriek, wail*). Грохот оружия сравнивается с грохотом волн, разбивающихся о рифы, а образ моря восходит к архетипу хаоса: *So I crawled round on my belly, / And I listened to the roar / Of the guns that hammered Thielpval, / Like big breakers on the shore* (His Mate, G. A. Studdert Kennedy). Звук в концептуальном пространстве войны сам по себе может нести разрушение: *Shriek of bullet that tears the wind like a blade* (R. Aldington, *In the Trenches*); *air-raid sirens wail cutting the night into ribbons*. От этого шума рвутся барабанные перепонки и рушатся стены: *There was this terrific battle. / The noise was as much / As the limits of possible noise could take. / There were screams higher groans deeper / Than any ear could hold. / Many eardrums burst and some walls / Collapsed to escape the noise. / Everything struggled on its way / Through this tearing deafness / As through a torrent in a dark cave* (T. Hughes, *Crow's Account of Battle*).

Звуки, издаваемые орудиями, описываются как звуки ада: *'Apres la guerre fini', till hell all had come down, / Twelve-inch, six-inch, and eighteen pounders hammering hell's thunders* (I. Gurney, *Strange Hells*). From the clamorous thunder you cannot shroud, / of lead and gas it rains, / and with bombshells whistling passed the ear, / the midst of hell remains (V. Smith, *Portrait of War*). Персонифицированная смерть, вырвавшаяся на второй уровень концептуальной вертикали, также дополняет звуковую картину (*in the air death moans and sings; the air is loud with death;*

death rattles in the throat of soldiers begging for peace and love; whoosh of death): From death that hurtles by / I crouch in a trench day-long (The rainbow, L. Coulson). Смерть одновременно предстает и как освобождение, желанный выход из пространства войны, заполненного хаосом звуков: *Then in the lull of midnight, gentle arms / Lifted him slowly down the slopes of Death, / Lest he should hear again the mad alarms / Of battle, dying moans, and painful breath* (A Soldier's Grave, F. Ledwidge).

Музыка в универсуме войны обладает космогонической функцией. То есть способна создавать космос из хаоса, упорядочивать мир, вписывать его в уже имеющуюся концептуальную систему. Так, мотив ритмизации как способа космизации хаоса мы находим в англосаксонском эпосе «Беовульф». Чудовище Грендель испытывает иррациональную ярость по отношению к пиршественному залу: его раздражают не люди, веселящиеся в нем, а играющая в нем арфа и певец, повествующий о создании мира и о том, как Бог отдал его человеку (Magennis, 1996: 88-90). Сакральная функция упорядочивания вселенной, присущая древним ритуальным танцам, потенциально присутствует в военных маршах. Это можно наглядно продемонстрировать на примере стихотворения Р. Киплинга «Boots», где он сознательно имитирует ритм марша: *«I – have – marched – six – weeks in 'ell an' certify / is – not – fire – devils, dark or anything, / But boots – boots – boots – boots – movin' up and down again, / and there is no discharge in the war!»* Космогоническая роль музыки просматривается на примере символа банджо. Этот музыкальный инструмент, чье происхождение Киплинг связывает с древнегреческой лирой, выступает связующим звеном солдата-колониста и Империи, Города: *«I am Memory and Torment, I am Town»* (The Song of the Banjo). При этом, если ритм марша призван передать неотвратимость судьбы, объединяющей людей против их воли на пути к смерти, то свободная импровизация банджо удерживает от распада весь мир Империи: *«So I draw the world together link by link: / Yea, from Delos up to Limerick and back!»* (The Song of the Banjo). Музыка с ее организующей функцией в универсуме войны также метафоризируется как живое существо – ее можно убить: *... the sounds of oud / and dombek and / citharra murdered / shattered in our bombast* (M. Withers, *Losing Babylon*). Хаос звуков войны представляет собой некую адскую мелодию, чья функция уже не космизация пространства, а его разрушение (*hell's melody, deafening rhapsody*). Эта мелодия разрушения – единственный погребальный звон, которого удостоились безымянные солдаты: *What passing bells for these who die as cattle? / Only the monstrous anger of the guns. / Only the stuttering rifles' rattle / Can patter out their hasty orisons.* (W. Owen, *Anthem for Doomed Youth*). Единственные песни в пространстве войны – это песни сирен, предупреждающих о воздушных налетах: *We went mad for money and power / and the only songs that move us now / are air raid sirens in the desert* (S. A. Joyce, *Summer of Fire*).

Звук здесь также связан с памятью. И через много лет, когда все участники войны будут мертвы, земля на поле битвы будет отдаваться эхом: *Earth will echo still, when foot lies numb an voice mute* (С. Н. Sorley, *All the Hills and Vales Along*). Определенный звук, даже не громкий, может стать сигналом, вызывающим в памяти неприятные ассоциации. К примеру, звук падающего в грязь мертвого тела навсегда остается в памяти солдата: *Though we turned him gently over, / Yet I still can hear the thud, / As the body fell face forward, / And then settled in the mud* (His Mate, G. A. Studdert Kennedy).

Другая противоположность – **тишина**: *ghostly silence* (*world beyond sound, dead silence*). Эта тишина страшнее грохота взрыва, так как следует после него и, следовательно, это тишина мертвая, тишина между спуском курка и последующим взрывом (*a bright line of silence*). Ср. воспоминания свидетелей взрыва ядерной бомбы в Хиросиме: «...над городом и его уцелевшими жителями воцарилась тишина. Люди страдали и умирали, не произнося ни слова, не издавая ни звука. Процессы раненых также были безмолвны» (Цит. по: Адамович, 1986:538). Тишина в военной поэзии имеет то же символическое наполнение, что и темнота. «Темнота скрывает вид, тишина скрывает звук, и то, и другое возвращает к состоянию до-творения, то есть к хаосу. И то, и другое содержит в себе опасность перехода в иной мир и в модели мира соответствует оппозиции жизнь / смерть. Пока мир вокруг виден и слышен – человек жив» (Цивьян, 2006: 249). В этом смысле к тишине и темноте примыкает неподвижность – ср. описание трагедии 11 сентября: *New York was quiet, / the air was still, surreal air, / no one was in the street, / not a car, taxi or bus was moving / plume of smoke, / the blanket of ash was like snow* (*Surreal Patriotism*, J. Maher). Тишина (*screaming numbness, disastrous silence of grey earth and sky, tearing deafness*) связана со смертью: *Rufina Amaya will always be / in the forest of felled bodies / looking for her four young children. / Her mouth is stuffed with death / and skewered shut* (F. Dacey, *After the Attack*). Потерять голос (*ice-bound throat*), онеметь, погрузиться в тишину означает умереть, выйти из мира звуков в беззвучное пространство смерти (*join to the great sunk silence, silence heaped round him*). Молчание – обязательная характеристика мертвого тела (*fleshless mouth, mouthless dead, soundless soul*): *The wheels lurched over sprawled dead / But pained them not, though their bones crunched, / Their shut mouths made no moan.* (I. Rosenberg, *Dead Man's Dump*). Тишина – все, что остается от человека после смерти: *Stand up in the silence they've left and listen; those absent ones, unknown and unnamed – remember!* (Umoja: *Each One of Us Counts*, R. Dove). Тишина связана с эпическим

мотивом страха забвения: человек жив, пока жива память о нем, пока о нем **говорят** (*under the clash of wind and rain those bones crashed to dust until at last ghost sounds quieted; voice fades into the smoke*).

Литература

1. Адамович, А. Моление о будущем / А. Адамович // Слово о Полку. 800 лет. – М., 1986. – С. 536-539.
2. Аскольдов, С. А. Концепт и слово / С. А. Аскольдов // Русская словесность. От теории словесности к структуре текста: антология. – М., 1997. – С. 267 – 280.
3. Вежбицкая, А. Язык. Культура. Познание / А. Вежбицкая. – М.: Моск. словари, 1996. – 416 с.
4. Клар, Г. Тест Люшера / Г. Клар; пер. с англ. – М., 1972. – 257 с.
5. Маслова, В. А. Лингвокультурология / В. А. Маслова. – М., 2001. – 257 с.
6. Матюшина, И. Г. Руины: становление топики в средневековой европейской лирике / И. Г. Матюшина // *Arbor Mundi*: Мировое древо. – 2000. – Вып. 7. – С. 11 – 38.
7. Петренко, В. Ф. Основы психосемантики / В. Ф. Петренко. – 2-е изд., доп. – СПб.: Питер, 2005. – 480 с.
8. Сазонова, Л. И. Комментарии / Л. И. Сазонова // Слово о Полку Игореве. 800 лет. – М., 1986. – С. 46 – 69.
9. Тернер, Ф. Поэзия, мозг и время. Красота и мозг / Ф. Тернер, Э. Пёппель // Биологические аспекты эстетики: [пер. с англ.] / под ред. И. Ренглера, Б. Херцбергер, Д. Эпстайна. – М., 1995. – С. 74 – 97.
10. Эйбл-Эйбесфельдт, И. Биологические основы эстетики. Красота и мозг / И. Эйбл-Эйбесфельдт // Биологические аспекты эстетики: [пер. с англ.] / под ред. И. Ренглера, Б. Херцбергер, Д. Эпстайна. – М., 1995. – С. 29 – 74.
11. Энциклопедический словарь символов / сост. Н. А. Истомина. – М.: АСТ, 2003. – 1056 с.
12. Кельтская мифология: энциклопедия. – М.: Эксмо, 2002. – 640 с.
13. Фромм, Э. Анатомия человеческой деструктивности / пер. с англ. Л. М. Телятникова, Т. В. Панфилова; Э. Фромм. – Мн.: Попурри, 1999. – 624 с.
14. Eye-Witness Accounts of the Great War. – Ieper, 2007. – 12 p.
15. Holt, T. Poets of the Great War / T. Holt, V. Holt. – South Yorkshire: LEO COOPER, 2004. – 256 p.
16. Magennis, H. Images of Community in Old English Poetry / H. Magennis. – Cambridge: Cambridge University Press, 1996. – 345 p.

УДК 821.161.1.

МОТИВ ДОРОГИ В ЛИРИКЕ А. С. ПУШКИНА 1820-1830-Х ГОДОВ

Л. А. Ходанен, А. В. Озерова

Путь – это архетипический образ, содержание которого формировала многовековая культурная традиция. Архетипы дают основы для многочисленных художественных образов в искусстве. Так и архетип пути получил множество реализаций: это и метафора жизни, путь как топос внутреннего мира, пространственная реальность. Н. Д. Арутюнова разграничивает значения «дороги» и «пути»: «Для нашей страны... понятия «дорога» и «путь» играют необычайно большую роль в семантике, метафорике, символическом, художественном творчестве. Они определяют сам способ мышления о жизни и человеке. Можно было бы даже утверждать, что путь – это своего рода якорь спасения, брошенный человеку в бушующем океане стихии и хаоса. В семантике дороги акцент поставлен на пространственно – предметном денотате...» [Арутюнова, с. 3-11]. В семантическое поле слова «путь» входят слова: дорога, дорожка, тропа, тропинка, странствие, путешествие, паломничество, изгнание, блуждания. Архетип пути восприняли и развивали в своем творчестве многие русские писатели.

Показательным с этой точки зрения является творчество А. С. Пушкина. Жизнь поэта располагала к тому, что он много путешествовал и получал массу новых впечатлений, делал много наблюдений. Важное место в пушкинских произведениях занимает описание станций, поездок, постепенно сформировавшее в его творчестве образ русской дороги.

В словаре Пушкина приведены многочисленные примеры, позволяющие увидеть, что слово «дорога» частотно. В пушкинском поэтическом языке В. В. Виноградов отмечает, что путь и дорога сближены как «полоса земли, предназначенная для передвижения», но метафорические значения дороги и пути расходятся. Дорога – это «путь следования», «направление, по которому нужно идти», «поездка», «путешествие». Путь у Пушкина может означать «направление деятельности», «развитие чего-нибудь», «образ жизни». Есть у Пушкина и народно-поэтическое сближение этих слов – «путь-дорога». [Виноградов, с. 690, 111, 891].

Мы остановимся преимущественно только на одном слове из приведенного ряда – это дорога.

В нашу задачу входит: определить различное наполнение художественной семантики дороги, содержание мотива дороги и роль дороги как лирического хронотопа, в котором разворачивается монолог путешествующего лирического героя.

Цель нашей работы – рассмотреть, как развивается у Пушкина мотив дороги, начиная с его романтических произведений, написанных на Юге, до произведений зрелой лирики, созданных в Болдинскую осень.

О роли образа дороги в художественной картине мира, созданной А. С. Пушкиным, пишут многие исследователи. Ю. М. Лотман отмечал, что у А. С. Пушкина есть герои пути, для которых странствия, скитания составляют необходимый элемент их существования. В романтических произведениях герой часто бежит в другой мир в поисках своего идеала свободы. Примерами обращения к хронотопу доро-

ги могут служить романы Пушкина – «Евгений Онегин» и «Капитанская дочка», в которых дорога составляет существенную часть художественного пространства. В. С. Непомнящий в своей книге «Пушкин и художественная картина» включает образ дороги как неотъемлемый элемент в целостную картину художественного мира А. С. Пушкина. С. А. Фомичев считает, что образ дороги сформировался в южной лирике поэта и выделяет в особый цикл стихотворения 1823 года, связанных с настроениями разочарования. В стихотворениях «Демон», «Свободы сеятель пустынный», «Кто, волны, вас остановил», «Телега жизни» мотив дороги является важнейшим элементом [Фомичев, с. 17]. Но специальных работ, посвященных дальнейшему развитию в пушкинской поэзии образа дороги, динамике дорожных мотивов, насколько нам известно, нет.

В связи с чем возникает задача – более конкретно рассмотреть мотив дороги и художественное содержание образа дороги, соотношенное с настроениями лирического героя в поэзии Пушкина. Мы взяли только те стихотворения, в которых образ дороги подчеркнут в названии и выполняет структурообразующую роль как особый мотив. Термин «мотив» используется как устойчивый смысловой повторяющийся элемент художественного, поэтического и фольклорного текста, «простейшая, далее неразложимая единица темы» [Томашевский, с. 136-137].

Первое стихотворение в данном дискурсе – «Телега жизни» (1823). Исследователи пишут, что мотив пути в нем имеет аллегорический смысл. Так, Е. Г. Чернышева отмечает, что в стихотворении «жизнь представлена как езда в телеге» [Чернышева, с. 129]. С. А. Фомичев пишет, что «смысл стихотворения связан с настроением, угасанием творческого дара, потерей вдохновения, мотивом отчаяния» [Фомичев, с. 17].

Учитывая эти оценки, попробуем разобраться, как развивается в стихотворении мотив дороги. Обратимся к лирическому герою. Он философствует, раздумывает над самим течением жизни. Эти раздумья переданы в строфически члененном монологе. В развитии поэтической мысли выделяется пик эмоционального напряжения, который возникает в связи со сменой интонации. В первых двух строфах присутствует стремительное движение по нарастающей. Оно связано со словами: «Телега на ходу легка», «Ямщик лихой», «Мы рады голову сломать», крик путника «пошёл».

Хоть тяжело подчас в ней бремя,
Телега на ходу легка;
Ямщик лихой, седое время,
Везет, не слезет с облучка.
С утра садимся мы в телегу;
Мы рады голову сломать
И, презирая лень и негу,
Кричим: пошел! ... [Пушкин].

В третьей и четвертой строфах наступает эмоциональный спад, теперь уже движение угасает, появляется тряска, преграды.

Но в полдень нет уж той отваги;

Порастрясло нас; нам страшной
И кособогоры и овраги;
Кричим: *полегче*, дуралей!
Катит по-прежнему телега;
Под вечер *мы привыкли* к ней
И дремля едем до ночлега,
А время гонит лошадей.

В последней строфе исчезает ямщик, возникает равнодушие к последующему отрезку пути и одновременно появляется пассивное отношение к жизни. Таким образом, окончание пути порождает разочарование, выраженное словами:

*Катит по-прежнему телега;
Под вечер мы привыкли к ней...*

Как мы уже говорили, мотив разочарования связывает произведения, которые С. А. Фомичев объединил в цикл 1823 года («Кто, волны, вас остановил...», «Демон», «Свободы сеятель пустынный», «Телега жизни»). Но в каждом стихотворении этот мотив имеет разные оттенки. Нам представляется, что разочарование связано постоянно с динамикой движения, остановок, т. е. мотив дороги развивается в более широком смысле, прямо и переносно. В стихотворении «Кто, волны, вас восстановил...» лирический герой пытается найти свободу в природе, в её масштабности, но оказывается, что есть силы, способные остановить её стремительный бег. Исследователи отмечают аллегорический образ «остановленных волн», «невольных вод», соотносённый с внутренним состоянием человека, который становится воплощением сомнений в достижимости идеала свободы, в первую очередь, политической [Алпатова, с. 94]. На наш взгляд, с «Телегой жизни» это стихотворение связано образом стихии, находящейся в движении, и сомнением в вечности этого движения. Стихотворение «Демон» связано с «Телегой жизни» мотивом разочарования, но теперь этот мотив порожден не восприятием окружающего мира, а появляется из внутренних ощущений. Н. И. Милевская приводит отзывы современников. В. Ф. Одоевский пишет, что в «Демоне» «...живо олицетворял те непонятные чувствования, которые холодят наши души посреди восторгов самых пламенных». Современные исследователи рассматривают стихотворение как свидетельство глубокого мировоззренческого кризиса, связанного с временной утратой положительных ценностей и разочарование в романтизме...» [Милевская, с. 77]. Первоначально «Демон» и «Свободы сеятель пустынный» были единым стихотворением. Вскоре они разделяются.

А.С. Пушкин развивает метафору «пути как жизни» и «мотив пути» в стихотворении «Свободы сеятель пустынный». По мысли исследователей, в нем представлен «глубокий кризис мировоззрения Пушкина (1822-1824), вызванный поражением европейских революционных движений, не поддержанных народом». С образом пути также связан библейский смысл, который отметил сам Пушкин, выделяя строчку из Евангелия от Матфея: «Изыде сеятель сеяти семена своя». По мысли З. Ф. Игнатьева, «этот эпиграф возводит к всеобщности и вечности» [Игнатьев, с. 124-125].

Сотнося эти оценки стихотворения с нашими наблюдениями, отметим, что лирический герой вновь осмысливает свою жизнь как путь, но только теперь это не движение от одного пункта к другому, но путь деятеля, который хотел бы сеять «живительное семя рукою чистой и безвинной», но разочаровался в этом своем устремлении. Таким образом, стихотворение «Телега жизни», написанное в одесский период южной ссылки, объединяет вокруг себя произведения, в которых разочарование, мировоззренческий кризис связаны с образом пути, следуя по которому, герой теряет энергию жизни, разочаровываясь в цели пути.

Стихотворение «Зимняя дорога» (1826) написано в Михайловском. По оценке Е. Г. Чернышевой, в нем «архетип дороги связан с национально-бытийными отношениями» [Чернышева, с. 82]. Сравнивая это стихотворение с «Телегой жизни», отметим, что здесь появляется ощущение радости от движения, бодрит героя смена дорожных впечатлений, эмоциональный тон его более оптимистичен. Возникает это благодаря тонко использованному приему контраста. Путь лирического героя по зимней дороге представляет сочетание двух рядов образов. Первый ряд передает состояние грусти («печальные поляны», печальный свет луны, «однозвучный колокольчик», «сердечная тоска», «глушь и снег»).

На печальные поляны
Льет печально свет она...
По дороге зимней скучной...
Колокольчик однозвучный
Утомительно гремит...
Глушь и снег... Навстречу мне
Только версты полосаты...
Скучно, грустно... Завтра, Нина...
Грустно, Нина: путь мой скучен...

Но ему противостоит второй ряд образов, связанный с ожидаемой остановкой, на которой герой вскоре попадет в родной мир дома. Знаками домашнего очага становятся имя героини и «камин».

Скучно, грустно... Завтра, Нина,
Завтра, к милой возвратясь,
Я забудусь у камина,
Загляжусь не наглядясь.

Связывает эти два ряда у Пушкина образы ямщика и часов.

Звучно стрела часовая
Мерный круг свой совершит,
И, докучных удаляя,
Полночь нас не разлучит.
...То разгулье удалое,
То сердечная тоска...

В них есть переход, соединение печали и веселья, остановки и движения. В песнях ямщика герою слышится «разгулье удалое» и «сердечная тоска».

Таким образом, настроение разочарования и ожидания конца пути как метафоры окончания жизни, которые присутствуют в «Телеге жизни», сменяются в «Зимней дороге» более оптимистичным состоянием героя. Этому способствует появление национальных русских и родных герою обра-

зов (таких как: тройка, колокольчик, родные песни ямщика, версты полосы).

Новое обращение к мотиву дороги появляется в связи с поездкой Пушкина в Болдино в 1830 году. Автобиографические факты во многом способствуют художественному развитию новой семантики мотива дороги. Одним из первых таких стихотворений были «Дорожные жалобы» [1830]. Пушкинисты считают, что поводом для написания, возможно, послужило «неудачное сватовство к Н. Н. Гончаровой и самовольная поездка на Кавказ, которая последовала за этим событием» [Цявловская, с. 356-357]. Т. П. Цявловская в Примечаниях пишет, что Пушкин датировал стихотворение 1829 годом. Между тем в черновике есть строка про генерала Р. Р. Анрепа, который погиб весной 1830 года. Скорее всего, стихотворение, начатое в 1829, было написано 4 октября 1830 года в Болдине [Пушкин, Письма]. Эта дата имеется в автографе после письма к Н. Н. Гончаровой от 30 сентября 1830 года [письмо № 371 от 30.09.1830 года; с. 108]. Жалобы на русские дороги имеют автобиографический характер. И мы найдем в нем переключки, так как в письмах появляются конкретные жалобы невесте: «Моё путешествие было до смерти скучно» [письмо № 356; с. 98], «Ещё больше я боюсь карантин, которые начинают устанавливать здесь. В окрестностях у нас Cholera morbus (холера)» [письмо № 367; с. 105]. «Мне объявили, что объявлено 5 карантин отсюда до Москвы, и в каждом мне придется провести 14 дней; сосчитайте хорошенько и потом представьте себе, в каком я должен быть настроении» [письмо № 371; с. 108]. Все они сопоставимы со строчками из стихотворения:

Иль чума меня подцепит,...

Иль со скуки околою

Где-нибудь в карантине...

Пушкин также описывает и дорогу, по которой ему придется ехать: «Представьте себе окоп с каждой стороны, без канав, без стока для воды, таким образом, дорога является ящиком, наполненным грязью; зато пешеходы идут весьма удобно по совершенно сухим тропинкам вдоль окопов и смеются над увязшим экипажем» [письмо № 371; с. 108].

В стихотворении «Дорожные жалобы» главным становится вопрос об окончании дороги. Дорожный мотив соединяется с темой смерти как конца пути. Возникает несколько вариантов смерти: на дороге: на большой дороге, в дорожной катастрофе, от болезни, от злого человека. Появляется ещё один – «Иль со скуки околою / Где-нибудь в карантине...». Он напоминает об автобиографичности стихотворения, но в ряду всех возможных окончаний он является тоже преградой на пути к возможному возвращению.

Во второй части стихотворения вечной дороге противостоит постоянство: родной город (Мясницкая – одна из центральных улиц старой Москвы), деревня, легкое напоминание о пиршественном состоянии души и образ размеренной домашней жизни. Противопоставление снимается возвращением к реальности – герой по-прежнему в дороге.

В южных стихах и стихотворениях, написанных в Михайловском, дорога соотносится с моментами жизни, с её определенными этапами: разочарование в ценностях жизни на основных этапах возраста человека. В «Зимней дороге» появляется мечта о конце путешествия и обретении постоянства, а в стихотворении «Дорожные жалобы» есть новое возвращение к мыслям, высказанным в «Телеге жизни», но оно наполнено большей конкретностью, появились автобиографические детали, герой как будто «повзрослел», стал старше, мудрее.

Новое развитие мотива дороги содержится в «Бесах» (1830). По наблюдениям О. Р. Николаева, финал стихотворения особенно страшен в контексте архетипического прочтения. Народная традиция все-таки не способна была отдать весь мир бесовским силам; Пушкин это делает. Побеждает «иной» мир; еще одним знаком этой победы является мотив «похорон домового» «Домового<...> хоронят» – то есть мир дома исчезает, гибнет, остается лишь «мир дороги», вернее, уже только другой «бесовский» мир. Ритуалы, являющиеся символом человеческой жизни, теперь совершает нечистая сила: похороны и свадьба.

Из дорожных символов в этом стихотворении привлекает внимание образ колокольчика. Соотнося колокольчик в «Зимней дороге» и «Бесах», видим, что они разнятся. В «Зимней дороге» он входит в состав элегического однозвучия (колокольчик, печальные поляны, луна...), в «Бесах» звукоподражательная формула динь-динь-динь переключается с формой еду-еду, благодаря чему возникает «физичность» звука, и он наделен вполне конкретной функцией – он должен отгонять нечистую силу [Николаев].

Еду, еду в чистом поле;

Колокольчик дин-дин-дин...

В. Непомнящий, много работавший с черновиками "Бесов", пишет: "Черновики стихотворения поражают воображение зрелищем борьбы с трагическим мотивом, стремящимся выразить себя... Потрясает то, как в процессе писания стихи стремятся стать иными, чем были замыслены сначала». По мысли Непомнящего, в отличие от предыдущих стихотворений, здесь дорога приводит к похоронному пению духов, сменившему русские песни няни и ямщика. Есть здесь и путник, но нет окошка, куда можно было бы постучать: "Хоть убей, следа не видно..." [Непомнящий, с. 213].

Учитывая эти оценки, еще раз обратимся к мотиву дороги в «Бесах» и отметим, что это стихотворение, в котором объединяются почти все варианты мотива дороги. В нем присутствуют атрибуты дороги (езда, колокольчик, ямщик, кони, дорога). Конкретность образа дороги возникает за счет появления деталей путешествия. Герой едет во время вьюги. Дорога пролегает в широком разомкнутом пространстве чистого поля. В первой строфе стихотворения пространственные образы масштабны и полны неизвестности. Пространство хаотично, горизонтальная плоскость – «поле», «равнины» – смешалась с вертикалью, представленной «летучим

снегом», «мутным небом», «темнотой», как спасение из этого хаоса, звучит колокольчик. Во второй строфе этот путь «потерян», «дороги занесло», «нет следа», «сбились» и появляется движение по кругу. Во второй части стихотворения хаотическому движению назван источник – это бесовские силы. Первоначально беса видит и описывает один ямщик, именно в нем он видит причину кружения и остановки.

В поле *бес нас водит*, видно,
Да кружит по сторонам...

Примечательно то, что это первое стихотворение из тех, что мы разбирали, в котором ямщик, молчаливый спутник путешественника, говорит.

...Нет мочи:
Коням, барин, тяжело;
Вьюга мне слипает очи;
Все дороги занесло...

Хаотичные движения бесов несут гибель: они толкают в овраг, пугают коней, создают на пути мнимые ориентиры, чтобы запутать. Взору лирического героя также открывается преследующий его мир «духов», если ямщик говорит, что тройку «водит бес», то для лирического героя это зрелище становится более объемным и заполняет вертикаль. Постепенно кружение сменяется вначале остановкой, а затем бешеной скачкой, но теперь лирический герой воспринимает это движение, постоянно ощущая присутствие злых сил. Он видит себя окруженным языческими духами – это «ведьмы», «домовые», «бесы». Движение в пространстве нарушается их хаотическим приближением «рой за роем», их визгом, и единственным знаком реальной жизни остается колокольчик. Мотив дороги в этом стихотворении вбирает философское содержание. Путешествие описывается как постоянная борьба с силами, которые противостоят прямому движению. Путь героя – это преодоление хаоса, которое происходит в постоянной борьбе.

Завершая рассмотрение мотива дороги в лирике А. С. Пушкина, мы можем сказать, что это один из значимых для поэта мотивов. В нем сосредоточены конкретные реалии его автобиографии, путешествия, множественные поездки по России. Вместе с тем почти с первых стихотворений мотив дороги вбирает в себя семантику жизненного пути, этапов и возрастов человека, а в стихотворениях болдинского периода мотив дороги включает в себя еще более

обобщенное представление о жизни, в которой дорога таит вечную опасность быть ввергнутым в хаос бесовства, потерять прямой путь. Дорога, путешествие по ней в лирических произведениях Пушкина переключается с развитием этих значений в эпических жанрах – в романах, в повестях, сказках.

Литература

1. Алпатова, Т. В. Кто, волны, вас остановил? / Т. В. Алпатова // А. С. Пушкин: школьный энциклопедический словарь. – М., 1999.
2. Арутюнова, Н. Д. Путь по дороге и бездорожью / Н. Д. Арутюнова // Движение в лексике: сб. научн. ст. – М., 1996.
3. Виноградов, В. В. Словарь языка Пушкина. В 4-х тт. / В. В. Виноградов. – М., 1959. – Т. 3.
4. Игнатъева, З. Ф. Свободы сеятель пустынный / З. Ф. Игнатъева // Пушкин А. С.: школьный энциклопедический словарь. – М., 1999.
5. Милевская, Н. И. Демон / Н. И. Милевская // А. С. Пушкин: школьный энциклопедический словарь. – М., 1999.
6. Непомнящий, В. Эволюция Пушкина в 30-е годы / В. Непомнящий // Вопросы литературы. – 1973. – № 11.
7. Николаев, О. Р. Стихотворение А. С. Пушкина «Бесы». Опыт архетипического прочтения О. Р. Николаев. // Эл. ресурс. – Режим доступа: <http://www.aleksandrpushkin.net.ru/lib/ar/author/458>.
8. Пушкин, А. С. Письма / под ред. Б. Л. Модзалевского. – Т. II. – 1826-1830; – М., 1928. Репринтное издание. – М., 1989-99.
9. Томашевский, Б. В. Пушкин / Б. В. Томашевский. – М., 1990. – Т. 2.
10. Фомичев, С. А. Поэзия Пушкина. Творческая эволюция / С. А. Фомичев. – Л., 1986.
11. Цявловская, Т. П. Примечания / Т. П. Цявловская // Пушкин А. С. Собр. соч. в 10 тт. – М., 1962. – Т. 9.
12. Чернышева, Е. Г. Дорожные жалобы / Е. Г. Чернышева // А. С. Пушкин: школьный энциклопедический словарь. – М., 1999.
13. Чернышева, Е. Г. Телега жизни / Е. Г. Чернышева // Пушкин: энциклопедия для школьника. – М., 1999.
14. Чернышева, Е. Г. Зимняя дорога / Е. Г. Чернышева // А. С. Пушкин: школьный энциклопедический словарь. – М., 1999.

УДК 81'1:82 Астафьев

ЭМОЦИОНАЛЬНО-ЭКСПРЕССИВНАЯ ГЛАГОЛЬНАЯ ЛЕКСИКА В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ДИСКУРСЕ В. П. АСТАФЬЕВА

Н. И. Шапилова, К. А. Нуреева

Последние десятилетия проблемы экспрессивности лексики стали чрезвычайно актуальными и популярными. Написано большое количество работ, которые прямо или косвенно освещают их в разных аспектах. Как отмечают исследователи, интерес к данной лексике обусловлен его логической подго-

товленностью в ходе развития лексикологии. Актуальность данной проблемы поддерживается ориентацией современной когнитивной лингвистики на семантику языковых единиц и прежде всего на семантику слова, в том числе и на её прагматический компонент, значимо представленный в экспрессив-

ном лексическом фонде разговорного употребления, который привлёк широкое внимание исследователей тогда, когда уже была относительно неплохо изучена собственно номинативная сфера, как известно, являющаяся ядром словаря. Именно тогда стали разрабатываться и успешно применяться различные методы и приёмы лингвистического анализа, в частности, контекстный анализ, компонентный анализ, психолингвистический эксперимент и др. Это и подготовило почву для выявления экспрессивного фонда лексики разговорного употребления. Этот фонд постепенно, но довольно быстро, становился объектом специального лингвистического анализа. Однако изучение указанной лексики создаёт определённые трудности, в силу того, что в науке нет единой интерпретации термина «экспрессивность». Существуют различные мнения по этому вопросу. Так, Л. А. Сергеева под экспрессивностью предлагает понимать способность передавать определённую степень интенсивности [5]. Е. М. Галкина – Федорук считает, что «экспрессия – это усиление выразительности, изобразительности, увеличение воздействующей силы сказанного» [2; 98-99]. Если сравнивать мнения и других исследователей, то можно сделать вывод, что соотношение экспрессивности и интенсивности определяется через понятие «усиление». Интенсивность определяется как составляющая категории экспрессивности. Большинство исследователей усматривают между экспрессивностью и интенсивностью инклюзивные отношения, т. е. отношение включения [3; 82].

Анализ основной литературы по проблемам экспрессивности позволяет констатировать тот факт, что многие её аспекты не получили пока глубокого освещения. Это относится прежде всего к вопросам семантики экспрессивного слова. Не разработана и чёткая терминология, описывающая данную сферу лексики.

Насколько нам известно, не предпринималась попытка систематизации всего множества экспрессивных лексических единиц. Разумеется, границы всего великого множества экспрессивной лексики весьма относительно: они определяются самим лингвистом в конкретном исследовании в зависимости от его исходных теоретических позиций. В частности, в вопросе о том, что понимать под экспрессивностью.

Мы же под экспрессивностью слова понимаем его свойство увеличивать изобразительность текста, воздействовать в основном на сферу чувств реципиента речи.

В качестве объекта исследования выступает глагольная лексика, которая относится к признаковой, характеризующей лексику, обозначающей действие, обладающее потенциалом градуирования, следовательно, возможностью экспрессии. Из глагольной лексики более всего возможно градуирование лексики эмоциональной сферы, т. к. области эмоций, движения и параметризации легко поддаются градуированию.

Опираясь на классификацию глагольной лексики, предложенную Л. М. Васильевым [1], мы выделяем

подклассы глаголов эмоционального настроения, переживания и отношения.

1. **Глаголы эмоционального состояния (настроения)** обозначают различные эмоциональные состояния (при которых переживаются те или иные чувства), а также их внешнее проявление (хандрить, киснуть, кукусье, ликовать).

2. **Глаголы эмоционального переживания** очень близки по своей семантике и по формальным свойствам к предшествующему классу. От глаголов эмоционального состояния они отличаются лишь иным акцентом обозначения, так как в качестве главного аспекта выделяют не эмоциональное состояние, а процесс эмоционального переживания (стерпеть, страдать, убиваться, наслаждаться).

3. **Глаголы эмоционального отношения** неоднородны по своему характеру. Одни из них выражают преимущественно переживание какого-либо чувства, вызванного отношением к кому-, чему-либо, другие подчёркивают состояние, связанное с таким чувством, третьи указывают на переживаемое кем-либо отношение к кому-, чему-либо и проявление этого отношения в поведении (любить, боготворить, впрориться, ненавидеть).

В качестве объекта анализа нами взята повесть «Зрячий посох» Виктора Петровича Астафьева.

Жизнь Виктора Петровича Астафьева, как известно, была очень сложной, ему многое пришлось пережить в раннем детстве, подростковом возрасте: сиротство, детдом, ФЗО. Потом он пошёл работать, а когда началась война, ушёл добровольцем в армию. Однако жизнь не ожесточила, не сломала его. Астафьев остался человеком неравнодушным ко всему, он переживал за свой народ. На его пути встречалось много и добрых, и мудрых людей, которые могли поддержать.

«Зрячий посох» – книга о критике Александре Николаевиче Макарове, необыкновенном, прямолинейном человеке, проявлявшем искреннюю заинтересованность в творчестве начинающего писателя и поддержавшем его.

Цель нашей работы – выявление особенностей использования экспрессивной глагольной лексики в дискурсе В. П. Астафьева.

Глагол содержит самый многочисленный пласт экспрессивов, в структуре которого выделяются эмоциональные экспрессивы, активно используемые в представлении авторской картины мира.

На основе сплошной выборки было выявлено 222 употребления, которые распределились по трём классам. Внутри каждого из классов выделены тематические группы глагольных лексем, более тесно связанных в смысловом отношении. В таблице 1 представлены количественные соотношения языковых фактов разных групп.

В таблице 2 представлена классификация отобранного материала по степени экспрессивности: где НЭЛ – нейтрально-экспрессивная лексика; ПЭЛ – положительно-экспрессивная лексика; ППЭЛ – предельно-положительная экспрессивная лексика; ОЭЛ – отрицательно-экспрессивная лексика.

сика; ПОЭЛ – предельно–отрицательная экспрессивная лексика.

Таблица 1

<i>Эмоционально – экспрессивные глаголы</i>					
<i>глаголы эмоционального состояния (настроения)</i>		<i>глаголы эмоционального переживания</i>		<i>глаголы эмоционального отношения</i>	
<i>тематическая группа</i>	<i>к-во языковых фактов</i>	<i>тематическая группа</i>	<i>к-во языковых фактов</i>	<i>тематическая группа</i>	<i>к-во языковых фактов</i>
1. Чувство, вызванное сильным впечатлением от чего-либо неожиданного или непонятного	8	1. Вызывать какое-либо чувство	1	1. Не уважать	7
2. «Быть в умилении»	1	2. Предаваться какому-либо чувству	1	2. Чувствовать неприязнь, ненависть	2
3. Взволнованное состояние и связанное с ним чувство неловкости, неудобства, неуверенности в себе	7	3. Доставлять тяжёлые неприятные чувства	9	3. Добрые чувства, основанные на признании чьих-либо достоинств	20
4. Быть в приподнятом душевном состоянии (настроении), испытывая какое-л. бодрящее чувство, удовлетворение чем-л.	5	4. Переживание неприятного чувства от сознания неблагоприятности своего поступка	5	4. Вызывать чувство расположения, привязанности, симпатии	2
5. Быть в подавленном состоянии	6	5. Доставлять приятные чувства	5	5. Переживание чувства горечи	2
6. Быть в возбуждённом, беспокойном душевном состоянии	12	6. Переживать недовольство, неудовлетворённость	4	6. Завидовать	3
7. Находиться в печали, огорчении	4	7. Причинять неприятные чувства, требующие душевного напряжения	7	7. Положительное отношение	2
8. Переходить от вялого состояния к бодрому, приподнятому	1	8. Переживание неприятных чувств, требующее душевного напряжения	5	8. Отрицательное отношение	2
9. Быть в состоянии возбуждения, раздражения	27	9. Испытывать приятные чувства	8	9. Испытывать чувство глубокой привязанности, симпатии	2
10. Быть в состоянии страха, обусловленного какой-либо опасностью	22	10. Переходить от удовлетворённости к неудовлетворённости	11	10. Осуждать кого-либо, относиться отрицательно	7
		11. Вызывать чувство горечи или недовольства своим отрицательным отношением к нему	10	11. Вызывать влечение к себе (со стороны другого пола)	1
		12. Испытывать тяжёлое неприятное чувство	10	12. Предаваться любви	3

Таблица 2 *прихожей, то от стены до стены, и потому на него всегда наступали, а он **блажил** дурноматом на весь дом».*

	Глаголы эмоционального состояния (настроения)	Глаголы эмоционального переживания	Глаголы эмоционального отношения
ПТЭЛ	0	25	6
ПЭЛ	5	8	6
НЭЛ	30	2	19
ОЭЛ	38	8	23
ПОЭЛ	17	11	24

Анализ языкового материала свидетельствует о преобладании отрицательно-экспрессивной и предельно-отрицательной экспрессивной глагольной лексики (из 222 фактов – 121), т. е. они составляют чуть более половины, примерно около 54 %. Положительная и предельно-положительная лексика представлены 50 языковыми фактами, т. е. примерно 22 %. Количество же нейтральной лексики равно 51 факту или 23 %.

В качестве иллюстрации ко всему вышесказанному приведём наиболее яркие примеры:

Так, в группе со значением «быть в состоянии страха» наблюдаем следующий синонимический ряд: *бояться, опасаться, чувствовать приближение чего-то страшного, руки трясутся, поджилки трясутся, трястись*. Компоненты ряда легко выстраиваются по степени интенсивности чувства страха, вызываемого различными жизненными обстоятельствами.

В тематической группе «быть в возбуждённом, беспокойном душевном состоянии» актуализирована семантика такого глагола, как *волноваться*. Он употреблён в контексте: «...многому поучилась у Машеньки: чистить картошку...*волноваться*...». В действительности же, в процессе познавательной деятельности человека взаимодействуют рациональный и эмоциональный компоненты. Осваивая реальный мир, человек не остаётся равнодушным к познаваемому миру. И соответственно, совершенствуясь в процессе познания, субъект обогащает и свою эмоциональную сферу.

Блажить – «(прост.) поступать своенравно, дурить» [6].

«Много, хорошо и дружно разговаривалось нам на кухне. Я чувствовал, что мое присутствие как-то освежало обстановку в доме, где часто и, казалось мне в ту пору, беспричинно раздражались люди друг на друга, психовали, вечно чего-то искали, и без конца трещал телефон в прихожей да слонялся из комнаты в комнату огромный добродушный кобель Карай, который если ложился в

Подохнуть – «умереть (о человеке прост. пренебр.)» [6].

*«Ворюга, требующий честности от других, - это давнее, но не отжившее приобретение человечества в наши дни, бодро воспрянувший на нашей новой ниве. И ему, ворюге, позарез нужны честные люди, отряды честных и порядочных людей, высокая мораль, за которой он мог бы укрыться, как за крашеным забором, иначе, будучи вором среди воров, он с голоду **подохнет** и воспитывать ему будет некого».*

Оболванивать – «(прост.) одурачить, провести» [6].

*«Впрочем, может, это и будет тот идеальный человек, к которому стремились и стремятся умы «сильных мира сего», кто давно уже добивается повиновения себе ближнего своего и всячески **оболванивает** себе подобного видимостью любви, притворным братством, казенной заботой о его благополучии, кормит опилками и поит мутным пойлом так называемой культуры, и так настойчиво и давно кормит и поит, что даже сверхусилия титанов земли ничего почти не сдвинули с места в сознании человека. Вот две цифры в подтверждение».*

Остохренеть – «(грубо прост.) то же, что очень сильно надоесть» [6].

*«...А на дворе, брат, весна. Кричат грачи, совокупаются воробьи, лают собаки, пробивается трава - все, как тыщу лет тому назад, и ничему нет дела до цензуры, ни до всего того, что страшно **остохренело**, измучило...».*

В работах функциональной ориентации вопросы эмоционально-экспрессивной и эмоционально-оценочной лексики рассматриваются в связи с экспрессией высказывания, являющейся результатом взаимодействия оценки и эмоции. На основе взаимодействия указанных категорий формируется прагматический компонент высказываний, отражающий возрастание эмоциональной напряжённости и усиление воздействия на адресата, что очень важно в процессе взаимодействия автора с реципиентом, с целью привлечения внимания читателя и его погружения в глубинное пространство текста [4; 108].

Экспрессивность как одно из свойств языковой единицы тесно связана с категорией эмоциональной оценки и в целом выражением эмоций. Характерно то, что в работах ряда лингвистов категории экспрессивности и эмоциональности отождествляются. В. И. Шаховский, отмечая различия этих категорий по своим функционально-

семантическим задачам, указывает на их способность выступать в различных комбинациях в системе языка и интегрироваться в условиях контекста [7; 201].

Подводя итоги, можно сделать следующие выводы об особенностях использования глагольной лексики языка писателя:

1) речь Виктора Петровича носит, прежде всего, народный характер. Его глаголы, да и вся речь вообще, всегда обладают образностью, эмоциональностью, живостью;

2) в речи используется большое количество многозначных глаголов для создания атмосферы непринужденности, естественности, – это и сближает читателя с автором;

3) приём метафоризации глагольной лексики позволяет перевести глагол из сферы конкретности в сферу эмоциональности, оживляет текст, одухотворяет вещи и факты, делает их активными участниками событий;

4) и самое главное, это простота и доступность языка Виктора Астафьева. Это язык народа, в среде которого жил писатель, он в достаточной мере носит просторечный, а порой и грубопросторечный оттенок. В его произведениях выражается таким образом равнодушное отношение ко всему происходящему в мире, языком произведений он пытается привлечь внимание читателя, воздействовать на него.

Значимость творчества Виктора Петровича с течением времени возрастает. В его произведениях находят новые пути и формы духовного обновления общества, преобразования России, развития национального самосознания. Его произведения изучаются в высшей и средней школе, переводятся на иностранные языки.

В работах, посвящённых творчеству Виктора Петровича, немало сказано о своеобразии языка писателя. Исследователи отмечают «живость, размах, буйство и удаль языка», «языковое богатство», «интерес к микропоэтике», «удивительную точность и бездонную выразительность слов», «плотность» астафьевского письма, «живость и образность слова», в то же время признают сознательную мировоззренческую медленность этой прозы, «обстоятельность, удвоенную автобиографичность», раздумчивость.

Таким образом, использование предельно интенсифицированной лексики позволило автору передать напряжённость эпохи, сложность человеческих отношений, выразить непримиримую авторскую позицию по отношению к людям, не способным осознать своего человеческого предназначения, его равнодушное отношение к жизни во всех её проявлениях и тем самым приобщить читателя к активному осмыслению авторской картины мира [7; 204].

Литература

1. Васильев, Л. М. Семантика русского глагола: учеб. пособие для слушателей факультета повышения квалификации / Л. М. Васильев. – М.: Высш. школа, 1981.
2. Галкина – Федорук, Е. М. Современный русский язык, ч. 1. / под ред. проф. Е. М. Галкиной – Федорук. – М.: Изд-во МГУ, 1962.
3. Гридина, Т. А. Народная этимология и экспрессивность слова / Т. А. Гридина // Слово в системных отношениях на разных уровнях языка: сб. науч. тр. – Свердловск, 1985.
4. Маркелова, Т. В. Экспрессия высказывания как результат взаимодействия оценки и эмоции / Т. В. Маркелова // Язык. Система. Личность: материалы докладов и сообщений Международной научной конференции. – Екатеринбург: гос. пед. ун-т, 1998.
5. Сергеева, Л. А. Семантическая категория оценки в её отношении к аксиологическим категориям / Л. А. Сергеева // Исследования по семантике. Семантика языковых единиц разных уровней: межвузовский научн. сб. – Уфа: Башкирск. ун-т, 1988.
6. Толковый тематический словарь русских глаголов: Проспект / под ред. Л. Г. Бабенко. – Екатеринбург: УрГУ, 1992.
7. Шапилова, Н. И. Экспрессивно – предельная лексика в художественной речи В. П. Астафьева. Филологический сборник / Н. И. Шапилова. – Кемерово, 2002.

Х И М И Я

УДК 535.377,315.00

**МЕТОДИКА ДАТИРОВАНИЯ АРХЕОЛОГИЧЕСКОЙ КЕРАМИКИ
С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ ТЕРМОЛЮМИНЕСЦЕНТНОГО АНАЛИЗА***Н. Л. Алукер, Я. М. Комарова*

Одной из важнейших проблем геологической науки и практики является проблема определения возраста различных археологических объектов. Для изучения минерального вещества, получения объективной информации привлекаются разнообразные новые методы, которые до недавнего времени применялись только в физике или химии.

Одним из перспективных методов определения возраста археологической керамики является термолюминесцентный (ТЛ) метод, в основу которого положен эффект запасаения неравновесных носителей заряда на локальных уровнях захвата в диэлектриках под действием ионизирующего излучения естественных радионуклидов, содержащихся в объекте датирования [1].

При исследовании керамики термолюминесцентным методом определяемый возраст соответствует интервалу времени от момента обжига керамики до момента ее извлечения из захоронения. При ее термической обработке (600–700⁰С) содержащийся в ней кварц теряет всю накопленную им ранее светосумму, накопление которой происходило с момента образования кварца как минерала. Таким образом, при датировании термолюминесцентным методом реализуется нуль-момент. При датировании термолюминесцентным методом геологических объектов (осадочных пород) нуль-момент в большинстве случаев не реализуется, т. е. формирование возрастной светосуммы начинается с некоторой остаточной величины S_0 [1].

Для хронологических целей пригодны только такие ловушки, в которых время жизни электронов (дырок) при поверхностных температурах хотя бы в 10-20 раз больше возраста исследуемых объектов [2]. Практически можно считать, что в большинстве минералов пики ТЛ с максимумом свечения 230-280⁰С вполне пригодны для геохронологических исследований [3].

Попытки использования ТЛ для определения абсолютного (в годах) возраста различных образований основаны на том, что до определенного предела накопление ТЛ в ловушках происходит примерно пропорционально дозе радиации, которая в свою очередь зависит от интенсивности и времени облучения. Зная накопленную светосумму ТЛ, природную радиоактивность и экспериментально определив чувствительность вещества к радиации (приrost ТЛ на единицу поглощенной дозы радиации), можно вычислить возраст исследуемого материала [3–5].

Методики и техника проведения термолюминесцентного датирования отличаются для разных

групп экспериментаторов, т. е. находятся в стадии разработки.

В данной работе предлагается методика датирования с использованием термолюминесцентного анализа и аппаратуры, применяемой в индивидуальной дозиметрии.

В качестве объекта исследования использовалось 8 образцов керамики, предоставленные кафедрой археологии КемГУ с раскопок Венгеровского района Новосибирской области поселения Автодром-2, отобранные на разной глубине из двух жилищ – № 47, № 50. Образцы 3, 7 – жилище № 47, остальные – № 50.

В работе для измерения термостимулированной люминесценции (ТСЛ) необлученных и облученных образцов использовался прибор ДТУ – 01 М; для облучения образцов – импульсный рентгеновский аппарат АРИНА; для определения элементного состава керамики – электронный растровый сканирующий микроскоп JEOL JSM 6390.

Методика проведения датирования

1. Подготовка образцов керамики к исследованию.

В результате отработки методики выявлено, что лучшие результаты измерения получаются при использовании порошкообразных проб, таким образом достигается более равномерный нагрев, масса навески составляет порядка 30 мг, размер частиц 0,25-0,5 мм. Подготовка образцов заключается в следующем: верхний слой керамики удаляется, проба растирается до однородного состояния и тщательно перемешивается. Далее проводится расситовка измельченного порошка и выбор определенного, сквозного для всей выборки фракционного размера навески.

2. Измерение ТЛ необлученных образцов.

Регистрация природной ТЛ проводилась с помощью комплекса ДТУ-01М. Проведено по 5 измерений каждого из необлученных образцов. Для проведения ТЛ-анализа важным условием является линейность нагрева. Комплекс ДТУ-01М обеспечивает линейный нагрев образца в области температур до 450⁰С, что соответствует требованиям, предъявляемым к приборам для проведения ТЛ-анализа.

Большое значение следует уделять геологической обстановке места раскопок, чтобы попытаться оценить факторы, которые могли повлиять на ТЛ датирование.

На природную ТЛ проб пород и минералов должны оказывать влияние климатические особенности района опробования: при прочих равных ус-

ловиях проба, отобранная в районе с жарким климатом, будет характеризоваться меньшим процентом заполнения ловушек, чем проба аналогичного минерала из района с холодным климатом. Следует заметить, что, кроме общих климатических условий района опробования, огромную роль играет микроклимат участков отбора проб. Проба, взятая на солнцепеке, должна характеризоваться меньшей интенсивностью ТЛ, чем проба аналогичной породы, отобранная в затененном участке [5]. Кривые ТЛ необлученных образцов представлены на рис. 1.

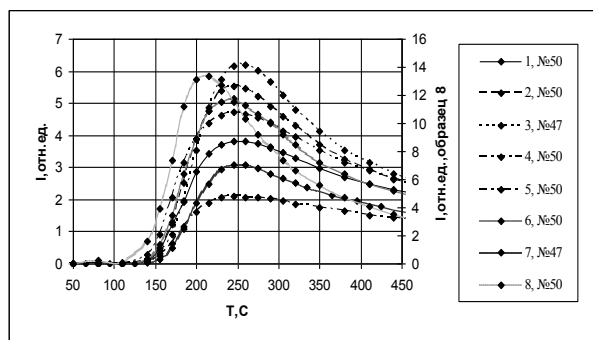

Рис. 1. Средняя термолюминесценция необлученных образцов

3. Измерение искусственной ТЛ облученных образцов.

Следующим этапом работы является облучение подготовленных навесок определенной дозой излучения. Облучение проводилось на импульсной рентгеновской установке АРИНА, в аппарате используется импульсная рентгеновская трубка с взрывной эмиссией электронов, не требующая накала и прогрева для подготовки к работе.

Для изучения дозовой зависимости можно использовать как материалы с высвеченной природной ТЛ, так и необработанные. Высвечивание природной ТЛ лучше проводить ультрафиолетовым светом, а не нагревом, чтобы избежать возможного влияния прокаливания на ТЛ свойства материала. Использование для изучения дозовой зависимости предварительно невысвеченных образцов технически более удобно и надежно, но оно возможно в тех случаях, когда накопленная минералами светосумма достаточно далека от насыщения и накопление ТЛ близко к линейному.

В данной работе облучение образцов проводилось без предварительного высвечивания. Пробы образцов располагались равномерным тонким слоем и находились на одинаковом расстоянии от источника излучения, измерения интенсивностей ТЛ проводилось через трое суток после облучения.

Проведено также по 5 измерений каждого из облученных образцов. Перед измерением проба тщательно перемешивалась. Кривые ТЛ облученных проб представлены на рис. 2.

Для оценки линейности накопления дозы проводилось облучение одного из образцов тремя возрастающими дозами — 667, 1170, 1750 сГр и строилась кривая роста ТЛ (рис. 3).

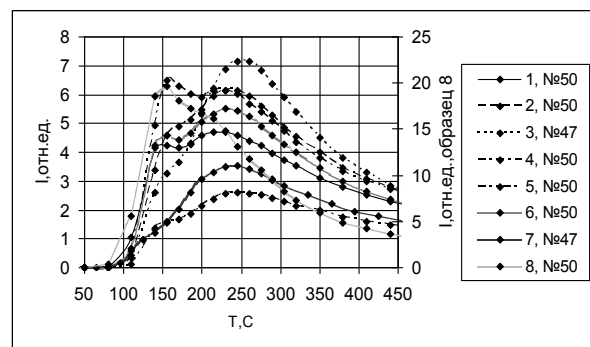

Рис. 2. Средняя термолюминесценция облученных образцов

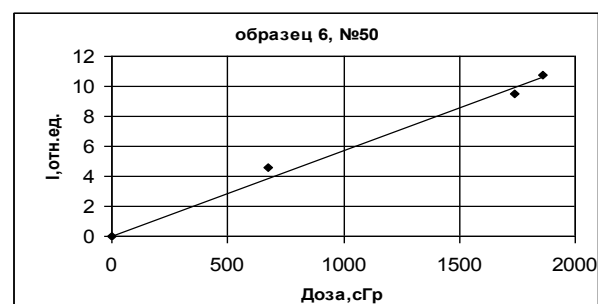

Рис. 3. Зависимость интенсивности от дозы облучения

При этом для облучения каждый раз бралась свежая порция материала, не облучавшегося в лабораторных условиях.

По кривой роста ТЛ видно, что ТЛ накапливается линейно в пределах этих доз, что при облучении этими дозами не достигается насыщение, следовательно, можно сделать вывод, что доза в 670 сГр является подходящей для наших образцов.

4. Определение дозы облучения.

Для определения точной дозы облучения рядом с навесками проб (на одном и том же расстоянии от источника облучения) располагались детекторы ТЛД-К на основе силикатного стекла, разработанные в КемГУ. Сама доза облучения определялась по калибровочной кривой, представленной на рис. 4, построенной по показаниям детекторов, облученных в Санкт-Петербургском технологическом институте. Детекторы были облучены дозами: 1000, 5000, 10000 рад.

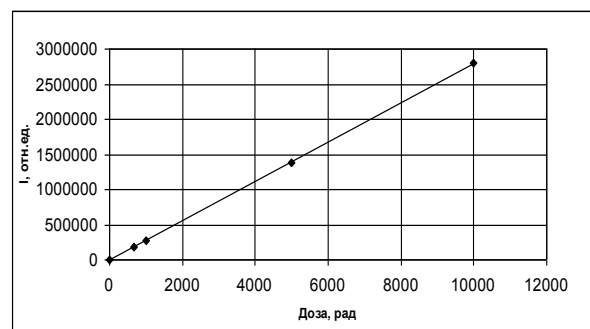

Рис. 4. Калибровочная кривая

Исходя из калибровочной кривой (рис. 4.), доза облучения образцов составила 670 сГр.

4. Определение мощности дозы.

Существуют различные способы определения скорости накопления дозы. Можно выделить два основных направления: расчет скорости накопления по известной концентрации радиоактивных элементов и прямое определение скорости накопления дозиметрами. В первом случае возникают технические трудности определения кларковых содержаний урана и тория.

В данной работе мощность дозы определялась с помощью детекторов ТЛД-К на основе силикатного стекла. При использовании детекторов в дозиметрических кассетах ДТГ-04 они фиксируют γ -излучение, т. к. проникающая способность α - и β -излучения меньше. Нами были использованы детекторы без дозиметрических кассет, которые помещались в почву с места захоронения керамики, они фиксировали γ -, частично β - и α -излучение. Преимуществом детектора ТЛД-К является то, что его энергетическая зависимость чувствительности вследствие сравнимости элементного состава близка по характеристикам к объектам исследования (рис. 5).

Рис. 5. Сравнение элементного состава археологической керамики и детекторов ТЛД-К

Для определения мощности дозы в почву с места захоронения были помещены детекторы ТЛД-К в период с 09.11.06. по 23.01.07. Мощность дозы составила 0,39 сГр/год, что согласуется с уже имеющимися данными по измерению почв. По проведенным ранее исследованиям почв поглощенные дозы излучения в Новосибирской области варьировались от 0,37 до 0,4 сГр/год.

Расчет возраста объекта проводился по следующей формуле:

$$A = \frac{D * S_{\text{необл}}}{(S_{\text{обл}} - S_{\text{необл}}) * P}, \text{ где}$$

A – возраст, лет; D – доза облучения в сГр; P – мощность годовой дозы в месте извлечения керамики из захоронения, сГр/год; $S_{\text{необл}}$ – средняя светосумма необлученного образца; $S_{\text{обл}}$ – средняя светосумма облученного образца.

Для данной коллекции керамики из 8 образцов, предоставленной кафедрой археологии, были получены следующие результаты.

Один образец (8) оказался непригодным для датирования – вероятно, он подвергался облучению при хранении в лаборатории, что существенно исказило результаты датирования. Для пяти образцов (1 – 5) был получен возраст, согласующийся с пред-

ставлениями археологов – 5500 ± 200 лет. Образцы 6, 7 либо относятся к другой хронологической группе, либо возможно, что, вследствие попадания их на поверхность, произошла некоторая потеря накопленной светосуммы, что повлияло на результат датировки (рис. 6).

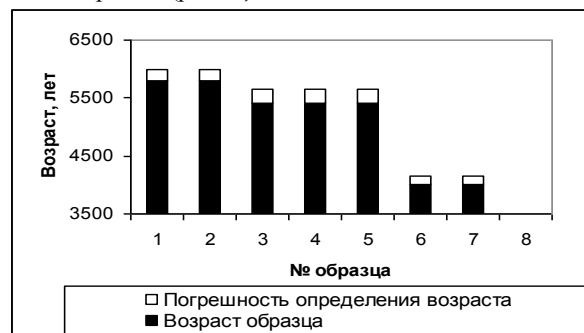

Рис. 6. Результаты датирования археологической керамики

Предложенная нами методика эксперимента обладает рядом преимуществ:

1. Для анализа использовались образцы керамики без выделения фракции кварца, что в значительной мере упрощает проведение датирования.

2. Для измерения дозы и мощности дозы использовались детекторы ТЛД-К на основе силикатного стекла. Преимуществом детектора ТЛД-К является то, что его энергетическая зависимость чувствительности близка по характеристикам к природным и синтетическим материалам на основе SiO_2 .

На основании проведенной работы, можно сделать вывод, что термоллюминесцентный метод может успешно применяться для датирования археологической керамики, однако очень важным условием является соблюдение всех требований предъявляемых как к аппаратуре, используемой в анализе, так и к образцам, к отбору образцов.

Датирование не может осуществляться на отдельных образцах, поскольку не каждый образец пригоден для датировки этим методом. Для выполнения датировки необходимо наличие серии образцов с близкими физическими характеристиками. Желательно наличие в серии хотя бы одного образца с хронологической привязкой. Безусловным преимуществом термоллюминесцентного метода датирования керамики является реализация нуль-момента (стирание светосуммы накопленной минералом в процессе обжига). Некоторый разброс ТЛ-показателей объясняется неоднородностью материала, использованного для изготовления керамики, различными температурами и окислительно-восстановительными условиями обжига изделий.

Литература

1. Власов, В. К. Радиотермоллюминесцентный метод датирования рыхлых отложений / В. К. Власов, О. А. Куликов. – М.: Издательство Московского университета, 1988. – 72 с.
2. Власов, В. К. Границы применимости ТЛ-метода датирования новейших отложений / В. К. Власов, Н. А. Карпов, О. А. Куликов // Вестник Мос-

ковского университета. Серия 5. «География». – 1979. – № 4. – С. 56 – 64.

3. Кирюшин, Ю. Ф. Определение возраста древней керамики термолюминесцентным методом / Ю. Ф. Кирюшин, И. И. Матросов // Новые методы в археологии. – Томск, 1980. – С. 54 – 64.

4. Хютт, Г. И. О достоверности термолюминесцентного метода датирования в геологии /

Г. И. Хютт, Я.-М. К. Пуннинг, А. В. Смирнов и др. // Изотопные методы измерения возраста в геологии. – М.: Наука, 1979. – С. 239 – 247.

5. Матросов, И. И. Исследование термолюминесценции геологических материалов / И. И. Матросов, В. К. Чистяков, Ю. Л. Погорелов. – Томск: Издательство Томского университета, 1979. – 113 с.

УДК 535.377,315.00

ИЗУЧЕНИЕ ОПТИЧЕСКИХ ХАРАКТЕРИСТИК АНИОНОДЕФЕКТНОГО КОРУНДА

Н. Л. Алукер, Е. А. Винникова

Аниондефектные монокристаллы оксида алюминия были впервые получены в середине 80-х годов на кафедре «Физические методы и приборы контроля качества» Уральского государственного технического университета. Основная идея выращивания кристаллов по этой методике заключалась в формировании дефектов в анионной подрешетке – кислородных вакансий.

Эти монокристаллы были предложены для термолюминесцентной дозиметрии. На их базе созданы и широко используются для персональной дозиметрии и радиационного мониторинга окружающей среды высокочувствительные детекторы ионизирующих излучений ТЛД-500К.

В настоящее время для считывания накопленной детектором информации используется метод термостимулированной люминесценции, дающий корректный результат о дозе поглощенного излучения. Существенным недостатком данного метода является то, что нельзя получить информацию о спектральном составе свечения, т. е. определить природу центра излучения.

Так как спектральный состав свечения в методе термолюминесценции и фотолюминесценции сравним, то для идентификации природы центра излучения можно использовать метод оптической спектроскопии, основанный на фотолюминесценции.

Достаточно широко проводились исследования рентгенолюминесценции. Но в данном методе используется облучение детекторов большими дозами излучения, что приводит к насыщению и заполнению глубоких ловушек. Т. к. актуальным является вопрос об изучении природы центра излучения при облучении малыми дозами, то в данной работе для изучения природы центров люминесценции будет использован метод фотолюминесценции.

В настоящее время твердо установлено, что созданные в номинально чистом α - Al_2O_3 дефекты анион-вакансионного типа определяют термолюминесцентную активность материала.

Оксид алюминия (глинозем) существует в нескольких кристаллических модификациях из которых наиболее устойчива α -форма [1]. В природе α - Al_2O_3 встречается в виде корунда, а также в виде драгоценных камней – рубина (α - Al_2O_3 ; Cr) и сапфира (α - Al_2O_3 ; Fe: Ti) [2]. Корунд α - Al_2O_3 кристаллизуется в гексагональной сингонии. Обычные примеси – Cr и Fe, а также Ti, Mn, Ni, V и др. Со-

держание Fe_2O_3 не превышает 2 %, а Cr_2O_3 – 4 %. Температура плавления оксида алюминия 2053°C. Твердость 9 (эталонный минерал шкалы Мооса, уступающий в твердости только алмазу), плотность около 4 г/см³ [1].

Монокристалл Al_2O_3 обладает высокой термической, химической, механической и радиационной стойкостью. Структуру α - Al_2O_3 можно описать как ромбоэдрически деформированную структуру NaCl, в которой ион Na или Cl замещен группой Al_2O_3 [3].

Аниондефектные монокристаллы оксида алюминия были впервые получены на кафедре «Физические методы и приборы контроля качества» Уральского государственного технического университета. Основная идея выращивания кристаллов по этой методике заключалась в формировании дефектов в анионной подрешетке – кислородных вакансий. Кислородные вакансии создавались при выращивании кристаллов в сильно восстановительной среде, обусловленной присутствием графита (термохимическое окрашивание). Концентрация вакансий составляет $\sim 10^{17}$ см⁻³ [4]. Процесс выращивания описан в [5]. При этом, по данным измерений спектров оптического поглощения, обеспечивается концентрация $N_F = 3,6 \cdot 10^{16} - 1,05 \cdot 10^{17}$ см⁻³ [6].

В работе исследовались термолюминесцентные детекторы ТЛД-500К на основе анион-дефектного корунда (кристалл α - Al_2O_3). Образцы представляют собой полированные диски диаметром 5 и толщиной 0,8 мм. Образцы для измерений были выбраны случайно из разных партий детекторов с различной чувствительностью к ионизирующему излучению.

В качестве дополнительных объектов были взяты следующие образцы монокристаллического α - Al_2O_3 : рубин (кристалл α - Al_2O_3 легированный хромом). По данным источника поставки кристаллов, концентрация Cr $\sim 5 \cdot 10^{18}$ см⁻³.

Идентификация центров излучения

Для идентификации природы центров излучения, были исследованы спектры возбуждения люминесценции и спектры люминесценции термолюминесцентного детектора ТЛД-500. Условия измерения (длительность импульса возбуждения, длительность стробирования, задержка строба) подбирались согласно кинетике процесса люминесценции.

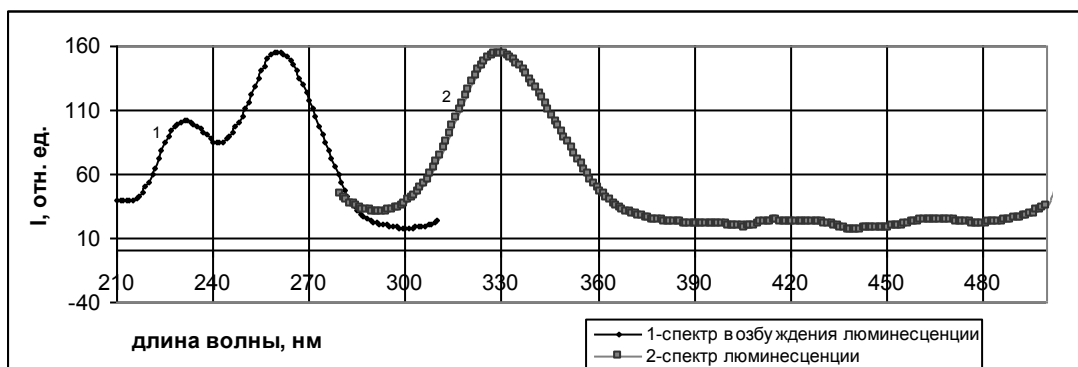

Рис. 1. Спектр возбуждения люминесценции, спектр люминесценции F^+ -центра

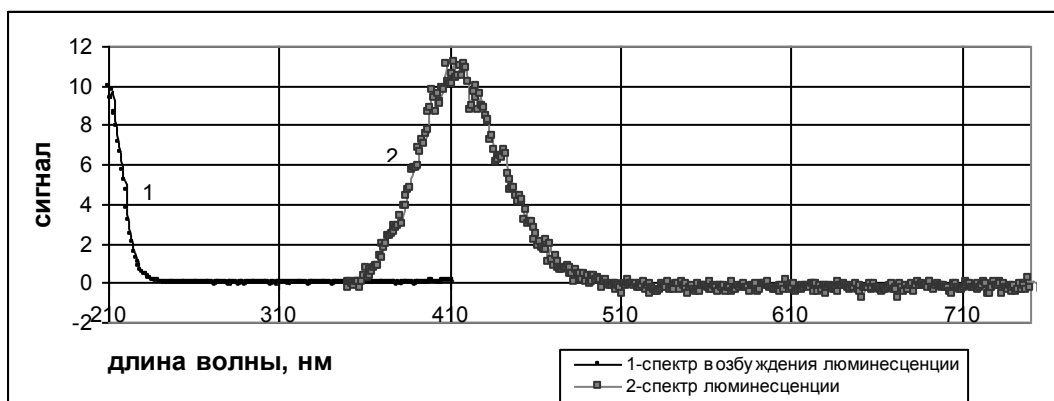

Рис. 2. Спектр возбуждения люминесценции, спектр люминесценции F -центра

На рис. 1 представлены спектр возбуждения люминесценции и спектр люминесценции F^+ -центра. Основная полоса возбуждения люминесценции для F^+ -центра – 260 нм., полоса люминесценции – 330 нм.

На рис. 2 представлены спектр возбуждения люминесценции и спектр люминесценции F -центра. Основная полоса возбуждения люминесценции для F -центра – 210 нм., полоса люминесценции – 410 нм.

Четко установлено, что в анионодефектных кристаллах корунда доминирующим типом собственных дефектов анион-вакансионного типа явля-

ются F^+ и F -центры. Полученные данные хорошо согласуются с литературными. В табл. 1 приведены четко измеренные характеристики и условия наблюдения для F^+ - и F -центров.

Наряду с люминесценцией собственных дефектов наблюдается слабая люминесценция, связанная с примесью хрома. Были исследованы спектр возбуждения и спектр люминесценции примеси хрома (рис. 3).

В табл. 2 представлены основные характеристики полос примеси хрома и условия наблюдения.

Таблица 1

Оптические характеристики для F^+ -, F -центров

	F -центр	F^+ -центр		
Возбуждение люм. (нм)	~210	210	230	260
Полуширина полосы возб. (эВ)	~0,22	0,29	0,34	0,38
Относительная интенсивность	7	31	75	100
Люминесценция, нм	415	330		
Полуширина полосы люм. (эВ)	0,4	0,44		
Условия наблюдения:				
длительность импульса возб. (мкс),	1	1		
длительность стробирования (мкс),	1000	4,95		
задержка строба (мкс)	6000	0,95		

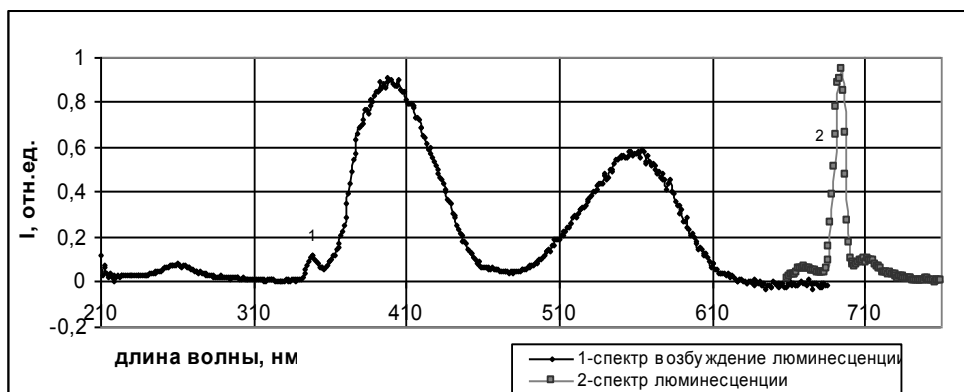

Рис. 3. Спектр возбуждения люминесценции, спектр люминесценции примеси хрома

Таблица 2

Оптические характеристики для примеси хрома

	Примесь Cr	
	410	560
Возбуждение люм. (нм)	410	560
Полуширина полосы возб. (эВ)	0,45	0,39
Относительная интенсивность	0,11	0,07
Люминесценция, нм	695	
Полуширина полосы люм. (эВ)	0,03	
Условия наблюдения:		
длительность импульса возб. (мкс),	1	
длительность стробирования (мкс),	1000	
задержка строба мкс)	50	

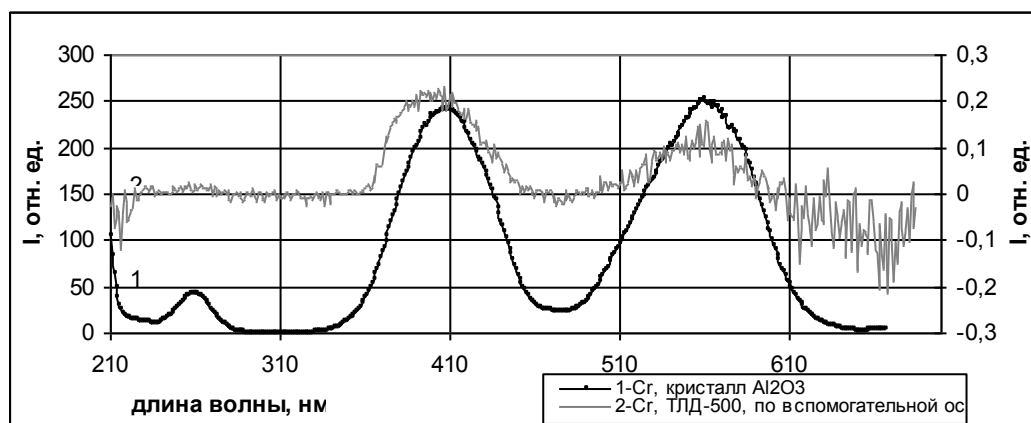

Рис. 4. Спектры возбуждения люминесценции хрома (длина волны регистрации 695 нм, длительность строба 1000 мкс, задержка строба 50 мкс): 1-кристалл $\text{Al}_2\text{O}_3\text{-Cr}$, 2-ТЛД-500К

На основании проведенных исследований можно сделать вывод о том, что основными вносящими вклад в механизмы термолюминесценции и фотолюминесценции корунда являются 3 вида центров. Ведущую роль в механизме термолюминесценции играет F^+ -центр, т. к. концентрация F^+ -центра на порядок выше, чем F -центра и Cr^{3+} -центра.

Идентификация центра люминесценции связанной с примесью хрома

Для идентификации люминесценции, связанной с хромом проведено сравнение наблюдаемой люминесценции с люминесценцией образца легированно-

го Cr, для которого известно, что люминесцирующей примесью является Cr^{3+} -центр. Были исследованы спектры возбуждения люминесценции термолюминесцентного детектора ТЛД-500 и образца легированного хромом (рубин).

Из рис. 4 видно, что и в случае ТЛД-500 наблюдается люминесценция Cr^{3+} -центра, однако интенсивность ее на 2-3 порядка слабее, чем в легированном Cr образце.

Исследование спектра поглощения

Для определения, какие центры люминесценции и какой вклад вносят в спектр поглощения, бы-

ли исследованы спектры поглощения термолюминесцентного детектора ТЛД-500 (рис. 5).

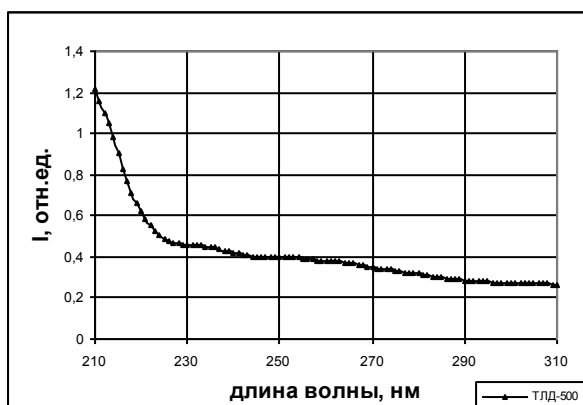

Рис. 5. Спектр поглощения термолюминесцентного детектора ТЛД-500К

Диапазон от 210 до 320 нм выбран в связи с тем, что наблюдается только одна полоса в районе 210 нм, остальные полосы не проявляются.

Показано, что, несмотря на то, что люминесцирующей примесью являются F-, F⁺-, Cr³⁺-центры, определяющую роль в формировании спектра поглощения играет F-центр.

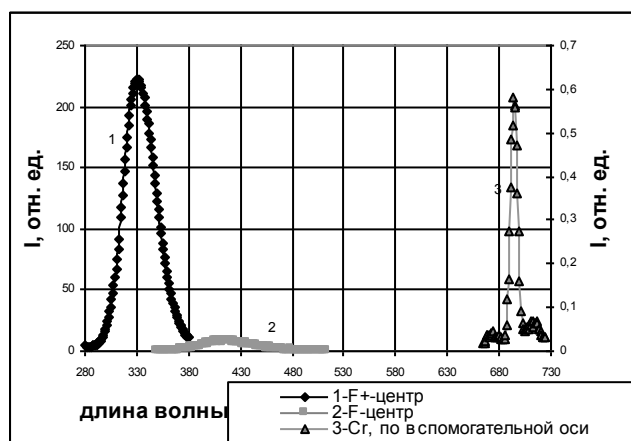

Рис. 6. Спектры фотолюминесценции ТЛД-500К: 1) возбуждение 260 нм, длительность строба 4,95 мкс, задержка строба 0,95 мкс; 2) возбуждение 210 нм, длительность строба 1000 мкс, задержка строба 6000 мкс; 3) возбуждение 410 нм, длительность строба 1000 мкс, задержка строба 50 мкс.

Соотношение интенсивностей люминесценции

Для сравнения того, какой вклад люминесцирующие примеси вносят в механизм фотолюминесценции термолюминесцентного детектора ТЛД-500, были сняты спектры фотолюминесценции ТЛД-500. На рис. 6 представлены спектры люминесценции собственных (F⁺-, F-центры) (по основной линии и примесных) и примесных (Cr³⁺-центры) (по вспомогательной линии) дефектов, в диапазоне от 300 до 700 нм.

Согласно полученным данным соотношение интенсивностей F⁺: F: Cr³⁺ – 100:4:0,26, за 100 принять выход люминесценции F⁺-центров.

Согласно литературным данным, концентрация F⁺-центров в термолюминесцентном детекторе составляет порядка 10¹⁸ см⁻³. Следовательно концентрация F⁺-центра составляет порядка 10¹⁸, F-центра 10¹⁶, Cr³⁺-центра 10¹⁵ (10¹⁸:4*10¹⁶:2,6*10¹⁵).

Зависимость выхода люминесценции от температуры отжига

Для изучения влияния температуры отжига на поведение центров люминесценции детекторы ТЛД-500 подвергались отжигу в диапазоне температур 400-800°C. После отжига проводилось снятие спектров люминесценции. Измерения проводились на необлученных кристаллах.

На рис. 7, рис. 8 представлена зависимость интенсивности люминесценции от температуры отжига.

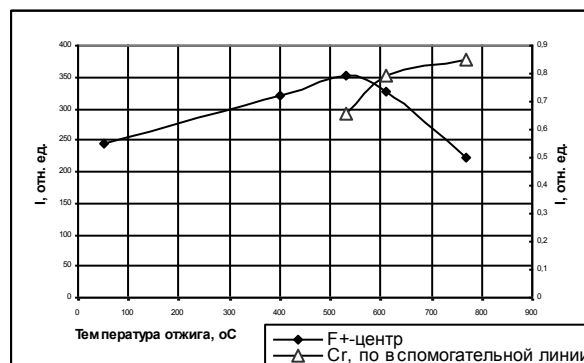

Рис. 7. Зависимость интенсивности фотолюминесценции ТЛД-500 от температуры отжига

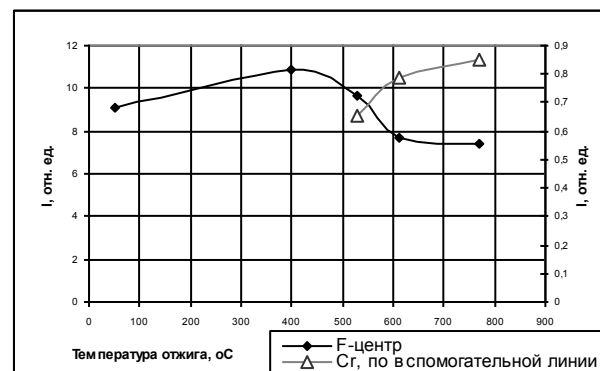

Рис. 8. Зависимость интенсивности фотолюминесценции ТЛД-500 от температуры отжига

Наблюдается антисимбатное изменение концентрации собственных (F⁺- и F-центров) и примесных (Cr³⁺-центров) дефектов.

Соотношение интенсивностей люминесценции

Для сравнения как отжиг (770°C) влияет на соотношение концентрации дефектов, были сняты спектры фотолюминесценции ТЛД-500. На рис. 9 представлены спектры люминесценции собственных (F⁺-, F-центры) (по основной линии и примесных) и примесных (Cr³⁺-центры) (по вспомогательной линии) дефектов в диапазоне от 300 до 700 нм.

Соотношение интенсивностей F^+ : F : Cr^{3+} – 100:4,4:0,5, за 100 принять выход люминесценции F^+ -центров.

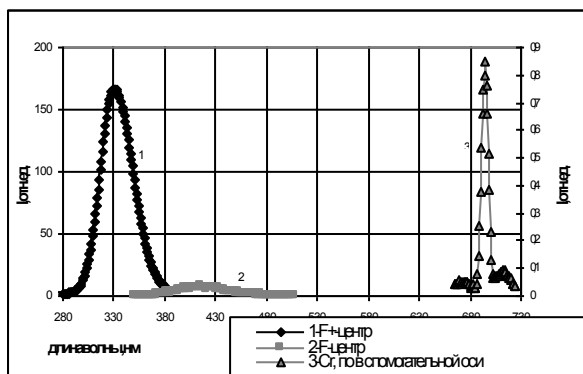

Рис. 9. Спектры фотолюминесценции ТЛД-500К: 1) возбуждение 260 нм, длительность строба 4,95 мкс, задержка строба 0,95 мкс; 2) возбуждение 210 нм, длительность строба 1000 мкс, задержка строба 6000 мкс; 3) возбуждение 410 нм, длительность строба 1000 мкс, задержка строба 50 мкс.

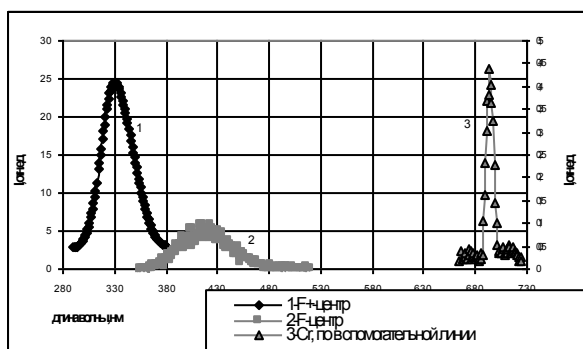

Рис. 10. Спектры фотолюминесценции ТЛД-500К: 1) возбуждение 260 нм, длительность строба 4,95 мкс, задержка строба 0,95 мкс; 2) возбуждение 210 нм, длительность строба 1000 мкс, задержка строба 6000 мкс; 3) возбуждение 410 нм, длительность строба 1000 мкс, задержка строба 50 мкс.

Согласно литературным данным, концентрация F^+ -центров в термолюминесцентном детекторе составляет порядка 10^{18} см^{-3} . Следовательно концентрация F^+ -центра составляет порядка 10^{18} , F -центра 10^{16} , Cr^{3+} -центра 10^{15} ($0,75 \cdot 10^{18}$; $3,3 \cdot 10^{16}$; $3,8 \cdot 10^{15}$).

Наблюдается незначительное изменение концентрации: уменьшение собственных дефектов (F^+ -, F -центры) в 1,25 раза, увеличение примесных (Cr^{3+} -центры) – в 1,5 раза.

Влияние облучения на выход люминесценции

Для изучения влияния облучения на люминесценцию собственных и примесных дефектов кристаллы ТЛД-500 подвергались облучению (доза облучения составила 5 кГр). На рис. 10 представлены спектры люминесценции собственных (F^+ -, F -центры) (по основной линии и примесных) и при-

месных (Cr^{3+} -центры) (по вспомогательной линии) дефектов в диапазоне от 300 до 700 нм.

Соотношение интенсивностей F^+ : F : Cr^{3+} – 100:25:2, за 100 принять выход люминесценции F^+ -центров.

Согласно литературным данным, концентрация F^+ -центров в термолюминесцентном детекторе составляет порядка 10^{18} см^{-3} . Следовательно концентрация F^+ -центра составляет порядка 10^{17} , F -центра 10^{16} , Cr^{3+} -центра 10^{15} ($1,08 \cdot 10^{17}$; $2,6 \cdot 10^{16}$; $2,03 \cdot 10^{15}$).

При облучении происходит изменение соотношения концентраций. Уменьшение концентрации F^+ -центра на 1-2 порядка, и концентрации F -, Cr^{3+} -центров в 1,5-2 раза.

Содержание хрома в образцах

По результатам проведенного ранее рентгенофлуоресцентного анализа содержания Cr в обоих образцах сопоставимы.

В связи с этим нами проведено исследование образцов при помощи электронной микроскопии, позволившее сравнить распределение примеси в образцах и оценить содержание в них Cr . Согласно данным электронной микроскопии, содержание хрома в корунде и в рубине сравнимо.

А по люминесценции Cr^{3+} в термолюминесцентном детекторе на 3 порядка меньше, чем в рубине.

Из анализа данных сделан вывод, что хром в ТЛД-500 является изоморфной примесью, непосредственно входящей в кристаллическую решетку, а также локализуется в дефектных местах или на поверхности, выпадая в виде фазовых включений, ассоциированных с примесью Fe , которая, вероятно, тушит люминесценцию хрома.

Оценка поверхности ТЛД-500

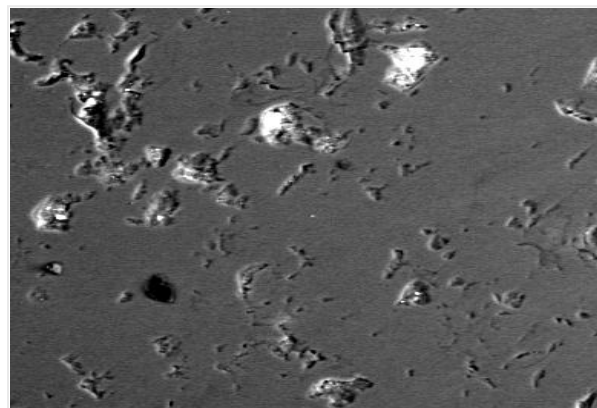

Рис. 11. Поверхность детектора ТЛД-500

Проведено сравнение поверхности рубина и кристалла термолюминесцентного детектора ТЛД-500К.

Согласно данным электронной микроскопии (рис. 11, рис. 12), поверхность рубина относительно чистая, с небольшим количеством металлических коагулянтов: с примесью натрия, калия, титана, а также кремния, фосфора, серы и хлора. На поверх-

ности детектора имеется множество образований с большей и меньшей плотностью. Коагулянты меньшей плотности содержат большое количество углерода. Коагулянты большей плотности, металлической природы. Содержат в основном натрий, железо, кремний, также примесь хрома.

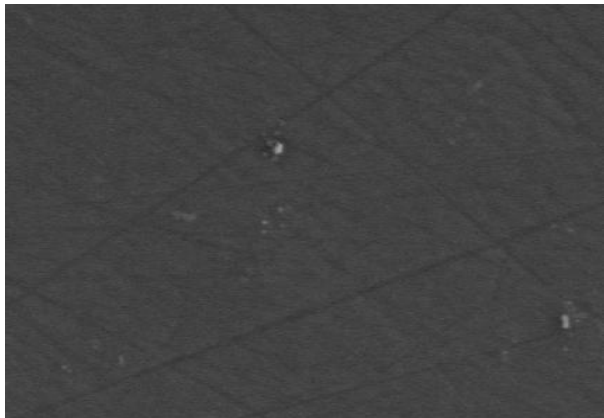

Рис. 12. Поверхность рубина

УДК 541.124.16

ПРЕДВЗРЫВНАЯ ЭМИССИЯ ЭЛЕКТРОНОВ В АЗИДЕ СЕРЕБРА

Э. Д. Алукер, А. Г. Кречетов, А. Ю. Митрофанов, А. С. Паишекин, Г. В. Артамонов

Экспериментально обнаружено новое явление – предвзрывная электронная эмиссия энергетических материалов, т. е. электронная эмиссия, сопровождающая начальные стадии реакции взрывного разложения, протекающие на твердофазной стадии процесса до начала интенсивного энерговыделения и диспергирования образца.

В [1, 2] были экспериментально обнаружены предвзрывные явления (проводимость, люминесценция) в азидах тяжелых металлов (АТМ), т. е. явления, происходящие в образце на начальных (твердофазных) стадиях реакции взрывного разложения перед началом механического разрушения образца. В дальнейшем предвзрывные явления наблюдались и на других классах энергетических материалов [3, 4]. Исследование этих явлений позволило установить основные закономерности и предложить модели актуальных процессов [5 – 9]. В частности, была предложена модель цепной реакции взрывного разложения АТМ, согласно которой необходимым условием ее развития является генерация в процессе реакции горячих электронов и дырок [5, 6]. Из общих соображений ясно, что генерация горячих электронов в процессе реакции взрывного разложения может сопровождаться вылетом части этих электронов за пределы образца, т. е. предвзрывной электронной эмиссией. Поиск этого эффекта и явился задачей данной работы.

Объектами исследования служили нитевидные кристаллы азида серебра с характерными размерами $5 \times 0,1 \times 0,05 \text{ мм}^3$. Общая концентрация примесей тяжелых металлов в исследуемых образцах не превы-

шала 10^{17} см^{-3} . Методика выращивания кристаллов и контроля содержания примесей описаны в [10].

Источником инициирующих импульсов служил YAG:Nd^{3+} лазер (1064 нм, 30 пс, 30 мДж/см²). Образец крепился в измерительной ячейке, обеспечивающей возможность подачи напряжения на образец и систему тестовых электродов, регистрирующих разлетающиеся продукты взрыва. Расстояние между тестовыми электродами и образцом варьировалось при помощи микрометрического винта. Подробное описание измерительной ячейки, схем регистрации токовых сигналов и синхронизации приведено в [6]. Использовались два варианта тестовых электродов: разрядный промежуток (РП), замыкаемый разлетающимися продуктами взрыва (или эмитируемыми образцом частицами) и коллекторный электрод (КЭ). Токовые сигналы регистрировались при помощи двухканального осциллографа Tektronix TDS3032B. Временное разрешение регистрирующих каналов не хуже 1 нс, точность синхронизации каналов не хуже 2 нс. Измерительная ячейка располагалась в экспериментальной камере, обеспечивающей возможность откачки до $\sim 1 \text{ Па}$.

Кинетика токовых сигналов в воздухе и в вакууме

Для исследования кинетики токовых сигналов проводились две серии экспериментов: в воздухе при атмосферном давлении и в вакууме $\sim 1 \text{ Па}$. Образец крепился в измерительной ячейке, обеспечивающей возможность подачи напряжения на образец и систему тестовых электродов, регистрирующих разлетающиеся продукты взрыва. В качестве

Литература

1. Козлова, И. Р. Структурные превращения в напыленной окиси алюминия / И. Р. Козлова // Изв. АН СССР. Сер. «Неорг. матер.». – 1971. – Т. 7. – № 8. – С. 1372 – 1376.
2. Грум-Гржимайло, С. В. Основные свойства кристаллов рубина и лейкосапфира по литературным данным / С. В. Грум-Гржимайло, М. В. Клас-сен-Неклюдова // Рубин и сапфир. – М.: Наука, 1974. – С. 11 – 17.
3. Кортон, В. С. / А. С. Кортон, А. И. Сюрдо, Ф. Ф. Шарафутдинов // ЖТФ. – 1997. – Т. 67. – № 7.
4. Аксельрод, М. С., Кортон В. С., Мильман И. И. // Изв. АН СССР. Сер. «Физика». – 52, – № 10. – 1981 (1988).
5. Орозбек, У. А. Особенности кинетики люминесценции F^+ -центров в аниондефектных кристаллах оксида алюминия / У. А. Орозбек: автореф. дис. ... канд. физ.-мат. наук. – Екатеринбург, 2007.

тестовых электродов использовался тестовый разрядный промежуток (ТРП), замыкаемый разлетающимися продуктами взрыва (или эмитируемыми образцом частицами). Схема экспериментов с одновременной регистрацией проводимости в кристалле и ТРП показана на рис. 1.

На рис. 2 представлены результаты синхронного измерения импульсов тока через образец (рис. 2 а) и тестовый разрядный промежуток, регистрируемых параллельно по разным каналам при измерениях в воздухе (рис. 2 б) и в вакууме (рис. 2 в). При атмосферном давлении наблюдается известная по работам [5, 6] картина. В канале образца (опорном, рис. 2 а) наблюдается импульс взрывной проводимости, начальный участок которого (до ~ 150 нс) представляет собой предвзрывную проводимость.

В тестовом канале в воздухе наблюдается только импульс, обусловленный замыканием разрядного промежутка долетающими до него продуктами взрыва, сдвинутый по времени относительно опорного сигнала на величину времени пролета (рис. 2 б). При экспериментах в вакууме (рис. 2 в) наблюдается аналогичная картина – видим сигнал проводимости продуктов взрыва большей амплитуды, чем в воздухе, но появляется дополнительный пик, время возникновения которого близко ко времени появления сигнала предвзрывной проводимости. Как упоминалось в предыдущей главе, этот пик связан с реакцией взрывного разложения и вызван замыканием разрядного промежутка потоком заряженных частиц.

Расположение электродов на рис. 1 не позволяло экспериментально сделать выводов о заряде образовавшихся в результате лазерного инициирования частиц. Необходимо было поменять схему эксперимента для определения заряда эмитируемых частиц и выяснения их природы.

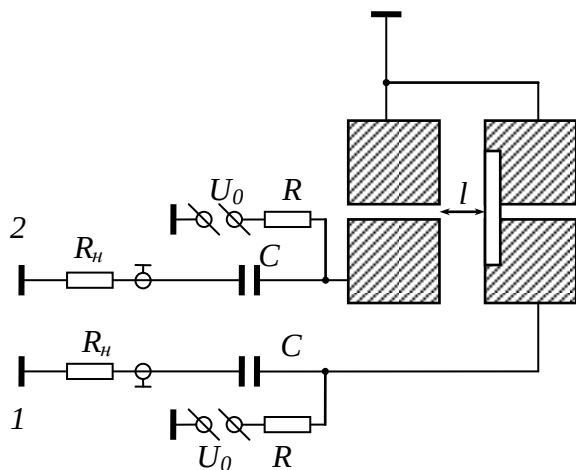

Рис. 1. Схема эксперимента для кинетических исследований методом тестового разрядного промежутка:

1 – канал предвзрывной проводимости;

2 – канал проводимости продуктов взрыва;

R_n – входное сопротивление осциллографа, U_0 – напряжение источника тока, R – зарядное сопротивление, C – конденсатор, l – база разлета.

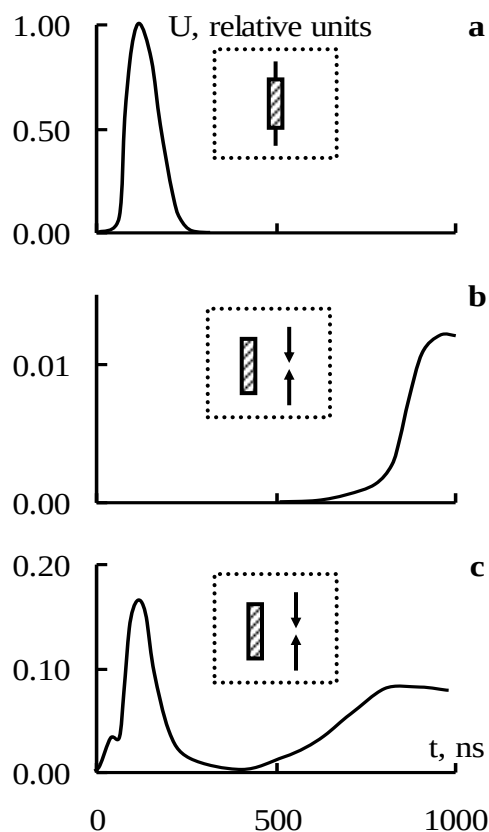

Рис. 2. Осциллограммы токовых импульсов при взрывном разложении азида серебра:

а) через образец;

б) в разрядном промежутке на расстоянии ~ 3,5 мм в воздухе;

в) в разрядном промежутке на расстоянии ~ 3,5 мм в вакууме.

Расположение кристалла относительно электродов представлено на врезках.

Определение знака заряда эмитируемых частиц

Для определения знака заряда эмитируемых частиц была разработана схема, показанная на рис. 3, помещенная в вакуумную камеру. На коллекторный электрод подавалось напряжение, величину и полярность которого можно было изменять. При положительном напряжении на коллекторном электроде ($U = 5В$), на осциллографе фиксировался сигнал, показанный на рис. 4. Здесь мы видим сигнал предвзрывной проводимости (рис. 4 а) и эмиссионный сигнал, переходящий в сигнал проводимости продуктов взрыва (рис. 4 б).

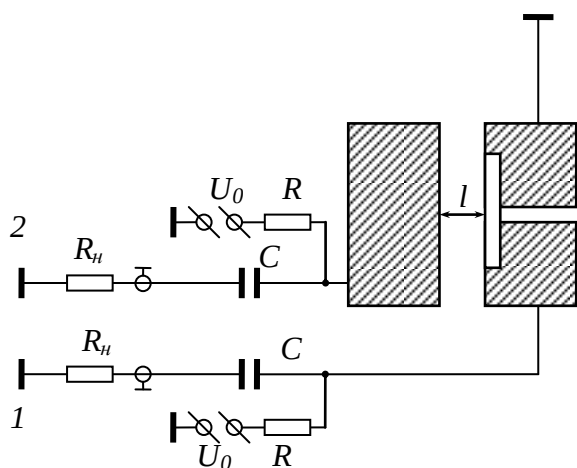

Рис. 3. Схема эксперимента для исследования взрывного разложения азид серебра методом коллекторного электрода (два канала):

1 – канал проводимости продуктов взрыва;
2 – канал предвзрывной проводимости кристалла;

R_{oc} – входное сопротивление осциллографа,
 U_0 – напряжение источника тока, R – зарядное сопротивление, C – конденсатор, K – кристалл азид серебра, l – база разлета, $h\nu$ – импульс лазера, Э – электроды

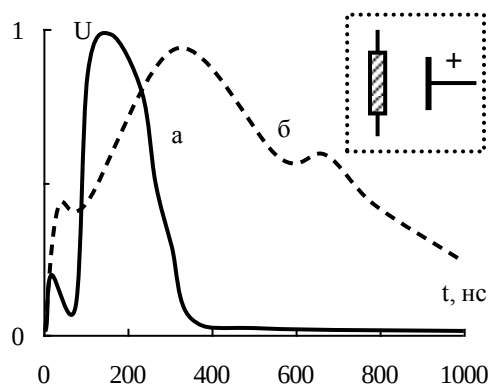

Рис. 4. Токовые сигналы, полученные при положительном напряжении $\sim 5V$ на коллекторном электроде: a – проводимость в опорном канале, b – на коллекторном электроде. База разлета $l = 3,1$ мм. На врезке: принципиальная схема эксперимента

Пик, наблюдающийся в начале временной развертки (первый пик на рис. 4 б), связан с взаимодействием мощного лазерного излучения с подложкой, на которой располагается кристалл. Этот пик присутствует и без кристалла азид серебра и, по видимому, связан с фотоэмиссией электродов. Т. к. его длительность мала по сравнению с полезными сигналами, то заметного влияния на результаты экспериментов он не оказывал.

При подаче отрицательного напряжения на КЭ ($U = 5V$) эмиссионный сигнал на осциллографе исчезал и оставался только сигнал проводимости продуктов взрыва (рис. 5 б). Этот результат позволяет

утверждать: эмитируемые частицы заряжены отрицательно.

При меньших базах разлета всегда наблюдалась зависимость эмиссионного сигнала от полярности напряжения, приложенного к коллекторному электроду. Однако при уменьшении базы разлета сокращается и время долета продуктов взрыва до электродов, и оба пика (эмиссионный пик и пик, обусловленный распространяющимися продуктами взрыва) сильнее накладываются друг на друга.

При увеличении базы разлета до ~ 4 мм эмиссионный пик сильно уменьшался в амплитуде и наблюдался не на всех осциллограммах.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что из кристалла азид серебра эмитируются частицы с отрицательным зарядом до механического разрушения самого образца. Это могут быть электроны или отрицательно заряженные ионы. Для определенного выбора между этими вариантами необходимо оценить их энергию и скорость.

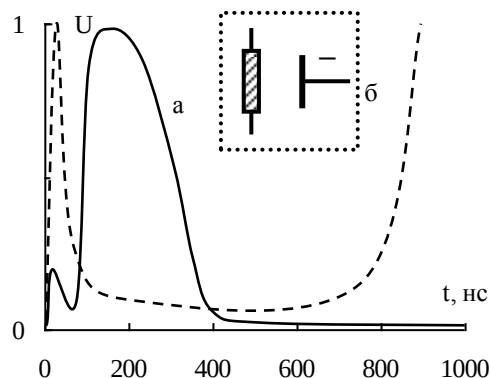

Рис. 5. Токовые сигналы, полученные при отрицательном напряжении $\sim 5V$ на КЭ: a – проводимость в опорном канале, b – на коллекторном электроде.

На врезке: принципиальная схема.
База разлета $l = 3,1$ мм

Оценка скорости разлета эмитируемых частиц

Грубая оценка скорости эмитируемых частиц может быть сделана на основании данных рис. 5. Эмиссионный пик появляется значительно раньше, чем пик, обусловленный продуктами взрыва, следовательно, скорость эмитируемых частиц значительно выше скорости разлета продуктов взрыва, составляющей $\sim 10^3$ м/с [11].

Схема для измерения скорости приведена на рис. 6.

Для более точной оценки скорости применялась схема, показанная на рис. 6, с помощью которой были проведены синхронные измерения эмиссионных пиков в двух тестовых разрядных промежутках, расположенных на разных расстояниях от образца (рис. 7).

Оказалось, что при максимально возможной в наших условиях разнице расстояний ~ 4 мм, разница во временах появления сигналов по обоим каналам не превышала 10 нс. Следовательно, оценка нижней границы скорости разлета: $v \geq 3,6 \cdot 10^5$ м/с.

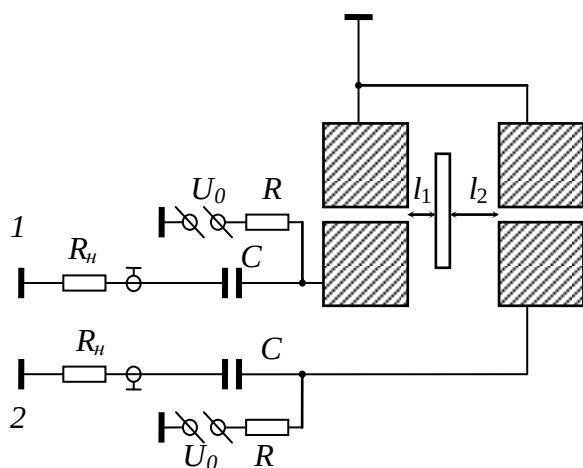

Рис. 6. Схема эксперимента для определения скорости эмитируемых частиц:

1 – первый канал, 2 – второй канал,

l_1 – расстояние от кристалла до первого разрядного промежутка, l_2 – расстояние от кристалла до второго разрядного промежутка.

R_{oc} – входное сопротивление осциллографа, U_0 – напряжение источника тока, R – зарядное сопротивление, C – конденсатор, K – кристалл азидо серебра, $h\nu$ – импульс лазера, Э – электроды В – вакуумная камера

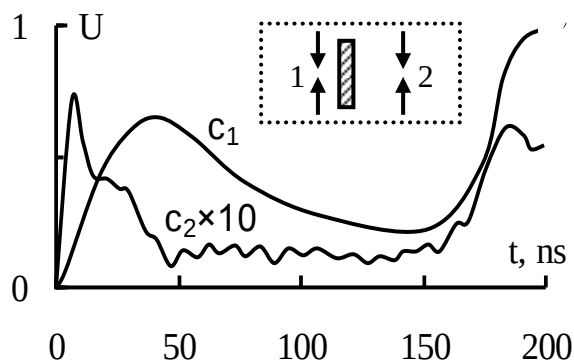

Рис. 7. Эмиссионные пики в двух тестовых разрядных промежутках, расположенных на разных расстояниях от образца: $l_1 = 0,5\text{ мм}$, $l_2 = 4,5\text{ мм}$.

Амплитуда второго сигнала увеличена в 10 раз.

На врезке: принципиальная схема.

Оценка энергии эмитируемых частиц

Как уже говорилось, при подаче отрицательного напряжения на коллекторные электроды эмиссионный пик исчезает (рис. 5). Для количественного измерения амплитуды эмиссионного пика использовалась схема с коллекторными электродами, показанная на рис. 8.

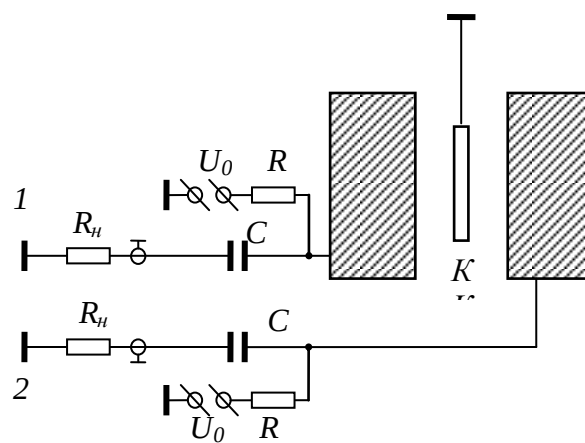

Рис. 8. Схема эксперимента для определения знака заряда частиц, образующихся в ходе взрывного разложения азидо серебра (два канала):

1 – первый канал, 2 – второй канал,

R_n – входное сопротивление осциллографа, U_0 – напряжение источника тока, R – зарядное сопротивление, C – конденсатор, K – кристалл азидо серебра

При таком расположении электродов было возможно подавать одновременно положительное и отрицательное напряжения. При отсутствии напряжения на электродах, получаем рис. 9. На этом рисунке видно, что сигналы с обоих каналов похожи: сначала появляется сигнал предвзрывной эмиссии с отрицательным знаком заряда частиц, затем пики проводимости продуктов взрыва в положительной области.

Меняя напряжение на электродах, было обнаружено, что на отрицательном электроде сигнал эмиссии уменьшается, а продуктовый сигнал остается практически без изменений (рис. 10, кривая 1). На положительном электроде исчезает сигнал продуктов взрыва, а эмиссионный пик меняется мало (рис. 10, кривая 2).

При дальнейшем увеличении напряжения на электродах удалось установить, что при достижении $U = 0,7\text{ В}$ (запирающее напряжение) на отрицательном КЭ сигнал, соответствующий эмиссии, исчезает (рис. 11, кривая 1), а на положительном КЭ – затягивается (рис. 11, кривая 2). При этом на кривой 2 продуктовый сигнал (точнее, сигнал, вызванный теми частицами продуктов взрыва, которые имеют отрицательный заряд) накладывается на сигнал эмиссии.

Из того факта, что при напряжении $0,7\text{ В}$ сигнал предвзрывной эмиссии исчезает на отрицательном электроде, можно сделать вывод, что максимальная энергия эмитируемых частиц $E \leq 0,7\text{ эВ}$.

Таким образом, речь может идти об эмиссии электронов, или отрицательных ионов. Полученные оценки ($E \leq 0,7\text{ эВ}$, $v \geq 10^5\text{ м/с}$) позволяют сделать выбор между этими возможностями.

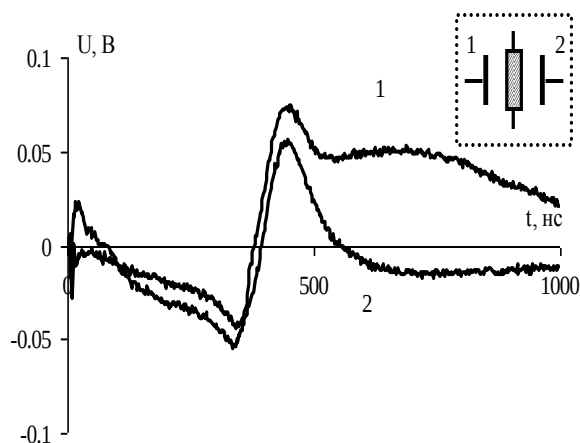

Рис. 9. Токовые сигналы, полученные при нулевом напряжении на КЭ. На врезке: принципиальная схема: 1 – первый канал, 2 – второй канал, К – кристалл азида серебра

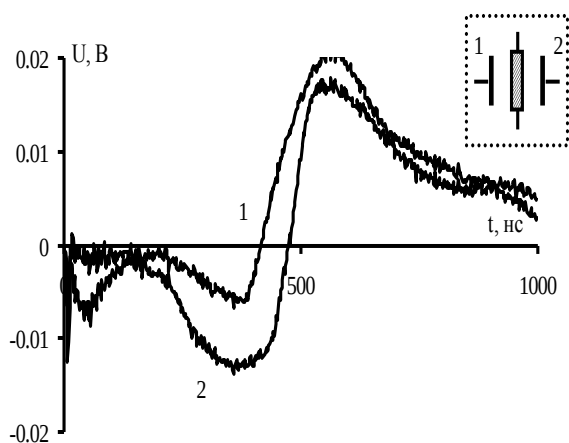

Рис. 10. Токовые сигналы, полученные при напряжении 0,17 В на КЭ. На врезке: принципиальная схема

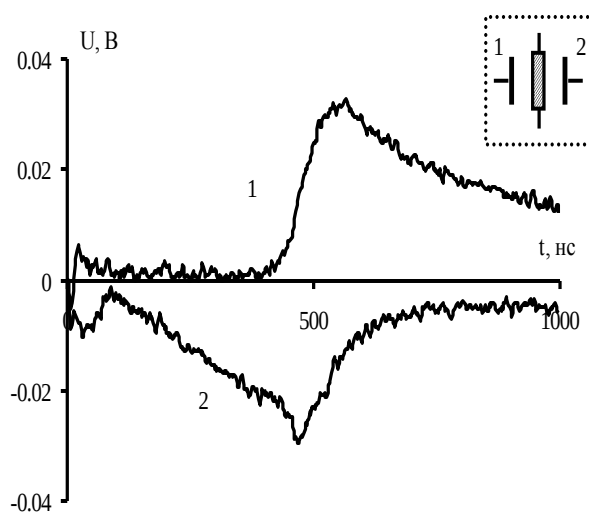

Рис. 11. Токовые сигналы, полученные при напряжении 0,7 В на КЭ. На врезке: принципиальная схема

Кинетическая энергия электрона, летящего со скоростью v , определяется по формуле:

$$E = \frac{m_e v^2}{2}, \quad (1)$$

где m_e – масса электрона.

Т. к. $U = 0,7$ В не позволяет электрону достичь электрода, то вся кинетическая энергия равна работе электростатического поля, идущей на торможение электрона:

$$\frac{m_e v^2}{2} = e \cdot U_s, \quad (2)$$

где e – заряд электрона, U_s – запирающее напряжение.

Таким образом, для электронов кинетическая энергия $E = 0,7$ эВ соответствует скорости $v = 3,6 \cdot 10^5$ м/с, для отрицательных же ионов с массой ~ 20 а.е.м. соответственно – $v \approx 2,5 \cdot 10^3$ м/с.

Эта оценка скорости для электронов хорошо согласуется с полученным экспериментальным значением скорости эмитируемых частиц $v \geq 10^5$ м/с. Для отрицательных же ионов имеет место явное несоответствие оценки и экспериментального значения скорости ($2 \cdot 10^3$ м/с и 10^5 м/с).

Т. о., полученные результаты позволяют сделать вывод о связи эмиссионного пика на рис. 2 с внешней электронной эмиссией, т. е. свидетельствует о наличии нового, ранее не наблюдаемого явления – предвзрывной электронной эмиссии, возникающей на начальных (твердотельных) стадиях реакции взрывного разложения, перед началом механического разрушения образца.

Литература

1. Адуев, Б. П. Предвзрывная проводимость азида серебра [Текст] / Б. П. Адуев, Э. Д. Алукер, Г. М. Белокуров, А. Г. Кречетов // Письма в ЖЭТФ. – 1995. – Т. 62. – № 3. – С. 203.
2. Адуев, Б. П. Предвзрывная люминесценция азида серебра [Текст] / Б. П. Адуев, Э. Д. Алукер, Ю. А. Захаров и др. // Письма в ЖЭТФ. – 1997. – Т. 66. – № 2. – С. 101.
3. Горшков, М. М. Предвзрывная проводимость взрывчатого состава на основе триаминотри-нитробензола [Текст] / М. М. Горшков, К. Ф. Гребенкин, В. Т. Заикин и др. // Письма в ЖТФ. – 2004. – Т. 30. – № 15. – С. 5.
4. Адуев, Б. П. Спектрально-кинетические характеристики продуктов взрывного разложения азида серебра [Текст] / Б. П. Адуев, Э. Д. Алукер, С. С. Гречин, Е. В. Тупицин // Письма в ЖТФ. – 2005. – Т. 31. – № 15. – С. 7.
5. Адуев, Б. П. Взрывное разложение азидов тяжелых металлов [Текст] / Б. П. Адуев, Э. Д. Алукер, Г. М. Белокуров и др. // ЖЭТФ. – 1999. – Т. 116. – № 5(11). – С. 1676.
6. Захаров, Ю. А. Предвзрывные явления в азидовых тяжелых металлов [Текст] / Ю. А. Захаров, Б. П. Адуев, Э. Д. Алукер и др. – М.: Химмаш, 2002. – 115 с.
7. Kuklja, M. M. The Role of Electronic Excitations in Explosive Decomposition of Solids [Текст] /

M. M. Kuklja, B. P. Aduiev, E. D. Aluker et al. // Journal Of Applied Physics. – 2001. – Vol. 89. – №. 7. – P. 4156.

8. Алукер, Э. Д. Двустадийный характер взрывного разложения твердых энергетических материалов [Текст] / Э. Д. Алукер, Б. П. Адуев, А. Г. Кречетов и др. // Химическая физика. – 2006. – Т. 25. – № 7. – С. 38.

9. Aluker, E. D. Early Stages of Explosive Decomposition of Energetic Materials [Текст] / E. D. Aluker, B. P. Aduiev, A. G. Krechetov et al. // Fo-

cus on Combustion Research. – New York.: Nova Science Publishers Inc, 2006. – 373 p.

10. Иванов, Ф. И., Л. Б. Зуев, М. А. Лукин, В. Д. Мальцев // Кристаллография. – 1988. – Т. 28. – № 1. – С. 194.

11. Алукер, Э. Д. Разлет продуктов взрыва азидата серебра. Предвзрывная проводимость азидата серебра [Текст] / Э. Д. Алукер, А. Г. Кречетов, А. Ю. Митрофанов, А. С. Пашпекин // Химическая физика. – 2007. – Т. 26. – № 11. – С. 44 – 46.

УДК 544.228

ФОРМИРОВАНИЕ СТРУКТУРЫ МЕТАЛЛИЧЕСКОГО СЕРЕБРА В ПРОЦЕССЕ ЭЛЕКТРОХИМИЧЕСКОГО ВОССТАНОВЛЕНИЯ МИКРОКРИСТАЛЛОВ AgHal

Е. И. Казакин, П. В. Лапсина, В. Г. Додонов

Наночастицы представляют собой агрегаты атомов или ионов с размерами от 1 до сотен нанометров. Переход от макро- к наноразмерам приводит к изменению свойств частиц, в частности их реакционной способности. По геометрическому признаку частицы нанометровых размеров можно классифицировать на компактные и протяженные – пленки и нитевидные [1 – 3]. По физическим и химическим свойствам компактные частицы отличаются от пленок. Нитевидные наноструктуры являются промежуточными между компактными и плоскими структурами, поэтому исследование их свойств может быть полезным для выяснения механизмов формирования тех или иных свойств наноструктурированного состояния вещества. Наиболее известным представителем нитевидных наноструктур являются углеродные нанотрубки и нановолокна. Для металлов также возможно формирование подобных протяженных структур, которые могут найти применение в различных процессах и устройствах. Из опыта технологии химико-фотографической обработки (ХФО) известно, что при проявлении эмульсионных микрокристаллов образуется металлическое Ag, имеющее разнообразную геометрическую форму, в частности, возможно формирование нитевидного серебра с диаметром нитей 10 – 20 нм [4, 5].

В фотографической практике, в зависимости от состава обрабатываемого раствора, условий экспонирования, параметров эмульсионного слоя, различают несколько видов проявления микрокристаллов AgHal фотографической эмульсии, которые приводят к различным структурам проявления серебра:

1) регулярное (нормальное) проявление — начинается обычно с одного края микрокристалла, а затем быстро распространяется приблизительно круговым фронтом по всей поверхности;

2) нерегулярное проявление – начинается одновременно во многих точках микрокристалла, при этом серебро от центра проявления выталкивается в

виде короткой нити, которая утолщается и медленно растет в длину;

3) смешанное проявление – представляет собой переходную форму от одного из первых двух типов проявления к другому;

4) взрывное проявление – заключается в выбросе из микрокристалла серебряных нитей;

5) диффузное проявление – начинается одновременно во многих точках поверхности кристалла, покрывающегося многочисленными черными пятнами, которые постепенно соединяются в одно.

Нами была предпринята попытка получения металлических наноразмерных структур Ag с использованием методов ХФО. Для этого экспонированные образцы фотографической пленки обрабатывали раствором проявителя УП-2М. После остановки проявления следовал процесс удаления невосстановленного AgHal. Полученные образцы исследовались методом малоуглового рассеяния рентгеновских лучей [6].

Полученные результаты показывают, что в процессе проявления микрокристаллов AgHal фотографической эмульсии образования нитевидного Ag не происходит, а формируются изолированные объемные частицы металлического серебра размером порядка 20-30 нм. Характерный профиль функций распределения неоднородностей по размерам, рассчитанных в первом приближении по однородным сферам (рис. 1), позволяет предполагать, что исследуемые частицы имеют форму сплюснутых эллипсоидов вращения ($\omega \sim 0.35$); функции распределения, рассчитанные по эллипсоидной модели (рис. 2), получаются гораздо более узкими и одномодальными [7, 8].

Отсутствие филоментарного (нитевидного) Ag может указывать на то, что нитевидные структуры предпочтительно формируются в процессе электрохимического восстановления микрокристаллов AgHal, не имеющих внешних пространственных ограничений (например в виде близкорасположен-

ных микрокристаллов или прочных полимерных капсул). На основании полученных экспериментальных данных можно предположить возможные причины формирования компактных наночастиц серебра при проявлении микрокристаллов AgHal.

Традиционно считается, что микрокристаллы AgHal в эмульсионном слое, после экспонирования, имеют небольшое число центров скрытого изображения (до нескольких десятков) [9, 10], которые и приводят к образованию серебра нитевидной или кристаллической структуры при восстановлении микрокристалла. Однако в нашем эксперименте вместо ожидаемого филоментарного Ag или компактных частиц, имеющих размер, сопоставимый с размером исходного кристалла AgHal (0,3-0,5 мкм), в процессе проявления были получены компактные частицы металлического Ag со средним размером 20-30 нм. На основании этого можно предположить, что на поверхности эмульсионных микрокристаллов расположено число центров проявления, многократно превышающее количество центров скрытого изображения (принято считать, что их количество на одном кристалле не превышает 1-2 десятков), и каждый из них превращается в наноразмерную частицу Ag со средним размером 25-30 нм. Можно представить и что развитию нитевидной структуры металлического Ag в процессе проявления препятствует капсулирование желатиной микрокристаллов AgHal. В результате образуются квазинити, замыкающиеся на поверхность кристалла и формирующие новые точки восстановления серебра из AgHal.

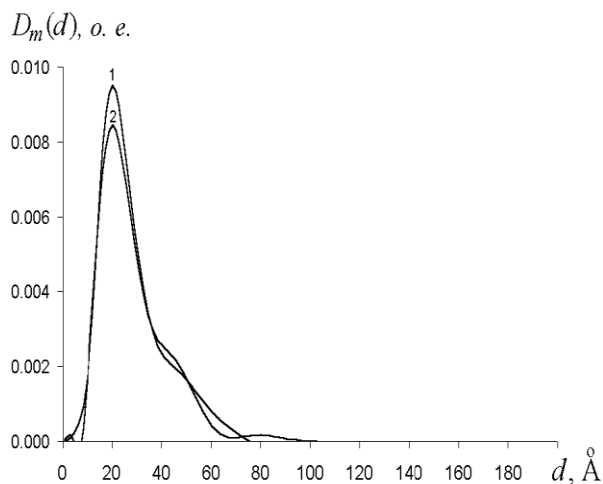

Рис. 1. Массовые функции распределения по размерам частиц серебра, рассчитанные по кривым интенсивности малоуглового рентгеновского рассеяния в приближении однородных сфер: 1 – дисперсия Ag (экспонированный и проявленный образец); 2 – дисперсия Ag (экспонированный, проявленный и фиксированный образец)

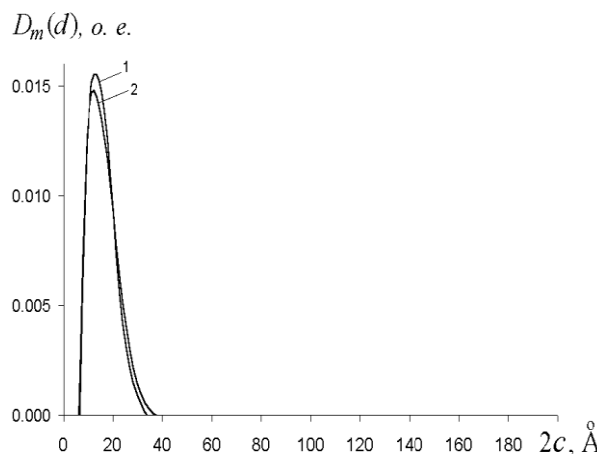

Рис. 2. Массовые функции распределения по размерам частиц серебра, рассчитанные по кривым интенсивности малоуглового рентгеновского рассеяния в приближении эллипсоидов вращения с осевым отношением $c/a = 0.35$: 1 – дисперсия Ag (экспонированный и проявленный образец); 2 – дисперсия Ag (экспонированный, проявленный и фиксированный образец)

Исходя из этих предположений, для получения филоментарного серебра использовали микрокристаллы AgHal, лишенные плотной желатиновой оболочки. Образцы фотографической пленки обрабатывали панкреатином для разрушения желатины, полученную дисперсию распределили в водно-желатиновом растворе и без предварительного высушивания обработали проявителем различной концентрации. На рис. 3 представлены функции распределения полученных частиц серебра по размерам. Согласно результатам компьютерного моделирования, характерное поведение данных функций при больших значениях d (наличие протяженной пологой правой ветви) свидетельствует о возможной анизотропии частиц в одном направлении (нитевидности). При этом положение главного максимума функции распределения (20 нм) характеризует размер поперечного сечения нити. Появление дополнительных максимумов в области 50-60 нм может указывать на формирование разветвленной (возможно, фрактальной) структуры металлического серебра в процессе проявления образцов, полученных таким способом.

Возможно, на морфологические особенности восстановленного серебра оказывают влияние не только условия ФХО обработки, но и морфология микрокристаллов AgHal. Чтобы проверить влияние габитуса (формы) микрокристаллов AgHal на структуру восстановленного серебра, в качестве образцов для ФХО использовали плоские кристаллы, лишенные связующей среды (желатины). Образцы обработали разбавленным и неразбавленным проявителем УП-2М. Результаты, полученные методом малоуглового рассеяния рентгеновских лучей, позволяют предполагать, что в процессе проявления плоских микрокристаллов AgHal формируется нитевидное серебро, свернутое в клубки с ха-

рактерным размером 60-80 нм. Этот эффект наиболее ярко проявляется при использовании разбавленного проявителя (рис. 4).

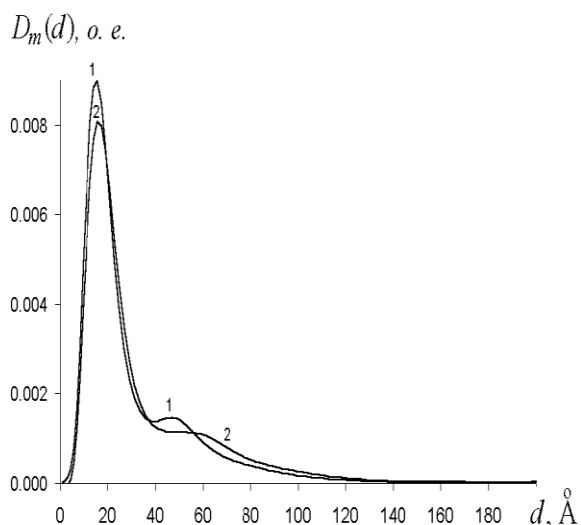

Рис. 3. Массовые функции распределения по размерам частиц серебра, полученных с использованием микрокристаллов AgHal, лишенных плотной желатиновой оболочки: 1 – обработка в разбавленном (1:10) проявителе; 2 – обработка в неразбавленном проявителе

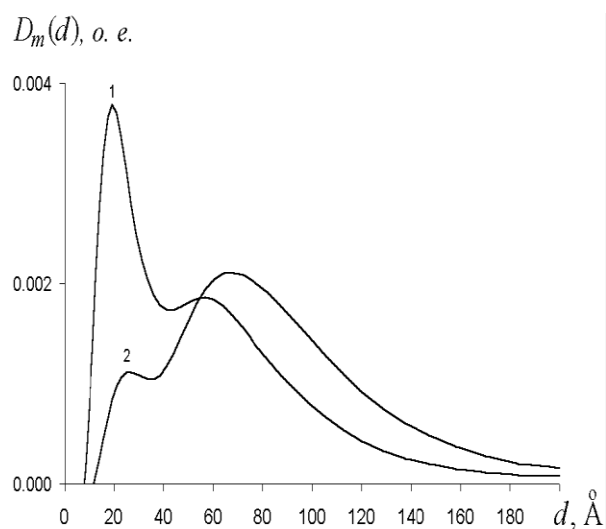

Рис. 4. Массовые функции распределения по размерам частиц серебра, полученных с использованием плоских микрокристаллов AgHal, лишенных плотной желатиновой оболочки: 1 – обработка в неразбавленном проявителе; 2 – обработка в разбавленном (1:10) проявителе

Аналогичные по форме распределения были получены при обработке зольов бромид серебра. Единственным существенным отличием является расположение характерных максимумов на кривых – они соответствуют размерам 20 – 25 и 100 – 125 нм. Электронная микрофотография такой серебряной структуры представлена на рис. 5.

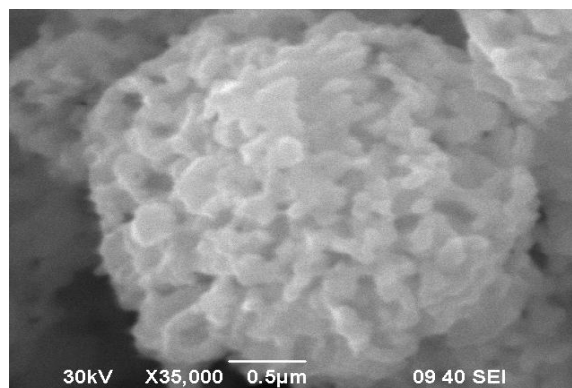

Рис. 5. Электронная микрофотография серебряной частицы, полученной при электрохимическом восстановлении золь AgBr

Известно, что металлическое серебро является парамагнитным материалом, поэтому справедливо можно предположить, что внешнее магнитное поле будет оказывать влияние на процессы формирования частиц серебра при электрохимическом восстановлении микрокристаллов AgHal. Для проверки этого предположения было проведено электрохимическое восстановление AgHal в магнитном поле напряженностью 5 – 25 мТл. Установлено, что металлическое серебро, полученное в магнитном поле, имеет фрактальную (разветвленную, протяженную) структуру, состоящую из нитевидных фрагментов длиной порядка 0.4–0.5 мкм. Во всех исследованных нами случаях длина дифрагирующих фрагментов может во много раз превышать размеры поперечного сечения. Небольшие величины магнитного поля изменяют форму металлической частицы. Серебро, полученное в магнитном поле с $H=5\text{ мТл}$, имеет более рыхлую, ориентированную в пространстве структуру (рис. 6). Предварительные результаты показывают, что эффект воздействия магнитного поля, вероятно, уменьшается с увеличением его напряженности – при напряженности более 10 мТл внешний вид получаемых частиц не отличается от частиц, полученных в отсутствие магнитного поля.

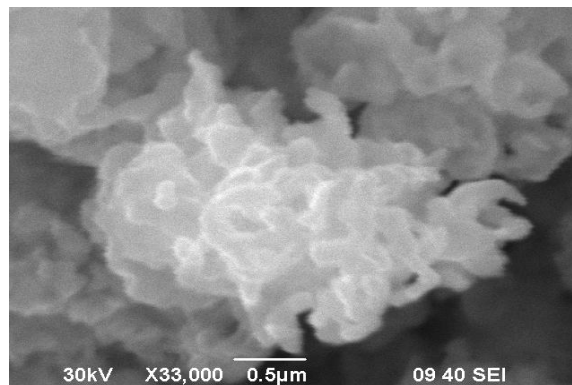

Рис. 6. Электронная микрофотография серебряной частицы, полученной при электрохимическом восстановлении золь AgBr в постоянном магнитном поле ($H = 5\text{ мТл}$)

На основании полученных экспериментальных данных было установлено, что формирование различной структуры металлического серебра в процессе электрохимического восстановления микрокристаллов AgI зависит как от условий проведения обработки, так и от морфологии и формы самих кристаллов.

Литература

1. Андриевский, Р. А. Размерные эффекты в нанокристаллических материалах. I. Особенности структуры. Термодинамика. Фазовые равновесия. Кинетические явления / Р. А. Андриевский, А. М. Глезер // Физика металлов и металловедение. – 1999. – Т. 88. – № 1. – С. 50 – 73.
2. Андриевский, Р. А. Наноструктурные материалы / Р. А. Андриевский, А. В. Рагуля. – М.: Академия, 2005.
3. Сергеев, Г. Б. Нанохимия / Г. Б. Сергеев. – М.: Университетский книжный дом, 2006.
4. Миура, Т. и др. Исследование механизмов проявления с помощью электронного микроскопа:

[пер. с япон.] / Т. Миура и др.; Хихон сясин гаккайси. – 1983. – Т. 46. – № 1. – С. 18 – 22.

5. Чибисов, К. В. Фотографическое проявление / К. В. Чибисов. – М.: Наука, 1989.
6. Свергун, Д. И. Рентгеновское и нейтронное малоугловое рассеяние / Д. И. Свергун, Л. А. Фейгин. – М.: Наука. – 1986.
7. Dodonov, V. G. The improved method of particle size distribution analysis from the small-angle X-ray scattering data / V. G. Dodonov // Z. Kristallogr. Suppl. issue. – 1991. – № 4. – P. 102.
8. Додонов, В. Г. Применение малоуглового рассеяния для анализа структуры неоднородных материалов: пакет прикладных программ / В. Г. Додонов // IX Межд. конф. по радиационной физике и химии неорганических материалов РФХ-9: тез. докл. – Томск, 1996. – С. 139 – 140.
9. Джеймс, Т. Х. Теория фотографического процесса / Т. Х. Джеймс. – Л.: Химия, 1980.
10. Белоус, В. М. Люминесцентные исследования процессов, происходящих при ХС галогеносеребряных эмульсий / В. М. Белоус // Успехи научной фотографии. – М.: Наука, 1989. – Т. 25.

УДК 547.673.5

ИССЛЕДОВАНИЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ СОЛЕЙ 1-АНТРАХИНОНИЛДИАЗОНИЯ С ФЕНИЛАЦЕТИЛЕНОМ И СТИРОЛОМ

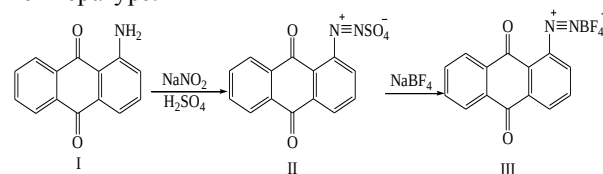
Т. Б. Ткаченко, Е. Ю. Степанова

Химия антрахинона и его производных давно выделилась в самостоятельную и обширную область органической химии, имеющую большое практическое значение.

Производные антрахинона широко используются для получения красителей, люминофоров, аналитических реагентов, катализаторов гидрирования, биологически активных препаратов и других ценных веществ, создаваемых путем тонкого органического синтеза, который по праву занимает важное место в процессе преобразования природных ресурсов в продукты потребления и жизнеобеспечения человека. Актуальность исследований производных антрахинона обеспечивается не только задачами синтетической органической химии, но и задачами теоретической органической химии. С теоретической точки зрения, исследование химии антрахинона и его производных важно для понимания реакционной способности и химических превращений органических молекул, закономерностей протекания органических реакций. В настоящее время накоплен большой экспериментальный материал по методам синтеза и изучению реакционной способности различных производных антрахинона, о чем свидетельствует значительное число публикаций, появляющихся ежегодно в научной и патентной литературе. Однако некоторые классы производных антрахинона остаются малоизученными, к таким соединениям можно отнести соли антрахинонилдiazония, исследование которых представляет несомненно большой интерес, т.к. соли diaзония могут быть использова-

ны для получения самых разнообразных производных антрахинона.

Несмотря на то, что аминокантрахиноны относятся к труднодiazотируемым аминам, в настоящее время получены различные соли антрахинонилдiazония, такие как хлориды, гидросульфаты, тетрафторбораты, тетрафторкупраты. Например, тетрафторборат (III) и гидросульфат (II) 1-антрахинонилдiazония могут быть получены diaзотированием 1-аминоантрахинона (I) нитритом натрия в серной кислоте при комнатной температуре.

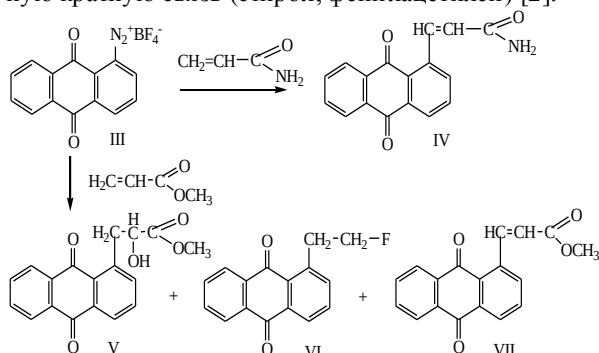

Они достаточно устойчивы, что позволяет хранить их некоторое время, и проявляют высокую реакционную способность при нагревании, вступая в различные взаимодействия с нуклеофильными и радикальными частицами при комнатной температуре или при незначительном нагревании. Такие взаимодействия происходят с выделением или без выделения азота, аналогично реакциям diaзосолей бензольного ядра. Хиноидное ядро придает этим реакциям определенное своеобразие.

Особенно важными с практической точки зрения являются реакции антрахинонилдiazониевых солей, приводящие к усложнению углеродного скелета антрахинона, такие как реакции Меервейна и

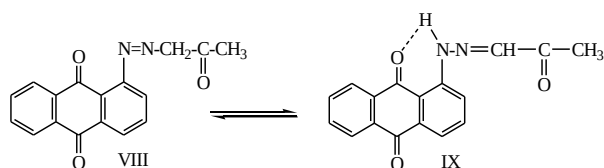
Гомберга-Бахмана-Хея. Это обусловлено тем, что 9,10-антрахинон и его производные не вступают в реакции алкилирования и ацилирования по Фриделю-Крафтсу, что обусловлено акцепторным влиянием карбонильных групп.

В литературе описано арилирование остатком антрахинона довольно ограниченного числа непредельных соединений (дихлорэтилен, метакрилонитрил, эфиры акриловой кислоты, 2-метилглютаронитрил) [1]. На кафедре органической химии КемГУ было изучено взаимодействие тетрафторбората 1-антрахинонилдiazония с непредельными соединениями, содержащими как активированную (акриламид, метилметакрилат и др.), так и неактивированную кратную связь (стирол, фенилацетилен) [2].

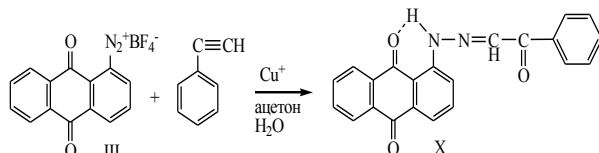

Арилирование проводили в смеси ацетон-вода, в качестве катализатора использовали соли меди (I) и (II), в качестве анионоидного реагента – фторид натрия. Опыты показали, что образование продуктов арилирования и анион-арилирования имеет место лишь при использовании активированных непредельных соединений, таких как акриламид, метилметакрилат.

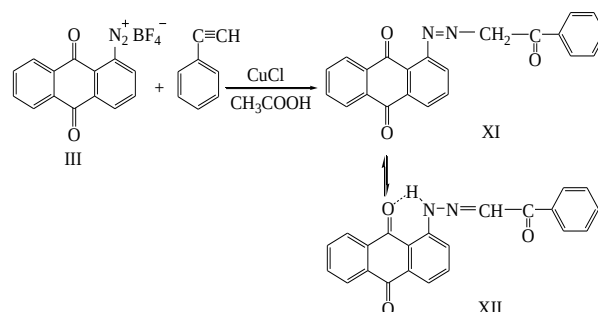
Выходы продуктов с усложненным углеродным скелетом невысоки (28 – 40 %) вследствие протекания побочных реакций. Главным побочным соединением оказался продукт азосочетания соли антрахинонилдiazония с ацетоном (VIII), который существует в таутомерной гидразонной форме (IX).

Стирол и фенилацетилен в указанных условиях в реакцию Меервейна не вступают, однако при взаимодействии фенилацетилена с солью diazonия (III) в присутствии соли меди (I) происходит процесс без выделения азота с образованием антрахинонилдiazона фенилглиоксаля (X).

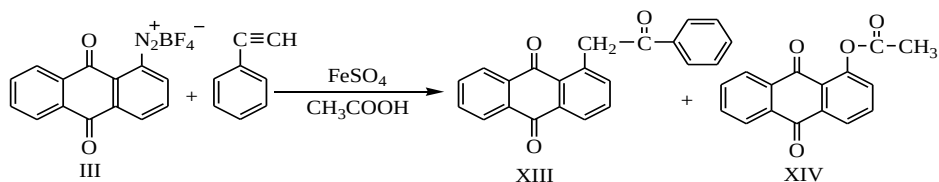

При проведении органического синтеза существенную роль играет выбор подходящего растворителя. Растворители являются активными участниками химического процесса, определяя направление реакции, ее скорость и выход продуктов реакции. В реакции Меервейна выбор растворителя является непростым в случае солей антрахинонилдiazония. Использование ацетона в качестве растворителя приводит к образованию продукта его сочетания с diaзосолью, как было показано выше. Такие растворители, как бензол, толуол, ксилол в условиях реакции Меервейна могут вступать в реакцию Гомберга - Бахмана - Хея, протекающую по радикальному механизму [3]. В таких растворителях, как гексан, гептан, циклогексан, четыреххлористый углерод компоненты реакционной смеси практически не растворяются и продуктов с усложненным углеродным скелетом при разложении соли при нагревании не образуется. В литературе для реакции Меервейна в ряду антрахинонилдiazониевых солей в качестве подходящего растворителя рекомендуется использовать ледяную уксусную кислоту и диметилметилфосфонат [1]. Кроме того, по литературным сведениям [4], помимо солей меди в качестве катализаторов данной реакции можно использовать взаимодействие (III) тетрафторбората 1-антрахинонилдiazония (III) с фенилацетиленом в уксусной кислоте в присутствии CuCl при $t = 50-55^\circ\text{C}$ в качестве основного нами получен продукт сочетания (XI), способный таутомеризоваться в соединение (XII).

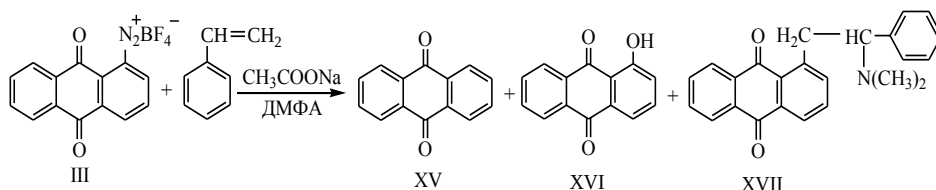
При взаимодействии соли (III) с фенилацетиленом в тех же условиях в отсутствие катализатора, реакция идет аналогично, но медленно и сопровождается сильным осмолением.

При проведении данного взаимодействия в аналогичных условиях в присутствии FeSO_4 в качестве катализатора, было выделено соединение (XIII), выход которого оказался невысоким (около 20 %). При дальнейшем исследовании этой реакции было обнаружено, что при взаимодействии соли diazonия с непредельными соединениями имеет значение порядок смешивания реагентов. Оптимальным является добавление соли diazonия и фенилацетилена небольшими порциями к растворителю, содержащему катализатор, т. к. это приводит к уменьшению осмоления, более чистому протеканию реакции и увеличению выхода продукта с усложненным углеродным скелетом (XIII) до 56 %, побочным продуктом, образующимся в указанной реакции с выходом 16 %, является соединение (XIV):

Достаточно привлекательным является использование в реакции Меервейна таких растворителей, как ДМСО и ДМФА, т. к. они способствуют протеканию процессов в гомогенной фазе, что должно привести к увеличению скорости реакции. Однако в литературе имеются сведения о возможности уча-

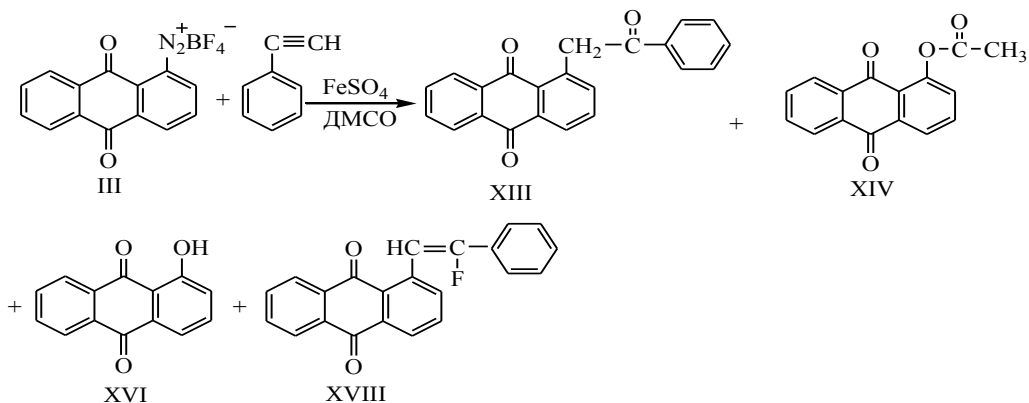
стия ДМФА в реакции в качестве анионоидного реагента [5, 6]. Что и происходит при взаимодействии соли (III) со стиролом. Из сложной смеси продуктов удалось выделить соединения (XV), (XVI), (XVII). Образование соединения (XVII) явно происходит с участием растворителя.

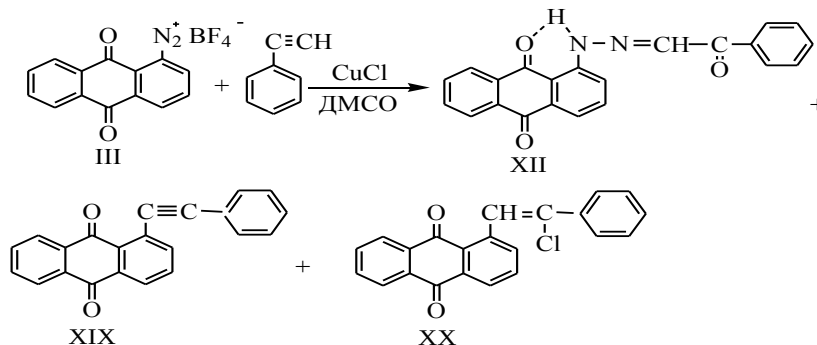
Проведение указанных выше взаимодействий в ДМСО приводит к образованию достаточно сложных смесей и в случае использования в качестве катализатора солей меди, и в случае солей железа. Кроме того, при использовании соли железа наблюдается небольшое осомление, что затрудняет разделение смесей продуктов. Т. о. увеличение растворимости компонентов реакционной смеси приводит к

увеличению скорости не только реакции с усложнением углеродного скелета, но и побочных процессов замены диазогруппы на водород, гидроксигруппу и др.

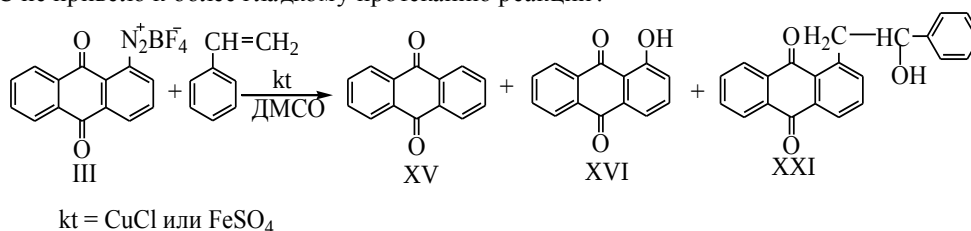
При использовании соли железа (II) удалось выделить из смеси продуктов соединения (XIII), (XIV), (XV) и (XVIII):

В случае использования соли меди (I) помимо таутомерного продукта (XII) образуются соединения (XIX) и (XX):

При взаимодействии соли **(III)** со стиролом в ДМСО в присутствии CuCl и FeSO_4 в качестве катализаторов происходило образование сложных смесей продуктов. Варьирование температуры нагревания от 30°C до 60°C не привело к более гладкому протеканию реакции:

Одним из условий протекания реакции Меервейна является присутствие редокс-инициирующей системы с невысоким окислительно-восстановительным потенциалом. Традиционно применяемая система $\text{Cu}^+ \leftrightarrow \text{Cu}^{2+}$ обладает низким окислительно-восстановительным потенциалом (0,16 В). Из других металлов переменной валентности, кроме меди, сравнительно низким потенциалом перехода $\text{M}^n \leftrightarrow \text{M}^{n+1}$ обладает железо (0,77 В). Анализируя строение продуктов взаимодействия соли диазония **(III)** с фенилацетиленом в условиях реакции Меервейна, можно предположить, что каталитическое действие хлорида меди и сульфата железа может отличаться, чего не наблюдается в случае стирола. Это может быть связано с тем, что ион металла может выступать не только как донор электронов, но и может образовывать комплексное соединение с фенилацетиленом. В соответствии с литературными данными [7] эти комплексы могут быть двух видов:

I) π -комплексы производных ацетилена, в которых тройная связь существенно не меняется; комплексы данного типа образуются при взаимодействии ацетиленовых соединений с солями и комплексами Cu^{1+} , Ag^{1+} , Hg^{2+} и Pt^{2+} ;

II) комплексы, в которых по физическим данным тройная связь практически исчезает; образуются только с переходными металлами IV-VIII групп в низших степенях окисления.

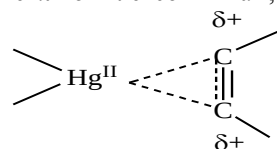
Специфика активации ацетиленовых производных солями металлов в химических взаимодействиях во многом определяется соотношением двух типов связей – донорно-акцепторной и дативной, образующимися за счет свободных орбиталей металла и его d-электронов.

Образование донорно-акцепторной связи приводит к появлению на C-атомах тройной связи положительного эффективного заряда, к ослаблению тройной связи углерод-углерод и концевой связи углерод-водород. Эта связь энергетически выгодна и часто способствует образованию прочного комплекса. Взаимодействие d-электронов металла с разрыхляющей орбиталью тройной связи не вносит существенного вклада в общую энергетику связи металл – лиганд, незначительно повышая стабиль-

ность π -комплекса. Однако вовлечение в связывание разрыхляющей орбитали приводит к разрыхлению всей молекулы ацетилена, причем дестабилизирующий эффект дативной связи значительно больше такого же эффекта при образовании донорно – акцепторной связи.

Разделение металлов на две группы катализаторов обусловлено в значительной степени требованием определенного соотношения донорно-акцепторного и дативного эффектов, необходимого для каждой реакции.

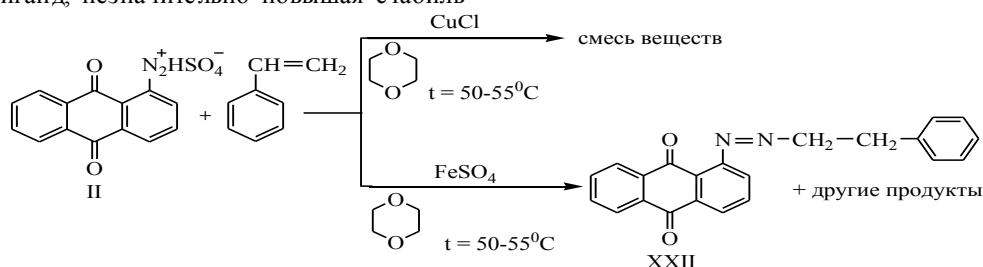
В случае ионных реакций определяющим является донорно-акцепторный эффект и наблюдается образование π -комплексов типа I, например:

Для малополярных реакций (циклизация, полимеризация, диеновый синтез, карбонилирование) большее значение имеет дативное разрыхление, а не создание δ^+ на атоме углерода. Эти требования выполняются в комплексах переходных металлов типа II.

Интересным является использование для проведения взаимодействия диазосоли **(II)** с непредельным соединением такого растворителя, как 1,4-диоксан. Литературные сведения относительно этого растворителя противоречивы. Так, было показано, что в диоксане реакция диазотирования 1-амино-2-гексинил-9,10-антрахинона нитритом натрия в присутствии HCl идет успешно [8]. Однако, по мнению некоторых авторов, диоксан является неподходящим растворителем для проведения диазотирования [9, 10].

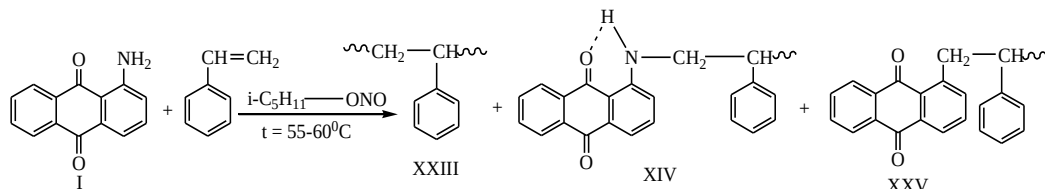
При осуществлении взаимодействия гидро-сульфата 1-антрахинонилдиазония **(II)** со стиролом в присутствии CuCl в 1,4-диоксане при $t = 50-55^\circ\text{C}$ была получена смесь веществ, разделить которые не удалось. В тех же условиях при замене CuCl на FeSO_4 из смеси продуктов было выделено соединение **(XXII)**:

Реакции солей антрахинонилдiazония с непредельными соединениями, как правило, сопровождаются образованием сложных смесей продуктов. Это связано с тем, что диазосоединения могут реагировать сразу по нескольким направлениям, возможно участие в этих реакциях и растворителей. Для уменьшения скорости побочных процессов привлекательным является использование жидкого непредельного соединения, которое бы одновременно выполняло роль и реагента, и растворителя. В

качестве такого соединения может быть использован стирол. Исследования для стирола проводились в условиях апротонного диазотирования, который является удобным способом проведения реакции, т. к. не требует предварительного синтеза диазосоли, она образуется непосредственно в реакции (*in situ*).

При взаимодействии 1-аминоантрахинона (**I**) с изопентилнитритом в стироле при $t = 55-60^\circ\text{C}$ были выделены продукты (**XXIII**), (**XXIV**) и (**XXV**):

Таким образом, в данной реакции происходит полимеризация стирола с участием исходного амина и остатка антрахинона, образующегося при разложении диазосоли.

Некоторые исследователи считают удобным проведение разложения диазосоединений в присутствии различных реагентов твердой фазе [11]. В этом случае взаимодействие соли диазония и реагента происходит в твердой фазе при растирании. Однако наши исследования показали, что данный способ неприемлем для солей антрахинонилдiazония, т.к. даже при длительном растирании реакционной смеси продуктов реакции обнаружено не было.

Литература

1. Claus, D. Weis Meerwein arylation reactions of olefins with anthraquinone diazonium hydrogen sulfates: formation of new carbon bonds at the carbon atoms C-1 and at C-1,5 of the anthraquinone system. *Dyes and pigments*. Elsevier applied publishers Ltd. / D. Claus. – England, 1988. – 20 p.
2. Денисов, В. Я. Исследование реакций солей антрахинонилдiazония / В. Я. Денисов, Т. Б. Ткаченко // *Химия и химическая технология*. – Вып. 9. – 2005. – С. 99. – Т. 48.
3. Денисов, В. Я. Синтез арилантрахинонов-промежуточных продуктов для цветообразующих компонент / В. Я. Денисов, Т. Б. Ткаченко, С. Ю. Мусин // *Журнал научной и прикладной фотографии*. – 2002. – Т. 47. – № 5. – С. 28 – 32.
4. Обушак, Н. Д. Стереохимия реакции Меервейна. Хлорарилрование фенилацетилена / Н. Д. Обушак, М. Б. Ляхович, Н. И. Ганущак // *ЖОХ*. Вып. 4. – 1993. – Т. 29. – С. 731 – 732.
5. Горелик, М. Химия антрахинона и его производных / М. Горелик. – М.: Химия, 1983. – 296 с.
6. Булгакова, Н. А. Синтез, структура и свойства некоторых производных 9,10-антрахинона, содержащих связь азот-азот / Н. А. Булгакова: дис... канд. хим. наук: 02.00.03. – Красноярск, 2002. – 52 с.
7. Темкин, О. Н. Каталитические превращения ацетиленовых соединений в растворах комплексов металлов / О. Н. Темкин, Р. М. Филд. – М.: Наука, 1968. – С. 95 – 116.
8. Иванчикова, И. Д. Циклизация в ряду ацетиленовых производных 9,10-антрахинона / И. Д. Иванчикова: автореф. дис... канд. хим. наук: 02.00.03. – Новосибирск, 1996. – С. 13 – 15.
9. Москва, В. В. Растворители в органической химии / В. В. Москва // *Соросовский образовательный журнал*. – 1999. – № 4. – 50 с.
10. Райхардт, К. Растворители и эффекты среды в органической химии / К. Райхардт. – М.: Наука, 1991. – С. 361 – 362.
11. Горлушко, Д. А. Современные методы синтеза органических иодидов в отсутствие органических растворителей / Д. А. Горлушко: дис... канд. хим. наук: 02.00.03. – Томск, 2006. – С. 37 – 54.

УДК 541.14

ФОТОЛИЗ КРИСТАЛЛОГИДРАТА НИТРАТА МАГНИЯ

Г. Н. Шрайбман, А. С. Солдатова, Е. П. Дягилева

В продуктах фотолиза нитратов наряду с нитритом (NO_2^-) и кислородом образуется пероксонитрит (ONOO^-). Интерес к пероксонитриту проявляется в разных областях научных исследований. Это связано с его обнаружением *in vivo*, установлением важной роли пероксонитрита в физиологических процессах, химии атмосферы (как компонента фотохи-

мического смога, полярных атмосферных облаков) и природных вод. Для быстрого генерирования пероксонитрита при изучении его реакционной способности используют методы фотолиза кристаллических нитратов или их растворов, а также синтез с использованием разных химических реакций, приведенных в обзорах [1, 2].

Сложность изучения реакций пероксонитрита связана с его нестабильностью, разнообразием путей превращения, влиянием на скорость и механизмы его реакций примесей нитрита, пероксида водорода, комплексов металлов, углекислого газа и концентрации самого пероксонитрита. Эти факторы важно учитывать при проведении химического анализа продуктов фотолиза нитратов.

Существующие на данный момент варианты механизма фотолиза нитратов имеют недостатки и противоречия. Большая часть исследований по фотолизу выполнена на нитратах щелочных металлов. При этом результаты, полученные при анализе растворов фотолизированных образцов, не всегда соответствуют данным исследований в кристаллическом состоянии. Кроме того, недавно показано [3], что используемые ранее методики химического анализа не всегда адекватны и ограничены применением к щелочным нитратам. Разработка фотометрической методики определения нитрита в кислой среде в виде комплекса нитрозорезорцина и цирконил-иона позволила исследовать накопление нитрита при фотолизе нитрата магния, к которому не применима традиционно используемая методика, основанная на реакции образования азокрасителя в аммиачной среде в связи с выпадением малорастворимого гидроксида.

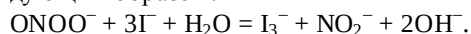
Целью настоящей работы было изучение особенностей кинетики накопления нитрит- и пероксонитрит-ионов при фотолизе кристаллического нитрата магния ($\text{Mg}(\text{NO}_3)_2 \cdot 6\text{H}_2\text{O}$) с применением методики химического анализа продуктов фотолиза в условиях, позволяющих исключить вклад пероксонитрита при определении нитрита [3] и количественно определить пероксонитрит [4].

Методика эксперимента

Для фотолиза использовали нефилтрированное излучение ртутной лампы низкого давления БУВ-30, для которой 87 % энергии приходится на 253.7 нм. Интенсивность излучения источника составила $2.3 \cdot 10^{15}$ квант·см⁻²·с⁻¹. Фотолиз кристаллического порошка кристаллогидрата нитрата магния марки «хч» проводили в ячейках с фиксированной площадью поверхности на расстоянии 5 см от источника.

Для определения пероксонитрита применяли спектрофотометрическую методику, основанную на его взаимодействии как окислителя с иодидом калия [4]. Содержание пероксонитрита оценивали по величине оптической плотности комплексного иона I_3^- при 355 нм, стехиометрически выделяемого в среде, создаваемой ацетатным буфером в условиях большого избытка иодида. Выбранные условия обеспечивают высокую скорость связывания пероксонитрита, опережающую его изомеризацию в нитрат и предотвращают взаимодействие иодида с нитритом.

Суммарную реакцию можно представить следующим образом:

Анализ фотолизированных образцов нитрата магния проводили следующим образом: в мерные колбы объемом 25 мл вносили 10 мл буферного раствора (ацетатный буфер с pH 6.3), по 5 мл 5 % раствора

KI, затем вносили навеску облученного образца. После этого раствор доводили до метки бидистиллированной водой, тщательно перемешивали и фотометрировали относительно раствора сравнения через 15 минут при длине волны 355 нм. Для построения градуировочной зависимости использовали стандартный раствор иода с концентрацией $2.5 \cdot 10^{-4}$ М. Градуировочная зависимость, полученная в этих условиях, представлена на рис. 1. Экспериментальное значение молярного коэффициента поглощения трииодида при 355 нм составляет $25000 \pm 200 \text{ М}^{-1} \cdot \text{см}^{-1}$.

Содержание нитрит-ионов устанавливали по методике спектрофотометрического определения нитрита в воде с использованием резорцина [5], адаптированной к анализу фотолизированных нитратов. Растворение фотолизированных образцов проводили в кислой среде (pH 2). Ионы NO_2^- реагируют с резорцином, а образующийся нитрозопродукт взаимодействует с цирконил-ионами с образованием бледно-желтого хелата. Реагент готовили [5] смешиванием равных объемов раствора А, содержащего в 500 мл 1 г резорцина и 1,1 г цирконилхлорида восьмиводного и 7,5 мл концентрированной соляной кислоты, и раствора В, содержащего в 500 мл 1 г сульфата натрия и 1,5 г ацетата натрия трехводного.

Анализ фотолизированных образцов нитрата магния проводили следующим образом: в мерные колбы объемом 50 мл вносили навеску фотолизированного образца, приливали 4 мл 0.01 М соляной кислоты и выдерживали в течение 5 минут, затем добавляли 8 мл смеси, содержащей равные объемы растворов А и В. После этого раствор доводили до метки бидистиллированной водой, тщательно перемешивали и фотометрировали относительно раствора сравнения при длине волны 347 нм. При измерении оптической плотности анализируемых растворов в раствор сравнения вводили соответствующее количество нефотолизированного гексагидрата нитрата магния для устранения матричных влияний. Построение градуировочной зависимости проводили по стандартному раствору нитрита. Градуировочная зависимость, полученная в этих условиях, представлена на рис. 2. Экспериментальное значение молярного коэффициента поглощения хелата при 347 нм составляет $27500 \pm 1000 \text{ М}^{-1} \cdot \text{см}^{-1}$.

Все эксперименты проводили при комнатной температуре. Для каждого экспериментального значения выполнялось не менее трех параллельных определений.

Расчет содержания нитрит- и пероксонитрит-ионов (X , моль/см²) в образцах, фотолизированных в ячейках с фиксированной площадью поверхности, проводили по следующей формуле:

$$X = (A \cdot V) / (b \cdot S \cdot 10^3),$$

где A – оптическая плотность при 355 или 347 нм в соответствии с методикой; V – объем мерной колбы, мл; b – экспериментальное значение коэффициента в соответствующем уравнении, М⁻¹; S – площадь поверхности образца нитрата, см².

Результаты эксперимента и их обсуждение

На рис. 1, 2 приведены градуировочные зависимости для определения содержания нитрит- и пероксонитрит-ионов в растворе.

На рис. 3, 4 представлены кинетические кривые накопления нитрит- и пероксонитрит-ионов при фотолизе гексагидрата нитрата магния, из которых видно, что накопление ионов NO_2^- и ONOO^- при фо-

толизе линейно на начальном участке. При малых временах фотолиза проведена оценка значений квантовых выходов этих продуктов (табл. 1).

В результате проведенных экспериментов обнаружено влияние времени хранения фотолизированных образцов кристаллогидрата нитрата магния на результаты определения пероксонитрита (табл. 2, рис. 5).

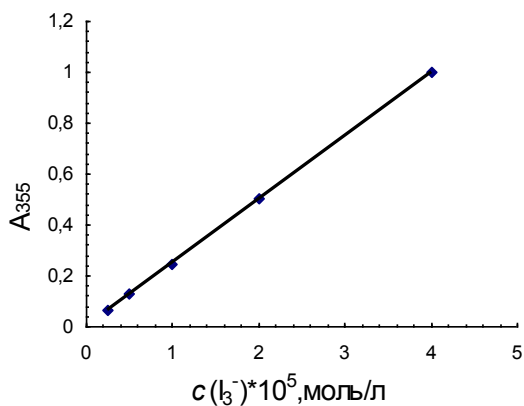

Рис. 1. Градуировочная зависимость для определения нитрита

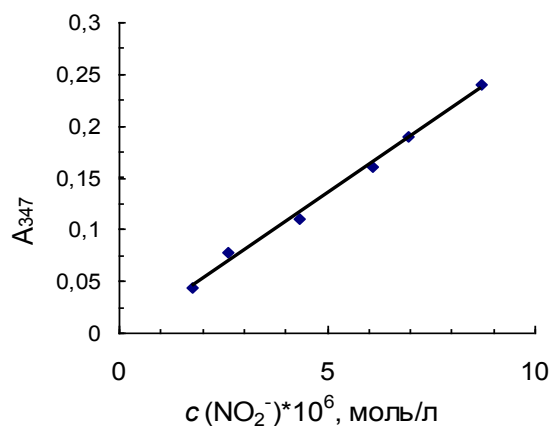

Рис. 2. Градуировочная зависимость для определения пероксонитрита

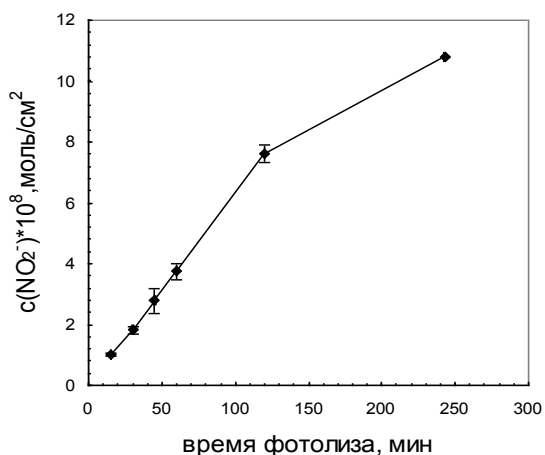

Рис. 3. Кривые накопления нитрит-ионов при фотолизе $\text{Mg}(\text{NO}_3)_2 \cdot 6\text{H}_2\text{O}$

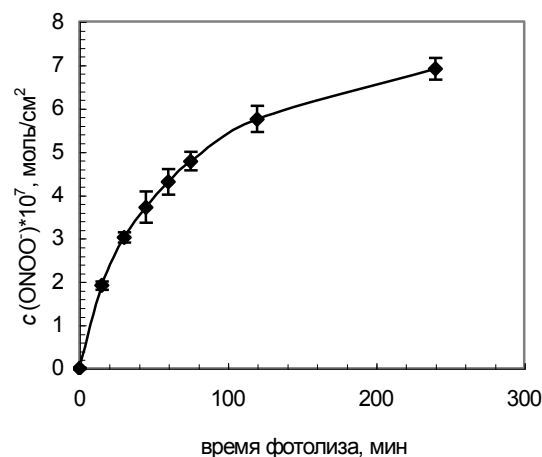

Рис. 4. Кривые накопления пероксонитрит-ионов при фотолизе $\text{Mg}(\text{NO}_3)_2 \cdot 6\text{H}_2\text{O}$

Таблица 1

Кинетические параметры фотолиза кристаллического $\text{Mg}(\text{NO}_3)_2 \cdot 6\text{H}_2\text{O}$

Матрица	$\varphi(\text{ONOO}^-)_{15 \text{ мин}}, \text{квант}^{-1}$	$\varphi(\text{NO}_2^-)_{15 \text{ мин}}, \text{квант}^{-1}$
$\text{Mg}(\text{NO}_3)_2 \cdot 6\text{H}_2\text{O}$	0.057 ± 0.007	0.0026 ± 0.0004

Таблица 2

Содержание нитрита и пероксонитрита в образцах $\text{Mg}(\text{NO}_3)_2 \cdot 6\text{H}_2\text{O}$ после часового фотолиза

Анализ непосредственно после фотолиза		Анализ после выдержки в течение 2 суток	
$c(\text{ONOO}^-) \cdot 10^7, \text{моль/см}^2$	$c(\text{NO}_2^-) \cdot 10^8, \text{моль/см}^2$	$c(\text{ONOO}^-) \cdot 10^7, \text{моль/см}^2$	$c(\text{NO}_2^-) \cdot 10^8, \text{моль/см}^2$
4.10 ± 0.29	3.74 ± 0.28	2.45 ± 0.10	3.60 ± 0.11

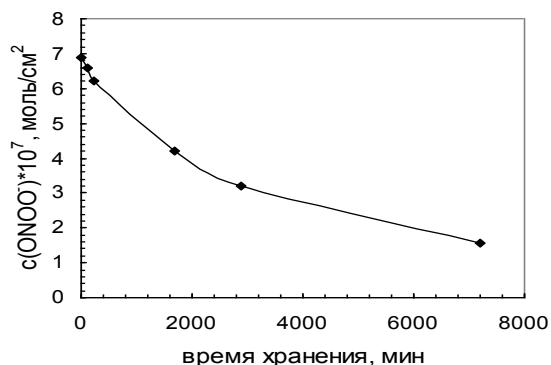

Рис. 5. Зависимость содержания пероксонитрита в фотолизированных образцах $\text{Mg}(\text{NO}_3)_2 \cdot 6\text{H}_2\text{O}$ от времени хранения. Время фотолиза 4 часа

Из полученных результатов, приведенных на рис. 3, 4, видно, что кинетические кривые накопления нитрита и пероксонитрита имеют типичный вид, характерный для нитратов щелочных металлов [6]. Как отмечалось выше, накопление ионов NO_2^- линейно в широком диапазоне поглощенной энергии. Наблюдаемое отклонение от линейной зависимости в накоплении нитрита при длительном воздействии излучения на образец, по нашему мнению, может быть связано с обратной реакцией нитрита с атомарным кислородом.

Наличие участка нелинейного накопления пероксонитрита на кинетических кривых (рис. 4) связано с его вторичными превращениями, а именно: либо с отжигом пероксонитрита низкоэнергетическими возбужденными состояниями нитрат-ионов [6], либо с взаимодействием пероксонитрита с атомарным кислородом с образованием нитрит-ионов и молекулярного кислорода [7]. Полученные в работе данные не позволяют выделить один из этих механизмов.

Другой причиной отклонения от линейности в кинетике накопления нитрит- и пероксонитрит-ионов при фотолизе кристаллогидрата нитрата магния может являться «высушивание» образца, т. е. изменение фазового состава, что приводит к снижению квантового выхода ионов NO_2^- и ONOO^- . Это предположение можно сделать по аналогии с радиолизом кристаллогидратов и безводных нитратов ($\text{G}(\text{NO}_2^-)$ при $T=295\text{ K}$ для $\text{Mg}(\text{NO}_3)_2 \cdot 2\text{H}_2\text{O}$ составляет 0.60 ион/100 эВ; для $\text{Mg}(\text{NO}_3)_2 \cdot 6\text{H}_2\text{O}$ — 1.89 ион/100 эВ) [8]. Начальные радиационно-химические выходы ионов нитрита показывают, что для всех нитратных солей наличие кристаллизационной воды усиливает радиационно-химическое разложение [8].

В работе [8] было отмечено, что в результате радиолиза кристаллогидратов нитратов помимо основных продуктов образуется еще и пероксид водорода. Учитывая то, что в условиях определения пероксонитрита с иодидом может реагировать и H_2O_2 , была проведена проверка присутствия пероксида водорода в продуктах фотолиза $\text{Mg}(\text{NO}_3)_2 \cdot 6\text{H}_2\text{O}$. Для устранения пероксонитрита использовали его способность количественно изомеризоваться в нитрат [2] при растворении фотолизованного нитрата магния в 0.01 М HCl . Полученные результаты сви-

детельствуют об отсутствии пероксида водорода в образцах при временах фотолиза до 8 часов.

Исследование влияния времени хранения фотолизированных образцов на результаты определения продуктов фотолиза нитрата магния показывает, что содержание нитрита практически не изменяется в результате выдержки облученного образца в течение 2 суток при комнатной температуре, в то время как содержание пероксонитрита уменьшается почти в 2 раза (табл. 2, рис.3). За 5 суток хранения потеря пероксонитрита достигает 80 %. Явление уменьшения содержания пероксонитрита при хранении отличает кристаллогидрат нитрата магния от нитратов щелочных металлов. Возможно, что наличие кристаллизационной воды способствует изомеризации пероксонитрита в нитрат. Поэтому во избежание потерь пероксонитрита необходимо анализировать образцы кристаллогидратов нитратов непосредственно после облучения.

Таким образом, в работе изучен фотолиз кристаллического нитрата магния, определена кинетика накопления продуктов разложения и их начальные квантовые выходы. Показано, что хранение облученных образцов гексагидрата нитрата магния при комнатной температуре приводит к уменьшению содержания пероксонитрит-ионов.

Литература

1. Лобачев, В. Л. Химия пероксинитрита. Кинетика и механизм реакций / В. Л. Лобачев, Е. С. Рудаков // Успехи химии. — 2006. — Т. 75. — № 5. — С. 422 — 444.
2. Edwards, J. O. The Chemistry of Peroxonitrites / J. O. Edwards, R. C. Plumb // Progress in Inorganic Chemistry. — 1994. — V. 41. — P. 599 — 635.
3. Plumb, R. C. Color Centers in UV-Irradiated Nitrates / R. C. Plumb, J. O. Edwards // Journal Physical Chemistry. — 1992. — V. 96. — № 8. — P. 3245 — 3247.
4. Гладкова, О. С. Проблемы количественного определения пероксонитрита в продуктах фотолиза нитратов / О. С. Гладкова, А. В. Каменщикова, М. Б. Миклин, Н. В. Нелюбина, А. А. Смирнова, Г. Н. Шрайбман // Матер. II Всеросс. науч. конф. «Химия и химическая технология на рубеже тысячелетий». — Томск: издательство Томского политехнического университета, 2002. — Т. 2. — С. 57 — 60.
5. Gabbay, J. Rapid Spectrophotometric Microdetermination of Nitrites in Water / J. Gabbay, Y. Almog, H. Davidson, A. E. Donagi // Analyst. — 1977. — V. 102. — P. 371 — 376.
6. Невоструев, В. А. Фотолиз и радиолиз кристаллических нитратов щелочных металлов / В. А. Невоструев, М. Б. Миклин // Химия высоких энергий. — 1987. — Т. 21. — № 2. — С. 154 — 158.
7. Невоструев, В. А. Роль низкоэнергетических возбужденных состояний иона нитрата в фотолизе и радиолизе кристаллов нитратов щелочных металлов / В. А. Невоструев // Химия высоких энергий. — 1986. — Т. 20. — № 5. — С. 425 — 429.
8. Пикаев, А. К. Современная радиационная химия. Твердое тело и полимеры. Прикладные аспекты / А. К. Пикаев. — М.: Наука, 1987. — 448 с.

ЭКОНОМИКА

УДК 330.341.2

ТРУДОУСТРОЙСТВО МОЛОДЕЖИ: СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ*Н. Ф. Анапина, В. А. Черепанова*

Примечание: работа выполнена при содействии Российского гуманитарного научного фонда; грант «07-02-00124а».

В преддверии XXI века Россия начала сложный переход от командно-административной системы хозяйствования на рыночную модель экономического развития. Процесс сопровождается существенными преобразованиями во всех сферах жизни общества, в том числе в области занятости и трудовых отношений. Трудовые отношения являются объектом исследования разных социально-экономических дисциплин, в том числе экономической социологии. Одним из основных объектов анализа является молодежь как субъект социально-трудовых отношений. Молодежный рынок труда формируется молодыми людьми в возрасте от 14 до 29 лет, нуждающимися в трудоустройстве. В основном это выпускники вузов, среднетехнических и среднеспециальных, общеобразовательных учебных заведений.

Исследование молодежного рынка труда является значимым направлением анализа в экономической социологии, так как на молодежном рынке труда формируются первичные социальные практики в сфере трудовых отношений. Изучение этих практик важно как для работодателя, так и для государства, так как молодежь является активным участником рынка труда. Именно в начале трудовой карьеры формируется будущая модель поведения работника, качественные характеристики рабочей силы, происходит накопление человеческого и социального капитала. Сказанное предопределяет необходимость активизации прикладных исследований по проблемам функционирования и регулирования молодежного рынка труда, развитие которого вызывается необходимостью его адаптации к изменяющимся условиям рыночной среды.

Одной из проблем выхода молодежи на рынок труда является низкая конкурентоспособность этой социальной группы по сравнению с другими возрастными группами. Молодежь на рынке труда является одной из самых уязвимых социальных групп. Так, по отчетам ГУ «Центр занятости населения г. Кемерово» (используется материал, предоставленный центром занятости) на 01.01.2008 года состояло на регистрационном учете 3153 чел. Из них молодежь в возрасте от 16 до 29 лет – 1052 человека, или 32,5 % к общей численности безработ-

ных граждан. Всего за январь – декабрь 2007 г. за содействием в поиске подходящей работы обратилось 12772 чел. Из них граждане в возрасте 14–29 лет – 6540 чел. (51,2 %). Нашли работу 3828 чел. (58,5 % по категории граждан от 14 до 29 лет).

Возможности трудоустройства новой рабочей силы, вступающей на рынок труда впервые, к которой относится, как правило, молодежь, затруднены. Так, по данным отчетов ГУ ЦЗН г. Кемерово за январь – декабрь 2007 г. ранее не работающих граждан, впервые обратившихся в Центр занятости было 5013 человек; нашли работу 2769 человек (55,2 % от обратившихся). Отсутствие спроса на рынке труда на многие специальности приводит к тому, что большая часть ищущих работу молодых людей, в том числе недавних выпускников учебных заведений, трудоустраиваются по специальностям, далеким от базового образования.

Безработица среди молодежи отличается также высоким уровнем продолжительности. Так, по данным ГУ ЦЗН г. Кемерово? доля молодежи среди безработных, состоящих в январе-декабре 2007 г. на регистрационном учете сроком до 1 месяца, составила 49,6 %; сроком от 1 до 4 месяцев – 45,7 %; от 4 до 8 месяцев – 40,2 %.

Поэтому молодежь, наряду с формальными способами трудоустройства, активно использует неформальные (через родственников, знакомых, друзей), что создает проблемы для формализации отношений на рынке труда. Конкурентоспособными выпускниками часто становятся не те, кто в трудоустройстве ориентируется на наличие высокой квалификации, знаний, хорошую специальность, а на социальные связи. Трудоустройство через неформальные каналы является своеобразной социальной практикой российского рынка труда. Представляется, что она снижает ценность человеческого капитала, инвестиций в образование. Поэтому исследование данной практики и формирующихся в ходе ее реализации социальных норм представляется интересным объектом социологического анализа.

Для студенческой молодежи приобретение опыта выхода на рынок труда и трудовых навыков осуществляется путем совмещения учебы и работы. С целью изучения опыта занятости студенческой молодежи и проблем, связанных с выходом студентов на рынок труда, в 2007-2008 гг. был проведен анкетный опрос студентов нескольких вузов г. Кемерово. Состав респондентов представлен в таблице 1.

Таблица 1
Состав респондентов по вузам

	Человек	% от общей суммы респондентов
КемГУ	63	25,5
КузГТУ	64	26,0
РГТЭУ	25	10,2
КГМА	70	28,5
КГСИ	24	9,8
Итого	246	100

На настоящий момент собрано и обработано 246 анкет. Возраст респондентов колеблется в пределах от 18 до 26 лет. Мужчины составили 29,3 % общего количества респондентов; женщины – 70,7 %. Были опрошены студенты со 2-го по 6-й курс. Из них – 1,6 % – это студенты второго курса; 13,5 % респондентов учились на момент опроса на 3-м курсе; 66,9 % – на 4-м; 11,6 % – на 5-ом и 6,1 % – на 6-м (студенты КГМА). Все студенты обучаются на дневном отделении. Опыт занятости имеют 79,3 % студентов, участвующих в опросе, и 20,7 % – не имеют подобного опыта. В силу того, что на текущий момент времени для сопоставимого анализа имеется недостаточное количество анкет студентов КГСИ и РГТУ, мы исключили из дальнейшей обработки ответы студентов этих вузов.

Таблица 2 отражает структуру ответов респондентов на вопрос о наличии опыта работы по трем вузам г. Кемерово: это Кемеровский госуниверситет, Кузбасский государственный технический университет и Кемеровская государственная медицинская академия.

Таблица 2

Имеется ли у Вас опыт занятости?

Варианты ответа	В % к ответившим на вопрос		
	КемГУ	КузГТУ	КГМА
	Р=63 N=100	Р=64 N=100	Р=70 N=100
Да	71,4	78,1	87,1
Нет	28,6	28,6	12,9

Как показывает таблица 2, несмотря на наличие определенной разницы в ответах, большинство участников опроса, независимо от места учебы, имеют опыт работы. Для определения стратегий студенческой молодежи при выходе на рынок труда важно понять мотивацию молодых людей в приобретении опыта работы во время учебы в вузе. Таблица 3 отражает мнение респондентов о побудительных мотивах их трудовой деятельности. При обработке анкет учитывалось мнение только тех респондентов, кто указал на наличие опыта работы (всего 157 чел.). Используем их мнение в качестве экспертного. Для удобства чтения таблиц обозначим количество человек, ответивших на вопрос значением N, а удельный вес их ответов на вопрос

в общем количестве возможных ответов, по вузам – Р (в %).

Таблица 3
С чем связано Ваше желание работать (подрабатывать во время учебы)?

Варианты ответа	В % от ответивших		
	КемГУ	КузГТУ	КГМА
	N=46 Р=73,0 %	N=50 Р=78,1 %	N=61 Р=87,1 %
1) необходимость улучшить свое материальное положение;	89,1	74,0	77,0
2) желание быть независимым от родителей;	41,3	60,0	47,5
3) желание реализовать свои способности;	17,4	40,0	37,7
4) желание приобрести опыт работы по специальности;	19,6	44,0	49,2
5) желание завести нужные знакомства, связи;	28,3	24,0	21,3
6) желание получить в будущем стабильное место работы на этом предприятии.	6,5	14,0	8,2

Примечание: сумма ответов в столбцах таблицы 3 превышает 100 %, так как допускалось несколько ответов.

Обращает на себя внимание тот факт, что на первое место студенты всех вузов поставили материальный мотив – желание улучшить материальное положение. Но более выраженным он является у студентов КемГУ. А вот желание реализовать свои способности, приобрести опыт работы по специальности у студентов университета менее выражено, чем у студентов КузГТУ и КГМА. Делать достаточно обоснованные выводы на основании анализа одного вопроса сложно, но можно предположить, что студенты КемГУ менее ориентированы на инвестиции в человеческий капитал; зато существенным представляется процент ответов о желании завести во время работы нужные знакомства и связи. Существенную роль в мотивации играет также желание студентов быть независимыми от родителей.

Таблица 4 отражает мнение студентов о том, что помогает им получить хорошую работу (учитывались ответы всех студентов трех вузов, участвующих в опросе).

Таблица 4
Что, по Вашему мнению, помогает получить хорошую работу?

Варианты ответа	В % от ответивших		
	КемГУ N=63 P=100 %	КузГТУ N=63 P= 98,4 %	КГМА N=69 P= 98,6 %
1) инициативность, предприимчивость;	73,0	58,7	71,0
2) наличие высокой квалификации, знаний;	65,1	81,0	72,5
3) моя репутация, как специалиста;	30,2	30,2	21,7
4) хорошая специальность, престижное образование;	27,0	47,6	42,0
5) родители и родственники;	27,0	27,0	18,8
6) знакомые, друзья;	25,4	30,2	27,5
7) умение налаживать контакты с кадровыми агентствами;	14,3	9,5	21,7
8) умение работать с информацией в СМИ и в Интернете.	6,3	14,3	17,4

Студенты КузГТУ и КГМА на первое место в качестве фактора получения хорошей работы поставили наличие высокой квалификации и знаний. Для студентов КемГУ этот фактор является также существенным, но не первостепенным. Студенты КемГУ и КГМА сходятся во мнении, что это их собственные деловые качества – инициативность и предприимчивость. Судя по ответам, студенты КемГУ меньше уделяют внимания хорошей специальности и престижному образованию в качестве фактора получения хорошей работы, чем студенты медицинской академии и КузГТУ. Таким образом, можно подчеркнуть более выраженную ориентацию студентов КузГТУ и КГМА на использование человеческого капитала в качестве важного факто-

ра выхода на рынок труда, что, очевидно, связано со спецификой их профессии. Но использованию социальных связей в качестве фактора, определяющего возможность получения хорошей работы, придают существенное значение студенты всех вузов. Студенты КемГУ и КузГТУ больше полагаются на родителей и родственников в этом вопросе, чем студенты КГМА. Ярко выраженной является ориентация студентов при получении работы на знакомых и друзей.

Интересно оценить, насколько отличаются нормативные установки студентов по оценке факторов, влияющих на получение хорошей работы с реальной практикой трудоустройства. В таблице 5 содержится информация о том, как студенты, имеющие опыт трудоустройства, нашли работу.

Таблица 5

Каким образом Вы нашли работу?

Варианты ответа	В % от ответивших		
	КемГУ N=46 P=73,0 %	КузГТУ N=50 P=78,1 %	КГМА N=60 P=85,7 %
1) через знакомых и друзей;	37,0	46,0	48,3
2) через родственников;	26,1	52,0	11,7
3) посредством прямого обращения к работодателю;	21,7	10,0	48,3
4) Вас пригласили на эту работу;	28,3	26,0	8,3
5) через рекламу в СМИ;	26,1	20,0	5,0
6) через государственную службу занятости;	6,5	4,0	3,3
7) посредством размещения резюме в Интернете;	2,2	4,0	3,3
8) через частные кадровые агентства;	4,3	0	1,7
9) информацию дал прежний работодатель.	2,2	2,0	0

Как показывает таблица 5, преобладающими являются ответы студентов о том, что реальную помощь в трудоустройстве оказывают родственники, знакомые и друзья. Так, в КузГТУ больше половины наших респондентов, судя по ответам, устраивались на работу через родственников. Безусловно, формальные способы трудоустройства студентов, пока только совмещающих учебу и работу, не имеющих

высокой квалификации, объективно меньше используются. Не пользуются большой популярностью у студентов кадровые агентства, государственная служба занятости, поиск работы через Интернет. Хотя уже сейчас для студентов КГМА, в силу специфики их профессии, значимую роль играет прямое обращение к работодателю. А студенты КемГУ и КузГТУ ориентированы также на рекламу в СМИ о вакансиях.

На наш взгляд, проблема формирующихся практик трудоустройства выпускников вузов заключается в том, что ограниченные возможности формального, официального трудоустройства делают распространенной практику неформальной занятости студенческой молодежи. А ведь именно в

начале трудовой карьеры формируется модель будущего поведения работника на рынке труда, происходит профессиональная и социальная адаптация, формирующая нормы и ценности трудового поведения.

У студентов, которые при выборе способа выхода на рынок труда ориентируются на социальные связи, снижается мотивация к накоплению человеческого капитала в виде знаний, образования, квалификации. Это влияет на качественные характеристики рабочей силы и формирует ценностные ориентации потенциальных работников к накоплению социальных связей. Таким образом, происходит укоренение неформальных практик занятости на рынке труда.

УДК 334.012

ИНТЕГРИРОВАННАЯ БИЗНЕС-ГРУППА КАК ОСНОВНАЯ ФОРМА СУЩЕСТВОВАНИЯ РОССИЙСКОГО КРУПНОГО БИЗНЕСА

М. В. Курбатова, Д. В. Кислицын

Бизнес-группа – это особая форма экономической организации, доминирующая на многих развивающихся рынках, в России она является основной формой существования крупного бизнеса. Интерес к изучению данной организационной формы возник в связи с экономическим чудом в Японии и Южной Корее. В отличие от классической англосаксонской экономической модели, в которой мощные независимые промышленные фирмы обслуживаются крупными независимыми банками, и всё это стягивается воедино крупными институциональными инвесторами, в японской и корейской экономиках ключевую роль играют *кейрецу* (*keiretsu*) и *чеболи* (*chaebol*) – группы формально самостоятельных фирм, выступающие на постоянной основе в качестве единого целого.

Само существование такого рода организационных структур, их очевидная эффективность и доминирование в экономике Японии, Южной Кореи и целого ряда развивающихся стран противоречили экономическим теориям организации. До середины 1970-х гг. экономисты в своем большинстве представляли организацию как «черный ящик», который должен рассматриваться как производственная функция, преобразующая затраты в выпуск. В середине 1970-х и ранних 1980-х гг. экономисты впервые сделали попытку заглянуть внутрь «черного ящика», последствием чего стало возникновение ряда теорий организации, среди которых наиболее влиятельными являются теория принципала-агента и теория транзакционных издержек. Обе теории основывались на дихотомии экономических организаций: с одной стороны – рынков, с другой – иерархий. В то время как в теории агентов эта дихотомия скорее имплицитна, в теории транзакционных издержек она явно выражена.

К примеру, Оливер Уильямсон, одна из ключевых фигур теории транзакционных издержек, при-

знавал, что другие формы организаций существуют, но в то же время он подчеркивал, что, во-первых, любая альтернатива рынку и иерархии может быть интерпретирована как промежуточная или гибридная форма, соединяющая элементы рынков и иерархий, а во-вторых, по мнению О. Уильямсона, чистые формы абсолютно преобладают над смешанными.

Эмпирические данные, полученные в результате исследования японских и корейских бизнес-групп не только не согласуются с данными положениями теории, но и прямо им противоречат. Это противоречие снимается в рамках социологической теории сетевых форм организации. Сетевой подход стремится опровергнуть оба данных пункта. Во-первых, социологи утверждают, что сетевые формы организации не могут рассматриваться гибридами рынков и иерархий, более того, сетевая форма организации представляет собой уникальную альтернативу, имеющую собственную логику. Во-вторых, социологи утверждают, что сетевая форма организации имеет ряд значительных преимуществ в отношении эффективности и, вследствие данных преимуществ, сетевые формы преобладают.

С точки зрения структуры, разделение всех организаций на три группы (рынки, иерархии и сетевые формы организации) не имеет смысла. Рынки и иерархии могут быть представлены при помощи базисных аналитических конструкций сетевого анализа: узлов и связей. В результате, с точки зрения структуры, любая форма организации является сетью.

Однако, рассматриваемая как форма управления, сетевая форма может быть четко охарактеризована. *Сетевая форма организации – совокупность акторов, которые вступают в продолжительные, повторяющиеся рыночные связи и не имеют формальной властной структуры для разрешения возникающих споров.* На рынке отношения не продолжительные, а эпизодические; в иерархиях же суще-

ствуют формальные полномочия для разрешения споров.

Таким образом, бизнес-группа является одной из разновидностей сетей производства. От других форм (региональные сети - индустриальные районы, сети сотрудничества в области научно-исследовательской работы, стратегические альянсы) бизнес-группы отличаются более четкие границы. Даже если её члены сохраняют самостоятельность, сама она рассматривается как единое сообщество. Бизнес-группы сочетают относительно равноправные горизонтальные межорганизационные связи и более иерархические вертикальные отношения.

Фундаментальной основой межфирменного сотрудничества в рамках бизнес-группы является доверие, существующее между её участниками - мощная универсальная сила, влияющая практически на все, что происходит внутри конкретных организаций и в отношениях между организациями.

В своем анализе связей между членами японских кейрецу, Рональд Дор указывает на то, что он назвал "spirit of goodwill". Центральным элементом его является обязательство использовать «голос», а не «выход» для разрешения споров. Это означает, что, в случае возникновения недоразумений между членами группы, участники предпочитают *разговаривать* друг с другом, вместо того, чтобы искать себе других бизнес-партнеров.

Необходимо отметить, что проблема возникновения доверия является одним из наиболее сложных вопросов социальных наук. Существование доверия отчасти объясняется социальными нормами, уровень доверия - культурными особенностями конкретной страны, но каким образом доверие возникает - это остается предметом дискуссии.

Как бы то ни было, общепризнанным является факт, что бизнес-группы обладают рядом особенностей, которые делают их более конкурентоспособными, чем иерархии. Условно можно выделить три основных подхода:

1. Бизнес-группы обладают большей гибкостью, за счет которой они лучше приспосабливаются к новой логике мирового производства - гибкой специализации.

Эта точка зрения объясняет эффективность бизнес-групп на глобальном уровне. Она основывается на идеях Майкла Пиоре и Чарльза Сейбея, согласно которым новая логика производства - гибкая специализация - возникла как альтернатива массовому производству. По их мнению, массовое производство (основанное на вертикальной интеграции, использовании преимущественно машинного оборудования, правилах работы, предполагающих жесткую иерархию, и детальном разделении труда) достигло своей критической точки. Рынки стандартных товаров уже насыщены, в то время как потребителей привлекают товары более высокого качества и более узкоспециализированные. И в этой подвижной среде появились гибкие производители, умеющие быстро реагировать на изменение рыночных условий. Для того чтобы соответствовать требованиям постоянно меняющего-

ся рынка, фирмы прибегают к новым способам организации, предполагающим распределение производства по диверсифицированным межфирменным связям с поставщиками, субподрядчиками и конечными потребителями. За счет устойчивых связей между участниками, бизнес-группы лучше координируют свою деятельность, приспосабливаясь к непредсказуемым изменениям среды. Кроме того, за счет того, что границы бизнес-группы определены менее четко, чем границы иерархии, бизнес-группам легче модифицировать свою структуру в ответ на изменения среды.

Важно подчеркнуть, что далеко не все национальные формы бизнес-групп отличаются гибкостью, которая считается присущей сетевым формам производства. В частности, корейские чеболи отличаются не меньшей инертностью и неповоротливостью, чем крупнейшие западные корпорации. В то же время именно организационная и функциональная гибкость стала важнейшей причиной успеха тайваньских *guanxi*.

2. Причиной эффективности бизнес-группы является значительная экономия на транзакционных издержках, благодаря доверию, существующему между членами группы.

Данная точка зрения объясняет конкурентоспособность бизнес-групп на микроуровне. Существующие между членами группы постоянные контакты ведут к снижению затратности информации и контрактного инфорсменты.

«Контракты не нуждаются в дополнительном контроле и принуждении, если сторонам контракта выгодно его соблюдать; иными словами, издержки оценки и контроля не возникают, если выгоды от соблюдения контракта превышают издержки от несоблюдения. Подобная ситуация наиболее вероятна ... когда участники обмена хорошо знают друг друга и вступают в неоднократные отношения обмена» - писал Дуглас Норт. В то же время он отмечал: «Чем больше ресурсов требуется для того, чтобы возникло сотрудничество, меньше выгоды в неоклассическом виде от торговли» [Норт Дуглас. Институты, институциональные изменения и функционирование экономики. - М., 1997. - С. 77].

Многие исследователи признают, что издержки, связанные с сотрудничеством в рамках бизнес-групп, могут быть весьма велики. Так, М. Аоки, рассуждая о моделях горизонтальной координации внутри японской фирмы и поверх ее границ, предполагает, что, по причине необходимости затрачивать большие усилия и большее количество времени на коммуникацию и переговоры, транзакционные издержки, связанные с сотрудничеством, гораздо более высоки, нежели аналогичные издержки в случае иерархической структуры.

По-видимому, соотношение между издержками и выгодами сотрудничества в рамках бизнес-групп варьируется в различных национальных экономиках. В экономиках, где отсутствуют дееспособные институты, издержки сотрудничества в рамках бизнес-группы оказываются на порядок ниже, чем вы-

годы от снижения уровня неопределенности в рамках группы.

3. Бизнес-группы формируют механизмы, служащие заменой отсутствующих в национальной экономике институтов.

Пожалуй, этот подход, объясняющий доминирование бизнес-групп в национальных экономиках развивающихся стран, представляет наибольший интерес при анализе российских интегрированных бизнес-групп. В условиях отсутствия эффективно работающих институтов (в частности, контрактного инфорсмент) бизнес-группы формируют свои собственные механизмы, которые могут в определенной мере заменить отсутствующие институты. Важнейшим из таких механизмов служит исключение оппортунистски настроенного участника из группы.

Для теории сетевых форм организации, как и для других социологических подходов, характерно акцентирование внимания на том факте, что «формы экономической организации развиваются не в социальном вакууме, они коренятся в культурах и институтах». Чем более общество исторически своеобразно, тем более специфичны его организационные формы. Как уже было отмечено, существуют фундаментальные различия в организации и поведении фирм, действующих в рамках англосаксонской экономической культуры, и фирм, действующих в рамках других бизнес-культур. Но и формы экономической организации, возникшие в странах приблизительно одинакового уровня развития и имеющих значительные сходства в культуре и организации общества, может крайне различаться, что в свою очередь приводит к различным траекториям экономического роста.

Бизнес-группы как модели деловой организации созданы взаимодействием культуры, истории и институтов. Существуют два направления в изучении национальных форм бизнес-групп: культуралистский и институционалистский.

Культуралисты (Ф. Фукуяма, Г. Реддинг) рассматривают организацию как «культурный артефакт», в котором проявляются глубинные ценности общества. Одним из лидеров данного направления является Ф. Фукуяма. С точки зрения этого автора, форма экономической организации зависит от наиболее распространенного в данном обществе пути проявления социализированности, который, в свою очередь, зависит от уровня доверия между членами общества.

«Существует три главных пути проявления социализированности: первый основан на семье и родстве, второй – на добровольных ассоциациях внеродственного типа (школах, клубах, профессиональных организациях), третьим путем является государство. Каждому пути соответствует свой тип экономической организации: семейный бизнес, корпорации с профессиональной системой управления и предприятие, находящееся либо во владении государством, либо им финансируемое. История свидетельствует, что первый и третий пути тесно связаны между собой: культуры, в которой

базовой формой социализированности является семья, с большим трудом создают крупные и устойчивые экономические структуры и, следовательно, нуждаются для этого в участии государства» [Фукуяма Ф. Доверие: социальные добродетели и пути к процветанию. – М.: АСТ: Ермак, 2004. – С. 109].

В отличие от культуралистов, которые концентрируются на системе ценностей, институционалисты (В. В. Пауэлл, Пол ДиМаджо) основное внимание уделяют влиянию институциональной среды на организационную структуру. С их точки зрения, организационная структура способна трансформироваться, приспосабливаясь к изменению институтов. Таким образом, если культуралистский подход статичен, то институциональный анализ показывает динамику.

Классическими примерами национальных форм бизнес-групп являются японские *кейрецу*, корейские *чеболи* и китайские *guanxi*. Данные формы бизнес-групп имеют ряд значительных отличий, касающихся величины предприятий, механизма создания бизнес-групп, степени участия государства в экономике и направленности этого участия, но в то же время можно выделить и ряд общих черт:

1. Активное участие государства в экономике. Благожелательная власть (*benevolent authority*) является необходимым условием для формирования бизнес-групп.

2. Наличие культурных особенностей, способствующих образованию бизнес-групп. Такими особенностями могут быть как иерархичность японского общества, так и фамелизм общества китайского. В то же время культуры всех стран, в которых присутствуют бизнес-группы, отличает отторжение радикального индивидуализма, характерного для современных США.

Специфическая российская форма бизнес-группы получила в научной литературе название *интегрированная бизнес-группа (ИБГ)*. Данный термин был введен Я. Ш. Паппэ, С. Б. Авдашевой и В. Е. Дементьевым в работе «Анализ роли интегрированных структур на российских товарных рынках».

ИБГ – это совокупность предприятий (юридических лиц), как правило, из разных отраслей и секторов, которые, в силу сложившихся между ними связей, регулярно выступают в отдельных важных аспектах деятельности как единый экономический субъект. Связи могут быть мягкими или жесткими, формальными или неформальными, прозрачными или непрозрачными для стороннего наблюдателя. Кроме того, существует *центральный элемент* – некоторый центр принятия ключевых решений, обязательных для всех участников группы. В его роли может выступать юридическое лицо или группа физических лиц. Понятие ИБГ охватывает два типа объединений – группы, в основе которых лежит иерархическая координация, и сетевые объединения, не использующие иерархическую координацию.

В зависимости от используемого типа интегрирующего механизма ИБГ могут быть разделены на две группы (по Я. Ш. Паппэ):

1. Имущественные (основаны на имущественных отношениях).

2. Управленческие (основаны на управляющих механизмах).

В имущественных ИБГ центральный элемент (центр принятия ключевых решений, в роли которого может выступать как юридическое лицо, так и группа физических лиц) концентрирует в своих руках объем прав собственности, достаточный для контроля над любым ее участником.

В управленческих ИБГ центральный элемент таким объемом прав собственности не обладает. Позиция центрального элемента задается здесь системой договоров между ними и остальными участниками. Эти договоры могут быть явными или имплицитными и иметь различную степень формализации и открытости для внешнего наблюдения.

Я. Ш. Паппэ выделяет следующие этапы развития российского крупного бизнеса:

- предыстория (1992 – первая половина 1995 гг.);
- становление (вторая половина 1995 – 1997 гг.);
- кризисная и посткризисная динамика (1998 – 1999 гг.);
- подъем (2000 – ... гг.).

Бизнес-группы стали появляться в российской экономике начиная с 1993 г. Субъектами их формирования стали крупные банки и крупные промышленные предприятия. Большинство бизнес-групп было создано крупными банками, которые непосредственно или через дочерние фирмы уже в первой половине 1990-х гг. стали активно скупать акции промышленных предприятий и, опираясь на приобретенный пакет, участвовать в процессе управления ими.

Крупные промышленные предприятия, как правило, начинали процесс формирования бизнес-группы с создания «карманных» трейдеров и банков или установления контроля над уже существующими. Затем достраивалось прочее необходимое финансовое и торговое окружение: страховые и инвестиционные компании, пенсионные фонды и т. д. Крупномасштабное проникновение таких групп в другие отрасли промышленности было достаточно редким явлением, при этом чаще всего покупались предприятия-смежники или конкуренты. Более агрессивная экспансия была характерна только для крупнейших компаний сырьевого сектора.

При формировании управленческих ИБГ использовались в основном два механизма. Первый состоял в постепенном установлении тесных связей между рядом промышленных предприятий и обслуживающих их крупными трейдерами и банками и взятии последними на себя некоторых управленческих функций, но без приобретения контрольных или даже блокирующих пакетов акций. Этот процесс начался и приобрел масштабность еще в первые годы рыночных реформ. Важнейшим стимулом для него было широкое распространение в российской экономике неплатежей и неденежных форм расчета и вытекающей отсюда необходимости вы-

страивания сложных вексельно-зачетно-бартерных схем. Второй механизм получил развитие лишь со второй половины 1990-х гг. и связан с началом применения в российской промышленности механизмов банкротства. Управляющие ИБГ стали формироваться путем введения на предприятиях-должниках процедуры внешнего управления и назначения на должность внешнего управляющего представителей кредиторов.

Важнейшим этапом развития ИБГ стал период со второй половины 1995 г. по 1997 г. В это время происходит становление ИБГ, она закрепляется как основная форма существования российского крупного бизнеса. Началом этого периода можно считать появление идеи залоговых аукционов, реализация которой в конце 1995 – начале 1996 гг. привела к установлению несколькими крупнейшими банками контроля над рядом ведущих предприятий и компаний сырьевого сектора, относившихся в тот момент к числу наиболее эффективных и перспективных. Власть над их финансовыми потоками дала средства для приобретения активов в других отраслях промышленности, и таким образом в 1996 г. стали формироваться диверсифицированные ИБГ, значимые на народнохозяйственном уровне.

В результате, крупный бизнес в России приобретает свои характерные черты:

1. Финансово-промышленная интеграция, т. е. присутствие в составе группы как реального, так и финансового сектора. Для крупных ИБГ характерно стремление к созданию внутри себя «полной торгово-финансовой структуры»: иметь собственный банк, страховую компанию, негосударственный пенсионный фонд и торговый дом.

В реальном секторе ведущие группы также стремятся к диверсификации, формируя трехзвенную структуру: включение в свой состав экспортеров сырья, производителей товаров для внутреннего индивидуального потребителя (пищевая и легкая промышленность, импорт продовольствия, торговля нефтепродуктами, производство строительных материалов), а также предприятия из высокотехнологичных отраслей (ВПК, информатика, связь).

ИБГ не стремятся к концентрации на каких-либо определенных товарных рынках и максимизации доли на них, в результате чаще всего имеют не больше экономической власти на товарных рынках, чем входящие в них крупнейшие предприятия соответствующей специализации.

2. Неразделенность собственности и управления. Одна и та же группа физических лиц является одновременно и топ-менеджерами ИБГ или компании, и прямо или косвенно ее крупнейшими акционерами.

Преобладающей формой собственности становится концентрированная инсайдерская собственность. Фактически права собственности инсайдеров на российских предприятиях были сильны еще в советский период. В этом контексте приватизация для значительной части предприятий обеспечила лишь легализацию и формальное закрепление прав собственности. Дополнительным фактором, способство-

вавшим развитию модели инсайдерской собственности, стали запредельно высокие издержки обеспечения выполнения контрактов между внешними собственниками и менеджерами.

3. Динамичность и ситуативность формальной структуры собственности и управления. Типичной становится структура т. н. «распределенных холдингов». Это ИБГ, в которых контрольные пакеты акций дочерних компаний находились в совместном владении нескольких фирм, аффилированных с материнской компанией. При этом связи между материнской компанией и аффилированными с ней владельцами дочерней компании очень сложно определить. Даже при устойчивом контроле материнской компании над деятельностью дочерней формальные владельцы пакета акций последней могут часто меняться. Стимулом такой ротации формальных владельцев компании служит в том числе стремление материнской компании снизить прозрачность структуры собственности и управления.

ИБГ отличаются большим числом уровней контроля. Если принять управление дочерней компанией со стороны материнской за один уровень контроля, то для российских бизнес-групп характерны структуры с пятым, шестым и даже седьмым уровнем контроля. Нельзя сказать однозначно, насколько уровни акционерных связей соответствуют уровням реального контроля. Не исключен вариант, когда в вертикальной цепочке, например из семи компаний, три встроены исключительно в целях снижения прозрачности организационной структуры и отношений собственности.

4. Бережное отношение к кадрам. Высший менеджмент покупаемого предприятия или компании, если он лояльно воспринимает нового собственника, не смещается, а сдвигается на вторые, но не номинальные роли, и сосуществование с ним длится довольно долго.

Рубежом в развитии российского крупного бизнеса и интегрированных бизнес-групп стал кризис 1998 г. Несмотря на вызванный кризисом крах некоторых ИБГ, главным образом управленческих (МИКОМ, TWC, группа Инкомбанка), роль бизнес-групп в российской экономике не подверглась сколько-нибудь значительным изменениям. ИБГ продемонстрировали значительную устойчивость.

Основным результатом кризиса для ИБГ стал быстрый и окончательный переход лидерства от финансового сектора к реальному. Кроме того, в 2000 – 2001 гг. окончательно закрепились роль отношений собственности как доминирующего механизма интеграции российской экономики. Управленческие услуги, оказываемые внешними для предприятия агентами, перестали быть дефицитными; за них стали платить деньгами, а не долей в капитале или подчинением.

Но в начале 2000-х гг. стали проявляться и другие тенденции развития ИБГ, важнейшей из которых стало повышение удельного веса и значимости компаний по сравнению с другими формами крупного бизнеса

Необходимо отметить, что хотя ИБГ была основной формой существования крупного бизнеса в российской экономике во второй половине 1990-х гг., в этот период присутствовали и другие формы организации. Такими формами являлись компания и крупное независимое предприятие.

Особенностью компании как формы крупного бизнеса является большая производственная и экономическая целостность. Компании строятся либо вокруг некоторой технологической цепочки (вертикально интегрированная компания), либо группы продуктов (горизонтально диверсифицированная компания). Обязательным признаком компании является то, что она включает в себя несколько юридических лиц, причем сопоставимого масштаба и в принципе способных существовать в рыночной экономике самостоятельно. Компания может быть самостоятельной или входить в ИБГ в качестве составной части.

Независимое предприятие – это прежде всего неделимая технологическая и экономическая единица, т. е., во-первых, единая производственная система (относящаяся либо к реальному, либо к финансовому сектору), во-вторых, единый экономический агент. С гражданско-правовой точки зрения, предприятие может выступать в форме либо одного, либо нескольких юридических лиц. В отдельные юридические лица могут выделяться, например, подразделения, занятые снабжением, сбытом, ремонтными, строительными работами и т. д.

Повышение удельного веса и значимости компаний по сравнению с другими формами крупного бизнеса в начале 2000-х гг. происходило в различных формах. Прежде всего, компании активно формировались из независимых предприятий. Инициаторами этого процесса выступали либо промышленные предприятия, скупавшие контрольные пакеты своих конкурентов или технологических партнеров.

В это же время создавать компании из ранее независимых российских предприятий стали иностранные инвесторы. Покупая контрольные пакеты акций нескольких предприятий, объединенных рынком или технологической цепочкой, они интегрировали их либо передавая одному из предприятий функции управления остальными, либо создавая управленческую надстройку в виде отдельного юридического лица. Так появились компании «Балтика», «Сладко», Sun-Interbrew.

Кроме того, процесс формирования отраслевых или вертикально-интегрированных компаний происходил в рамках крупных ИБГ, при осуществлении ими либо вертикальной интеграции, либо горизонтальной диверсификации. Часть объединений, особенно крупнейших, возникших как набор не связанных между собой предприятий, над которыми владельцы исторически смогли получить контроль, со временем под воздействием внешних ограничений (в первую очередь, требований рынка капитала) приобретают очертания, близкие современным компаниям.

Формирование компании происходило и внутри ИБГ из предприятий, которые ранее входили в нее в качестве самостоятельных бизнес-единиц. Новые

приобретения ведущих ИБГ в промышленности сразу же организовывались в форме компаний, например создание «Интеросом» на базе петербургских предприятий энергетического машиностроения компании «Силовые машины»

Таким образом, процесс формирования компаний в рамках ИБГ происходил в двух формах:

- превращение ИБГ в вертикально-интегрированную или горизонтально-диверсифицированную компанию;
- формирование внутри ИБГ нескольких компаний.

Активное формирование компаний в рамках ИБГ было связано с тем, что к данному времени возможности развития ИБГ за счет точечного захвата наиболее эффективных и перспективных предприятий отечественной промышленности были исчерпаны. Возникла потребность в иной логике экспансии: контроле над отраслью, рынком, технологической цепочкой и т. д.

По мере развития в рамках ИБГ компаний, достаточно самостоятельных и имеющих собственную логику развития, принятие большинства экономических решений перемещается на уровень менеджмента компании. За центральным элементом остаются лишь функции управления капиталом: организация крупномасштабного проектного финансирования, поиск внешних инвесторов, стратегические альянсы, межотраслевое перемещение ресурсов, продажа старых бизнесов и покупка новых. Таким образом, российские ИБГ превращаются в *локальные рынки капитала*. Чтобы успешно выполнять соответствующие функции и получать соответствующие доходы и права нужны внешние условия: формализация и защита прав собственности и контрактов, прозрачность, механизмы информсента. Следовательно, то, что было незначительно и даже вредно для ИБГ в 1990-е гг., становится жизненно необходимым.

Здесь можно отметить, что подобные функции перераспределения (межсекторного, межотраслевого, внутриотраслевого и т. д.) капитала являются важнейшими как для японских кейрецу, так и для южнокорейских чеболей.

Кроме того, с развитием компаний в российской экономике происходит не только рост экономической концентрации, но и возникают тенденции к монополизации. При включении в компанию нового предприятия, как правило, главной является доля рынка, которую оно контролирует, и зачастую сугубо второстепенной – экономическая эффективность.

Таким образом, происходит переход от ИБГ 1990-х, которые характеризуются финансово-промышленной интеграцией, неразделенностью собственности и управления, непрозрачностью к бизнес-группам нового типа, для которых характерно:

- отход от финансово-промышленной интеграции к лидерству реального сектора;
- закрепление роли отношений собственности как доминирующего механизма интеграции;

– формирование в рамках ИБГ отраслевых компаний;

– повышение роли внешних условий: формализации и защиты прав собственности и контрактов, прозрачности, механизмов информсента.

Возникнув в период приватизации как конгломераты не связанных какой-либо технологической логикой предприятий, с непрозрачной системой собственности и управления, в настоящее время ИБГ находятся в процессе трансформации в локальные рынки капитала, подобные японской *кейрецу*.

Литература

1. Castells, Manuel. Informationalism, Network, and the Network Society: a Theoretical Blueprint // Эл. ресурс. – Режим доступа: <http://www.johnkeane.net/pdffdocs/teachingsources/cst/Informationalism.pdf>.
2. Chi-Nien Chung. Institutional Transition and Cultural Inheritance. Network Ownership and Corporate Control of Business Groups in Taiwan, 1970s – 1990s. // Эл. ресурс. – Режим доступа: <http://iss.sagepub.com/cgi/reprint/19/1/25>.
3. Christa, Hainz. Business Groups in Emerging Markets – Financial Control and Sequential Investment // Эл. ресурс. – Режим доступа: <http://www.gesy.uni-mannheim.de/dipa/124.pdf>.
4. Chung Chi-Nien. Managerial structure of business groups in Taiwan: the inner circle system and its social organization // Эл. ресурс. – Режим доступа: <http://www.blackwellsynergy.com/doi/pdf/10.1111/j.17461049.2003.tb00929.x?cookieSet=1>.
5. Hamilton Gary G., Feenstra Robert, Wongi Choe, Chung Ku Kim, Eun Mie Lim. Neither States nor Markets. The Role of Economic Organization in Asian Development // Эл. ресурс. – Режим доступа: <http://iss.sagepub.com/cgi/reprint/15/2/288>.
6. Lincoln James R. and Gerlach Michael L.. Japan's Network Economy: Structure, Persistence, and Change // Эл. ресурс. – Режим доступа: <http://www.cambridge.org/0521453046>.
7. Podolny Joel M., Page Karen L. Network form of organization // Эл. ресурс. – Режим доступа: <http://www.identities.h15.ru/readings/podolny.htm>.
8. Phil-Sang Lee. Economic Crisis and Chaebol Reform in Korea // Эл. ресурс. – Режим доступа: <http://www.columbia.edu/cu/business/apec/publications/PSLee.PDF>.
9. Swanson Tim. Asian Tiger or Asian Kitten? // Эл. ресурс. – Режим доступа: <http://www.mises.org/story/2661>.
10. Авдашева, С. Б. Бизнес-группы как форма реструктуризации предприятий: движение вперед или шаг назад? / С. Б. Авдашева // Российский журнал менеджмента. – 2005. – Т. 3. – № 1.
11. Авдашева, С. Б. Российские холдинги: новые эмпирические свидетельства / С. Б. Авдашева // Вопросы экономики. – 2007. – № 1.
12. Авдашева, С. Б. Холдинги с участием государственных и смешанных компаний: оценка российской практики в контексте мирового опыта. Препринт WP1/2003/04 / С. Б. Авдашева. – М.: ГУ ВШЭ, 2003. – 36 с.

13. Долгопятова, Т. Концентрация акционерной собственности и развитие российских компаний: (эмпирические свидетельства) / Т. Долгопятова // Вопросы экономики. – 2007. – № 1.

14. Кастельс, М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура [пер. с англ.] М. Кастельс / под науч. ред. О. И. Шкаратана. – М.: ГУ ВШЭ, 2000.

15. Крупные новые компании («бизнес-группы») в российской переходной экономике: состояние проблемы в экономической литературе: препринт WP1/2005/09 / С. Б. Авдашева, В. В. Голикова, Т. Г. Долгопятова, А. А. Яковлев – М.: ГУ ВШЭ, 2005.

16. Норт, Дуглас. Институты, институциональные изменения и функционирование экономики / Дуглас Норм. – М., 1997.

17. Пауэлл У. Сети и хозяйственная жизнь / У. Пауэлл, Л. Смит-Дор // Эл. ресурс. – Режим доступа: <http://www.ecsocman.edu.ru/db/msg/151000>.

18. Паппэ, Я. Ш. Олигархи: экономическая хроника, 1992-2000 / Я. Ш. Паппэ – М.: ГУ ВШЭ, 2000.

19. Паппэ, Я. Ш. Российский крупный бизнес как экономический феномен: особенности становления и современного этапа развития / Я. Ш. Паппэ // Проблемы прогнозирования. – 2002. – № 1.

20. Фукуяма, Ф. Доверие: социальные добродетели и пути к процветанию / Ф. Фукуяма. – М.: АСТ: Ермак, 2004.

21. Цветков, В. Вертикальная интеграция и ФПГ / В. Цветков // Экономист. – 2002. – № 3.

22. Цветков, В. ФПГ: накопленный опыт и тенденции развития / В. Цветков // Экономист. – 2004. – № 3.

АВТОРЫ ВЫПУСКА

<i>Агафонова Е. Е.</i>	– студентка 4 курса факультета истории и международных отношений КемГУ	7
<i>Агеева А. М.</i>	– студентка курса кафедры французской филологии КемГУ	90
<i>Алтухова Т. В.</i>	– студентка 4 курса факультета филологии и журналистики КемГУ	126
<i>Алукер Н. Л.</i>	– кандидат физико-математических наук, доцент кафедры физической химии КемГУ	211, 214
<i>Алукер Э. Д.</i>	– доктор физико-математических наук, профессор, заведующий кафедрой физической химии КемГУ	219
<i>Андреева Р. Ф.</i>	– кандидат филологических наук, доцент кафедры французской филологии КемГУ	90, 93
<i>Аникеева Е. С.</i>	– студентка 3 курса факультета романо-германской филологии КемГУ	169
<i>Антипов А. Г.</i>	– доктор филологических наук, профессор кафедры стилистики и риторики КемГУ	98
<i>Апарина Н. Ф.</i>	– кандидат экономических наук, доцент межфакультетской кафедры экономической теории КемГУ	235
<i>Арапина С. В.</i>	– кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры новой, новейшей истории и международных отношений КемГУ	12
<i>Артамонов Г. В.</i>	– студент 5 курса химического факультета КемГУ	219
<i>Ащеулова И. В.</i>	– кандидат филологических наук, доцент кафедры журналистики и русской литературы XX века КемГУ	101, 106
<i>Басалаев Ю. М.</i>	– кандидат физико-математических наук, доцент кафедры теоретической физики КемГУ	73
<i>Батурин А. П.</i>	– кандидат исторических наук, доцент кафедры истории средних веков КемГУ	15, 16
<i>Башикирева А. Л.</i>	– студентка 5 курса факультета романо-германской филологии КемГУ	110
<i>Бедь М.</i>	– студентка кафедры английской филологии № 2 КемГУ	140
<i>Бервинова Р. Ю.</i>	– студентка 4 курса факультета истории и международных отношений КемГУ	29
<i>Берендеева О.</i>	– студентка кафедры английской филологии № 2 КемГУ	144
<i>Биякова С. В.</i>	– кандидат филологических наук, доцент кафедры теории и практики перевода КемГУ	110
<i>Блинов А. В.</i>	– кандидат исторических наук, доцент кафедры отечественной истории КемГУ	21
<i>Борискина С. Д.</i>	– студентка 5 курса кафедры факультета романо-германской филологии КемГУ	130
<i>Бугаец А. А.</i>	– старший преподаватель кафедры журналистики и русской литературы XX века КемГУ	112
<i>Бурганова В. Н.</i>	– кандидат исторических наук, доцент кафедры истории средних веков КемГУ	24, 26
<i>Васютин С. А.</i>	– кандидат исторических наук, доцент, заведующий кафедрой истории средних веков КемГУ	29, 32, 35
<i>Винникова Е. А.</i>	– магистрант химического факультета КемГУ	214
<i>Волков А. Н.</i>	– преподаватель кафедры зимних видов спорта, единоборств и плавания факультета физической культуры и спорта КемГУ	82
<i>Голев Н. Д.</i>	– доктор филологических наук, профессор кафедры современного русского языка КемГУ	117

Вестник КемГУ		№ 2	2008	Авторы выпуска
<i>Голикова О. А.</i>	– студентка 5 курса факультета истории и международных отношений КемГУ			21
<i>Головаш Л. Б.</i>	– аспирант кафедры английской филологии № 1 КемГУ			183
<i>Гончарова К. А.</i>	– студентка 5 курса физического факультета КемГУ			77
<i>Демьянова Е. О.</i>	– студентка 5 курса физического факультета КемГУ			74
<i>Денисова Э. С.</i>	– кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры стилистики и риторики КемГУ			120
<i>Дмитриев Д. М.</i>	– студент 4 курса факультета физической культуры и спорта КемГУ			82
<i>Додонов В. Г.</i>	– кандидат физико-математических наук, старший научный сотрудник ПНИЛ СТТ КемГУ			224
<i>Дрюпина Е. К.</i>	– студентка 4 курса факультета истории и международных отношений КемГУ			24
<i>Дягилева Е. П.</i>	– аспирант кафедры аналитической химии КемГУ			231
<i>Евдокимова А. А.</i>	– студентка 5 курса факультета романо-германской филологии КемГУ			150
<i>Еременко Л. И.</i>	– кандидат филологических наук, доцент кафедры русской литературы и фольклора КемГУ			126
<i>Желудкова Е. Г.</i>	– доцент кафедры французской филологии КемГУ			130
<i>Жуков Р. С.</i>	– кандидат педагогических наук, доцент, заведующий кафедрой теоретических основ физической культуры КемГУ			82
<i>Захаров Ю. Н.</i>	– доктор физико-математических наук, профессор, заведующий кафедрой вычислительной математики КемГУ			57
<i>Звиденцова Н. С.</i>	– кандидат химических наук, доцент кафедры экспериментальной физики КемГУ			77
<i>Землянухина В. А.</i>	– студентка 4 курса факультета филологии и журналистики КемГУ			101
<i>Иванова О. Н.</i>	– студентка 5 курса факультета филологии и журналистики КемГУ			106
<i>Ивлев С. В.</i>	– кандидат политических наук, доцент кафедры политических наук и социологии КемГУ			66
<i>Кабурнеев И. А.</i>	– студент 4 курса факультета истории и международных отношений КемГУ			32
<i>Кагакин Е. И.</i>	– доктор химических наук, профессор кафедры физической химии КемГУ			224
<i>Казанцева И. В.</i>	– студентка 4 курса факультета филологии и журналистики КемГУ			146
<i>Ким Л. Г.</i>	– кандидат филологических наук, доцент			132
<i>Кислицын Д. В.</i>	– студент 4 курса факультета истории и международных отношений КемГУ			238
<i>Кишина Е. В.</i>	– кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка КемГУ			137
<i>Колгаева А. В.</i>	– кандидат филологических наук, доцент кафедры английской филологии № 2 КемГУ			140, 144
<i>Комарова Я. М.</i>	– аспирант кафедры физической химии КемГУ			211
<i>Коровин Е. Н.</i>	– аспирант кафедры математического анализа КемГУ			61
<i>Кос В. В.</i>	– студент 4 курса факультета истории и международных отношений КемГУ			26
<i>Костромина Н. Г.</i>	– кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры новой, новейшей истории и международных отношений КемГУ			7
<i>Кречетов В. Г.</i>	– доктор физико-математических наук, главный научный сотрудник ПНИЛ СТТ КемГУ			219
<i>Кузнецова А. С.</i>	– студентка 4 курса факультета филологии и журналистики КемГУ			132
<i>Кузнецова Т. Ю.</i>	– студентка 5 курса факультета филологии и журналистики КемГУ			180

Вестник КемГУ	№ 2	2008	Авторы выпуска
<i>Кузьмин В. В.</i>	– студент 3 курса факультета истории и международных отношений КемГУ		15
<i>Курбатова М. В.</i>	– доктор экономических наук, профессор, заведующая межфакультетской кафедрой экономической теории КемГУ		238
<i>Кустова, Н.Ф.</i>	– кандидат исторических наук, доцент кафедры Новейшей отечественной истории КемГУ		39, 45
<i>Лаврентьев Н. А.</i>	– студент 5 курса факультета физической культуры и спорта КемГУ		87
<i>Лапсина П. В.</i>	– магистрантка 2-го года обучения химического факультета КемГУ		224
<i>Лебедева Н. Б.</i>	– доктор филологических наук, профессор, заведующая кафедрой теории языка и славяно-русского языкознания КемГУ		146
<i>Маринова Е. Д.</i>	– кандидат филологических наук, доцент кафедры английской филологии № 1 КемГУ		150
<i>Маринова С. А.</i>	– студентка 5 курса физического факультета КемГУ		73
<i>Мельникова И. С.</i>	– студентка 4 курса факультета политических наук и социологии КемГУ		66
<i>Митрофанов А. Ю.</i>	– кандидат физико-математических наук, старший преподаватель кафедры физической химии КемГУ		219
<i>Михайлов Ю. И.</i>	– доктор исторических наук, профессор кафедры истории и теории культуры КемГУ		50
<i>Мкртчян А. М.</i>	– студентка 3 курса факультета истории и международных отношений КемГУ		35
<i>Немцева Е. В.</i>	– учащаяся 10 класса МГОУ «Губернаторский многопрофильный лицей-интернат» г. Кемерово		120
<i>Нуреева К. А.</i>	– студентка 2 курса факультета филологии и журналистики КемГУ		206
<i>Обелюнас Н. В.</i>	– студент 5 курса факультета филологии и журналистики КемГУ		112
<i>Озерова А. В.</i>	– студентка 2 курса факультета филологии и журналистики КемГУ		202
<i>Омеличкина Е. О.</i>	– студентка 5 курса факультета романо-германской филологии КемГУ		93
<i>Омеличкина С. В.</i>	– кандидат филологических наук, доцент кафедры английской филологии № 2 КемГУ		153
<i>Отрубейникова И. С.</i>	– студентка 4 курса факультета филологии и журналистики КемГУ		117
<i>Палачёва В. В.</i>	– кандидат филологических наук, доцент кафедры русской литературы и фольклора КемГУ		159, 164
<i>Паппекин А. С.</i>	– кандидат физико-математических наук, научный сотрудник ПНИЛ СТТ КемГУ		219
<i>Подлегаева Л. Н.</i>	– аспирант кафедры экспериментальной физики КемГУ		77
<i>Полищук Н. Д.</i>	– студентка 3 курса факультета истории и международных отношений КемГУ		16
<i>Полторацкая Е. В.</i>	– студентка 5 курса математического факультета КемГУ		57
<i>Прохорова Л. П.</i>	– кандидат филологических наук, доцент кафедры английской филологии № 2 КемГУ		169
<i>Пфетцер С. А.</i>	– студент 4 курса факультета истории и международных отношений КемГУ		12
<i>Рабенко Т. Г.</i>	– кандидат филологических наук, доцент кафедры общего языкознания и славянских языков КемГУ		174
<i>Рабкина Н. В.</i>	– аспирант, ассистент кафедры английской филологии № 1 КемГУ		196
<i>Раевская Е. А.</i>	– ученица 11 класса МГОУ «Губернаторский многопрофильный лицей-интернат» г. Кемерово		188
<i>Ростова А. Н.</i>	– доктор филологических наук, профессор, заведующая кафедрой русского языка КемГУ		180

Вестник КемГУ		№ 2	2008	Авторы выпуска
<i>Рябова М. Ю.</i>	– доктор филологических наук, профессор кафедры английской филологии № 1 КемГУ			183
<i>Рябоконт Е. С.</i>	– студентка 4 курса факультета истории и международных отношений КемГУ			39
<i>Садовая П. А.</i>	– студентка 2 курса факультета политических наук и социологии КемГУ			70
<i>Садовой А. Н.</i>	– доктор исторических наук, профессор кафедры социологических наук КемГУ			70
<i>Санего А. В.</i>	– кандидат биологических наук, доцент, декан факультета физической культуры и спорта КемГУ			87
<i>Силинин А. В.</i>	– кандидат физико-математических наук, старший преподаватель кафедры теоретической физики КемГУ			79
<i>Смоленцев Н. К.</i>	– доктор физико-математических наук профессор, заведующий кафедрой математического анализа КемГУ			61
<i>Солдатова А. С.</i>	– студентка 5 курса химического факультета КемГУ			231
<i>Спицына В. А.</i>	– студентка 4 курса факультета филологии и журналистики КемГУ			137
<i>Стеванович С. В.</i>	– кандидат филологических наук, доцент кафедры теории языка и славяно-русского языкознания КемГУ			188, 193
<i>Степанова Е. Ю.</i>	– магистрантка 2-го года обучения химического факультета КемГУ			227
<i>Тимофеева М. А.</i>	– студентка 4 курса факультета истории и международных отношений КемГУ			50
<i>Тиунова С. П.</i>	– кандидат филологических наук, доцент кафедры английской филологии № 1 КемГУ			196
<i>Ткаченко Т. Б.</i>	– кандидат химических наук, доцент кафедры органической химии КемГУ			227
<i>Филиппов Р. И.</i>	– студент 5 курса физического факультета КемГУ			79
<i>Фишева А. А.</i>	– студентка 4 курса факультета истории и международных отношений КемГУ			45
<i>Флегентова Т. Н.</i>	– студентка 4 курса факультета филологии и журналистики КемГУ			159
<i>Ходанен Л. А.</i>	– доктор филологических наук, профессор кафедры русской литературы и фольклора КемГУ			202
<i>Черепанова В. А.</i>	– студентка 3 курса социально-психологического факультета КемГУ			235
<i>Черепанова Е. А.</i>	– студентка 4 курса факультета филологии и журналистики КемГУ			174
<i>Чуева Е. Н.</i>	– студентка 3 курса факультета филологии и журналистики КемГУ			193
<i>Шапилова Н. И.</i>	– кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка КемГУ			206
<i>Шелеметева Д. А.</i>	– студентка 5 курса факультета романо-германской филологии КемГУ			153
<i>Шмакова М. Н.</i>	– студентка 4 курса факультета филологии и журналистики КемГУ			164
<i>Шрайбман Г. Н.</i>	– кандидат химических наук, доцент кафедры аналитической химии КемГУ			231
<i>Штифель Е. А.</i>	– студентка 3 курса факультета филологии и журналистики КемГУ			98

Вестник КемГУ	№ 2	2008	Правила оформления статей в «Вестник КемГУ»
---------------	-----	------	--

Правила оформления статей в «Вестник КемГУ»

Для публикации в «Вестнике КемГУ» принимаются статьи на русском языке, в которых отражаются результаты актуальных фундаментальных и прикладных научных исследований, передовых наукоемких технологий, научных и научно-методических работ, посвященных проблемам высшего образования и развитию науки в высшей школе.

Объем статьи не должен превышать 6 страниц (для обзорных статей – до 10 страниц) компьютерного набора формата А4 (210×297 мм).

Использовать редактор Word (версия не ниже 98), шрифт Times New Roman, размер шрифта 10, межстрочный интервал – 1, поля: верхнее, нижнее и правое – 2 см, левое – 2,5 см, красная строка – 0,6 см; без колонтитулов и нумерации страниц; без сносок. Рисунки и подписи к ним располагаются непосредственно в тексте; желательно при размещении таблиц и рисунков не делать разрыва страницы, так как это затрудняет компьютерную верстку сборника.

На первой странице статьи помещают: УДК (в левом углу); название статьи; сведения об авторах: ученое звание, ученая степень, должность; инициалы и фамилия. Сокращения – по ГОСТ 7.12-93. Допускается использование аббревиатур.

Название должно быть набрано прописными буквами. Список литературы помещают после текста и оформляют по ГОСТ 7.1-2003.

Текст статьи (6 или 10 стр.) представляется на русском языке на дискете в виде компьютерного файла, созданного в Word для Windows. Вместе с дискетой желательно представление одного экземпляра распечатки на стандартных листах формата 210×297 мм. Статьи будут объединены в сборник, печать которого будет производиться с оригинала авторов без редактирования.

ОБРАЗЕЦ НАБОРА

УДК 519.6

ДИФРАКЦИЯ ВОЛН В ЗАКРЫТЫХ БУХТАХ *Ю. Н. Захаров, Е. В. Полторацкая*

Текст...